

Шимон Токаржевский
СРЕДИ УМЕРШИХ ДЛЯ ОБЩЕСТВА
*Зарисовки из жизни поляков в Сибири*¹

НА ИРТЫШЕ

ветало...

На светло-сером небосводе, из-за лёгких опаловых облачков, местами проглядывали как бы только что расцветшие бледно-розовые цветы.

Из-под тонких, прозрачных предрассветных покровов мглы начал проглядывать погожий, летний, жаркий день, розовели воды Иртыша, а на бескрайних киргизских степях, что тянулись по ту сторону величественной реки, появились светлые полосы, что предвещало: сейчас покажется солнце. И вскоре оно показалось, щедрое и лучезарное.

Тут же повеял живительный ветер... Какое-то радостное оживление послышалось над Иртышем, над степью, над дальним аулом кочевников, над табуном пасущихся коней и над скалистым берегом, который при солнечном восходе заискрился, словно посыпанный крупными песчинками золота.

По этому берегу, в тот ранний час, ватага каторжников омской крепости отправлялась на работу.

Барабан, подающий заключённым сигнал подъёма, отбивал дробь, задолго до рассвета.

Но никто не жаловался на такую раннюю побудку, потому что жаркие летние ночи в душном воздухе каземат были истинной пыткой, после которой даже самая тяжёлая работа под открытым небом, на свежем воздухе, казалась живительным облегчением.

В тот день нам надлежало в мрачном старом бору начать прожегать гущу, прокладывать дорожки, делать на деревьях зарубки, «зачёсы».

И всё это, чтобы губернатор Западной Сибири Пётр Дмитриевич Горчаков мог здесь легко ориентироваться во время охоты, которые затевал, чтобы развлечь и в знак почтения к чиновникам, приехавшим из Петербурга для проверки.

Даже боги не могут изменить прошлое.

Агафон

С лопатами на плечах, с топорами в руках, мы маршировали бодро и весело.

Веселы были все без исключения.

Даже обычно хмурый и ворчливый дозорный на сей раз не ругался, не поторапливал, не грозил «пулей в лоб» за задержку, не осматривал, крепко ли привинчены кандалы, что делал постоянно, поскольку каторжане работали в лесу, в степи, над Иртышем, либо на отдалённых от Омска полях и на тракте.

Творец живописной природы и благоуханного воздуха на время умягчил дозорного и сделал его весёлым и даже снисходительным.

Он стал до того снисходителен, что велел бить в барабан на отдых уже в половине двенадцатого.

И тогда целая ватага вышла из бора из-под тени древних деревьев и группами разместилась на траве.

Мы, Поляки, сели с краю, стараясь, как обычно, занимать возможно меньше места, ничем не стесняя наших сотоварищей по каторге, чтобы не вызывать их недоброжелательности, но и не привлекать их внимания...

Фёдор Достоевский и Сергей Дуров присоединились к нам.

– Сегодня впервые с тех пор, как прибыл в острог, в первый раз дышу сейчас полной грудью и испытываю приятные впечатления. Такое впечатление, будто я не на каторжных работах, а как свободный человек, на какой-нибудь загородной прогулке, – сказал по-французски писатель Фёдор Достоевский.

Каторжники-преступники ненавидели «политиков»². Поэтому, если случалось, что между собой мы говорили не по-русски, они просто впадали в ярость.

Хотя до сих пор исключительно французские разговоры Фёдора Достоевского раздражали, сейчас мы не обратили на это внимания, может, оттого, что он обратился к нам любезно.

Только арестант Сушилов сплюнул сквозь зубы в нашу сторону и, презрительно оглянув нас, запел во всё горло:

*Пётр через Москву прёт,
А теперь верёвки вьёт.*

Тут же послышались хохотки, вслед насмешливой песенке Сушилова.

Но вдруг общее внимание обратилось к пришедшим из города «калачницам».

Калачницами звались девчата, которые разносили «сайки».

Для многих омских женщин выпечка таких пшеничных булочек составляла неплохой источник заработка, хотя за добрую сайку платили всего полкопейки.

Крепостные заключённые толпами покупали сайки, хрустящие, свежие, и поедали их так же жадно, как вглядывались в румяные лица и ладную статью молоденьких продавщиц.

Они тоже приязненно и охотно «зыркали» на ловеласов с наполовину обритыми головами, с выжженными на лбу и на щеках клеймами, с кандалами на ногах.

Где бы ни работали каторжане, за забором острога, в предместье или на окраинах города, в кирпичных мануфактурах, в сараях и кузнях, или на ремонте тракта после осенней слякоти или весенних паводков, в любое время года, – в полуденный час отдыха всегда появлялись эти девчата с корзинами булочек, и их встречали бурными проявлениями радости и шутивными колкостями.

Подойдя к булочницам, каторжане весело загалдели:

– Ксекунда! Марьяшка! Хаврошка! Мы уже давно мечтали погрызть ваши сайки. Почему сегодня так поздно? Где валандались?

– Помогали матушкам высаживать сайки из печи, – отвечали девчата.

– Так-с?! Бендерская хвороба на вас, какая это правда!

– Глянь-ка! Он ещё и проклинает! – с притворным возмущением парировали калачницы, а Ксекунда важно заявила:

– Я вам скажу чистую правду. Правда, чистая как золото: со вчерашней полночи до сегодняшнего полудня, мы всё время танцевали...

– В кабаке, под рыжим псом, – прервал Сушилов, – у паршивого Элиашки...

– А не правда! А врешь! – вроде бы обиделась Ксекунда, – не в кабаке и не у Элиашки, а у самого генерала, мы здорово позабылись с офицерами.

– Пусть у генерала, – сказал Сушилов, – генерал большой человек! Но генерал генералу рознь! И вот что скажу вам, миленькие девчата, вы у какого-нибудь бандитского генерала баловались...

Эта шутка вызвала взрыв хохота и возмущение калачниц, так закончилась оживлённая перепалка.

Сушилов ещё и пригрозил девчатам:

– И смотрите, соломенные коровы, чтобы не скалили зубы в сторону политиков!

– А мы вот как раз и собираемся! «Приказ» твой, а воля наша! – хохотали девчонки, ошарашенные беседой с кавалерами, но и тем, что в их кожаные кошелёчки так и сыпались грошики за булочки, которые вместе с водой из источника, что сочился с ближайшей скалы, составляли основную часть нашего обеда.

С пустыми корзинами на головах, булочницы уже собрались уходить, дозорный уже должен был отдать приказ, чтобы мы вернулись в лес к начатым работам, когда пред нами предстало пречудное видение... Посреди Иртыша плыла ладья, украшенная зелёными гирляндами, в которых местами проглядывали разноцветные цветы.

Величественная, роскошная, в виде огромного лебедя, с пурпуровыми парусами и флагом с надписью «Mon plaisir»³...

За ней, как бы сопровождающая, плыла целая флотилия меньших лодок, выкрашенных в белый цвет, тоже роскошных, и с разноцветными парусами. Там сидели женщины в светлых платьях и шляпках, были и военные высших чинов, в парадных мундирах, квартирующего тогда в Омске полка «красноярцев».

Течение реки легко уносило эти красивые, изящные силуэты.

Гребцы шевелили вёслами только изредка и как бы скуки ради, и вскоре полковой оркестр в сопровождающей флотилии заиграл *fortissimo*⁴.

Смех и пересуды среди каторжников прекратились внезапно.

На ладьях тоже, вероятно, говорили очень негромко, потому звуки оркестра вместе с лёгким плеском волн Иртыша звучал среди окружающей тишины слаженно, мелодично и впечатляюще.

– *Freischütz!*⁵ – вскричал Сергей Дуров. – Ах! На этой опере мы были вместе в Петербурге. Помните, Фёдор Михайлович? – спросил он Достоевского.

Тот печально улыбнулся и ответил:

– Помню...

И оба умолкли...

А между тем, флотилия уже доплыла до нас. Каторжники обнажили головы и стали во фронт, лицом к реке, напряжённые, как струны...

Конвойные солдаты отдали честь. В первой из изящных лодок, той, что с пунцовыми парусами, среди военных и штатских чиновников из Петербурга и омской знати, сидевших на скамьях, покрытых коврами, первое место занимала генеральша Шрамм⁶.

Справа от неё сидел какой-то петербургский чиновник, а слева – губернатор, князь Пётр Горчаков.

И эта флотилия с гирляндами зелени и цветами, с разноцветными парусами, с музыкой, – эта флотилия, полная свободных, статных, уверенных в своей безопасности людей, посреди величественной реки, плыла перед нашими глазами, как фантастическое явление, колдовское видение, или сон, приснившийся наяву, в этот солнечный июльский полдень.

Флотилия медленно исчезала из вида...

Истинно мимолётное видение... медленно удалялось... удалялось..., пока не исчезло за выступом скалы, что остро врезалась в Иртыш.

Мелодия из «Вольного стрелка» тоже стихала в благоухающем золотистом мареве... пока совсем не утихла, и только шёпот ветра слышался над старыми деревьями...

Мы вернулись в лес, к прерванным перед полднем работам.

Но прекрасное видение, что мелькнуло перед ватагой этих людей, которых мучили голод, нужда, неволя, унижения, – это прекрасное видение всколыхнуло в них желчность, зависть и ненависть к тем счастливым избранникам судьбы, которых они видели мгновением ранее.

– Слякоть, нелюди, подлые кобылки⁷, имеют тысячные состояния, челядью обросли по горло, как генералы, валяются на мягких перинах... Каждый день напиваются, как короли... *Сволочь*, а не люди! – сказал Скуратов, хромой безобразный карлик, похожий на гнома.

Вздыхнул, отхаркался, сплюнул сквозь зубы и, поворотившись к нам, Полякам, издевательски смеясь, спросил:

– Ну-с? Как вам? Ничего себе, а?... Господа *шляхта*?
И, хотя дозорный, прапорщик Иван Матвеевич, методично одёргивал:

– Мелите языками, как мельничные жернова! Кому говорю, молчать!

Напрасны были понукания.

Напрасны были и угрозы кнутом. Работа шла медленно, вяло, лениво...

Сегодня метка деревьев утруждала нас и раздражала, хотя это была одна из самых лёгких работ.

Часы тянулись нестерпимо долго!...

А бор, тем временем, всё более мрачнел, в нём стало душно...

Верхушки деревьев сотрясали зловещие порывы ветра...

Из толпы прокладывающих дорожки послышался громкий голос, доносившийся сквозь удары топоров и скрипа лопат, голос злобного карлика Скуратова:

– Эй! *Господин надзиратель!* Уже день погас как свечка Тобиашки паршивого, а вы ещё держите на работе нас, *молодцов!*

– Да уж, такие вы *молодцы!* – раздражённо проворчал дозорный Иван Матвеевич.

– Мы не молодцы, согласен, но прапорщик тоже не офицер! – огрызнулся злобный Скуратов, намекая на слабость Ивана Матвеевича, который, будучи всего лишь прапорщиком, требовал, чтобы ему отдавали *честь*, как полагалось военным высшим чинам.

Скуратов, осуждённый на двадцать лет каторги за убийство двух своих родственников, иногда бывал довольно остроумен.

Проворный, находчивый, не лишённый юмора, он в омском остроге был как бы местным шутком. Ему удавалось развеселить даже самых понурых. Каждую его реплику сотоварищи встречали громкими неудержимыми взрывами хохота.

Он очень этим гордился, остроумие приносило ему немало пользы.

*Кашевары*⁸ подсовывали ему самые лакомые куски, сотоварищи по каторге делились с ним водкой и табаком, помогали на работе, часто даже отработывали за него задания, которые карлику было не под силу выполнить самому...

Когда мы вышли из бора, солнце уже клонилось к закату, зажигая на водах Иртыша фиолетовые кровавые отблески.

От киргизских степей шёл парной, душный воздух...

Когда мы приблизились к городу, сорвался ветер.

Откуда-то издалека надвинулась туча.

Закрыла собой пламенеющий закат, затемняя его яркие краски.

Вскоре появилась ещё одна, ещё больше и гуще... Всё вокруг стало хмурым и потемнело...

Лёгкие дуновения ветра превратились в грозный вихрь...

Вдоль дороги, ведущей в Омск, стояли ряды деревянных строений, *балаганы*⁹, служившие складами для кирпича и упряжи артиллерийских коней, сараями для толчения и обжига алебастра и кирпича.

Сейчас все они были давно закрыты. Только в огромной кирпичной кухне солдаты ещё работали.

Вокруг раздавались удары молота, брэнчание железных рельс, разложенных на каменном полу.

Из трубы валили снопы искр. Облака чёрного дыма плыли ввысь и там сливались с хмурым, почти чёрным небосводом.

Перед кузней встали несколько возов, гружёных железом.

Когда мы проходили мимо, офицер, сопровождавший эти возы, задержал партию окриком.

– Стать!

Мы остановились, ожидая дальнейших распоряжений.

Оказалось, что требуется наша помощь при разгрузке и переноске железа в кузню, к чему мы приступили сразу же, хотя весьма неохотно, потому что не имели права ни отказать, ни даже протестовать.

Начал моросить густой мелкий дождик.

Наступило предвечернее время...

Золотисто-пурпурная полоса догорающей вечерней зари ещё светилась на западе, но со всех сторон небосклон был так тёмным, что казалось, будто ночные тени уже витают над землёй.

– Само небо сжалось над нами и плачет о нашей тяжкой доле! – сказал Сергей Дуров¹⁰, который любил прибегать к риторическим и патетичным, возвышенным выражениям, постоянно сохраняя облик мученика за правое дело, сетуя на мстительную руку судьбы, так обидевшей его.

А дождь превратился в сплошной ливень, перемежающийся с градом небывалой величины.

Мы промокли до нитки. И очень были благодарны офицеру, когда тот, посоветовавшись с Иваном Матвеевичем, решил позволить нам прекратить работу и укрыться в кузне.

Мы вошли.

Около огромных кувалд и мехов трудились обнажённые до пояса солдаты.

От огня шёл жар, как в гроте у Циклопа, или в аду. Дружно, в унисон падали удары молотов, солдаты хором пели какую-то заунывную песню.

И вдруг... грянул выстрел... один... второй... третий...

Потом несколько pistolетных выстрелов послышались одновременно.

Офицер и дозорный, Иван Матвеевич, бросились к дверям, чтобы узнать, что произошло... Вскоре непрерывные выстрелы слышались чередой друг за другом, солдаты оставили меха, кувалды, молоты, а за ними и все, не соблюдая субординации, высыпали из кузни во двор.

При последних отблесках закатной зари мы увидели страшную картину.

Воды Иртыша вздымались... поднимались... росли... Пару часов назад Иртыш струился так тихо и спокойно... Сейчас он рычал как легендарный зверь, изрыгая из своей развернутой пасти настоящие фонтаны мутных волн и серо-белесой пены.

Ветер, свирепо свистя, уносил ввысь бурные волны; он свивал их в столбы и будто в каком-то адском танце вертел изящные ладьи, которые в погожий солнечный полдень под голубым балдахинном небосвода, с музыкой проплыли перед нашими глазами.

На обратном пути в Омск их накрыла гроза.

Ураган посрывал с мачт цветочные гирлянды, в лохмотья превратил цветные паруса, поломал мачты, вырвал вёсла из рук усатых гребцов...

Лодки пытались пристать к берегу...

Тщетно...

Вихрь отталкивал их от берегов, отталкивал на средину реки...

Они сталкивались и, толкая друг друга, наносили друг другу всё новые повреждения.

Казалось, что две мощные стихии, ураган и вода, сговорились между собой и поклялись истрепать, уничтожить и погрузить вглубь Иртыша эту красивую флотилию, и этих людей, таких весёлых и беззаботных несколькими часами ранее.

Увидев освещённое помещение и множество мужчин на дворе, несчастные потерпевшие начали стрелять из pistolетов.

Это был призыв о помощи, просьба спасти...

Но даже при искреннем желании помочь, – уже было поздно, не хватало людей, не хватало тросов, а притом стихия разыгралась – дождь лил ручьями, вихрь ломал придорожные деревья, которые с треском валялись во двор... Неустанно рокотал гром, сверкали молнии и, словно стрелы, вонзались в Иртыш и тонули в бурливых глубинах реки.

Страшная это была буря.

К счастью, продлилась она недолго, как это нередко бывает летней порой...

Когда ураган и молнии немного притихли, офицер велел солдатам отпрягать коней от возов и мчаться верхом в город за людьми, верёвками и повозками. Нас задержали, полагая, что при спасательной акции наша помощь может понадобиться.

.....

Чёрные угрожающие тучи по-над рекой, над степью и над берегами реки поплыли на север и вскоре совсем исчезли за далёким горизонтом.

Иртыш совершенно успокоился...

Только *баранки*, или пенные пятна, плывущие по спокойной сейчас глади воды, говорили о прежнем бесновании реки, а также о последствиях страшной бури.

Притом, положение флотилии оказалось весьма небезопасным. Усилия матросов прибиться, или хотя бы приблизиться к берегу, откуда можно было ожидать помощи, оставались тщетными.

Ветер упорно толкал лодки к середине реки, к самым глубоким местам.

Женщины в лодках жалобно кричали:

– Спасите! Спасите! Господи и Святой Николай Чудотворец, – спасите!

– Сейчас! Сейчас! Успокойтесь! Прошу покорно! – изо всех сил своих юных лёгких кричал молодой офицер, размахивая белым платком, привязанным к длинной жерди, указывая в сторону Омска, чтобы потерпевшие поняли, что из города вскоре должна приспеть помощь.

Более всего пострадала ладья с пурпурным парусом, именно та, в которой сидела генеральша Шрамм с омской знатью и петербургскими гостями.

Флаг с надписью «Mon plaisir» был продырявлен.

Не двигаясь с места, ладья углублялась в реку, она всё больше тяжелела. Магросы что-то мастерили на дне. Очевидно, пытались заткнуть образовавшееся грозное отверстие.

Дамы в промокших платьях встали на скамьи, мужчины шапками выливали набравшуюся воду из лодки и переходили из одного конца в другой, чтобы удержать её в равновесии.

Один за другим с «Mon plaisir'a» выкидывали утяжелявшие лодку предметы: ковры, всякие корзинки, коробки, шали, зонтики, дамские накидки... Всё делалось для того, чтобы облегчить набравшую воду лодку.

Но, несмотря на все усилия, она погружалась всё больше... Казалось, ещё мгновение, и она пойдёт ко дну...

А люди из Омска, позванные на помощь, не прибывали... Всё не прибывали.

Другие судёнышки, входившие в состав флотилии, несколько приближались к причалу. Только ладье с пурпурными парусами грозила неминуемая и быстрая гибель...

И тут на лодке «Mon plaisir» поднялся какой-то солдат, до тех пор занятый работой вместе со всеми.

Видимо, его подозвал генерал. Солдат приблизился и салютовал.

Генерал дал ему какой-то короткий приказ.

Солдат вновь отсалютовал.

Затем снял одежду, обнажив свою богатырскую постань, снял фуражку и бросил на дно лодки, глянул в опять распогодившееся голубое, чуть порозовевшее небо, трёхкратно перекрестился, широко расправил плечи и кинулся в реку, крикнув:

– Господи, помилуй!

«Mon plaisir» сильно заколыхалась, а потом сразу же чуть приподнялась...

* * *

Вся флотилия прогулочных лодок с «Mon plaisir'ом» счастливо избежала потопления и не разбилась во время бури, а была чудодейственно спасена.

Генерал Горчаков и генеральша Шрамм затеяли ещё более захватывающую охоту, чем было запланировано ранее.

Очевидно, такой праздник должен был компенсировать прибывшим из Петербурга чиновникам неудачную прогулку по Иртышу, испуг и пережитые волнения, когда они попали в бурю, которая разбушевалась именно здесь.

Потому мы вновь отправились на следующий день в бор, прокладывая дорожки, строить из дёрна и мягкого мха скамейки, мастерить из веток шалаша, в которых охотники могли бы отдохнуть, и беседки, где будут расставлены роскошные угощения.

На третий день после бури, когда, после работы в лесу, мы по берегу Иртыша возвращались в острог, конвойные предшествующей партии каторжан подбежали с криком:

– Андроник Оноприенко!

В их голосе звучала жалость, горечь и испуг...

Они многократно клялись, повторяя беспрестанно слова какой-то молитвы, что дорогу им загородило какое-то ведьмовское видение.

Вся ватага каторжников остановилась.

– Ну-с! Чего стали? Чего подняли такой гвалт? – допытывался дозорный.

В ответ один из конвойных опустил руку, указал на землю и дрожащим голосом опять закричал:

– Андроник Оноприенко!

На влажном песке лежал труп...

Синий, распухший, с открытыми глазами лежал труп того солдата, который тремя днями ранее кинулся в Иртыш с ладьи «Mon plaisir»...

Попал в самую глубину и утонул...

Никто о нём не беспокоился.

Никто не искал его следов.

И всё же бурливая и убийственная стихия на сей раз оказалась милосердной: вода вернула земле тело, чтобы оно упокоилось в освящённом месте.

– Ну-с, и чего стоите, как болваны? Чтоб вам сгореть от водки! – злился прапорщик. – Андроник Оноприенко утопился, велика беда! Зачем из лодки выскочил, *дурачище*.

Скуратов выступил из ряда вперёд и, сдвинув шапку на затылок, сказал:

– Он, бедолага, Иван Матвеевич, прыгнул в реку, потому что от своего генерала получил такой *приказ*.

Сообщение Скуратова вызвало общее смятение. Некоторые кивали головой в недоумении, а прапорщик пнул карлика:

– Врёшь, зараза сибирская!

Хромой настаивал на своём:

– Не вру, Иван Матвеевич, *честное слово*, не вру. Инвалид и Гришка, и другие матросы говорили про это вчера, когда мы помогали грузить на возы попорченные лодки. Андроник Оноприенко здоровенный был, как вол, а большой и сильный, как медведь, да и тяжёлый на диво... А лодка с губернатором и генералами была дырявая... Так, чтобы облегчить лодку, генерал велел Оноприенко выпрыгнуть. Гришка и Инвалид, и все матросы слышали, как *Его Превосходительство* сказал: «ничего с ним не станется, выкупается, а то, наверняка, грязный весь, доплывёт до берега, глотнёт горилки и получит полрубля!». *Верно*, так генерал и думал... Только бедолага Андроник не доплыл и горилки так и не выпил, и полрубля не получил. Ну-с, и жизни лишился...

Во время рассказа Скуратова меня охватило состояние, будто морозный ветер повеял с севера и заледенил мне кровь.

.....

Дорога до острога, где находились казематы каторжан, проходила около летнего обоза полка, в котором состоял Андроник Оноприенко. Среди палаток ходили солдатики, а, закончив свои дневные занятия, пели хором:

*Нам прикажут – мы идём,
Нам прикажут – мы стоим,
Нам прикажут – мы лежим
И, до приказа, в гробе стим!*

Мы, Поляки: профессор Жоховский, Мирецкий, Юзек Богуславский и я, шли тесной группкой. Только стихла эта песня, проникнутая безграничной безнадежностью, подбежал к нам Фёдор Достоевский:

– Слышали, господа!... Слышали эту песню? Молодцы! Молодцы краснорядцы! Ах, с такой дисциплинированной армией, с такой армией можно совершать чудеса... Можно одерживать такие победы и... Александра Македонского превзойти... Можно завоевать Цареград... Победоносные российские знамёна будут реять над Босфором и Геллеспонтом... Можно захватить и покорить весь мир!...

Он говорил возбуждённо, с сияющим лицом и пламенным взором...

Выглядел он горделиво...

Расправил плечи, как будто тоже... тоже видел перед собой воплощение лучезарной мечты...

Тем временем мы уже подошли к частоколу, окружающему крепость.

Конвойный потянул за колокол, подвешенный у ворот.

Заскрипели двустворчатые ворота. Партия каторжников вступила на территорию острога...

Ефрейтор принялся считать вернувшихся с работы:

– Первый!... Второй!... Третий!... Четвёртый! – выкрикивал, дотрагиваясь длинной тростью до плеча каждого из нас.

Закончив, отправился в своё жилище в доме при офицерских апартаментах, а каторжники заспешили на обед на кухню.

Нам, Полякам, идущим вместе, загородил дорогу Фёдор Достоевский:

– А то, о чём я говорил вам давеча, господа, должно исполниться... должно, – подчёркнуто повторял с упором, – *Я* вам это говорю, *Я*.

Мы не ответили ни единым словом, и ни единым движением...

АДАМ МИЦКЕВИЧ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ

В пути на каторгу в партию, состоящую из нескольких десятков рецидивистов, включили и трёх политических преступников Поляков¹¹, в сентябре 1849г. нам полагался трёхдневный отдых в Семипалатинске.

Остановили нас в крепости за полверсты от города.

Крепость и город получили название от развалин каких-то семи зданий (*палат*), во время моего пребывания ещё хорошо сохранившихся и свидетельствующих о их прочности и великолепии.

В Семипалатинске в то время пребывало много Поляков, политических преступников, простых солдат, однако с высшим образованием, и экс-каторжников, которые после принудительных работ, уже как поселенцы, получали должности в разных конторах и благодаря учтивости и образованию добивались высоких чинов в чиновничьей иерархии.

Как только по городу пошёл слух, что в этой партии тоже есть Поляки, на следующее утро после нашего прибытия в крепости появились дорогие наши земляки с приветами и новостями.

Из земляков, Юзеф Хиршфельд, экс-солдат, уполномоченный и управляющий всеми делами богача Попова, занимал в Семипалатинске высокое, даже, можно сказать, видное положение. Благодаря своему разуму и покладистому характеру, он пользовался полным доверием своего хозяина и всеобщим уважением.

Притом, ему одному известными способами, умел сообразоваться с взглядами властей, с которыми, по причине разнообразных интересов купца Попова, должен был общаться и поддерживать постоянные и тесные связи.

Поэтому, без особого труда, ему удалось получить у начальника батальона Белихова позволение, чтобы мы, профессор Жоховский, Юзик Богуславский и я, провели целый день в его доме и вместе с ним побывали в городе.

Семипалатинск над Иртышем и Семипалатинка в 1849 году выглядели как настоящий восточный город.

Восточные черты придавали ему девять мечетей, мусульманские школы, удобные караван-сарай, население преимущественно киргизско-казахское, а россияне неохотно вспоминали времена, когда в Семипалатинске обитал и правил хан. Это были не столь уж далёкие времена, а именно 28 годами ранее, в 1818, российская власть упразднила ханство, а Семипалатинскую область отдала во владение и под правление губернатора Западной Сибири.

Вернувшись после осмотра города в дом Хиршфельда, мы застали там уже ожидавших нас товарищей.

Тут оказался интендантский урядник Орлинский, каторжанин с 1825, был солдат Ян Май, мобилизованный в русскую армию из Варшавской Духовной Академии, был солдат Рокицкий и поселенец Зелинский, урядник таможенного управления.

Был также россиянин, капитан Тарасов, который свою военную карьеру начал в Королевстве Польском, о котором сохранил самые радужные воспоминания.

Было ещё несколько россиян, очень симпатизирующих Полякам, ещё много земляков-поселенцев, имена которых в течение долгих лет мы позабыли.

Вся компания была отлично подобрана.

Нам троим на каждом шагу давали почувствовать и убедиться, что мы – главные лица в этом собрании, самые дорогие гости, долгожданные товарищи.

В этой атмосфере истинно братской сердечности – в такой атмосфере, от которой мы за время этапов и в тюрьмах отвыкли, легче было вспомнить о тяжкой и неумолимой доле, которая уже нас обрушилась, и которая, кто бы знал?... могла стать нашим уделом на всю жизнь.

Мы собрались в большой квадратной светлой комнате с восемью окнами, выходящими на просторную площадку, буйно заросшую уже желтеющей травой.

Обстановка в комнате была небогатая.

Юзеф Хиршфельд за свою работу получал от купца Попова вознаграждение, если считать по тому времени, высокое, и распоряжался большими материальными средствами, а притом свои личные потребности свёл до минимума, считая, что изгнаннику излишества не подобают, и что они даже греховны, в такое время, когда

тысячи братьев-земляков терпят тяжкую нужду в этом северном крае, столь отдалённом от их Отчизны.

Но, тем не менее, в комнате Юзефа Хиршфельда было нечто, что притягивало взоры Поляков и радовало их сердца.

Это несколько десятков старых и даже довольно потрёпанных сборников стихов.

Одетые в скромные, чёрные, будто бы траурные рамки, висели также портреты двух последних представителей рода Ягеллонов, Стефана Батория, покидающего Вену, Костюшки, Казимира Пулавского, князя Юзефа и Наполеона.

Никто не беспокоил Юзефа Хиршфельда из-за этих портретов, поскольку, кроме Наполеона, это были лица неизвестные в этом уголке мира, и только для Польских изгнанников неописуемым счастьем было видеть эти обожаемые лики!...

Беседа в этом избранном кружке текла живо и свободно.

Её стержнем и непрерывным сюжетом оказались рассказы об ураганах, которые нас вырвали из Отчизны и пригнали аж в эту страну изгнания, рассказы о наших личных невзгодах, о судьбах других братьев, с которыми некогда связывали нас узелки общих целей и совместной деятельности: о судьбах тех, с кем мы встречались в тюрьмах, на этапах, в походах.

Поистине, – тема, богатая событиями и неисчерпаема!...

Во время наших разговоров в избе появился какой-то юнец.

Он быстро осмотрелся, нашёл взглядом хозяина, и отозвал его на минуту.

Оба вышли. Вскоре Хиршфельд вернулся смущённый.

– Что за несчастливый случай! – обратился он к профессору Жоховскому. – Как раз, когда у меня такие дорогие сердцу гости, как вы, съезжаются отовсюду купцы, с которыми ведёт торговлю мой хозяин. Вам, дорогие мои, могу сказать, что наши торговые связи простираются в далёкие края, в Бухару, на Кавказ, в Китай. И представьте – не раньше – не позже – из разных стран прибыли сегодня грузы! Ковры, шелка, табак, кони. Будто, как назло, все эти купцы назначили себе сегодня *рандеву* в Семипалатинске! Так что я должен идти в контору, чтобы самые важные и ответственные дела снять с плеч, остальные отложу до утра. Постараюсь вернуться к вам возможно скорее.

– Иди, брат, одно слово, *служба не дружба*, – ответил профессор Жоховский.

Подошёл к нам капитан Тарасов.

– Похоже, подвезли коней, заказанных губернатором, князем Горчаковым. Значит, их надо будет отвести в конюшню. Может быть, господа хотели бы на них посмотреть? Тогда станьте к окну. Уверен, что их стоит внимательно оглядеть.

– Конечно же, охотно полюбуемся. Каждый польский шляхтич – прирождённый любитель лошадей.

– Ну, вы только посмотрите, господа! – воскликнул Тарасов, когда мы встали рядом с ним около открытого окна. – Правда же, великолепные аргамаки?

– Аргамаки? А что это за порода?

– Туркестанская. Аргамак наилучшая скаковая лошадь в мире! Удивительно послушный, выдержанный, выносливее в деле, чем арабский конь – без шуток – может сотни вёрст проскакать без остановки, будто его изящные сухощавые ножки наделены крыльями, их и подковывают очень редко.

– Прекрасные животные! – восхищался капитан Тарасов, когда перед окнами прошли шесть искусно подобранных коней, златогнедых, с мягкой лоснящейся шерстью, шелковистыми гривами, небольшой головой, маленькими ушками и большими, огневными глазами.

Видно, и темперамент у коней был огневой, несмотря на усталость после долгого похода.

– В Туркестане, – рассказывал Тарасов, – аргамакам к обычному корму подмешивают бараний жир. Который кони едят охотно. Единственный недостаток чудесных скакунов – их высокая цена. Ах, если бы человеку было дано перед смертью хотя бы на один только год обладать таким конём... Какое это было бы счастье!

Во время нашей беседы вернулся Юзеф Хиршфельд с ещё несколькими мужчинами, которые окружающих приветствовали весьма сердечно, как давних добрых и привычных знакомых.

Хиршфельд позвал их к нам и представил по-русски:

– Мои приятели, грузины.

И указал на нас.

– Мои братья, поляки.

Затем назвал имена грузинов и наши.
Молодые люди, с которыми нас познакомил хозяин, были одеты в чёрные суконные кафтаны, присборенные у пояса, опоясанные широкими наборными злато-серебряными ремнями, с которых свисали длинные кривые сабли.

На груди – богатые газыри, за поясом пистолеты и кинжалы с великолепной серебряной инкрустацией на рукоятках.

Большие бирюзовые, оправленные в золото, заколки скрепляли воротники их белых сорочек. Чёрные башлыки из мягкой шерстяной ткани, слегка подвязанные под шейей, спадали им на плечи и на спину, нисколько не портя совершенного облика этих высоких, худощавых юношей, от которых веяло энергией, благородной сдержанностью и, вместе с тем, уверенностью в собственной силе и неустрашимой отваге.

Все они принадлежали к знатым грузинским фамилиям, подавленным и обедневшим после утраты Грузией независимости. Они получили высшее образование в лицее Ришелье в Одессе. И, хорошо зная французский, немецкий и русский языки, выбрали себе торговую карьеру, которая обеспечивала им личную свободу и, что ещё важнее, независимость политических убеждений.

Они много путешествовали и, как агентам богатых купцов, им не раз приходилось из какого-нибудь полудикого азиатского уголка попадать в цивилизованную Европу.

Между нами быстро установились сердечные отношения.

*Polenuli*¹², как нас уверяли юноши, пользовались большой симпатией у грузинов.

Хиршфельд угощал своих гостей по старопольским обычаям. Общая приязнь окутывала атмосферу юмора и весёлых розыгрышей.

Затем Зелинский басом, от которого сотрясались стены комнаты, запел:

*Хватит, братья, в уголке сидеть,
Ничего не слышать,
Ничего не видеть,
Давайте петь!...*

– Конечно, конечно же, споём. Но первый номер концерта уступим грузинам, – сказал Хиршфельд.

И тут же один из юношей вышел.

Но вскоре вернулся к нам.

За ним слуги внесли большой, тяжёлый, окованный ящик из красной кожи.

Из него извлекли духовые музыкальные инструменты, видом похожие на кларнет.

Грузины сели в круг посреди комнаты и все пламенно сыграли кавказскую *лезгинку*.

Музыка эта была шумлива, в быстрейшем *allegro*¹³, порывистая, как буря, как вихрь, околдовывающая, как исступление...

Прервалась она внезапно, как промчавшаяся буря, и сразу же, без всякого перерыва, без какой-либо даже самой короткой паузы, один из грузинов запел.

Текст песни (о котором мне потом рассказали) пересказывал унижения, перенесённые народом покорённой Грузии... Тенор Григория Руставолли был полон бесконечной печали.

Порой казалось, что этот дивный голос сорвётся, сломается в заглушённом рыдании... что певец разразится плачем, столько было в том голосе правдивого и искреннего отчаяния.

Акомпаниаторы отлично подстраивались под голос певца.

Поистине, не услышав, трудно бы поверить, что с помощью такого простого инструмента, как кавказская *зурна*, можно передать столько мелодий, столько экспрессий.

– Непривычное дело, чтобы музы своими дарами оделяли тех, кто служит Меркурию. Пан, видно, является исключением, владеет необычно чистым и звонким голосом, – сказал я Григорию Руставолли.

Он поклонился и, смеясь, ответил:

– Поляки от веку слыли образцом вежливости и приятности в обиходе. Поэт Георгий Эристави тоже об этом поминает. А вы слышали об Эристави?

– Стыжусь, но должен сознаться, что нет.

– А ведь он долгое время пребывал среди вас. Как писатель, в 1834 г. был изгнан и перевезён в Вильно. На счастье! Можно ему только позавидовать за такое место изгнания... Потом жил

в Варшаве, где выучился польскому языку. Настолько, что воспользовался этим и перевёл на грузинский импровизации «Конрад и Крымские сонеты». Эти переводы познакомили меня с вашей культурой. Когда я учился в лицее Ришелье в Одессе, то привык уважать Адама Мицкевича. Там память об Адаме жива, там всё ещё цветёт его культ среди молодёжи. Там каждый юнец знает поэзию Мицкевича, может прочесть её по памяти.

– Неужели? Что в нашем крае всё происходит также, это не удивительно...

– И в Одессе тоже. Там тоже много поляков... И каждый счастливый обладатель напечатанной поэзии Мицкевича вынужден прятать своё сокровище, как преступление, за которое карают очень сурово... Кроме того, поэзия Мицкевича кружит среди молодёжи в списках, отдельными страницами, вырванными из книг. Пару лет тому, я собирал эти вырванные страницы, как драгоценные жемчужины, так что мне удалось собрать целых два тома полностью... Я давно мечтал отблагодарить господина Юзефа Хиришфельда каким-нибудь подарком за его доброту, сердечность, гостеприимство. Сейчас я могу, наконец, предложить ему такой драгоценный подарок. Возьми, пан!

Он достал шёлковый мешочек, который носил спрятанным на груди, и из него вынул два томика.

Я взглянул на них...

Это был «Пан Тадеуш», изданный в 1834 году.

«Пан Тадеуш», составленный из тех самых страничек, что кружили среди молодёжи.

«Пан Тадеуш» переходил из рук в руки... Каждому хотелось увидеть эту книжку, состоящую из страничек, которые от постоянного многолетнего чтения пожелтели и несколько истрепались.

Каждому хотелось почтительно дотронуться до них, посмотреть на эту книжку хотя бы издали...

Нам, ещё недавно прибывшим с Родины, это издание «Пана Тадеуша» было известно.

Потому мы тактично отошли в сторонку.

Казалось, от этой книжки в скромном сером переплёте исходит странное сияние, как от реликвария в оправе из драгоценных камней...

.....
Профессор Жоховский взял книжку...

Прижал к груди...

Поднял её вверх и преклонил перед ней свою седую голову...

Солнечные лучи, преломляясь в чистых стёклах мелких форточек, словно общим ореолом окружили древнего старца и запечатлённые в печати образы и мысли гениального поэта...

Наконец, профессор Жоховский открыл книжку и дрожащим от волнения голосом начал читать:

*Отчизна моя! Ты – как здоровье,
Лишь тот тебя ценит,
Кто тебя потерял...*

После этих слов послышался стон...

И тут же из наших глаз полились «чистые и обильные слёзы», слёзы тоски о возлюбленной... о той, что от нас так далека... далека... далека...

.....
И в комнате, где минутой ранее царил весёлый говор, сгустилась тишина...

Порой лишь слышались вздохи...

Иногда – шёпот...

*Отчизна моя! Ты – как здоровье,
Лишь тот тебя ценит,
Кто тебя потерял...*

.....
– Богуславский! Токаржевский! Жоховский! Господа! Прошу собираться! Время идти в острог, прошу покорно, поспешите!

Чары разрушились...

Очаровательная мечта уплыла, развеялась, как сон, когда человека вдруг грубо разбудят...

Из экстаза вывел нас резкий жёсткий голос, который пытался казаться мягким и доброжелательным.

Это был голос прапорщика.

Он стоял на пороге в окружении четырёх солдат с заряжёнными карабинами на плечах.

Это была «свита», которая должна была сопутствовать нам, Полякам, отверженным, и сопроводить нас обратно в тюрьму, в Семипалатинский острог.

Щедро угощённый Юзефом Хиршфельдом и задаренный им прапорщик был необычайно доброжелателен и вежлив.

Выкрикивая наши имена, имена преступников и каторжан, он не поспешил добавить: «*господа*», и «*прошу покорно*»...

.....

Настало время расставанья...

С братьями-изгнанниками, с Грузинами, с Никитой Николаевичем Тарасовым, со всеми окружающими. На прощанье долго и крепко обнимали друг друга.

Ничьи уста не смели сказать: «До свиданья!».

Ибо сердце разрывалось от смутного предчувствия, что не скоро мы сойдёмся и не встретимся таким кружком, полным сердечности.

«Пана Тадеуша» на прощание тоже приветствовали долгими и горячими поцелуями.

– Эти Поляки... не пойму я их! Вот прочитали патриотическую книжку, и, кажется, уже готовы в любую минуту кинуться в огонь, лететь на край света, угодить в тюрьму, пройти сквозь строй, идти на каторгу... Любопытно, хоть кто-нибудь из наших, для примера, ну!... Радищев¹⁴, допустим, хотел бы нарваться на такие беды?... Станный народ эти Поляки! Бог с ними! – вполголоса рассуждал сам с собой Тарасов, а прапорщику, повернувшись, scomандовал:

– *Пошли вон!* В сенях обождите! Я сам этих господ отведу в крепость.

* * *

Уже последние блики догорали на Западе, когда мы, после дня, полного впечатлений, проведённого в гостеприимном доме Юзефа Хиршфельда, вернулись в Семипалатинскую крепость.

По приказу капитана Тарасова, прапорщик с конвойными держался далеко позади. А сам Тарасов специально повёл нас через настоящий лабиринт улочек старого и нового Семипалатинска.

Движение было, в основном, в центре города, новые центральные кварталы были шумными, оживлёнными, особенно во время приезда купцов и привоза товаров.

Сейчас посреди серых, низких домов, похожих на длинные каменные прямоугольники, мы встречали только приезжих, киргизов в мохнатых коричневых круглых бурнусах, азиатов с пограничья Персии в длинных плащах, с волосами и бородами, крашенными хной в рыжий цвет.

В этой тёмной пустоши мы не встретили ни одну женщину.

Зато часто встречали *байгушов*¹⁵, с поблекшими, изнурёнными, тёмными лицами, в дырявых войлочных накидках.

Видно, они укрывались в этом старом квартале, неухоженном, убогом, отдалённом от центра города, а к ночи прятались в свои халупы.

При виде офицеров высшего чина и солдат, сопровождавших в острог за город трёх мужчин в арестантской одежде, убыстряли ход и боязливо скрывались за углами домов или ныряли в их тёмные недра.

Беседуя с Тарасовым и слушая его объяснения, мы бодро прошли двухверстовый путь от города до острога.

Перед тем, как войти в крепость, я ещё раз обозрел город и его окрестности.

Барнаульский бор, исчезающий за далёким горизонтом, тянулся широкой линией, оваянный лёгкой фиолетовой дымкой.

В городе минареты вздымались ввысь рядом с круглыми византийскими куполами.

С минаретов мечетей муэдзины протяжным и каким-то сдавленным голосом выкрикивали:

– Хиллали! халлала! Илла ху! Алла ху! Аллах! Аллах!

Поскольку был сочельник по старому стилю, церковные звоны звали православных на вечерний молебен...

В городе уже горели фонари около чиновных зданий, зажгли свет и в домах.

Старинные руины во славе своего заката тихо лежали, будто в море крови.

«*Was Hande bauten, können Hande sturzen. Das Haus der Freiheit, hat Gott gegründet*»¹⁶...

– Что пан сказал? – спросил капитан Тарасов.

– Что сказал? Да так, ни с того, ни с сего припомнил некое двестишестидесятилетие Шиллера, – ответил я. – Видите ли, Никита Николаевич, – Каминский, учитель немецкого языка в Щебжезинской школе, где я учился, был любителем и пламенным поклонником этого поэта. Мы, ученики, должны были учить наизусть целые долгие страницы из Шиллера... Как-то во время летних каникул, с огромным успехом, мы поставили на немецком языке, – представьте себе! – целый акт из Вильгельма Телля...

У СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

Ярмарки в Минусинске, во время первого моего изгнания в Сибирь, были важным событием, имевшим огромное значение.

Обычно они начинались в мае, продолжались в июне, июле, и кончались в сентябре, и могу сказать без преувеличения, что за эти пару месяцев через Минусинск проезжали и проходили многие, многие тысячи человек.

Кому требовалось завязать торговые связи с китайскими, а даже и с европейскими купцами, кому требовалось сделать какие-нибудь значительные закупки, или кто просто хотел развлечься, увидеть всякие забавы, недоступные, или просто незнакомые в иных местах Сибири, – тот во время ярмарки отправлялся в Минусинск, где можно было заключать с кочевниками буквально сказочно выгодные торговые операции, а если после этого душа просила «погулять», – была бы только щедрая рука и прежде всего хорошо набитый кошелек.

Во время ярмарки жизнь и деятельность в Минусинске текли широким и бурным потоком.

Большие состояния, заботливо копившиеся в течение многих лет, не раз истаявали за пару часов в игорных заведениях.

И если такой экс-богач, проигравшийся до нитки, до последней рубашки, возвращался домой, не выпрашивая кусок хлеба на пропитание, то только благодаря щедрости соседей или родственников, с которыми из далёких окраин, себе на погибель, приехал в Минусинск на ярмарку.

О таких, сгубивших своё состояние несчастливых игроках, о таких шулерах, богатевших одним взмахом карт, о разных подозрительных обстоятельствах, хитростях китайцев и саянцев, о разных изумительных происшествиях, вкупе с невиданной роскошью и заграничными чудесами, которые можно увидеть на такой ярмарке, я был слышан и в Омске, и на Большом Участке.

Всё это часто служило богатой темой для пересудов во время семейных и соседских встреч. Не помню, чтоб эти рассказы вызывали во мне особое любопытство или разжигали острое желание поучаствовать в таких праздниках и увидеть ярмарочные дива, и потому я не очень обрадовался, когда как-то вечером мой начальник вломился ко мне в жилище с криком:

– Едем на ярмарку в Минусинск! Я и вы, Шимон Себастьянович, – идёт? Ну-с, конечно, вы согласны, правда?...

– Ну, – рассмеялся я, – должен быть согласен, раз вы так решили.

– Да, решил, решил и сейчас мы распределим обязанности. Я добываю деньги, моя жена позаботится о еде и напитках, то есть о припасах на дорогу, а вы, пане, молодой человек, пакуете ваши одежки. Утром, чуть свет, айда! В дорогу! Вы так усердно и успешно работали всю зиму, что вам полагаются отдых и развлечения. Ну-с, и мне тоже. Жалеть не будем ни рублей, ни копеек... Развлечёмся, погуляем... А уж чудеса увидите, пан, молодой человек!

Он радостно захохотал во всё горло, похлопал себя по бёдрам, а меня, по-приятельски, по плечам и, чуть не облизываясь и кивая головой, повторял:

– Чудеса! Чудеса! Сами увидите, пан, молодой человек!

Представление о развлечениях у меня и Светилкина сильно различались и перспектива развлечений и «гулянки» с ним в его компании, хоть и не радовала, но и не претила мне, учитывая его благие намерения, притом не хотелось его обижать, так что я смолчал и сразу же занялся приготовлением в путь.

* * *

Минусинский округ, занимающий примерно две тысячи квадратных миль, представляет собой одну из живописнейших частей Сибири.

Поскольку по дороге через эти живописные окрестности я ехал уже не впервые, она не показалась мне ни слишком долгой, ни утомительной.

Когда я впервые попал в этот край, кроме урядников в самом Минусинске, и во всей этой огромной части Енисейской губернии, вообще было мало россиян, не считая, конечно, войска.

Немного было и крестьян, оседлых и ведущих хозяйство на земле, много политических заключённых и разных российских народностей, подвластных России, немало экс-каторжников, осуждённых на пожизненное поселение, а в остальном, преимущественную часть населения составляли кочевые племена.

Из глубин девственных, мрачных пущей, где они занимаются охотой, а кое-где рыболовством, из цветущих долин и заросших буйными травами пастбищ, где бытуют стада скота и табуны коней, тянулись кочевники со своими жёнами, детьми, со всей своей скотиной и передвижным скарбом.

Вокруг города они разместились в юртах из древесной коры, или из заранее заготовленных звериных шкур.

Так они образовали посады, что служили наглядным образцом способа жизни и обычаев в древней доисторической эпохе.

Всё это для цивилизованного европейца казалось оригинальным и необыкновенно интересным. Это был настоящий неисчерпаемый кладёз для этнографического изучения.

Мой начальник Светилкин придерживался порядков, заведённых в его доме, с той только разницей, что теперь он направо и налево широкой рукой и с лёгким сердцем швырял уже не копейки и даже не рубли, а сотни рублей, к своему собственному удовольствию и к радости своих убоготорённых компаньонов, целый штаб коих пристал к нам сразу по приезде в Минусинск.

Когда Светилкин понял, наконец, что все его усилия втянуть меня в круг его знакомств и в мир излюбленных городских развлечений и забав тщетны, и таковыми останутся впредь, он предоставил мне полную свободу распоряжаться собой и своим временем.

Осчастливленный подобной свободой мысли и действий, я с утра до вечера бродил вдоль и поперёк, с одного конца Минусинска до другого, и по ближайшим его околицам.

Необыкновенно занимала меня разнородность типов рас, обычаев, языков и диалектов людей, с которыми я мог встречаться; а ещё — мозаичное разнообразие и пестрота одежд, украшений, упряжек, огромное обилие разных видов чая, шёлковых тканей¹⁷, мехов, китайского фарфора и не поддающихся пересказу видов и сортов товаров.

В южной стороне Минусинска на пастбищах усердные и работающие китайцы на время ярмарки построили временный городок, который выглядел так, как будто его перенесли без всяких изменений в Минусинск прямо из Небесной Империи с берегов Хуанхэ или Янцзы.

Маленькие домики с фантастично изогнутыми крышами встали среди миниатюрных огородов, полных золотистых дынь, тыкв, светло-зелёных огурцов, салата со свежими кудрявыми листьями, серебристых крупнолиственных трав и разноцветных, чудесно расцветших маков, которые колыхались на тонких, гибких, высоких стеблях.

Как бы в дополнение к экзотической картине, по-за маленькими домиками, на взгорке, возвышалась маленькая пагода с фарфоровой крышей и прекрасные башенки.

За живыми изгородями огородов мелькали сапфировые шёлковые богато расшитые *курмы*¹⁸ косооких красавиц, а их мужья и отцы прохаживались по улочкам, выложенным мелкими каменными плитками.

Одетые в длинные шёлковые халаты, в чёрных шляпах, завязанных под подбородком жёлтыми лентами, или в лёгких совершенно плоских шапочках, мастерски сплетённых из рисовой соломки, с длинными спадающими на плечи косами, обутые в жёлтые или красные башмаки с загнутыми кверху носками, косоокие мужчины ходили степенно, молчаливо, будто погружённые в важные размышления.

По реке, словно проворные ласточки, сновали *джонки*¹⁹, доставляющие грузы товаров к кораблям, что плыли по Енисею.

Средину улицы занимали обычные ослики, *арбы*²⁰, которые везли *джонерикиши*²¹, довозившие в Минусинск товары, что заполняли китайские магазины и склады.

Временами, в этой толкотне, искусно лавируя, появлялся паланкин какого-нибудь китайского вельможи или знатной дамы-китаянки.

Теснота, крики, разноязычный говор, словно на каком-нибудь всесветном торжище, царили в этом временном китайском городке, с первыми лучами рано утром, и стихали только с заходом солнца.

Как-то привлёк моё внимание человек, который в этой цветастой и пёстрой толпе выделялся совершенно особым и отличным от всех видом.

Высокий, крепко сложенный, с длинной, белой как молоко, бородой.

На голове он носил шапку, так называемую *баторовку*, с чёрными завязками по бокам. Одет он был в капот из серого грубого сукна, похожим по крою на свитки литовских мужиков.

Я сразу же понял, что этот человек не Россиянин, не уроженец Сибири и, тем более, не из оседлых кочевников.

Так кто же он?

Возможно, политический ссыльный?

— Ах! А вдруг он поляк, — подумал я и тут же решил утвердиться в своих предположениях и обратился к нему по-польски.

Однако было легче принять такое решение, нежели его выполнить.

Обладатель баторовки и серой свитки превратился для меня в неуловимый призрак... То приближался ко мне, был, только что был тут... тут... то исчезал с глаз долой, терялся среди разномастной толпы, то снова над толпой высилась его красивая голова, и я вот-вот... догонял его, именно догонял, пока с запруженных улочек не перешли на тропинку среди поляны, засаженной кукурузой и *чумизой*²².

Несколько лиственниц среди деревьев, деревянный домик — вот куда устремлён был обладатель шапочки-баторовки.

Очевидно, это была его усадьба, о чём нетрудно было догадаться, так гармонично подходила хатка и её окружение к чертам и всему облику этого человека.

Он открыл запертые двери, толкнул сильно рукой, оставил открытыми настежь и вошёл.

За ним, в тёмную маленькую комнатку, проникали полосы солнечного света... Он открыл окно с небольшими створками и выглянул наружу. Сорвал пару подсолнухов, что росли перед домишкой,

повернув свои золотые головки к солнцу, сорвал несколько стебельков резеды и настурций, которые росли в маленьком садике близ стены, а потом исчез в избе.

Тем временем я медленно приблизился, придумывая, как обратиться к этому полуземляку, которого случайно встретил в другой части света, за тысячи миль от Отчизны.

Пока я стоял так в раздумье, из домика послышалась песня:

*С жаворонками взялись до работы,
Спать пойдём на вечерней зорьке,
Но и в гробах мы всегда скитальцы
И всего лишь божья рать.*

*Кто раз присягнул Господу Христу,
И шёл к Святому краю без неволи,
Тот из глубин²³ хоть тёмного кургана
Подыметя на трубный глас.*

Теперь я уже не сомневался... хозяин, или, может, жилец этого древнего домика был Поляком — был политическим преступником, как и я, и так же, как и я, был поселенцем.

Сейчас уже нечего было раздумывать, сочинять в уме приветственный диалог, я сделал шаг...

Вошёл...

Мой любопытный взор мигом оглядел избу...

Скарб в ней был самый простой, деревянный, два стула, два стола, полочка с нехитрой кухонной утварью — другая с несколькими старыми книжками. На одной стене висела двустволка, два смычка, скрипка, похоже, сработанная в этом же доме... Над кроватью Распятие, Образы Остробрамской и Ченстоховской Божией Матери.

С потолка свисали большие и малые связки пахучих засушенных трав.

От каждого угла этой избы веяло убогостью, но, одновременно, чистотой, симметрией, порядком...

Единственным предметом «излишества» здесь была большая и роскошная китайская ваза, в которой красовались свежесорванные подсолнухи, резеда и настурции.

Когда я вошёл, хозяин как раз разжигал огонь в печи.
– Хвала Иисусу Христу! – сказал я, обнажая голову, и остановился на пороге.

Хозяин быстро обернулся...

Видимо, он отвык от такого приветствия, потому что так и стоял, держа в руке какой-то глиняный горшочек... и, дрожа всем телом, ответил:

– Во веки веков, Аминь!

Мгновение мы разглядывали друг друга, как бы взаимно изучая один другого... И вдруг, как бы несомые магнетической волной, мы приблизились друг к другу с протянутыми руками и обнялись горячим братским объятием...

Познакомились поближе. Может, через каких-нибудь полчаса мы уже говорили так открыто, так искренне, будто прожили годы бок о бок...

Хозяин домика был литвин, из окрестностей Минска. В 1812г. под Москвой был взят в плен и стал простым солдатом в русских войсках на Кавказе, воюющих с непокорёнными горцами. За какую-то малую провинность, из-за плохо понятого приказа полковника, Томаш Корсак попал в штрафной батальон в Петровске и был осуждён на пожизненное поселение в Минусинском округе.

Поскольку ему не разрешалось жить в самом городе, пришлось поселиться в предместье.

Власти его не донимали, потому что, живя вблизи от Минусинска, Томаш Корсак, человек образованный, не раз бывал весьма полезен урядникам разных окружных ведомств, особенно во время больших ежегодных ярмарок.

Китайцам он служил переводчиком во время торговых переговоров.

Таким образом, он зарабатывал на своё скромное содержание и остаток своей несчастливой жизни доживал, окружённый общей приязнью и большим уважением...

В течение лет, наверное, сорока не получал от своих ни единой весточки.

– Разве у тебя нет близкой родни, или хотя бы дальних родственников, которые бы о тебе беспокоились, дорогой брат? – спросил я.

– Как не быть! – весело рассмеялся он. – Разве не знаешь литовскую поговорку, что около Минска, на много миль вокруг, «что ни кустик, то Корсачек». Дальних родственников у меня хватает, и близкая родня есть, по крайней мере, была много лет назад, и я уверен, что не одно сердце обливалось кровью, гадая, что со мною случилось. И ещё я думаю, что у многих, и не раз, горькие слёзы текли из глаз, при мысли о моей доле...

Просто не было никакой возможности ни с кем связаться. Солдаты сдавали свои письма в полковые канцелярии, откуда их должны были отсылать по адресам. Но доходили ли?

Конечно, нет!

Так же, как не доходили письма, которые родня и приятели слали на Кавказ.

Откуда бы узнать шляхтичам в Польше, в Литве или на Руси, кто мог бы знать, в каком месте на Кавказе находится полк, где служит родич? Адресовали письма наугад, а полковая канцелярия не очень утруждалась нахождением адресата.

Притом, непокорённые горцы воевали с российскими войсками и просто-таки охотились на почтовые фургоны. Вы, наверное, слышали об этом?

– Да, слышал, и на омской каторге даже сроднился с такими горцами.

– Вот видишь! Таких горцев, захватывающих почту, вовсе не занимала корреспонденция. Они искали государственные сообщения, а больше всего им нужны были деньги, чтобы продолжить войну с неприятелем...

А вообще, кабы ты видел, юноша, – солдаты стали ко всему безучастными, все чувства в нас угасли во время этой мародёрской и захватнической войны, во время форсированных маршей через огромные нехоженые пустоши, без капли пресной воды, по пустыне, где свирепствует лихорадка, полно убийственных болотных испарений, скорпионов, змей, ядовитых пауков, зловредных комаров. Солнечный жар опалял солдат, как огонь, летящий с неба, а когда после короткого дня наступал мрак, а за ним парная, душная, тёмная, безветренная ночь, – шакалы тоскливо выли, словно желая нам быстрой смерти...

А смерть, на самом деле, поджидала на каждом шагу, в узких горлах ущелий, что тянулись каменными зигзагами между двумя

гигантскими горами... на дорогах, которые вились через безлюдные степи, посреди высокого тростника, такого густого, что в нём всадники на конях могли полностью скрыться...

Кажется, – никого нет поблизости... вокруг – тишина и слышен только топот конских копыт, жужжание насекомых, чириканье какой-нибудь маленькой птицы – и внезапно из этих тростниковых зарослей густо летят стрелы...

На горячую землю падают солдаты...

Их сотоварищи наугад стреляют в тростники... редко, когда в кого попадали...

Налётчики исчезли... пропали среди бурьянов, а тела погибших солдат так и остались в степи или ущелье, не погребённые, как падаль – корм диким птицам и шакалам... кости погибших растащили дикие звери по степи и пустыне, и спалит их солнечный жар, и вихри разнесут по всему Кавказу.

Порой, в степи, а ещё в пустыне, являлись нам какие-то фигуры...

Обычно шли или плыли по верху в кровавом тумане. Мы считали, что это видения, в бою polegшие товарищи – видения мародёрской батальи, уже проигранной и всё же несущей смерть на поле боя... В отдалении видны были войска... мелькали... расходились... исчезали...

Это была игра световых волн и причудливых испарений...

Как-то, ночной порой, наш обоз окружило огромное кольцо пламени...

Барабаны бьют тревогу... спешно сворачиваются *палатки*... пикеты раз за разом стреляют, оповещая врага, который прячется неподалёку, что обоз не спит, что не позволит захватить себя неожиданно, что будет защищаться до последней капли крови...

Испуганные кони ржали, рвались с привязи – солдаты бросали оружие. Они готовы были сражаться с людьми, но не с бурливым морем пожара, из тисков которого мы никак не могли вырваться...

Страшная, страшная это была ночь!

Если мы все не сошли с ума, то разве что из-за той апатии, той абсолютной безучастности, того каменного бесчувствия, которое всех охватило...

– Чёрт подери! – говорили мы. – Если уж пропадать, то всё равно – от огня или от пули!... всё равно, пусть бы уже оборвалась эта страшная, подлая жизнь! Лучше, стократ лучше смерть!

Были моменты, когда высокие столбы огня сливались вместе, в единую огромную пелену, которую порывы ветра рвали во все стороны и превращали в рваные полосы среди чёрной ночи...

Счастьем было, что этот огонь, на удивление, не выделял ни угара, ни дыма, а не то попадали бы сплошные трупы, все, и люди, и животные.

Вскоре после этой адской ночи забрезжило утро и оказалось, что это был не пожар, а загорелись газы, которые в этой части Кавказа, от века названной «огневой край», вырываются сами из земли. Во всяком случае, почитатели огня считают это место священным.

Двое суток кольцо пламени окружало наш обоз...

На третью ночь, наконец, хлынул ливень, и тогда мы остались в полной темноте.

Часто, ох, часто, горцы устраивали нам такие фейерверки и иллюминации, только со временем мы к ним привыкли, а потом смотрели на всё это без всякой тревоги.

А ещё и так случалось: маршируем... вдруг слышится подземный гул, шум, булькотанье, как от кипящей воды...

Потом у нас под ногами расступается грунт – вдруг из своего нутра выкидывает кипящий шланг, клубы зловонных газов, которые часто ещё и загораются пламенем.

Это были извержения болотных вулканов, на вид похожих на небольшие стожки...

Ой! Как земля кавказская и кавказские горцы изо всех своих сил и по всякому пытались защитить свою независимость...

После боя при Палиа-дута в Дагестанской области, меня, прожитого множеством пуль, унесли едва живого...

Потом в Забайкальском крае, в Петровске, пребывал я лет... лет... сколько? не помню, ей-богу! не хочу ни прибавить, ни убавить. В свободную минуту справлюсь в полиции.

А ты когда думаешь уехать из Минусинска?

– Не знаю. Это не от меня зависит. Видно, задержались надолго, потому что у моего начальника Светилкина здесь много торговых

интересов, к тому же, как он меня уверял, он тут прекрасно проводит время.

– Прекрасно проводит время! Значит: мертвецки напивается и дуется в карты целыми ночами, – рассмеялся Томаш Корсак. – Тогда день и час вашего выезда не поддаются вычислению. Можете здесь остаться до конца ярмарки, но можете и через несколько часов выехать обратно домой, если твой знаменитый Светилкин до копейки проигрался в карты.

Желал бы я, чтобы это случилось не скоро, или не случилось вовсе, и желаю из чисто эгоистических соображений, чтобы возможно больше тешиться общением с тобой, твоей дружбой, милый мой земляк. А пока что позволь угостить тебя по старопольскому обычаю, *чем хата богата*.

Беседуя, мы скромно перекусили. А потом вместе поспешили в город, где Томаш Корсак во время ярмарок бывал занят у начальника округа.

* * *

– Господина пана, молодого человека, никогда не видно в городе. Пан только с китайцами знается, – обратился ко мне Светилкин, – господин влюбился в этих чернокосых дьяволов, а?

– Китайцы и вправду интересный народ, достойный скорей удивления, чем влюблённости, – ответил я, – но я с удовольствием наблюдаю, как они работают, удивляюсь их выносливости, а то, чем бы мне ещё заниматься в Минусинске? Вы сами улаживаете свои дела, а волочиться по городу вовсе не забавно. Впрочем, я здесь встретил земляка. Он живёт за городом и, когда он не занят, мы проводим время вместе.

– Хватит! Ладно, вы хорошо объяснили, Шимон Себастьянович, почему вас не видно в городе. Тебе интересно с китайцами – ладно! Сидишь на квартире у земляка – *славно!* А вот *неславно* получилось бы, если бы ты и я, два друга, ни разу так бы и не позабавились вместе. Пан, господин молодой человек, ты должен сейчас со мной во французском *ресторане* погулять. Хочешь, не хочешь, а должен!

Я уже пару раз присутствовал на гулянках сибирских богатеев, так что у меня мурашки пошли по коже при предложении Светилкина.

Впрочем, он, не ожидая моего согласия или отказа, радостно смеялся и, хлопая меня по спине, повторял:

– Хочешь, не хочешь, должен, должен погулять! Да и почему бы тебе не хотеть?...

Он вдруг замолк, а потом:

– Слушай, пан, господин молодой человек, может, и этот твой земляк, что живёт за городом, не отказался бы!... Может, взял бы ты его с нами?... Напился бы и встряхнулся?

– Это странный человек, с военной службы на Кавказе, был на каторге, на Петровских заводах, – ответил я, – он старый, я даже не посмел бы ему предложить, он, конечно бы, отказался.

– Отказался бы, говоришь? Ну, тогда пусть поцелует пса в нос! Тогда мы оба, пан, господин молодой человек и я, айда! Давай, собирайся!

Я расхохотался, потому что теми же словами «давай, собирайся!» жандармы в крепости звали меня на следствие – и в иных подобных же обстоятельствах я слышал такое же предложение, как сейчас от Светилкина.

.....

В каком-то тесном переулке на окраине города, в плоском, длинном, как кошара, выкрашенном жёлтой краской доме, помещалась эта *французская ресторация*, ничего общего со своим названием не имеющая, что заметно было с первого взгляда.

Хотя солнце ещё не зашло, в сенях, и во всём помещении, было темно, несколько масляных ламп светили не ярко.

От пьяных выкриков, от хмельного дыхания стояла душная, тяжкая атмосфера.

Лампы чадили, коптили, жирная сажа, которая, подобно миллиардам мелких насекомых, витала в воздухе, покрывала чёрной пылью всё кругом: мебель, столовые приборы, еду, напитки, людей.

В нескольких больших комнатах, анфиладой, было тесно.

Прокладывая себе дорогу локтями, и держа меня за руку, как маленького мальчика, Светилкин, не без труда, добрался до обильно заставленного закусками буфета, за которым восседала «сударыня» в ярких шелках, фальшивых драгоценностях и с причёской кудельками.

Выставляя крупные белые зубы, «стреляя» довольно красивыми глазами, с многообещающей усмешкой, она спросила Светилкина, что тот прикажет сперва подать.

– Сперва, *мадемуазель*, дайте мне вашу ручку для поцелуя, покорно вас прошу, – с комичной галантностью изрёк мой патрон.

«Мадемуазель» быстро протянула ему игриво свою лапу, и когда он её несколько раз поцеловал, рассмеялась.

– От ваших поцелуев просто огнём прошибает, жаром обдаёт, *месье* Светилкин.

Я заметил, что оба титула: *мадемуазель* и *месье*, которыми обменивались гость и «сударыня», царящая за буфетом, являли собой единственные французские штрихи этого ресторана. Помимо этого не было ничего, ну абсолютно ничего, что хоть как-нибудь напоминало прекрасную, изысканную Францию.

Казалось, что вся Сибирь, от края до края, поставляла гостей для «французского ресторана» в Минусинске.

Среди разнообразнейших монгольских типов выделялась маленькая группка интеллигентнейшего вида европейцев.

Среди тёмных костюмов мужчин мелькали офицерские мундиры и поражающие взор пестротой красок наряды дам.

Одетый в церковное одеяние, с фиолетовой подкладкой, в уголочек на обочине протиснулся поп.

Какой-то человек, видно, прихожанин этого попа, и организатор пира, накладывал ему на тарелку самые лакомые куски и раз за разом наполнял опустевшую рюмку каким-то напитком. Всё это он проделывал с большим почтением, как и полагалось, имея дело с духовным лицом, и одновременно что-то рассказывал, что поп слушал не очень внимательно, тем не менее, отвечая хмыканьем и кивком головы.

В огромной комнате пламенноокий цыган пиликал на скрипке какую-то танцевальную мелодию.

Акомпанировала ему на бубне девица в пунцовой, шитой золотистыми полосками, парчовой юбке, и в огромном пунцовом тюрбане на кудрявой голове.

Под эту громкую музыку несколько пар плясали по комнате с притоптыванием и выкрикивали щекотливые припевы.

Мальчики-прислужники в кафтанах и некогда белых фартуках постоянно совали за фартуки бутылки водки, или вина, а также куски мяса и пироги, незаметно утащенные со столов пирующих.

Другие служащие, в нише за огромной печью, вылизывали блюда и выливали последние капли из уже опорожненных и опрокинутых бутылок.

Человека, который, как я, не привык к подобной обстановке, сам запах жирных и пряных яств насыщал, а алкогольные пары одуряли, вызывая тошноту и несносное отвращение. А притом всё громче звучали голоса, взвизги, встреченные смехом, свистящее рыготание, и это вызвало во мне омерзение к еде и вообще к гулянкам – я жаждал возможно скорее выйти, чтобы подышать свежим воздухом. Вышел в сени.

К изумлению увидел, что обе створки входных дверей закрыты и заперты. Сторожил их парень, которого я вежливо попросил выпустить меня на улицу, он жестом указал мне особь, погружённую в глубокое кресло, забаррикадированное двумя столами. Я вернулся к сторожу с той же просьбой.

– Счёт, – сказал он, протягивая ко мне руку.

– Какой ещё счёт? – спросил я с удивлением.

– Ну-с, что вы заплатили всё, что с вас полагается в кассе.

– Но с меня кассе ничего не полагается, я здесь не ел и не пил...

– Все так говорят, а притом все тут едят и пьют...

– Замолчи, грубиян, не оскорбляй меня подозрением в обмане!

– крикнул я в приступе бешенства.

Сторож посмотрел на меня исподлобья. Хотел что-то сказать, открыл рот, но умолк.

Пока я так стоял перед ним, злой, оскорблённый, не зная, куда мне деваться, мой голос и гневный крик выманил хозяина в сени.

– Кланяюсь покорно, что случилось? – шепелявил он слащавым голосом, и, выслушав мою жалобу, сказал:

– Извиняюсь очень покорно, *простите, барин*, мой слуга вас не оскорбил, такой уж тут обычай в этом моём французском *ресторане*.

– Это недопустимый и обидный для ваших гостей обычай.

– Извиняюсь глубоко и покорно, но каждый должен заботиться о своём кошельке.

– Да кто же у вас тут бывает? – крикнул я. – Что за люди? Злодеи, отребье? Освобождённые каторжники... бродяги?

– Святой Иннокентий Кульчицкий, покровитель-чудотворец! *Барин*, что вы такое говорите?... Прошу покорно. Самые *честные* люди приходят сюда в этот мой французский *ресторан*. *Барин!* Что вам пришлось в голову? От несчастья! – стенал он, заламывая руки.

– Меня сюда привёл Светилкин, – прервал я сетования хозяина.

– Светилкин? С Большого Участка? Знаю, знаю. А как же! Он много лет мой постоянный гость и добрый друг. Светилкин?... Богатый человек. Богатый и *честный*. Ну и что? Хоть бы сам князь-губернатор из Омска... Уж такой в моём *французском ресторане* обычай.

– Скажи, чёрт бы тебя побрал, откуда мне взять счёт, если я вам ничего не должен и у меня нет никакого счёта к оплате? Ответьте, или выпустите меня из этой мерзкой ямы, я заплачу немедленно.

– «Мерзкая яма!» – возмутился хозяин. – Ах! *Барин*, покорно извиняюсь: мой французский ресторан не мерзкая яма, что до этого – то нет!... Святой Николай-Чудотворец!

– Вместо того, чтоб призывать Святых покровителей и чудотворцев, подумайте, что мне надо сделать, чтобы от вас выбраться? Я хочу, мне необходимо вернуться в город.

– Ну-с, вот и хорошо! Воля ваша, *барин*. Только сперва вернитесь в зал, возьмите от *мадемуазель* счёт, отдайте его тому моему слуге, – указал кресло за столом, – и как только он подтвердит, что подпись *мадемуазель* и цифры не фальшивые, тогда другой мой *человек* сразу же откроет дверь, а! отворит обе створки и выпустит вас с Богом! – чувствуя себя хозяином положения, он стоял на своём. Очевидно, это была месть за «мерзкую яму».

Сказав так, он легонько обернулся ко мне спиной и исчез в толпе, уже за порогом сеней.

В этот миг какой-то экипаж с грохотом, фырканием коней и звоном *колокольчиков* и упряжи остановился около ресторана. Сторож отпер дверь и отворил настежь.

В сени вошёл новый гость, перед которым сторож и *человек* согнулись в поклонах, аж до земли.

Это был мужчина с сухощавым лицом, резкими чертами, с болезненно-жёлтой кожей и чёрной, остро подстриженной бородкой.

Высокий, хорошо одетый, – во всём его облике было что-то отталкивающее. Хотя в движениях и одежде заметна была известная элегантность и изящество, что редко встречается в этих краях, столь отдалённых от очагов цивилизации.

Николаевский свой плащ он уронил на руки слуги, смерил меня испытывающим взглядом. Потом мы оба вошли в ресторан.

Шум и гам тут дошли до кульминации. Цыган-скрипач пиликал всё фальшивее.

Откуда-то сбоку долетал лепет самобытной балалайки.

Пирующие провозглашали всё новые тосты и здравницы:

Наших, омских!

Наших, тульских!

Наших, акмолинских!

Всякий раз всё новые голоса выкрикивали названия губерний, округов, разных российских и сибирских городов, в честь коих предлагались тосты и после каждого тоста многократно кричали: *урра!*

– *Человек, человек!* – верещал какой-то толстяк в сборчатом капоте, в бархатной крымской тюбетейке, которая сползла ему на брови. – *Человек*, ты зачем вместо вина принёс нам *щи*²⁴?

– *Извините, барин*, это не *щи*, а наилучший французский *Lafit*. Прошу покорно, мы в нашем французском *ресторане* подаём гостям самые лучшие и дорогие вина, – извинялся *человек*, а во время пререкания слуги и амфитриона собутыльники вполголоса беседовали между собой:

– Гляди! Иллариий Таганцев в Тобольской тюрьме лаптем *щи* хлебал, кандалы на ногах носил, а теперь играет из себя *дворянского помещика*²⁵. Фальшивые деньги делал. Не довелось... Такой умный мужик был!...

– Теперь соболю шубы и шапки носит, золотых цепей на себя повесил, жену и дочерей в шелка одевает. За дочками тысячно приданое даёт, сына с дочерью того самого судьи, что его посадил, женит, в полной роскоши живёт. В том самом Тобольске люди его патриархом зовут – руки у него широкие и щедрые. Мудрый мужик, мудрый!

– Ну! Илларион Таганцев, наше тобольское! А *особенно* ваше здоровье... *Ши* или *Lafit*, всё равно, через горло перельётся в одно и то же место, куда следует. А? Или не так? А?

Поднявшему тост остальные ответили зычным хохотом и опорожнили бокалы до последней капли.

– Вы с нами, Илларион Таганцев? – спросил новоприбывший господин, сдвигая стол, где царил, излучая мудрость, умный мужик и тобольский патриарх в одном лице.

– *Конечно! Конечно!* С вами, Владимир Осипович, – ответил он.

Владимир Осипович подвинулся в сторону и рукой подал знак, что желал бы пропустить Таганцева перед собой.

– Ну, прошу! – сказал Илларион Таганцев. – Прощу!

– Не сейчас, не сейчас, оставь, не могу, пока мои друзья не съедят и не выпьют всё, что я для них заказал. Вникните в моё положение, Владимир Осипович.

Господин с остростриженной бородкой склонил голову, что должно было означать: «конечно, понимаю ваше положение», и, низко поклонившись «тобольскому патриарху», сказал любезнейшим голосом:

– Тогда до скорой встречи, Илларион Таганцев, освободившись от обязанностей амфитриона, поспешите в Золотой зал, к нам, не терпеливо вас ожидающим.

Незнакомое здесь слово «амфитрион» произвело на присутствующих огромное впечатление.

Перед Владимиром Осиповичем толпа расступилась с почтением.

А он, словно любимый, милостивый, популярный монарх, раскланивался направо и налево, то одному, то другому, из изящно одетых и вежливых присутствующих, которые тянулись к нему подобострастно и напоминали, что когда-то... когда-то..., там, виделись с ним, познакомились и... тут же сели играть в карты.

В поисках Светилкина, чтобы с его помощью уладить вопрос со «счётом», я зашёл в Золотой зал.

Здесь на стене висело несколько зеркал, пара цветных гравюр, между которыми выделялся портрет Юлии Пастраны, в то время известной на обоих полушариях, существа с фигурой женщины и лицом бородатой обезьяны, в коротком платье балерины.

Как в музеях и картинных галереях, где представлены шедевры великих мастеров, здесь, в Минусинске, перед образом Юлии Пастраны всегда толпились зрители, с восторгом любовавшиеся на эту женщину-обезьяну.

В этой шумной комнате, известной как «Золотой зал», вдоль стен стояли диваны, кресла, крытые цветастой тканью, на которых покоились опьяневшие до беспамятства или просто уснувшие гости; посреди комнаты стояли столы, заставленные тарелками, блюдами, бокалами и бутылками разных форм и цвета.

Здесь собрались все сливки Минусинского общества; высшие чиновники разных окружных контор, офицеры и несколько «весёлых дам», которые пользовались особыми привилегиями и вниманием.

Они, эти «весёлые дамы», занимали первое место в беседе и задавали тон повелительниц среди военных и штатских Минусинских чиновников, резко отвечали на их остроты и, не щадя для них эпитетов, которые ничего общего не имели с вежливостью, любезностью, стыдливостью и хорошим тоном.

Главной мишенью их шуточных насajoков был офицер, который в расстёгнутом несвежем мундире с потускневшими эполетами, с бородой, опирался на эфес сабли и сидел верхом на кресле, как на коне.

– Ну-с, вы, *пустомели*²⁶, не упражняйте свою пасть на мне. Мы с вами ни разу не пасли скот вместе.

– Но вместе из одного корыта едали не раз, – буркнул молодой пристойный офицер.

– Правда! Чистая правда! – довольным смехом разразилась мужская компания.

Зато дамы просто разгневались донельзя.

– Как звездану тебя этой бутылкой, прапорщик! – крикнула самая бойкая из них, Соня, подтверждая угрозу красноречивым жестом. – Смотри-ка на него! Дибич Забалканский.

– Успокойтесь, милочка, красавица, – сказал молодой офицерик, – мне не в чем каяться перед вами, потому что я вас никак не обидел. Успокойся, Соня, чернобровая. Бутылку водки лучше с приятелем выпить, чем разбить об его голову, за что можно и в *тюрьму* угодить, уже не говоря про то, что разливать водку – грех.

– Правда твоя! Лев Леонтьевич, – поддакивали все, как мужчины, так и дамы.

– Тогда опорожняйте бутылки, а то, я вижу, их тут *предостаточно*, полных и не откупоренных, а я вам пока буду петь...

В глубокой нише, на постаменте, до которого нужно было подниматься по нескольким ступеням, стоял палисандровый, на тонких ножках ящик, который некогда, много лет назад, был клавикордами.

Лев Леонтьевич открыл ящик, удобно уселся в кресле, опёрся о его спинку и ударил по щербатым, жёлтым, как шафран, клавишам.

Надтреснутые струны застонали...

Из глубины бывших клавикорд послышалось вроде жужжания насекомых... Лев Леонтьевич пробежал по всей клавиатуре несколькими пассажами... взял несколько аккордов и при столах и брэнчании сорванных струн запел:

*Сватали меня
Без меня.*

*А женили меня
Без неё.*

*Свата искал –
Не нашёл.*

*И зря искал её,
Всё искал.*

*Свата я не нашёл,
Так же и её не встретил.*

*Палач свата порешил,
А её сам чёрт не отпустил.*

Эта песня была в ту пору очень распространённой и излюбленной в Сибири. Пели её все: мужики, заключённые каторжники, даже во время работы; люди, не только состоятельные, но даже некоторым

образом образованные, пели её на своих сходках и увеселениях. Само содержание её говорило о том, что возникла она в тюремных стенах или каторжных казематах.

Несмотря на это, везде и всюду слушали её с восхищением и встречали дружными аплодисментами.

– *Прелесть! Прелесть!* Вот это музыка, вот это пение! От неё – прямо как в тумане... *Чудесно!* Лев Леонтьевич! Вы могли бы петь в театре, в Москве или Петербурге. Ура! Ура! Лев Леонтьевич *артист*, – орала и хлопала в ладоши вся компания.

А Лев Леонтьевич поднялся с кресла и, стоя на эстраде, улыбался, сияя, принимая как заслуженную дань своего таланта возгласы восхищения и рукоплескания...

Но тут кто-то крикнул:

– Владимир Осипович!

Это имя всех наэлектризовало.

Слушатели поднимались из-за столов...

Соня, Татьяна, Ольга и Наташа подбежали к зеркалам, поправить помятые туалеты...

Лев Леонтьевич соскочил с эстрады... Все взоры обратились к дверям.

Владимир Осипович, непринуждённый, элегантный, надушенный, с иронической усмешкой на устах и победительным выражением на лице, лёгким, эластичным шагом хорошо вымуштрованного солдата ступил в Золотой зал.

Молчащий и хмурый офицер сорвался с кресла, снял фуражку, застегнул мундир на все пуговицы, отстегнул саблю и, повесив её на крючок, велел прислуживающему лакею:

– *Карточки!* Быстро! Быстро!

Поскольку меня настращали, что возвращаться в город одному небезопасно, волей-неволей пришлось дожидаться рассвета в этом *французском ресторане*.

Я уж до тошноты рассмотрел на эту гулянку, в самом её откровенном и отвратительном виде.

Попил чая в буфете и чем-то перекусил, не столь оттого, что проголодался, а для того, чтобы добыть, наконец, этот злосчастный *счёт*, который дал бы мне возможность выбраться из-под принудительного ареста во французском ресторане.

Воспользовавшись местом, которое временно освободила *мадемуазель*, я навёл её на разговор о Владимире Осиповиче, который, как я заметил, играл здесь важную, даже перворазрядную роль.

Со слов моей собеседницы узнал, что славный Владимир Осипович был попросту шулером, который «гастролировал» по России и Сибири.

На всех ярмарках, съездах, и на всех публичных сборищах он появлялся неизменно.

Мало интеллигентным и умственно слабо развитым сибирским кругам импонировал своим действительно необычным для этих мест видом, изысканностью одежды, поведения, разговора. Богатых простаков ошеломлял своими рассказами об обширных владениях, о многих сотнях *душ*, коими якобы обладал в губерниях средней России, о приятельских отношениях, которые связывали его с петербургской и московской знатью.

Эти импровизации, принятые «за чистую монету», определяли: «гулять», напиваться, играть в карты с Владимиром Осиповичем считалось недюжинной честью, которой добивались все, но которой тот достаивал только избранных, только привилегированных.

Не лишне добавить, конечно, что таковыми были прежде всего люди богатые, щедрые, не считавшиеся с расходами и не жалевшие денег.

Вопреки известной поговорке, Владимиру Осиповичу удача не изменяла никогда, ни в картах, ни с женщинами.

Что он сам «помогал» удаче – не вызывало сомнений. Надо, однако, признать, что делал он это очень умело, очень осторожно.

Впрочем, кто бы мог его в шулерстве уличить?... Владимир Осипович появлялся и за карты садился лишь тогда, когда вся компания была уже крепко под хмельком, а партнёры его – пьяны до бессознательности.

Мадемуазель, довольная, что нашла слушателя, который ей ни в чём не перечил, рассказывала, рассказывала без умолку, не останавливаясь, и говорила тем свободнее, что около буфета образовалась полная пустота, – никому не нужно было ни еды, ни напитков, гости *французского ресторана* уже всем пресытились до предела!

Некоторые, сморенные выпитым, вытянувшись на лавках, спали; другие, более стойкие, или не сумевшие найти место на лавках, дремали, опираясь головой о стол.

Из других комнат слышался топот наиболее выносливых танцоров, отрывочные слова бессмысленных песен и невообразимое пиликанье цыганской скрипки.

Только самобытная балалайка ещё очень громко и удачно звучала из боковой комнаты...

Лампы гасли, розовый рассвет уже заглядывал через грязные стёкла...

И вдруг раздался какой-то адский шум.

Кто-то подражал завыванию собаки... Другой кто-то – мяуканью кота... Кто-то мычал, как вол... Кто-то подражал пению петуха... кудахтанью курицы, которая снесла яйцо... Слышались и голоса, изображающие женский плач, гуканье младенца... грубый мужской смех... чавканье... храп...

Кто-то наяврил разухабистую песню...

Оказалось, это та самая компания, которая, как я видел, «завлялась» в Золотом зале и сейчас высыпала в буфетную с таким адским ором...

Присутствовали все в полном составе, кроме Владимира Осиповича, который успел незаметно испариться, выиграв, как мне потом рассказали, огромные суммы.

Это шумное пьяное шествие возглавлял «патриарх тобольский», экс-заключённый, обвинённый в фабрикации фальшивых банкнот, а сейчас – настоящий Крез: Илларию Таганцев.

Ольга и Соня вели его под руки.

Все трое остановились перед буфетом.

Мадемуазель сорвалась с места, ожидая заказов.

– *Человек!* – рыкнул Илларию Таганцев, прерванный подражанием собачьего визга. – *Человек!* Счёт!

– Уже готов, – ответила *мадемуазель* и, кокетничая, призывно глядя, выставив зубы, подала Таганцеву длинный исписанный лист.

Он посмотрел...

Пробежал лист глазами раз... второй... и третий... и крикнул:

– Неверный счёт!

– Но, *месье*, только то, что вы велели подавать, и здесь, и в Золотом зале, только то и внесено в наши книги и записано в ваш счёт: *parole d'honneur!*²⁷

– *Врёшь, скотина!* – рыкнул Иллариий Таганцев, бросив лист на прилавок и придерживая его кулаком. – *Врёшь!*

– Ах, *monsieur*, я обижусь! Я уже обиделась! – воскликнула *мадемуазель*, закрывая лицо ладонями и притворяясь, что плачет.

На помощь прибежал хозяин.

– Ах, *Превосходительство! Миленький! Голубчик!* Ах, если вы считаете, что в вашем счёте слишком много записано... я готов... и *мадемуазель* готова, мы вычеркнем, всё, что хотите... всё, только скажите, что... потрудитесь сказать, Иллариий Таганцев!

– Ничего не надо вычёркивать... А надо дописать... *Человек!* Подними с пола счёт. *Мадемуазель!* Дописывайте!

Иллариий Таганцев надулся, как индюк, красующийся на хозяйском дворе, и, слог за слогом, чётко и вразумительно отчеканил:

– Вписывайте, *мадемуазель*, сколько за то, что я в ваш *рояль* наплевал.

У *мадемуазель* перо выпало из рук, хозяин схватился за голову, потом заломил руки:

– Вы, вы, Иллариий Таганцев, наплевали в мой *рояль*... В мой прекрасный *рояль*.

– И не раз! – разразился хохотом «патриарх тобольский».

Вторила ему вся его компания.

– Как можно? – вскричал действительно поражённый владелец *рояля*. – Не верю!

– Ваша воля не верить... А моя воля была наплевать... Идите, *хозяин*, смотрите... Убедитесь... Удостоверьтесь.

Хозяин выскочил из-за прилавка, как стрела из лука, и полетел к Золотому залу. За ним подалась вагага менее пьяных гостей.

И тут же вернулись.

– Правда, чистая правда, Иллариий Таганцев, – подтвердил хозяин.

– Сколько я должен за то? – спросил «тобольский патриарх». – Посчитайте, прикиньте, *господин хозяин*, а вы, *мадемуазель*, на моём счёте запишите сумму, которая с меня полагается.

Хозяин со своей бухгалтершей советовались в сторонке. Говорили так тихо, что только некоторые выражения и цифры, подчеркнутые ими, можно было услышать:

– В Париже *рояль* стоил рублей...

– Упаковка рублей...

– Отправка морем...

– Морем и сушей, *патрон*...

– Ваша правда, *мадемуазель*. Морем и сушей, рублей...

– В таможене пошлина... рублей...

– Перевозка через Москву, Нижний... рублей...

– Доставка в Минусинск... рублей...

Пока *мадемуазель* и владелец *рояля* подсчитывали общие затраты, записывали цифры, пока, наконец, подбивали общий итог, на лицах окружающих читалось напряжённое ожидание. Только «тобольский патриарх» стоял победителем и большой потной лапой гладил Сонино лицо.

– *Превосходительство*... Иллариий Таганцев... *голубчик*..., – несмело, путаясь, бормотал хозяин, – мы подсчитали... я и *мадемуазель*... Она не... Она очень умная... Она подтвердит... этот *рояль* стоил мне очень, очень дорого...

– Сколько? – назовите, *прошу, господин хозяин*...

– Четыре тысячи рублей, – тихим голосом неуверенно сказал хозяин.

«Патриарх тобольский» рассмеялся во всё горло:

– И всего-то?

Вытянул из засаленного и потного кафтана покорёженный кожаный кошель, из растянутых его отделений вытащил банкноты, послунил пальцы и, демонстративно выкладывая на прилавок банкноту за банкнотой, отсчитал четыре тысячи рублей, заплатил по счёту за еду и напитки, затем снял с пальца дорогую печатку, завернул в несколько ценных банкнот, вручил всё это бухгалтерше и, поцеловав в обе щёчки, проговорил любезнейшим тоном:

– За то, что вам *надурочил*, миленькая *мадемуазель*.

Она поцеловала щедрую, дарующую руку и низко поклонилась.

– *Merci monsieur!* – радостно и взволнованно сказала она, прижимая подарок к груди. – Вы настоящий вельможа, Иллариий Таганцев. Покорно, покорно благодарю!

«Тобольский патриарх» сиял от несказанного удовлетворения.

– Счастье меня так и распирает, что я с вами, милые мои дружки. Пора, однако, возвращаться в город, для подкрепления, для *похмелья*²⁸. Покорно приглашаю дорогих друзей, покорно прошу ко мне.

И, хитро усмехаясь, добавил:

– Если бы *господин хозяин* был бы умнее и за *рояль* потребовал в два раза больше, я б охотно заплатил, не рядясь... Но, коли запросил только сумму стоимости, – я, Илларий Таганцев, именуемый «патриарх тобольский», говорю вам: *господин хозяин французского ресторана дурачище*.

Хозяин низко поклонился, в знак согласия.

Мнение о владельце ресторана громко обсуждала вся компания, сопровождающая Таганцева.

– *Дурачище! Дурачище!* – повторяли все, сплёвывая на пол прямо под ноги несчастного хозяина французского ресторана. Он осоловел от сожаления, что по своей же вине упустил пару тысяч рублей.

Компания Таганцева вывалилась за ним в сени, а оттуда на улицу, где перед домом их уже ожидало несколько тарантасов, запряжённых огнистыми рысаками...

Наконец, появился Светилкин.

К моему большому удовольствию, мой патрон был навеселе, но не пьян. Засмеялся и сказал:

– Я слышал, что этот наш «патриарх тобольский» по сей день фабрикует фальшивые деньги.

Хозяин молитвенно сложил руки.

– Помоги ему бог! Он настоящий вельможа...

– *Silence, monsieur!*²⁹ – громко прервала своего патрона осторожная *мадемуазель*. Наконец, мы со Светилкиным вышли.

Нет слов сказать, как я был измучен этим вынужденным участием в гулянке всю ночь во французском ресторане.

Светало.

Работящие китайцы встанут одновременно с солнцем.

Сейчас, выйдя, мы повстречали арбы, которые уже возвращались из Минусинска.

Остановились.

Джонерикша, что-то жевавший, остановился, обрадованный возможностью заработать.

Мы спросили его, хочет ли отвезти нас в город.

Сговорились мы без труда, хотя русский язык он не знал вовсе.

– *Хао! Хао! Но ходиа.хао!*³⁰, – согласился он с великой охотой и любезной улыбкой. Светилкин взгромоздился на арбу, я вскочил за ним.

Джонерикша понёсся такой рысью, словно добрый конь.

* * *

Никогда жилище Томаша Корсака не казалось мне таким живописным, как в тот день, когда я шёл к нему последний раз, когда накануне выезда из Минусинска шёл к брату по изгнанию попрощаться.

Крыша и стены домика, полностью обвитого хмелем и другими растениями, казались будто из малахита.

Отражение оранжевых настурций, пунцовых маков, пурпурных и белых пионов превратили стёкла окон в прекрасные, разноцветные витражи.

Большой, белый сибирский пёс с шелковистой шерстью, с хвостом, похожим на великолепный султан, встретил меня радостным визгом, – и быстрыми скачками понёсся к избе, словно лакей с докладом к хозяину о прибытии уважаемого гостя.

Томаш Корсак отвернулся от стола, на котором оставалась собственноручно приготовленная им еда, услышав визг своего любимца, и, быстро оглянув меня, воскликнул:

– Уезжаешь! Пришёл проститься со мной!

– Да, – ответил я тихо, потому что горе сжало мне горло, – Светилкин закончил все свои торговые дела, ему тоже уже надоело местные развлечения, и он сказал мне сейчас, что завтра ранним утром мы отбываем обратно на Большой Участок. Я упросил его освободить меня на сегодняшний день, чтобы познакомить его с вами, дорогой брат. Вы уже побывали в городе? Или от кого-то уже слышали о нашем отъезде, так что сразу угадали, с чем я к вам пришёл?

– Если бы я и был в городе, мне всё равно никто бы не мог сказать о предстоящем выезде Светилкина и о твоём. Но, видишь ли, дорогой, я в своей жизни пережил уже столько прощаний, столько расставаний, не надеясь на встречу в этом мире, что, только взглянув на твоё лицо, понял: твоё присутствие под этой крышей – последний раз.

– О! Ну почему же в последний? Может, я ещё сюда приеду через год...

– Дай-то бог, чтобы через год ты сюда не приезжал... Дай-то бог! Чтобы через год ты вернулся в свою Отчизну...

– А для вас, дорогой брат, – вскрикнул я, – для вас разве нет уже никакой надежды вернуться на Родину?

Он задумчиво покачал головой.

– Уже нет!... Я стар, измождён, берегу последние силы, последний дух... Напрасно тешиться надеждами, которым сбыться не суждено...

Снял с полки старинную, потрёпанную от частого пользования книжку, одетую в чёрный кожаный переплёт...

Перелистал в ней сколько-то страниц...

На каждой, наверное, было немало следов от его слёз...

Найдя место, которое искал, прочитал:

«Останетесь не только без Господина своей крови, но и без Отчизны, и станете изгнанниками, повсюду будете нищие, презренные, убогие бродяги, ногами коих движет беда».

Закрыв книгу, поцеловал её и сказал:

– Ведь и над нами исполнилось Сетование преподобного Златоуста... То, что Муж, преисполненный Божьим духом, предсказал, уже наступило, и встречается нам повсюду... Знаешь, я и ты, брат мой, и все, кто пошёл по нашим стопам, должны считать себя смертниками... Таким, как ты, как я, всем таким, как мы оба, не полагается изведать личного счастья и искать личной удачи... Наше терпение, наши беды, наши страдания, мы обязаны смиренно возложить на жертвенный алтарь, с той верой и надеждой, что из них расцветёт возрождение и благополучие будущих поколений...

Я опустил на землю...

Обнял колени старца, пребывавшего как бы в пророческом состоянии...

Он возложил на мою голову благословляющую ладонь...

.....

.....

В этот последний день моего пребывания в Минусинске мы не хотели расставаться и решили провести его вместе, – Томаш Корсак проводил меня в город.

Мы шли по дороге, что проходила через тот временный китайский городок, где на каждом шагу моему взору открывалось нечто, из-за чего стоило остановиться, что-то, к чему стоило подойти поближе...

Прежде всего поражали яркость и гармония красок в вышивках на шёлковых тканях; чудный колорит бабочек, птиц, цветов, растений и деревьев с фантастическим, не существующим в природе, обликом драконов, чешуйчатыми хребтами и переливчатыми крылами.

Можно было только подивиться шедеврам терпения и искусства человеческих рук: то истинно кружевная, тончайшая резьба по слоновой кости, то длинные цепочки из колечек без единого соединения, сделанных из единого куска кости, то ажурные шары, также нигде не спаянные, нигде не склеенные, в одном большом шаре, вмещающем пять или шесть всё уменьшающихся шаров – вплоть до маленького шарика, и все они украшены единым вырезанным рисунком.

В одной лавке, среди фестонов из голубого шёлка, на золочёных досках размещены были картины на прозрачных тонюсеньких пластинах из рисового теста.

Эти картинки подробно представляли сцены из жизни обитателей Небесной Империи, фигурки красивых китайок, важных мандаринов, учёных мудрецов, задумчивых бонз, грозных воинов, богатырей из древних легенд.

На личиках этих фигурок у каждой было своё выражение, каждая статья выражала свой особый характер. Каждую мельчайшую деталь одежды или оружия, все аксессуары китайские художники передавали с невероятной достоверностью, притом колорит этих искусных картинок был изумительно живописный и правдивый, без всякой лишней пестроты.

Чтобы это оценить, надо, конечно, всё это видеть...

Шаг за шагом мы медленно шли вдоль улиц, где на одной стороне стояли жилые дома, а на другой лавки, которые для европейцев оказывались полны чудес и чарующих особенностей.

Вместе с нами по улице двигалась разномастная толпа.

Окрики: *тхи-гха-хо!* врывались в разноязыкий говор, всё время встречались китайские паренки, которые развозили на тачках сладкие печенья: тхи, гха, хо, что сразу же привлекали приятным ароматом.

– Дорогой мой, ты совершенно погрузился в восхищение всякими изделиями, картинками, резьбой по слоновой кости. Несомненно,

всё это прекрасно и говорит о необыкновенном искусстве китайских мастеров, а также о высокой древней культуре Китая. А теперь позволь, я покажу тебе нечто, что, без сомнения, заинтересует тебя не меньше, чем все эти безделки, что ты разглядываешь, — сказал Томаш Корсак, и повёл меня в самый конец улицы.

Перед домиком с изогнутой крышей двое маленьких китайчат сидели на траве, задорно выбивая дробь двумя палочками на круглых плоских барабанчиках, кивая головками, так что их косички, тонкие и короткие, как мышьи хвостики, взлетали в такт ударов.

Стены этого домика полностью заслонял настоящий лес огромных, махровых, пунцовых, лиловых, розовых и белых маков.

При сильном ветре маки колыхались и похожи были на разноцветные волны...

В этом доме жил Кванг-си-тун, преславный лекарь. Здесь же помещалась его подручная аптека.

Единственные в этом доме двери, вернее, ворота были открыты настежь. Через них виднелось довольно узкое, но очень длинное помещение, тем более, что в конце его висело зеркало, что усиливало впечатление длины.

В этом помещении находился целый зверинец чучел птиц и рептилий.

Огромные крокодилы с разверзнутой пастью, ядовитые ящерицы с высунутыми жалами, пауки, летучие мыши и многие другие...

Все эти твари были развешены высоко, так что для стоящих внизу оставались недосыгаемы. И все эти мёртвые создания двигались, словно живые, вертелись, переворачивались, крокодиловая чешуя и шкурки ящериц блестели металлическим блеском, наверное, искусственным, как и глаза этих созданий, глаза сапфирового, изумрудного, рубинового, топазового цвета, видимо, стеклянные, но блестящие, как живые.

Чучела гадов и птиц были сильно освещены сверху.

Около ворот, на жёлтой рисовой циновке, в кругу верхнего света, сидел старый человек, худой, как скелет, с коричневой увядшей кожей, с выступающими скулами, глазами, глубоко сидевшими в орбитах, с длинной, седой косой. Лоб его бороздили глубокие морщины, а на бескровных губах блуждала насмешливая улыбка.

С плеч свисала тёмная шёлковая накидка, вышитая иероглифами.

Это был китаец Кванг-си-тун, лекарь, пользующийся в Минусинске огромной известностью.

Перед воротами, ведущими в длинное помещение, стоял молодой, очень высокий мужчина, который высоким голосом очень громко рассказывал несусветные истории о дивных излечениях Кванг-си-туна, а также о чудесах, что творили изготовленные им лекарства и эликсиры.

Этот зазывала, восхваляющий лекаря, все дифирамбы в честь Эскулапа и его лекарств возглашал по-русски, но и на языках разных кочевников, которыми, надо признать, владел свободно и бегло.

Бессильные старцы, удручённые женщины с детьми, разные калеки толпились перед этим чудодейственным прибежищем, где, судя по громким обещаниям, можно было получить излечение от разных болезней, недугов и людских огорчений, притом за малую плату, и не только выздороветь, но даже добиться омоложения и счастья.

Кванг-си-тун, как заверял зазывала, с одного взгляда определял болезнь и сразу же подбирал лекарство, которое могло эту болезнь одолеть.

Неудивительно, что при такой рекламе большие и малые суммы легковёрные больные и калеки массами опускали в большой кожаный кошель, что висел у пояса зазывалы и как о милости просили у него совета.

Как только пациент входил в помещение и вставал пред очи Кванг-си-туна, тот вперялся в него внимательным взглядом и долго всматривался. Потом брал со столика с перламутровой инкрустацией фарфоровые флакончики с жидкостью или коробочки из цветной бумаги, исписанные иероглифами, и вручал пациентам.

Это были лекарства для внутреннего употребления. Другим пациентам лекарь на большие части тела собственноручно накладывал пластыри, сперва окурив их ароматами и шепча заклинания. Все эти манипуляции, должно быть, очень хорошо действовали на пациентов, потому что все, без исключения, выходили от Кванг-си-туна явно полные бодрости, веры и надежды в улучшение здоровья и облегчение болезни.

– Я тоже попрошу Кванг-си-туна о помощи, – сказал я своему товарищу.

– Разве ты болен, – удивился Томаш Корсак, – и разве доверяешь советам этого косоглазого шарлатана?

– Я не болен, но хочу развлечься, а, главное, вблизи присмотреться к этой личности, потому что уж, наверное, другой раз в жизни мне не представится возможности увидеть подобное в таком окружении и на таком фоне.

Когда подошла моя очередь, я приблизился к толмачу и спросил его по-русски:

– Обладает ли великий учёный и мудрый Кванг-си-тун в своей чудодейственной аптеке таким напитком, или порошком, который может излечить душевную болезнь?

Зазывала, который явно не понимал выражение «душевная болезнь», уставился на меня удивлёнными глазами.

– Расскажите учёному Кванг-си-туну, что изгнанник из очень далёкой и красивой страны, тоскующий днём и ночью, просит у него лекарства от своей тоски.

– Повторите то, что сказали, дословно повторите Кванг-си-туну, – сказал зазывала, и когда я так сделал, китаец-лекарь пару раз воскликнул:

– Funda! Funda!

Быстро, пронзительно и со всем вниманием поглядел на меня... покачал головой и тихо произнёс пару слов, которые, как объяснил толмач, значат, что от подобной болезни нет и не может быть ни порошков, и никакого зелья, и никаких микстур, и вообще никаких лекарств.

– Смотри-ка, этот косоокий Эскулап очень толково рассуждает, он, видно, гораздо разумнее и порядочней, чем можно представить, – засмеялся Томаш Корсак, а я снова повернулся к толмачу.

– А мог бы великий мудрец и учёный Кванг-си-тун сделать так, чтобы я, хотя бы во сне, хотя бы на минуту, увидел те любимые края, по каким я тоскую?

На этот раз, выслушав толмача, китайский лекарь улыбнулся мне и склонил голову, подтверждая, что якобы может исполнить то, о чём его просят.

Тогда я вложил уплату в кожаный кошель толмача, который пригласил нас вглубь дома, явно торопясь, потому что китайцы свой рабочий день ориентируют по солнцу. Сразу же после закатной зари все дела заканчиваются.

Только в курильнях опиума в это время наступает оживление.

Через помещение, где Кванг-си-тун весь день пользовал пациентов и наделял их лекарствами, толмач провёл нас в комнату, значительно меньшую и совершенно иной обстановки.

Стены здесь были покрыты тёмными лаковыми таблицами цвета палисандра, с позолоченными выпуклыми иероглифами.

На низеньких столиках стояли великолепные фарфоровые вазы, в которых красовались пучки зелёных растений, а также букеты цветов необычного вида, так что возникала мысль, будто к свежим цветам добавлены искусственные из тончайшей прозрачной ткани.

Свисающие с потолка бумажные китайские фонари легко колыхались, так что по комнате мелькали разноцветные блики света, перемежаясь с глубокой тенью...

Сразу же, когда мы сюда вошли, нас охватило необычное, особое ощущение...

Оба мы молчали...

Вдруг откуда-то из-за какой-то ширмочки появилась некая фигура. Это был Кванг-си-тун, одетый в сапфировый халат, вышитый выпуклыми грифами и драконами. На голове – золотистая тубетейка.

Теперь он казался ещё выше, ещё худее, ещё внушительнее, чем днём.

А в этих золотистых отблесках выглядел как маг, или властелин какой-нибудь сказочной Колхиды...

Он встал напротив меня и заговорил голосом, вибрирующим низкими тонами, медленно и настойчиво.

Толмач тоже убедительно, и свободно владея русским, повторял за ним, обращаясь ко мне:

– Думайте о той далёкой и красивой стране, о стране, по которой тоскуете... Думайте о ней... Желайте её увидеть... И вскоре увидите её... И вскоре окажетесь там...

Во время этого разговора Кванг-си-тун пристально устремил свой взор в мои глаза...

Что-то необычайное, неподдающееся описанию, происходило, какая-то неестественная сила струилась из глаз и от всего тела этого Азиата, непреодолимо приковывала к нему.

Я хотел отвернуться – не мог... Пытался опустить веки – не мог... Я чувствовал, что какой-то горячий поток струится из его глаз и проникает в меня...

Я чувствовал, что его воля подавляет мою... Что вся моя духовная сущность покорена, попала в полное, абсолютное подчинение, так же, как обессилела моя физическая оболочка...

Коридор, таблицы с иероглифами, вазы, букеты...

Томаш Корсак... Толмач... Сам Кванг-си-тун – отступали от меня всё дальше и дальше... Пока совсем не исчезли из глаз.

А вместо – я увидел:

Цветущие, душистые луга...

Вспаханые нивы...

На ветках грушевого дерева – белое, весеннее цветение...

Вишнёвые сады, полные деревьев, покрытых пурпурными ягодами...

Сады, полные золотистых, красных яблок и тёмно-фиолетовых слив...

Узрел мою родную сторонку...

Увидел знакомые мне околицы, по которым бродил, как посланник Пробста из Ходла...

Узнавал знакомые дворы...

Соломой покрытые хаты, где меня всегда так радостно и гостеприимно встречали...

Я слышал, как шелестят тёмные, древние леса, я слышал весёлый шум лиственных рощ...

Я слышал, как поёт жаворонок и клекочет *бочек* на душистой цветущей липе...

Я слышал, как в костёле из груди верующего люда рвался протяжный хорал:

Боже Святой!

Святой Всесильный, Святой и Бессмертный,

Смилуйся над нами!...

Как картинки в волшебном фонаре, передо мной, выросшим и любимым в этом краю, мелькали все облики его красоты, в разные времена года, в разное время дня...

И всё так правдиво, так точно в главных контурах и в наимельчайших подробностях предметов, освещения, колорита...

Потом эти живописные пейзажи покрыли тени... Тени сгущались... Всё более чернели, будто над этой моей землёй исчез ясный свет...

И, наконец, всё, и меня со всем, что я только что видел, объяла тёмная, непреодолимая ночь...

.....

.....

Вдруг я почувствовал, будто кто-то сильно встряхнул меня... будто какая-то тяжесть свалилась с моей головы и груди... как будто сняты с меня оковы, мешавшие свободно двигаться...

Я глубоко вздохнул...

Окружающая меня темнота поредела... расплылась, как рассеиваются перед солнцем тучи.

Обретаю полное сознание... полное ощущение действительности...

Я уже знаю, что нахожусь в комнате китайского лекаря...

Вижу, что в стороне, недалеко от меня стоит Томаш Корсак...

Кванг-си-тун тоже стоит напротив меня...

Он опирается рукой о какую-то бамбуковую перегородку с высоким гребнем... Из его приоткрытого халата видна сухая, смуглая грудь, которая будто колеблется волнами, так быстро он дышит.

Он выглядит ещё более усталым, изнурённым, сторбленным, физически обессиленным. Лицо его как бы присыпано пеплом, глаза глубоко запали в орбиты и глядят матово, без блеска, будто утратили свою силу.

– Ну что? Ну что? – спрашивает Томаш Корсак... – Ты стоял, как каменный столб, совершенно недвижимый...

– Как долго? – спросил я.

– Четыре минуты.

– Ты шутишь, наверное, дорогой брат.

– Вовсе не шучу. Я посмотрел на часы. Твоя неподвижность во время этого эксперимента уже начала меня волновать.

– Что? Четыре минуты? Всего четыре минуты длилось это моё необыкновенное видение?

– А что это было за видение?

– Я думаю, что душа моя пребывала там, где хотел бы находиться я сам. Я видел то, что хотел видеть... Всё получилось, как я надеялся, и как обещал Кванг-си-тун.

– То есть...

– То есть мой дух в течение четырёх минут очутился в другой части света и гостил в моей Отчизне.

Я очень низко склонился перед Кванг-си-туном. Его ладонь я пожал так сильно, что даже почувствовал сердцебиение, и с глубокой, горячей благодарностью сказал:

– *Taosje!*³¹

Добродушная усмешка озарила мрачный облик китайского лекаря, то ли лекаря, то ли чародея, – я не знаю, каким титулом величать Кванг-си-туна.

Его рука ответила мне долгим, долгим рукопожатием.

.....
.....

Неужели, волею какой-то ещё неизученной силы, которой Кванг-си-тун обладал и вдохнул в меня, мой дух взвился *ad astra*³² и в непостижимых для людского ока видениях, – в обычном состоянии, – в течение этих четырёх минут я побывал на любимой Земле? Или только необычная обстановка, при моём столь жгучем желании, вызвала такую галлюцинацию? Сам не знаю...

И, конечно, никто мне этого ни объяснить, ни растолковать не смог...

Одно – непреложно: это моё четырёхминутное ощущение, будто я побывал в королевстве *Спящей Красавицы*, я причислил к самым дорогим мгновениям моего первого изгнания в Сибирь...

«СКАЖИТЕ ЕМУ, ЧТО...»

... есть такие... Я вам говорю, *господа*, их много, целая толпа!...

Так закончил свой рассказ Максименко. После отбытия из Тобольска партия, в которую нас включили, пройдя месячный

поход, задержалась для длительного отдыха в уездном городе Тобольской губернии под названием Тара.

Братья поляки, поселенцы Тары: Кароль Богдашевский, Адам Клосовский, Констанций Дороткевич, Скивский, Хомницкий проводывали нас ежедневно, а то и по два раза в день, тем самым облегчая пребывание в *арестантском дворе*.

Лишь после того, как закрывались ворота тюрьмы, вечерами мы очень скучали, поскольку в карты не играли и не напивались, как обычно коротают время наши сотоварищи, «бандиты».

Обычно вечерами, в избе, куда нас, Поляков, помещали, появлялся некий Максименко.

Кем был на самом деле этот дедок?...

Мы не спрашивали и, конечно, правды не узнали бы, да и никто не мог бы нам рассказать о нём, потому что даже старожилы Тары помнили Максименко как поселенца. Он нигде не работал, не имел никаких средств, но держался весьма достойно, всякий раз рассказывая, что принадлежит к партии, которая задерживается в Таре на некоторое время с этапом.

Смутные слухи доносили, что услуги, которые Максименко иногда оказывал, не всегда соответствовали законам, например: он пускал в оборот фальшивые мелкие деньги, которые во множестве фабриковали рецидивисты в сибирских тюрьмах.

Однако Максименко всегда удавалось «отлизаться»³³ из всяких ситуаций и заковырок, притом даже фискальные фигуры не раз пользовались посредничеством этого деда в разных делах «деликатного свойства».

Максименко шатался по всему зданию тюрьмы, имел доступ повсюду, часто в тюрьме и ночевал, а в нашу избу назойливо пытался втереться, уже зная, что у *политиков* можно легче всего заработать, притом ничем не рискуя, и не попадая в неприятности с властями. Мы же сразу приняли его неохотно и резко...

Не обидевшись, он постоянно приставал к нам столько раз, что напролом всё же добился доступа в нашу избу и закрепился на занятой позиции.

Западную Сибирь и большую часть Забайкальского края он знал наизусть, и об уже известных нам местах, а также о якутах, тунгусах и других кочевниках, об их обычаях и верованиях рассказывал

очень интересные подробности, очень красочным и своеобразным языком описывал таинственную тайгу и необозримые степи.

И образы эти оживлял, вплетая в них свои личные, часто архи-забавные и необычные похождения.

Заметив, что ему удалось нас заинтересовать своими рассказами, смеялся, обнажая пеньки испорченных зубов, и, протягивая нам свою меховую сибирскую ушанку, хохотал:

– Ну-с, господа, киньте сюда горсть *никалашек*³⁴, и скажите: «вот тебе на горилку и хлеб-соль, и на постолы, старый гриб».

Разумеется, такое обращение к нашему великодушью никогда не оставалось безответным.

Максименко с хитроватой, слегка ироничной усмешкой прятал в заначку копейки и, если пора была ещё не поздняя, а нам хотелось ещё слушать, опять принимался рассказывать.

* * *

– «Есть такие», говоришь, дед, тогда я спрашиваю: какие они «такие»? – спросил Александр Гжегожевский, который вернулся из тюремной канцелярии, куда ходил за какой-то нужной нам информацией.

Максименко рад вопросу и не медлит с ответом.

– Я слышал, что есть такие «бродячие» люди, которые в мешках прячут всякие ветры. Такие ветры, которые землю осушают и вызывают солнечные пожары, а в жару вдруг приносят холод...

И ещё – такие бури, что строения сдувает с земли, как пёрышки, а *народ* и всяких зверей убивают, на озёрах и реках лодки и даже корабли на морях топят. Слышал я, что есть такие люди, что разносят по свету мор и разные болезни в своих больших кожаных мешках... Где захотят, развяжут и выпустят заразы и болезни... И тогда люди целыми табунами падают замертво...

– А ты сам веришь в это, дед? – прервал Александр Гжегожевский.

– Откуда мне знать?... Верю или не верю... Мои старые выцветшие зенки много чего в этом мире повидали... Много чего... Наверное, верю! – воскликнул он после долгого раздумья.

Когда мы прибыли в Тобольск, в городе как раз вспыхнула холера, городские жители обвиняли нас, Поляков, что это мы из ненависти к россиянам умышленно привезли холеру в своём багаже.

Если бы нас не заперли в тюрьме, куда имели доступ урядник и стража, и никто с нами больше не общался, мы вполне могли заплатить жизнью за невежество тёмного люда.

Рассказ Максименко напомнил Гжегожевскому эти недавние наши невзгоды и беды, и он не на шутку рассердился.

– И как вы, дорогие мои, можете слушать байки, которые нам плетёт этот пьяница и попрошайка! Это просто стыд для интеллигентных людей! – кричал он, бегая по избе.

– Поскольку ты сам его спросил, Олесь, стыдись ты, знаешь ли, мы тут не при чём. Мы только слушаем байки деда, а ты сам натолкнул его на такие разговоры, – смеялись мы, что приводило Гжегожевского в ещё больший гнев.

Хотя мы говорили по-польски, шустрый Максименко догадался, что речь идёт о нём. Потому, опасаясь потерять источник *никалашек*, повёл разговор о другом.

– Забыл вам сказать, *господа*, что сегодня я был в *петербургской гостинице*... Приехала и остановилась там...

Медленно цедил он слово за словом. И замолк. Смотрел на нас исподлобья, пытаясь определить, достаточно ли разжёл наше любопытство. И ждал.

А не дождавшись от нас вопроса, кто приехал в петербургскую гостиницу, и кто там пребывает, выпалил одним духом:

– Приехала какая-то *барышня*, по-русски плохо понимает, *видно*, из ваших, потому что очень на вас похожа.

Поистине, дед Максименко был мудрым и бывалым человеком, к тому же хорошим психологом.

И ему удалось-таки нас заинтересовать и разжечь наше любопытство.

Все впились в него глазами и кто-то из нас спросил:

– А Максименко не знает, как зовут эту приезжую госпожу?

Дед покачал головой.

– Не знаю. Но могу узнать, если угодно господам «шляхте».

– Так пусть же Максименко узнает, просим, и соответственно вознаградим.

– Бегите, дед, в эту *петербургскую гостиницу*, и узнайте об этой госпоже точные и вразумительные сведения.

Дед хитро усмехнулся.

– Сейчас я в *петербургскую гостиницу* идти не могу, я же не *летяга*³⁵, чтобы мне по ночам летать. Если я отсюда сейчас выйду, так они, мать их, сука шелудивая, не впустят меня обратно в *тюрьму*. Но утром, как только отопрут ворота, выскочу в город, всё узнаю, вернусь в вашу *спальню* и подробно вам отрапортую, что и как было и есть, – и, отсалютовав по-военному, вышел, не скрывая радости, что весть, которую нам сообщил, так быстро нас заинтриговала.

Максименко слово сдержал.

Утром, чуть не на рассвете, появился в нашей избе.

Сперва набожно перекрестился и пожелал нам счастливого доброго дня. Потом встал посреди избы, держа шапку под мышкой, одной рукой опираясь о косяк, другой расчёсывал свою длинную, спутанную белую бороду, закрывающую почти всё его лицо.

То моргал, то обтирал красные, набрякшие веки... Харкал... Громко кашлял и, наконец, крикнул:

– Всё в полном порядке!

Олесь Гжегожевский нетерпеливо его прервал:

– Максименко был в этом петербургском отеле? Максименко видал эту госпожу?

Дед обхватил большущей лапой свою бороду, стиснул в горсти, потом самый кончик всунул в беззубый рот, покивал головой и ответил:

– Видел – почему нет? – видел эту *барышню*... Бледная, как мамонтова кость, щёчки гладенькие, как зеркала, а на личике румянец просто как красное *винцо*. А *бродни*³⁶ такие малюсенькие, как мои два пальца... не, вру! Такие малюсенькие, как мой один палец.

– Хватит об этом, – раздражённо прервал кто-то из нас этот бесполезный разговор, – ты узнал, дед, как зовут эту госпожу?

– Этого не узнал, – ответил Максименко, и после долгих колебаний и увёрток должен был всё-таки сознаться, что не смог добыть других сведений о приезжей, которую только мимолётно увидел, когда она остановилась около «петербургского отеля».

Хозяин отеля, татарин Ахметка, который, по заверениям деда, очень с ним дружен и ничего от него не скрывает, тем не менее, отказался от всяких объяснений и ответов, касательно незнакомой приезжей.

Слуги в гостинице тоже ничего не хотели о ней говорить.

– Я предлагал этим *лизолапам* полсеребряника, так не хотели даже морды повернуть, – сердился Максименко, очень сконфуженный и униженный неполнотой добытых сведений.

– Это, наверное, какая-нибудь княжна или купчиха с тысячным состоянием из дому от родителей сбежала искать свою судьбу в широком и большом мире, или своего милого любовничка догоняет. И прячется от людей, чтобы родители не напали на её след.

Так считал Максименко.

У нас же были другие предположения.

В ту пору уже не одна Польшка и не одна Россиянка последовали тернистым путём за каторжником-мужем в Сибирь.

Мы предполагали, что таинственная приезжая – именно такая восторженная женщина, такая благородная добровольная изгнанница, которая ожидает в Таре прибытия своего мужа, чтобы дальше проделать поход до места казни вместе с партией, в которую попал арестованный.

– Наверное, – думали мы, – это дама из высшего общества и потому избегает любопытствующих, их разговоров, и скрывается от слуг.

Это очень разумно и правильно.

Как бы там ни было, а мы решили с этой дамой обязательно познакомиться.

И тогда вчетвером, взяв с собой Кароля Богдашевского в качестве переговорщика, отправились в «петербургский отель». Это был большой грязный дом с обязательным *кабаком*, с лавкой разных разностей и несколькими хозяйственными постройками, стоящими в каре, около главного здания, где размещались комнаты для гостей – приезжих или местных – что приходили сюда искать утех или сгубить кусочек повседневной жизни в кабаке.

Таковых, очевидно, собралась немалая компания, причём в отменном настроении, поскольку издали слышны была балалайка, песни, танцы и громкий говор.

В конюшне было полно тарантасов, коней, возов, кибиток, а перед настежь распахнутыми воротами дома мы увидели особых посетителей: медведя и волка.

То ли двое четвероногих сторожей каждого впускали в отель, но никого не выпускали, а лишь тех, кого провожал кто-нибудь из слуг, либо сам хозяин.

С теми, кого они знали, с постоянными посетителями кабака и постоянными гостями отеля, Миша-медведь и Саша-волк «здоровались», приветствовали, ощерив клыки, что должно было служить знаком большого расположения.

Миша быстро карабкался на высокий столб, с которого сползал с ловкостью истового гимнаста, а Саша в это время грыз кости, целая груда которых лежала под стенами и воротами отеля.

Кароль Богдашевский велел позвать хозяина.

На вопросы о той даме, что пару дней приехала издалека и здесь остановилась, татарин Ахметка отвечал путано, двусмысленно и увиливая.

Причём на его плоском тёмном лице читалось беспокойство, а в маленьких скошенных глазах загорались настороженные огоньки, как в зрачках дикого зверя.

Всё это было очень подозрительно.

Кароль Богдашевский сказал, что эта постоялица его кровная родня, приезд которой он давно ожидает, что он хочет и должен увидеться с ней, что если Ахметка тут же не проводит нас к этой госпоже, – мы пойдём в полицию.

Загнанный в угол, Ахметка, наконец, решился проводить нас вглубь дома, причём рассказывал, что дама приехала уже нездоровой, что её состояние всё ухудшалось и сейчас она очень больна.

– Почему не вызвали врача? – спросил Кароль.

– Сама *барышня* не хотела, не приказывала, а почему? Не могу знать, – ответил Ахметка.

Всё ещё медля, жалуясь и сетуя на хлопоты и неприятности, с которыми ему, как хозяину отеля, приходится слишком часто сталкиваться, татарин проводил нас через целый лабиринт коридорчиков, каморок, потайных лестниц, высоких порогов, до боковой пристройки.

Тут, опередивши нас перед дверьми в деревянной стене и указав на дверь, сказал:

– Здесь!

Богдашевский легонько постучал.

Постучал чуть громче второй раз. И, наконец, в третий...

Но из-за закрытых дверей не слышно было ни голоса, ни движения, ни наилегчайшего шелеста.

– Может, она вышла? – спросил он у Ахмета.

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет! Я вам точно говорю, что она больна, что вообще не выходит и даже не поднимается с постели.

– Тем более нам нужно её повидать. Нечего раздумывать, нечего колебаться.

– Конечно! Иди ты, Кароль, на первый залп, – сказали мы, – ты одет как цивилизованный европеец, мы же в наших каторжных одежках выглядим как бандиты, мы только испугаем больную.

– Правда! – поддакнули друзья.

Богдашевский осторожно приоткрыл дверь. Вошёл... Осторожно закрыл дверь за собой.

Нас удивило, что за этими дверьми мы не услышали никакого голоса...

Вдруг Кароль быстро вышел в коридорчик...

– Входите! Входите! Бога ради, – звал он нас шёпотом, голос его сильно изменился.

В комнатке, вернее, в низкой мансарде, слабо освещённой круглым окном под самой крышей, на кровати, накрытой несвежей постелью, лежала женщина. Она была молода.

Её длинные светлые косы свисали, расплетёнными и растрёпанными концами касаясь пола. Под шёлковым лёгким одеялом угадывались контуры высокой, худощавой фигуры.

Молодая женщина явно была очень тяжело больна.

О сильной горячке свидетельствовала её пылающая голова, неподвижно лежащая на подушках; её воспалённые глаза, горевшее от жара, нежное, прекрасное лицо, её горячие руки, которые на пурпуровом атласе одеяла казались выточенными из алебаstra.

Она была совершенно без сознания.

Мы обратились к ней по-польски, по-французски, наконец, по-русски.

Она не ответила нам, очевидно, не понимая ничего и не отдавая себе отчёт, что около неё происходит.

– Но тут нужна немедленная медицинская помощь, – вскричал Богдашевский.

– Адам, – обратился он к Клосовскому, – беги к доктору Муразову. Если дома не застанешь, то в офицерском клубе точно его найдёшь. Хватай деда, сажай в тарантас, и доставь возможно скорее.

Клосовский выбежал, а мы тем временем осмотрели мансарду, пытаюсь отгадать, кто это чудесное создание, молоденькая девушка, которую трагическая судьба пригнала сюда северной зимой, – а случай отдал больную, безродную неприкаянную под опеку изгнанников, под нашу опеку. Что она принадлежала к высшему обществу, свидетельствовало всё её обличье, благородство её поистине изумительной красоты.

Женщина бедная не могла быть одета в такое изящное бельё, лежать на дорогой постели, как эта больная.

Пока мы бились над этой живой загадкой, Олесь Гжегожевский, который в это время шнырял по мансарде, изучая все её углы, вдруг поднял с пола какой-то маленький предмет...

Это была суконная ладанка.

На одной стороне ладанки голубым шёлком вышиты слова: «Наисвятейшая Богоматерь Ченстоховская, проводи мою Маришеньку по тернистому пути, который она для себя избрала».

Таинственность, окружавшая больную женщину, понемногу начала разъясняться в самой для нас интересной ипостаси: эта прекрасная особа была Полька и эта ладанка, несомненно, принадлежала ей.

Никто из местных не чтит и не носил таких святынь.

Ни один наш земляк в эту пору через Тару не проезжал, в этом отеле не останавливался, жившие здесь Поляки об этом бы узнали.

Наше сочувствие к больной ещё усилилось от того, что эта несчастная оказалась нашей землячкой.

Богдашевский решил, что сразу же после посещения врача он перевезёт её в другое жилище, более достойное, чем эта мансарда в грязном сибирском заезжем дворе, где днём и ночью раздавались крики и пьяная брань, и царило беспредельное хамство, где из каждой комнаты и каждого уголка исходило несносное зловоние, просто убийственные для изнурённой женщины, притом непривычной к подобной обстановке.

Вскоре Адам Клосовский привёл доктора Муразова.

Эскулап явился хмурый, в кислом, как уксус, настроении, сердитый, оттого, что его оторвали от забав офицерского клуба. Именно в этот день ему везло в игре, и тут чёрт принёс этого Поляка с вызовом к больной родственнице. Наверняка это жена какого-нибудь «мятежника», а, может, она сама – «мятежница», которая могла бы себе спокойно помереть в любое время, никого не утруждая: смерть каждого «мятежника» или «мятежницы» – очевидная польза для «матушки России».

Примерно так должен был рассуждать доктор Муразов, что мы поняли из его поведения и чёрного юмора.

Тем не менее, он стал вежливым, любезным и приятным в обращении, как только после взаимных приветствий Кароль Богдашевский прямо у входа вручил ему свиток банкнот.

Он принял деньги без церемоний и, удостоверившись, что предложенная сумма намного превышает обычный докторский гонорар в Таре, сразу же из грубияна превратился в человека обходительного и внимательного, как и положено врачу, лечащему охотно, и принялся выслушивать больную. Осмотр получился печальный. Муразов признал состояние пациентки, как весьма опасное.

Поставил диагноз: воспаление лёгких, осложнённое воспаление мозга. А эти две болезни, при слабом организме, не сулят быстрого выздоровления, более того: следовало готовиться к катастрофе.

* * *

Партия, в которую мы входили, выбывала из Тары быстрее, чем было намечено. Разные прогнозы, а, главное, ранние холода предвещали быструю и тяжкую зиму. Потому партия должна была поспешить, чтобы возможно скорее добраться до Томска.

Покидая Тару, мы оставили «нашу Маришеньку» (теперь мы так называли больную девушку) в том же состоянии, в каком увидели её впервые.

Её польское происхождение не вызывало никаких сомнений.

Ни на минуту не приходила она в сознание, лишь при каких-то горячечных видениях с её прекрасных уст срывались имена, или выражения, бессвязные слова – имена, обычные в Польше, и выражения были часто чисто польские.

Что последовала она в Сибирь за мужем или возлюбленным, тоже можно было сказать наверняка, ибо какой другой повод кроме жертвенной любви мог бы погнать красавицу, молоденькую Полячку, по этому тернистому пути, вытоптанному стопами политических преступников?...

Тем не менее, фамилия нашей Маришеньки так и оставалась для нас тайной.

В течение многих лет нас переводили из тюрьмы в тюрьму, перемещали из крепости в крепость, мы знали целую армию осуждённых, если не лично, то понаслышке из рассказов сотоварищей.

Не чужды были мне имена разных заговорщиков, известен их удел в разных обстоятельствах и в разных происшествиях. Всё это засело у меня в памяти, также, как Катехизис и Отче Наш.

Не раз я пытался звать: «Сестрица», и называл то или иное имя, возможно, счастливого, которого удостоила любви «наша Маришенька».

В конце концов, при различных раскладах и комбинациях, сопоставлениях времени, мест, личностей, выросло целое сооружение правдоподобности и домыслов, и всё это привычно рушилось, как здание на хрупком фундаменте.

Но, конечно, у «нашей Маришеньки» должен был быть паспорт и прочие подорожные документы, подтверждающие её личность, место рождения, место, куда она отправлялась в свою вынужденную дорогу.

А эти документы исчезли, пропали без следа.

Некоторые из посетителей «кабака» и «петербургского» заезжего двора вспоминали, что эта красивая больная девица, которую

взяли под опеку Поляки, прибыла несколько дней назад в Тару на тарантасе, гружённом *чемоданами* и множеством тюков.

Они помнили, что эти чемоданы и тюки отнесены были в переднюю комнату отеля.

По наблюдениям таких свидетелей, эта барышня была очень богата, *ямщик*, который её привёз, долго и подробно рассказывал о её доброте и щедрости, о том, что она ни с кем не торговалась, платила за всё, сколько просили, хотя ей называли цены, намного выше, чем обычные.

Отсюда следовал вывод, что «наша Маришенька» заболела сразу по приезде в Тару, что Ахметка перевёл неприкайную несчастную из её *парадной комнаты* в мансарду, чтоб её там спрятать и скрыть от любопытных глаз, что он присвоил весь её багаж, а паспорт и подорожные документы уничтожил, сразу же уложив больную девушку в постель, в доказательство её болезни.

Всё это было ясно.

Тем не менее, Ахметка всё отрицал.

Досмотр в *петербургском отеле* не выявил ничего подозрительного, равно полиция отрицала наличие подорожных бумаг.

Накануне отбытия партии в поход мы пошли проведать больную.

Наши братья, живущие в Таре, перенесли «нашу Маришеньку» из мансарды заезжего двора в другое жилище.

Теперь она занимала большую комнату, чистую и светлую, с видом на реку Архарку и древние вечнозелёные леса.

Она располагала удобствами, её лечил лекарь, её неустанно опекали приятные горячие сердца, готовые ради неё на любые жертвы...

С уважением пожимали мы исхудалые и горячие ручки больной, прикасались к ней лёгкими поцелуями и шептали пожелания здоровья.

– Встретимся ли мы с ней ещё когда-нибудь?... – спрашивал я растроганно и печально.

– Ты спрашиваешь, встретимся ли мы ещё с ней? Но, дорогой мой, конечно же, встретимся... если не на этой земле, то по ту сторону гроба... Ведь мы шли по жизни общим путём, – ответил профессор Жоховский.

* * *

– Фактически наша работа – это работа Данаид! Несколько дней дождя напрочь смывали вал, построенный нашими руками. Первый же разлив снесёт его вообще. И снова придётся тачками подвозить навоз, смешивать с гравием, песком, тростником, придётся всё это укладывать, трамбовать, чтобы, закончив, вскоре проделать то же самое... Право, трудно придумать другую, столь же оглуляющую работу!

Так вещал Юзеф Богуславский, тыкая в землю лопатой, которую держал в руке, а я отвечал ему со смехом:

– А ты что думал, Юзик? Что нас послали на каторгу с целью развития умственных способностей и для использования на полезной и продуктивной работе?... Мы должны приучать себя к «оглуляющим» работам, потому что других на каторге не будет...

Юзеф Богуславский и я беседовали так в Усть-Каменогорске³⁷.

Поскольку мы закончили назначенную нам порцию работы раньше других и ожидали, пока сотоварищи закончат свою, мы отдыхали, глядя то на погожее небо, то на Иртыш, в то время спокойный, гладкий, как отполированный лист стекла, в котором отражался то сапфир небес, то белые перелётные облака.

Подошёл офицер в звании инженера, обозрел вал, который каторжники насыпали над Иртышем. Местами замечал небрежную работу и, наверное, чтобы придать себе больше веса, ругал каторжников, ругал конвойных дозорных, а потом приказал вернуться в каземат.

В дороге встретили ефрейтора, который сказал, чтобы я явился в канцелярию коменданта крепости.

Комендант, майор Маценко, был неплохим человеком, особенно для нас, поляков. Держал себя пристойно, вежливо, и не скрывал симпатии, что таилась в его душе по отношению к Польше.

– Рад, что могу вам доставить удовольствие, Шимон Себастьянович, – сказал он, когда меня привели в канцелярию и вручили мне письмо, которое почта только что привезла.

Я взглянул на почтовый штемпель...

Письмо пришло из Тары.

Пропутешествовало оно всего пару месяцев...

В сороковых годах, нас, каторжников, редко когда привозили сразу к месту казни.

Включали нас то в одну, то в другую партию преступников. Мы отбывали долгие походы вглубь Сибири, чтобы потом, той же дорогой, поворачивать к Уралу и России.

Это были поспешные марши и поспешные рокировки.

Были то долгие и короткие этапы, в зависимости, конечно, от соображений начальников в главных сибирских городах.

Так что письма тоже проделывали долгие путешествия, пока попадали к адресату.

Получив письмо из рук майора Маценко, распечатал его поспешно.

Я был уверен, что это, несколько месяцев ожидаемое мною послание, содержит вести о «нашей Маришеньке».

И предчувствие меня не обмануло...

Кароль Богдашевский, не скупясь на подробности, рассказал нам о той женщине, которую мы узнали в Таре и к которой испытывали такую сердечную привязанность и сочувствие.

Лекарь Муразов правильно поставил диагноз.

«Наша Маришенька» потихоньку... потихоньку... увядала, как цветок, схваченный морозом...

Угасла, как звезда, которую громовые тучи укрыли так, что она совсем исчезает и навсегда прячется от устремлённых к ней людских глаз...

«Наша Маришенька» оставалась без сознания. За минуту до гибели у бедняжки появился лёгкий проблеск сознания...

Просящим жестом протянула она ручонки к братьям-изгнанникам, которые в последние дни её жизни находились около неё не престанно, с большим усилием прошептала:

– Передайте ему, что...

И – всё.

Более не последовало ни одного слова... ни одного слога...

* * *

Никто из нас не смог выполнить предсмертной воли «нашей Маришеньки». Никому из нас не удалось узнать, что и кому хотела она передать.

Перевод с польского Мэри Кушниковой

Леонид Лопатин

ЖИТЬ ВО ЛЖИ

**Советское образование и воспитание
в пятидесятилетних наблюдениях
школьника, студента, учителя,
профессора¹**

(Продолжение, начало см. «ГС» №5-6)

Гражданственность

Для понимания масштабов обмана и антинародной сущности советской власти одних только знаний историку мало. Нужна гражданственность, понимание того, что тобой в профессии движет. Если – личная карьера и желание быть обласканным благосклонным взором начальства, то будешь писать так, как тому начальству нужно. И получать за это медалки, сиденье в президиумах, место в тусовке власть предержащих. Это греет самолюбие, тешит мысль о твоей будто бы научной значимости, приносит ощутимые (или не очень) материальные блага.

Но тогда ты, по порядочному счету, не можешь говорить: «Честь имею!». Ты её продал за ласковый взгляд вождя или его слуг. Вот почему любимчиками власти как в годы коммунизма, так и демократические 90-е, а затем и в реставрационные 2000-е годы были одни и те же учёные-обществоведы. В Кузбассе, – во всяком случае. Подобное «подлизывание» к власти я видел в газетах и журналах 20-30-х годов, заранее зная о расстрельной судьбе многих (хозяйственников, писателей, журналистов и пр.).

Мой институтский однокурсник, известный российский археолог и культуролог, профессор Анатолий Михайлович Кулемзин исключительно точно выразился по этому поводу в своем стихотворении: «За мзду не пишут – только врут!».² Потому-то я очень понимаю знаменитую Галину Волчек (режиссёр), которая в дни празднования 50-летия театра «Современник» весной 2006 г. попросила администрацию президента Путина не награждать её. Была согласна лишь на благодарственное письмо. Хотя многие подчинённые ей актеры получили в те дни и ордена, и медали.

В рядах апологетического типа историков мне довелось быть до начала 80-х годов. И не то, чтобы ярился в писании «ура!-статей». Но и науки настоящей не делал. Хотя к тому времени был готов писать об индустриализации в Кузбассе, основанной не на преимуществах социализма, а на сверхэксплуатации народа. Но не писал. Выдавал лишь требуемое статусом преподавателя высшей школы количество «научных» статей. Отчётливо понимал, что правдиво написанное не пройдет цензуру и опубликовано не будет.

Советская политическая система тогда казалась настолько прочной, что тратить жизнь на сопротивление ей – просто безумие. Надо было по-мещански принять её правила, встроиться в неё и писать историко-партийные труды. А историко-партийные писания научными быть не могли по определению. И пусть не обижаются на меня мои коллеги, но это правда, даже по не очень большому счёту. Историк КПСС не мог реконструировать события в их подлинном виде. Всё написанное им должно строго соответствовать решениям партии и правительства описываемых и последующих лет.

Если, скажем, в решениях январского (1933 г.) пленума ЦК ВКП(б) было записано, что первый пятилетний план развития народного хозяйства был выполнен досрочно за четыре года и четыре месяца, то и историк должен показывать именно это. Хотя даже мне, тогдашнему 26-летнему аспиранту, было очевидно, что ни в угольной, ни в металлургической, ни в какой другой отрасли тяжелой промышленности тот план вообще не был выполнен. Из ежегодных конъюнктурных отчётов угольных трестов 1928-1932 гг. я видел гигантское невыполнение годовых планов. Партийные циркуляры тех лет, громившие хозяйственников за срыв планов, говорили об этом же. Но раз партия сказала, что план выполнен досрочно, то историк был обязан писать точно также даже спустя 40 лет. Или молчать!

Тому пример и стахановское движение 1935 и последующих годов. С мальчества я впитал, что стахановское движение – это замечательно. За учёбу на пятёрки в первых двух классах меня самого называли стахановцем. (Правда, потом такого «круглого» отличничества у меня уже никогда не было.) В решениях 18 съезда ВКП(б) (1939 г.) о стахановцах сказаны восхитительные слова.³ Все исторические книжки писали об этом же.

Каково же было моё удивление, когда в архивах я обнаружил сведения о том, что рабочие избивали стахановцев. Я, было, «списал» это на несознательность «отсталых» рабочих. Но увидел, что и инженерно-технические работники (ИТР) тоже были в основном против стахановского движения. Не сразу понял, что ИТР понимали пагубность штурмовщины, утвердившейся на шахтах в связи со стахановским движением. Инженеры отстаивали технологичность угледобычи, старались предотвратить аварии, неизбежные при нарушении ритмичного цикла работ из-за стахановского рекорда, поставленного для «показухи». Однако писать об этом историку было нельзя.

Во второй половине 80-х годов отдельные столичные ученые (Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Отто Лацис и др.) осмелились писать правду. Однако в провинции это было непозволительно даже в начале 90-х. Если в периодической печати у меня выходили почти откровенные статьи уже в конце 80-х, то на научных конференциях меня редактировали до выхолащивания и в 90-е. А со второй половины 90-х годов в госуниверситете на кафедре новейшей отечественной истории (завкафедрой проф. К.А. Заболотцкая) мои доклады и доклады моей дочери предпочитали вообще не принимать к участию в конференциях. Мы с ней не вписываемся в ностальгическую прокоммунистическую тональность своих университетских коллег.

До мая 1990 г. я был убеждён, что социализм в нашей стране не построен.⁴ Аргументировал этот вывод тем, что общество перманентной нищеты не может считаться социалистическим. Не может оно считаться таковым и из-за отсутствия власти у народа. Был полностью согласен с Ф.Ф. Раскольниковым – автором знаменитого письма к Сталину (1939 г.), в котором этот профессиональный революционер обвинял вождя в клятвопреступности и считал Сталина предателем, извратившем дело Ленина. Самого Ленина я считал великим революционером, которому из-за ранней смерти не удалось построить правильный социализм.

Однако однажды я вдруг понял, что построенное в СССР и есть социализм. А получилось это так. В мае 1990 г. в Новокузнецке проходил съезд рабочего движения всего СССР. Вместе с мировой знаменитостью историком-социологом Леонидом Абрамовичем

Гордоном⁵ я участвовал в редактировании резолюций этого съезда. Слушал исключительно известных⁶ и малоизвестных ораторов со всего СССР, а также и Великобритании, Венгрии, Польши и др. В кулуарах много общался с первым секретарем Кемеровского обкома КПСС А.Г. Мельниковым. С ним и договорились по итогам съезда рабочих провести семинар с партийными работниками.

Семинар проходил в овальном зале обкома. Председательствовал Мельников. А я анализировал документы съезда как с политической точки зрения, так и особенно с позиции их соответствия концепциям марксистской теории социалистической революции. Закljučая (или начиная) свой анализ, я сказал неожиданную даже для себя фразу, которая, без преувеличения, потрясла аудиторию. Казалось, «партаппаратчики» выдохнули, а вдохнуть не могли из-за наступившего ужаса после той фразы. Я сказал: «Мы с Александром Григорьевичем, побывав на съезде рабочих, приехали из завтрашнего дня. Завтра будет антикоммунизм».

Об антикоммунизме аудитория знала как о чём-то далёком, международном, исключительно словесно-книжном. А тут он оказался реальным, как, скажем, война 22 июня 1941 г. Не болтовня пропагандистов о военной угрозе, а сама война со стрельбой и ужасом.

Первые секретари горкомов и работники обкома, для которых и устроили семинар, вместо обсуждения материалов рабочего съезда стали обвинять меня в пособничестве лидерам рабочих комитетов, многие из которых, мол, сидели в тюрьме. На это разозлился даже Мельников. Раздраженно отшвырнув карандаш, он посоветовал им посмотреть кадровый состав любого строительного управления, где, по его словам, все – от начальника до чернорабочего сидели в тюрьме. Шахтёрские рабочие комитеты были лишь сколком нашего советского общества, в котором слишком многие его члены проходили через лагеря заключения.⁷

Коммунизм славен?

Вот, на этом-то семинаре у меня вдруг и вспыхнула мысль о том, что социализм в СССР всё-таки построен. Другого социализма по марксистской модели и быть не может. От эволюционной модели Эдуарда Бернштейна «Движение – всё, конечная цель – ничто!» большевики отказались ещё в начале 20 века. На основе

реформистской модели социалистические идеи реализовались во всех цивилизованных странах. Хотя наибольший уровень их превращения в жизнь связывают со скандинавскими странами и Австрией, но Франция, Германия или США обеспечили своим народам такой уровень жизни, о котором в социалистическом Советском Союзе люди и мечтать не смели.

Большевики навязали нашей стране революционный путь реализации социалистических идей, то есть путь диктатуры пролетариата, классовый бой, ненависти друг к другу, массовых убийств, конфискации собственности, уничтожения религии, введение трудовой повинности, административного распределения, ГУЛАГа, сверхнизких зарплат, глумления над правами человека и пр.

Не случайно всё это, в большей или меньшей степени, повторилось во всех социалистических странах. Потому и погиб мой аспирантский приятель Куй Че из Камбоджи (Кампучии), которого в 1976 г. отозвали на родину с должности пресс-атташе посольства и отрубили голову. Он оказался в числе 3 млн. «врагов», уничтоженных красными кхмерами за семь лет строительства социализма в Кампучии.

Вот с того самого времени, весны 1990 г., пелена с глаз моих упала.⁸ И я веду работу по возвращению России к цивилизации. В коммунистах более не вижу созидателей. Да и в нравственности многим из них отказываю. Вся деятельность нынешних нераскаявшихся коммунистов обращена в прошлое. Это неконструктивно, как минимум. Утверждаю, что безнравственно восхвалять мрачное прошлое советской власти. Такое восхваление неизбежно приводит к реставрационным попыткам повторения бесславного социалистического Эксперимента. Как гражданин и как историк всё не могу понять, какие-то такие славные дела коммунистов можно отыскать в прошлом?

– Октябрьский переворот 1917 г., отвергнувший Россию от демократических завоеваний народа 1905-1917 гг.?

– Гражданскую войну (1917-1953 гг.), как следствие реализации марксистских постулатов о социализме?

– Противопоставление России всему цивилизованному миру с 1917 по 1986 гг.?

– Уничтожение национальной интеллигенции и создание псевдоинтеллигенции?

– Геноцид против христианства, мусульманства, буддизма, иудаизма и др. религий?

– Концлагеря, через которые провели полстраны и заразили лагерной психологией и манерами всю страну? Сложилась новая ментальность, культура, в которой матерная брань, насилие к ближнему стали нормой.

– Детские дома, через которые пропустили миллионы детей, родители которых убили в Гражданской войне, в массовых репрессиях 30-50-х годов, в Великой Отечественной войне, завалив немцев трупами россиян?⁹

– Коллективизацию, как национальную катастрофу, почти уничтожившую трудовую культуру и нравственность в деревне?

– Индустриализацию на основе сверхэксплуатации человека?

– Голод 1918-1922 гг., 1932-1933 гг., 1946 г.?

– Хронические дефициты продовольственных и промышленных товаров?

– Целенаправленный этнический терроризм 30-40-х годов против поляков, немцев, корейцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар, балкарцев, финнов, латышей, эстонцев, румын, болгар, македонцев, афганцев, греков, китайцев, «харбинцев», иранцев?

– Победу во Второй мировой войне, унесшей десятки миллионов соотечественников и развязанной при участии СССР в 1939 г.?

– Создание мирового социалистического лагеря, который содержали за счёт советских людей?

– Гонку вооружения, олицетворенной в достижениях по освоению космоса?

– Позорное качество советской обуви, одежды, белья, мебели и других товаров народного потребления?

– Убогую обеспеченность жильём, недостойную для любой из развитых стран мира?

– Количество студентов на душу населения, уступающего любой цивилизованной стране?

Такой перечень коммунистических провалов в 20 в. можно продолжать очень долго. Но мой опыт публичной полемики показывает, что людям, воспитанным на коммунистической вере, достаточно и двух-трёх моих антитезисов, чтобы у них гневно «засверкали глаза», и они перестали читать и воспринимать дальнейшее. «Ты очернитель истории!», «ты перевертыш!», «было же ведь и хорошее!», «при коммунистах было лучше, чем сейчас!», – подобные трафареты в свой адрес приходится читать и слышать как от политических, так и научных оппонентов.

Похоже, и мои одноклассники не очень-то разделяют взгляды, подобные этим. Во всяком случае, это заметно по высказываниям милиционера Николая Брагина и учителей Зинаиды Гутник и моего школьного друга Владимира Власова. Кажется, не поддерживают их мнение инженеры Галина Максимец и Николай Черников.

В 80-е годы, когда я начинал свою активную публицистическую деятельность, мне казалось, что стоит человеку узнать от меня или кого-то другого правду, так он изменится и станет за неё бороться.¹⁰ Увы, это не происходило тогда, не происходит и сейчас.

Хотя были люди, которые ещё в 20-е годы предупреждали соотечественников об опасных последствиях социалистического эксперимента. Среди них китайский писатель Лаошэ, который в 1926 г. пророчески описал маразмы китайской культурной революции второй половины 60-х годов. Русский писатель Булгаков сделал подобное в 1925 г. в своём «Собачьем сердце». Слава Богу, хоть сейчас его понимает интеллектуальная молодежь.

Студенты об образе социализма, хамстве и социальном прогнозе

Не устаю удивляться своим студентам. Порой они выдают такие суждения на семинарах, что невольно воскликнешь: «Умницы!». Очень люблю читать их письменные аналитические работы. Пытаясь научить их размышлять самостоятельно, я даю им практические задания по анализу статей, документов, политических анекдотов и частушек, документальных и художественных кинофильмов. Их заключения по фильму Владимира Бортко «Собачье сердце», по-моему, достойны уважения. Вот что писали мои

студенты-медики весной 2006 г. о проблемах социалистического и современного российского общества.

О судьбе России и последствиях социалистической революции

Коробков Илья: «Не дурная наследственность царизма виновата в бедах России в XX веке, а большевистские нововведения. Старые человеческие ценности были разрушены и сформированы новые, главными из которых были покорность и страх перед человеком в кожанке». *Степченко Елена:* «Дом на Пречистенке – это страна в миниатюре. Парадный подъезд забит, и он ещё долго не откроется. Россия попала на задворки Европы». *Черновская Ольга:* «Первая фраза Шарикова: “Похабная квартирка, но до чего же хорошо!”», – отражает состояние народа в социалистической России, когда люди думали, что прорываются в светлое будущее». *Бородкина Дарья:* «Шариков превратил профессорскую квартиру в кабак: потоп, пьянка, сломанная мебель и т.д. Это олицетворение происшедшего с Россией при большевиках». *Смирнова Мария:* «Это сатира на социалистическое общество, в котором утвердилось право каждой кухарки управлять государством. Жаль! Очень жаль, что так получилось. Что Россия выбрала этот неправильный путь». *Малинова Татьяна:* «Трагедия России в том, что шариковы расплодились. И уж они-то душили её, душили, душили, душили. До сих пор душат». *Живаев Виктор:* «В противопоставлении образов Преображенского и Шарикова Булгаков противопоставил нормальную прошлую жизнь царской России и революционную советскую жизнь». *Фаткуллин Руслан:* «Писатель с душевной болью предупреждает Россию, что она катится к гибели, платя дань за безумие мартовских 1917 г. дней и дней октябрьских». *Мясников Антон:* «После революции 1917 г. в России началась мутация. Она оказалась не только вредной для страны, но и легальной. За 80 лет опухолевые клетки перекрыли стране кислород – “душили, душили, душили, душили”». *Зякина Юлия:* «Как же чудесен был пёс Шарик! И в кого он превратился! Это о России. Какая дикая непоправимость!». *Алфимова Лариса:* «Революция разбудила нечто дикое, необузданное в людях. На смену культуре пришло варварство, формировалось презрение к личности, к таланту». *Шпаковский Максим:* «Булгаков

не только посмеялся над всеми сторонами “новой жизни”, когда “никто” вдруг стал “всеми”, но и показал мрачные перспективы этого. Тем самым он многое объясняет в нашей нескладной теперешней жизни, логично вытекающей из всего того, что было заложено тогда». *Моисеевская Екатерина*: «Булгаков противопоставил: 1. людей в белом (врачи) и людей в чёрном (пролетариат); 2. качество жизни и нищету; 3. порядок и разруху; 4. культуру и хамство. Это понимает даже обыватель в лице дворника, который плюется в адрес Шарикова». *Худякова Алёна*: «Социализм – это общественный регресс. Хотя бы в том, что в социальном плане люди стремятся не к повышению своего общественного статуса, а, наоборот, к его понижению, стать пролетариатом (модно и полезно). А слово “господин” стало унижительным». *Барредо Алёна*: «Булгаков убедителен в том, что социализм это разрушение культуры. А ведь наша нация так духовно богата. И так опустилась. Когда высшая культура – это цирк, а остальное – дуракаваляние. Советский человек стал пустым, как шар. Копни, а там пустота!». *Гребенкина Светлана*: «Тоталитарная система привела к тому, что монстры проникли во все области жизни. Ведь предупреждал же Булгаков ещё в 1925 г., куда приведут эти монстры. Жаль, что не прислушались». *Шолкова Мария*: «Такое ощущение, что вся Россия находилась под гипнозом. Она не понимала, где она, что с ней происходит, что нужно делать? А основная язва (“верхи”) пускали метастазы ВЧК-ГПУ на весь организм страны. Думаю, только вера людей, что всё это временно, всё пройдёт, спасала людей от полного отчаяния». *Сафронова Людмила*: «Революция в России явилась не результатом естественно развития общества, а была безответственным экспериментом. Гольный прогресс без опоры на нравственность несёт людям гибель. Наглые, подлые, безкультурные шариковы привели страну к глубокому кризису». *Белякова Светлана*: «Шариков – существо порочное, наглое, агрессивное. Именно под руководством таких людей и строилось “светлое будущее”. Потому оно и не могло быть другим, чем построенное».

Об образе социализма и сущности советской власти

Кривошеева Мария: «Смотрела “Собачье сердце” не первый раз. Но почему-то только сейчас увидела, что за историей с собакой

стоит история и образ социализма. Мне искренне жаль людей». *Масякин Антон*: «Большевики уничтожили Дом как Очаг, как основу жизни, превратив его в жилплощадь и “квадратные метры”». *Минакова Анна*: «При социализме главное – привести людей к общему знаменателю. “Уничтожить” – главный глагол советской власти». *Фаризова Алина*: «Абсурд социализма особенно виден в речи Преображенского: “В спальне принимать пищу...”, “в смотровой читать...”, “оперировать в комнате прислуги...”, “в столовой осматривать больных...”. Этому абсурду можно противопоставить только одно – каждый должен заниматься своим делом». *Томашевская Анна*: «Надо было обладать большой смелостью, чтобы ещё в 1925 г. высмеять то, что тогда казалось единственно правильным и бесспорным. Булгаков очень точно изобразил уродливые черты социалистического общества, где правят примитивные, но напористые швондеры, где даже милосердие делается через принудительность (история с распространением журнала)». *Моисеевская Екатерина*: «“Нету мыла вымыть рыло. / Нету чаю в чайник класть. / До чего ж у нас в России / Замечательная власть!” Это частушка о социализме». *Путилина Анастасия*: «Обещали светлое будущее, а получили серость, мрачность, тишину, запустение и разруху, так хорошо представленных в кадрах фильма В. Бортко». *Шилина Анна*: «Хор поёт: “Мы жили трудно, завтра будет трудней” Разве это не бред?!». *Веретельникова Ирина*: «Булгаков пророчески предсказал будущее России, когда “никто станет всем”. Для него социализм – чудовищный эксперимент, грубое вмешательство в естественный ход истории». *Власова Анастасия*: «Неужели это и есть светлое будущее, обещанное коммунистами нашим предкам? Жить в бесконечных бытовых неудобствах. Когда целью жизни стал не духовный рост личности, а желание обрести нормальное жильё». *Белова Мария*: «Используя прием гротеска, Булгаков показал примитивность и тупость серого социалистического общества, противопоставляя ему духовно богатых и ярких личностей уходящей России». *Тукиши Сергей*: «Ну, и чего мы добились социализмом? Да, ничего! Не дай Бог вернуться в прошлое время! Я бы не смог жить при социализме». *Сергей Пересыткин*: «Социализм – это как у Шарикова обьрвалг (главрыба), в нём всё наоборот». *Устьянцев Денис*: «Я бы не смог жить при социализме, в котором все одинаковые, все

“счастливые”. Как можно 80 лет быть таким глупым и верить тем, кто отрицал даже секс!? 10 дней потребовались Преображенскому, чтобы исправить свою ошибку, вернуть пса. А нам не удастся это сделать с 1991 г.». *Кондрашов Ярослав*: «Советский строй надолго загнал нашу страну в экономический тупик. Хотя были и прорывы (космос, физика). Но эти прорывы – лишь результат нашей угрозы всему цивилизованному миру, результат военного комплекса». *Игнатъева Надежда*: «Идея обобществления стара, как мир. Но не разрушения же, как получилось при реализации лозунга “кто был ничем, тот станет всем”, и когда совершалась головокружительная карьера – от собаки до санитаря, “очищающего” Россию от “не-нужных” существ». *Липко Екатерина*: «Булгаков против социалистического устройства, когда дети рабочих и крестьян заведомо выше детей профессоров, врачей, священников». *Кареев Игорь*: «Социализм – это возвращение к первобытному обществу, когда исчезает личность, и человек живет толпой». *Цехмейстер Светлана*: «Каждый должен заниматься своим делом. Этот закон Жизни исчез при социализме». *Павкина Татьяна*: «22 ноября 1917 г. Ленин отменил все законы Российской империи. Немудрено, что Россия, как считает Солженицын, потеряла 20 век из-за коммунизма». *Новикова Настя*: «Преображенскому удалось отстоять свою квартиру. А сосед, тем временем, послал за кирпичами, чтобы ставить перегородку в своей квартире. Эти перегородки и изуродовали не только наши квартиры, жизнь, изуродовали даже русский язык». *Ермолова Галина*: «У Булгакова сплошные вопросы к советской власти – Почему украли калоши? Почему убрали ковер из парадной? Почему гаснет свет? Почему забили парадный ход? Подобные “почему” и задавали люди все годы советской власти». *Мешкова Софья*: «Все негативные характеристики управдому, данные Преображенским, надо относить ко всему социализму. Я не могу воспринимать это произведение без чувства глубокого сожаления. Не могу не воскликнуть: “Что же вы сделали со страной, господа коммунисты?”». *Карягина Людмила*: «Булгаков показал, что при социализме люди будут с собачьим сердцем. Именно такие люди и нужны были сталинской бюрократии для осуществления своей власти над людьми». *Сиренко Анна*: «Булгаков лишний раз убедил меня, что рабочим нельзя было давать власть». *Гараева Наталья*:

«Отвратительно, что новая власть поощряла стукачество и доношительство, высвобождая самые низменные инстинкты людей, особенно необразованных и некультурных». *Кривошеков Станислав*: «Даже собака поддается дрессировке. А Шарикова Борменталь не смог приучить к элементарным правилам поведения. Куда катилась Россия, когда шариковы утвердились во власти?». *Старцева Екатерина*: «Как быстро Шариков освоил революционный лексикон! Этот лексикон был пропуском в советской карьере. Да ещё умение писать доносы, чем Шариков также быстро овладел, внимательно вслушиваясь в разговор Преображенского и Борменталья». *Шилина Анна*: «И кому писатель адресует слова: “Молчи и слушай, молчи и слушай?” Власти что ли, которая формируется звериной сущностью Шарикова? А, может, народу, который должен слушать умных людей?». *Власов Вадим*: «Грустно, что такие как Швондер были у власти, а светила науки оказались в болоте». *Гунитейн Екатерина*: «Шариков – олицетворение советского правительствa, такого же бездарного, неумелого и неумного, невыносимого и распутного». *Григорьева Арина*: «Шариковы дорвались до власти. Утвердились во всех её эшелонах. И стали отравлять жизнь нормальным людям, решать судьбы России».

О большевистской культурной революции

Масякин Антон: «Идеальное воплощение культурной революции 1917-1936 гг. и есть Шариков. За 70 лет советская власть уничтожила всё культурное, что создавалось веками. Потому Шариков и герой нашего сегодняшнего времени. Я не ошибся – именно нашего времени, а не 1925 г.». *Пронских Александр*: «Шариков – это Советский Союз и есть. Швондер – это Ленин со своими речами, разложившими Россию и наплодивший шариковых». *Власова Анастасия*: «Нелёгкое прошлое было во всех странах. Но оно легко там воспринимается на фоне нынешнего их благополучия. Иное дело в СССР... Самое плохое было в том, что культура низшего слоя стало культурой всей нации». *Смирнов Владимир*: «Революция 1917 г. – страшный удар по русскому человеку, выраженный словами Андрея Платонова: “Родина стала нам безвестной”. Большевики нарушили естественную связь времён и отношений, превали нить преемственности, predeterminedили разруху в головах.

Но это не снимает личной вины с каждого отдельного советского человека. Боюсь я, что мы не восстановимся и сольёмся с мировым потоком культурных отбросов». *Пепеляева Анна*: «Потому у нас такая и культура. Ведь шариковы никогда не могли оценить красоту искусства, достоинство науки. Для них пресса – развлечение, театр – дуракаваляние». *Старченкова Анастасия*: «Социализм дал людям то, что, собственно, и обещали – человек стал ленивым. Шарика-то вернули назад, но потерянную при социализме культуру и жизни людей вернуть никто не в силах». *Полякова Светлана*: «Вслушайтесь в слова песни швондеров: “Тяжелые годы уходят, за ними другие приходят. Они будут также трудны”. Красивое исполнение! Но если вслушаться... Так и с теорией марксизма. Красиво на словах, а действительность...». *Царегородцева Мария*: «“Не читайте советских газет” – совет Булгакова не верить советской пропаганде». *Конева Мария*: «Швондер есть главный дурак, – оценка Булгаковым идеологов коммунизма, разрушивших такую замечательную страну». *Ховалыг Шорана*: «Шариков хочет быть “не хуже других”. И не может понять, что для этого надо проделать путь долгого духовного развития, что нужен труд по развитию интеллекта. Собачье сердце в союзе с разумом человека – главная угроза нашего времени». *Салтыкова Мария*: «Чтобы свобода приносила счастье, надо нравственно и интеллектуально дорасти до неё». *Большакова Светлана*: «В образовании нам надо дотянуться до уровня царских гимназий с хорошим классическим образованием. В западной образовательной системе нам брать нечего с их тестированием и узкой специализацией». *Белоногова Юлия*: «Булгаков советует хозяину жизни – пролетариату побольше молчать и слушать, молчать и слушать!». *Кузнецова Юлия*: «Советская власть настолько вмешивалась в дела людей, что даже имена им назначала. Вот от того-то и царила разруха в головах людей. Она всё время подпытывалась советскими газетами». *Кирюшкина Татьяна*: «Шариков никогда не разовьётся в высокую личность. Уж не о пролетариате ли Булгаков это сказал?». *Кравцова Ольга*: «Ох, как живы шариковы и сегодня! Бороться с ними можно лишь культурой, самовоспитанием, самоограничением, самосовершенствованием. Измени себя, изменишь мир».

Лицо «нового человека»

Борисенко Ольга: «Булгаков показал историю формирования “нового человека”, который стал именоваться не россиянином, а советским человеком. У него новый генотип: абсолютная вера в свою правоту, агрессивность, нетерпимость к чужому мнению, жить не на заработанное собственным трудом, не созидать, а разрушать и делить». *Шарикова Ольга*: «За таким как Швондер легко идти. Куда тебя пнут, туда и двигай. А идти за Преображенским сложно, здесь мыслить надо». *Саакян Ирина*: «Булгаков предвидел массовые репрессии, когда шариковы будут расправляться со швондерами». *Дударева Олеся*: «Булгаков предупреждает тех, кто берётся решать судьбы людей. Искалеченные или погубленные жизни людей на совести коммунистических экспериментаторов». *Топоева Марина*: «Вместо доброго пса возникает зловещий, тупой и агрессивный Полиграф Полиграфович, который великолепно вписывается в социалистическую действительность и делает большую карьеру – от существа неопределённого социального статуса до большого московского начальника». *Куканков Сергей*: «Это же просто идиотизм, давать людям такие имена как Баррикада! Как с таким именем жить? А ведь жили же. Потому так и жили». *Буланова Яна*: «Кто такой П.П. Шариков? Это человек? Или это некое существо, воспитанное советской властью. Просто в ужас приходишь, когда в Шарикове, как в зеркале, видишь, кого воспитывала советская власть. У этой власти просто не было головы на плечах». *Дашкина Наталья*: «Как же быстро человек приучается “качать права” и требовать “лучшей жизни”». *Звягина Елена*: «Шариковы и швондеры не понимают, что прогресс движется трудом Преображенского и такими же, как он, трудолюбивыми, способными и практичными людьми. А не разного рода “певунами” и разного рода бездельниками, которых расплодилось столь много в советские годы». *Абрамкина Екатерина*: «Шариков олицетворяет людей, вылезших при социализме “из грязи в князи” не по уму, а по происхождению или другим случайностям». *Фурменков Илья*: «Поведение Шарика удивительно созвучно “гомо-советикус” – пёс готов на всё ради куска колбасы. Вот почему этот пёс, став Полиграф Полиграфовичем, быстро нашёл свою нерядовую нишу в советском

обществе». *Жалнина Юлия*: «При социализме все настолько обезличены, что мужчину от женщины отличить нельзя. Здесь всё абсурдно и иррационально. Это инкубатор для размножения шариковых и швондеров». *Ситникова Ольга*: «Без бумажки ты – букашка! Этот абсурд социализма живуч и сегодня. Булгаков мне лично показал, как не быть букашкой, к чему стремиться и в чём совершенствоваться, чтобы не быть шариковым». *Петрова Ирина*: «Булгаков изобразил мрак! Мрак отказа не только от всего личного, но даже от пола». *Мельников Алексей*: «Умственная ограниченность, моральное убожество, карьеризм – это шариковские черты, ставшие логическим следствием революции и социализма». *Большакова Светлана*: «Я бы каждую беременную женщину обязала прочесть “Собачье сердце”. Может быть, тогда мать, ужаснувшись, сделает всё, чтобы из её дитя вырос Борменталь (как минимум), но не Шариков-Швондер, оградит дитя от их лизоблюдского хамского влияния».

О роли интеллигенции

Казимирский Владимир: «Первопричиной российских бед является не идеологический угар большевиков, как обычно интерпретируют Булгакова, а разобщение между царской интеллигенцией и народом. Это разобщение интеллигенция сама и создала. Потому интеллигенцию к безвинной жертве социализма я не отношу». *Амельченко Наталья*: «Преображенский и Борменталь насильно создали Шарикова. Значит, они сами виноваты в разрухе, как повинна интеллигенция в социалистическом эксперименте». *Косова Мария*: «Вечной проблемой лучших умов России была взаимосвязь интеллигенции и народа. Булгаков выполнил свою миссию – миссию интеллигенции. Он предупредил народ в том, что ему ждать от Шарикова». *Фурменков Илья*: «Такой интеллигент как Преображенский устраивал большевиков, так как политикой он не занимался. Такая научная интеллигенция невольно помогла большевикам укрепить свои позиции во власти». *Шлейхер Николай*: «Уничтожение интеллигенции в советское время и породило шариковщину. И сделали это мы сами! Моя жизнь, я уверен, не пошла под откос. Я добьюсь поставленной цели. Но кто мне даст гарантию, что в жизни моей страны это не повторится». *Бабенкова Наталья*: «История Шарика – это история

создания советской псевдоинтеллигенции, когда власть делала из “собак” всё, что ей было надо». *Ермолова Надежда*: «Преображенский – психологический тип русского учёного, который ещё не знает всех прелестей большевистского режима. И сам создает его представителя. Эти шариковы натворили много пакостных дел в России. Сколько ещё натворят?».

О хамстве

Большакова Светлана: «Я рассматриваю хамство как плебейство, как индивидуально-психологическую категорию. Разнузданное, неумное, невежественное, зоологическое хамство распространилось в стране из-за тенденции насаждать повсюду людей с “правильным” рабоче-крестьянским происхождением. Это хамско-шариковское начало оказалось стойким. Оно держится и держится». *Шубина Елена*: «Шариков инстинктивно “учуял” главное кредо новых “хозяев жизни”: грабь, воруй, растаскивай, пьянствуй». *Керопян Симон*: «Собачье сердце – о дисгармонии в обществе, доведённой до абсурда. На смену культуре пришло всё вульгарное». *Ховалыг Менги*: «Шариков быстро усвоил, что у него есть право. Но он не хочет и слышать про обязанности. Нет ли на него похожих?». *Шатохина Елена*: «Хамство утвердилось в стране из-за потери в советское время устоев и традиций, заложенных ещё в древности: почитание и уважение старших, соблюдение в обществе правил». *Гаврилов Алексей*: «Во фразе: “О, да, я не люблю пролетариат” – всё отрицательное отношение Булгакова к новым хозяевам жизни с их безкультурием, грязью, разрухой, агрессивностью, хамством, самодовольством». *Масякин Антон*: «Преображенский – воплощение уходящей русской культуры, культуры духа, культуры аристократизма. Испытываешь такую горечь, видя, что мы потеряли. Зато советской власти есть чем “гордиться” – грязь, бескультурье, агрессивность и хамство». *Дробижсева Елена*: «Булгаков – писатель от Бога! Он так талантливо описал образ торжествующего хама – нового хозяина России». *Фаризова Алина*: «Хамство Шарикова особенно ярко вырисовывается на фоне интеллигентности профессора. Шарикову чужды стыд, мораль, совесть. У него отсутствуют человеческие качества. Из него так и прёт подлость, ненависть, злоба. С каждым днём он всё более распаляется: ворует,

пъёт, бесчинствует, уничтожает себе подобных при “очистке”». *Шлейхер Николай*: «Хочу обратиться ко всем отцам и матерям: “Не давайте улице воспитывать своих детей!” Улица рождает шариковщину. Там все живут по законам стаи, там хамство и нет личности. А правоохранительной системы как не было, так и нет. Там – блат и выручательство своих родственников и знакомых». *Косарев Владимир*: «Жить по-человечески, по Шарикову, это вовсе не учиться в университете, жить в честно заработанной квартире, соблюдать этические нормы и личную гигиену». *Бараинова Алина*: «До сих пор меня удивляет, неужели люди жили так, как у Булгакова? Даже не верится, что советское правительство так поступало с людьми. Логическое изложение своих взглядов и на тебе – уже контрреволюция! Потому-то сейчас столько крутом шариковых – хамов, нахалов, лжецов и лицемеров. Мне стыдно за тот этап в жизни моей страны». *Моисеев Михаил*: «Если прекратить самосопротивление низменному, то можно любому из нас стать хамом. Особенно при нашей потере нравственных корней. Хорошо тем, кто с детства живет с Богом в душе».

Об оптимизме и пессимизме, прогнозах

Джумалиева Зарина: «Я – патриот! Убеждена, что через некоторое время будет вопрос формулироваться так: “Станет ли Европа частью России?”». *Пепеляева Анна*: «Несмотря ни на что я считаю, что Россия далеко не последняя страна». *Стрижнева Мария*: «Почему каждый второй Нобелевский лауреат имеет либо русские, либо еврейские корни? Не замечали?». *Татарникова Ирина*: «Для меня Шариков – тупая безнадежность. Опускаются руки». *Скуратовец Олеся*: «Жаль, что в жизни не то, что в книге. Шариковы победили Преображенских». *Скуратова Олеся*: «Жаль, что с избавлением от социализма мы так загнули. 70 лет бессмысленных идей и ошибок». *Домбаа Виктория*: «Что человека делает человеком? – Душа? Сердце? Только то, – что от Бога».

Таково было прочтение моими студентами-медиками начальной истории Советского Союза в интерпретации писателя Булгакова.

Готов ли в России костер инквизиции?

По приведенным выдержкам можно судить о глубине понимания студентами степени важности национальной культуры в

формировании личности человека, его нравственных устоев, мировоззренческих предпочтений. По ним можно представить уровень самосознания и степени моральной и политической самоидентификации современной молодёжной элиты, которую, как правило, мы, преподаватели, занижаем. И что ещё хуже, в своём собственном понимании моральных и политических проблем прошлого и современного российского общества мы сами, порой, находимся ниже уровня представлений некоторых своих воспитуемых, умиленно «вздыхая по светлому социалистическому прошлому».

Именно это и проявилось с отдельными преподавателями, когда в мае 2006 г. коллеги на кафедре обсуждали итоги студенческих размышлений в связи с «Собачьим сердцем». И самым, на мой взгляд, несправедливым было суждение о том, что студенты просто-напросто подстраивались под профессора. Им было отказано в самостоятельности мышления. Те, кто так говорил, кажется, не чувствуют, что студент 2006 г. уже отличается от студента советского. Он более раскован в своих мыслях и менее подобоострастен к преподавателю. И, слава Богу!

В XX веке к мировоззренческим проблемам, затронутым студентами, обращались все российские лауреаты Нобелевской премии по литературе: и Михаил Шолохов, и Иван Бунин, и Борис Пастернак, и Александр Солженицын, и Иосиф Бродский. Обращались. Но были ли услышаны соотечественниками? Нет! Потому-то все они (за исключением Шолохова с его «Тихим Доном») оказались изгоями в «самой свободной демократической» стране. Потому-то и в 21 веке мы едва понимаем писателя Ивана Бунина и философа Ивана Ильина, которые ещё в 20-е годы XX века жёстко предупреждали о российских катастрофических процессах, происходивших и предстоящих в постсоциалистическое время.

Научной правде о социализме противостоит вера людей в идеологию равного распределения и идеологию насилия. Эта вера глубокая. Тем более, она подпиталась невзгодами реформаторского времени. Потому научной правде – такое ополчение в обывательской среде и, увы, – даже научной. Подобное уже было в истории. Научные выводы поляка Н. Коперника (1473-1643 гг.) и итальянцев Д. Бруно (1548-1600 гг.), Г. Галилея (1564-1642 гг.) тоже не совпали с мифологическим и религиозными представлениями.

Поэтому и аргументами в спорах с ними выступил костёр инквизиции.

Костров инквизиции сейчас нет. (Пока нет.) Но они были совсем недавно, когда боролись с «троцкистами», «врагами народа», диссидентами, ссылали Иосифа Бродского и высылали Александра Солженицына. Эти костры сохранились в сердцах людей, жаждущих повернуть назад.

Хотя – почему костра нет? Он есть! Не в нём ли сгорели кислёмское НТВ, «Куклы» Виктора Шендеровича, «Свобода слова» Савика Шустера и др.?

Конечно, несмотря на Смуту или, как мы с дочерью писали, национальную катастрофу, жизнь в стране продолжалась. Были свершения в науке, искусстве, технике. В жизни народа было много светлых дней и человеческой радости. Люди влюблялись и женились – радость. У них рождались дети – радость. Люди обзаводились жильём, мебелью, предметами длительного пользования – радость. Победили фашистскую Германию – радость, ликование, эйфория! За трудовое усердие получали почётные грамоты, ордена, отрезы на костюм – радость. «Достал» шампанское, туалетную бумагу, бритвенные лезвия, апельсины и пр. – радость. Советский человек первым прорвался в космос – радость.

Но, озаботившись проблемами человека, а не государства, современник не может не задаться и вопросами. Скажем, почему победитель (советский человек) жил и живёт несравненно хуже, чем побеждённый (немец)? Стало ли у человека больше товаров и продуктов в связи с завершением строительства очередного индустриального гиганта, или он отчаянно как бился, так и продолжал биться за физическое выживание, «доставая» всегда дефицитные продукты и товары? Стал ли человек нравственнее и чище или морально деградировал (воровство, пьянство), несмотря на лучший в мире балет и «самую читающую страну»? Прибавилось ли у человека свободного времени (по Марксу – главный показатель прогресса), или, чтобы семья могла как-то выжить, он отправил жену на производство, вынужден сажать картошку, выращивать свиней, брать сверхурочные? Превратился ли человек в гордого, независимого в суждениях распрямленного гражданина в связи с тем, что СССР стала сверхдержавой, или говорил «только шёпотом», «на кухне», заискивал перед всяким «вышестоящим»,

не смел выразить общественного протеста, покорно голосовал «единогласно», бездумно высказывал «одобряю» любой затее советской власти? Стал ли человек культурнее, или, несмотря на ликбез, десятилетку, техникум и вуз, растерял национальные традиции, утратил почитательность и уважение к деду и отцу как «пережиткам прошлого», «носителям мелкобуржуазной психологии»?

Советское прошлое через призму мирового опыта

Есть довольно простой способ не уклоняться как в сторону украшательства, так и в сторону преувеличения негативных сторон советской истории. Надо рассматривать события и явления советского исторического прошлого с позиций мирового цивилизационного опыта. Хотя Россия в XX в. и находилась в условиях Смуты, но она оставалась частью мирового сообщества. И поэтому в ней имели место быть процессы, аналогичные мировым. Вот и надо проследить эти аналогии.

Скажем:

– Техническая модернизация шла в 20-30-е годы не только в СССР (индустриализация), она проходила во всех западных странах. Но почему и как так получилось, что в СССР этот процесс сопровождался массовым обнищанием народа, а на Западе – повышением благосостояния?

– Процессом модернизации сельского хозяйства был озабочен весь мир. Но только в СССР он почему-то вылился в геноцид крестьянства, голод, дефицит продовольствия, как образ жизни всех поколений советских людей?

– К Второй мировой войне готовились все державы. Но почему только в СССР для конструирования новейших образцов оружия учёные были посажены в концлагеря, где в «шарашках» творили, имея альтернативу в виде лесоповала?

– Войной была разрушена вся Европа. Но почему только в СССР в 1946 г. «случился» голод? Почему исключительно низкий материальный уровень жизни людей в СССР даже в 60-е годы было принято «списывать» на последствия войны?

– Почему на Западе обычным является свободный переток рабочей силы по всей стране и миру, а в СССР – трудовая повинность, трудовые армии, концлагеря?

– Почему на Западе даже среднеоплачиваемые рабочие обеспечены коттеджами, а в нашей стране жилищный вопрос не решен даже в XXI веке?

– Почему страны «загнивающего» капитализма качественно обогнали нашу страну и в научно-технической революции, и в вопросах соблюдения прав человека, и в материальном обеспечении рядового гражданина, и в удельном весе студенчества, и в организации отдыха, и в продолжительности жизни?

Ответы на эти вопросы покажут наивность и неуместность стараний моих коллег представить стахановские рекорды за преимущества социалистической системы; колхозы и совхозы как лучшую альтернативу фермерским хозяйствам; борьбу с мелкобуржуазной психологией, религией и «пережитками прошлого» – за свидетельство качественного повышения культурного уровня советских людей; действия советской власти по развязыванию мировой социалистической революции – за миролюбивую внешнюю политику и пр. Аргументы, что наша страна всегда была отсталая и загнивающая являются ненаучными и противоречащие действительности.

Есть безусловные и неоспариваемые достижения советской власти: пахали сохой на лошадке – стали пахать тракторами; воду носили на коромыслах – получили её в домашних кранах; радио было далеко не во всякой деревне – теперь в каждом доме; из Сибири в Москву ехали неделями – теперь лишь часами и пр.

Но разве не случился бы этот прогресс без октябрьского переворота 1917 г.? Случился бы! Как он случился в европейских, ряде американских и азиатских стран, и даже в некоторых африканских. Заметим, прогресс более значительный, чем в СССР, случился даже в Австралии и Новой Зеландии, которых англичане когда-то заселили своими каторжанами и умственно отсталыми («даунами»).

Одна из таких «загнивающих» английских колоний Сингапур к 80-м годам достигла такого уровня цивилизации, что во время очередных выборов избиратели выдвинули своим депутатам абсурдно-фантастическое требование – понизить температуру воздуха в столице-стране. Фантастика, однако, была в том, что к 1991 году их депутаты считались о действительном понижении температуры в связи с новыми парками, фонтанами, учётом розы ветров при градостроительстве и пр. А в Кузбассе весной 1991 года (последнем

году социализма) без талонов можно было купить только лавровый лист, уксус, соль и хлеб (но не булочки). И областные депутаты, а я был одним из них, на сессии решали вопрос об увеличении месячной нормы продажи папирос с двух пачек до... – на человека. Депутаты тогда так и не решились увеличить норму продажи ни сигарет, ни мяса, ни крупы, ни макарон, ни масла, ни рыбы, ни водки: в стране не было ресурсов. Депутат (шахтёр) из Ленинска-Кузнецкого чуть ли не плакал на трибуне, говорил, что одна бутылка водки в месяц для его 130 кг веса, «что слону – дробинка».

Летом 2004 г. мы с женой Лидой, дочерью Наталией и внуком Егором путешествовали на машине по Кузбассу. Заехали на улицу моего детства в Киселёвске и улицу детства моей жены в Ленинск-Кузнецке. Побывали в краеведческом музее Гурьевска, проехали по дореволюционным улицам Салаира. Рассматривали старинные дома Мариинска. Впечатление убогости и серости. И вдруг я вспомнил статью моей коллеги по медицинской академии профессора Галины Александровны Ушаковой (зав. кафедрой акушерства и гинекологии) о том, что в её родном Мариинске за 50 лет ничего в жизни горожан не изменилось. Такая же фуфайка, как на моей матери, – писала она. – Такая же копоть на снегу. Такие же санки с бидонами воды. Где тот социальный прогресс, о котором так много говорила советская власть?

Ох, как был прав Михаил Афанасьевич Булгаков, вложивший в образ Воланда свою иронию по поводу идеологической трескотни о создании большевиками «нового человека» и качественном улучшении его жизненного уровня (сцена в театре).

Как-то на одной из наших встреч одноклассники затеяли разговор о статье про наш класс. Я предложил им анкету, в ответах на вопросы которой содержалась бы информация в том числе и о материальной стороне их жизни. Только один Николай Мазин ответил. Остальные отмолчались. Боюсь, что по материальной причине и отмолчались. «Жизнь не состоялась», – горестно сказала Галина Максимец, приводя весомые аргументы из своей неизобильной материальной жизни. Как тут не вспомнить ту мариинскую фуфайку и опыты Воланда!

И что самое досадное, наши ровесники из Германии и любой другой европейской страны за то же самое время оказались на

совсем ином качественном уровне. И военными невзгодами этого не объяснить. Германия тоже лежала в руинах. Всё дело в социалистическом Эксперименте. Не будь его, мы спокойно бы могли устраивать встречи одноклассников то в Калзагае, то на Гавайях, то на Сейшеловых островах. И ни один бы мускул не дрогнул у наших жён или мужей от финансовых затрат на поездку не только в родную школу, но и на заморские острова. Ведь мы, отработав по 40 лет все на хороших или очень хороших рабочих местах, накопления бы имели приличные. «Он хоть и сантехник, но миллионер, – сказала пожилая англичанка, указывая на своего пенсионера мужа, с которой мы познакомились в висячих садах Бомбея в 1987 г. – На его пенсионном счету – 1 млн. 200 тыс. фунтов стерлингов. На проценты от них мы и разъезжаем с ним по миру, изредка появляясь дома, чтобы поцеловать внуков».

Почему освободившегося зэка тянет назад в «зону»?

Было бы научно недостоверно и просто глупо отрицать то хорошее, что было и при социализме. Фонд общественного потребления, создаваемый трудом советских людей, позволял, скажем, решать для какой-то части населения проблему бесплатного получения жилья. Приехав по распределению в Прокопьевск, и я получил комнату в двухкомнатной квартире, а через полгода эта квартира стала полностью моей. Не особенно печалюсь, через два года моя семья её оставила и переехала в Кемерово, где сначала жили на съёмной квартире в частном секторе, через полгода – в общежитии мединститута, на третьем году – в новой двухкомнатной квартире, а ещё через 13 лет – в четырёхкомнатной. Так происходило, конечно, далеко не со всеми, но со многими (без четырёхкомнатной квартиры).

Из фонда общественного потребления немалые средства выделялись для физкультуры и спорта. Ставилась задача сделать их массовыми. И хотя эта задача была решена в основном в благодушных отчётах советских чиновников, но спортивные достижения СССР были заметны на чемпионатах мира и Олимпийских играх.

Фонд общественного потребления позволял безбедно жить советским писателям. На его средства советский балет оказался

«впереди планеты всей». Из этого же фонда брались деньги для образования и здравоохранения.

И вопрос даже не в том, что средства на жилье, образование, культуру, здравоохранение в Советском Союзе были не столь велики, сколько хотелось бы. И не в том вопрос, что и при капитализме немалые государственные средства тоже выделяются на эти цели (а порой – и большие, чем в СССР). Вопрос – в цене советских социальных достижений. Чтобы прийти к ним, коммунисты провели страну через гражданскую войну 1917-1953 гг. с её массовыми убийствами соотечественников. Людей воспитали в ненависти друг к другу («классовая непримиримость» и «классовая борьба»). У них отняли великую национальную культуру. У россиян отобрали Родину, принудив все советские поколения работать на мировую социалистическую революцию. То была реализация марксистского постулата «рабочие не имеют отечества». А к концу 80-х годов выяснилось, что и достижения эти в социальной области не так уж велики. На Западе они несопоставимо выше.

Горечь этого осознания особенно остро я ощутил в ноябре 1993 г. в Гонолулу (Гавайские острова), куда был приглашён на международную научную конференцию историков, философов, политологов, социологов, лингвистов, культурологов, изучающих славянские страны («славистов»). И не научные изыскания моих коллег из США, Германии, Австралии и других почти 50-ти стран взволновали мои чувства, а местный житель из «туземцев».

В перерыве конференции я вышел к океану. Любовался крутыми волнами, накатывающимися на берег, и лихими серфингистами, катающимися на них. Рядом остановился открытый вездеходик. Из него, не открывая дверей, выпрыгнул парень с характерными для этих мест чертами лица, бросил ключи зажигания в «бардачок», взял с заднего сидения доску для серфинга и зашагал вдоль берега. В одном из следующих перерывов я опять вышел на берег и увидел того парня. Он шёл устало. Его черные волосы и особенно косичка были белесыми от морской соли. Не глядя, он ткнул доску в машину, плюхнулся на сидение и покатил.

А я стоял и думал, что советские люди «боролись» с мировым империализмом за счастье этого «папуаса». А «папуас» об этом

даже не знает и живёт себе, припеваючи, лучше самих борцов. И никакого освобождения «от гнёта» ему, похоже, и не надо.

Как историк, утверждаю, что не нужна была эта пресловутая борьба и россиянину. Если бы советские историки были честными и профессиональными, то они бы сумели научно сопоставить реальную зарплату «угнетённого» рабочего царской России и «хозяина страны», её «гегемона» в СССР, скажем, к концу 80-х гг. Не сомневаюсь, что разница была бы, в худшем случае, раз в десять в пользу «проклятого царизма». ¹¹ А в продовольственном обеспечении – в десятки раз.

На одном из моих семинаров студентка призналась, что не знает, кому и верить. Мол, аргументация профессора и изучаемые документы говорят о нерадостной судьбе советских людей: убийства властью родных и соседей; голод, дефициты и низкая зарплата; убогое жильё и проведение отпуска в огороде, а не на море; шарики – в качестве вершителей судеб человеческих и пр. Но не может она не верить и рассказам своей бабушки о её счастливой жизни при социализме.

Было бы совсем уж просто свести объяснение тем бабушкиным словам к известной банальности «когда деревья были большими», указывая на естественное ощущение счастья в определённом возрасте, особенно – в детстве, юности и молодости. Тогда человек живёт в предвкушении любви или состоявшейся любви, ожидании счастья от жизни, которая ещё «вся впереди».

В каких социальных группах советские люди жили в позитивном восприятии окружающей социалистической действительности? Утверждаю, они были во всех социальных стратах! Человек получил образование и сделал карьеру, – сетовать ему не на что. Другой – образование не получил, но работу имеет постоянную, с которой его уволить фактически нельзя, пусть он даже трижды алкоголик. Из квартиры его не выгонят, его дитя будет учиться в школе. Чего ещё надо? Человек работает в торговле, и всё в его квартире есть. Его дочь работает секретаршей у директора и имеет почти столько же, сколько и шеф. Его сын – простой водитель на грузовике – имеет возможность «подкалымить» и немало украсть «за бутылку». Я уж не говорю о советском милиционере, прокуроре и судье, чьими основными функциями была защита государства от

граждан. Жаловаться им было тоже не на что. Как и nepорядочному учителю, «достающему» через родителей своих учеников всё необходимое. Тем более нечего и не на что жаловаться и человеку из номенклатуры.

Социализм представлял собой огромный котёл, из которого всем должно что-то достаться, часто без учета личного вклада каждого. И тот, кто был приставлен к этому котлу в качестве распределителя, имел много, порой очень много (по понятиям тех лет). Он паразитировал на общественной собственности. И отлучение от этого котла в 90-е годы воспринял как личную трагедию. Ему хочется назад в комфортную для него распределительную систему по благу. А главное – в привычную и простую жизнь «ты – мне, я – тебе» (за счёт кого-то другого). Пусть при социализме хуже, пусть меньше, но зато привычнее, бесхлопотно и гарантировано.

Работая учителем в 60-е годы, пригласил в гости своего родственника (Володю Алейникова), вышедшего на свободу после пятого или шестого заключения. Очень удивился его абсурдному заявлению о желании вернуться «на зону», в которой, по его словам, он чувствует себя большим человеком, хотя ростом и не вышел. Он сказал, что умеет играть в карты, благодаря чему «на зоне» в его личном услужении всегда есть пяток-десяток человек. И что самому ему работать «на зоне» не приходится. Мы с женой попросили его сыграть с нами «в дурака». И очень удивились тому, что он выигрывал не чаще нас. Потом оказалось, что при игре «в дурака» он изучал нашу колоду. А когда стали играть «в очко», он, смеясь, отгадывал любую карту в наших руках (по «рубашке»). При игре «в ази» он непостижимым образом сдавал себе лишние несколько карт.

Когда люди ностальгируют по социализму, я почти всегда вспоминаю того родственника Володю, которого мы в детстве так искренне любили. И понимаю, что социализм хоть и «зона» с пайком и ограничением свободы, но среда привычная. Среда, в которой гарантирован минимум существования. Даже если ты – полный бездельник. Главное, чтобы ты формально легализировал своё безделье под какого-нибудь, скажем, члена Союза писателей и годами мог ничего не писать. А если и писал, то такое, что читать тошно. Социализм хорош для изображающих «вроде работу». Он замечателен для инфантильных, неамбициозных и серых людей,

пристроившихся «к кормушке». Он просто превосходен для вороватых людей. В 80-е годы я услышал исключительно показательную фразу, достойную монографического исследования. Узнав, что собеседник перешёл на новую работу, приятель не задал обычных для такого случая вопросов о зарплате, должности, месте, карьере. «А что там можно украсть?» – поинтересовался он.

Разумеется, не собираюсь обвинять в нечистоплотности бабушку той моей студентки. Как и – читающего эти строки. Но слов, как говорится, из песни не выкинешь. Так было. Эти вороватые люди, воспитанные социализмом, и хватанули общественную собственность в 90-е годы. Именно они и не платили зарплату своим работникам, ссылаясь на псевдоэкономические причины. Именно они в друг друга и стреляют, идя по очередному кругу перераспределения собственности. Именно они, работая в правоохранительных органах, и делают их корпоративной лавочкой по сколачиванию собственных капиталов. Именно они и их детки, окопавшиеся в учреждениях власти и управления, и выматывают с нас взятки. Видимо, та бабушка, как и многие порядочные советские люди, не воровали, взятку не брали, добросовестно трудились и теперь собственную порядочность переносят на всё прошлое социалистическое общество, объективно его реабилитируя.

Тот кризис, в котором мы оказались в постсоциалистическое время, объяснять демократическими реформами можно лишь отчасти. Главная же его причина в разложении общества, состоявшемся при социализме. Наш великий соотечественник философ И.А. Ильин, изгнанный Лениным из России, писал: «Социализм – антисоциален; искать социальности надо в ином, новом, несоциалистическом строе. Социализм антисоциален потому, что он убивает свободу и творческую инициативу; уравнивает всех в нищете и зависимости, чтобы создать новую привилегированную касту партийных чиновников – угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создаёт рабство и выдаёт его за справедливый строй.¹² Немецкий философ Людвиг фон Мизес в работах, написанных очень задолго до падения социализма (в 60-е годы) писал: «Хаос и всеобщая нищета являются неизбежным результатом социализма. [...] Если бы пришлось рассматривать социализм в терминах эксперимента, пришлось бы

сказать, что эксперимент отчетливо продемонстрировал превосходство капитализма и второсортность социализма».¹³

Бабушку той студентки воспитывали люди, чьё сознание формировалось под влиянием, в лучшем случае, наполовину традиционной национальной культуры, наполовину – советской. Свою дочь (или сына) бабушка воспитывала уже при подавляющем влиянии советской культуры. В современном среднем поколении (тем более в молодом) стопроцентная советская культура и сидит – культура, отрицающая обычаи и традиции, религию и нравственность.

Далеко не последней причиной привлекательности социализма для той бабушки и её современников был созданный литературой и искусством образ коммуниста как человека исключительно порядочного и вполне бескорыстного. При всей критичности отношения к порядкам в стране, у советских людей была надежда-убеждение, что «несмотря на отдельные недостатки», коммунисты – преданные идее люди, безукоризненные в повседневной жизни, бесребреники и альтруисты. Перед ними был пример с Лениным, который, как утверждала пропаганда, в голодные годы Гражданской войны недоедал. А нарком продовольствия Цурюпа и вовсе падал в голодные обмороки. Советский человек знал о скромности в быту Сталина, не ведая о его дачах, дорогостоящей охране, роскошных повседневных застольях. (Для Сталина и его чиновников вся страна была личной кладовкой.) О человеке, живущем по совести, говорили: «Как настоящий коммунист!».

Много было порядочных коммунистов, на фоне честности которых барские проделки нынешних чиновников и хозяев предприятий выглядят особенно отталкивающе. Всё это в совокупности и создавало ретроспективный умилённый облик социализма. Потому так отталкивающе и смотрелись 90-е гг. с цинизмом политиков и «новых русских», бесстыдностью журналистов и создателей телепродукции, наглостью преступников, многие из которых свои омерзительные действия преступными и не считают. Это стало почвой для антилиберальных настроений россиян.

Интересно, что ни в одной европейской стране бывшего социал-лагеря не наблюдается общенациональных антилиберальных тенденций. Не наблюдается их даже в случае избрания главой государства человека из социал-демократической (то есть, бывшей

коммунистической) среды, как это было в Польше, Болгарии и др. Не видно коммунистически-реставрационных поползновений и в ряде бывших советских республик.

Почему именно такая география устойчивого либерализма? И почему в каких-то странах социализм (с его отсутствием свобод, попранием прав человека, дефицитом на потребительские и продовольственные товары, массовыми репрессиями, доносительством друг на друга и прочими антилиберальными негативами и пороками) не утратил своей привлекательности? Почему в России не менее трети избирателей голосуют за возвращение к коммунизму? Мы с дочерью пытались ответить в книге «Антилиберализм и либерализм в Кузбассе».

Ответ на эти вопросы был неожиданно найден нами в деревне, точнее, в деревнях Кузбасса, где мы в 1993-2001 гг. вели углубленные опросы лиц почтенного возраста, помнивших коллективизацию 30-х годов. Среди вопросов о событиях далёкой давности был и вопрос об отношении к либеральным реформам 90-х годов и их инициаторам (к Ельцину, в частности).

Надо признаться, что при составлении опросника, в общем-то, предвиделся негативный результат. С учётом материалов современной прессы привычно было ожидать единодушного осуждения Ельцина и других реформаторов, как руководителей, при которых почтенные старики опять попали в трудное материальное положение. Но, к немалому удивлению, единодушного осуждения реформ у семидесяти-восьмидесятилетних респондентов не случилось.

Мало того. Значительная часть опрошенных (а в отдельных возрастных группах – основная часть) высказалась в поддержку реформ. Самое, на первый взгляд, поразительное оказалось то, что, чем старше респондент по возрасту, тем был больший шанс услышать от него одобрение в адрес либеральных реформ 90-х годов. А А.Ф. Панкратов – 1907 г.р. – даже заявил: «В целом в годы реформ жизнь лучше наладилась. К старым порядкам всё возвращается. Выходит, мы зря пострадали?!». Л.В. Баландина – 1908 г.р. – высказала реформаторам откровенную поддержку: «Я пережила три власти. Но из всех мне нравится новая, российская. Я полностью поддерживаю нынешних реформаторов». «Смотрю я сейчас телевизор, – размышляла А.З. Михайлова – 1906 г.р.,¹⁴ – о чём там говорят, не очень

понимаю. Но чувствую, что нынешняя власть хочет перебить нашу тяжёлую жизнь на доколхозную. На старину! Боюсь, однако, что трудно это сделать».

Таким образом, наши почтенные респонденты очень многое объяснили в малоуспешности российских реформ и их успеха в странах Восточной Европы. За 70 лет социализма россияне успели прочно забыть либеральные ценности: что такое частная собственность, что такое свободный труд на свободной земле, что такое достоинство человека, не имеющего от государства материальной зависимости и пр. В бывших же социалистических странах Восточной Европы, а у нас – в Литве, Латвии, Эстонии, этого забыть не успели, так как в искусственной системе отрицания частной собственности, товарно-денежных отношений, грубейшего попрания прав человека, отсутствия свобод они прожили всего одно поколение.

Показательно, что из 49 опрошенных жителей кузбасских деревень, родившихся в период 1904-1919 гг., только 7 человек проявили негативное отношение к реформам, 15 чел. воздержались от «высказывания» реформам отрицательной или положительной оценок. Остальные – оказались их сторонниками.

Зато в других возрастных группах дело обстояло иначе. Из родившихся в период 1926-1934 гг. удельный вес людей, не одобрявших реформы, оказался несоизмеримо выше – более 50% (из тех, кто давал оценку реформам). Закономерно, что чем младше человек, тем большая была возможность услышать от него отрицательные суждения о либеральных реформах и реформаторах 90-х годов. У тех, кто родился, например, в 1934 г. выявился стопроцентный показатель отрицания реформ.

Причины такой в целом дружной поддержки рыночных реформ людьми старшего возраста, которые к моменту коллективизации (1929-1930 гг.) были либо взрослыми людьми, либо подростками, следует искать не в экономической, а в социокультурной области. Люди, чьё становление личности пришлось на доколхозный период, знали высокую цену частной собственности, настоящему крестьянскому труду, свободному предпринимательству. Они своим крестьянским нутром чувствовали революционно-преобразующий либерализм постсоциалистических реформ 90-х годов.

Самое важное и существенное было в том, что основное содержание либеральных реформ 90-х годов (реабилитация частной собственности, возвращение к рыночной экономике) оказалось адекватным их воспитанию, полученному в детстве и юности. Сами они фактически так и объясняют своё одобрение процессу восстановления либеральных ценностей. Ф.К. Лапина – 1918 г.р. – заявила: «Самая лучшая жизнь была тогда, когда мы вели единоличное хозяйство!». И.А. Шишков – 1918 г.р. – утверждал: «Сейчас жизнь становится легче. Правда, люди почему-то никак не хотят этого понять. Если они поймут, что надо работать, а не ждать, жизнь станет ещё лучше. Мы все стали жертвами!».

Респонденты, чьё социокультурное формирование личности прошло в условиях только социалистического хозяйствования, в меньшей степени оказались способными понять и принять возвращение частной собственности. Но и среди них были те, кто впитал от родителей ценности свободной экономики, уважительное отношение к свободному и творческому крестьянскому труду. Однако, в целом, ленинская социалистическая культурная революция, главной целью которой было воспитание нового человека, сформировала у очень многих респондентов отрицательное отношение к частной собственности. ВКП(б)-КПСС сумела воспитать человека, претендующего на гарантированное социализмом якобы социальное равенство, но, главное, не желающего трудиться с полной отдачей, как это делали их предки.

Ельцин тем и отличается от других коммунистических реформаторов (Хрущёва и Горбачёва), что свои преобразования стал проводить, выйдя за рамки неэффективного социалистического строя. Образно говоря, он отказался от телеги на квадратных колесах (государственное регулирование экономики, отсутствие гражданских прав) и пересел на телегу с круглыми колёсами (рыночная экономика, демократические свободы). Но телега остаётся телегой, хоть и колеса у неё теперь круглые. И не стоит упрекать Ельцина за то, что он не пересадил россиян сразу в добротный автомобиль, в котором давно катят народы не только Запада, но и Востока, не потеряв XX век на превращение своей телеги в «Тойоту» или «Мерседес».

Не вина реформаторов, что в 90-х годах 20 в. России в *третий раз* за историю приходится переживать процесс первоначального

накопления капитала, который всегда и везде сопровождается обнищанием и другими социальными мерзостями. *Первое накопление* проходило в 60-80-е годы 19 в. и поставило Россию в приличный ряд европейских государств. Россия первого десятилетия XX в. давала самые высокие темпы экономического роста, обеспечивала 40% мирового продовольственного экспорта, российский рубль был мировой валютой. Страна была равноправным союзником самых мощных мировых держав. *Второе накопление* капитала (социалистическое) пришлось на 20-30-е годы 20 в. Оно унесло миллионы жизни россиян (коллективизация, ГУЛАГ, голод, хроническое недоедание, нищета, алкоголизация населения¹⁵). Но зато мы получили мощный военно-промышленный комплекс (при хронических дефицитах жизненно необходимых товаров, жалкой сферой обслуживания, убогоном жильё). В результате первого накопления капиталов мы, образно говоря, оказались в одном классе с цивилизованными странами, пусть и с «тройками». В результате второго – мы стали, как Запад, «пятёрочниками», но только на три-четыре класса пониже (Запад, скажем, – в 10 классе, а мы – лишь где-нибудь в 6 классе).

Начало ошибок Б.Н. Ельцина, на мой взгляд, уходит к концу 1992 г., когда он отказался от команды реформатора Е.Т. Гайдара в пользу навязанного коммунистическим Верховным Советом В.С. Черномырдина. А этот хозяйственник, но не стратег, делал лишь то, что умел при коммунизме. Вот и получили номенклатурный капитализм, при котором по советской традиции выдвинулись не самые предприимчивые, а самые ловкие люди.

И, тем не менее, в годы реформ 90-х Россия двигалась вперед. Нынешнее восстановление военно-промышленного комплекса как стержня российской экономики, возвращение силовым органам всеисилия бериевского уровня, почти полная ликвидация свободы слова, вставание под мелодию сталинского гимна и пр. – это уверенные шаги к социалистической телеге с квадратными колёсами.

Лично я не причём?

По чьей вине великая страна оказалась к концу 20 в. в таком унижительном положении? Боюсь, что ответ будет слишком привычным и простым. Одни скажут, что виноваты коммунисты.

А другие скажут – Ельцин и демократы, развалившие страну. Но демократы – не демоны. Даже для гитлеровской Германии когда-то оказалось невозможным развалить страну, чей социальный и политический потенциал тогда ещё не был исчерпан. К 90-м годам социализм марксистской модели системно изжил себя. И его развал состоялся как естественный процесс.

Как отмечал ещё в 19 веке историк В.О. Ключевский, поиск причины случившегося россиянин всегда ищет во внешних обстоятельствах. Но в истории с унижительным для России отставанием в 20 в. есть повод взглянуть в зеркало и каждому найти здесь свой личный вклад.

Каждый советский человек мог бы себе признаться во многом.

Это я не читал умных книжек и статей, потому так и не смог понять, почему в 1968 году чехословацкий, а в 1980 году польский народы хотели радикально преобразовать свои страны на антисоциалистической основе.

Это я получил вродеобразование и даже сейчас не могу понять источник высокой нравственности и трудовой культуры своих доколхозных предков, цивилизаторскую сущность частной собственности. Потому и верю рассказам политиков о «вертикали власти» как панацее для расцвета страны.

Это я не воспитывал своих детей в любви к семье, родственникам, землякам, а вслед за ЦК КПСС врал им о патриотизме как любви к государству.

Это я предал память отца и деда, которых советская власть выслала из деревни как врагов. Не воспитал в своих детях соответствующего отношения к этой, по выражению писателя Виктора Астафьева, воровской власти и её вождям.

Это я остался на кухне в 1989-1991 годах и лишь там бурчал про неправильную власть. Не вышел на площадь и не поддержал шахтеров в их стремлении сломать систему. Не предложил свой интеллект или плечо рабочим комитетам и помогал партноменклатуре распространять о шахтёрах ложь и полуправду. Тем самым позволил КГБ-КПСС уже к 1991 году опорочить шахтёрские комитеты, которые были единственным за всю историю России успешным опытом контроля общества над властью.

Это я приветствовал учителей и врачей, которые через две недели после провала социализма потребовали от Ельцина-Гайдара качественного повышения зарплаты, объективно создавая возможность возвращения коммунистов к власти.

Это я по собственной идеологической зашоренности не хотел видеть очевидного – коммунисты сдали власть в августе 1991 г. с внешним долгом в 100 млрд. дл., без валютных резервов, без золотого запаса и с ненужной людям военизированной (на 80%) экономикой. Видеть не хотел. Но Гайдара в «ограблении» обвинял.

Это я радовался успеху коммунистов в Верховном совете России, отправивших осенью 1992 года Гайдара в отставку, тем самым, обрекая рыночные реформы на движение по черномырдиновскому варианту – «шаг вперед, два шага назад, четыре шага в один бок, пять – в другой».

Это я негодовал Ельциным, который осенью 1993 года вынужден был подавить силой вооруженный коммунистический мятеж Рущкова-Хасбулатова-Макашова.

Это я не замечал наступившего изобилия в магазинах и тянулся назад в социализм, голосуя с декабря 1993 года за коммунистов. А чаще вообще не ходил на голосование, создавая тем самым условия для победы людей с вчерашней идеологией и верноподданнической психологией угодливого официанта.

Это я восхищался «смелостью» журналистов, которые до 1997 года в Кузбассе и до 2000 года в остальной России показывали только чёрную сторону жизни страны, а потом вдруг заговорили об успехах везде и всюду, выполняя, как при КПСС, роль обслуживающего персонала для власти.

Это я не сказал спасибо Ельцину за бескровный отказ от социалистического Эксперимента, но радовался всем его провалам и неудачам.

Увы, этот несимпатичный гражданственный ряд можно было бы продолжить. Тот, кто имеет основание не применять к себе хотя бы два-три перечисленных утверждения, думаю, может считать, что он реально действовал в 90-е годы, пытаясь достойно жить, а не существовать, склоняя голову перед каждым властным выскочкой.

Прочитав про Михаила Жванецкого, слова-упрёки которого уместно обратить ко всем без исключения современникам и, особенно,

к преподавателям вузов и школ. В июне 2006 г. сатирик говорил по ЦТ: «Что за смысл помнить одному, если другие забыли. Они не верят, что не было хлеба, пива, мяса, масла. Они уверены, что всё это было. И водка была, думают они. Не было, – кричу я один неубедительно и слабо. И свобода слова, – говорят они. Не было, не было, – кричу я, стуча кулаком об забор. И одежда была! Это была спецовка. Нет, одежда! Спецовка, спецовка, – стучу я и плачу. Мы жили хорошо, – кричат все и стучат кулаками по стенам, по заборам, по столам, по мне... Разве можно убедить такую массу?! Значит, вам было хорошо? – сдаёшься ты, спрашивая. – Жили вы плохо, но вам было хорошо? Нет, и жили мы хорошо. Значит, и жили вы хорошо, – окончательно слабеешь ты. И живите так опять».¹⁶

Разве не в чем каяться учителям и родителям, внушающим детям такое извращённое представление о советской действительности? Начиная с 1993 г. на первом занятии провожу письменный опрос первокурсников по истории СССР. Стало закономерным, что 30-50% ответов выдаются в традиционной коммунистически извращённой интерпретации. Для них царская Россия – «отсталая, сильно плохо развитая». Октябрьская социалистическая революция 1917 г. «вырвала народ из нищеты», сыграла «позитивную роль». «Буржуазия, помещики и интервенты организовали гражданскую войну». «В разрухе виноват царизм и гражданская война». Коллективизация «подняла производительные силы сельского хозяйства», «способствовала выходу из сельскохозяйственного кризиса». «Если бы не было Сталина, не было бы и репрессий». «Сталин объединил людей в борьбе за Родину». «К 70-м годам экономика СССР опережала развитые страны». «Ельцин развалил СССР». «Гайдар и Чубайс ограбили народ».

Уверен, что многие читатели здесь воскликнут: «Ну, и правильно. Так оно и было». Увы, идеологические штампы очень живучи. Как живуч всякий обман, в который так хочется верить («я сам обманываться рад»).

Не хочу, но, кажется, готов понять мещанско-обывательскую позицию «маленького» человека, которому, мол, не до политики и не до истории. А посему и каяться ему не в чем. Но сына-то и дочь ты мог воспитать? Я уж не говорю о тех, чьи дети стали преступниками, наркоманами. Речь идёт о вполне уважаемых людях,

чьи дети учатся в нашей медицинской академии. Многие из них (подчёркиваю – многие, а не некоторые) не имеют навыков приличного поведения. Вот как об этом писала многотиражная газета академии под заголовком «Манеры профессора Преображенского». Заметку привожу полностью. «Ежегодно студенческий профком устраивает для первокурсников игры-викторины. Первокурсники должны пробежать по кафедрам главного конкурса, выполнить на них конкурсные задания, получить очки за сметливость, точность и юмор исполнения, завоевать первое место и съесть призовой торт. Прослышав, что в прошлом году на кафедре истории в конкурсе почему-то участвовали бутылка “Киндзмараули”, пальма, конфеты и зажжённая свеча, я отправилась туда. Не успела прочесть и половины исторических дат, написанных на доске, как в аудиторию вбежала первая команда, уселась на предложенные стулья и уставилась на доску с датами. Но завкафедрой Лопатин Л.Н. не спешил им задавать вопросы, а предложил расслабиться и перекусить сладким рулетом, представив при этом, что они едят мясо. Все пересели за столы с тарелками, ножами и вилками. Поели, воодушевились и опять воззрились на доску с датами. Вместо дат им предложили откупорить бутылку и угостить даму вином “Шардонэ”. Юноша и девушка должны были пересесть за импровизированный столик кафе (с вином, фужерами, свечой, печеньем, пальмой) и произвести соответствующие действия. После чего все опять уставились на доску, рассчитывая заработать на датах очки. Но вместо вопросов, профессор заявил, что их участие в конкурсе закончилось. А преподаватель Соколова А.А. стала перечислять, за что и сколько они заработали очков. Оказывается, доска с датами была лишь отвлечением. С первых секунд пребывания в аудитории студенты тестировались по теме: “Сравнительные характеристики соблюдения элементарных норм поведения российскими студентами начала 21 и начала 20 в.”. Увы, сравнение по всем показателям оказалось не в нашу пользу. Содержание тестов было таковым. При появлении команды в дверях, замдекана лечфака Чернышев А.Н. как бы пытался выйти из аудитории. Пропустят ли студенты старшего по возрасту и положению? Не пропустили. Зайдя в аудиторию, поздороваются ли с находящимися в ней преподавателями

кафедры? Здоровались. Но не более 70% команды. На предложение сесть на стулья, стоявшие полукругом, первыми отреагировали парни, оставив девушек стоять. Это сразу же бросилось в глаза, поскольку стульев было расставлено специально восемь, а не десять по числу участников команды. Правило о том, что дама садится первой, нашим парням было либо неизвестно, либо у них не было привычки его выполнять. Когда профессор протягивал им на подносе рулет с широченным ножом и лопаточкой, ожидал, скажут ли ему спасибо за угощение. Сказали. Но далеко не все и не во всех командах. Всех рассадили за столы. Только тут, кажется, студенты стали подозревать, что их тестируют на правильность пользования ножом и вилкой. Многие ели, как и полагается, отрезая кусочки и отправляя их в рот. Однако в некоторых командах до 70% студентов сначала разрезали весь рулет на кусочки и только потом ели. Некоторые – втыкали вилку в большой кусок и отрезали маленький. Был даже случай откусывания от большого куска. Тестовое задание – раскупорить бутылку и угостить даму вином, из четырёх команд (стомфак не участвовал) правильно не выполнил никто. Сказав, что на этом заканчивается угощение студентов и их пребывание на кафедре, профессор ожидал “спасибо” за еду и вино. Ожидал и действий девушек по уборке за своей командой посуды. Увы... Кому-то этот эпизод с девятью тестами покажется просто забавным, развлекательным. Поначалу и мне он представлялся таким же. Но в одной из команд запомнился юноша. Не заметила, поздоровался ли тот парень, войдя в аудиторию, но то, что он поспешил сесть, опережая девочек, бросилось в глаза. На тест “угостить даму вином”, тут же подбежал к столу, схватил бутылку, открыл её, налил себе, понюхал, попробовал, и только потом спохватился, что дамы за столом ещё нет. Он даже не понял назидательного шёпота девушки: “Усади меня за стол”. Для меня привлекательность того высокого, кажется, красивого парня сразу же пропала. Это что же получается? В 20 в. этическая культура падала? Не могу себе представить, чтобы мой ровесник-студент из царской России вёл бы себя так же вполне по-плебейски. Не хочу походить на Шарикова с его пролетарским призывом “жить по-простому”. Хочу воспитать в себе манеры профессора Преображенского. Но как это сделать? “Зато как приятно было видеть в командах девушек и

парней, которые вели себя как настоящие леди и джентльмены. Было видно, что их манеры – не дань конкурсу. Они у них – от воспитания. Эти семнадцатилетние уже умеют носить солдатскую шинель, как фрак (по Бальзаку)”, – сказал мне в утешение профессор Лопатин Л.Н. *Первокурсница Настя.*»

К заметке Насти добавлю, что и я отметил того юношу. Ещё на вводном семинаре он мне запомнился своими словами о том, что абсолютно верит родителям о хорошей жизни при социализме и «преступниках» Ельцине, Гайдаре и, кажется, Чубайсе, отнявших у народа это счастье. В эпизоде с вином я почувствовал, что во мне закипает злость. Не на парня. Злость – на его родителей. Они горазды были говорить об историческом явлении, не зная его истинного содержания, но не готовы выполнить своих родительских обязанностей. Кто виноват, что статный парень не знает элементарных правил поведения? – Горбачёв? Клинтон? Марсиане? Виноваты родители, которым есть в чём каяться перед обществом и собственным сыном. А заговори с ними о покаянии... Боюсь, что виновником у них окажется классный руководитель или профессор вуза.

Почему одни родители выполняют свои обязанности по воспитанию собственных деток, а другие нет? Почему одни учителя по-настоящему учительствуют, а другие лишь «отводят уроки»? Почему у одних – боль за судьбу общества, а у других – лишь забота о государстве (власти, чиновниках, армии, милиции, прокурорах и чекистах)? Почему один гражданин – по мироощущению и поступкам, а другой – лишь по строчке в паспорте? Почему для одних его поведение и работа основываются на внутреннем чувстве чести и достоинства, а для других на том, чтобы только «не заругало начальство» и не поймала милиция? Почему у одних гордость за свою работу и великодушие, а других снедает гордыня и мелочность? Думаю потому, что у этих «других» нет царя в голове и в сердце.

И не собираются они его заводить через собственное воспитание и образование. Они убеждены в своей самодостаточности. Одни – в виде диплома о высшем образовании или учёной степени. Другие – в виде властного кресла. Третьи – в виде прошлых заслуг перед советской властью. Четвёртые – в виде накопленных денег.

Пятые, шестые, седьмые и десятые свыклись с ролью серого человека и неудачника. А одиннадцатые и пятьдесят шестые и вовсе предпочитают вегетативную жизнь (жизнь растения), ни о чём не думают, а лишь едят и размножаются.

Вот потому так и живем и терпим ханские замашки большого и маленького начальства, хамское поведение собственников. Да не просто терпим, но поём им славу, возвеличивая коммунистическое прошлое, откуда и произрастают корни современного ханства и хамства. Было бы куда спокойнее за будущее России, если бы композиторами этих «песен» о «славном» прошлом были люди пенсионного или предпенсионного возраста, воспитанные идеологией КПСС. Но на днях прочёл автореферат кандидатской диссертации молодой аспирантки о культуре сибирского рабочего класса в 20-30-е годы и понял, что коммунисты подготовили себе достойную смену. По мнению диссертантки (а точнее, — её научного руководителя) «советский опыт свидетельствует об одном из самых масштабных и радикальных прорывов в области социальных реформ в мировой истории».¹⁷

Землянки, «пайки», голод, массовые репрессии, раскулачивание, «спецпереселенцы», массовый этнический терроризм, доносы, колючая проволока за 20 минут опоздания на работу или невыполнение нормы трудодней, — вот содержание социальных реформ 30-х годов для рабочего класса и крестьянства. Правда, всё это было искусно закамуфлировано писателями и журналистами, художниками и композиторами, драматургами и кинематографистами, парткомами и политинформаторами, историками и философами, учителями и инженерами, врачами и юристами под изобильную, свободную и радостную жизнь советских людей.

Сталин в 1937 г. лишь фразу обронил о том, что «жизнь стала лучше, жить стало веселее», а армия интеллигенции свой лоб расшибла от усердия в доказательстве её правдивости. До сих пор расшибает. Такого колоссального возвеличивания тирана Сталина не состоялось бы без политического лизоблодства интеллигенции. Как, впрочем, — и Гитлера, и Муссолини, и Мао, и прочих вождей и вождей коммунистических и фашистских режимов (прошлых, настоящих и будущих).

Продолжение следует...

Сибирский музей

Мария Шамова¹
ВОЗДЕЙСТВИЕ СИМВОЛОВ И ОБРАЗОВ
ЭКСПОЗИЦИИ, ПОСТРОЕННОЙ ПО
ОБРАЗНО-СЮЖЕТНОМУ МЕТОДУ, НА
ПОСЕТИТЕЛЕЙ МУЗЕЯ

*(На примере экспозиции Новокузнецкого
 литературно-мемориального музея Ф.М.
 Достоевского)*

Экспозиция Литературно-мемориального музея Достоевского построена с помощью образно-сюжетного метода. Это уникальный креативный метод, позволяющий представить экспозицию как цельное художественное произведение, включающее в себя различные средства художественной выразительности, существующие на нескольких уровнях (визуальном, вербальном, аудиальном, кинестетическом). Так принципиальной основой этого метода становится отношение к музейной экспозиции как новому виду искусства, которое обладает собственным языком. Основой языка музейного искусства является музейный предмет. Музейные предметы изначально информативны в содержательности, но, попадая в экспозицию, часто теряют своё основное предназначение и становятся художественными образами, символами и др.

Сюжетно-образный метод предполагает наличие художественной идеи, которая лежит в основе драматического действия. Экспозиционно-художественные образы объединены в один экспозиционный сюжет. Научное знание, которое является материалом для содержания экспозиции, заключается в художественную форму. Своеобразным «посредником» между наукой и искусством становится экспозиционер-сценарист, который определяет внутреннюю образно-сюжетную структуру, способную воплотиться в полноценное художественное произведение.

Тема экспозиции, как любого произведения искусства, представляется как инвариантная смысловая единица, определяющая собой его строение. Синхронная структура и диахронический процесс предстают как перевод темы в серию изображений с помощью определённой тактики, преследующей цели выразительности. Изображения,

На людскую память нельзя полагаться; на
 беспамятство, к сожалению, тоже.

Станислав Ежи Лец

представляющие собой элементы (в данном случае экспозиционно-художественные) материальные и постигаемые чувствами, выстраиваются в определённый порядок, в свою очередь, основанный на принципах выразительности. В ходе сильного эмоционального и интеллектуального воздействия, изображения трансформируются в сознании в ментальное явление, называемое образом, заставляя воспринимающего «пережить» тему. Операции, осуществляющие переход от темы к изображениям, есть приёмы выразительности (Эйзенштейн).

Напомним, что экспозиционно-художественный образ отличен от простого тематического комплекса наличием художественной идеи. Это не отвлечённая мысль, а живое и конкретное осуществление смысла в чувственном образе. Однако на первоначальном этапе формирования идеи и образа создается «первообраз», который обличен в словесно-художественную форму. Так эстетический объект в экспозиционном искусстве формируется в результате сложного взаимодействия «первообраза», музейных предметов и средств функционально-декоративного оформления, где музейный предмет, приобретший в художественном контексте символическое значение, является основным средством создания экспозиционно-художественного образа. Выбор средств функционально-декоративного оформления обусловлен особенностями художественной идеи, ищущей адекватного пластического выражения. Так достигается эстетическая самостоятельность художественного образа.

На уровне восприятия происходит формирование образа, где учитывается вариация и субъективность воспринимающего. Символы, органично входящие в структуру образа, представляют собой универсальные знаки с закодированной в них многоплановой информацией. Они являются теми опорными точками, которые создают вокруг себя поле значений для создания собственных образов у воспринимающего, творящихся по направляющим изображениям, которые даёт экспозиция. Приёмы, такие как контраст, предвестие и др., используемые для создания образов, также служат их воздействию. Художественные приёмы – это важное средство управления восприятием, которое способно гарантировать, что экспозиционное содержание будет понято именно так, как это было задумано авторами.

Исследования создания образов и знаков с многообразием понятийных сфер, так называемых метафорических моделей (в нашем случае

ими являются символы экспозиции), природы их воздействия на сознание человека лежат в разных областях научного знания. Известный психолог, автор «психоанализа» К.Г. Юнг обозначал рассматриваемые модели как «архетипы» сознания и относил их к сфере коллективного бессознательного, где откладывается совокупный, миллионы раз повторяющийся опыт человечества; эти «архетипы» сохраняются столетиями и между тем постоянно обновляются.

В основе воздействия экспозиционно-художественных образов на сознание людей лежат глубокие психические процессы, связанные с высшей нервной деятельностью человека. Можно говорить об одном и том же фундаментальном отношении к действительности и подчинении одним и тем же законам восприятия. Восприятие музейной экспозиции происходит в разных модальностях осознания (визуальная, аудиальная, вербальная, кинестетическая), которые выступают как его проявления. Экспозиция вступает в диалог с сознанием воспринимающего с помощью образов, звуков, ощущений. Особая роль отводится символу, который оказывает влияние на множество уровней сознания. Ассоциативный смысл позволяет связать объекты и события воедино, вырастить смысл на своих ощущениях.

Нужно брать во внимание то, что экспозиция «говорит» на собственном языке. Символы и образы, составляющие её ткань, являются языковым явлением, существующим на уровне метафорического моделирования, и отражают процесс познания мира. В основе формирования образов и символов лежит модальная операция, которая объединяет разные понятийные сферы. Ассоциации создают те ментальные пространства, или понятийные сферы, которые образуют множественные значения.

Символ можно рассматривать как проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Они заложены в самой понятийной системе мышления человека, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует. Соответственно, наблюдения за функционированием подобных схем человеческого мышления являются важным источником сведений об организации и функционировании человеческого разума.

Символы экспозиции Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского – не просто отвлечённые символы. Писатель сам был символистом в высшей степени. Его творчество вмещает

от глубинных социально-психологических обобщений до глобальных общечеловеческих проблем бытия. Поэтому символы экспозиции читаемы в литературном контексте писателя. Воздействие экспозиции на личность посетителя идёт сразу по нескольким направлениям. Это осмысление судьбы Достоевского, истории «грозного чувства», которое потрясает писателя и оказывает влияние на всю его дальнейшую жизнь. Второй уровень воздействия – творческий. Символ и образ экспозиции является тем художественным проявлением, где концентрируется идея Достоевского, находит отражение его творческая мысль. Помимо этого, влияние образа и символа на сознание направлено на создание духовно-нравственных ценностей. Поскольку экспозиционно-художественный образ многозначен, прочтение его в полной мере осуществляется в контексте всей экспозиции, в экспозиционном сюжете. Экспозиция, как произведение искусства, способна заставить не просто оценивать и анализировать её, а сопереживать ей, когда образы становятся понятными и притягательными.

Символично-образная система, сценарий экспозиции НЛММД несут в себе запрограммированный комплекс эмоциональных реакций, чувств и ощущений, которые должны быть вызваны у его посетителей. Дом-музей становится реально-инфернальным Пространством, где происходит встреча писателя Достоевского и первой его жены, Марии Дмитриевны Исаевой, в мифологическом Времени. Виденье Марии Дмитриевны как «кузнецкой путеводительницы» составляет основу сценария экспозиции. Система образов и символов, являясь экспозиционно-художественным целым, произведением экспозиционного искусства, подчиняется этой мысли. Каждый образ и символ образует широкие смысловые поля, заключая в себе всевозможные значения.

Экспозиционно-художественные образы и символы являются выразителями философских идей писателя, они ведут к высокой христианской идее обретения Царства Божьего на земле, идее красоты, где Святой Дух, по Достоевскому, «есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознание гармонии и, стало быть, неуклонное стремление к ней». Экспозиционный сюжет является путем познания художественных идей писателя Достоевского и, одновременно, идей авторов экспозиции, где Достоевский сам становится героем художественного повествования.

Воздействие каждого образа и символа экспозиции НЛММД на сознание посетителя, пути и особенности этого воздействия требуют глубокого и методичного исследования. Здесь немаловажны возрастные особенности посетителя – участника одного художественного процесса, что определяет готовность воспринимать глубокие философские обобщения и идеи, воплощённые в символично-образной системе музейной экспозиции. Большую роль играют разные, зачастую полярные интерпретации темы «Кузнецк в жизни и творчестве Достоевского». Это определяет различные представления о значении экспозиции. Кроме того, необходимы исследования на когнитивном уровне, рассматривая каждую из модальностей осознания, дающих глубокие представления о путях познания художественных явлений и их связях с объективной действительностью.

Наталья Каравалева¹
КОЛЛЕКЦИЯ С.С. ТОРБОКОВА В
ФОНДАХ НОВОКУЗНЕЦКОГО
ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО
МУЗЕЯ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Музеи литературного профиля созданы для того, чтобы сохранять мемориальные комплексы, увековечивать память великих писателей, изучать их творчество и воспитывать своими специфическими средствами современного гармонически развитого человека.

Музей Ф.М. Достоевского единственный на юге Кузбасса литературный музей и поэтому фонды комплектуются не только материалами по жизни и творчеству великого писателя, но и материалами по литературному краеведению. Это даёт возможность изучать и сохранять литературное наследие нашего края.

Одним из наиболее ярких представителей литературы шорского народа является поэт, кайчи Степан Семёнович Торбоков.

Коллекция материалов по жизни и творчеству С.С. Торбокова занимает одно из важных мест в фондах нашего музея по значимости и числу единиц хранения. Достигнуто это благодаря поисковой работе сотрудников музея Ф.М. Достоевского и энтузиазму бывшего преподавателя средней школы села Тайлеп Шатиловой Татьяны Анатольевны.

В 1999 году в фонд музея поступило 210 предметов из семейного архива Торбокова, которые были переданы его сыном Валерием Степановичем Торбоковым. Это мебель, предметы быта, утварь, фотографии, книги и документы, графические работы, рукописи и статьи, среди которых стихи Степана Семёновича, записи шорских народных сказок («Ак Салгын» [«Седой Салгын»], «Волшебная сказка», «Чок Анчи» [«Бедный охотник»], «Анчи Астан» [«Охотник Астан»], «Бедняк и три брата-богача», «Пчёлка» и др.), а также шорские народные загадки в переводе Торбокова.

Данные материалы уникальны и представляют собой большую историко-культурную ценность. Наибольший интерес для нас представляют рукописи поэта, документы, иллюстрирующие жизненные этапы его деятельности. Изучая их, мы можем сделать вывод об огромном вкладе Торбокова в развитие шорского народа, его культуры.

С.С. Торбоков родился на заре прошлого века – в конце 1900 года, 24 декабря, в Улусе Тагдыг-аал (ныне город Осинники Кемеровской области), в семье охотника. Учился в церковно-приходской школе, затем в г. Красноярске на курсах учителей хакасов и шорцев, а в 1938 году поступил на заочное отделение Томского государственного университета, по окончании которого, в 1943 году, получил право преподавать географию в средней школе. Работал в Тайлепской сельской школе.

С детских лет С. Торбоков любил слушать сказителей эпоса и каждое сказание, благодаря уникальной памяти, запоминал дословно. Он сохранил в памяти десятки тысяч стихотворных строк шорских эпических песен.

Степан Семенович Торбоков сам был кайчи и свыше шестидесяти лет исполнял каем-пением, под аккомпанемент кай-комуса, двухструнного музыкального инструмента, шорские эпические песни героического содержания, услышанные им в раннем детстве.

Он постоянно исполнял сказания односельчанам, жителям сёл долины реки Кондома, в Северной Шории, изредка и в Южной Шории. Активное исполнение пришлось на 1920-1930-е годы, на те годы, когда были в силе все исполнительские традиции шорского эпоса и была естественная среда певца, когда народ довольствовался достоянием искусства своего народа, когда народный эпос находился в новом расцвете и не просто активно бытовал, а развивался. С. Торбоков исполнял высокохудожественные произведения народного эпоса.

Исполнением своих произведений он учил молодёжь образно мыслить, отличать добро от зла, видеть прекрасное, знакомил с героическим прошлым шорского народа. Другими словами, он занимался эстетическим воспитанием, сеял доброе, вечное и прекрасное.

Однако С. Торбоков острее, чем другие его современники, чувствовал время и те изменения, которые происходили в жизни народа.

Увидев, что заметно ослабел интерес молодежи к героическому эпосу, он взялся за перо. С 1956г., на протяжении почти 30 лет, оставив педагогическую деятельность, Степан Семёнович стал записывать все произведения шорского эпоса, известные ему; затем – построчно переводить на русский язык свои записи. Он никогда не писал под диктовку, благодаря чему сохранялась подлинность устной речи. Работу по сбору и записи шорского эпоса и других жанров фольклора, выполненную С.С. Торбоковым, трудно оценить должным образом. Без преувеличения можно сказать, что Торбоков как собиратель фольклора – явление уникальное в истории фольклористики. Все собиратели фольклора были учёными, или в той или иной степени имели отношение к науке, к научным учреждениям. С.С. Торбоков занимался собиранием, побуждаемый чувством долга перед народом и потомками. Мы не знаем сказителя, который бы сам же пел и сам же записывал им исполненные произведения.

С. Торбоков записал наиболее полные варианты шорского героического эпоса (например, такие поэмы, как «Каан Кес», «Кулер Куш», «Ай Мос», «Алтын Сом», «Кок Адай» и др.).

Кроме произведений эпоса Степаном Семёновичем записано много сказок, легенд, загадок, пословиц и поговорок. Была проделана огромная собирательская работа. Все записи имеют научную ценность, так как они выполнены добросовестно, произведения записаны со всеми подробностями эпического повествования. В них сохранена вся специфика шорского эпоса и исполнительские приемы певца.

Все одарённые кайчи в силу своего образного мышления являются талантливыми поэтами, так как они мыслят образами, создают новые поэтические средства языка, овладевают мастерством рассказчика, певца и музыканта. Поэтический талант Степана Торбокова проявился тогда же, когда он начал исполнять шорские эпические песни, он начал искать наиболее полные варианты отдельных героических поэм. Это было уже творческой работой поэта.

Однако стихи стал печатать поздно, когда за спиной была уже большая жизнь. Он написал свыше 300 стихотворений, которые печатались в периодике и сборниках: «Белая береза», «Пихточка», «Струны Кай-комуса».

Стихи С.С. Торбокова – это особый предмет исследования. По жанровому составу и по родовым признакам они делятся на стихи, написанные по мотивам легенд и преданий, на эпические, лиро-эпические и лирические. Есть стихи, написанные под непосредственным влиянием фольклора. Поэт умело использовал различные поэтические приемы народного устного творчества, но всегда для выражения своего отношения к предмету стиха, к жизни народа. В его поэзии очень сильны гражданские мотивы, стихи глубоко патриотичны. Он является подлинно национальным поэтом шорского народа. Жизнь требовала, чтобы в стихах была отражена история страны, поэтому были стихотворения, прославляющие страну Советов и её вождей («Счастье старого якучи», «Пою страну Советов», «На смерть Сталина»). Но главными в творчестве С.С. Торбокова были темы труда («Счастье старого учителя»), истории шорского народа («Таёжная тропа»), любви к Горной Шории и родному краю.

Так уж распорядилась судьба, что поэт не имел возможности публиковаться на родном языке. Его активное личное творчество выпало на годы забвения шорского языка. С.С. Торбоков вынужден был делать русские подстрочники своих стихотворений и на основе этих дословных переводов поэты-переводчики (первый был хакасский поэт А. Кильдичасков, а позже – поэт Г. Сысолятин, литераторы М. Небогатов и В. Махалов) создавали свои собственные поэтические произведения. То есть Торбоков не звучал как своеобразный национальный шорский поэт, а был лишь материалом для переосмысления русских, кузбасских поэтов. Надо сказать, что это была обычная практика переводов на русский язык произведений советских национальных литератур.

Творчество этого самобытного шорского поэта было высоко оценено учёными многих сибирских вузов и Москвы.

Коллекция С.С. Торбокова в фондах литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского является ценнейшим материалом по изучению культуры шорского народа.

Большое место в коллекции занимают документы семьи С. Торбокова. Среди них: диплом об окончании географического факультета педагогического института заочного обучения при Томском государственном

университете им. В.В. Куйбышева по специальности география в 1943 году; военный и профсоюзный билет, пенсионная книжка Степана Семёновича, членская книжка его и супруги Анастасии Алексеевны, её свидетельство о рождении, свидетельство о браке, классификационный билет спортсмена сына Валерия о присвоении ему третьего разряда по шахматам и свидетельство о смерти С.С. Торбокова.

Но среди официальных (общественных) документов есть документы бытового характера, которые имеют большой исследовательский интерес. Они рассказывают не только о Торбокове-поэте, кайчи, но и о Торбокове-человеке, с житейскими заботами, о бытовом, хозяйственном и жизненном укладе его семьи.

С этой точки зрения обратимся к некоторым, на наш взгляд, интересным материалам. Перед нами документ за 1978 год из Новокузнецкого райисполкома, в котором сообщается, что С. Торбоков поставлен на очередь для приобретения автомобиля в личное пользование и получит его в 1979 году. К этому официальному документу на листке перекидного календаря за 26 декабря Степан Семёнович прикладывает свою смету о материальных возможностях семьи, так и называет её – «План добычи средств на покупку легковой автомашины и другие нужды». Далее расписывает возможный доход за шесть месяцев (с декабря по май), доход от продажи мёда и коровы и тут же, рядышком, в столбиках предстоящие расходы: покупка мяса, лука, молока, масла, семечек, дров, поросят, пальто, хлеба и так далее, и всё это с математическими расчетами.

Документов, подтверждающих покупку автомобиля, у нас нет.

Среди прочих документов есть справка, выданная на основании хозяйственной книги за 1974 год о составе семьи Степана Семеновича Торбокова и о том, что он действительно проживает в посёлке Тайлеп, а также копия врачебной справки о том, что С. Торбоков страдает кардиосклерозом и митральным пороком сердца, и по состоянию здоровья ему рекомендуется ограниченное хождение на недалёкое расстояние, и невыполнение физического труда.

Конечно, Степан Семёнович не мог выполнить предписание врача о невыполнении физического труда, так как в доме было большое хозяйство: 3 коровы и 6 тёлочек – это подтверждает наличие ещё одного документа – «Свидетельства о добровольном страховании животных» 1979 года; кроме того, С. Торбоков занимался большим писательским трудом, вёл обширную переписку.

Из писем, принадлежащих С. Торбокову, которые находятся в фондах музея Ф.М. Достоевского, можно выделить: 1) письма сына Валерия Торбокова к родителям; 2) письма Степана Семёновича к Михаилу Небогатову и его семье; 3) письма, касающиеся общественной деятельности С. Торбокова. По воспоминаниям сына Валерия «Слово об отце», Степан Семенович неоднократно избирался заседателем в Кузедеевский народный суд. В одном из писем он с негодованием обличает расхитителей кооперативно-колхозной собственности в селе Кузедеево, в другом – Степан Семенович, используя свой авторитет и известность, предлагает похлопотать, чтобы восстановить доброе имя оступившемуся, но хорошему человеку, своему бывшему ученику.

Большая часть писем – это переписка (неполная) с одним из московских литературных музеев о покупке рукописей С. Торбокова, переписка с издателями о публикации его материалов в газетах и сборниках.

Есть интересный документ: «Заявление в институт гуманитарных исследований (вероятно, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, – *авт.*) о приобретении записей шорского фольклора»; С. Торбоков даёт перечень шестнадцати сказаний. Нам не известно, какие именно из предложенных произведений были приобретены институтом. Но в фондах музея Ф.М. Достоевского хранится сказание, указанное в списке к приобретению – это шорское героическое сказание «Кок – Торчук» (Синий соловей). На обложке после названия написано: «Сказитель С. Торбоков. Запись и перевод С. Торбокова, начато 18/1 – 62 года, закончено 16/III – 62 года, размер 6,3 п.л.». Запись сделана в девяти школьных сброшюрованных между собой тетрадках. Текст сказания с чёткой стиховой разбивкой – на левой страничке идёт текст на шорском языке, на правой – смысловой перевод на русский язык. И пересказ сказания «Кубай – Салгын» (Барахтающийся ветер), сделанный С. Торбоковым, само сказание также упомянуто в вышеуказанном списке к приобретению институтом.

Дать полный обзор творческому наследию Степана Семёновича Торбокова, которое хранится в литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского, очень сложно. Это особый предмет исследования и обширное поле для современных исследователей культуры и истории шорского народа.

Как написал сам С. Торбоков одному из сотрудников института: «Пусть не смущает Вас большое количество записей. Пока мы – старики живы, берите у нас всё, что мы можем».

Сибирский альманах

АЛЬМАНАХ «СКЛАДЧИНА» В СТОЛИЦЕ *Пресс-релиз*¹

Правление Союза российских писателей осуществляет проект «Провинциальные вечера», включающий в себя презентацию местных литературных изданий перед московской публикой. Прошли презентации литературного журнала «Город» (Тольятти), знакомство с многообразной деятельностью Воронежского отделения СРП. Дошла очередь и до омского альманаха «Складчина».

17 декабря минувшего года в Малом зале Центрального дома литераторов с успехом прошёл литературный вечер «Неистребимая “Складчина”». Его открыла первый секретарь Правления СРП Светлана Василенко. Перед переполненным залом, вмещающим 120 человек, выступили с чтением своих произведений приехавшие из Омска члены редколлегии альманаха – поэты Галина Кудрявская и Вероника Шелленберг, прозаик Александр Дегтярёв. К ним присоединились и другие авторы «Складчины» – приехавший из Обнинска Пётр Ореховский, а также москвичи – автор слов песни «Омские улицы» Михаил Сильванович (эта популярная, давно ставшая музыкальной эмблемой Омска песня звучала во время вечера), поэтесса Татьяна Нешумова, прозаик Алиса Поникаровская, автор стихов для детей Нина Саранча. В вечере приняли участие депутат Государственной Думы О.Н. Смолин, вдова поэта Леонида Мартынова Г.А. Сухова-Мартынова, заведующий отделом критики журнала «Знамя» К.А. Степанян, исполнительный директор Омского землячества в Москве И.В. Моренко. Вели вечер омский поэт Сергей Денисенко и редактор альманаха Александр Лейфер.

Вторая встреча авторов альманаха «Складчина» с москвичами состоялась 19 декабря в весьма престижном на литературной карте столицы месте – Булгаковском центре на Садовой. Открыл вечер руководитель литературных программ Центра поэт Андрей Коровин. Здесь к омским и московским авторам альманаха присоединился приехавший из Санкт-Петербурга молодой поэт Иван Денисенко. В вечере приняла участие дочь

Всеобщее образование породило массу людей, которые умеют читать, но не умеют понять, что стоит читать.

Джордж Тревельян

известного писателя Георгия Маркова О.Г. Маркова, в своё время предоставившая для альманаха неопубликованную документальную повесть отца «Не поросло быльём».

Во время этих вечеров их участники не только читали свои произведения и рассказывали о нелёгкой 12-летней истории своего альманаха. Шла речь о благоприятной для литературного творчества обстановке, сложившейся в Омске в последние годы, например, о выходе трёхтомной антологии произведений омских писателей «Сегодня и вчера», предисловие к которой написал губернатор Омской области Л.К. Полежаев.

Омичи подарили выпуски альманаха и свои книги гостям вечеров, а также библиотекам ЦДЛ и Дома творчества «Переделкино».

В завершение пребывания омского литературного «десанта» в столице 21 декабря в литературном клубе «Русский институт» в Малом Гнездиловском переулке состоялся вечер поэтессы Вероники Шелленберг.

22-23 декабря в подмосковном Переделкино прошло заседание Координационного совета Союза российских писателей, в котором принял участие и председатель Омского отделения СРП Александр Лейфер. Альманах «Складчина» неоднократно упоминался как в отчёте первого секретаря Правления СРП Светланы Василенко, так и в выступлениях других участников разговора. Один из выступавших даже поставил альманах рядом с лучшими литературными изданиями российской провинции – журналами «День и ночь» (Красноярск) и «Город» (Тольятти).

Наталья Розамирина
ПОЭТИЧЕСКОЕ ПИРШЕСТВО ПОД
ИЗВАР СО СПЕЦИЯМИ
«Голоса Сибири» в Кишинёве: интервью с
Мирославой Метляевой

В планах Евросоюза – объявить 2008-й годом межкультурного обмена. Назрела жестокая необходимость центробежных, интеграционных процессов в области искусств, человеческого духа, творчества.

Нежирующее братство

Как вы думаете, кто в этой связи должен выйти на авансцену? О какой ключевой фигуре идёт речь?

Конечно, о нём, о переводчике. Да, этим людям делегирована ответнейшая задача: наводить мосты между литературами в частности и культурами в целом.

Кстати, в Европе братство переводчиков отнюдь не жирует. Так, в Италии недавно они даже пикетировали правительственное здание с требованием повышения оплаты их труда.

И сколько же им платят? Мизер: 14 евро за 30 строк по 60 знаков. В Германии: от 15 до 20 евро за тот же объём вместе с налоговыми вычетами. Для сравнения: в Молдове подобная работа стоит от 4 до 7 евро.

Поэтому во всеулышание с европейских трибун звучат призывы и речи об увеличении евробюджета на культуру (сейчас это сущие копейки – 10 млн. евро), с тем чтобы на широкую читательскую аудиторию вышли литературы малых народов мира.

Совершенно «в дугу» в этом смысле попали организаторы только что завершившегося в Кишинёве международного симпозиума поэзии и перевода. Сделал это Союз писателей РМ, руководимый академиком Михаем Чимпоем.

Как пчёлка, свой медовый взятok внесла в это мероприятие известная в молдавской столице поэт и переводчик Мирослава Метляева. Мы решили расспросить её об этом форуме.

Знакомые незнакомцы

– Мирослава, по слухам, вы сейчас глубоко погрузились в переводческую деятельность, выбрав в качестве объекта румынскую литературу. В то же время, как оказалось, эти переводы печатаются не в Молдове, а в Сибири.

– Я стала литературным переводчиком с румынского на русский по совету поэта Валериу Матея. Благодаря чему открыла для себя огромный пласт культуры, ранее почти не известный, хотя автохтонная современная литература – вот она, рядом. Увы,

многие годы почти не переводившаяся. Так что получилась весьма странная картина: две культуры в стране сосуществуют как знакомые незнакомцы.

Поэтому я сочла своим долгом донести до русского читателя знакомые работы моих молдавских современников.

Что касается Сибири. Год назад, находясь в Бухаресте на международном симпозиуме, посвящённом взаимодействию культур Запада и Востока и организованном интеллектуалами Румынии Еленой Логиновской, Альбертом Ковачем и Мирчей Динеску, я познакомилась с русской писательницей из США Викторией Кинг, членом редколлегии толстого журнала «Голоса Сибири», составителями которого являются Мэри Кушникова и Вячеслав Тогулев. Мы с первого взгляда ощутили духовное родство. Через неё я и вышла на литературное сибирское братство.

Вскоре в этом альманахе появились стихи, пьесы, проза и критика из далёкой Молдовы, которая исторически, как и все бывшие сёстры-республики, связана с Сибирью.

Летом я получила долгожданный 1000-страничный том альманаха, и у меня появилась идея в рамках кишинёвского симпозиума сделать его презентацию. Михай Чимпой эту мысль поддержал.

– Вы оживлённо беседовали и с представительной румынской делегацией, и с посланцем Сибири. Как, по-вашему, лёд тронулся в межнациональных отношениях? Или его кто-то придумал?

– Я бы хотела процитировать Михая Чимпою, который, в свою очередь, перефразировал Шекспира: время соскочило с петель, а мы должны определить его на место.

Нам выпала участь жить в шатком, лишённом равновесия сообществе, сотрясаемом кризисами, катастрофами, контрастами, парадоксами. И всё же нас не покидает надежда, что разум восторжествует.

Весьма внушительной на симпозиуме была группа из Румынии. Так, из Бухареста приехали: Илие Константин –

знаменитый поэт, прозаик, переводчик и эссеист; Елена Логиновская – литературовед и переводчик, руководитель Румынского фонда Достоевского; из Питешт прибыл литературный критик Николае Опря с поэтом Габриэлем Пырваном; город Галац представили поэты Виорел Динеску и Константин Фросин. Их с распростёртыми объятиями встретили Михай Чимпой, Валериу Матей, Аркадие Сучевяну, Ион Хадыркэ, Думитру Матковский, Нина Жосу, Влад Збырчог и др.

Все они с большой долей ответственности сознают необходимость диалога культур, а значит, и качественных переводов.

От создателей сибирского альманаха приехал Сергей Николаевич Прокопьев, вице-президент «Кузбасс-Капитал-Сервиса», поддерживающий писателей, человек широкой русской души.

Ему был торжественно вручён диплом СП РМ, который предназначается в Молдове тем, кто, подобно Третьякову, продвигает культуру и искусство. В ответном слове россиянин сказал, что в целом позитивный процесс «суверенизации» республик привёл, к сожалению, к углублению трещины на русскоязычном литературном поле. Ослаблены связи между русской и другими национальными литературами.

Прокопьеву приятно констатировать, что сейчас румынскими и молдавскими авторами переводится много русской литературы и наоборот.

Он отметил подвижничество бухарестцев Логиновской и Ковача, Кирилла Ковальджи и Михая Чимпою (Кишинёв, материалы о Достоевском, Чехове, Гоголе, Есенине, Блоке), Ливии Которча (недавно в Яссах она опубликовала антологию Анны Ахматовой на румынском языке).

Ещё он порадовался, что форумы Союза писателей Румынии регулярно посещает Евгений Евтушенко, а у СП Молдовы отлажены связи с СП Санкт-Петербурга и, в частности, с переводчиками Кириллом Ковальджи и Анастасией Старостиной.

В противовес коммерциализации литературных изданий, политическим и иным перегородкам, препятствующим взаимодействию между культурами, альманах «Голоса Сибири» – это пример того, как более 100 авторов (прозаиков, поэтов, публицистов, критиков, литературоведов, историков, драматургов) самых разных национальностей и стран могут скооперироваться на бескорыстной основе, только из голого альтруизма и понимания необходимости такой формы сотрудничества.

Чимпой и Чимпой

– Понятное дело, все инженеры человеческих душ любят поговорить. А чем ещё, кроме пира общения, вы потчевали гостей?

– Экскурсией по Кишинёву с его золотыми осенними улицами. Участники форума прошлись по Аллее классиков, побывали в Домике Пушкина, постояли у памятника Штефану чел Мааре, побродили по местному «Арбату».

Кроме того, писатели встретились со студентами и преподавателями УЛИМа и Госуниверситета.

Не обошлось и без тёплых посиделок. В центре стеклянно-бетонной кишинёвской урбанистики отыскалось стилизованное молдавское подворье с колодцем, плетнём, деревянными бадьями, увитой плющом верандой дома, крытого дранкой, во дворе которого для нас разожгли костёр. Нас угостили молодым вином, дымящимся изваром со специями, вкуснейшими голубцами. Праздник чрева украсил маленький тараф из музыкантов, играющих на скрипке и чимпое (волынке).

Кстати, шутники в течение вечеринки обыгрывали это слово, на что академик Чимпой лишь снисходительно посмеивался.

Вот она, золотая народная дипломатия. Вот они, мосты, ведущие к взаимопониманию.

Лев Толстой и Сибирь

Марианна Нугер
О ВЕЛИЧИИ «ПРОСТЫХ ДУШ»
К публикации стихотворений членов
сибирской толстовской коммуны
«Жизнь и Труд»

Да не удивится читатель, что мы вновь предлагаем подборку стихов сибирских толстовцев-коммунаров, хотя не раз обращали внимание на их простоту и наивность, но – и на особую «светлоту», свойственную подобным строкам.

На сей раз это стихи 1930-1940-х гг. – пожалуй, самых крутых для толстовцев, и не только для них. Большая часть этой подборки создана в неволе. Братья Тюрк, о которых мы уже писали, сам Мазурин, друг Льва Николаевича Толстого М.В. Гуляев, Анна Малород...

Но в отличие от стихов последней, проникнутых трогательной верой в идеи Толстого, а также в благость совместного труда дружных коммунаров, проникнутых «святою любовью» друг к другу, те, что мы находим в предлагаемой «тюремной» подборке, заставляют задуматься. Что именно влекло «простые души» к учению Толстого, так бесхитро и так беззаветно?

Обратимся к книге В.Н. Черепицы «Счастье жить для других: западно-белорусские последователи религиозно-философского учения Л.Н. Толстого 1921-1939гг.», изданной в Гродно в 2007г. на материалах многих личных архивов, а также полученных из музея-усадьбы Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, из Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, из экспериментальной средней школы Л.Н. Толстого в Новокузнецке, почему названную книгу мы и получили от директора этой школы Б.А. Гроссбейна, которому автор её послал с тёплой дарственной надписью.

В этой книге весьма ценны приведённые сведения, касающиеся учения Толстого, – мнения философов и известных богословов. Мы находим в ней цитаты, рисующие весьма противоречивый духовный облик великого русского писателя, который, наверное, по сю пору вряд ли вполне разгадан. Так, мы узнаём, что Л.Н. Толстой придавал особое значение «совершенства себя

Самый верный признак истины – это простота и ясность. Ложь всегда бывает сложна, вычурна и многословна.

Лев Николаевич Толстой

физически... приучая себя к выносливости и терпению». Он был объят «желанием быть лучше не перед самим собой или перед Богом, а желанием быть лучше перед другими людьми».

Это – настораживает. Не вяжется с нарочитым удовлетворением Толстого при виде весьма интеллигентного сомышленника, который явился к нему в лаптях и крестьянской одежде. «Совсем опростился!...» – запишет радостно Толстой в дневнике.

Не оттого ли, что по словам Тургенева, ему свойственна была «рано сказавшаяся черта, которая затем легла в основание всего его (Толстого) довольно мрачного мирозерцания, мучительного прежде всего для него самого. Он никогда не верил в искренность людей».

Но – каких людей? Вероятно, представителей его круга, которые не могли не заметить многих противоречий в его учении, тогда как «нищие духом» вдыхали в себя как живительный воздух каждое его слово. Их не тревожило, что, по воспоминаниям современников (А.А. Фет, Д.В. Григорович, П.И. Бирюков): «С первой минуты бросалась в молодом Толстом оппозиция всему общепринятому; какое бы мнение ни высказывалось, и чем авторитетней казался ему собеседник, тем настойчивее подзадоривало его высказать противоположное и начать резаться на словах».

«Простые души» искали и находили в учении Толстого иное. Он говорил: «Действовать сознательно к соединению людей религии – вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечёт меня». «Простым душам» надоело слышать, что чем горше испытания, что им предуготовила судьба на земле, тем больше блаженства вкусят они в небесах. И когда Толстой говорил: «Ожидать новой лучшей жизни, той жизни, в которой будет доступно человеку ближайшее общение с Богом, блаженство личности, мы не должны», они понимали лишь то, что надежды на воздаяние в раю за все земные муки тщетны, а, значит, менять надо суть собственной земной жизни.

Их так часто ставили «под ружьё», что толстовские слова «жизнь всех людей имеет Божественное начало» – «она одна свята», значит, никому не дано гнать их на убой. Вот, пожалуй, что было всего им понятнее и ближе.

Им нравилось, что граф Толстой говорит о некоей «мировой силе любви», объединяющей всех людей. Значит, все перед Богом

равны, если объединены друг с другом приязнью; значит, «не убий» – не просто одна из заповедей, а гарантия мирной и дружной жизни людей на земле. И как было не внимать с надеждой, когда сам граф говорит, что дело всех людей, «порабощённых правительствами, не в том, чтобы заменить одну форму правительства другой, а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, чтобы уничтожить его».

А как же «непротивление злу насилием»? Ведь сказано – «уничтожить»!

Но в такие тонкости «простые души» не вникают. Они слышат, что граф осуждает «королей, министров, президентов, членов парламентов, всякого рода революционеров, либералов» – одним словом, «большое количество людей, праздно живущих трудами рабочего народа». А ведь сам-то – граф! Значит, вот кто им ровня. Вот кто мыслит и чувствует так же, как они.

Их не смущало отрицание патриотизма Толстым. Для них – это не абстрактное понятие, а часть души, личная, интимная привязанность к дому, земле, месту, где жили их предки и живут они сами.

Это других, куда как высоко стоящих людей, волновало и возмущало, что Лев Николаевич Толстой считает, будто «патриотизм есть чувство неестественное, грубое, постыдное, неразумное, вредное»... И что для «управляемого» люда это есть «отречение от человеческого достоинства разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти; оно есть рабство».

Для «простых душ» это означало, что гнать людей на войну, как говорит граф, это преступление, «разбой и убийство».

И, думается, именно эти болевые точки – избавиться от войны, избавиться от непосильного труда, ради кого-то вышестоящего, а не по доброй воле и на собственное благо, породили будущих «толстовцев-коммунаров».

Им не было дела до того, что философы и высокие церковные сановники считают (см. «Крейцера соната») бредовым толстовское утверждение, что плотская любовь даже в браке – это разврат, плотская любовь должна исчезнуть, и если это не произойдёт сейчас, то свершится в следующем поколении, или ещё следующем. Интеллигенция недоумевала: как, «нравственный брак»

есть «разрешение на разврат»? Значит, граф Толстой сознательно влечёт нас к необходимости самоуничтожения человеческого рода?

Но «простые души» «Крейцерову сонату» не читали, равно не знакомо их было, наверное, мнение философа С.В. Булгакова: «Если резюмировать “веру” Толстого, то окажется, что это – странная смесь всех заблуждений нашего века...». Они, «простые души», просто верили, что «непротivление злу насилieм» – значит не идти на войну, жить по совести и в согласии друг с другом и добиваясь упорным трудом блага для всех, здесь, в земной жизни, а не надеяться на будущее райское блаженство. Труд себе в радость – вот он, рай. Согласие и уважение друг к другу – рай и есть.

...Так образовывались трудовые коммуны. Казалось бы, кому помеха? Но уже с началом первой мировой войны оказалось, что ещё какая помеха! Ведь не берут оружия в руки! И не возьмут!

В тюрьму за это? Пожалуйста, согласны! Наш земляк, уроженец Кузнецка Валентин Булгаков, последний секретарь Л.Н. Толстого и убеждённый его последователь, даже оказался фигурантом в судебном процессе против толстовцев-пацифистов, отказавшихся участвовать в первой мировой войне.

Но вот кардинально меняется общественный строй. Новый политический уклад – «за труд, за свободу». И что же? Толстовцы понемногу опять становятся неудобны. Да, добросовестный труд, но не в колхозах, а в своей общине. Тридцатые годы, раскулачивание, – полное недоумение толстовцев: как, за усердный труд людей сажают в тюрьмы и ссылают? Зря недоумевали. Страна в предчувствии грядущей войны, а коммунары оружия в руки не берут...

В тюрьму их! В лагерь!

«Простые души» недоумевать продолжают. Ведь советский строй – якобы за те же идеалы, которые отстаивают и они сами: «за труд, за свободу, за равенство».

А они, коммунары, разве же против?

Увы! Разные формы труда и вовсе разные «свободы» служили идеалом для коммунаров и для нового строя.

Так что сидели коммунары в тюрьмах, перестукивались через стену, и хотя так и не переставали недоумевать, однако же – не роптали.

В своих убеждениях они были непоколебимы.

Читатель, невзирая на отдельные огрехи в их стихах, найдёт в них главное: смятение духа, великое разочарование перед свершающейся над ними несправедливостью и неугасимую «семейственную» привязанность друг к другу.

Если по поводу пятилетнего юбилея создания коммуны «Жизнь и Труд» звучат строки: «Доверчиво просто с открытой душой / Мы руки друг другу подали <...> / И рухнули тяжкие цепи веков / Насилья и рабства над нами. / И вольною песней вчерашних рабов / Скрасились дни над полями», то пройдёт совсем немного, и по-слышатся в стихах народных поэтов иные мотивы: «Как рабов на невольном рынке, / Как щенков разлучили нас / Боль-занозу попробуй вынь-ка / Где ты, брат мой, где ты сейчас? / Так же светел, как прежде и в ссылке».

В тюрьме, в ссылке, жертвы чудовищного насилия видят прямую ассоциацию между насилieм и войной, это неизменное их мироощущение: «Горе мне! Это век мой ужасный, – / Чёрный танк в человеческой крови / Под пятою огромной и грязной / Мою радость в бою раздавил»...

В стихах, посвящённых в 1934 году группе осуждённых в лагере, читаем: «От семьи, от друзей в путь суровый / Вас уведут насилья штыки. / Что ж, друзья! Это ж путь ведь не новый, / На пути там могилы видны».

Много, много горьких строк написано в 1934 году в Старокузнецкой тюрьме Дмитрием Пашенко: «Эх, приволье, а в камере душно, / Я лежу весь в жару и в поту / <...> Мне б в коммуны, где дышит свобода / Полежать под колосьями ржи, / А в тюрьме здесь владычица злоба, / Сгусток крови, насилья и лжи...».

Итак, они всё ещё не ропщут, они боятся всего лишь ослабнуть духом: «Я и здесь за решёткой сумею / Жить, как благо в душе ощущать, / Лишь сумею бы владеть мне собою, / Лишь сумею бы терпеть и прощать».

И – уже проклёвываются нотки возмущения у того же Дмитрия Пашенко: «Но за что? За что? В тюрьму заброшенный / Я полей, нужды, крестьянский сын / На земле я что ли гость непрощенный / Сердце доброе, остынь, остынь»...

За инициалами А.М. легко угадывается уже знакомая нам по прежним публикациям Анна Малород – голубиная её душа глядит

в суть обстоятельств. Да, тяжело, горько, тюрьма, ссылки, но – никто из них не возьмёт оружие в руки, и это – самое важное: «Я счастлива жить в век такой / Когда песня мира льётся над землёй / И свершается победа над войной / Я счастлива жить в век такой».

Куда прозорливее Дмитрий Пашенко: «Гаснут светильники, мрак всё сгущается / Мир превратился в тюрьму <...> / Злоба бушует, но вы не страшитесь / Для истины вырыть могилу нельзя <...> / Негаснущим светом сияет свобода / И разум бессильны штыки заглушить / Злоба погибнет, останется правда / Давайте же правде одной лишь служить».

Остаётся лишь изумляться, каким разным «правдам» и неодинаковым «свободам» служили советский строй и толстовцы-коммунары – его жертвы. Стоит год 1938-й. Вот под эпитафией «Посвящение смерти коммуны “Жизнь и Труд”» автор, предположительно Д. Моргачёв, обращается к коммуне как к живому, одухотворённому естеству: «Померла ж ты, моя дорогая / Операции ты не снесла. / Под напором Советской же власти / Скрепя сердце от нас ты ушла. / На твоих ведь глазах всё творилось / Всё пришлось тебе переживать / Как родных-то твоих уводили / В лагеря и неволю ссылать».

Простим же автору щемящую душу безыскусность формы этих строк, в которых – человеческая трагедия. Из них мы узнаём далее, что в лагеря попали 40 человек, семь мужчин и две женщины сидят в тюрьме. Три года коммуна жила в страхе, ожидая всё новых и новых ущемлений и репрессий, так что «дети песен уж больше не пели»: «Но вот, четырёх ещё взяли / И послали опять в лагеря / И от этой последней же муки / В тот же вечер и ты умерла...».

Можно полагать, что это был некий роковой вечер, когда коммуна распалась, или было принято решение её распустили.

В ту же пору, под пометой «Кузнецкая тюрьма 1937-38гг.», уже знакомый нам Д.М. (Дмитрий Моргачёв?) пишет: «Над забором, где рвётся свобода, / Где неволя куёт кандалы, / Торжествует людская невзгода / И грустят, пролетая, орлы / Здесь тюрьма, как могила замшилась, / И могильщик над ней часовой <...> / Ненасытною пастью удава / Жрёт она и детей, и отцов. / Где ж ты, где ж ты, священное право / На свободную жизнь без оков?».

Похоже, автор этих строк уже всё понял, но всё-таки решил придерживаться до конца толстовского завета «непротивления злу насилием». Насилие могут творить над ним, но он – не будет.

«Простые души» не читали «Крейцерову сонату». И не задумывались о том, что без плотской любви иссякнет род людской. Они просто жили. Жили и любили друг друга. И рожали детей, воспитывая их в добре и труде. Они не думали, существует ли рай и ад, и действительно ли человеческий Дух бессмертен. Их не маяли вопросы религиозных догм и обрядов. Они поверили графу Толстому, что убивать – плохо, что война – преступление, что счастье – это труд и согласие меж людьми.

И вот уж стихи под названием «Памяти коммуны»: «Чем толстовцы провинились / Пред свободною страной, / За что прав своих лишились / Жить коммуной трудовой <...> / В мыслях здравых, в чувствах добрых / Жизнь старались улучшать / Даже в пищу птиц, животных / Не хотели убивать <...> / И не пили, не курили / Не вели вражды ни с кем / Так за что же осуждались? / Может, в том лишь провинились / Пред свободною страной, / Что по совести стремились / Жить, как учит Лев Толстой!».

Читатель, предложенные в этой подборке стихи стоит читать не только снисходительно, но и благоговейно. Читаешь – и впечатление, что неторопливо шелестят страницы непарадной истории последователей столь неудобного, как оказалось, во все времена учения Толстого.

...Пройдут ещё годы, минет вторая мировая война, а друг Л.Н. Толстого, М.В. Гуляев, станет писать бывшим членам коммуны аж в 1945 году – диву даёшься! – бодрые письма. Мы ищем разгадку этой бодрости. Возможно, она кроется в строках, посвящённых много лет назад ещё только пятилетию начинающейся и процветающей коммуны: «Нет! Я пришёл сюда, – / Минувшее, прощай! / Не горькая судьба / Гнала нас в дальний край. / Мы, каждый здесь, затем / Чтоб без штыка, без пули / И без тюремных стен / Наладить жизнь и труд!».

Вместе с нами, удивись, уважаемый читатель, загадке толстовского учения, пропущенного «простыми душами» через величие их незамутнённого «многим ведением» светлого Духа.

Март 2008г.

**СТИХОТВОРЕНИЯ ЧЛЕНОВ
КОММУНЫ «ЖИЗНЬ И ТРУД»
(1930-1940-е гг.)¹**

Описание рукописи, подготовленное членом редколлегии «ГС», главным хранителем Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого в Ясной Поляне» Элеонорой Петровной Абрамовой:

Бумага, машинопись с рукописными вставками. 30,3x21,2; 40л. Инв. ДК-88.

Машинопись на листах сильно пожелтевшей писчей бумаги формата А-4 разного качества, заполненных с лицевой стороны, с правкой синими чернилами, шариковой ручкой и графитным карандашом рукой Б.В. Мазурина. Листы имеют владельческую нумерацию графитным карандашом.

На 40 листах напечатано 82 стихотворения 10 авторов. В конце каждого стихотворения имеется надпись шариковой ручкой рукой Б.В. Мазурина старческим почерком, указывающая автора, иногда следует короткий комментарий. Когда-то листы были соединены скрепками. Следы от заржавевших скрепок остались на листах в левом верхнем углу.

* * *

Стихотворение посвящается коммуне «Жизнь и Труд».

Со дня её основания прошло 5 лет, после чего начались аресты.

Растаял последний лоскут снеговой
Мы вышли на вешнее поле
Священный в народе² порыв³ молодой
Трудится на ближних вдвое.
Доверчиво просто с открытой душой
Мы руки друг другу подали
И дружно сплотились в семье трудовой
Открылись широкие дали
И рухнули тяжкие цепи веков
Насилья⁴ и рабства⁵ меж нами

И вольною⁶ песней вчерашних рабов
Скрасились дни над⁷ полями.
Качались на солнце колосья хлебов
В наливе тяжёлом богатом...
На труд беззаветных упорных трудов
Вдруг туча обрушилась градом.
Пустынное поле⁸, печальный удел
Где тучная нива шумела
Грустят одиноко колосья⁹ кой-где
Качаясь по ветру несмело.
Так доброе дело на ниве другой
Насилием властным разбито
Загублены¹⁰ силы, порыв молодой
И горечь измены испита.
Жестокая бездна¹¹ страданий в тюрьме
Неволей раздавлены годы
Могилы товарищей тонут во мгле
Суровые семьям невзгоды.
Безумные боли, большие для сердца утраты
Но пройденный путь
Свободен от лжи и разврата.
Сквозь сумрак житейский, в вершинах мечты
Горит огонёк бестелесный¹²
Нет места безверью, не гибнут труды
Людей бескорыстных и честных...¹³

* * *¹⁴

Стихотворение, посвящённое близкому другу и брату

По небу мчатся чёрные тучи
Крыша железная скрипит слегка,
Ночь надвинулась грудью могучей
Разве тюремная жизнь легка?
Ветер шумит, завывает над городом,
А в моей клетке царит тишина
Только¹⁵ на миг растревожена шорохом,
Мышка со мной живёт одна.

Но не тужу я,¹⁶ в каменной клетке
 Есть удивительная стена
 Вдруг оживёт она, словно в сказке детской,
 Слово промолвит и вновь замерла.
     Там за стеною глазу незримо
     Сердце¹⁷ томится родимое мне
     Только замолкну, сразу почувствую
     Как оно бьётся в живой тишине.
 Нет, не тужу я, что в каменной клетке
 Заживо годы пришлось схоронить
 Только за то, что как птичка на ветке
 Вольно¹⁸ по¹⁹ правде²⁰ хотелось мне жить.
     Не тужи же²¹ и ты, моё братское сердце
     Схороненное там за живой стеной.
     Нету преград²² для любви беззаветной,
     Нету преград для мечты огневой.
 И не забудь, что любовью согрета
 Этим огнём поднебесных сил
 Носит с собой твой образ заветный
 Сердцу которого стал ты так мил...

Тюрк Г-в

Во внутренней тюрьме стихотворение это передано
 через стену перестукиванием.

* * *

Растают ледяные²³ сроки²⁴
 Пройдёт сковавший дух²⁵ мороз
 И я буду весь в живом потоке
 Немых и чаяний и слёз.
 Потонут все мои надежды
 На пристань тёплых светлых дней
 Их унесёт в простор безбрежный
 Валов и пенистых гребней.
     Так пусть же будет то, что будет
     Кто не страдал, тот не любил,
     Ах, может быть людей разбудит
     Тоска безвременных могил...²⁶

Пахнут утренней сыростью доски
 И сегодня здесь, как вчера²⁷
 Две скупые зелёные слёзки –²⁸
 Две травинки в углу двора.
     Утро каждое грустный и робкий
     После всех пережитых мук
     Рад я встретить в тюремной коробке²⁹
     Наш сомкнувшийся братский круг.
 Как мне³⁰ дороги бледные лица
 Их улыбки и бодрость слов
 Скоро время придёт разлучиться
 Что ж³¹! Теперь я на всё готов.
     Но я не знаю, кто встретится снова,
     Чьи сойдутся ещё пути
     Не забыть им прощального слова
     Что сгорело в родной груди.³²

* * *³³

Я лёг одиноко на край
 Дороги, чью тяжесть не снёс
 Мой старший товарищ прощай,
 Простимся без жалоб и слёз.
     Иди также бодро вперёд,
     Осиль роковую межу
     А я своё тело под гнёт
     Безумной³⁴ неволи³⁵ сложу.
 Хоть страха в душе моей нет
 Но дальше³⁶ с тобой мне нельзя
 Жене и родным и друзьям
 Снеси мой прощальный привет.
     Прощай, продолжай же свой путь
     А я!... Я не прочь отдохнуть.³⁷

В БОЛЬНИЦЕ³⁸

Лежу один на койке
 Устал глядеть в окно
 Никто не знает сколько
 Прожить мне суждено.

Порой гляжу на лица
 Мучительно-больных
 И сердце затамится
 От взмывшейся волны
 От горечи страданий
 От снов по ночам
 Оно болеть устанет
 И боль в безмолвье канет
 От страха замолчал.³⁹
 А на соседней койке
 Вчера ещё живой
 Теперь лежит покойник
 С покрытой головой
 Чью⁴⁰ уж не затронет
 Ни горе, ни восторг
 И тело не застонет
 Попав в холодный морг
 Убрать, снести не долго
 Но кем он был живой?
 Никто не знает толком
 Побрызгали карболкой⁴¹
 И стонет уж другой.⁴²

* * *

Придёт ли время и вернусь ли я
 К вам любимым, незабвенным
 Иль судьбы незримой колея
 Седает меня край таинственной вселенной?

Придёт ли время, чтоб мне вместе быть
 В кругу семьи с женой и малюткой
 Иль сердцу до счастья не дожить
 И счастья отцвело мечтою-незабудкой?
 Отрадней⁴³ день⁴⁴

* * *⁴⁵

Нет я не в силах петь весёлых песен⁴⁶
 Не радует меня и звонкий стих

Уже давно мой детский смех затих
 И мир, великий мир, как будто⁴⁷ тесен.

О! если б⁴⁸ вновь найти простор желанный
 И бодро жить и глубоко дышать
 Познав, что смерть – желанная мать
 И сердце скорбело⁴⁹ о жизни странной!⁵⁰

* * *⁵¹

Во тьме неволи
 Зарница наших встреч
 Понятная до боли
 Правдивых глаз немая речь.

Ты сердцем, названный мне брат,
 И в тихой ласке взора
 Мы всё же⁵² средь всех утрат
 Нашлась опора...⁵³

* * *⁵⁴

Хоть и давят тюремные стены,⁵⁵
 Хоть я в клетку, как зверь заключён
 От кошмара безумного плена
 Я волшебной мечтой отвлечён.

Я утешен чудесной мечтою
 О единстве всего бытия
 Я избавлен молитвой простою
 От всегдашней тоски и нытья.

Бог таинственный мир беспредельный
 Море жизни, любви и тревог
 Вашей песней тончайшей свирельной
 До конца я постигнуть не мог.

Но любил я ещё безбородый
 Как дыханье реки на плоту
 И людей⁵⁶, и святую природу
 И знакомой руки теплоту.

От звучаний тончайших⁵⁷, невнятных
 Обострился мой жаждущий слух

Красотою, как Бог непонятной
 Вдохновлялся мой творческий дух.⁵⁸
 И теперь в тишине заключенья
 Облегчённый молитвой простой
 Вновь я слышу далёкое пенье
 Далеко за глухую стеной!⁵⁹

* * *⁶⁰

За решёткою тюремной
 Грустные мечты
 Незабудочка царевна
 Не придёшь ли ты?

Вот вдали дорожка вьётся
 Рошица, кусты
 Сердце страждущее бьётся
 Не придёшь ли ты?⁶¹

А я в плену тоски тюремной
 Всё грустней мечты
 Незабудочка царевна
 Не придёшь ли ты?

Не узнаешь про окошко
 Где мой взор застыл
 На заветную дорожку
 Не придёшь ли ты?⁶²

* * *⁶³

Как ты живёшь там, милый мой⁶⁴
 Проводишь дни своей печали
 Ведь тот суровый приговор
 Забудется ведь нами.
 Не может быть, чтоб так всегда
 Могла жизнь наша продолжаться,
 Чтоб нам нельзя на воле жить
 С людьми свободными общаться.

И это всё пройдёт как сон
 Промчатся дни нашей печали
 И тот суровый приговор
 Забудется ведь нами
 Пройдёт холодная зима
 Сковавший душу лед⁶⁵ растает
 И жизнь счастливая придёт
 Как лето тёплое настанет.
 Но если прихотям судьбы
 Угодно будет продолжаться
 Сумей найти в душе своей
 Себе покой и в нём⁶⁶ держаться...⁶⁷

ПЯТИЛЕТИЕ КОММУНЫ «ЖИЗНЬ И ТРУД»⁶⁸

Друзья! Уже пять лет
 С тех пор, как вместе мы,
 Но ни трудов, ни бед
 И ни коварной тьмы⁶⁹
 Насилий и угроз
 Мы не боялись здесь...
 Наш дух свободы рос⁷⁰
 И нашей жизни здесь
 Заветный смысл ведь в том,
 Чтоб идеал добра,
 Терпением и трудом
 В своих сердцах возжечь...⁷¹

Друзья! Пришла пора
 Минувшему протечь
 Пред взорами души,
 Хоть впереди – заря
 И дух не сокрушим, –
 Пора на прошлый путь
 Взглянувши отдохнуть.

Среди утрат, смертей,
 Среди разлук и бед

Сплотимся дружной,
 Дадим себе обет
 Трудиться сообща.
 Ведь общий путь и свет
 Нам разум завещал, –
 Иной опоры нет...

Я счастлив тем, что нас
 Связала жизнь в одно,
 Что каждый день и час
 Теперь нам суждено
 Стоять один за всех
 И всем за одного...

Я счастлив тем, что тех
 Товарищей, кого
 В неволе ради нас
 Томят уже не раз
 Мы, каждый, заменить
 Готовы, коль придёт
 На это наш черёд...

Вот прошлой жизни нить
 Я вижу пред собой.
 Зачем страдать, чем жить
 В пустыне⁷² городской?
 Истратить там свой век
 И сердца чистый пыл,
 Где гибнет человек,
 Где суета и пыль?...

Нет! Я пришёл сюда, –
 Минувшее прощай!
 Не горькая судьба
 Гнала нас в дальний край.
 Мы, каждый здесь затем,
 Чтоб без штыка, без пули

И без тюремных стен
 Наладить жизнь и труд!...

Друзья! Впереди даль
 Свой понесём мы свет
 Нам не к лицу⁷³ печаль,
 Дадим себе обет
 Теперь же иль потом⁷⁴
 Готовым быть на то,⁷⁵
 Чтоб⁷⁶ понести ответ
 За пять истёкших лет!...⁷⁷

* * *

Как рабов на невольном рынке,
 Как щенков разлучили нас
 Боль-занозу – попробуй вынь-ка
 Где ты, брат мой, где ты сейчас!
 Также светел как прежде и в ссылке
 Добрый взор терпеливых глаз
 Сердце сжалось скорбью пылкой
 Где ты, брат мой, где ты сейчас!

Если там на чужбине ты умер
 Свет очей моих, кровь души
 Смерть избавила от всех безумий
 Мы одно, одно – не тужи!...⁷⁸

* * *

Стихотворение, посвящённое друзьям Г.Б.Д.
 на лесозаготовках в Томской тайге

Вступаю в лес обитель⁷⁹ стройных сосен
 В безмолвие⁸⁰, нелюбящее слов
 Уже март стоит... Но и в сырую осень
 Мне хорошо в кругу немых стволов.
 В тайге Барак, привыкший уж без боли
 Я слышу окрик, вижу ствол ружья
 Вы здесь, вы здесь – томимые неволей
 Томимые разлукою, друзья.

Дождлся вас, понуро и устало
 Из лесу вы с работы шли гуськом
 И снова окрик и два тонких жала
 Стальных штыков блеснули мне мельком.
     О радость, о тоска минувшей встречи
     Родные руки, светлые глаза!
     Я их сжимал, я в них глядел в тот вечер⁸¹
     Но боль свою я им не показал.
 И долго за деревьями махала
 Мне братская прощальная рука.
 Опять разлука, снова вас не стало
 И встреча новая так далека!...⁸²

* * *⁸³

И вот снится пчеловоду⁸⁴
 Говорит будто пчела
 – Человек, привык ты к мёду
 И не видишь в этом зла.
 Начиная с насекомых
 Перейти может на птиц,
 А потом и на животных
 И так дальше без границ!⁸⁵

* * *⁸⁶

О как судьба моя сурова
 Своею болью окружён
 Я в ней тону; к чему мой стон
 Живой в тюрьму я замурован.
     Не плачь, рыдания напрасны
     Напрасно слёзы щёки жгут
     Жена, ребёнок, мирный труд
     Всё отнято, надежды гаснут.
 Цветок любви и жизни юной
 Так рано сорванный поник
 Моей тоски смертельный крик
 Рвут сердца трепетного струны.
     Пусть так... пусть мне уже недолго
     Осталось на свете жить

Но я не раб всеобщей лжи
 Я в жизни шёл своей дорогой.
 Не бойся смерти, духом взвейся
 В лазурь сияющую высь
 Там тучкой синей обернись
 И тёплым дождичком пролейся.
     Миллион сверкающих росинок
     Заблещет на лугу весной,
     Цветок распустится⁸⁷ лесной
     В тени молоденьких осиноков.
 Не бойся! Вечный дух взвьётся
 Орлом в заоблачную высь
 Но с личной смертью примирись
 Больное сердце разобьётся.
     Не плачь! Рыдания напрасны
     Напрасно слёзы щёки жгут
     Страданья жуткие пройдут
     Ведь все мы вечности подвластны. ...⁸⁸

* * *

Как прозрачны смутные лица⁸⁹
 Я день провожаю за днём
 Плывут они вдаль вереницей
 Всё вдаль в направлении одном
 Всё вдаль... Там в таинственном лоне
 Чуть слышится капельный звон
 И гаснет и медленно тонет
 Мечтами увенчанный сон.
     Мой сон ослепительно юный
     О счастье, о ласке живой
     Смолкают незримые струны
     Всё тише, всё глуше их стон.
 Замрут они в горестном стоне
 Подступит ко мне тишина
 И юную жизнь похоронят
 В снегах безымянного дня!..⁹⁰

ПАМЯТИ Е.И. ПОПОВА⁹¹

В тесной коморке на койке убогой
 Несколько лет пролежал ты больной
 Тяжкие ночи, как было их много
 Ночи бессонные, с мыслью живой!⁹²
 Днём приходили больного проведать
 Как поживает? Слышалось в дверь
 Жалкий вопрос! Но с улыбкой привета
 Всем отвечал ты: – Мне лучше теперь.
 Жизнь прожитая в упорном исканьи
 Мысль неподкупная, страждущий дух!
 Вы побеждали слепое страданье
 Редкая жалоба сказана вслух.
 Сморщилось тело, повысохли руки
 Ноги отнялись, ослепли глаза...
 Боль безнадежная, смертные муки
 Кончилось всё, не вернётся назад.
 Жизнь угасала, как мощное пламя
 Тело стгорело – свершился раздел
 Мёртвое тело покоится в яме
 Дух же⁹³, как воздух, незримый везде.⁹⁴

* * *

В тиши тюремной, в тиши немой
 Один лежу и внемлю тишину...
 Я тишину люблю
 Когда над звёздным небом⁹⁵ ночь молчит,
 Когда в безмолвии глубоком лес шумит.
 Люблю степей живую тишину,
 Но тишина тюрьмы мертва.
 И вдруг среди звуков призрачных
 Ко мне плывут другие
 Чуть слышные, но чёткие, живые
 Два-пять, четыре-три и три-четыре
 Из звуков мерных родилось
 Живое слово: «Кто»

И вспыхнула душа и залилась пожаром
 Друзья! Друзья, то их любовь
 Прорвала стены и слилась со мной
 И после долгой разлуки
 Мы снова вместе,
 Вместе, но уже не все...
 Друзья! Нет, – больше, чем друзья.⁹⁶

* * *⁹⁷

В тиши тюремной, в тиши немой⁹⁸
 Я в камере постылой, один с собой
 Хотя нас двое – Я и Я
 Один, что ищет всё земное
 Другой – за правду отдаёшь себя
 Порой они не ладят⁹⁹ меж собою
 Порой сливаются в одно.¹⁰⁰

* * *¹⁰¹

Измучен годами неволи!¹⁰²
 Задавлен стенами тюрьмы
 И тяжело томился по воле
 И замерли думы мои.
 Но путь испытанный не кончен
 Я вновь у порога стою
 И что за порогом – не знаю,
 Быть может, могилу найду.

И сам я безмерно страдаю
 Безмерны страдания людей
 Все вместе страдания сливаю
 Не знаю какие больней.

О, Боже, не дай мне погибнуть
 Во тьме разлученный с тобой
 Дай силу мне тело покинуть
 Свободной и светлой душой.¹⁰³

Усилием пламенным воли
 В¹⁰⁴ глубины¹⁰⁵ души я проник
 И вновь я нашёл там опору¹⁰⁶
 И радостно¹⁰⁷ к ней я приник.

И сердце болеть уж не стало
 Легко, хорошо на душе,
 Тюрьма угнетать перестала,
 Свободу нашёл я в себе
 И снова¹⁰⁸ душа в единеньи¹⁰⁹
 Со всеми, кто правдой живёт
 Не только теперь, но и прежде¹¹⁰
 И с теми, кто после придёт.
 Друзья, перед вами открыл я¹¹¹
 Всю слабость и силу свою
 И вы обо мне не горюйте
 Я радости только хочу.
 Играйте с детьми и смейтесь,
 Вдыхайте приволье полей
 Иль песнею звонкой залейтесь
 То памятью будет моей!...¹¹²

* * *

Без острой былой печали¹¹³
 Спокоен, сумрачен и тих
 Глаза давно уже устали
 Среди далёких и чужих.
 Глядеть в былое бесполезно
 Оно рассеялось как дым
 Лицо любимое исчезло
 И стало призраком немым.
 Сперва одно, потом другое,
 Старик отец, малютка дочь
 Всё незабвенно, дорогое
 Великая объемлет ночь
 И повинюсь повелению
 Судьбы веков, судьбы людей –
 Я тоже скоро стану тенью
 Среди оплаканных теней.

* * *

Горе мне! Это век мой ужасный, –¹¹⁴
 Чёрный танк в человеческой крови

Под пятою огромной и грязной
 Мою радость в бою раздавил.
 Ни проклятья, ни стоны, ни слова
 Я внезапно обмяк и устал
 И усталостью этой прикован
 К холодеющей арке моста.
 Своё сердце убить я не смею
 Бросить в воду его не могу
 И беззвучно – застыв каменею
 У тоски в неоплатном долгу.¹¹⁵

* * *

В бездне ночи бесшумные тучи,¹¹⁶
 Чёрный холод в кипучей воде
 И мой взор воспалённый и жгучий
 Не находит привета нигде.
 Не находит, а жаждет и бесслёзный¹¹⁷
 Презирая во тьме фонари
 Он¹¹⁸ застыл ожидая над бездной
 Первой радостной новой зари...¹¹⁹

* * *

Опять я на краю смертельного порога,¹²¹
 Но без отчаянья изломанных бровей,
 Нет слёз, нет прежних мук, нет ропота на Бога
 И я не прекословлю участи своей.
 Я был волной прибоя, брошенной на скалы
 Те скалы, что разбили столько кораблей
 Борьба и боль веков! Вот и меня не стало,
 Но я не прекословлю участи своей.
 Вода ушла назад в отхлынувшее море
 А солнце испарило влажной пены след...
 Таков и мой конец! Но с мёртвым камнем спора
 Напор волны сильнее на сотни, сотни лет...¹²²

* * *

Ты напрасно, лето,¹²⁴
 Ждешь меня с приветом

Как ночная ива
Сердце молчаливо
    Вижу сквозь окошко
    Я тебя немножко:
    Вижу сиротинку
    Тихую тропинку
На соседней ели
Детские качели
И в траве заманчив
Жёлтый одуванчик...¹²⁵

Ты напрасно, лето,
Ждёшь меня с приветом
Ждёшь меня как прежде
В травяной одежде.
    Сердцем зеленея
    Я тянусь за нею
    Но как ночью ива
    Сердце молчаливо.

Ты напрасно, лето,
Ждёшь меня с приветом
Уж другой теперь я:
За прикрытой дверью
Я с недугом в теле
Пригвождён к постели¹²⁶

Как ночная ива
Сердце молчаливо
Но засвищут¹²⁷ птицы
И ему не спится.¹²⁸

* * *

Полон пустынной печали
Сердца не слышно в груди
Снежная степь за плечами,
Снежная степь впереди.
    Небо, земля и дорога
    Необозримая гладь

Всяких надежд было много,
Странно теперь вспоминать.
Полон пустынной печали
Полон её тишины
Глядя¹²⁹ на снежные дали
Долго надежды скучали
Больше они не нужны...¹³⁰
    * * *¹³¹

Вернусь ли я к тебе теперь,¹³²
Могу ли верить я надежде?
Прожжённый горечью потерь
Вернусь ли¹³³ я к тебе теперь?
Открою ли тихонько дверь,
Как много раз бывало прежде
Вернусь ли я к тебе теперь
Могу ли верить я надежде?¹³⁴

* * *¹³⁵

На душе словно бури порывы¹³⁶
Ярких молний пугается тьма
Сердце чует святыя призывы
На работу призваны друзья.
    Что ж¹³⁷, друзья, наша доля такая
    За свободу по тюрьмам сидеть,
    Жить, стремленья души презирая¹³⁸,
    Тяжело – лучше муки терпеть.
От семьи, от друзей в путь суровый
Вас уволят насилья штыки
Что ж¹³⁹, друзья! Это ж¹⁴⁰ путь ведь не новый
На пути том могилы видны.
    Не стыдитесь¹⁴¹, друзья, что невольню
    На глаза набегает слеза,
    Не от страха те слёзы, а больно
    Люди вновь распинают Христа.
Мы желаем вам бодрости духа
Мы желаем чтоб свет ваш светил

Нам так¹⁴² хочется свидеться снова
Дай вам Боже терпенья и сил.

1934г. Стихотворение посвящено группе
осуждённых в лагеря.¹⁴³

* * *

Мои одинокие боли
В безмолвных стенах затая
Подруга ты мне по неволе
Тюрьмы беззаветная келья моя.

Ты видишь все тайные мысли
Желанья, надежды мои
Они моё сердце изгрызли
А сердце их кровью поит.

Внутри извлечённом наружу
Тоской рассекает мне грудь
Ты видишь дрожащую душу
Нашего путь¹⁴⁴

Ты днём убаюкана стуком
Бесследных¹⁴⁵, бесчестных шагов
А ночью с бессонною скукой
Ты ждёшь забытья моего.¹⁴⁶

Ты жаркие слышишь молитвы
Признания, стоны, стихи
Слова их слезами облиты
Но мёртвые стоны глухи.

С мечтами, как стая степных
С тоскою как злая змея
Твой раб я, твой ревностный инок
Тюремная келья моя!

Но изредка в сумрачной тени
Твоей словно осенью клён
Восторгом немим озарённый
Бываю я преображён

Совсем примирен и утешен
Свободен от мук и утрат
Как солнечный луч
Как вольная ласточка рад...¹⁴⁷

* * *

Улёгся день, кругом всё смолкло¹⁴⁸
Над городом зависла тьма
Во времени чрезмерно долгом
Застыла старая тюрьма.

Как гроб она, как склеп могильный
Сковала грудь в¹⁴⁹ ночной глуши
И кто же в час сей непосильный
Поймёт всю боль моей души.

Зачем, зачем так больно стало,
Зачем так ласков свод небес?
О, мать моя, твой взор усталый
Опять я вижу на себе.

Опять ты с горем за молитвой
Я тихо плачу у окна
Ах! Сколько слёз уже пролитых
Хоронит старая тюрьма?

*Старокузнецкая тюрьма, 1934г.*¹⁵⁰

* * *

Буйный ветер гуляет на воле
Вкруг тюрьмы он порой зашумит
Сквозь решётку в окно вдруг¹⁵¹ повеет
И за ним моя мысль полетит.

Эх¹⁵², наверно по нашему полю
По хлебам словно волны бегут,

А внизу под горами на Томи
 Волны тоже и блещут и бьют.
 Эх¹⁵³, приволье, а в камере душно
 Я лежу весь в жару и поту.
 Нет здесь ласки, нет участия,
 Но надеюсь и это снесу.¹⁵⁴
 Мне б¹⁵⁵ в коммуны¹⁵⁶, где дышит¹⁵⁷ свобода¹⁵⁸
 Полежать под колосьями ржи,
 А в тюрьме здесь владычица¹⁵⁹ злоба¹⁶⁰
 Сгусток крови, насилия и лжи.
 Я привык, как орёл, жить свободно
 Среди свободных таких же орлов,
 А в неволе тоскую по воле,
 Но за правду терпеть я готов.
 На душе моей всё же пылает
 Радость светлая веры в добро.
 Выше тюрем мой разум летает
 Быть в неволе ему не должно.
 Я и здесь за решёткой сумею
 Жить как¹⁶¹ благо в душе ощущать
 Лишь сумею бы владеть мне собою,
 Лишь сумею бы терпеть и прощать.¹⁶²

Подаю на прощанье вам руку
 Дорогие, родные, друзья,
 На неволю¹⁶³ тюрьму и разлуку
 Проводите вы¹⁶⁴ песней меня.¹⁶⁵

* * *¹⁶⁶

Заплакала дочка, заплакала горько
 Слезамы мне грудь облила
 Не плачь моя детка
 Я сам прослезился
 Мне детская скорбь тяжела
 Ни годы неволи, ни боль испытаний
 Я знаю, меня не согнут,
 Но детские слёзы, невинные слёзы
 Свинцом мою душу гнетут.

Когда я очнулся от тьмы суеверий,
 Когда перестал я насильно служить,
 Тогда я решил свою жизнь несомненно
 На мир и на благо людей посвятить.
 Я знаю, дочурка, что ты уж большая
 Отца своего ты поймёшь
 Своею душою мой путь оправдаешь
 И горькие слёзы утрёшь.
 Ни боль, ни мученье, ни горькие слёзы,
 А радость в великой борьбе
 Чтоб больше не лилися детские слёзы
 Чтоб радостно жилося всем на земле.
 За великое дело свободное
 Свою жизнь если надо отдам
 Не пугает могила холодная
 Пускай тело берёт, а души я не дам.¹⁶⁷
 Свези же, дочурка, в коммуны родную
 От узников братский привет
 Скажи чтобы жили свободно, бесстрашно
 За правду страданья не горе, а свет.
 И вы, мои дети, когда подрастёте
 И встретите тяжесть в пути
 Отца своего вы тогда вспомните
 Что путь прокладал впереди...¹⁶⁸

* * *¹⁶⁹

Метель седая бушевала, крутила ветер низовой,¹⁷⁰
 А за тюремную стеною, друзья собрались толпой
 Холодной ноченькой сибирской, свою оставили постель
 Вы с песней бодрою и смелой, пришли к друзьям
 к тюрьме в метель
 И вот открылись ворота, нас вывел из тюрьмы конвой,
 А вокруг конвоя вы теснились, свободной, любящей
 толпой¹⁷¹
 Рыдания к горлу приступали, мы не забудем никогда!
 Улыбки, слёзы и приветы, чем вы дарили нас тогда.
 Горят огни в коммуны милой, горят любящие сердца,
 Моя душа в огне пылает, над миром светится заря...¹⁷²

* * *¹⁷³

На путь независимый мысли свободной¹⁷⁴
 Я смело вступил и понял, я иду
 На нём я несу испытанья, лишенья
 На нём свою жизнь нахожу.

Твой папка не хочет, чтоб плакали дети,
 Твой папка не хочет, чтоб плакала мать,
 Твой папка не будет людей сажать¹⁷⁵ в тюрьмы,
 Твой папка не будет людей угнетать.¹⁷⁶

* * *¹⁷⁷

День умолк и легли уже тени
 У ворот, под забор, под окно,
 А я молча стою у постели
 Прижимаю у сердца письмо.

Очарованный тайною слова
 Я не слышу как жгут слёзы грудь
 Как я шёпотом снова и снова
 Повторяю одно – не забудь!

Ты не знаешь, как мне одиноко
 И не видишь мою хмурь бровей,
 Только ночь лишь одна горемыка
 Стала в жизни подругой моей.

Ой, вы тёмные, тёмные ночи,
 Дум бессонных¹⁷⁸ моих колыбель
 Я гляжу как в неведомы очи
 В эту ночь в¹⁷⁹ этот сон и постель.¹⁸⁰

Я ВЕРЮ В ЧЕЛОВЕКА¹⁸¹

Что может сделать нашу жизнь прекрасной
 Лишь только ты, о человек,
 Твоя лишь воля, труд всечасный,
 Лишь ими движется наш век.

Есть на земле болота и трясины
 И сорных трав есть непочатый край,

Но стремясь всё выше из трясины
 Того, что недостойно человека, избегай.
 Названья человека только тот достоин,
 Кто жизнь вокруг прекрасную творит,
 Кто любит всех, кто в правде непреклонен
 И кто вперёд с надеждою глядит.¹⁸²

ТУК, ТУК, ТУК! (Встреча братьев Тюрк)¹⁸³

Тук, тук, тук!...¹⁸⁴
 Где этот стук,
 Кто-то стучит за стеной,
 Кто-то назойливо хочет узнать
 Кто я такой.

Тук, тук, тук!
 Отвечаю на стук –
 Я издалека приехал, друг,
 Я устал и хочу отдохнуть,
 Я приехал на новый суд.

Тук, тук, тук!
 Снова доносится стук
 Удар за ударом он имя моё выбивает
 В волненьи стучу я опять –
 Как можете вы меня знать?

Доносятся медленно стуки
 За дверью глушатся шаги
 Дробятся, сливаются звуки
 Я брат твой, я здесь же¹⁸⁵ как ты.

Массивно повисли замки
 Железом окованы двери
 Крепки же¹⁸⁶ в стенах кирпичи
 Но всё же они не сумели
 Сомкнуть нас в свой каменный круг.
 Тук, тук, тук.

1939г.¹⁸⁷

* * *

Когда ж¹⁸⁸ ты прекратишь, тюремная кутина
 Штыком тоски больную грудь пронзая?
 О, память, о любовь! О, светлые картины!
 Счастливых прошлых дней, воскресите опять
 Любимое лицо, руки прикосновенье
 И воля, и простор и милый дом родной.
 Воскресите опять, чтоб я хоть на мгновенье,
 Хотя бы¹⁸⁹ лишь во сне нашёл себе покой.
 А нонче, как и вчера, и завтра как сегодня
 Тюремный долгий срок один, бесцельный¹⁹⁰ день,
 Один кошмарный бред, безумный и негодный
 И этой жизни знай смягчит лишь смерти тень...¹⁹¹

КОСТЁР¹⁹²

У костра нас трое, тихо
 Лес молчит
 Лишь огонь по сучьям
 Прыгает, трещит¹⁹³.
     Тишина желанна,
     Отдых для души,
     А костёр мечтанья
     Разбудил в груди.
     Что ж¹⁹⁴, что мы в неволе,
     Мысли далеко,
     Пламенным восторгом
     Всё внутри полко¹⁹⁵.
 Письма из далека
 Принесли нам весть,
 Мы не одиноки –
 У нас друзья есть.
     Пламенно горящие
     Братские сердца,
     Как огонь пылает
     Вся душа моя.

И горя сливается
 С душами друзей
 Вместе легче дышится
 На душе теплей.

Мне прожить так хочется, – как костёр горит,¹⁹⁶
 Тело пускай¹⁹⁷ тратится,
 А душа горит.

*Моряковка 1937г.
 Томская тайга.¹⁹⁸*

* * *

Стихотворение двух авторов пощ.¹⁹⁹ ТЮРК,
 посвящённое коммуне²⁰⁰

А всё темней и гвалт тюрьмы умолк
 В окно ко мне смотрели чёрной ночи рожи,
 Осенний сумрак тучи поволок
 Рукой ленивою по небу без дороги.
     А этот день, как много, много дней
     Минувшему на плюс торжественно склонился
     И погружаясь в сон, я чувствовал сильней
     Что сквозь решётки, поток любви струится.
 Всё тише на душе, я не один
 В раздумьи зыбком снова мне она явилась
 Передо мной²⁰¹ встают ряды картин,
 Но как значительно они преобразились.
     Среди угрюмых, тряпок, коек, тел
     Лежу во властной страсти вдохновенья
     Ах, если бы²⁰² хоть этот раз сумел²⁰³
     Схватить и удержать любимые виденья.
 Но грозным цепенеющим свинцом
 Мечта, тоска моя о ней отгородилась
 На колыбели дум нарушен сон
 Тревог ревнивых полоса во мне родилась.
     Что в ней творится там, хотел бы²⁰⁴ знать
     Раскола призрак вновь мне омрачает душу
     На общий путь готов я снова звать
     И сквозь решётку вам протягиваю руку.

Из года в год, за шесть прошедших лет
 Она свой трудный путь бесстрашно²⁰⁵ пролагала
 И жертвы есть... Суров сибирский снег
 За что ж²⁰⁶ она сынов в неволю отдавала.
     Не слабость, слабость мою душу бередит,
     Мне ночи мрак не сломит дум моих заветных,
     А страшен мне порыв ломать, гасить
     Жизнь общую, горящую во мне так светло.
 Нет, не угаснет пыл в груди моей
 За светлых лучших дней, свободой поплатиться
 А может быть и не закрыть очей
 Среди семьи, друзей и с ними не проститься.
     Сегодня день, как много, много дней
     Во мне оставил след переживаний
     И в сумерках душа я слышу среди полей
     Песнь чудную – заре счастливых ожиданий.
 Уже давно тюремный гвалт умолк
 В окно уже не смотрят чёрной ночи рожи,
 А на просторе звёздный хоровод
 Ведёт свои круги по небу бездорожью.²⁰⁷

* * *

Не шепчи, не нежь руками плечи
 И лицо улыбкой не румянь
 Эти ласки, нежности как клещи
 Вырвут счастье в этакую рань
     Не буди²⁰⁸, кто падает проснувшись
     Не зови, кто гибнет на пути
     Разве мало от тоски свернувшись
     Умирают без ножа в груди?
 Не губи, чьё сердце²⁰⁹ не проснулось
 Ранних мук с усладой не вноси
 В ком любовь лишь только колыхнулась
 Острый меч над ней не заноси.²¹⁰

* * *

Не плачь моё сердце, щёк впалых не мни²¹²
 Растают на встречах, все боли в груди

Те боли, что гаснут от радостных слёз
 Чьи муки извели то же²¹³ насквозь
     Не будут уж биться о белую грудь
     Волною тюремная чёрная жуть
     И ритмом и рифмами в полную кровь
     Вырвется томимая разлукой любовь...²¹⁴

* * *

Серым светом²¹⁵ брызнуло над городом
 Ночь бессонная²¹⁶ уйди, уйди
 Сердце вновь неволю распорото
 Дни застывшие в моей груди.
     Что досуг, когда он цепенеющий
     Стиснут удалю тюремных²¹⁷ палачей
     Сколько силы, молодости тлеющей
     За забором мертвенных ночей.
 Я в тюрьме до гущи натабаченной
 О²¹⁸ измученная горем мать
 Как безумец, жаждой я охваченный
 Жаждой жить и свободой дышать.
     Но за что?²¹⁹ За что?²²⁰ в тюрьму заброшенный
     Я полей, нужды, крестьянский²²¹ сын
     На земле я что ли²²² гость непрошенный
     Сердце доброе остынь, остынь.²²³

* * *

Здесь кто-то близкий под самым сердцем²²⁵
 Поёт и плачет рождая муки
 Как крик ребёнка в дрожащем тельце
 Волнуют душу мне эти звуки.
     Тебя не вижу, но знаю кто ты
     Слезой давиться я стал без слова
     Ещё немного и лягут годы
     Немой разлуки меж нами снова.²²⁶

РОДНИК²²⁷

Под старым дубом вековым
 Родник с волшебною водой

Он шепчет голосом живым
 Под скрип извечности седой.
 Кто выпьет каплю той воды
 Волшебство сил её поймёт
 Но заросли туда следы
 И дикий зверь не забредёт.
 Лишь иногда орёл степной
 Свою там жажду утолит
 Да дуб замшелой стороной
 Над ним тихонько зашумит.
 Когда в лесу он шелехнёт²²⁸
 Водой он плещется своей
 И силу новую несёт
 В просторы жаждущих полей.
 Вот и орёл тогда в степи
 Парит над ней могучих сил
 Его ничто там не теснит
 Он там пространство покорил.
 И молкнет вся живая тварь
 Под жгучим взором его глаз
 Ни зной, ни бури и не старь
 Его не мучат в этот раз.²²⁹

ТЕРПЕНИЕ²³⁰

Будь терпелив, мой друг²³¹
 Когда несчастье тебя постигнет вдруг
 Не жалуйся и не ропщи,
 И состраданья не ищи
 Своим страданьем боль
 Другим не причиняй –
 В молчании страдай,
 И всё вокруг
 Улыбкой кроткой освещай.
 То светлых путь
 То вечных путь
 Друг, терпеливым будь.²³²

* * *²³³

Что ты плачешь, что горюешь,²³⁴
 На людей, на судьбу обижаешься,
 Что ты ропщешь, что тоскуешь
 В горьких жалобах извиваешься?
 В нашей жизни много горя
 Но и радости также не мало,
 А за ропотом, за слезами
 И последняя радость пропала.
 Радость милая лёгкой пташечкой
 В сердце добром и кротком живёт
 А обидишься, да озлобишься
 Радость мигом из сердца уйдёт.²³⁵

МУДРОСТЬ ЖИЗНИ

Не печалься, мой друг
 И не плачь о том,
 Что прошло и назад не воротится:
 Посмотри в небеса,
 Быстро тучки бегут,
 Разрываются, ветром уносятся,
 А как после грозы
 Всё вокруг оживёт,
 Засияет, лишь солнце блестит;
 Так и горе твоё –
 Благодатной росой
 Пусть на сердце твоё упадёт.
 Мудрость жизни, мой друг,
 Её светлый покой
 Дорогою ценой покупаются,
 То страданья твои –
 Не пугайся ж²³⁶ когда
 Буря жизни к тебе приближается
 Всё терпенье своё
 Ей навстречу пошли
 Всю любовь и всю силу смирения

И найдёшь ты тогда
Даже в скорби своей
Радость высшую, мир утешение.²³⁷

ЖАЛОСТЬ²³⁸

О жалость милая!
Сегодня меня ты посетила
Рукою нежной обняла
И тихо молвила: «Жалей».
Суровость не поможет
И строгость гордая твоя
Ничьей²³⁹ души не может оживить
Она лишь отравить –
Способна каждое мгновенье
Лишь нежной жалостью твоей
Ты успокоишь все сомненья
Тоску прогонишь и²⁴⁰ радость чистую
Прольёшь в сердца людей
Жалей!²⁴¹

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ²⁴²

Как солнце лучами туман разгоняет
Тепло нам и свет подаёт
Как доброе сердце вражду побеждает
К счастливой нас жизни ведёт.
    Как тихо в жилище, какая там радость
    Где доброе сердце живёт
    Исполнено светлой любви и участия, –
    Исполнено нежных забот.
А злобное сердце во мраке блуждая
Всегда одиноко живёт
В тоске и томленьи иль в злобном волненьи
Покая себе не найдёт.
    Где злобное сердце, там горе и слёзы
    Обиды, укоры всегда
    Там светлых улыбок, любви и участия
    Не встретишь мой друг никогда.

Храните своё сердце беззлобным и кротким
Всегда милосердным храни
Пусть в радости светлой и любви и покое
Текут твои дни.²⁴³

* * *

За всё тебя благодарю
За скорбь и радость мою
Скорбь мне путь мой направляет
Радость, жизнь мне освещает
За всё тебя благодарю
За жизнь и смерть мою.
    Не страшен путь мне мой
    Ведь ты всегда со мной
    Голос твой в сердце моём звучит
    «Не бойся» – мне он говорит
    Ведь я всегда, всегда с тобой
    Не страшен путь мне мой.
Средь снега²⁴⁴ в горах²⁴⁵,
В пустынных глухих стенах
В жилище тесном иль в дворцах
В родных или чужих глазах
Встречаю всюду облик твой
Не страшен путь мне мой.²⁴⁶

ЦВЕТОК²⁴⁷

Мои дни может быть сочтены
Я не плачу о том
Посмотри на прекрасный цветок
Он живёт настоящим лишь днём.
Его вид красотой нас пленяет,
Аромат нас живит, восхищает
Сладкий сок собирает с цветка
Пчёлка в мёд его превращает.
Между тем, у цветка
Жизнь ведь так коротка,
Что же в том? Порой долгий век
Безобразно живёт человек.

Ну, а жить так не станет совсем,
Жить так право не станет и дня
Вот что глядя на милый цветок
Стало ясно, мой друг, для меня.²⁴⁸

ДРУЖБА²⁴⁹

Весна наступает,
Потоки бегут
В них солнце играет
А птицы поют.
    Если в жизни всё так радо
    Если счастья всё полно,
    Так чего же ещё нам надо
    Будем жить все заодно.
Будем счастливы, друзья
Мы ведь все одна семья
Солнцу жизни мы пошлём привет
Там, где дружба, там и горя нет.²⁵⁰

* * *

Как создан прекрасно творцом этот мир
Какая вокруг красота
Как пышно убралась цветами земля
Какая небес широта.
    Как ласково греют нас солнца лучи
    Как белые тучки бегут
    Как нежно в ложбине журчит ручеёк
    Как весело птички поют.
Один ты угрюм и грустишь, человек
Один ты не славить творца,
Один в суете ты проводишь свой век
С тоской ожидая конца.
    Опомнись, ободрись пока ещё ночь
    Тебя не окутала тьмой
    Спокойно и мирно живи
    С природою сливаясь душой.²⁵¹

ПРОСТИ²⁵²

Если ты оскорблён,
Если ты огорчён
Не плачь, не грусти
Обиду скорее прости.
    Как тяжело тому жить
    Кто не умеет любить
    Обиду не может простить,
    Зла не умеет забыть.
Как легко нам станет жить
Если будем всех любить
Обиды прощать и зло забывать.²⁵³

ЗАЧЕМ СУЕТИТЬСЯ²⁵⁴

Зачем суетиться,
Зачем торопиться,
Так мало осталось нам жить,
Зачем же к могиле спешить?
    Впряглись мы в телегу труда
    Покоя нам нет никогда,
    Спешим всё вперёд, да вперёд,
    А смерть так внезапно придёт.
И жизнью своей недовольны,
И смертного часа страшась, –
Закроем глаза мы навеки
В последний наш час.
    А жизнь дана нам для счастья
    Для радости мира дана
    Взгляни же какой красотой
    Жизнь наша полна.
Вот ярко солнце блистает
И²⁵⁵ тихо²⁵⁶ плывут облака
Вот ясные звёзды сияют
И плещет волною река.
    Цветы благоухают²⁵⁷
    И рощи шумят

В них резвые птички порхают
Их²⁵⁸ песни немолчно звенят.
Зачем же торопиться²⁵⁹
Зачем суетиться
Так мало осталось нам жить
Зачем же к могиле спешить?²⁶⁰

БУДЬ СЧАСТЛИВ²⁶¹

Будь счастлив всегда
Не горюй никогда
Не тоскуй, не грусти
О прошедшем не плачь
И вперёд не гляди.
    О прошедшем не плачь
    И вперёд не гляди
    Настоящей минутой живи
    Каждый день, как бесценнейший дар принимай
Бесконечно люби, бесконечно²⁶² прощай.
Светлой, кроткой улыбкой
Всё вокруг освещай
Будь счастливым всегда
Будь счастливым в довольстве, в нужде
Будь счастливым в болезни, в беде,
Будь счастливым всегда
И счастливыми делай других.²⁶³

УМЕЙ ПОНЯТЬ²⁶⁴

Умей понять,
Умей простить,
Умей для себя
Для других позабыть
    Умей отдавать
    Умей награждать
    Умей для себя²⁶⁵
    Ничего не просить.²⁶⁶
Как часто за горькой слезой
Не видим мы слёз чужих,

Как часто за горем своим
Не видим мы горя других
    Умейте²⁶⁷ же понять
    Умей простить
    Умея о себе
    Для других²⁶⁸ позабыть.²⁶⁹

ГОЛУБЬ МИРА²⁷⁰

Голубь мира реет над землёй
Утопает в небе ясной вышине
В солнечных лучах сверкая белизной
Сердце радостно поёт во мне.
    Я счастлива жить в век такой
    Когда песня мира льётся над²⁷¹ землёй
    И свершается победа над войной
    Я счастлива жить в век такой.
Солнце радостно сияет над землёй
Освещая мира красоту
Согревая мудрый род людской
Побеждающего злобу и вражду.²⁷²

* * *²⁷³

О люди, мы может быть счастливы
Только бы нам не забыть
Что счастье в том, чтоб любить
Только лишь его одного
Чистой любовью святою
Мы зло победим
И счастье вокруг создадим.²⁷⁴

ПЕСНЯ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА²⁷⁵

Как хорошо, как счастлив я!
Встаёт заря, встаю и я
Щебечет птичка под окном
Пою и я в углу своём.

Вы скажете, дневных забот
Хватает нам, их полон рот
Они нам жизни не дают
Ах полноте²⁷⁶, путь будет труд.

Над счастьем милые, друзья
Трудиться ведь люблю и я
С любовью, с радостью трудясь
Нужды и горя не боясь
Хочу я так свой век прожить,
Чтоб не плакать, не тужить,
Чтобы всегда довольным быть, –
Чтоб всегда счастливым быть
Пусть холод, грязь и дождь идёт
И ветер злится и ревёт
Пуская невзгод тяжёлых рой –
Обступит нас вокруг стеной
Но в сердце солнышко блестит
Но сердце радостно горит
Ему и горе нипочём
Ведь счастье в нём, в одном лишь в нём.²⁷⁷

ОСЕНЬ И В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ²⁷⁸

Ещё ясна²⁷⁹ небесная высь,
Ещё солнышко светит тепло,
Но короче уж дни, по утрам холодно.
Это осень стучится в окно.
Как мне дороги эти цветы
Да они уже все отцветают
Как с деревьев прозрачны листья
Ведь они уже все опадают.
Я люблю эту тихую пору
И прозрачные ясные дни
Как с последней прощальной улыбкой
Нас и греют и нежат они.
Словно милый, родной человек
Подходя к своей жизни пределу

Нас последнею лаской хранит
Приближаясь к земному уделу
Ещё²⁸⁰ ясен заботливый взгляд,
Ещё руки не праздно сложились
Но согнулся уж стан, вся седа голова
И морщинами щёки изрылись
Так спешите же²⁸¹ ласкать и любить,
Так спешите же жалеть эти руки
О, поверь, что ни с чем не сравнить
Сожаления полного муки.²⁸²

* * *

Стихотворение, посвящённое коммуне

На светлых²⁸³ предгорьях Алтая,
Где плещется Томи волна
Семья собралась большая
Одним устремленьем полна.
Полна вся горячей мечтою
Среди жизни своей трудовой
Жить дружной, единой душою
Для цели заветной одной.
Среди мира враждаю²⁸⁴ больного,
Где злоба, где слёзы и кровь
Работать для братства святого
И братскую сеять любовь.
Работать косою и плугом
И сердцем работать над тем,
Чтоб всем²⁸⁵ быть отзывчивым другом,
Чтоб братом любящимся всем.
Не мало препятствий суровых,
Не мало преград на путях
К строительству жизни их новой
Но вера горит в их сердцах.
Та вера, что счастье в служеньи
Всемирному делу любви
Что в братстве стремлений
Вся высшая радость земли.

Та вера их труд окрыляет
Вперёд и назад их влечёт,
Та вера их труд поднимает
Слабить их душам не даёт.

Не знают покоя их руки
Работа в руках их кипит
И радостью шумные звуки
В устах их победно звучат.

Их счастье всю жизнь в стремленьи
И в братскую жизнь без насилья
Всю душу их делу отдать
Трудом и любовью создать.²⁸⁶

СТИХОТВОРЕНИЕ ПРИЗЫВ К РАБОТЕ²⁸⁷

Ещё²⁸⁸ работы в жизни много
Работы светлой и святой
Кому-то²⁸⁹ нужно потрудиться
Для блага жертвовать²⁹⁰ собой.

Ещё тернистая дорога
И много зарослей на ней
Ты видишь брат страданий много
И лица мрачны у людей.

Они тоскуют все о жизни
И ждут устройства от других,
А жизнь проходит незаметно
Она сокрыта в них самих.

Одно лишь только нужно помнить
Одно лишь только нужно знать,
Что сила в каждом человеке
Мыслями может управлять.²⁹¹

* * *

Направьте, брат, скорее мысли
На подвиг добрых путь святой
Тогда исчезнут недостатки
В текущей жизни пред тобой.

И голос высшего сознания
Заговорит в душе твоей
Откроет силу, мудрость, знания
Что нужно делать для людей
Не будешь²⁹² бога искать в храмах,
Ни в небесах, ни на земле,
Ни в пышном царском одеянии
И ни в товарище вожде.

Увидишь бога в добром деле
В сознании, выше средь людей
На каждом деле, в каждом месте
И в дорогой душе²⁹³ своей.

Послушай высшее сознание
Спокойным, светлым и прямым,
Трудиться будешь²⁹⁴ по сознанию
Где нужно в жизни трудовой

Пусть гром гремит над головою,
Но тучи грозные пройдут,
Всё одолеет²⁹⁵ сила духа
Всё победит упорный труд.

* * *²⁹⁶

Над стоном, над взмахами чёрной волны²⁹⁷
Трепещет луч солнца воскресшей весны
И ближе уж слышится песня полей
И падают цепи с окованных дней
Забыто вчерашнее, память скупа,
Но что же²⁹⁸ на завтра готовит судьба?
Без стужи, без мёртвой томятся все дни
Иного²⁹⁹ ответа не сыщет в груди.³⁰⁰

* * *³⁰¹

На море, сквозь бурю от старой сосны³⁰²
Чьи очи, как пламень метнули огни
Под взмахом чёрной волны
Не гаснут уж больше светлые дни.

Не очи, то сердце, а в³⁰³ сердце любовь
 Гонимая жизнью, как бурей морской,
 Томимая муками, брызнула кровью,
 То чудится юному луч золотой.
 О небо, о³⁰⁴ солнце, о светлые дни
 Горит³⁰⁵ это сердце, как пламень вдали
 И бьётся о сильную белую грудь
 Тихая, жуткая, чёрная муть.³⁰⁶

* * *³⁰⁷

Сегодня день, как много, много дней³⁰⁸
 Минувшему на плюс торжественно склонился
 И в этом торжестве сияющих огней
 Из прошлых дум мне дивный сон приснился.
 Тумана муть, как сумрак над землёй
 Тяжеловесным грузом колыхнулось
 И потянулось как перед зарёй
 И всё радея в облачко свернулось.³⁰⁹
 А там, вдали под куполом небес
 Стоит маяк, горит во мне искрится
 Подножие его скрывает дальний лес
 И он то гаснет вмиг, то снова разгорается.
 Туда, туда мой взор и день и ночь
 Туда напор моих желаний устремился
 Но здесь через порог, нельзя ступить мне прочь
 Я вынужден³¹⁰ молчать и сумрачно томиться.³¹¹

* * *³¹²

Утихли ручьи – воскресли поля³¹³
 Наложили мне цепь на свободу
 С грустным видом меня провожали друзья
 Оборвались цветущие годы.
 И с тех пор я с тоской сквозь решётку гляжу
 День как день, ночь как ночь³¹⁴ повторяются
 День как призрачный сон, ночь на койке в углу
 Жизнь в тюремную песнь изливается.³¹⁵

БЕЗЛИКАЯ³¹⁶

Ты нигде меня не забываешь
 И везде спешишь узнать
 Даже сонную целуешь, обнимаешь
 Много, много раз как мать
 Поцелуешь – лёд к губам приложишь³¹⁷
 Обнимешь – будто спрут
 И с улыбкою счастливою тоже
 Смотришь – слёзы как текут.
 А потом весь день за мною ходишь
 Пристаёшь бесстыжая³¹⁸ опять
 Оскорблённого в народе меня водишь
 Требуешь двуличным стать.
 Если ж кто ко мне, по старой дружбе
 В обращении на «ты»
 Ты ревнивая горланишь – нет не нужно³¹⁹
 Вашей глупой простоты.³²⁰

* * *³²¹

Седовласая... Совсем не знаешь³²²
 Ты и счёту своих жертв...
 Пляшешь, плачешь и тихонечко вонзаешь
 В сердце сколько мне ножей?
 Ты нигде меня не забываешь
 И везде спешишь узнать
 Даже сонную целуешь, обнимаешь
 Продолжая кровь сосать.³²³

ПРИЗНАНИЕ³²⁴

Не полюбишь, так не поплачешь³²⁵
 Не узнаешь и горьких слёз
 А узнаешь, так чем отплатишь
 За потерю девичьих кос?...³²⁶

Нож преступный ли ты отточил
 В левый бок ли им саданёшь
 Сколько тюрем так право
 Много ль³²⁷ счастья так обретёшь?³²⁸

Иль косынку кинешь под ветер
 Кудрей вихрем себе наведёшь
 Всё условно решишь на счете
 Грудь откроешь и запоёшь

Или чепчик наденешь новый
 На манер заповедных дам
 Подведёшь под глазами, брови
 Соберёшь как святую дань

Не полюбишь, так не поверишь
 А поверишь, так не снесёшь
 Много горя тогда ты встретишь
 И насмешек не соберёшь.³²⁹

Но я знаю, ты не повеса
 И не будет ни добрых глаз
 Не стереть мне здесь хоть убейся
 Ты по сердцу мне так пришлась

Потому, что не пьёшь, не куришь
 В рестораны не знаешь вход
 И не мажешь брови нахмурить
 И не знаешь Парижских мод.

Потому, что в глазах³³⁰ лучистых
 Василёчки родных полей
 И глазами без слов речистых
 Кровь волнуешь души моей³³¹

Потому, что простые косы
 Повиликой, как сон сплелись

Так звени же коса в прокосах
 И постель из цветов стели.³³²

* * *³³³

Где вы! смелое племя бесстрашных борцов^{334?335}
 Или погибли вы в тюрьмах жестоких,
 Или не вынесли тяжких трудов,
 Или вас глушат заботы житейские, мелочи тянут ко дну?

Гаснут светильники, мрак всё сгущается
 Мир превратился в тюрьму.

Не падайте духом, друзья, ободритесь
 Мужеством вновь укрепите сердца
 Злоба бушует, но вы не страшитесь
 Для истины вырыть могилу нельзя.

Минуты упадка, минуты унынья
 Спасения нам не дадут

Лишь те, кто в стремлениях своих непреклонны
 Победу в борьбе обретут.

Негаснущим светом сияет свобода
 И разум бессильны штыки заглушить
 Злоба погибнет, останется правда
 Давайте же³³⁶ правде одной лишь служить.

Зачем же унынье, минутная слабость,
 Страх за телесную жизнь,
 Если мы знаем великую радость
 Духовным стремленьям служить.

Друзья! Ведь могила нас ждёт неизбежно
 Рань иль поздно нам всем помирать
 Так станем ли, братья, из страха позорного
 Свободную совесть терять?

Пред тайной³³⁷ глубокою³³⁸

Растают все страхи земли
 Ужасны раскаянья муки
 За наши земные грехи.

Разум и совесть свобода³³⁹ и правда
 Вечно сияли и будут сиять

Только трусливые, духом³⁴⁰ упавшие
 Будут в тоске свои дни доживать.
 Смелые ж³⁴¹ духом, свободные волей
 Радость и в бурях найдут
 С терпением пройдут сквозь огонь испытаний
 Маяки для ослабших зажгут.³⁴²

* * *

Широки голубые просторы
 Бьётся май теплогрудой волной
 Даже здесь – за высоким забором
 Одуванчики брызжат весной.
 Что же ты, мой друг, на брови
 Напустил необычную грусть,
 Смотришь вдаль непроглядно суровы
 Безгранично печальную Русь.

Иль гнетут тебя годы неволи
 Иль предчувствием тяжким гоним,
 Или старые раны и боли
 Кровоточат³⁴³ под сердцем твоим.
 Брось томленья души и унынья
 Тяжким взглядом меня не волнуй
 Светло-серой степною полынью
 Одиноко, со мной не тоскуй.

Раскуют от цепей наши руки
 Распростимся с проклятой тюрьмой
 Смоем сразу сердечные муки
 Первой радостной³⁴⁴ жирной слезой.
 Необъятно широкие дали
 Зацветут голубым полотном
 Вспомним прошлые наши печали
 На любимой груди вечером.

Так скорее же³⁴⁵ сбрось ты томленье
 Тяжким взглядом меня не волнуй
 Светло-серой степною полынью
 Одиноко со мной не тоскуй...³⁴⁶

* * *

Прощанье с семьёй и друзьями. 1936г.

Прощай милая Марьяша!³⁴⁷
 И Санюша дорогой,
 И дочурка моя Тося
 И ты Витя, мой родной.
 Прощай, Лёня, Ваня, Тима,
 Всем желаю вам добра,
 Прощайте милые, родные
 Не знаю увижу ль³⁴⁸ вас когда!

Мужчины, женщины и дети,
 Прощайте, милые друзья
 Всегда я вами был доволен
 Но к вам вернуться мне нельзя.
 Ведь вы знаете родные
 Я зла не делал никому
 Любил я вас и ближних тоже
 И за любовь пошёл в тюрьму.

Так что ж³⁴⁹ поделаешь с насильем
 Не в нашей власти ведь оно
 Лишь мы не делали насилья
 Вот это помнить нам дано.
 Моря! Всегда помню твои ласки
 И как любила ты меня
 Всегда был тобой доволен
 И не забуду я тебя.

Пока жив буду стараться
 Чем могу тебе помочь
 Моя милая Марьяша
 Пока будет у меня мочь.
 Шесть детей ты мне родила
 Я любил же их всегда,³⁵⁰
 Всегда буду детей помнить
 Не забуду никогда.

Так прости же³⁵¹ меня родная
 Что остался я в долгу
 Если к вам здоров вернуся
 Тогда быть может помогу...
 Вы не плачьте, не тоскуйте
 Моря ж³⁵², милая моя
 На прощанье ж³⁵³, дорогая
 Крепко ж³⁵⁴ вас целую я.
 Любимая, вас мои родные
 Душой болею я за вас
 О, как был бы³⁵⁵, я бы счастлив
 Хотя бы³⁵⁶ в год вас видеть раз!..
 Пять годов прожили вместе
 С вами, милые друзья,
 На прощанье ж³⁵⁷, дорогие
 Крепко всех целую я!³⁵⁸

* * *³⁵⁹

Посвящаю смерти коммуны «Жизнь и Труд»
 1938г.

Померла ж³⁶⁰ ты моя дорогая³⁶¹
 Операции ты не снесла
 Под напором Советской же власти³⁶²
 Скрепя сердце от нас ты ушла.
 На твоих ведь глазах всё творилось
 Всё пришлось тебе переживать
 Как родных-то твоих уводили
 В лагеря и неволю ссылатъ.
 Сорок сынов в лагерях и неволе томилось
 Да в тюрьме³⁶³ семь сынов, да две дочки сидели
 И три года мы сильно болели, страдали,
 Дети песен уж больше не пели.
 Год от года трудней становилось
 Ты слабела сильней и сильней,
 Но вот жить же³⁶⁴ ты всё ещё хотела
 Для оставших с тобою детей.

И любила ж³⁶⁵ ты всех бесконечно
 И прощала ты всем без конца³⁶⁶
 И о детях тебе изменявших
 О их благе просила отца.
 Но ты знала, родная мамаша,
 Дети хочат тебе изменить
 На другую неродную мать
 Под напором тебе обменять.
 Но напрасно мои брат, родные
 Вы родную хотите сменять
 На артель, где каждый себе,
 А как же³⁶⁷ вдовам, сиротам-то³⁶⁸ жить.
 Но вот, четыре ещё взяли,
 Их послали опять в лагеря
 И от этой последней же муки
 В тот же вечер и ты умерла...
 Хоронили тебя все в молчаньи
 И песен не пели тебе
 Лишь немногие плакали дети
 К ссылке готова себя.³⁶⁹

Но сильнее сироты с вдовами рыдали
 Им ведь боль пришлось переживать,
 Их родные томилась в неволе
 Тут пришлось им всё вспоминать.
 И хотя все собраты не сможем
 Уж многих нет, как родная тебе
 Они там живут, в другом мире
 И нас поджидают к себе.
 Всё же³⁷⁰ надеяться³⁷¹ буду, родная
 Ты опять среди нас заживёшь
 Только места того я не знаю,
 Где остатки родных соберёшь.
 Иль на голых степях Казахстана,
 Иль на север сошлют в Колыму,
 Иль на горных вершинах Алтая,
 А быть может и в тёплом зелёном Крыму,

Но вернее³⁷² всего в другом мире,
Где друзья поджидают к себе,
Где нет тюрем, душевных мучений
Вот там соберёмся к тебе!...³⁷³

* * *³⁷⁴

Кузнецкая тюрьма 1937-38гг.

Над³⁷⁵ забором, где рвётся свобода,³⁷⁶
Где неволя куёт кандалы,
Торжествует людская невзгода
И грустят пролетая орлы
Здесь тюрьма как могила³⁷⁷ замшилась
И могильщик под ней часовой
Грозно туча над нею кружилась
Но рассеялась в час полуденной
Ненасытно пастью удава
Жрёт она и детей и отцов
Где ж³⁷⁸ ты, где ж ты³⁷⁹ священное право
На свободную жизнь без оков?³⁸⁰
Но³⁸¹ в ответ за пытливость в отместку
Приоткрылся волчек воровски
И сорвался³⁸², двукратный³⁸³ и едкий
Жаркий мат³⁸⁴ подневольной тоски.
Двухэтажные, грязные нары,
Кровожадные³⁸⁵ стаи³⁸⁶ клопов,
Вонь параши, истасканной старой,
Жуть проклятая тёмных углов.
Дым табачный по камере бродит,
Очень трудно больному дышать,
Песнь «Колодники» кто-то заводит
Голоса подхватить не спешат.
Вдруг отрывисто словно картечью
Застучит коридорный в волчек
Замолчать ты обязан конечно
А иначе потянут в мешок.

Стынет ум в этой жизни ослиной
Не читай, не пиши и молчи
Поневоле в тоске непосильной
Станешь дни как-нибудь волочить.³⁸⁷

Гнутя под сонными нары
Ночь хоронит бессонных³⁸⁸ мольбу
Сколько лиц здесь и юных и старых
Проклинают жестоко судьбу...
Сколько жизней горящих как пламя
Жаждой жить и свободой дышать
Здесь угасли, под сводами камня
Будут долго родные их ждать...
Сколько вдумчивых глаз сквозь решётку
Молча смотрят в пустынную даль,
Молча смотрят, то жёсткий, то мягкий
Веет ветер на эту печаль...
Веет ветер и кружатся тучи
Паровоз, грудью режет простор,
Не проснулось лишь груди могучей
Смыть утыканный горем позор.³⁸⁹

* * *³⁹⁰

Живу я здесь вот одиноко³⁹¹
И слово некому сказать
Ищу кругом в тоске глубокой
Того кто б³⁹² мог меня понять
Найти стараюсь в людях правду
Подобье друга отыскать,
А нахожу я то лишь в мире,
Что право стыдно и сказать.
Так вот что сделала лукаво
Жизнь посмеявшись надо мной
И грустно молодости годы
Прошли под тучей грозовой.
В борьбе с судьбою добрым словом
Нельзя чтоб было вспомнать,

А всё ж³⁹³ мне хочется поведать
 Что на душе кому-нибудь.
 Душа хоть слово ласки просит
 Но нет надежды – всё обман
 Так не остывший³⁹⁴ труп заносит
 В степи бушующий буран.³⁹⁵

ПАМЯТИ КОММУНЫ³⁹⁶

Чем толстовцы провинились³⁹⁷
 Пред свободною страной,
 За что прав своих лишились
 Жить коммуной трудовой?
 Все толстовцы не хотели
 Брать пример, с попов господ
 И той цели не имели
 Чтобы³⁹⁸ их кормил народ.
 В мыслях здравых, в чувствах добрых
 Жизнь старались улучшать
 Даже в пищу птиц, животных
 Не хотели убивать.³⁹⁹

Там и сильный, там и слабый
 Кто в коммуне жить хотел,
 Молодой, учёный, старый
 Права равные имел.
 Над другими возвышаться
 Никому нельзя, ни в чём,
 Где кормиться, одеваться
 Права равны даны всем.

И в коммуну принимали
 Людей бедных и сирот

И не пили, не курили
 Не вели вражды ни с кем
 Так за что же осуждались?

Может в том лишь провинились
 Пред свободною страной,
 Что по совести стремились
 Жить, как учит Лев Толстой!⁴⁰⁰

* * *

Письмо от Единомышленников
 и личного друга Льва Толстого из лагерей
 Гуляева М.В. – 1943г. членам коммуны

На привет, шлю ответ⁴⁰¹
 В своё время всё доходит
 Письма ваши до меня,
 Там пока меня находят
 Где на свете живу я.
 Я живу на свете этом
 Где живёте так же⁴⁰² вы
 Хорошо жилось мне летом
 И жду с радостью зимы.
 Идут дни, проходят годы
 И дождёмся мы весны,
 Доживём и до свободы
 Будем там, где быть должны.
 Встретят ближние с друзьями
 Нас в объятия свои
 Постараемся мы сами
 С ними больше жить в любви.
 Так о будущем мечтаю
 Я во сне и наяву⁴⁰³,
 Не тоскую, не скучаю,
 Что без дочери живу.
 Скучать в жизни и не надо
 Благо нам в любви дано
 Только будем жить разумно
 И случится что должно
 На земле не вечно горе,
 Когда есть любовь в груди

Сквозь житейское нам море
Светит радость впереди.⁴⁰⁴
Часто рад я тем бываю
Что на свете мы живём
И с любовью отвечаю
На открыточку письмом⁴⁰⁵
Жаль что с Борей разлучили
Вас быть может навсегда
С близким другом вместе жили
Ради общего труда.

Гуляев⁴⁰⁶

* * *

Письмо в лагеря от Гуляева М.В.

Дорогой друг, Дмитрий Егорович!
С Новым годом поздравляю
Вас друг добрый, дорогой
И от всей души желаю
Возвратиться вам домой.
Лучше этого не знаю
Что вам в жизни пожелать
И вот этим начинаю
Всем послание писать.
Я вас искренне жалею,
Что не дома вы сейчас,
Не видать вам свою семью
И семья не видит вас.
Хорошо бы возвратиться
Для вас было бы⁴⁰⁷ скорей
И вам дома укрепиться,
Жить отцом среди детей.
Без отца и мать не знает,
Как учить ей молодёжь,
А ведь молодость желает
Бросить правду, делать ложь.

А потом-то⁴⁰⁸ нужно
Отцу дома, с детьми жить
Как на свете жить разумно
Чтобы⁴⁰⁹ мог их научить.
Все несчастья свои сами
В жизни дети создают
Когда с добрыми отцами
Они вместе не живут.
Не имея идеала
В душе нравственных основ,
Живут дети как попало
Среди соблазнов и грехов.
И таких на свете много
Без родителей детей,
Для которых нет святого
Ничего в душе своей.
Дети злейшими врагами
При всех знаниях своих
Могут быть себе же⁴¹⁰ сами
Когда нет отца для них.
Их телесная природа
Над душою берёт верх
И та нравится свобода
Что ведёт на зло, на грех.
Эти годы своевольны
Как рабы своих страстей
И бывают непокроны
Родной матери своей
Вы примером и любовью
Своим детям быть могли
Жить по совести душою
На путь добрый бы вели.
В этом наше назначенье
Дорогой и друг и брат
Устранять зло заблужденье
От своих детей-ребят⁴¹¹.

Гуляев 1945г.⁴¹²

* * *

Доброе утро друзья!⁴¹³ нас встречает
 Радостный утра рассвет
 К дню трудовому заря призывает
 Бодрость и свежесть даёт.
 Над бурями выше сияет покой
 Надолго⁴¹⁴
 По белому свету развеяны⁴¹⁵ бурей
 Далеко разбросаны мы
 И всё же в разлуке в далёких просторах
 Сыны мы единой семьи
 Не страшны нам бури, мы в бурях⁴¹⁶ родились
 Над бурями выше
 Сияет покой, надолго⁴¹⁷ в разлуке в тюрьме
 За решёткой⁴¹⁸, живём мы единой душой
 Мы правду узнали, к свободе стремимся
 Порвали⁴¹⁹ с насильем, проклятьем веков
 И что б⁴²⁰ ни⁴²¹ случилось, не в силах вернуться
 Мы в тьму людоедских веков...⁴²²

* * *

В коммуне 31 год

Плугом железным по горному полю
 Мы написали –⁴²⁴воля к труду
 К жизни свободной, без рабства, без власти⁴²⁵
 С конями друзьями ведём борозду.
 Сердцем горячим приняли решение
 Взять направленье⁴²⁶ к добру
 Строим в борьбе против муки угнетенья
 Бодро ответим: «Иду».
 Наше стремленье – правда, свобода,
 Равенство, братство и труд,
 Наша надежда, взаимная помощь
 Крепкие руки и плуг.

На путь мы вступили... возврата не будет
 Твёрдо идём мы к добру.
 Путь жизни узнавши уж мы не слепые
 Не покоримся мы злу.⁴²⁷

* * *

В коммуне 1932г.

Спускается солнце за горы
 Вдали серебрится река,
 Кончают свой день коммунары,
 Трудиться устала река.
 Вдали от родимых селений
 В холодной сибирской стране⁴²⁸
 Сурова их жизнь трудовая
 Проходит в упорном труде.
 Покинули старые хаты
 Полоски, родные сады
 Родные могилы, крышу⁴²⁹,
 Где детские годы текли.
 Народная русская доля
 Неужели⁴³⁰ ты так широка
 Среди бесконечных⁴³¹ просторов
 Не сыщешь себе уголка.⁴³²
 Уходили крестьяне в туретчину⁴³³
 На Аляску, в Канаду, Китай
 Бежали в Сибирь бесконечную
 И вот приютил нас Алтай.
 Что ж⁴³⁴, братцы, затынемте песню
 Свою мы прославим судьбу
 За истину, свет и за братство,
 За волю ведём мы борьбу.
 И вот повели⁴³⁵, затянули
 Поют заливаясь они
 Про правду, любовь и свободу,
 Про полные радости дни.
 Спускается солнце за горы,
 На камнях играет река

И ветер свободный гуляет,
А летняя ночь коротка.⁴³⁶

* * *⁴³⁷

Разлука двух коммунаров
Бориса и Дмитрия
в Томской тюрьме

Опять я на краю разлуки⁴³⁸
И сердце полно жгучей муки
Я в тупике, перед жестокостью людской
Кому, зачем нужны мои страдания?
Товарищ⁴³⁹ мой и брат, с которым мы делили
Неволи годы и радость и печаль
И корку хлеба и тела жар и холод
Здесь остаётся, меня увозят.
Ещё в молодые годы расстался⁴⁴⁰ я с родными⁴⁴¹
Оставил отца и мать,
Оставил братьев я больных,
Оставил всё, с чем в жизни связан был,
Пошёл в скитание неволи
Терпеть порывы тяжкой доли
Среди людей несчастных и чужих
Быть может в том моя вина
Что не сумел я к ним поближе стать
Но сердце ищет единения
Лишь дух свободы и добра
Нас крепко единит.
Потом нашёл семью другую
Не кровного но близко мне
Не плотскую родную
С которой духом я сошёлся крепче
Чем узы крови нас роднят.⁴⁴²

* * *⁴⁴³

Моя жизнь как струна натянута⁴⁴⁴
От рождения до ныне звучит

То печальная, то ликующая
То молчит⁴⁴⁵ никогда не молчит,
Но однажды я помню мгновение
Не забыть мне его никогда
Испытал я заживо горение
Так гореть бы⁴⁴⁶ желал я всегда.⁴⁴⁷

Нет, неверно, скорей не горение
И испытал бесконечный покой
И свободу, любовь, примирение
И без горечи слёзы катились щекой.
Всё случилось без всякого повода
Одиноким я был, молодой
Без раздумья смотрел я на облако
Что плыло в высоте голубой.

Не забыть мне того состояния
Вновь стремлюсь его пережить
Беспредельную скорбь страдания
Помогает мне это снести.

Повторялись такие мгновения
Загорелась душа как заря
Словно не было те же сомнения
Помогали мне в этом друзья.

Когда вижу я пахаря сильного
Положившего руки на плуг,
До конца проводящего борозду
Во мне вновь загорается дух!

Но все в жизни спокойно готовые
Без рыданий, без ропота, без слёз
Перед⁴⁴⁸ смертью не гнущие головы
С вами жить и страдать готов.⁴⁴⁹

Я НЕ РОПЩУ⁴⁵⁰

Я не ропщу, что стал слепым
Что свет закрылся от меня,
Что ни цветов, ни звёзд, ни солнца

Я не увижу никогда
     Я не ропщу
 Но как мне жаль что⁴⁵¹ только лепет
 Я слышу около себя
 И не взгляну в глаза малютке
 Любя, ласкающей меня
     Вот это жаль.
 Я не ропщу, что я отрезан
 От книг, от писем, от друзей
 Быть может дружеская помощь
 Мне свет заменит для очей
     Я не ропщу
 Но как мне жаль, когда ребёнок
 Спешит с картинкою ко мне
 И не могу я любоваться
 С малюткой милой наравне
     Вот это жаль.
 Я не ропщу, что я прикован
 К постели слабостью своей
 И больше года не вдыхаю
 Бодрящей свежести полей
     Я не ропщу.⁴⁵²
 Но как мне жаль, что я с малюткой
 Не побываю на лугах,
 Не покажу ей мотылёчков,
 Жучков и мошек на цветках
     Вот это жаль.
 Я не ропщу, что скоро кончу
 Свой долгий, долгий путь земной
 И лишь желал бы мирно, тихо
 Переселиться в мир иной
     Я не ропщу.
 Но как мне жаль, что не увижу
 Как развернётся та душа,
 Что в милом, ласковом ребёнке
 Чуть расцветает не спеша
     Вот это жаль.⁴⁵³

Сибирь - Восточная Европа

Мирослава Метляева
РУССКИЙ АСПЕКТ ПОЛЬСКОЙ
«СИБИРИАДЫ»
Путевые заметки

Монотонно постукивали колеса, мерно покачивался вагон, располагая к тому беззаботному состоянию полудремы и ничегонеделания, о котором можно только мечтать, к тому потоку мыслей, в которые некогда вдаваться из-за бесконечных житейских разборок. С каждой станцией, с каждым полустанком мы приближались к цели нашей поездки – Варшаве. Но до неё ещё были километры и километры и, просматривая текст предстоящего там выступления, я задумалась о событии, участниками которого нам следовало стать. Удивительно: должно было пройти 100 лет для того, чтобы люди из разных стран устремились к долгожданному диалогу, проясняющему взгляды на далёкое прошлое и очищающему душу от накипи устоявшихся стереотипов.

Сто лет... сто лет... сто лет... – задавали ритм колёса.

А на столике купе подрагивал внушительный том. «Сибирское лихолетье». Автор Шимон Токажевский. Перевод на русский язык Мэри Кушниковой. Еще два года назад эти имена, волей времён объединённые книгой, мало что значили для меня. Но так уж случилось, что на очередной Бухарестской конференции литераторов «Восток-Запад», организованной Фондом им. Фёдора Достоевского под руководством известных деятелей науки и культуры Румынии Елены Логиновской и Альбертом Ковачем, состоялась моя встреча с Викторией Кинг, русской писательницей из Сан-Франциско, которая положила начало нашему общему сотрудничеству в редколлегии Кемеровского альманаха «Голоса Сибири». Так началось моё виртуальное знакомство с Мэри Кушниковой, переводчиком, издающей вместе со своим единомышленником Вячеславом Тогулевым альманах, объединивший более ста авторов необъятного русскоязычного пространства.

Всякая благородная личность глубоко сознаёт своё кровное родство, свои кровные связи с отечеством.

Виссарион Григорьевич Белинский

На страницах «Голосов Сибири» я впервые встретила творчеством Шимона Токажевского, польского революционера, общественного деятеля XIX века, волею судеб оказавшегося на каторге в Сибири одновременно с великим русским писателем всех времён и народов Фёдором Достоевским. Признаюсь, эти страницы произвели на меня совершенно неожиданное впечатление. Они раскрывали людей и эпоху в непривычном для нас, людей традиционного советского воспитания, ракурсе, далёком от привычного освещения событий дней минувших и в то же время привлекающим искренностью, достоверностью и свежестью чувств человека, перенёсшего бесчисленные страдания, но сохранившего до конца дней свои лучшие человеческие качества и любовь к Родине – дорогой его сердцу Польше.

Затем, спустя год, под эгидой «Голосов Сибири» появился первый полный перевод восьми книг Шимона Токажевского на русский язык, осуществлённый Мэри Кушниковой.

Я вновь и вновь перелистывала страницы своего выступления «Перевод как послание, или Значение выхода книг Шимона Токажевского на русский язык» и думала, как же порой сильна эта пылинка на ветру – человек, пробивающий свет сквозь толщу времён и событий.

Настя Романова, моя спутница, занимающаяся мемуарной прозой Мирчи Элиаде и являющаяся одним из молодых авторов «Голосов Сибири», обратила внимание на оригинальность записок Токажевского, перешагнувших рамки дневниковых записей и ставших достоянием литературы, но, как и их автор, испытавших немало препятствий на своём пути, прежде чем предстать перед читателем не только в России, но и в Польше. Ведь не вышло ни одного прижизненного издания книг Токажевского, а первое появилось в Польше лишь в 1907 году. Не будем говорить уже о том, что на русском его произведения мы получили возможность увидеть только сейчас, 100 лет спустя. Вот такая загадка. В XXI Токажевский возвращался из Сибири к себе на родину книгой воспоминаний на русском языке, будоражащих душу всех, прикоснувшихся к ним. Мы ехали в Варшаву на презентацию русского перевода книги Шимона

Токажевского «Сибирское лихолетье» по приглашению Российского центра науки и культуры в Варшаве (РОНИК).¹

Пока мы добирались до места назначения, наш вагон прикреплялся от одного состава к другому трижды: прямо-таки «летучий голландец» на железнодорожных путях. При пересечении границы с Украиной, а затем – Польши запомнились псины, заглядывающие в купе (именно заглядывающие, а не приноживающиеся) в поисках наркотиков, особенно одна из них: востроносая, длиннотелая, коротконогая, с цепким взглядом, не хватало только круглых очков в металлической оправе да вопроса «а что там у вас?».

И вот, наконец, приграничный Пшемысль – первый польский город, откуда после пятичасовой стоянки до Варшавы оставалось всего ничего. В десять вечера после 36-часового пути нас на центральном вокзале польской столицы встретили Татьяна Тихонова, представитель РОНИКа, а также Марина Вишневская от Российской общины. Они сообщили нам, что Виктория Кинг уже в Варшаве и на завтра у нас путь лежит на Краков. Так что с 5 утра мы должны быть готовы к поездке в древнюю столицу страны.

В Кракове нас ждали преподаватели и студенты Института России и Восточной Европы одного из старейших высших учебных заведений континента – Ягеллонского университета.

Честно говоря, сердце замерло от одного только названия. Еще в 1364 году король Казимеж Великий создал Краковскую Академию, которая в 1400 году была преобразована в Ягеллонский университет, самый старый, не считая университета в Праге, университет в Центральной Европе. Студентами этого вуза были (прислушайтесь!) Николай Коперник – автор гелиоцентрической теории и Кароль Войтыла, который позднее стал Римским папой и принял имя Иоанн Павел II.

Виктория Кинг, представитель русского зарубежья из США, открыла презентацию книги Шимона Токажевского «Сибирское лихолетье» перед многочисленной студенческой аудиторией, остановившись на истории этого документа эпохи и его нелегком пути к читателю.

Я оглядывала молодые лица в зале, на которых светился живой интерес, и в голову пришла мысль, что всего несколько лет назад настроения были совсем другие, и как много значит простой человеческий диалог, опирающийся на культурные ценности, для разрушения искусственных барьеров в общении между людьми.

Своим видением произведений Шимона Токажевского поделилась Анастасия Романова. Затем мне, автору этих записок, предоставили слово, в котором я попыталась дать представление о переводе на русский язык уникальных записок польского автора как о послании из вчера в наше сегодня.

Но самым значительным моментом этой встречи явился разговор со слушателями: студентами и преподавателями.

«Почему именно Сибирь стала инициатором такого диалога?» – прозвучало удивление в одном из вопросов. «Почему Сибирь? – переспросила я. – Да ведь сам Токажевский пишет о ней, причём поразительно красочно описывает города от Урала до Приамурья, рассказывает о поразивших его незнакомой природе, быте и нравах народов Сибири, с благодарностью вспоминая о хороших людях. И потом, любая строчка о Фёдоре Достоевском имеет непреходящую ценность, а у Токажевского есть весьма любопытные страницы о великом писателе. И именно в Сибири нашёлся удивительный человек – настоящий энциклопедист Мэри Моисеевна Кушникова, которая сочла своим долгом перевести на русский язык – наконец-то! – спустя столетие после первого выхода в Польше книги Токажевского, для стирания очередного белого пятна в русском литературоведении».

Многих интересовал альманах «Голоса Сибири», работа редакционной коллегии, возможности приобрести книгу Токажевского на русском языке, вышедшую совсем небольшим тиражом.

На презентации присутствовали и участники другой встречи с преподавательским составом университета и студентами – представители Фонда «Русское зарубежье». Их особенно поразила сама идея «Голосов Сибири», направленная на расширение границ русского слова.

Диалог с молодёжью и преподавателями продолжился в прекрасной студенческой столовой, скорее напоминающей многолюдное городское кафе.

Анна Разни, директор института России и Восточной Европы, выразила удовлетворение состоявшейся встречи и предложила дальнейшее сотрудничество путём обмена публикациями и реализацией новых проектов.

Как оказалось, у профессора Авдеева А.А. есть молдавские корни, связывающие его молодость с Бельцами.

А профессор Люциан Суханек, историк русской культуры, немало был заинтригован тем, как «Голосам Сибири» удалось так тесно сплотить людей из разных концов света. Он также отметил, что конкурс на русский факультет Ягеллонского университета в последние годы составляет 6-7 человек на место.

Описывать прогулки по Кракову почти невозможно. Там надо быть и видеть всё собственными глазами: и эти старинные мостовые, и стойкие тяжеловесные дворцы и храмы, и переплетение улиц и улочек, да просто подышать воздухом старины, вздрагивающим от крыльев птиц, взмывающих со средневековой Рыночной площади. С одной из колоколен готического костёла Девы Марии каждый час поёт труба, напоминая о нашествии татар на Краков в 13-м веке.

Уже поздно вечером в живописном ресторанчике «У Швейка» мы обсуждали нашу программу на следующий день и впечатления от встречи с Краковом, с его стариной и молодостью.

Утром началось наше более близкое знакомство с РОНИ-Ком – этим настоящим Русским Домом в Варшаве. Прекрасная библиотека с читальным залом, где я, к своему радостному удивлению, увидела весточку из Молдовы – книжку нашей поэтессы Ирины Ремизовой; обширная видеотека и зал периодических изданий – российских газет и журналов; концертно-выставочный зал...

Здесь же работает студия пластического искусства с курсами рисования.

Нам бы такое! Остаётся только мечтать! Центр постоянно издаёт красочную программку мероприятий на очередной месяц. В мартовском выпуске были полностью расписаны презентации книги Шимона Токажевского «Сибирское лихолетье» и маршруты нашего пребывания в связи с этим событием; клуб любителей русского кино приглашал на просмотр

фильма А. Мизгирева «Глаз»; в честь 8 марта публиковалось приглашение на выставку детского рисунка и открытие русского клуба в одном из учебных заведений столицы и т.д., и т.п.

Впечатляющей была встреча с Советником посольства Российской Федерации в Польше, директором Российского Центра науки и культуры г-ном Скачко С.Г., которому было передано приветственное письмо председателя Союза писателей Молдовы М. Чимпоя по поводу презентации книги Шимона Токажевского.

Запомнились слова г-на Скачко: «Наш Центр делает всё необходимое, чтобы представлять всё наилучшее, что есть в культуре нашей страны. Мы же, в свою очередь, являемся не односторонними представителями России, а участниками живого диалога с народом Польши. Не может не восхищать восстановление послевоенной Варшавы всем миром. И это урок для всех: строя прошлое, жить по-новому. Многое меняется на глазах. И если совсем недавно мы сталкивались с определенным непониманием, то теперь атмосфера значительно потеплела. Достаточно отметить, что на факультет русистики в Варшаве, как и в Кракове, конкурс по 7 человек на место. Эта цифра говорит о многом!»

Приятно было пообщаться и с работниками Центра. Совершенно потрясла своей эрудицией госпожа Татьяна Хохлова, руководитель литературных программ, истинная москвичка, полностью связанная с особой культурной атмосферой современной Москвы и Варшавы.

А затем последовала экскурсия по великолепной польской столице. Сколько шарма и подлинного, что называется, гламура исходило от пани Яблоньской, супруги известного дипломата, которая по собственному желанию вызвалась показать нам город!

Мы ехали на бусике РОНИКа по Крулевскому тракту мимо Краковского предместья, Дворцово-паркового ансамбля Крулевске Лазенки, Вилянова.

Пани Яблоньска охарактеризовала Крулевски тракт как самую представительную улицу города, сформированную веками

и очаровывающую аурой дворцов, храмов, каменных домов горожан и правительственными сооружениями. Перед нашими глазами предстал знакомый по книжным иллюстрациям памятник Шопену, выполненный по проекту В. Шимановского в 1926 году, уничтоженный гитлеровцами во время войны и восстановленный в 1958 году. Мы остановились у костёла Святого Креста, где покоится сердце великого композитора.

Прогулка в Старый город – Старе място – была экскурсией по столетиям. Мы остановились у старинного фортификационного укрепления Барбакан, засмотрелись на живописные дома и старые костёлы. Отдельного разговора заслуживает Королевский замок, в котором хранятся знаменитые полотна Яна Матейко и коллекции гобеленов и ковров. Нельзя было не остановиться у памятника легендарной Варшавской Сиренке – женщине-полурыбе, чьё изображение с XIV века закреплено на гербе Варшавы.

Затем мы зашли передохнуть в чудесный ресторанчик с многозначительным названием «Семь грехов» (основным из которых, судя по обилию блюд, является чревоугодие) и под звуки кавказской зурны провели не самые плохие минуты в этом городе.

А уже вечером в публичной библиотеке Варшавы (директор – Михал Стронк, истинный подвижник) состоялась встреча с культурным бомондом польской столицы. Фишкой этого собрания стал видеофильм-монолог переводчицы книг Токажевского, неутомимого исследователя и писателя из Сибири Мэри Моисеевны Кушниковой. Г-жа Кушникова заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей, составитель альманаха «Голоса Сибири», в прошлом – автор и ведущая многочисленных телевизионных передач литературной редакции телевидения, говорила с экрана с неизвестными ей людьми, в ожидании понимания и ответной реакции. Она обращалась к аудитории, к будущим читателям переведённой ею книги. Этот монолог вовлекал зрителей в какое-то завораживающее пространство виртуального общения с необыкновенной личностью, повествующей о событиях далёкого прошлого, которое незримо перекликалось с настоящим.

Колдовство, исходившее с экрана, создавало некое единение с далёкой собеседницей. С экрана звучали несколько подзабытые ныне слова о любви к родине, о духовности, о братстве культур. Книжные иллюстрации из старинных фолиантов по истории Польши сменялись удивительными пейзажами Сибири; прекрасное лицо женщины, ведущей нас по дорогам судьбы Шимона Токажевского, заставляло задуматься о том, а что, собственно, представляет из себя каждый из нас, что делает, чтобы не погрязнуть в сиюминутности, забыв о вечном...

После демонстрации фильма зал взорвался аплодисментами, и мы, участники презентации, были буквально засыпаны вопросами.

Виктория Кинг, лично общавшаяся с г-жой Кушниковой, рассказала о её многогранной деятельности: фамилия Мэри Кушниковой стоит на 21-й книге. Она находится в постоянных контактах с литераторами Казахстана, Молдовы, Румынии, США и других стран, всемерно содействуя развитию творческого диалога с представителями самых разных национальных культур и литератур.

Этим фильмом Сибирь повернулась к польским зрителям неизвестным для них лицом, неожиданным и волнующим. «Сколько культуры, сколько деликатности, это настоящая пани в полном смысле этого слова!» – восхищенно говорила Агнешка Рожаньска, руководитель одного из департаментов музея Королевского дворца в Варшаве.

Богдан Марчевски, посол Польши в Исламабаде, был явно растроган: «Побольше бы моих соотечественников так знало историю страны, с таким чувством относилось бы к ней. Спасибо за фильм, спасибо за ваше эмоциональное выступление». Секретарь Польского Славянского комитета Тадеуш Сикорски выразил желание дальнейших контактов с участниками презентации и дал высокую оценку всей встрече: «Это было необыкновенно!»

Известный исследователь, г-жа Виктория Сливовска передала для г-жи Кушниковой свою книгу «Побег из Сибири» и заметила, что вскоре должна появиться её книга «С любовью к России».

С особым вниманием отнесся к нам г-н Евгениуш Яблоньский, бывший консул Польши в Москве и Киеве, который занимался вопросами, связанными с Сибирью и сибиряками. Он заметил, что такие встречи должны повторяться.

Кстати, на презентации присутствовали и представители Польского Общества сибиряков, проявившие большой интерес к приобретению книги.

И вновь вице-директор Музея литературы г-жа Эльжбета Банко-Ситек поразила тому, как книга объединила людей разных стран. «Вот так посредством русского языка познаёшь не только Россию, но и весь мир», – резюмировала я.

Особо следует отметить роль писательницы Веславы Ольбрых, блестяще осуществлявшей перевод выступлений на этой незабываемой встрече.

В своём заключительном слове мы поблагодарили Русскую общину, Центр науки и культуры, Публичную библиотеку Варшавы, Общество сотрудничества Польша-Восток, фирму Ruspol-Tour, Общество сибиряков и другие организации за столь прекрасно организованный диалог культур.

Важным событием очередного дня стал визит в Союз писателей Польши. Председатель союза Марек Вавжкевич, лицо весьма влиятельное в литературных и культурных кругах страны, с большим интересом отнесся к той миссии, в которой мы, участники из разных стран, приняли участие. Он высоко оценил роль альманаха «Голоса Сибири» в межнациональном культурном общении. Его заинтересовала и работа СП Молдовы, в котором произошли крупные структурные изменения и появились два Департамента – «Путь книги», занимающийся распространением литературы, и «Программы и проекты», – занятый издательской деятельностью.

Марек Вавжкевич высказался за дальнейшие контакты в совместных мероприятиях, литературных встречах и фестивалях.

На следующее утро мы попрощались с Викторией Кинг, которую самолёт уносил в недостижимый Сан-Франциско.

А мы с Анастасией готовились к возвращению домой. И уже в эти минуты зрели планы материалов для очередного выпуска «Голосов Сибири», которых ждали от нас в далёком Кемерово...

Мирослава Метляева
ПЕРЕВОД КАК ПОСЛАНИЕ,
или
ЗНАЧЕНИЕ ВЫХОДА НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ КНИГ ШИМОНА
ТОКАРЖЕВСКОГО

Чем отдаленней от нас прошлое, тем своеобразнее наше отношение к нему. С одной стороны, ранее всего уходят в небытие свидетельства материальной культуры и связанные с ними аромат и дух исторической эпохи, и мы можем только догадываться о деталях быта, нравов и тонкостях взаимоотношений причастных к ним людей, и так как не все рукописи горят, мы восстанавливаем прошлое не столько по руинам творений рук человеческих, сколько по страницам сохранившихся хроник, документов, писем и т.д.; с другой стороны, – мы бесстрашно оперируем историческими фактами и занимаемся их толкованием, т.к. рассуждать о днях вчерашних гораздо проще, чем о том, что происходит здесь и сейчас, ибо уже не существует реальных препон для свободы оценок, и чем дальше от нас отдалены события, тем смелее мы препарируем их с позиций дня нынешнего, опираясь на свидетельства несовершенной человеческой памяти.

Множество заблуждений современности находит свою опору в размытых абрисах прошлого, имеющего порой весьма приблизительное идеологическое сходство с настоящим. Письменные же источники, включая документы, разнообразную литературу, переписку, проходят бесчисленное количество «правок», начиная от самого автора, свидетельств современников, издателей и редакторов, до последующей затем «корректировки» бесконечных режимов и сопутствующих им течений и направлений философской, исторической и общекультурной мысли.

Во всём этом проявляется парадоксальное свойство человеческой природы – представить «истину» в стерильном, т.е. в наиболее удобном виде, и в то же время – докопаться до неё с максимальной дотошностью во имя её же торжества.

И поэтому чем больше свидетельств об одном и том же событии, об одной и той же эпохе, тем всё же реальнее вероятность приближения к наибольшей достоверности об исследуемом явлении, эпохе, произведении искусства, личности в пространстве и во времени. Хотя каждый раз срывание очередной маски приводит к созданию другой, более приемлемой в новом контексте. Мы ожидаем от воспоминаний точности факта, но факт – это не только момент истории, это ещё и очень личное впечатление, где автор выступает и как эмоциональный свидетель события, и как его интерпретатор, и как лицо, ответственное за сказанное им слово.

Во все эпохи наблюдались удивительные совпадения, когда одно и то же событие заставляло братья за перо совершенно разных людей, чтобы оно сохранилось в памяти потомков. Это так называемое явление витания идей в воздухе. Редкий случай подобного рода произошёл более полутора веков назад, когда два молодых человека, оба рождённые в 1821 году, но один из них поляк, а другой – русский – оказались на сибирской каторге. Один – польский политический и общественный деятель XIX в. Шимон Токаржевский, другой – великий русский писатель Фёдор Достоевский. Однако в те годы это были молодые политические заключённые – каторжане, каждый из которых своим путём попал в своё сибирское лихолетье.

И каждый из них оставил для потомков свои воспоминания о неопишуемых страданиях в Омском остроге, а затем и в поселениях, о сохранении человеческого в человеке, вопреки чудовищным обстоятельствам.

«Записки из Мёртвого дома» Фёдора Михайловича Достоевского создали ему славу великого русского писателя, хотя ещё до каторги он уже был известен своим романом «Бедные люди», повестями «Белые ночи», «Неточка Незванова». Творческая судьба Шимона Токаржевского сложилась несколько иначе. При жизни его книги не публиковались, их польский вариант увидел свет только в 1907-1918 гг.

Выход его книг произвёл в Польше сенсацию. Артур Опман в «Иллюстрированном еженедельнике» писал: «Книга “Семь лет каторги” заслуживает особого внимания. На то есть

несколько причин. Во-первых, в ней описана очень мало известная эпоха, во-вторых, автор точно описывает то, чему был непосредственным свидетелем, что видел собственными глазами, и, в-третьих, вся книга проникнута отпечатком совершенной правды. Трудно найти нужные слова, чтоб достаточно восхищённо пригласить читателя к ознакомлению с литературой такого типа».

К. Раковский отметил следующую особенность книг Токаржевского:

«Сразу же, с первой страницы, нами овладевает некое знакомое уже настроение, как светлое воспоминание юношеских лет, где о тех, что впоследствии шли тернистым путем, рассказано как бы приглушённым голосом. Это настроение сохраняется до последней страницы. Помимо исключительных своих литературных заслуг, воспоминания Токаржевского являются произведением, к которому надо подходить с иной мерой, чем просто мерой литературной ценности: с мерой почитания...

Эта книжка должна находиться в каждом польском доме».

В России книги Токаржевского полностью никогда не переводились, хотя многие знали о рукописях Токаржевского задолго до их публикации. Выдающийся польский историк Тадеуш Корзон в своих воспоминаниях писал, что держал в руках часть рукописей Токаржевского, которую тот подарил польским студентам Московского университета. Рукописи ходили по рукам, пока, наконец, не попали к Тадеушу Корзону. Некоторые современные польские авторы, к чему мы ещё вернемся, выдвигают гипотезу, что с рукописями Токаржевского мог ознакомиться и Фёдор Достоевский, как раз в период, когда работал над «Записками из Мёртвого дома».

С другой стороны, существует версия «вторичности» сведений, приводимых Токаржевским. Язык не поворачивается повторять эти домыслы: и та, и другая книга глубоко личностны как в духовном, так и в творческом плане, и можно предполагать всё, что угодно, но «не заметить» того, что оба автора являлись непосредственными или косвенными участниками одних и тех же событий и находились в одно и тоже время в одном и том же месте в определённый период своей жизни, довольно

сложно. А совпадения, на наш взгляд, только подтверждают реальность происшедшего.

Эти, и не только эти, загадки мог бы помочь разрешить полный перевод на русский язык книг Шимона Токаржевского.

И вот спустя столетие после первого издания книг Токаржевского на родном, польском языке, в 2007 году в далёкой Сибири в издательстве «Кузбассвузиздат» вышел первый полный перевод восьми книг этого удивительного автора на русский язык, осуществлённый литературоведом и писателем Мэри Кушниковой.

Подвигли её на такой труд как художественные, так и познавательные достоинства книг польского революционера. Кроме того, и это безусловно, любая строчка о гении русской литературы Ф.М. Достоевском бесценна, а в воспоминаниях Токаржевского личность писателя предстаёт в ярком описании очевидца трагического бытия каторжан.

Следует отметить, что, возможно, более взвешенному анализу текстов Токаржевского в России мешал тот самый пиетет перед «великим классиком», о котором пишет Виктор Вайнерман: «Характеристика Токаржевским Достоевского очень любопытна, особенно для читателя, привыкшего к пиетету по отношению к классику. Для такого читателя любые не парадные, а житейские, бытовые подробности поведения знаменитых людей порой производят впечатление разорвавшейся бомбы...».

Необходимость переводов на русский язык книг Токаржевского назревала давно.

Как отмечает автор нынешнего перевода, не очень удачная попытка перевода двух глав наследия Токаржевского была предпринята семь десятилетий назад В.Б. Арендтом. О качестве означенного перевода красноречиво свидетельствует тот факт, что эффектно поданная в книге «Каторжники» история о покушении в Омском остроге на жизнь Токаржевского вдруг превратилась в переложении В.Б. Арендта в покушение... на Ф.М. Достоевского. И эта легенда, пущенная в ход переводчиком, неверно понявшим текст Токаржевского, вошла в научный оборот и даже упоминается в первом томе академической «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского».

Уникальность первого полного перевода восьми книг Шимона Токаржевского заключается в том, что попутно с переводом осуществлялся и первоначальный сопоставительный анализ как текстов первых изданий на польском языке 1907-1918 гг., так и текстов мемуаров других авторов и, конечно же, «Записок из Мёртвого дома».

Читая теперь книги Токаржевского на русском языке, русские исследователи получают возможность разобраться во многих вопросах взаимоотношений политкаторжан между собой.

Появилась возможность достаточно ёмко и точно разобраться в сути описанных Токаржевским разногласий между поляками и Достоевским, которые далеко выходили за пределы личной приязни или неприязни. Ведь это ни много, ни мало, тот самый «польский вопрос», в который упиралось противостояние Запада и Востока, а, вернее, России и Запада ещё с начала XIX века. И, с нашей точки зрения, здесь весьма уместно замечание С. Колчигина в его статье «Литературная классика в свете этической критики» (ж. «Керуен». №2(07) 2007, Алматы): «Чтобы между представителями разных культур возникло полное взаимное понимание, необходимо, чтобы эти культуры (литературы) отвечали высочайшим критериям **человечности**, или, говоря иначе, – всечеловечности, общечеловеческого духа. При этом если произведения отвечают началам только эстетическим, т.е. этически нейтральным, то взаимопонимание может и не состояться: эстетические представления у разных народов различны, тогда как единство между людьми способно возникать в первую очередь потому, что все мы – люди, существа **духовно-нравственные**».

В предисловии к «Сибирскому лихолетью» очень любопытны приводимые исследователями из Сибири параллели в биографии и творчестве этих двух литераторов. При сопоставлении текстов Достоевского и Токаржевского возникает удивительная картина: наложение текстов одного на другой создаёт, как нам представляется, поразительный эффект голограммы – многомерного отображения событий полуторавековой давности. Они приобретают видимый объём и разнообразные формы, оживая, что называется, на глазах.

Эти тексты, как уже говорилось нами ранее, не повторяют, а дополняют друг друга, как пазлы, воссоздавая неповторимый дух и картины далёкого прошлого.

И в этом заслуга перевода книг Шимона Токаржевского. Здесь весьма кстати применимы слова поэта и эссеиста из Молдовы Иона Хадыркэ о переводе и переводчиках: «В самом широком терминологическом смысле перевод является неким посланием. ...Наивысшая цель переводчика состоит в понимании чужого и трансплантации неизвестного в живое и функционирующее поле».

Нельзя не остановиться и на потрясающем фактологическом аспекте воспоминаний Шимона Токаржевского. Ведь он исколесил всю Сибирь от Урала до Приамурского края и удивительно красочно описывает увиденные города, поразившую его незнакомую природу, быт и нравы многих народов Сибири; не без иронии, но без всякого зла пишет он о сибирском купечестве, чиновниках, с благодарностью вспоминает о хороших людях, повстречавшихся на его многострадальном пути заключённого. Он достоверно передаёт быт и нравы каторжан, а также подвиг многих польских женщин, последовавших за своими мужьями и пребывавших в Сибири долгие годы, повторив путь жён русских «декабристов».

Мы уже говорили, что К. Раковский написал, что книги Токаржевского должны быть в каждом польском доме. Но его книги должны быть и у всех тех, кто в любом жанре пишет о Сибири, если стремимся к правдивому описанию исторических событий ушедшей эпохи.

Как сказал Жак Маритен: «...Для человека создаваемое им произведение входит в разряд нравственных ценностей, где становится не целью, а средством. Если бы художник видел конечную цель своей деятельности и, следовательно, своё счастье, в служении искусству или в красоте произведения, он был бы просто-напросто идолопоклонником. Нет, он как человек непременно должен работать не ради произведения, а ради чего-то другого, что он больше любит». (Маритен Ж. Искусство и схоластика // Избранное: Величие и нищета метафизики. – М., 2004).

Этот перевод позволяет нам увидеть две страстные и искренние натуры, которые время объединило в главном – в страданиях мира, за что и нашли они отклик в сердцах тех многих, страдающих, как и они.

В предисловии к «Сибирскому лихолетью» сказано: «Сегодня книги Шимона Токаржевского по-прежнему вызывают пристальный интерес, о чём свидетельствуют десятки польских статей, на некоторые из коих мы ссылаемся ниже, очерк бывшего директора Омского музея Достоевского, Виктора Вайнермана, опубликованный нами в четвертом выпуске “Голосов Сибири”, перевод фрагментов книг Токаржевского на английский язык, напечатанный на страницах “Сарматского обозрения”...»

Интерес к Токаржевскому проявляется ныне и в Казахстане и это неудивительно, поскольку он побывал в Усть-Каменогорске и в Семипалатинске, и посвятил им несколько глав своих воспоминаний».

Велико значение перевода Шимона Токаржевского на русский язык и в том, что он позволит познакомиться с книгами человека необыкновенной судьбы не только российскому читателю, но и читателям на всем огромном постсоветском пространстве, объединённом знанием русского языка, а также всем тем, кто посредством русского языка познает не только Россию, но и весь мир.

Анастасия Романова
«СИБИРСКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ»
ШИМОНА ТОКАЖЕВСКОГО
(ТОКАРЖЕВСКОГО) И МЕМУАРНО-
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Картина литературы любой эпохи будет неполной без включения в её контекст произведений, представляющих не вымышленные ситуации, а реальные обстоятельства. Среди них видное место занимают воспоминания о прошлом, преломлённом в творческом сознании писателя. Подлинность

изображаемого обеспечивает повышенный интерес читателя и более высокую степень эмоционального восприятия произведения. Совмещение реальности факта с богатством литературных возможностей его отражения – важнейшее достоинство автобиографической прозы.

Перевод на русский язык (выполненный М. Кушниковой) и издание «Сибирского лихолетья» Шимона Токажевского (Токаржевского) позволили лишний раз заметить, что изучение автобиографической прозы явно отстаёт от практики создания и издания подобных текстов. Имеющиеся в настоящее время исследования о мемуарной прозе немногочисленны, не дают исчерпывающего освещения её проблематики и поэтики. Корпус мемуаров не охарактеризован как симптоматичное явление прозы. Специальных монографических работ, посвящённых поэтике мемуарной прозы, не существует. Суждения, высказанные по поводу литературной мемуаристики, требуют дополнения, развития и систематизации.

Предварительно подчеркнём одну важную для понимания предмета исследования деталь: мемуарная проза – родовое понятие, поэтому представляется необходимым осторожное применение термина «мемуарный жанр» – только в качестве собирательного, обобщающего для всех жанровых разновидностей мемуарной прозы, так как «литературные мемуары» – не вид, а род литературы. Понятие «мемуарная проза» может делиться на жанровые разновидности: автобиография, исповедь, литературный портрет, путешествие.

Особую ценность имеют дневники и мемуары (воспоминания). Данный вид произведений имеет ряд отличительных черт как в области предоставляемого знания, так и в области методов критики в силу того, что они приближены к литературным произведениям и, в определённой мере, являются ими.

Книга Шимона Токажевского порождает ряд размышлений о ней самой и об особом характере подобных произведений. Литература как искусство слова базируется на соотносённости двух тенденций: *документальность* – воспроизведение подлинных обстоятельств реального мира и *художественность* – образное воссоздание реальности. В результате формируются

разнонаправленные задачи литературы: отразить действительность как она есть и преобразовать её, создать особый условный художественный мир, подобный реальному, а иногда принципиально отличающийся от него.

Литература документальная и литература художественная – имеют общие точки соприкосновения, влияют друг на друга, что создает предпосылки для возникновения пограничной области – художественно-документальной прозы, примером которой может быть «Сибирское лихолетье» Шимона Токажевского. Она не просто промежуточная полоса между двумя суверенными способами отражения действительности, но полноправный по отношению к ним тип повествования. «Сибирское лихолетье» Шимона Токажевского – это не механическое, формальное соединение документа и художественных способов письма, а сложное, многообразное взаимодействие противоположных возможностей отражения жизненного процесса. Эта книга вбирает в себя сильные стороны других видов повествования: реальность находит своё подтверждение в подлинности привлекаемых источников, при этом вступают в свои права характерная для «вымышленной» литературы типизация, возводящая отдельное, частное до общего, симптоматичного, и художественная обработка исходного материала, посредством которой жизненная основа приобретает эстетическое отражение. В результате эффект воздействия на читателя (как русского, так и польского) чрезвычайно силён. Повышенный интерес вызывает реальная основа произведения, в то же время художественная интерпретация реальности способствует усилению его эстетического воздействия.

Если можно с достаточной определённой установить рамки художественной и документальной литературы, то художественно-документальная проза (в нашем случае – автобиографическая), обладая выраженной спецификой, не имеет таких чётких границ. И дело не в количественном соотношении художественного и документального элементов, а в принятой писателем установке на предельную фактографическую достоверность (с сохранением приёмов художественного письма) или в ориентации на художественную манеру повествования, подчиняющую себе документ. Примечательна оговорка

Л. Гинзбург, которая, установив основополагающее различие между художественной и документальной литературой, считает нужным заметить: «Практически между документальной и художественной литературой не всегда есть чёткие границы, речь здесь идёт лишь о предельных тенденциях той и другой».

Факт в составе автобиографического произведения проявляется по-разному в зависимости от творческих намерений писателя и сводится в основном к следующим вариантам:

- документальная основа явственно проступает в форме цитат, авторского пересказа первоисточника или прямых наблюдений писателя над объектом изображения;

- документ растворяется в произведении, служит отправной точкой беллетризации (вспомним известную фразу Ю. Тынянова: «Там, где кончается документ, я начинаю»);

- документ вводится в произведение частично, включается в систему изобразительных средств, дополняется ими, становится источником аллюзий и реминисценций.

Анализ «Сибирского лихолетья» с подобной точки зрения позволяет заметить, как документальная подоплёка проявляется в форме воссозданных с помощью авторского воображения сцен, эпизодов, событий. Реальность документа переплавляется в действительность искусства, когда факт служит основой изображения, но пересоздаётся по законам художественного творчества. Он расцветивается, распространяется, дополняется, уточняется, т.е. претерпевает необходимую трансформацию, отраженный не информационно, а художественно.

Данное произведение строится на соединении и взаимопроникновении подлинного, получившего закрепление в документальных источниках, и того, что, сохраняя видимость реального, является вымыслом писателя или творческой интерпретацией документальной подоплёки событий. Порождается слияние документа или документированного повествования, домысла и вымысла. Порой такое слияние столь органично, что только хорошее знание реальных фактов позволяет разграничить эти способы изображения.

Исследователи уделяют значительное внимание такому явлению как субъективный характер мемуаров. Чтение недавно

опубликованного (на русском языке) «Сибирского лихолетья» Шимона Токажевского наталкивает на мысль о том, что субъективность – это главная отличительная черта данной литературы. Субъективность, как одна из черт мемуарной литературы, связана с индивидуальными особенностями автора. Его социальное происхождение, возраст, круг общения, система взглядов, политических пристрастий, место жительства и т.д., так или иначе, но всегда оказывают влияние на восприятие мемуаристом тех событий, явлений, о которых он говорит. Данный постулат был замечательно охарактеризован Е.В. Тарле: «Прежде всего, коренная черта всей мемуарной литературы заключается в том, что у автора есть совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки лишь в известном освещении: выявить одно, скрыть другое, извратить третье».

«Сибирское лихолетье» лишний раз доказывает, что мемуарист всегда передаёт факты субъективно. Наше право что-то из этих мемуаров взять, с чем-то согласиться, в чем-то разойтись, но мы не вправе требовать от автора, чтобы он перестал быть самим собой, чтобы он отказался от своего опыта, своих пристрастий, своего видения мира и людей.

Появление мемуарных и автобиографических сочинений (подобных «Сибирскому лихолетью») всегда провоцировало полемику вокруг вопроса о соответствии-несоответствии их содержания реальным фактам. Критики упускали из виду, что буквализм, фотографичность не являются неоспоримыми достоинствами литературного произведения, которое неизбежно тяготеет к показу сущностных проявлений жизненного процесса, следовательно, отталкиваясь от правды единичного, вступает на путь правдоподобия – обобщения, типизации реальности. Такое представление о возможностях мемуарной прозы только пробивает себе дорогу в современных исследованиях.

Всё сказанное выше позволяет сделать вывод, что интенсивная публикация мемуарной и автобиографической прозы вызывает необходимость её исследования в теоретическом, историческом и литературоведческом отношении.

Ливия Которча
ДИАЛОГ С СИБИРЬЮ
На выход в свет четвертого и
пятого выпусков литературного
альманаха «Голоса Сибири»
(Кемерово, 2006-2007)

Альманах «Голоса Сибири» издаётся два раза в год в Кемерово, в Сибири, нередко при поддержке самых разных лиц и организаций.

Два номера альманаха, о которых идёт речь, опубликованы в кемеровском издательстве «Кузбассвузиздат» при участии многих учреждений культуры России и Казахстана: кемеровского представительства Союза российских писателей, омского отделения Союза российских писателей, Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова из Алматы (Казахстан), Новосибирского института истории Сибирского отделения Российской Академии наук, кемеровского отделения Общества охраны памятников истории и культуры, общероссийского издания из Кузбасса «Наша Газета».

Сам состав редколлегии свидетельствует о стремлении альманаха «Голоса Сибири» показать некое зеркало, в котором отражалось бы единство и общность разных культур, а не видимые очертания их различий или коммерческих возможностей.

Среди членов редколлегии мы найдём имена писателей и выдающихся людей, связанных с развитием культуры России (Светлана Василенко), Казахстана (Сеит Каскабасов, Светлана Ананьева), США (Виктория Кинг), Румынии (Елена Логиновская), Молдовы (Мирослава Метляева).

Судьба Мэри Кушниковой (один из составителей альманаха), работающей в тандеме с Вячеславом Тогулевым, сложилась так, что она одинаково хорошо знает и Румынию, и Молдову, Казахстан и Россию; всё это – страны, в которых ей довелось обитать в разные периоды её жизни и все они и их культуры отложили глубокий отпечаток и сформировали особые черты её эмоциональной и интеллектуальной личности. Возможно,

поэтому Мэри Кушникова – человек впечатляющей и редкостной в наш век эрудиции, вольготно чувствует себя в хоре голосов, звучащих в обсуждаемых двух номерах альманаха «Голоса Сибири».

Задуманный первоначально, по словам составителей в предисловии к тому 4, как собрание творческих «голосов» регионального значения, альманах на второй год существования уже приобрёл международное значение, получив высокую оценку на международных конгрессах и симпозиумах: «Евразия» (Астана, 2005), «Восток – Запад» (Бухарест, 2006), международный симпозиум поэзии и перевода (Кишинёв, 2007).

И этот альманах действительно не забывает о своей миссии быть «творческой лабораторией», где поэты, драматурги, прозаики публикуются охотно, будучи уверенными, что сам факт появления их произведений в этом издании как бы гарантирует значимость их творчества и является для них поддержкой в героическом «выживании» во всё более бесчувственном и подверженном вульгаризации социуме, который, похоже, захватывает весь мир, причём, увы, наверное, надолго.

Обращение к условиям жизни писателей, литераторов, и вообще творческих личностей, мы не случайно встречаем в двух интервью, коими открываются оба рецензируемых выпуска альманаха. Так, том 4 открывается интервью с Анатолием Найманом, взятым Еленой Суриковой, корреспондентом «Нашей Газеты» из Кемерово. Особую ценность придают этому материалу масштабы реминисценций, охватывающих годы становления, дружбы с Иосифом Бродским и Анной Ахматовой, а также подспудную связь Наймана, сына «толстовца», с историей толстовских коммун: отец Наймана был членом такой коммуны, которая действовала недалеко от Москвы. Особую ценность придают этому интервью фрагменты из последнего романа, «Каблуков», номинированного на Букеровскую премию в 2005г., а также размышления его автора о России и смысле современной её истории, независимо от земной точки, где эта история подвергается анализу.

Мысль, которая волнует и меня – надеюсь, что Найман напишет книгу именно о последнем тридцатилетии, в которое уложилась

история о том, как человек сдавал свои позиции культурного и цивилизованного существа, из-за чего всё окружающее оказалось осмеянным и униженным. Тем более требуется прилагать все усилия, чтобы оставаться самим собой, особенно же людям творчества, которым необходимо истинное героичество, чтобы шагать по жизни, где человек постоянно сталкивается с бесчинством и беззаконием.

В продолжение этой мысли возникает вопрос, поставленный почившим Романом Солнцевым во время «Круглого стола» в Москве в 2005 году: «Что нам делать с писателями?». Под таким заголовком альманах публикует фрагмент его выступления, подчеркнувшего, до чего тяжело и, порой, даже невозможно бороться, особенно поэту, с новым типом цензуры «дикого рынка», и какие потрясающие драмы порождают подобные обстоятельства, что иллюстрируется списком поэтов, погибших под безжалостным давлением нашего времени, которое Солнцев называет «свинцовым веком». Статья Викторией Кинг («На смерть поэтов») и Марианны Фаликовой («Когда бессмертие коллективу не нужно») также подчёркивают это явление, спрессованное у В. Кинг в двух горько-афористичных фразах: «Непохожие погибают» и «Труднее выжить, чем умереть».

Выступление Светланы Василенко, первого секретаря Союза российских писателей (основанного в 1991г.) приведено в том 5 альманаха в интервью, взятом Еленой Мухопад под впечатляющим названием «Союз совестливых».

К вышезатронутым проблемам это интервью добавляет ещё одну: о женщине-писателе и о литературе, создаваемой ею, проникнутой особым видением мира, причём Светлана Василенко подчёркивает, насколько важно именно сейчас, чтобы искусство вновь обратилось к теме любви и сострадания людей друг к другу.

Думается, постановка подобных вопросов в названных номерах альманаха не случайна. Уверенно ступая тропами памяти, но одновременно постоянно касаясь самых болезненных точек современности, сибирское издание строится по законам мудрости и мудростью проникнуто, а это велит взирать на смысл всего происходившего и происходящего глазами человека-творца, основного свидетеля человечества, но и опираясь на свидетельства множества документов от архивных, до откровений очевидцев, которые сумели не просто смотреть, но и видеть, не просто слушать, но услышать.

В этом убеждаешься, хотя бы перечислив названия постоянных или вновь возникающих рубрик: «Памятки истории», «Ф.М. Достоевский в Сибири», «Лев Толстой и Сибирь», «Сибирь и Казахстан», «Изящная словесность», «Ритмы и рифмы», «Стоп-кадр», «Свет рампы», «Цветы усопшим», «Рецензии» и др.

С момента освоения Сибири она стала для России кладезем исторических, социальных, психологических и художественных источников, поскольку её просторы превратились в край ссыльных разного толка, беженцев-мирян и церковников, а также ужасающих концентрационных лагерей. Здесь в течение долгих десятилетий человеческая совесть вынуждена была искупать дерзание человека познать самого себя и желание оставаться внутренне свободным. По этой причине и по множеству других, Сибирь была местом, где крепче всего укоренились монашество и русское православие.

Все эти аспекты находятся в фокусе интересов составителей альманаха, который публикует устные и письменные свидетельства о российских «проповедниках совести» или о выдающихся личностях русского монашества. Эти документы, многие из коих публикуются впервые, найдены в архивах, музейных фондах, или получены непосредственно от свидетелей и комментируются известными историками, музейщиками, литературоведами, писателями.

Естественно, что среди тех, кто ступал по сибирской земле, Достоевский занимает особое место. Но и имя отлучённого от церкви Толстого, вдохновителя не только социальных «экспериментов», но и организатора крестьянских религиозно настроенных коммун, преследуемых как царским режимом, так и советским, не забыть в контексте истинного оплота сопротивления злу, каким была Сибирь.

Большая часть материалов об авторе «Записок из Мёртвого дома» приводится по поводу 185-летия со дня рождения Достоевского (том 4) и, соответственно – 150-летия со дня его рокового «сибирского» венчания (том 5).

Так, Виктор Вайнерман, постоянный автор альманаха, выступил с основательной публикацией «Достоевский в Омске: воспоминания, легенды, мифы», где сплетаются воспоминания тех, кто встречался с писателем на каторге или за её пределами, с собственноручно записанными или продиктованными близким строками, с перепиской писателя со знакомыми, с легендами и мифами, письменно или устно

переданными в течение времени, и всё это приводится для воссоздания убедительной картины жизни писателя в неволе и в течение тех недель, что он провёл в Омске сразу же после освобождения. Такое многообразие материалов призвано обрисовать возможно более правдивый облик сибирского города Омска, во времена, когда память о декабристах ещё не померкла, а особенно, чтобы подтвердить справедливость всего рассказанного Достоевским в «Записках»...

И тут особенно значительным оказывается сопоставление этого произведения Достоевского с книгами польского каторжанина Шимона Токаржевского о той же омской каторге, о Достоевском, и о самом себе и его сотоварищах, а именно: «Семь лет каторги», «Каторжники» и др. (всего восемь), впервые переведённых на русский язык полностью лишь в 2007г. Мэри Кушниковой. Сопоставление этих произведений приводит Виктора Вайнермана к выводу, что Токаржевский следовал по стопам Достоевского, описывая эпизоды из жизни на омской каторге. А Мэри Кушников и Вячеслав Тогулев считают, что в описаниях Токаржевского неизбежно наличествует сходство с воспоминаниями Достоевского, поскольку описываются одни и те же события, но у польского каторжанина приводятся многие дополнительные и весьма значительные детали, ранее неизвестные. Позиция этих авторов гораздо полнее изложена в статье, помещённой нами в последнем номере «*Studii de Slavistica*», а также в строго документированном и захватывающе написанном предисловии к отдельному изданию книг Токаржевского, вышедшему в 2007г. (Кемерово: Кузбассвуиздат, 978с.).

Виктор Вайнерман в статье «Рассказ неизвестного или вновь о Николае Васильевиче Феоктистове» приводит и комментирует документы, автографы, фотографии, а также рукопись рассказа о Ф.М. Достоевском, – всё это было найдено в архиве страстного коллекционера, ушедшего из жизни в 1950г. Значение этого архива состоит в том, что в нём содержится обширная информация, освещающая необычные моменты из жизни великого писателя до его отъезда из Омска в Семипалатинск.

Светлана Ананьева, известный достоевковед из Казахстана, посвящает русскому писателю содержательные и убедительные литературоведческие страницы в исследовании «Время – пространство – автор» (т.т. 4, 5), в главе «Будущее в мечтах и мыслях героев романа

Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»», а также в статье «Творчество Достоевского и Тургенева в ракурсе мотива блудного сына». Эта статья является как бы комментарием к книге Валентины Габдуллиной «Мотив блудного сына в произведениях Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева», изданной в Барнауле в 2006 году и обозначает её проблематику в контексте основных вопросов о связи «корней» и «культуры», что показалось нам особенно интересным.

Не менее примечательно продуманное и вдохновенное исследование Корнелии Кырстя «Феноменология счастья у Ф.М. Достоевского и Н. Штайнхардта». Сопоставление этих двух имён подсказано самой биографией румынского писателя, который не только повторил каторжный опыт Достоевского, но и проникся духом христианства под влиянием идей Фёдора Михайловича о том, что вера должна стать для каждого человека реальным мерилем существования. «Дневник счастья», который на разных примерах утверждает, что быть христианином – это счастье, созвучен по строгости подхода и трактовки символа веры с размышлениями Достоевского, которые он высказывал собратам по страданию: человек существует только потому, что существуют Бог и бессмертие. За пределами моральных и гностических восприятий веры, приведённых так трепетно Корнелией Кырстя, подчёркивается, что христианство является достойным и ясным ответом лживому миру страха и бессилия именно потому, что вера превращает человека в аристократа духа. На этих стезях естественно сплетаются смелость веры и любовь к культуре, как у Достоевского, так и у Н. Штайнхардта, и в связи с этим Корнелия Кырстя упоминает ещё одну грань русского писателя с современностью, предлагая одновременно свежее прочтение образа князя Мышкина, как литературного персонажа.

Смысл человеческой жизни занимает также Нину Никитину, которая работает в яснополянском музее. К этому вопросу она подходит, прослеживая, как именно повседневность в жизни Л.Н. Толстого смещается к восприятию вечности. Автор с лёгкой долей иронии комментирует тенденцию мифологизировать жизнь великого писателя, моделируя её в свете его творений, аргументированно и убедительно утверждая, что повседневная жизнь, изо дня в день, является столь же значительным актом творчества Толстого-человека, который сумел наполнить жизнь «ритуалами», чтобы постоянно противостоять

роковым ужасам жизни и в этом черпать достойную силу, чтобы их победить. Так убеждает читателя Нина Никитина, своим тонким, эмоциональным, почти поэтическим дискурсом, что жизнь Толстого превратилась в живое отражение мысли и первичности абсолюта, побеждающего повседневность. Как и работа Корнелии Кырстя, это эссе, к которому можно добавить и статью Татьяны Никитиной «Джон Рёскин и Лев Толстой: приглашение к диалогу». Автор этой статьи поддерживает феноменологию существования, в центре которого находится идея о том, что «красота – моральна», а, значит, – гуманна, и что она является импульсом, дающим силу и знание, как прожить во благодати.

То, что упомянутые два автора касаются жизненного аспекта этой феноменологии, которая сталкивается, или даже сплетается, с феноменологией духа, доказано множеством свидетельств о «толстовцах», об их жизни, об учении и воспитании и об их страданиях – такие свидетельства приводятся в обоих обозреваемых томах во множестве.

Обширное место отведено в томе 5 (с.661-770) альманаха VIII симпозиуму, проведённому в Бухаресте 2-10 октября 2006г. «Европейская цивилизация: единство – своеобразие – открытость». Рубрика открывается общим обзором симпозиума Виктории Кинг в колоритном и сочном глубоко интеллектуальном эссе, совмещающим личный дневник, дневник путешествия и критический комментарий. Прибывшая из Санта-Марии (США), чтобы презентовать на симпозиуме номер 4 «Голосов Сибири» и в ту пору только что вышедший в свет том 1 «Кузнецкого венца Фёдора Достоевского» Мэри Кушниковой и Вячеслава Тогулева, эта юная романистка, уже известная в России и Штатах, обладающая зорким взглядом, улавливающим бытие людей и ход событий в их развитии, предлагает читателю эскизы пейзажей, ситуаций и специфических сцен румынской жизни, а также запоминающиеся портреты участников. Среди прочих – мы находим в этом эссе отличную «презентацию» поэта и человека Мирчи Динеску и хозяев симпозиума – Елены Логиновской и Альберта Ковача. Можно сказать, симпозиуму повезло, что среди участников оказалась эта, обладающая исключительно тонким восприятием, творческая личность, сумевшая охватить всю комплексность событий и достойно это событие описать.

Программа была действительно весьма насыщенной, обсуждались вопросы теории и философии культуры, цивилизации и творчества (Рита Джулиани «Русский вопрос в конце XX века глазами филологов», Илья Левяш «Русское слово в европейских реалиях XXI века», Елена Логиновская «Христианство – константа русской классической литературы», Ливия Которча «Н.В. Гоголь и Велимир Хлебников: непрерывность в срыве», Н. Шварц «К 500-летию рода Достоевских»), были представлены и исследования о литературной критике и художественном творчестве (Мирослава Метляева «Ориентализм в творчестве поэтов и графиков Бессарабии», Луиза Думитру «Миф о Полифеме», Ксения Гилло «"Поиски совершенства" в историко-психологической мозаике Ливии Которча», а также рецензия на фильм «Очарование зла» Лавинии Мятлевой и статья Елены Дульгеру «Мифологические мотивы в творчестве Эмира Кустурицы»).

Следует также упомянуть представленные на восьмом симпозиуме музыкальные и кинопроизведения, которые были показаны в Бухаресте и Четате (Светлана Василенко «Капустин Яр», Мария Сапрыкина «Торжок и его обитатели», Татьяна Донская «Станция Счастливая» и «Девушки из Сталинграда», А. Карпов «В поисках Чехова»).

Итальянская исследовательница Рита Джулиани касается исключительно актуальной проблемы, не только для России, но и для всего европейского пространства, а именно об обострении национального самосознания в постсоветской России, что отражается в двух явлениях – политическом и культурном, тесно связанных с «русским вопросом» – Россия и Азия или Россия и Запад. Дилемма Азия или Европа, констатирует Джулиани, затронутая в самых убедительных теоретических дебатах, обрела особое значение в XX веке, но как нам кажется, в настоящий момент явно обрисовывается главная точка вопроса: выбор России. Похоже, она выбрала сама себя, будучи убеждённой, что являет собой во всех отношениях самостоятельный континент, и потому вопрос выбора – не её проблема, а всех прочих. Этот континент и анализирует «изнутри» Илья Левяш, который прослеживает изменения русского «слова» и ментальности с трёх позиций: 1) культурная эволюция России в системе европейских координат, 2) обзор русского менталитета, как точки коллизии между суперкультурой и субкультурой и 3) исследование этого явления с точки зрения мутации от культурной и объединяющей миссии русского языка к её

императивной («имперской»? – Л.К.) «обязанности». Это исследование Ильи Левяша, проникнутое удивительной лингвистической, исторической, философской и психологической глубиной и безупречной научной точностью, требует развёрнутого обзора, который не укладывается в объём данного исследования. В ближайшем будущем мы намерены перевести его для газеты «Китеж-Град» или для «*Studii de Slavistica*».

Обращая наше внимание на «культурно-филологический кризис» в России, И. Левяш намечает и несколько путей выхода из него. Среди них – возвращение к глубоко христианскому смыслу искусства и русского менталитета, к чему призывает и Елена Логиновская в упомянутом уже исследовании «Христианство – константа классической русской литературы (Первая половина XIX века. Поэзия)». Рассматривая этапы и способы выражения православия в русской классической поэзии, Е. Логиновская подчёркивает стимулирующую и интенсифицирующую роль веры в изъятиях культурного стремления русской цивилизации и истории. И всё же возникает вопрос в связи с вековыми реалиями: не может ли оказаться, что когда человек действительно желает проникнуть в смысл священных книг, в этом его старании не прокрадывается ли и известная доля лукавства, которая отводит человека от священного смысла тем дальше, чем более страстно стремится он проникнуть в сакральный смысл.

Нечто об этом парадоксальном соотношении человека с сакральностью мы находим в очень любопытной статье Луизы Думитру «Миф о Полифеме». В основе критического дискурса автора лежит утверждение о том, что человеку следует избегать непосредственного контакта с сакральностью, прибегая к «игре и манипуляции», если встреча всё же состоится.

Если вспомнить, как сформулировал своё учение Иисус, как он прожил свою жизнь Человека-Бога и предстал жертвой, дабы воскреснуть, смысл всего этого отсылает нас к небесам, и потому нам кажется вполне оправданным утверждение о сакральности, какой её изображает христианство.

В «Голосах Сибири» приводится также работа Анастасии Романовой «Мемуарная проза Мирчи Элиаде», где дневник великого учёного рассматривается как синтез его научных и литературных произведений. Доступ к самому глубинному смыслу «Дневника»

достигается с помощью образов-семантем «пространство» и «время», которые включаются в мифопоэтический «словарь» специфических универсалий из истории различных религий.

Захватывающие темы предлагает и рубрика «Анатомия мифа», в частности, статья Леонида Лопатина «Жить во лжи».

К страницам альманаха, посвящённым восьмому международному симпозиуму следует добавить и те, что посвящены Никите Данилову по случаю его 55-летия, причём подчёркиваем объёмы, отведённые переводам прозы, драматургии и поэзии румынских и венгерских авторов из Румынии и Молдовы. Таким образом мы убеждаемся, что составители этого альманаха живо интересуются всем, что происходит в многообразном мире культур далеко за пределами Сибири.

С помощью Мэри Кушниковой, владеющей, помимо нескольких языков, также ещё и румынским, и благодаря сотрудничеству с избранными участниками альманаха «из двух миров», «Голоса Сибири» имеют возможность публиковать наиболее примечательные произведения выдающихся авторов, принадлежащих к различным культурам.

Так, в томе 5 Елена Логиновская празднично отмечает юбиляра Никиту Данилова статьёй «Чистое золото поэзии», а Альберт Ковач – статьёй «Апокалипсис и апофеоз жизни». Оба бухарестских автора подчёркивают космический масштаб творений Н. Данилова, который умеет банальную повседневность жизни проецировать в фантазмагорию. Работа А. Ковача включает обращение к тексту названного автора, подвергая его анализу и подчёркивая «технику абсурда», свойственную Н. Данилову, опирающуюся на две доминанты – абсурдность человеческой жестокости и криминальности и абсурдность в апокалипсической судьбе человечества.

Для более наглядного примера одарённости юбиляра, Елена Логиновская прилагает в собственной интерпретации великолепные переводы из его прозы и поэзии.

Закономерным продолжением этих страниц оказываются статьи и переводы других румынских писателей и поэтов. Так, Елена Кузнецова публикует статью-воспоминание «Живое воплощение поэзии», в память Никиты Стэнеску и Аурела Ковача, после чего следуют переводы подборок стихотворений обоих поэтов, пера Е. Кузнецовой, которая и сама является выдающейся поэтессой, пишущей на русском языке.

Валериу Матей посвящает эссе «О волшебстве жизни и беспощадном ходе времени» поэзии почившего молдавского поэта Леонарда Тукилату, стихи которого переводит молдавская писательница Мирослава Метляева. О её поэзии пишет Элина Лефтер в статье «Восхождение к духовному через чувства», причём статья сопровождается подборкой стихов названной поэтессы. В творчестве Метляевой сразу же привлекает внимание её уверенная поступь по царственному пути «большой поэзии», которая сплетается, однако, с простотой и возвышенностью строк Анны Ахматовой и Иосифа Бродского.

В рубрике «Нетленное» мы найдём в альманахе переводы из Шекспира (Евгений Фельдман), из творений Мирчи Динеску (Е. Логиновская, безупречный переводчик поэзии) и из прозы Профиры Садовяну (Елена Кузнецова).

В разделе «Рифмы и ритмы» звучат имена поэтов и переводчиков из Румынии. Так, Е. Логиновская переводит Ади Кусина, а Альберт Ковач совместно с Илоной Ковач представляет переводы произведений с венгерского языка Йозефа Мелиуса, Домокоша Силади и Аладара Ласлоффи.

Намеренно вынесла в финал, чтобы подчеркнуть значительность впечатляющей прозы Виктории Кинг и Мэри Кушниковой, которая выступает под несколькими псевдонимами.

Виктория Кинг пишет сжато, как строгий наблюдатель, редко-стно гармоничным слогом, что видно во фрагменте «Каролин» из её романа «Мачехи» в томе 5, в содержательной рубрике «Изыщная словесность». В ней выступают музейщики, литературные критики, и писатели, как, например, Виктор Вайнерман с короткими, пародийными и горько-ироническими рассказами, наряду с Александром Ахановым, Евгением Асташкиным, Виктором Богдановым, Галиной Кудрявской, Жамилей Мухамеджановой, Петром Тушнолобовым и др.

Что касается Мэри Кушниковой, в томе 4 в рубрике «Сибирь – Казахстан» опубликована её повесть «Песни песков», а в томе 5 – «О чём умолчал Иосиф Флавий, или диалог через тысячелетия» (в рубрике «Земля Обетованная»).

В отличие от Виктории Кинг, чьё внимание привлекает сиюминутные реалии человеческого бытия, о чём она повествует в динамичном

темпе, М. Кушникова помещает действующих лиц и само действие обеих повестей в непрерывном беге времени, в течение которого прослеживаются перевоплощения архетиповых обстоятельств, в различных ипостасях и в различных моментах исторической реальности. Всё окружение событий и действующих лиц сообщает непрерывность и связность глубоко поэтической прозе, построенной на восточный манер, несколько напоминающий «Тысячу и одну ночь». Эта проза проникнута образами особой мудрости сказов и легенд, причём повествование развёртывается неторопливо, уходя в неожиданные ответвления и спирали. Глубоким смыслом проникнуты чарующие главы этой прозы, а именно напоминанием о том, что во все времена память человечества находит своего сказителя в образе какого-нибудь символического Жумахана – впрочем, этот персонаж-хранитель казахского фольклора, глубокий старик, был ещё среди нас, живых, и участвовал в праздниках во времена пребывания М.К. в Казахстане. Так что она не только хорошо его знала, но и эмоционально воспринимала глубины его мудрости. Перевоплощения во времени этой поэтической фигуры оживают постоянно в «Песнях песков», также как в рассказах о любви, что прорастает из века в век как архетип, повторяющий в вечности чувство, которое сильнее смерти. Равно как и песнь, которая как бы пронизывает «вечную» личность и «вечную» её судьбу, возвышая человеческий дух к иной, более счастливой, судьбе, если только человеческая душа тоже наделена особой судьбой.

Вторая повесть М.К. более аналитична по структуре и в ней автору опять-таки удаётся провести идею подобной же непрерывности, с помощью диалога, который касается творчества великого римского историка, иудея Иосифа Флавия. Особо обсуждаются первичные аспекты христианства между действующими лицами, иудеями-римлянами той поры, а также перевоплощения истории Христа в течение тысячелетий.

Иосиф Флавий, трагически стиснутый обстоятельствами между своим народом и его поработителями, осуществляет поставленную самим собой сверхличностную миссию – оставаться нелицеприятным свидетелем и описателем всего, что происходило во время Иудейской войны, вопреки своим национальным чувствам и переживаниям, и это оправдывает его перед историей и,

также как Жумахана, помещает в сонм сказителей человечества, мудрых и благородных хранителей его памяти.

Обе повести М.К. следует перевести на румынский язык. Однако «Песни песков» требуют особого переводчика, способного передать особенности стиля и цитированной восточной поэзии, что требует времени.

Как мы убедились, два обозреваемых нами номера «Голосов Сибири» исключительно многообразны и щедро насыщены творческими и аналитическими находками.

Возможно, более строгое размещение материала помогло бы нам в нашем путешествии по страницам альманаха, из коего, надеемся, мы мало что упустили из самого важного.

Марин Сореску ИЗБРАННОЕ

АЛФАВИТ

вроде и не заметил,
Как потерял первую букву.
Он продолжал говорить,
Заботливо обходя слова,
В которых была
Эта буква.

Потом потерял ещё одну,
Кажется, букву А.
Луна, весна
Остались где-то далёко.

И ещё одну потерял.
Счастье, страданье
Его понимать перестали
И мягкий знак так нелепо
Торчал в последнем слоге,
Словно усталый зуб.

Нынче он видит и слышит,
Но у него уже нет слов для жизни,
Составленной, большей частью,
Из тех букв, что он потерял.

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД

Я сдавал экзамен
По мёртвому языку
И должен был перевести себя
С человека на обезьяну.

Я начал издалека
И перевёл сперва
Один текст
Из джунглей

Перевод становился
Всё более трудным
По мере того, как я
Приближался к себе.
Но с небольшим усилием
Я всё же нашёл подходящие
Выражения для ногтей
И для волос на ногах.

Подойдя к коленкам,
Я стал заикаться всё больше,
А возле сердца
Моя рука задрожала
И посадила солнечное пятно.

Я попытался исправить дело
С помощью волос, что растут на груди,
Но запутался окончательно,
Когда дошёл до души.

ПРИМЕТЫ

Моя кошка умывается
Лево́й лапкой,
Видно, будет война.

Потому что я заметил:
Всякий раз как она умывается
Лево́й лапкой,
Значительно повышается
Международная напряжённость.

Как она видит разом
Все пять континентов?
Может быть, в её зрачках поселилась
Пифия, что предсказывает
Всю историю, без запятых?

Мне хочется плакать,
Когда я подумаю,
Что я – это всё небо со всеми душами,
Но то, что я ношу на спине, зависит
От капризов какой-то кошки.

А ну, отправляйся скорее
Ловить мышей
И не развязывай тут
Мировые войны,
Чёртова
кукла!

ТАМ, НАВЕРХУ

Белки,
Прыгая с капли на каплю,
Забираются в дождик под самую крону
Тёмной тучи.

Так хотел бы и я
По мыслям своим
Забраться высоко-высоко,
Чтобы жизнь и смерть проходили
Где-то внизу подо мною,
Как дождик под тучей.

ИГРА В ИКАРА

Я протягивал руки к птицам
И каждая мне давала
По одному перу.

Высокое – перо орла
Красное – перо райской птицы
Зелёное – перо колибри
Болтливое – перо попугая
Пугливое – перо страуса-птицы.
О, какие я сделал крылья!

Я надел их себе на душу
И начал с ними полёт.
Полёт высокий, орлиный,
Полёт красный, как у райской птицы
Полёт зелёный, как у колибри
Полёт болтливый, как у попугая
Полёт трусливый, как у страуса-птицы
О, если б вы знали, как я летал!

МЫ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ

Мы больше не удивляемся ничему никогда.
Удивление уничтожено –
Атавизм, приближающий нас к обезьяне.

Температура нашего тела упала
С тридцати шести градусов до пятнадцати,

Из сэкономленного тепла
Сконструировано искусственное солнце –
Обогреватель для дизель-мотора,
Температура человечества падает,
Чувства стремятся к нулю,
Мы больше не удивляемся.

Мы прогрессируем.

ШЕКСПИР

Шекспир сотворил мир за семь дней.

В первый день создал небо, горы
И душевные пропасти,

В день второй сотворил моря, океаны
И прочие чувства,
Наделил ими Гамлета, Юлия Цезаря,
Антония, Клеопатру,
Офелию, Отелло и других,
Чтоб ими они владели
И передавали потомкам
Во веки веков.

На третий день он собрал всех людей
И раздал им ощущение:
Ощущение счастья, любви,
Ощущение ревности, разочарования, славы и прочее.
Но как раз когда ощущения кончились,
к нему вдруг явились
Какие-то запоздавшие типы.
Творец потрепал их по головам
И сказал, что им, бедолагам, не остаётся
Ничего иного, как стать
Критиками,
Чтоб отвергнуть его творенье.

Дни четвёртый и пятый он посвятил
Исключительно смеху.
Позволил клоунам покувыркаться,
Разрешил поразвлечься
Королям, императорам и другим бедолагам.

В день шестой он решил ряд административных вопросов:
Задумал большую бурю
И научил короля Лира
Носить соломенную корону,
А из отходов от сотворения мира
Создал Ричарда Третьего.

В день седьмой творец огляделся: всё ли он переделал.
Директора театров уже развесили повсюду афиши
И Шекспир подумал, что могли бы
И ему показать спектакль –
За праведные труды.

Но прежде, так как он ужасно устал,
Он решил пойти отдохнуть.

Я ЗАВЯЗАЛ ...

Я завязал глаза деревьям
Зелёной косынкой
И велел им меня искать.

И деревья меня отыскивали
Громяхая от смеха листьями.

Я завязал глаза птицам
Косынкой из туч
И велел им меня искать.

И птицы меня отыскивали
Под звонкую песню.

Я завязал глаза грусти
Улыбкой, и назавтра
Грусть меня отыскала
В любимой.

Я завязал глаза солнцу
Своими ночами
И велел меня отыскать.

Вон ты где – сказала мне солнце,
Там, позади эпохи.
Лучше не прячься!

Не прячься! – повторили все вещи
И все чувства, которым
Я хотел завязать
Глаза.

ГОРА

Я замещаю бульжник
И здесь нахожусь
По печальному недоразумению.

По мне проезжают
Легковые машины,
Танки,
Грузовики,
И идут всевозможные ноги.

Я ощущаю солнце до мозга костей
И луну
До самой полночи.

Тучи давят меня своей тенью
От событий тяжёлых

И важных
У меня появились мозоли
И хотя вообще я довольно стоично
Переношу
Свою гранитную долю,
Иногда мне вдруг слышится
Собственный вопль:

Циркулируйте по проезжей части
Моей души,
Негодяи!

ПЕРСПЕКТИВА

Если бы ты отошла немного,
Моя любовь обняла бы
Всё пространство между мной и тобой.

Если бы ты отошла подальше,
Я любил бы тебя с горами,
С реками и с городами,
Что нас разделили.

Если бы ты отошла
К закату,
Твою голову бы увенчала
Луна
Со всей её полнотою.

АДАМ

Адам, хоть и был в раю,
Прогуливался по аллеям
Грустный, так как не знал,
Чего ему не хватает.

Тогда Господь Бог соорудил ему Еву
Из его собственного ребра.
И первому человеку
Так понравилось это чудо,
Что он в ту же минуту схватился
За следующее ребро,
С наслаждением предошущая, как пальцы
Будут ласкать нежные бёдра
И упругие груди, словно контуры сыгранных нот.

Перед ним появилась новая Ева.
Она как раз вынимала
Зеркальце, чтобы подкрасить губы.
«Живи – не хочу!» – подумал Адам
И создал ещё одну.
И так каждый раз, когда официальная Ева
Отворачивалась на минутку
Или бежала на рынок за ладаном либо за смирной,
Адам вытаскивал новую гурию
Из своего межрёберного гарема.

Господь Бог заметил
Это творчество без берегов.
Он вызвал к себе Адама,
Безбожно его разбранил
И выгнал из рая
За сюрреализм.

ТВОРЧЕСТВО

Я пишу на разломах
Землетрясений,
И если некоторые слова
Проникают намного глубже,
Виновата только земная кора
С её непостоянством.

Никогда ведь не знаешь, в какое мгновение
Под твоим столом вдруг взорвётся вулкан,
И к концу рабочего дня
Ты сможешь писать только пеплом.

Все вещи меняют места и меняются сами.
Лампа, что висела под потолком,
Свисает до подбородка,
Гора, что виднелась на горизонте,
Залезла мне прямо в рот,
Как деревянный конёк, обломки которого
Ещё долго будут выплёвывать
Мои правнуки, седьмая вода на киселе.

Листья с деревьев
Все перепрятались в землю:
Боятся землетрясений
Большинство моих предков
Перебрались в землю,
Испугавшись землетрясений

Только я всё пытаюсь связать,
Как рельсы после землетрясения,
Те два слова, что разбегаются
В разные стороны,
Обезумев от страха.

В ПОДСОЗНАНИИ

Мы смотрим на тучи и говорим,
Что они похожи на стадо овец.
Испуганно вздрагиваем, увидев волка
В учебнике зоологии.

А то нас вдруг охватывает тоска по воле,
Такая сильная, что мы видим,

Как на наших письменных столах
Вырастают речные травы

Есть мысли, что продолжают
Приходить к нам по старому адресу.
Потому что каждый из нас – пастух,
Потерявший своих овец
В подсознании.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Ему прикрыли рукой глаза
И показали мир,
Нарисованный
На огромном панно.
– Что это за буква?
Спросили его.
– Ночь, – был ответ.
– Ошибаешься, это солнце,
Ночь, как известно,
Не имеет лучей. Ну а это?
– Ночь.
– Это просто смешно! Это море, откуда
Столько тьмы будет в море? А это?
Человек на мгновение заколебался,
Но всё же ответил:
– Ночь.
– Нет, это женщина,
Ведь у ночи нет груди, дорогой.
Тебя, несомненно, ввели в заблуждение
Её чёрные волосы. Ну а вот это?
Посмотри повнимательней
Прежде чем отвечать.
– Тоже ночь.
– Жаль, не угадал и сейчас: эта буква

Была как раз буква
Ты.

– Следующий!

БОЛЕСТИ

Доктор, я чувствую что-то смертельное
Здесь, в области моего существа,
У меня болят все органы, доктор,
Днём у меня болит солнце,
А ночью луна и звёзды.

И какие-то колики в области неба,
Которых не было до сих пор,
И каждое утро
Я просыпаюсь с ощущением зимы.

Напрасно я принимал столько разных лекарств,
Ненавидел, любил, научился читать и даже
Прочитал кой-какие книги,
Говорил с людьми, много думал, бывал
Добр и даже красив...

Всё это не помогает,
А ведь я истратил
На это так много лет!

Наверно, я просто
Заболел смертью – однажды, в тот самый
День, в который родился.

БЕЗДНА

Бог глух,
И когда мне нужно
Сказать ему что-нибудь, я
Пишу на листке бумаги,

Ведь так всегда поступают
С глухими.

Но он не разбирает мой почерк,
И видя, как он скребёт в ореоле,
Запнувшись на каком-то предлоге,
Я думаю, что было б намного легче
Проорать ему всё это на ухо.

Я так и делаю, только
Бог качает в ответ головой:
Он ничего не понял
И знаками мне объясняет,
Чтоб я написал на бумаге
Всё, что хочу сказать.

На меня нападает отчаяние,
Я выхожу на дорогу, останавливаю прохожих
И показываю им лист,
Исписанный так разборчиво и красиво –
Как для самого Господа Бога.

Но люди не глухи, они просто не слышат
И, отмахиваясь от бумаги,
Просят меня изложить всё как можно быстрее
Устно.

Тут я вдруг замечаю,
Что начинаю орать,
Словно я очутился в бездне –
Так, как орёт сам Господь,
Когда совершает молитву.

И от страха: а вдруг и сам я оглох? –
Забываю, что я хотел сказать.

КТИТОРЫ

Вот так, как ты стоишь здесь –
Прямая,
Сложив обмякшие руки
На круглом своём животе, –
Ты кажешься женой воеводы
Со старинной иконы, держащей
В руках основанный ею храм.

И кажется – слышен голос,
Идущий из тех дальних далей,
Где исчезает материя:
«Мы, Ион и Иоана,
По мере собственных сил
Создали это святое
Дитя
На вечную память, во славе
Этому солнцу
И этой земле»

АНТИКВАР

Я угадываю ход времени
По тому, как расходятся книги.
Их кадрили между книжных полок
И остальным бранным миром –
Верный мне указатель.

Когда стихи раскупают,
Играются свадьбы,
Лону девушки необходимо
Задремать и увидеть красивый
Сон под колыбельную песню.

Когда продаётся Гомер,
Выпадает час мира и лада,
Когда же он вновь

К нам возвратится,
Десять лет мне блуждать по морю.

Энциклопедии в переплётах из шкурок мышиных
Расходятся хуже всего,
И когда я их вижу в витрине –
Восемнадцать здоровяков,
Теснимых, толкаемых в спину.

Я с удовлетворением перекрестившись,
Восемнадцатый век поздравляю.

От Толстого и Достоевского
Можно ждать всего, что угодно,
С ними можно стать человеком известным
Или вовсе лишиться службы

Пылинки всех эр, всех эпох
Играют в потоках света
В солнечном луче,
Обновляемом вечно.
А нынче книги бурей несутся к полкам,
Уж разбили очки и окна,
Такого ещё не бывало.

Что это, день или ночь?
Взгляните, пожалуйста, сами

АТЛАНТИДА

Кто это построил
Мир – на оседающей почве?

Только вчера луна
Была над тобой, а сегодня
Уже над твоею жизнью.
Ты ещё углубился в землю.

Вчера ты держал на макушке
 Небо, словно поднос,
 Со всеми его чудесами.
 А теперь оно уже плавает выше.

Быстрее багажи собирайте,
 Забирайтесь на крышу дома,
 А дом на чердак громоздите,
 А скот, и еду, и чувства
 Тащите наверх, на горы

Если ещё хотите,
 Чтоб у вас был скот, и еда, и чувства
 А горы скорей поднимайте
 На камни горных вершин
 Если это возможно.

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Сегодняшний день
 Мне подбросили, как обычно,
 Под дверь.

Я надел на нос очки
 И начал
 Его читать.

Ничего особенного,
 Насколько я понимаю.
 Мол, к полдню мне вдруг взгрустнётся
 Отчего – не уточнено,
 И я по-прежнему буду
 Любить свет,
 На чём остановились вчера.

Страничка внешней политики сообщает
 О моих переговорах с воздухом и горами

Об их абсурдном намерении
 Вклиниться в сердце моё и в мозг

Затем – обычные вести
 О моей трудоспособности.
 О дороге в хлебную лавку,
 О расположении духа
 (Но ни слова под рубрикой
 «К положению в печени»)

Где только её отпечатали,
 Эту мою жизнь,
 Допустив в ней
 Столько недопустимых ошибок?

Перевод Елены Логиновской

Рири Сильвия Манор **ИЗБРАННОЕ**

ПРОЩАНИЕ С МАТКОЙ

Матка моя,
 Уволенная
 На отдых,
 Лежит предо мной,
 Вся
 Вне моей плоти.

Я
 Исполнена
 Чувством вины.
 Матка,
 Мавр,
 Исполнивший
 Свой
 Долг.

В воздухе – запах
Поруганной женственности.
Столько дней и ночей
Мы с моей славной маткой
Шли рядом,
Как заговорщики.

Матка – прибежище,
Тёплое, мягкое,
Первых движений моих детей,
Та, что мне посылала
Раз в месяц
Красный цветок,
И вместе с которой мы каждое утро
Произносили слегка изменённую
Нами молитву:
«Благодарю тебя, Господи,
За то, что сотворил меня женщиной»

С нынешнего дня мне уже не услышать
Колокольчика моей женственности,
Ведь я здесь,
На операционном столе,
А ты там,
Вне моего тела,
Стынешь без моего тепла,
Грустно шлешь мне прощальный привет
И удаляешься
Вместе с процессией
По бесконечному коридору больницы,
Обе мы одиноки,
Изранены

Прощай же, матка, моё альтер-эго,
Ты причиняла мне лишь добро.
Склонив голову,
Я приношу тебе на бумаге

Свой
Последний
Низкий
Поклон.

РОЗОВАЯ МАГИЯ

Фокусник
Может вытащить
Из шляпы
Живого зайца.

Человек
Может вытащить
Из памяти
Живых мертвецов.

Я
Могу
Опьянеть
От людей,
Я могу
Счесть их шампанским,
Счесть их эхом,
Горизонтом и ветром,
Я могу их увидеть красивыми,
Таковыми красивыми!
Я могу опьянеть от людей

И никогда
Не очнуться.

ЭТОТ ДОМ

Этот дом,
В котором тишина
Становится музыкой

В ожидании новой
Будущей тишины...

Этот дом,
В котором так много
Тишины в тишине,
А ведь тишина
Не может звучать фальшиво,
Хоть это и музыка.

Этот дом, в котором тишина
Владычествует – Абсолютный Монарх,
Не заковывая прыжок
В хромяющий шаг колченогий.

Вне этого дома
Марафон
Повседневности
Пронзает сам воздух
Страхом.

Внутри этого дома
Тишина ласкает воздух
С грацией балерины,
Замирающей
Между быть и не быть.

СМЫСЛ

Смысл снега –
В воде, в облаках.

Смысл поэта –
В прошлогодней траве.

Смысл слова –
В колыбели мысли

Смысл человека –
В сердце бури.

РОГАЛИК БЕЛОЙ НОЧИ

Скатерть звёзд
Стряхивает с себя крошки
На город, оглушённый
Кулаком
Обезумевшей
Ночи.

Стоны боли перелетают
С места на место,
Как летучие мыши,
И греются, затаясь
В волосяном покрове
В надежде
Услышать тебя –
Эхо Сущего.

Троянский конь
Затянувшихся лет
Выпускает из себя по ночам
Деревянных солдатиков,
Чтоб забросить их в крепость
Осаждённых
Артерий.

И во всех закоулках
Этой улицы с односторонним
движением
Арфы оплакивают
Гибель утра –
Повергнутого
Северного сияния.

И во всех закоулках
 Моего существа
 Вопит жажда утра,
 И, изголодавшаяся,
 Я надкусываю заменитель
 Рогалика белой ночи.

НАГРОМОЖДЕНИЕ

Мой мозг – Нью-Йорк наложенных
 друг на друга понятий,
 Бестолково скребущих небо.
 Противозачаточные не помогают.
 Идеи рожают идеи, идеи, идеи,
 Как сны нагромождённые, мелькающие,
 исчезающие,
 На которые не хватает времени.
 Сардины,
 кокетливо хлопая крыльями,
 Ускользают со скоростью света
 Или – почему бы и нет? –
 со скоростью тьмы,
 Чтоб зацепиться за зыбкие провода
 Какого-нибудь пятьдесят девятого
 Этажа, даже не застрахованного
 От семи градусов –
 По шкале Рихтера.

Прочёсываемая муравьями, глядя
 С высоты подножья вулканов
 Её Величество Земля
 Ждёт – вблизи – вдалеке,
 Как берег прилива-отлива,
 Чтоб я представила ей на контроль
 Визу, в целом действительную
 для въезда,
 И чемодан, весь в макияже,

С нью-йоркскими этикетками
 Наложённых друг на друга понятий
 И со стадами скребущих небо
 Домов, пасомых
 Вымышленными крыльями.

Перевод Елены Логиновской

Ион Прока **НАМЁК НА ВЕЧНОСТЬ** *Стихи*

АВТОПОРТРЕТ (почти поэма)

При нём все, что делает его настоящим мужчиной:
 живот сползает на ремень,
 лысина головокруглительно несётся по шевелюре,
 глаза потускнели от жирных метафор.
 У него нет лимузина, цветного телевизора,
 мебели из красного дерева,
 чековой книжки, импортной одежды,
 пуховых подушек
 и подхода к женщинам.
 У него трое детей.
 Двое – прекрасно учатся.
 Третий – вылитый отец: когда он слышит
 о физике, математике и других точных науках,
 почва убегает у него из-под ног.
 Он не мыслит желудком,
 и у него нет байстроков.
 У него неважные стихи,
 но с десятков наберётся хороших.
 Он не задолжал Национальному банку.
 У него нет долларов, румынских леев
 и, тем более, национальной валюты.

Но он и не бедный крепостной,
 привязанный только к земле.
 У него интимная связь с прессой –
 возлюбленной, доступной и для других.
 Он автор публицистических,
 драматургических и поэтических книг.
 Ему здорово хотелось дебютировать в сорок семь,
 как Аргези, и он этого добился.
 Но его поэзия весьма далека от аргезианской.
 Она малосъедобна для моли и мышей.
 Порой ему не на что купить пачку сигарет
 и тогда он объявляет забастовку куреву.
 У него три друга: теща, тесть и жена.
 Он не разбирается в грибах: сколько бы он
 их ни собирал, каждый раз ему приходится
 иметь дело с врачами.
 У него была огромная радость:
 двадцатого марта н-ного года
 белая кошка принесла троих котят.
 Он не принёс их в жертву, как язычник,
 выбросив в яму.
 Они нашли приют в Доме печати.
 У него нет никаких шансов
 стать знаменитым поэтом.
 Или лауреатом
 какой-нибудь международной премии,
 потому что
 в настоящее время
 он самый великий поэт
 села Колоница, уезда Лапушна,
 что в Бессарабии.

ВОДЫ

Охрипший голос
 из глубин лежанки прорывается:
 – Быстрее, Оана, воды прорвались

у тётушки Тудоры!
 Плод насухую движется,
 захлёбывается,
 как рыба, воздухом,
 а грех падет на повитуху!
 – И без того неделю
 я стою на страже
 и помереть могу быстрее, чем он;
 и кто, ко всем чертям,
 их странствовать толкает
 в год Касияна,
 когда загодя видать, что засуха грядёт!
 – Оана, не до шуток,
 воды, глянь, отходят,
 и у плода удушье!
 Оана босиком бегом по снегу,
 и тут ей Божий дар навстречу –
 птица полудохлая, слепая –
 для долгожданного гратара.
 Да где там до огня!
 Сырую птицу
 поглотила бедная Оана,
 чтоб сил хватило,
 извлечь меня из чрева матери
 и выставить на обозренье
 всему честному миру.
 А было это
 в декабре сорок шестого,
 когда на свет явился я –
 кожа да кости.

НОРМАЛЬНО

Нормально было б мне идти
 с опущенною головой,
 чтоб наблюдать за кончиками ног,
 причём идти,

как все придурки,
и дать себя учить,
кому не лень,
таблице умноженья,
или как вилкою орудовать
рукою левой,
и правою – ножом.
Нормально было бы
учиться жить,
но слишком высоко
я головой вознёсся,
а ноги, в кровь разбитые о камни,
одной науке учат –
умирать.
В один из распрекрасных дней я вам скажу,
что ноги всё-таки порою размышляют,
иначе,
что толку тратиться
на мыло
для их помывки.

КОРОНАЦИЯ

Сегодня коронован был я
в качестве царя лесного
и полномочного посла
птиц перелётных.
На торжественном банкете
присутствовали:
заяц охромевший,
ощипанная курица,
кот в сапогах
и драная лиса,
а также несколько
случайных босяков,
заблудших во дворянстве.

И после царского застолья,
где пьянствовали все
до положенья риз,
прихваченная инеем крапива
согласия потребовала от собранья
спустить с меня штаны
и отхлестать.
А чокнутый от жадности барсук
стал добиваться всяческих регалий.
Спустя четыре с четвертью часа
я отреченья от престола запросил
и получил всеобщее согласие
с вручением помпезным пенсии
размером в два гроша.

ФАБРИКА ПОЭЗИИ

Этот клочок бумаги
значит для меня больше,
чем промокашка,
впитывающая мои дни,
а я, жадный, как вдова,
которая стискивает своего любовника
меж ног
лишь дважды в год,
совсем в цейтноте,
чтобы объявить всеобщую забастовку
этой фабрике,
перемальвающей поэмы;
и в качестве её владельца,
я не имею права
стать безработным,
изголодавшимся по слову,
как вдова, любовным порывом,
из-за которого сгибаются ножки кровати
и чахнут горячие саваны простыней.

ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ ГОСПОДА

Я точно знаю:
 в мироздании имеется
 ещё шесть обжитых планет.
 Но ни одна из них, как видно,
 не угодна Всевышнему.
 Он, как обычно,
 отдыхает от ран своих
 в воскресные деньки
 на краешке моей завалинки,
 тогда, когда я, нечестивец,
 гну спину в поле.
 И только раз застал меня Всевышний дома:
 В Великое святое Воскресенье, в Троицу,
 я прикреплял под стрехою моей
 пучок душистый чабреца и листьев.

БАЛАГУР

Иду к вам и говорю:
 коза принесла мне телёнка,
 кошка поймала львёнка,
 кодры взлетели с птицами в воздух,
 парашют стал предметом роскоши.
 И всё это случилось
 за день до потопа.

ОЖИДАНИЕ

Я никогда не увижу своего сердца,
 что трудилось как мул,
 чтобы я мог нести
 собственный мешок костей и мяса.
 Я вижу его в глазах своих сыновей,
 и в нежности дочери,
 и в растрескавшихся подоконниках,

на которые я опирался локтями,
 всматриваясь вдаль
 в ожидании отца.

КОСМОС

Поэты моего поколения
 давно сбились с пути,
 отправив свои позывные
 в космические просторы.
 Счастье их
 и гроша медного не стоит,
 ведь их стихи
 сыплются, словно горох
 из старой кошёлки.
 И все их заверения,
 что они находятся в прямом контакте
 со Вселенной,
 не что иное, как способ
 скрутить тебе шею.
 Не могу похвастать,
 что у меня есть нечто общее
 с безмерностью вакуума.
 Там мой отец,
 и мы телепатически переговариваемся
 во время всеобщего сна.
 Вчера он снился мне в Синае,
 и под его диктовку
 я написал стихи.

МАМАЛЫГА

Наш Штефан, и Великий, и Святой,
 не ведал вкуса мамалыги.
 В те времена заменой кукурузе
 был малай из проса.
 И когда, изголодавшись,

Штефан-водэ, принимался
макать малай из проса в брынзу,
а из брынзы окунал его в яичницу,
то чуял сердцем он,
что где-то за семью морями
мука под жерновами светлая, как солнышко, бежит,
вулканом кипяток клокочет.
Но Штефан наш гурманом не был
и охотником до расширения границ,
и не пускался в путь он в поисках
оранжевого апельсина иль кукурузного початка.
И если б он оставил нас в объятых турок
иль ляхами растоптанными в прах,
а сам бы, как безумец,
наострил за тридевять земель
за кукурузой
в америки, где золото и пепел вперемешку,
тогда, быть может, мир нарёк б его Колумбом.
А мы, простые виноградари и пахари,
мы, братья, с чем бы оказались на века?
И мой отец был счастлив, как дитя,
узнав, что Штефан наш
не ведал вкуса мамалыги.

ПРИЛЕТАЕТ ПТИЦА

Прилетает странная птица
каждый вечер,
чтобы спросить меня:
«Ты всё ещё тут,
пропаций?»
Я притворяюсь, что сплю,
и поворачиваюсь
на другой бок,
но она, видать,
только моя птица,
и миссия её – увлечь меня

в страну, известную только ей.
Сколько я живу на свете,
столько и лгу ей
и исподтишка выдергиваю у неё
каждый раз по пёрышку:
может и мне
удастся взлететь,
и помчусь я туда,
куда мне хочется.
Но пока она слишком часто
заигрывает со мной,
и это заставляет меня задуматься:
что если я прогоню её
и другая не явится,
кто извлечет меня из руин?

РОДИТЕЛИ

Я обогнал своих родных почти во всём.
А может просто я самоуверен?
Мои родители порой читают в пашне
Такие удивительные вещи,
Что мудрость их в тупик меня заводит.
Окаменев, я вдруг осознаю,
что мама – это книга,
а отец – весь мой народ.

ТВОРЧЕСТВО

Где уж мне со своих стихов снимать пенки!
Лучше бы сидеть мне в глухих застенках,
и уж точно мне ими не кормиться,
Лучше б мне сгнить и с землёю слиться.
Просто было мне суждено издревле
Навеки прибиться к деревне
И написать сказание
Об упряжи, узде и тому подобных знаниях,

А также о бесчисленных деяниях глупых,
Только бы не тащиться за плугом.
И всё же дошло до меня, что плуг распахивал мою душу
И борова скрипит по затоптанной суше,
Потому что чужие ноги топтали мои посева так смело,
Что поле моё облысело.
Две шёлковые тонкие нити
Тянутся из моих глаз, в строки перевитые.
Эти строки душат меня,
Лучше б глина на костях оставляла письма
И всё же эти строки не зачаты в блюде.
Дай мне, Боже, изойти в поэтическом зуде
И чтоб мне не избавиться от его оков
До скончания веков.

СТАРЬЕВЩИКИ

– Тряпки, кости собираем,
яйца, плошки подбираем, –
так старьевщики-евреи
на возки сгребали время.

выходила мать к калитке,
вынося мешок старья,
получив щепотку синьки
для ремонта и побелки
обветшавшего жилья.

В спешке в тряпки запихнула
и отцовское пальто,
крепко траченное молью,
чуть подбитое ветрами,
словно эта рвань висела
на гвозде уже лет сто.

Как ладонь отца горела,
до чего ж ему хотелось

вздуть по пятое число
за пальто, что душу грело
и от пули жизнь спасло!

ИНТЕРЬЕР

В доме поэта счастливы лишь мыши,
да, впрочем, и чашка,
когда поэт угадывает ямбы
по кофейной гуще,
а, может, и треснутая пепельница –
от касания свежего окурка,
и пишущая машинка
с буквами, давно лишёнными по ночам девственности.
Бумага-плакуша заливается крупными,
с совиный глаз, слезами
Поэт поджаривает слова
на подгорающей сковороде,
забывшей запах масла,
с тех пор как поэзия
подымает на ноги
трибуны стадионов.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

У всех поэтов плох итог:
кого уносит в глубь на шее камень,
а кто оговорён, как и Есенин,
распутною толпой любовниц.
Нет смысла снова братья за перо,
Когда меня не кличут со страниц
ни соловьиные леса,
ни муравей, кряхтящий
под горошиной тяжёлой.
Но всё-таки приятно сознавать,
Что в некий год,
спустя два-три тысячелетия

ты возродишься из обычной глины,
и девушка далёкая,
склонившись,
поцелует букет стихотворений,
тихонько на родном наречьи прошептав:
– Я никогда не оборву венец
чудес вселенной...

БЛАГОДАРЕНИЕ

Укладываюсь нищим спать, как саранча,
обчистившая поле
и бросившая всё;
как настриг от овцы издохшей,
но просыпаюсь богачом,
обогадившимся
ещё одним сверкающим рассветом.
И трель мне птица дарит
за моё уменье
слушать всей душою,
и лес волнует
трепетом редчайшего цветка;
ручей игривый прохлаждает,
уняв тоску
и приглушив страданья.
Как ластится роса
к моим ногам!
И соляным столпом
я остаюсь, чтобы воспеть
труды земли.
Когда ж я рассыпаюсь
в прозрачных сумерках,
я Господа
благодарю
за этот день.

ХОЛСТ ЖЕЛАНИЙ

Мужчина, как бы горд ты ни был
и сколь самоуверенность твоя сильна бы ни была,
не сожалей, что отдаёшь всю землю
за женщину одну,
которая со злостью
смывает с позвоночника твоей рубашки
всю соль.
Но истинно любовь владеет той,
что с кротостью
тебе протягивает,
будто с мачты парус,
рубашку крахмаленную –
холст бесчисленных желаний
и соблазнов.

НАМЁК НА БЕССМЕРТИЕ

Мы – крохотная вечность...
Из мгновений мы составляем долгие года.
И это царство неохватное
Не составляло бы богатства,
Когда б мы ведали, что не умрём.

ИЗНАНКА АТЕИЗМА

Я в мать верую
и верую в отца,
я верую в тебя,
ещё в кого-то тоже.
Ты Господа скрываешь от меня,
чтоб крепче верил я в него
и силу Божью.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Поэт я гениальный,
 Ни один безумец до меня
 Не совершил так много дури.
 И если б услышали голос мой
 Бедлама постояльцы,
 Отобрали б прашу метафор у меня
 И отхлестали бы крапивой
 по желудку,
 где нашли конец свой
 бесчисленные амфоры
 с вином и горы поросят молочных.
 И если я пиит
 подобного пошиба,
 то прекрати дурдом
 рыдания по мне,
 и час придёт заняться
 безумствами иными.
 Но никакому ремеслу я не обучен,
 Потому, берусь за самое простое
 – за замес детей.
 А ну-ка запиши,
 Я гениальный
 детей клепальщик.

**ЖЕНЩИНЕ, ЖАЖДУЩЕЙ МЕНЯ С
МЛАДЕНЧЕСТВА**

Человеки, у которых нет любви
 к людям, засыпают,
 я сплю всего три часа за ночь,
 но это совсем не значит,
 что я люблю вас,
 все чокнутые этого мира.

Мне нравится женщина,
 которая не дремлет
 даже тогда, когда я проваливаюсь в глубокий сон,
 но эта женщина носит имя,
 которое страшно произнести,
 его можно только выдохнуть шёпотом
 на родном языке:
 имя ей – смерть.
 Мне следовало бы любить её,
 ведь и она любит меня
 с моего младенчества.

ДВЕ ПАРЫ ЛОШАДЕЙ

Грохочет буря,
 Пахнет крахом
 И заткнут рот,
 Вой рвётся из груди.
 Две пары лошадей
 Пронесётся по небу,
 Подстёгнутые молнией.
 Горячий конь
 Швыряет мне подкову
 с гвоздями.
 Вспыхиваю я,
 как дуб,
 грозой прощённый.
 Пахнет кровью
 и порохом.
 Готов добратся я
 на собственной зловещей колеснице
 до бойни адовой,
 где ждут меня,
 чтобы вписался я
 во фреску на стене.

ПОД КОЛЁСАМИ КОЛЕСНИЦЫ

Не моя это гордыня
 выставлать напоказ свои стихи,
 и слава меня не прельщает.
 Я, как и вы,
 горилла,
 жадная до сенсаций,
 и уверен,
 что в тех строках
 нуждается женщина,
 прекраснее
 прежних возлюбленных.
 С некоторых пор я злоупотребляю
 жратвой,
 и для многих я – бездонная бочка.
 Несутся по моей физиономии
 распряжённые колесницы,
 а я, как бык, реву,
 под её колесами.
 Хоть бы явилась какая-нибудь
 женщина,
 и я откажусь
 от этих проклятых стихов.

ЦВЕТОЧНЫЙ БАЗАР

Цветы – это улыбка земли
 и невесты ветра,
 и ложе для ленивых рос
 и возлюбленные пчёл,
 и один из видов ублажения
 кокетливых женщин.
 О, нежные ландыши
 с цветочного базара,
 с вашими неодолимыми чарами притяжения!

Вы и сейчас бросаете меня в дрожь,
 и у меня отвращение к цветам,
 потому что когда-то
 я бедным студентом проходил здесь,
 влюблённый в одну сокурсницу,
 и зазывали цветочницы хором:
 – Эй, кавалер,
 не скупись, купи букет
 своей барышне, свежей, как цветок.
 Но у меня не было ни гроша в кармане.
 Давненько это было.
 Краснею и теперь, проходя мимо цветочного базара,
 Есть деньги у меня, но кому предложить цветы?
 Как лепесток сорвалась студентка.
 И зачем винить сейчас цветочниц?

ОДЕЖДА НАПРОКАТ

Я не чувствовал бы себя лучше,
 Если бы мои башмаки
 Были из тигровой шкуры
 Или из телячьих хвостов.
 Я не чувствовал бы себя лучше,
 Если бы моя одежда была из льна,
 Хлопка или шёлка.
 Я не чувствовал бы себя лучше,
 Если б приделся
 И натянул бы на себя,
 Как рубашку,
 Всех женщин мира.
 Я был бы счастлив родиться в рубашке
 Но никогда – в облачении Бога.
 Вы не можете себе представить,
 Как тесна ему
 Наша одежда напрокат.

ГАДАНИЕ

Все шатры останавливались
 На околице моего села
 Налетало вихрем гадание на девушек-невест
 Для предсказания неведомой судьбы.
 Нет, замуж они не выходили,
 но знаю, что кудахтали куры
 и цыганки уносили все яйца
 из гнёзд села
 за пару слов утешения
 и надежды.
 Да и как было выйти замуж девушкам,
 если одни парни воевали,
 а другие уже пересчитывали свои косточки
 под просторными коврами трав.
 Все понимали,
 что гадание – грех, напасть,
 но в отсутствие запаха
 мужского пота
 это гадание
 приносило лёгкое
 дуновение любви.

ИГРА

Нелепые и прекрасные игры
 в садах с соседскими девушками.
 Я папа, а ты мама.
 Сначала учишь меня укачивать детей
 из кукурузных початков,
 обёрнутых шелковистыми прядями,
 чтобы затем, тоже ты,
 намного старше меня,
 уже заканчивающая начальную школу,
 давала мне уроки,
 как всё-таки делаются дети...

Благодарю тебя, барышня-учительница,
 что я освоил хорошее дело,
 но до сих пор меня охватывает
 грусть падения,
 что игра наша была глупой
 и ни один жених не упадёт с небес,
 чтобы взять тебя в жены.

Перевод Мирославы Метляевой

Илья Левяш¹
БАЗОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ
КУЛЬТУРЫ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА,
ДИНАМИКА

Под таким заглавием недавно вышло в свет двухтомное исследование автора этих строк. Нижеприведённый текст представляет собой предисловие к названной книге, адаптированное для журнального («облегчённого») варианта.

* * *

В предлагаемой читателю книге в развёрнутом виде представлена концепция культурно-цивилизационных универсалий, которая ещё в форме *ab ovo* (*лат.* от яйца) изложена в гл. 5 «Культурологии» (Изд. 5-е. М., 2004). Преемственность между этими изданиями – не только тематическая, но и концептуальная. Это прежде всего существенное различие между *космосом* и *логосом* культуры / цивилизации. Первый является объектом *культуроведения*, более известного как «теория и истории культуры», второй – предмета *культурологии*, или культурфилософского знания мира человека и человека в мире, ценностно-смыслового ядра его деятельности.

Унаследованный из учебников времён «воинствующего материализма», как и его антипода – «воинствующего идеализма», вопрос о том, что в этой деятельности «первично» или «вторично» – это вопрос «яйца и курицы». Читатель без труда может убедиться в том, что ручка, часы или компьютер – это материальные предметы, но

«явленные» как предшествующая духовная потребность в их создании. Если Дж. Вико писал, что «порядок идей должен следовать порядку вещей», то не менее верно и обратное: порядок идей следует за порядком вещей. Проблематично, что «в начале» было Божественное Слово, но очевидно, что человеческое начало всех начал – это *практика*, или нерасторжимое единство материального и духовного. Реально она предстаёт как *субъектно-объектное* отношение.

В таком контексте *культура* – это «царство свободы», субъектная и «становящаяся», динамическая человеческая деятельность, творческий и ценностно ориентированный процесс реализации способности человека к направленному на общественное благо социальному освобождению; в конечном счете, к человекотворчеству. *Цивилизация* же – «царство необходимости», объектная, опредмеченная и относительно «ставшая» сторона человеческой деятельности, «застывшая культура», совокупность её результатов. По А. Тойнби, «культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации».

Однако не менее непреходящая реальность «схвачена» Ф. Ницше: *«Культура contra цивилизация*. Высшие точки подъёма культуры и цивилизации не совпадают... Цивилизация желает чего-то другого, чем культура: может быть, даже чего-то прямо противоположного... *От чего я предостерегаю?* От смещения... средств цивилизации с культурой». Тем не менее, в современной литературе далеко не реализована отмеченная О. Шпенглером способность «отделить взаимно друг от друга проникающие комплексы форм культурного и цивилизационного сосуществования».

Недопустимость такой подмены смыслов стала очевидной после «цивилизованного варварства» двух мировых катастроф XX столетия. Его грозная тень в экстреме американской трагедии 2001 г. и российских «Норд Оста» и Беслана с чудовищной силой напомнили предупреждение А. Камю о том, что «варварство никогда не бывает временным». Только *примат культуры над цивилизацией* является гарантом укрощения «человеко-зверя» (Ницше), не говоря уже о человекотворчестве. И, напротив, самодостаточность цивилизации, – предпосылка её варваризации – кризиса, тупика и, в конечном счете, катастрофы.

Таким образом, культурфилософская проблематика заключена в пределах полисемантического *треугольника «культура – цивилизация – варваризация»*. Поскольку «...не существует никакой “беспредпосылочной” науки» (Ницше), знание этого непреходящего и «осевого» противоречия покоится на осознанном и последовательном применении определённых общенаучных *принципов*.

Незаменимая предпосылка предметного определения «природы вещей» – это принцип *экономии мышления*, или «бритвы Оккама»: «Не следует умножать сущности без необходимости». Это требует «отсечения» несущественного, второстепенного и кристаллизация существенного, стержневого в изучаемом феномене как системно-динамической и синергичной целостности. В социуме таким ядром является основанная на универсальных ценностях творческая и динамическая активность человека – «автора и актёра собственной драмы», и это требует его осмысления на основе *деятельностно-гуманистического* принципа.

Человеческая деятельность – всегда конкретно-исторический процесс, и многие творцы и теоретики культуры, образно говоря, служат двум богам – богине истории Клио и богу высшего смысла – Логосу. Иными словами, исходят из круговой взаимосвязи *исторического* и *логического*. По Н. Чернышевскому, «без истории предмета нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории». Культурфилософия – далеко не история культуры и цивилизации в «чистом» виде, а их концептуальная модель как продукт *примата логического над историческим*. Но и он не самодостаточен. Культурфилософия – не сова Минервы или птица средневекового немецкого художника Пауля Клея – странное существо, устремлённое туловищем вперед, но с повернутой вспять головой. Культурфилософская рефлексия универсалий должна быть единством логического, исторического и *прогностического*. Полнота и глубина постижения смыслов универсалий, изложенных в работе, обеспечивается предложенным в тексте синтезом классических источников с новейшими достижениями и нерешёнными проблемами мировой и отечественной культур-философской мысли.

Отмеченные методологические принципы (и связанные с ними семантико-семиотический, компаративный, герменевтический) всегда проходят испытание между Сциллой жесткого доктринёрства

«философов одной книги» (Фома Аквинский) и Харибдой бесхребетного, в духе «чего изволите», релятивизма. С одной стороны, следует остерегаться уподобления персонажу Ф. Достоевского, который «весь-то... на принципах, как на пружинах; повернуться по своей воле не смеет», и всегда учитывать его предупреждение в духе античной мудрости: «Всё переходящее через меру» – «это болезнь». Любой принцип, писал Ф. Ницше, «правильно отчеканенный и отлитый, требует не простого прочтения», а «... *истолкования*, для которого требуется особое искусство». С другой стороны, ещё не редкость философия, которая, говоря словами Л. Шестова, «всегда любила занимать служебное положение. В средние века она была *ancilla teologiae* (лат. прислужница богословия), в настоящее время – она прислужница наук. А называет себя – наукой наук». У нас будет достаточно оснований для рассмотрения не только сущности, эволюции и роли универсалий, но и их отрицания в откровенной или таящейся *беспринципности* в духе чеховского персонажа: «Она верит в принципы, но думает, что они обязательны для всех, кроме неё, так как живёт при исключительных условиях».

Отмеченными особенностями книги определяется её содержание и структура. В виде голограммы они представляют собой *древо*. Его корневая система – сущность и технологии базовых универсалий, рассмотренных на культурфилософском уровне. Глубинный исток и полифония их содержания представляют собою основные сферы культуротворчества. Далее структурная целостность универсалий развёртывается в динамике преемственности и приращении «колец» древа культуры / цивилизации, их эволюции от эпохи к эпохе. Наконец, интегральный смысл этого древа обсуждается в контексте базовой оппозиции «универсализм – партикуляризм» и преимущественно в оптике Современности и её основных вероятностных тенденций.

Часть I «Смысл и структура базовых ценностей» – это культурфилософская интерпретация ответа на непреходяще значимый вопрос, который мифическая Сфинкс задала Эдипу. «Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы? – писал Ницше. – ...Кто из нас здесь Эдип? Кто сфинкс?». Сфинкс и Эдип – это *один и тот же* Человек (как впоследствии Фауст и Мефистофель) в разных ипостасях – своего существования и вопрошания о его смысле.

Деятельность человека, в отличие от адаптивной, одномерной и застойной жизнедеятельности животных, характеризуется: *творчески-преобразующим*, или плодотворным характером; *универсализмом*, способностью творить по мере любого вида в масштабах истории; *динамизмом*, высокой интенсивностью человеческой жизни, её устремлённостью в будущее. В конечном счете, это человекотворчество.

Однако не всякое производство является творчеством. Стереотипно воспроизводимый способ производства – это *цивилизационная* практика. Совсем иное дело – творение, совершенствование и, в конечном счёте, смена менее зрелых способов производства более совершенными. *Творчество* – это имя *культурной* практики, её высшая форма, способность к самореализации сущностных сил человека путём непрерывной реконструкции его внутреннего и внешнего мира, созидания общественного богатства, и прежде всего – духовного богатства человека и его отношений с миром.

Целостность этого богатства обуславливается, прибегая к метафоре И. Канта, с одной стороны, «звёздным небом надо мной» – закономерностями «первой» и «второй» природы человека, а с другой – «моральным законом во мне», или «третьей» природой человека, его способностью творить мир «вещей и идей» постольку, поскольку он творит мир ценностей и смыслов.

Ценность – это «элементарная клеточка» человеческой деятельности с присущими ей значениями и смыслами, и *аксиология* (от греч. *axio* – ценность) – незаменимая форма философского постижения этого мира. *Ценности* – любые феномены (вещи, структуры, процессы, поступки), которые значимы для человека в связи между их объективными свойствами и потенциальной, а в практической деятельности – реальной, способностью удовлетворять его потребности, служить достижению желаемых целей. По Ницше, «ценность для жизни является последним основанием», и «тот, кто вне ценностей культуры, подобен умирающему от жажды посреди моря». Поэтому, пишет британский социокультуролог З. Бауман, «скажите мне, каковы ваши ценности, и я скажу вам, какова ваша идентичность».

Человеческие ценности бесконечно многообразны, и «по горизонтали» они дифференцируются по сферам деятельности, а «по вертикали» интегрируются в их смыслы. *Смыслы* – это вершины пирамиды ценностей, и человекотворчество, в конечном счете, есть

обретение смысла. «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» (Достоевский). Смысл жизни фокусируется в предельно общих понятиях – *универсалиях* (лат. *universalis* – общий), которые в символических формах выражают невидимые и неосязаемые, но реальные и фундаментальные связи и приоритетные ценности прошлого, настоящего и будущего, соотношение двух Градов – сущего и должного, «дольнего» и «горнего» миров.

Ценностно-смысловой космос универсалий – многообразный, как мир человека, и всё же обладающий целостным логосом. Для него характерны: системообразующее ядро смыслов добра и зла; иерархия ценностей – от элементарных норм до высших из них – идеалов / смыслов. Они играют роль архетипов – прообразов, образцов, первичных моделей мышления и поведения, в терминах психоанализа – структурных комплексов «коллективного бессознательного». С их помощью сознание осваивает устойчивые связи реальности и ориентируется в ней. Отсюда *сакральный* (не обязательно религиозный) характер ценностей как ориентаций «дольного», несовершенного мира на «горний», совершенный. Задача культуры – не окончательное достижение совершенства, а *реальное* движение к нему.

Культурно-цивилизационные универсалии – это древо ценностей. Их «элементарной клеточкой» являются нормы – «поводыри» ориентации человека в повседневной жизни. Обретая в опыте приоритетную значимость, они играют роль императивных максим. Наиболее ёмкая из них и «сквозная» на всех уровнях жизнедеятельности человека – максима противостояния добра злу, и результативность такого противостояния зависит от понимания смыслов и взаимопревращений добра и зла. Не менее значимая проблема – не только знание, но и творческая способность к реализации универсальных норм и максим в практической жизни. Отсюда – непреходящая востребованность проблемы *технологий* универсалий – от простейших среди них – табу, через стимулы и мотивы, до самой совершенной в культуротворчестве – совести.

В космосе культуры отчётливо выделяются и играют смыслообразующую роль такие базовые универсалии, как Эрос и Танатос, Миф (в трансформированном виде – мифологема) и идея Бога. Благодаря им возник весь символический мир культуры / цивилизации, и они продолжают играть роль их «вечного двигателя». Анализ триады этих

универсалий настоятельно необходим не только по существу дела, но и в контексте кардинальной переоценки ценностей в духовной ситуации постмодерна с его отрицанием не только любых «метаповествований», но и прежде всего целостных сакральных смыслов. Тем более настоятельно обращение к ним.

В целом культурно-цивилизационные универсалии – это «скала ценностей» (Г. Померанц), и зрелость культуры, в конечном счёте, зависит от её творческой способности к обогащению их целостности, способности к воспроизводству универсалистского космоса в целом.

В части II «Сферы культуротворчества: великая триада» человек и его мир рассматриваются под углом зрения мудрости Екклесиаста, для которого «нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими» [Еккл. 3: 4]. Дела человеческие – это «бездна, звёзд полна», и с позиций «бритвы Оккама» необходима их минимизация в теоретической модели универсальных сфер человеческой деятельности. Вначале такая модель возникла как *морфология* культуры (О. Шпенглер). В известных пределах, как метафора, «морфологическое» постижение культуры приемлемо, и в этом смысле К. Маркс писал о социуме, как о организме, и его «анатомии».

Современное социально-гуманитарное знание в целом вписало организационные представления в более адекватную системно-динамическую и синергетическую (греч. *synergeia* – сотрудничество, содружество) картину мира, и в её контексте более точна постановка вопроса о *структуре* культурно-цивилизационной деятельности. С таких позиций главное – это выяснение *ядра* её структуры и способа его взаимосвязей с своими компонентами, как и, в свою очередь, их друг с другом. Такое «сотрудничество» обуславливает целостность становления, функционирования и развития системы.

Структура культурно-цивилизационной деятельности многомерна. «Душа человека, – писал Гегель, – велика и обширна, истинный человек носит в себе много богов... весь Олимп собран в его груди». Рассматриваемая в самом общем виде, деятельность представляет собой совокупность родовых *субъектов* (гендерных, генерационных), исторически определенных *типов* (прежде всего «осевых» культур) и *сфер*, или своих пространственно-временных структур. Субъекты

и типы рассматривались в специальных главах моей книги «Культурология» (2004). Открытой для системно-синергичного постижения остается *сферная* проблематика.

Что же является демиургическим «*последним основанием*», *ядром* и *генератором* культурно-цивилизационной деятельности? В основании проблемы – антропологическое, изначальное и безотносительное к «обстоятельствам» (общественным условиям) *противоречие между свободой от труда и свободой в труде*. В видении труда как человекотворчества, реализации свободы вопреки отчуждению, ни один общественный строй, включая экономцентристский современный мир, по существу не пошли дальше утилизации практической и теоретической культуры работников с точки зрения её *полезности*, но не как *самоцели* их свободного развития. Оно остаётся прерогативой не труда, а капитала, ныне свободного не только от труда, но и от управления в результате «революции менеджеров».

Однако, если в политической экономии человек труда – всего лишь функциональная «рабсила», в социологии – «главная производительная сила», то в культурфилософском измерении он – субъект и системообразующее *ядро-демиург* всего общественного богатства.

Трудовая культура – это совокупный интеллект и энергия производства общественного богатства, но *не хлебом единым* жив человек. Непреходяще определяющую роль играет не только природа, но и *способ взаимодействия*, или синергии, сфер культурно-цивилизационной деятельности на основе *примата культурных универсалий* – «единосущих» смыслов, ценностей и ориентаций человека творческого труда. Главным предметом анализа является *великая триада* – одухотворение материи в экологической, технологической и экономической сферах; её развёртывание в мире политики и права; наконец, воплощение в научной, нравственной и эстетической деятельности. Смысловым девизом этой триады остаются слова Экзюпери: «Быть человеком – значит знать, что, укладывая камень, помогаешь строить мир».

В предыдущих двух частях книги проблематика культурных универсалий рассматривалась в предельно широкой оптике постижения их триединой сущности и целостности многообразных форм. В части III «*Универсалии – от эпохи к эпохе*» раскрывается смысл

фундаментальной реальности: история лишь на определённом витке времени становится континуумом культурно-цивилизационных ценностей и, в конечном счете, обретает характер смыслов – идеалов выхода за пределы природного циклического существования, деятельностного и творческого прорыва к новому, должному способу бытия, т.е., в конечном счете, *власти над временем*. Это означает объективный характер парадокса: история человечества – *всегда время* как естественно-природная ценность, но время – *далеко не всегда история* как культурно-цивилизационная ценность и тем более – смысложизненный идеал. Отсюда – отмеченная Н. Бердяевым способность разных индивидов, социальных страт и даже народов в пределах одного физического времени жить не только «в разное время», но и на «разных планетах».

Тайна такого парадокса в том, что, по И.Г. Гердеру, «*каждое время* и *каждое место* живет *для себя самого*». Это требует движения мысли *от абстрактного к конкретному* – от структуры и динамики деятельности их субъектов вообще к её развитию в «обстоятельствах» конкретно-исторических эпох. Автор и актёр собственной драмы, человек всегда был и остаётся в том или ином конкретно-историческом состоянии противоречивого единства гуманизации и дегуманизации, освобождения и отчуждения. Не случайно Гамлет восклицает: «Что за мастерское создание – человек! // Как благороден разумом! // Как беспределен в своих способностях! // Как точен и чудесен в действии! //... Венец всего живущего!» – и вместе с тем: «Век расшатался – и скверней всего, // что я рождён восстановить его!». Примечательна мысль о решимости восстановить «расшатавшийся век». Гамлеты не только всегда верили в неё, но и – от века к веку – осуществляли на практике. Но всякий раз это был уже другой век, иная эпоха.

В пределах всемирной истории *эпоха*, в отличие от периодов или стадий, является предельно масштабным и ёмким хронотопом (целостной пространственно-временной структурой). *Характер* исторической эпохи определяется в решающей зависимости от *способа* деятельности. «К свободе относится не только то, чем я живу, – отмечал Маркс, – но также то, *как* я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это *свободно*». Отсюда – присущая каждой эпохе *мера* разрешения основного противоречия между гуманизацией / дегуманизацией, освобождением / отчуждением и

в результате – основная направленность развития ценностно-смыслового ядра этих процессов.

В философском ключе единство процессов в русле определённой эпохи или переходов от одной из них к другой принято рассматривать как эволюцию в *широком* смысле – эквивалент гераклитова принципа «всё течёт». Такое единство в культуре можно обозначить как социокультурную *динамику* (Конт, Сорокин), но, акцентируя её противоречивые ценностные смыслы, как развитие культуры / цивилизации. Принцип *развития* культуры – целостного процесса её количественно-качественных изменений – является ёмким концептом, который требует трансформации на языке специфических категорий. В этом ключе Н. Бердяев пишет о том, что «в истории, как и в природе, существует ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъёмы и спуски. Говорят об органических и критических эпохах, об эпохах ночных и дневных, сакральных и секулярных». Диалектический логос исторического времени культуры / цивилизации можно представить как связь «новаторских», «органических» («акматических») и «критических» («падающих»), «дневных» и «ночных» эпох.

Чрезвычайно полисемантический концепт «эпоха» требует корректного обращения с ним в целом гуманитарного, в том числе культурфилософского знания, ясного понимания возможностей и пределов этого понятия.

Во-первых, в пределах всемирно-исторического хронотопа эпоха – это крупнейшая пространственно-временная структура. Её характер обеспечивается господствующим способом деятельности, а системность – ценностным, смыслообразующим ядром, его прямыми и обратными связями с совокупностью своих элементов и подсистем. Такая ёмкая целостность эпохи может быть адекватно воспроизведена лишь путём синтеза формационной, культурологической и цивилизационной методологий.

Во-вторых, эпоха – это динамическая структура, процесс становления, развёртывания, расцвета, упадка и распада эпохальной системы. Глубинная причина этого процесса – в исторической мере соответствия / несоответствия способа деятельности, её смысложизненного ядра потребностям культуротворчества, его противоречивой взаимозависимости с цивилизационными результатами исторических

эпох. Этот процесс обеспечивает основную направленность развития эпох, ритмическую «повторяемость» их восходящих или нисходящих состояний.

Наконец, в-третьих, таковы определения эпохи как идеальной модели. Опора на неё позволяет избежать «объятия необъятного» практически безбрежного исторического материала и ориентироваться преимущественно на его *логос*. Вместе с тем, являясь необходимой логией выявления масштаба и основной направленности исторического процесса, эта модель требует конкретизации в контексте противоречивых реалий преемственности и отрицания с предшествующими и последующими эпохами. В фазах своего восхождения или упадка это всегда переходная эпоха, процесс становления как противоречивого взаимодействия утративших жизнеспособность рудиментов прошлого и набирающих жизненную силу зародышей будущего.

Такие выводы представляются необходимой преамбулой рассмотрения культурных универсалий с философско-исторических позиций, продвигаясь в «машине времени» от эпохи к эпохе. В современной культурологической мысли преобладает видение всемирной культуры / цивилизации в триединстве предельно масштабных эпох – «первичной», «вторичной» и «третичной», или, символически фокусируя их основные смыслы, – *Архе*, *Большой традиции* и *Большого Модерна*. Как результат эволюции, каждая из них включает в себя ёмкие и значимые в «узловой линии мер» подсистемы – *фазы* развития эпохи.

Высшая точка смыслового напряжения проблематики книги и вместе с тем её относительное завершение достигается в части IV «**В поисках идентичности: универсализм и партикуляризм**». Это объясняется отмеченной И. Кантом универсальной и антропологической особенностью человека как «индивидуального социального существа», противоречивым двуединством *universalis* и *particularis*, целого и части, обусловленным двумя взаимосвязанными факторами – потребностью человека в *самоидентификации*, осознании себя, и *идентификацией* – его узнаванием и признанием внешним миром.

Отсюда – недостаточность марксовской социологической редукции человека лишь к «совокупности общественных отношений». Не бесспорна и установка Ф. Ницше: «Вместо “общества” – культурный

комплекс – как предмет моего главного интереса (как бы некоторое целое, соотносительное в своих частях)». Впрочем, оба мыслителя – каждый по-своему – предпочитали «вместо» более ёмкое «вместе» и рассматривали человека как социокультурное существо в пределах «историко-культурного типа», или, прибегая к термину Н. Данилевского и О. Шпенглера, «коллективной индивидуальности высшего порядка».

В реальности индивид становится личностью, как индивидуальной мерой освоения и преобразования общественного богатства, и всегда принадлежит к определённому культурно-цивилизационному типу, или комплексу (КЦК). *Тип* культуры / цивилизации – это крупномасштабная модель общечеловеческой деятельности, и она обладает органической целостностью своего хронотопа, многообразия своих видов, уникальным смысложизненным ядром, его устойчивой воспроизводимостью, неповторимым стилем реализации, наконец, собственной историей.

Каждый из этих типов предстаёт как своеобразная идеальная (по Веберу) модель. Они нередко имеют *гетерогенный* (греч. heterogenes – разнородный) характер, и тогда их смысловое ценностно-символическое ядро, сохраняя системообразующую функцию, сочетается со значительной разнородностью своих компонентов. Иные типы обнаруживают тенденцию к *гомогенности* (греч. homogenes – однородный), или целостности, и обладающей высокой степенью однородности своих компонентов, консолидации вокруг своего ценностно-смыслового ядра.

Исходя из понимания творцов моделей культуры как «совокупных индивидуальностей», формируется и устойчиво воспроизводится типологический *стиль* моделей культуры / цивилизации – уникальная, внешняя и устойчивая формотворческая способность к выразительности способа и форм деятельности творящих их совокупных субъектов.

Среди многообразия КЦК заметно выделяются те модели, которые К. Ясперс определил как «осевые». Безотносительно к уточнению временных рамок, «осевые» культуры обладают отчётливо единообразной *структурой*. Её основными компонентами являются: а) творческая деятельность пассионарных субъектов; б) крупномасштабная духовная революция; в) народный менталитет и г) адекватные

им социальные институты. Различия в способах взаимосвязи этих подсистем обуславливают «лица необщее выраженье» каждого культурно-цивилизационного комплекса.

Взаимодействие «осевых» КПК далеко не сводится к синергии культуротворчества, далеко от благодати. Этот многотрудный процесс – всегда «любовь-ненависть» Единого и многообразного, общечеловеческого и партикулярного, их непрерывного переопределения. Это реальная драма *мутации* культурного мессианизма, свободный дух которого «веет, где хочет», в отношении к миру, как к *объекту*, нетерпимое, ревнивое и агрессивное навязывание ему своих ценностей. Имя ему – цивилизационное *миссионерство*, или основанная на идее превосходства и исключительности претензия «спасения мира» путём насильственной экспансии.

В этой части книги внимание сосредоточено на *внутренних* и *внешних* противоречиях «осевых» КЦК. Опираясь на оккамов принцип «экономии мышления», резонно сосредоточить анализ на постижении концентрированного выражения противоречий между универсализмом и партикуляризмом в оппозициях «Запад – Восток» и «Север – Юг».

Первая и по сути определяющая из этих оппозиций предстает в символических ипостасях: «*солярного*» и / или «*лунарного*» Запада и Востока; *рационального* аристотелизма первого и *иррационального* платонизма второго; устремлённой к свободе западной «*аполлонической*» личности и увлечённого хаосом *восточного* «диониссийского» индивида. В работе показано, что источник таких оппозиций – результат *абсолютизации* действительных особенностей Запада и Востока. Они не отменяют того, что, к примеру, Ф. Достоевский «учит открывать свет во тьме... (он) проводит нас через тьму, но не тьме принадлежит у него последнее слово... Сама тьма у него светоносна» (Бердяев).

Реальная проблема в том, чтобы выявить, существует ли адекватный способ синтеза индивидуального и общественного характера деятельности, в конечном счёте, личной свободы и социальной ответственности. В этом ключевом пункте – жизненном порыве к свободе *не от, а для, во имя* достойной жизни, смысл свободы «по восточному» *совпадает* с её западным аналогом. Такое понимание и – что важно – не как «идеальное», а деятельное переживание свободы, как

практического жизненного выбора, не сводимо к версии «неограниченной свободы». Его действительный хронотоп – *в динамике между мерой и безмерием*.

Идеал русских мыслителей – в таком социальном общении, которое, храня индивидуальности, создаёт их *духовную общность* вокруг подлинных ценностей. «Были бы братья, будет и братство», – подчёркивал Ф. Достоевский. В противоположность «механически-рациональной сборности» общинно-коллективистской структуры, соборность – это свободный духовный союз личностей с целью реализации совместного жизненного проекта. Но то, что для Н. Бердяева – уникальное свойство, в действительности – *универсалия*, всеобщая примета процесса восхождения от социализации к *культивированию* личности.

В действительности наши ценности и антиценности не антиномичны, а *комплементарны*, а опыт – позитивный и негативный – *однопорядковый*. «Пока свободой горим», перед «Западом» и «Востоком» в сущности одна историческая сверхзадача – сохранять преемственность со своими позитивными архетипами и обновлять их в синергии практических действий. «Свободой нельзя владеть, – писал К. Ясперс. – Изолированной свободы не существует. Поэтому индивидуум жертвует своей застывшей пустой свободой во имя той свободы, которая может быть завоёвана лишь совместно с другими. Такая свобода возникает только с изменением человека... она связана с характером коммуникации между готовыми измениться людьми». Действуя в духе этой максимы, можно достигнуть *coincidentia oppositorum* (лат. формула согласия).

Такая формула вполне может остаться продуктом схоластики и благим пожеланием, если она постигается вне реального хронотопа Современности, особенно «родовых мук» принципиально новых смыслов и существенно иных отношений, структур, технологий и ментальности, способных к кристаллизации в неизвестные ранее КЦК и взаимоотношения между ними. Отсюда – первостепенное внимание к *динамике* смыслового хронотопа «Запад – Восток», анализ беспрецедентного феномена нашего времени – «расщепления» Запада на *два* относительно самостоятельных культурно-цивилизационных типа – североамериканский и европейский. Перед Европейским Союзом стоит судьбоносный выбор между альтернативными способами

и технологиями утверждения своего универсализма – американизацией (вестернизацией мира) или европейскостью, в конечном счёте, между миссионерской цивилизацией и мессианской культурой. Даже Наполеон в конечном счёте признал, что в соперничестве между *духом* культуры и *мечом* цивилизации первый, в конечном счёте, побеждает. Не диктатура, а *культура*, общность её ценностей способна создать подлинно и неделимую *единую* Европу.

В этой связи императивно встает как будто традиционный, но в действительности обновлённый вопрос об отношении России к Европе: Россия – *внешняя* для Европы или объективная реальность – *европейская* идентичность России? В зависимости от ответа на этот вопрос культурно-цивилизационные различия между Россией и Европой обретают характер либо отношений с Другим-Чужим, либо в принципе снимаемых противоречий со Своим-Другим.

Начиная с Нового времени, «столбовая» российская самоидентификация символически выражается ясным самоназванием *русского европейца*, в котором органически слиты общеевропейский смысл и национальная «почва». Этот комплекс невозможно полностью преодолеть, но его можно минимизировать, начиная с понимания глубинной причины драмы. Эта драма кроется в объективном противоречии между евразийской цивилизационной «*почвой*» и европейской культурной «*солью*» России. Она не перестанет быть Евразией, но это предполагает осознанный выбор между разными по объёму и смыслу *содержанием и сущностью, тенденциями и их вектором*. Включая в себя Азию, Россия сопричастна к ней, способна к её пониманию и освоению именно как Европа. Как *культурный* субъект, Россия – не азиатская, а *европейская* Евразия, и в таком качестве принимается Европой как «Своё-Другое».

Вероятность такой эволюции заметно возрастает, если границы понятия «единая Европа» расширить до *паневропейского* масштаба. Если время «собирать камни», созидать действительно всеевропейский Дом, то его адекватная структура – не «единая» (читай – западно-европейская), а *триединая Европа*, неделимая общими интересами, ценностями и судьбой нашего старого, доброго континента. В этом ключе перспективен термин «*сверхцивилизация* (суперцивилизация)», которая объединит европейский континент «в единое цивилизационное пространство, т.е. в *Большую Европу*, являющуюся исторической,

политической, экономической и культурной реальностью». Перефразируя чеканную формулу М. Цветаевой: «Русь – прадедам, Россия – нам», время сказать: *Запад – прадедам, Европа – нам.*

Особую роль в строительстве триединой Европы способна и призвана сыграть *общехристианская* культурно-цивилизационная традиция. Однако вопрос св. Павла: «Разве разделился Христос?» остаётся открытым. Вопреки христианскому духовному универсализму, разделение «тела Христова» – Церкви на западное *католичество* и восточное *православие* – это грандиозная *ересь* в судьбах христианства. Католичество и православие – это «родные сёстры» (Иоанн Павел II), или *две ветви* христианства, но «Церковь перестали понимать интегрально, как вселенский духовный организм, ... как охристовленный космос» (Бердяев). Очевидна и болезненна мутация этого единого и неделимого космоса в партикулярного «национального» Христа. Европейское христианство не сможет ни сохранить свою идентичность, ни тем более – обновиться в традиционном режиме монологических мессианских / миссионерских концепций и практики и требует диалогического мышления, созидания *коммуникационной* модели диалога христианских конфессий.

В целом представленный в книге анализ отмеченных проблем показывает, что достижение *coincidentia oppositorum* возможно и необходимо, если исходить из фундаментальной мировоззренческой предпосылки: Запад во многом есть Восток, или признания «азиатчины» в западной традиции и современности, а Восток есть Запад, или признания зрелости восточной традиции и современности.

А Север и Юг? Эта проблема ранее скрывалась в тени традиционного господства Запада над миром, но в современных условиях «расщепления» и реструктуризации взаимоотношений «осевых» КЦК обрела характер фундаментальной и во многом грозной реальности. В её картине далеко «не все кошки серы», и каждая из них по-своему значима и заслуживает специального рассмотрения. Однако самый напряжённый и нередко трагический характер проблемы Север-Юг предстаёт в пассионарности одного из традиционно «осевых» КЦК – мусульманского мира. Его унаследованные и новые противоречия, их с очевидностью растущее влияние концентрируются вокруг обсуждаемой в книге проблемы «Ислам и исламизм: между фундаментализмом и модернизмом». В её пределах

мусульманство рассматривается как религия в широком смысле – образ жизни под углом зрения *соотношения универсализма и партикуляризма.*

Ислам – третья (после иудаизма и христианства) крупнейшая монотеистическая религия мира, и её ценности сформулированы на языке *универсализма.* Однако многие универсальные принципы воплощаются существенно иным образом, чем в ветхозаветной и новозаветной культурах.

В этом смысле «западный» и «восточный» фундаментализм по-разному соперничают с *консерватизмом,* который повсюду исходит из необходимости *эволюции* общества на основе «готового замысла», но в конкретно-жизненном динамическом контексте. Это ориентация на органический путь не просто сохранения, а *модернизации* объективно существующих и укоренённых культурно-цивилизационных архетипов. Отмеченных в анализе сдвигов в исламском мире достаточно для констатации реальности модернизации, и важно, что она освящается на *ценностно-смысловом* уровне готовностью к реанимации и обновлению позитивного потенциала традиционной арабской культуры, открытой миру и готовой к «диалогу цивилизаций».

Если бы исламский мир по преимуществу руководствовался универсалистскими ценностями «диалога цивилизаций», в котором есть достойное место и великой арабской культуре, то это было бы освобождением её мессианского культуротворческого потенциала. На практике такой вектор блокируется противоположным – исламской «консервативной революцией». Имя такой ориентации – *исламизм.* Если «ислам – это решение», то исламизм (не путать с исламом!) – это *политическое* решение внутренних и внешних проблем исламского мира, миссионерское навязывание ислама миру самыми *радикальными* средствами.

Исламистский радикализм во многом адресован внешнему миру, и является не единственным, но ныне самым очевидным и массивным феноменом обострения *межцивилизационных* противоречий. Его вероятность настолько реальна, что специального анализа заслуживает рефлексия этой проблемы американского культур-политолога С. Хантингтона. Его версия «конфликта цивилизаций» – не просто метафора или концепт, а развёрнутая концепция, от которой отправляются (явно или не явно) могущественные силы. Они исходят из его

постулата: «Линии разлома между цивилизациями станут линиями сражений будущего».

Хантингтон – зеркало мировой революции, имя которой – *модернизация* мира и связанный с ней процесс *глобализации*. Но Кассандра признает, что «мир в своей основе становится всё более современным и всё менее западным». Такое признание «дорогого стоит», и оно объясняет его во многом убедительный компаративный анализ различных КЦК. Этого нельзя сказать о методологической неспособности Хантингтона к различению культуры и цивилизации, «расщепления» Запада, неопределённости в идентификации России, его навязчивом «образе врага».

Как отмечают многочисленные критики, из внешне культурологического анализа Хантингтона «торчат уши» по-маккиавелевски понятой *геостратегии*, в которой цель оправдывает любые средства. Среди таких современных средств одно из наиболее безотказных – крупномасштабные провокации типа «гуманитарных интервенций» с «цивилизационной» мотивацией и, конечно, с благими намерениями. Концепция «конфликта цивилизаций» – весомый аргумент в этом русле. «Эта теория опасна, – ведь в уважаемые учёные одежды она облакает глубоко укоренившиеся предрассудки против других культур и рас» (Бертрам). Универсализм Хантингтона – фактически западный, *партикулярный*, а priori вменяющий презумпцию невиновности не-западного мира. Поэтому Хантингтон – не легитимное дитя Просвещения, а его концепция – плод *пост*просвещения, разочарования в универсалистской природе человека.

Такое разочарование «во плоти» предстаёт в знаке глобальной беды, которая в книге обозначается термином *Терроринтерн*. В работе показано, что современный международный терроризм, напоминающий генеральную репетицию Апокалипсиса, – в действительности один из древнейших архетипов человеческого бытия. С одной стороны, заповедь «*Не убий*» стала рубликом окончательного *очеловечивания* человека, его выделения из естественного состояния звериной «войны всех против всех». Однако сам Творец, похоже, свободен от этого табу, начиная от символического истребления города, в котором менее десяти праведников, и убийства Авеля его братом Каином. Если Бог, в конечном счете, «призрел» убийцу и оградил его своим покровительством, то это вызывает сомнения в универсализме Ветхого завета,

а его лейтмотив «избранного народа» провоцирует к террору против «неизбранных».

Террор – это война, но действительная проблема в том, *какая война? Во имя* чего и *как* она ведётся? Террор, конечно, имеет свои социально-исторические и психологические предпосылки (эксплуатацию, ущемление достоинства и т.п.), но его антропологический корень в том, что, по Достоевскому, «начав с неограниченной свободы, я завершаю неограниченным деспотизмом». Террор – отравленный плод безграничной свободы как «перевёртыша» тотального отчуждения пассионарных индивидов. Этот процесс происходит далеко не автоматически, под постоянной угрозой расчеловечения, выхода дионисийства из-под контроля, освобождения «зверя» – варваризации. Такое состояние противоположно тому, которое теоретик постмодерна Ж. Бодрийяр определяет как «имплозию» – взрыв не вовне, а внутрь, не распространение взрывающегося вещества на окружающее, а его провал в себя и уничтожение. В терроре, взрыв направлен *вовне*, потому что расчеловечиванный индивид обвиняет в своей имплозии не себя, а мир.

Такова «элементарная клеточка» террора, и её микромодель позволяет проследить в генетическом и структурно-динамическом планах терроризм как *сеть* самых разнообразных субъектов и агентов. В целях определения его места и роли во внутри- и междивизиационных противоречиях в работе выявляются специфика, взаимосвязь и эволюция *государственного* и *группового* терроризма, а также его сямского близнеца – исламистского терроризма, обсуждается проблема путей и технологий их нейтрализации.

Один из наиболее значимых путей в условиях модернизации мира и вместе с тем противостояния этнонациональных идентичностей их нивелированию – это разрешение дилеммы *ассимиляции* или *мультикультурализма*. «Последним основанием» этой дилеммы является кризис универсализма Модерна как «неоконченного проекта», его неспособность совместить жизнестойкость древа становящейся глобальной цивилизации с «цветущей сложностью» культур, их апелляция к постмодерну как альтернативе «диктатуре Единого» (Ж. Бодрийяр).

Мультикультурализм – это радикальный вариант такой альтернативы, который, как показывает опыт, влечёт к Вавилону – либо к

неспособности сформировать единую национальную идентичность в мультиэтническом «котле» (США), либо к разрушению региональной или национальной идентичности (Западная Европа). В работе показано, что подлинная альтернатива заключается в реализации права индивидов и этнических групп на *свободный выбор* между ассимиляцией и «плюриверсализмом», то есть на реальную «демократию культур», в которой все культуры сохраняют право на существование (Латуш). Это «двухуровневый подход» (Бенхабиб), способный обеспечить жизнестойкость национальных культур в условиях самой широкой этнокультурной автономии.

В более ёмкой оптике глобализации мира это обсуждаемая в заключительных разделах книги проблематика *цивилизационного синтеза и культурного плюрализма*. На пути её решения – поиск позитивной альтернативы «конфликта цивилизаций», принципиально новый подход к смысловым *фронтирам* (англ. frontier – буквально «рубеж», «граница») между ними не как к традиционным пропастям, а мостам, взаимопроникновения различных культурно-цивилизационных ценностей практик. Глубинным основанием этого процесса может стать выработанное в философии Ф. Достоевского принципиальное различие между *общечеловеком* – агентом единой цивилизации и *всечеловеком* – субъектом не только национальной, но и мировой культуры.

Формулой прогресса становится мега-цивилизация как *однотипная*, основанная на планетарной синергии, *предпосылка* свободного развития, многообразия и «цветущей сложности» культур. «На дворе» – новое тысячелетие, которое императивно взыскует «возврата» к модели человекотворческого «осевого времени», её принципиального обновления на основе *примата культурных универсалий* – «единосущих» смыслов и ценностей. Главная из них заключается в том, что «Человек – общая мера народов и рас» (Экзюпери).

В конечном счёте, изложенная в книге авторская интерпретация сущности, структуры и динамики культурных универсалий – это не плод их «конструирования», но и не согласие со Спинозой, требующим «не плакать и не смеяться, а понять». Судьба культуры и цивилизации настолько драматична, а нередко и трагична, что стремление завлечь читателя даже самой грандиозной интригой оказалось бы не только избыточным, но и препятствием к тому, чтобы *понять*. И если

понять возможно только «плача и смеясь», то это означает сознательное обращение автора не только к претендующим на позитивистскую «бесстрастность» академическим кругам, но и к самой широкой аудитории – студентам, магистрам, аспирантам, преподавателям, ко всем, кто сопричастен к драматической судьбе современной культуры.

В этом смысле автор убежден, что «схоластика повадки напоминают ошалевший скот, // который мечется кругом в припадке, // а под ногами сочный луг цветёт» (Гете). Только *практика* способна подтвердить или поставить под сомнение жизнеспособность предложенной в книге концепции культурных универсалий. Завершая, можно выразить надежду, что, если мой читатель и собеседник, освоив эту книгу, станет несколько *иным*, наш совместный труд не будет напрасным. Изначальный замысел – содействовать формированию культурфилософского знания универсалий, потребности в их оптике познавать мир и себя и – с обретением этой способности – в неустанном труде интеллекта и души. Но «конечная» цель – развитие творческой способности к *самостоятельной*, свободной и мудрой ориентации на *примат культурных универсалий* в гераклитовом потоке жизни, наше «соборное» противостояние варваризации цивилизованного мира.

Ирина Цвик ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ПРОЧТЕНИЮ КЛАССИКИ

Попытки каждой эпохи по-новому подойти к исследованию известных классических образов мировой литературы весьма примечательны. Наиболее известные в этом плане опыты были «проделаны» с двумя «вечными героями» – Гамлетом и Дон Кихотом. Одному из них резкую оценку дал Тургенев в своей статье «Гамлет Шигровского уезда», усмотрев в мятушемся принце датском далеко негероические и непривлекательные качества: рефлексию, слабость, самомнение. Дон Кихот также не был обойдён вниманием – его обвиняли во многих смертных грехах, а также, что он –

самоутверждающийся эгоист, что автор высмеял иллюзии возможности борьбы за улучшение мира усилиями конкретного одиночки, что Кихот – глупец, не понимающий, что он миру не нужен, что ветряные мельницы, которым он объявил бой, – единственное, на что способен испанский идалго и, что, наконец, он доказал главную расхожую истину «благими намерениями устилается дорога в ад» (ибо таковы плоды вмешательства героя в жизнь людей). В свою очередь, и Писарев принял попытку ревизии даже... «Евгения Онегина». Стремление посмотреть на известную литературную историю и её героя с иной, парадоксальной точки зрения, небезынтересно – игра ума всегда привлекательна, хотя и здесь есть опасность перегиба: ради нового прочтения был выхолощен смысл, подменены понятия и искажено содержание.

Таких примеров не счесть. Тем более что тенденции толкования классики в зависимости от потребности общества, а скорее всего, её политической и властной элиты, обрушились на классическую литературу, уже в XX веке чуть ли не с самого начала его наступления.

Акмеисты и символисты то чуть ли не управляли общественным сознанием, то предавались анафеме за те же самые их произведения. То же случилось и с великими Толстым, Буниным, Набоковым, Булгаковым. Также немало имён, чьи произведения идеология стремилась приспособить к своим сиюминутным целям. Мифологизация идей и вождей, агрессивность лидеров революций, их крайности и заблуждения требовали инструментов обольщения толпы, тех миллионов, которые шли за ними.

Для создания необходимого продукта идеологизации масс искались в исполнители гении и таланты или, в крайнем случае, имитаторы, копиисты «великих полотен». И этот процесс использования нетленных произведений для нужд идеологического воспитания или перевоспитания общества длится и сегодня. Примером могут служить постановки русской классики, когда, желая её «осовременить», режиссёр делает трёх сестёр Чехова – зэчками на Соловках, а Анну Каренину – наркоманкой и т.д.

В начале 90-х появляются новые литературные «герои» – крёстные отцы, бандиты «без страха и упрёка», проститутки и «крутые» бизнесмены, но их «истории», воплощённые в литературу и кино, быстро надоели обществу. Понадобилось что-то более убедительное и вечное. И тут лихие литераторы, режиссёры телевидения и

«музиклов» снова на потребу своих интересов возвращаются к беспроектным образам, но... превращая их в узнаваемых «героев» современного общества. Любое возмущение надругательством над литературой и искусством поспешно клеймится позором «несовременности», «провинциализма» и, главное, и самое «страшное» – «неевропейским, незападным мышлением», подавлением свободы слова и творчества. Общество поменяло эталоны и ценности, искусство и литература стали «жертвенными коровами».

Конечно, стремление к новому прочтению связано и с тем, что в советский период оценка того или иного произведения и героя давались однобоко, всё рассматривалось с точки зрения революционной классовой необходимости, без желания вникнуть в смысл, в подтекст, не говоря уже об эстетическом подходе. Естественно, с начала 90-х годов пошёл процесс пересмотра некоторых позиций в литературе XIX–XX веков, чтобы «очистить» литературу XIX века от романтизма, а литературу XX века – от идеологизма и политической ангажированности. Крайности в общественном сознании рожают другие крайности, естественное стремление изменить жизнь и её идеи, а, значит, и подходы к литературе и искусству привели к тому, что «с водой выплеснули и ребёнка».

В этой связи интересно рассмотреть трактовку романа Н. Островского «Как закалялась сталь», исключённого из программы как социалистическое, идеологичное и т.д. Вначале героя видели идеалом советского человека, комсомольца, коммуниста, в годы перестройки из него, наоборот, сделали абсолютную схему, «выпустили» живую кровь и т.д. Сейчас мы наблюдаем третье прочтение романа и трактовку образа: жизнь Корчагина – это история большевистского Христа, с одной стороны. С другой, – критик Анненский говорит, что автор «фантастически точно записал умостояние святого человека, одержимого отсутствующим Богом». Его книга – это житие атеистического святого. Советские критики прошлого пришли бы в ужас от таких оценок, а подростки настоящего не готовы к литературе о жертвенных земных подвигах во имя романтического идеала.

Островский, конечно, свято верил в коммунизм, но это была именно вера, а не партийный расчёт, и в основе этой веры – понятие о всемирной справедливости и одержимость борьбой за неё, – так сегодня осмысливают автора и его роман. Философ и неканонизированный

великомученик священник Флоренский точно определил такую суть вещей: «Вера – это не познание истины, а служение ей».

Не утихают споры и над трактовкой пьесы Чехова «Вишнёвый сад». Образы не раз переосмысливались, переоценивались; большие метаморфозы происходят с героем драмы Лопахиным, в котором раньше видели рвача, дельца, погубившего красоту вишнёвого сада, потом в нём разглядели влюблённого в Раневскую героя, искренно пытавшегося спасти – нет, не красоту, а имение для любимой женщины, а затем – это рационалист, прагматик, деятельная активная личность, более привлекательная, чем «уходящие натуры», живущие бездумно, непонятно как, непонятно зачем, рефлексирующие и эгоистичные. Да, они не предают красоту сада, а что толку от этого? Да, они не участвуют в его уничтожении, но это слабое утешение, – их чувства к чему бы то ни было с трудом можно назвать любовью. Правда, вульгарная социологизация образа доводила до того, что Лопахина провозглашали чуть ли не провозвестником нынешних героев бизнеса (как и П.И. Чичикова, к слову).

Показателен также и процесс меняющихся интерпретаций прозы Шолохова. В советский период эпопея «Тихий Дон» – это апофеоз борьбы большевиков с «контрой» за правое дело и замечательный историко-этнографический роман, главного героя которого можно и пожурить (что и делалось) за его метания и сомнения. Сегодня, по словам критика Сухих, мы читаем об одиссее казачьего Гамлета, находим в этом непревзойдённом романе и сокровенное слово о правде и её поиске, и семейную сагу, и философско-экзистенциальную притчу, где судьба казака становится метафорой человеческого удела.

В романе побеждает общечеловеческая правда, но даже там, где побеждает партийная догма, как в «Поднятой целине», сегодня тоже можно разглядеть черты человеческих судеб. Сейчас можно лишь удивляться, как цензура пропустила эпизоды раскулачивания, которые намеренно описаны как разбой, грабёж, издевательства, а вовсе не как справедливый, якобы, акт наказания «кулаков-мироедов». Сегодня нам уже известны письма-протесты Сталину против жестокостей раскулачивания, в которых Шолохов описывает преступления против крестьян, известны и личные письма с аналогичным содержанием, наиболее красочные примеры из которых и были включены в роман.

Например: описание сцен обобществления скота, которые Шолохов видел лично и о чём возмущённо писал ещё в те годы. Для этого нужно было определённое мужество. Но интересно то, что, читая эти сцены ранее, их воспринимали как естественные, правильные картины великого процесса, и лишь сегодня послание писателя прочитано и понято адекватно тому ужасу, который он пережил.

Шолохов в жутких и образных картинах показал, что это было за время. Этот пример учит нас смотреть и видеть, слушать и слышать, уметь дать точную и адекватную оценку происходящему, а не соглашательству, умению принимать безоговорочно спущенное сверху мнение.

За последние годы многие оценки, как мы видели, неоднократно менялись, и слепое доверие к критике давно утрачено. Именно ровно 20 лет назад началась большая и беспощадная переоценка, а иногда и уценка литературных текстов XX века, и особенно критической литературы, созданной в прошлом веке и посвященной XIX и XX векам.

В статье В. Новикова «Освобождение классики» справедливо отмечено, что ныне писателей XIX века не станут гнать по трём этапам освободительного движения, а писателей XX века рассматривать с точки зрения их соответствия социалистическому реализму. В СССР революционная интерпретация классики сделалась принудительной. «История русской литературы XI–XX вв.» (1983): «Творческие достижения и открытия русского классицизма, сентиментализма, романтизма и особенно критического реализма... явились надёжным идейно-эстетическим фундаментом, на котором возник и сформировался социалистический реализм. Русская литература помогла формированию... советской многонациональной литературы». Но чуть позже классикам уже чуть ли не инкриминировали подстрекательство к революциям, «октябрьскому перевороту».

И, наконец, сложилась омертвляющая канонизация классики (особенно в школе и ВУЗе). Тот же Новиков предлагает следующие пути выхода из ситуации: а) уйти от тотально-нивелирующих характеристик к сложной многозначности; б) наметить непринуждённый контакт текстов, свободный диалог с классикой (тут нужно опереться и на Ю.М. Лотмана); в) использовать новые навыки эстетического анализа и оценки, а не только идеологический; г) разграничить собственно научные суждения о русской классике и метафорически-импрессионистические.

Нам думается, что продуктивным также можно считать сочетание собственно литературоведческого подхода к классике с её свободной критической интерпретацией (в т.ч. и в жанре эссе), прибавив и необходимый, с нашей точки зрения, анализ национальных особенностей характеров в произведении в целом.

Таким образом, предлагается не идейно-политический, а художественно-философский подход к восприятию и анализу художественной литературы.

Во второй половине 80-х годов и выделились два полноса критики классических произведений: социально-политический и религиозно-философский. Но обе эти тенденции имели объединяющую их черту: постижение мира через диалог интерпретатора с классиками, что давало интересные результаты. Но, считают некоторые критики, сегодня такой подход не всегда оправдывает себя, хотя, конечно, он и дал интересные результаты. Здесь надо предупредить и об опасности так называемого «осовременивания», когда критик стремится во что бы то ни стало интерпретировать классику в духе современных идей и эстетики.

Об опасности подобных, мягко говоря, неделикатных попыток осовременивания размышляют философы и литературоведы. Они привели удивительные примеры «новых» режиссёрских прочтений классических произведений.

Эти, с позволения сказать, «новые редакции», якобы, просто «помогают» дать классике новое дыхание, т.к. в своём первоизданном виде она «портит людей, оставляя их в старой традиционалистской ментальности». На самом деле, всё связано с другим явлением, далёким и от литературы, и от философии. Общество, лишённое в последнее время всех и всяческих духовных ценностей, ориентиров и эталонов, заполняет свято место другими идеями. Ведь оно не терпит пустоты. На потребу мгновенно «осовременившемуся» читателю, слушателю в массовом потоке предлагается то, что, по мнению авторов «вторичных жанров», и приблизит к цивилизации, к новым ценностям, образу мыслей и жизни. Но можем ли мы отдавать классику на поругание и потребу сиюминутной необходимости? Это уже вопрос о жизни и смерти духа общества и его существования. У времени свои законы, но литературная мысль и методика познания классики тоже должна находиться в исконном своём «правовом поле».

К какому итогу в этих заметках можно было бы прийти? Утверждая тезис о необходимости множественных подходов и осмыслений, помня, что великие произведения актуальны в любую эпоху, борясь с идеологизацией, догматизмом и ангажированностью в литературе, необходимо помнить, что нельзя буквально воспринимать известный афоризм: «каждый находит у Гомера то, что хочет». Надо постараться выяснить, что же хотел сказать сам автор.

Насколько мы имеем право домысливать, додумывать и приписывать свои часто доморощенные идеи известным произведениям? Имеем ли право остаться на «советских» подходах к литературе, когда не хотели, а часто и не могли увидеть глубинный смысл вечных истин, облечённых в сюжетные коллизии, когда читали лишь написанные слова, но не прочитывали заключённого в их сочетании смысла? Риторический вопрос.

*Ирина Цвик*¹

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И ТВОРЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Объективный исторический процесс глобализации, охвативший современную цивилизацию, проник во все направления жизни мирового сообщества, наполнив новым содержанием суть её развития. Но вовсе не отменил или, если хотите, не отторг тысячелетний опыт человечества. Многие общественные конструкции ушедших времён и сегодня играют роль фундамента и каркаса в «архитектурных» построениях современного общества. То там, то здесь человечество в своём развитии повторяет цитаты прошлого, его ремарки, опыт и ошибки. Время только наращивает мускулы на новых общественных формациях, наполняет их своей духовностью, эталонами и представлениями, одаривает инструментами созидания и развития. Но основополагающие их рефлексии – радость, страдание, любовь, ненависть, зависть, разрушительность и созидательность – эти продукты духа остаются всё теми же, лишь меняя векторы, изопрываясь в способах осуществления и целях. Поэтому-то национальный характер как главный проект духовной жизни того или иного общества,

сотканный из опыта эволюций, представлений и исторической данности, всегда лежит в основе развития того или иного общества. Именно он – главный мотор, приводящий в движение творчество и жизнедеятельность народов и наций.

Поэтому утверждения особо радикальных антиглобалистов о том, что этот процесс уничтожит национальное, духовное, творческое, или попытка выдать желаемое за действительное, или истерический испуг, который уже вспыхивал в безмерном опыте человечества. Знаменитый бунт против «злых машин» в старой Англии не остановил стремление к техническому прогрессу, не затормозил экономическое развитие туманного Альбиона и с неожиданной быстротой перебрался на многие страны Европы. Десятки тысяч людей остались без работы.

Но этот объективный процесс и спас человечество от голода и вымирания. Ту же неотвратимость несёт и глобализация уже в современной цивилизации. Естественно, этот процесс включает в себя и то, против чего выступают антиглобалисты. Но какова бы ни была «оборотная сторона медали» процесса, меньше всего другого он изменяет идентификацию народов, их национальное самосознание. Хотя такие споры длятся, и нет им ни числа, ни конца.

Процесс мирового общественного развития – суров и неумолим. За продолжение жизни человечества он требует великих жертв. И не в силах гуманистов остановить это движение. Единственная задача – найти меры, смягчающие удары объективного исторического шествия.

Нам необходимо определить круг проблем, которые требуют внимания. Одни положения будут предложены в качестве констант, другие – для дискуссионного обсуждения. Думается, не менее важно определить, какие вопросы не входят в тему нынешнего разговора.

Итак: **не** представлена проблема определения того, что есть национальный характер, как он формируется, однако исходный пункт определен – он есть, как и существует всё, что с ним связано; **не** обсуждается вопрос, на основе чего лучше всего исследовать национальный характер, а предлагается рассмотреть эту доминанту как феномен, позволяющий влиять на массовое сознание путём создания идеологических систем, художественно осмысленных, творчески и технически оформленных. Они настолько убедительны и творчески совершенны, что принимались сознанием как конкретный эталон, побуждение к поступку.

Соответствующая концепция овладевала общественным сознанием и подталкивала одних к совершению действий, а других – к одобрению их. Здесь не ставится цель выяснить, имеет ли любая художественная литература всегда национальную специфику (полемический нынче тезис), или это относилось к периоду до последней четверти XX века. Именно до рубежа возникшего процесса – глобализации. Мы же лишь просто исходим из того, что конкретно русская литература обладала способностью зеркала отражать явления, сознание, психологию, но (что существенно) также формировать, создавать конструкции, типы, модели поведения и образ мыслей.

В России на протяжении веков к слову было особенное отношение. Идея «вначале было слово...» воспринималась более обострённо русским умом. К просвещённому слову в непросвещённой (в словах народа) в XIX веке стране было почти сакральное отношение, а в XX веке в период советской власти – часто абсолютное доверие. Такое, будто это и есть то именно «Слово, что было Бог». Литература эстетизировала, гиперболизировала, романтизировала определённые общественные настроения, порывы и стремления и материализовала их в некую личность, в своеобразно-сбирательный образ, который и мог стать в сознании народа лидером или вождём, или выразителем тех вековечных интересов, за которые и «живота своего не жалко», что вряд ли было возможным в иной стране. И это та самая доминанта, обусловленная историческим развитием именно русского народа.

Мощный дух и сентиментальность, патриотизм (живота не пожалеть во имя Родины), способность к героизму и удивительное умение щедро терять то, чем наделены Богом (Россия большая, её много), – вот «русский дух, здесь Русью пахнет». Геополитическое положение сыграло в этом смысле недобрую шутку с великим народом. Но с другой стороны казалось, что «Простора так много, что маленькому человеку нет сил ориентироваться» (Чехов в своей повести «Степь»). Безграничность просторов становилась той защитой, когда казалось, сам Бог сбережёт этот народ. Поэтому и можно было позволить себе метания, духовные комплексы, вечные поиски смысла жизни и вечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?».

Как бы ни спорили многие исследователи, литература в России отражает многие существенные черты национального характера, проявляющиеся в герое, в особенностях национальной жизни, и

отразившиеся в отношении к ней (литературе) читателя, а писатель постепенно начинает осознавать свою власть над умами, а государство – эту силу стремится поставить себе на службу, что особенно сильно проявилось в XX веке. Не поэтому ли потом, в 70-е годы, бросились в иную крайность и зародилось недоверие к печатному слову и двоякое к нему отношение.

В данной связи нас не волнует, насколько Татьяна Ларина – русская душою – отразила русский характер крестьян своей деревни, т.е. здесь не решается вопрос, насколько разнится национальная психология элиты и простолюдинов (что имеет место и также изучается некоторыми учёными). Литература в данном случае является источником для рассмотрения иного вопроса: показать, как русская литература влияла на формирование общественной психологии, настроений, что именно только в России это и было возможно в силу особенностей национального характера. В этой связи и хочется осмыслить проблематику национального, его существования и проявления (хотя известно, что есть теории, готовые оспорить это).

Стоит отметить статью Д. Лихачева «Заметки о русском», где он пишет: «Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности – значит делать мир народов очень серым...». Важно и утверждение безусловного наличия этого явления, важно как отправная точка. Далее в этой статье Лихачев размышляет о древнерусской истории и древнерусской литературе, в которой русскость была выражена «с наибольшей отчётливостью», отмечает, что, хотя национальную идею и национальный характер следует различать, «огромная роль в создании этих идеалов принадлежит литературе», которая, добавим, формировала взгляды, позицию многих выдающихся людей, в частности, Аввакума, а его мы видим носителем русского национального характера.

В XX веке проблема национального остро вставала перед философами в связи с трагическими событиями эпохи. Бердяев в статье «Истоки и смысл русского коммунизма. Русская религиозная идея и русское государство» хотел понять первородность идеи, с одной стороны, и источники влияния на формирование процессов в обществе, – с другой. Надо иметь в виду, что всякое событие изначально рождается, «продумывается» в головах, затем презентуется

соплеменникам с желанием привести их к восприятию идеи и принятию её в конкретных воплощениях.

Часто, думается, эта самая «презентация» имела именно художественные формы, которые эмоционально катализировали процесс. В этой связи и можно привести мысли Бердяева из вышеупомянутой работы: «Интеллигенция была у нас идеологической... она была объединена исключительно идеями и притом идеями социального характера». Это в полной мере относится к основному «отряду» её – народническим писателям, но также по критическому духу, по нетерпимости (о которой упоминал Бердяев), по жёсткости оценок мы можем отнести сюда и многих классиков, – уж они-то точно были властителями дум. Да, они владели думами просвещённой части населения на тот период (60-90-е годы XIX века), но наступали и иные времена. Это уже ближе к концу XIX века. Сами народники тогда и были готовы популяризировать идеи и нести их в массы. Не сразу успех был на их стороне: как известно, оторванные от народа и малознающие его, они сначала не были приняты, но пройдёт не так много времени, и их идеи найдут благодатную почву.

А одной из характерных черт этой интеллигенции был нигилизм (хотя и Бердяев, и Лосский считали его, по сути, если не в целом чертой национального характера русского народа, то чисто русским явлением). Тип русского нигилиста был изображен Тургеневым задолго до массовости этого явления. И здесь интересно задаться вопросом: писатель просто отразил то, что уже было, пусть и в единичных «экземплярах», или сформировал (силой эмоционально-эстетического воздействия и влияния) умонастроения и модель поведения, т.е. насколько литературный образ «ответственен» за последующее развитие ситуации? Ведь говорил господин Ленин, что роман Чернышевского «Что делать?» его настолько «перепахал», что чуть ли не подвинул (помимо и других причин) на революционный путь.

Можно ли одни формы общественного развития стереть и заложить в духе и мысли народной другую матрицу, другой генетический код? Риторический вопрос. Если отталкиваться от оценки Н. Лосского, что «русские люди могут дойти до крайности в своём смелом искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого». Здесь можно согласиться только с первой частью цитаты. Дойти до края той дороги, куда завел его заблудший ум, смог Раскольников,

которого можно считать чисто русским типом характера именно в этой абсолютной неготовности к поступку и его воплощению. Тургенев, конечно, отразил одну из черт национального характера, чутко уловив, показал тип поведения, который очень скоро станет массово-привлекательным. Он не случайно предлагает Базарову знаменитые слова в «Отцах и детях»: «Наше дело – почву расчистить, строить будут другие» (сравните с восточным подходом: «не построив нового дома, не ломай старый»). Однако, что строить и как?

Можно строительство начать и завершить его всего лишь котлованом (А. Платонов размышлял об этом), можно добиться больших «успехов» и создать Единое государство (Замятин, «Мы»). И самое печальное, что эти два писателя предлагали не химеры фантазии, а описали почти завершённый процесс. Начало его – в голове (пока) у литературного героя. А платоновские персонажи вообще рождены тогдашней реальностью. И тут надо признать обоюдность процесса: отталкиваясь от действительности, Платонов создаёт ужасающую картину мира того периода жизни народа и вместе с Замятинским рисует жуткий прогноз исторической драмы, где в «Котловане» – начало процесса, а в «Мы» – его логическое завершение.

Но почему так легко и желанно ломать, почему термин «ломка» – давно один из самых любимых в лексиконе русского человека (как, вероятно, и «раскол»?). Наверное, – это постоянная надежда, что вот сейчас мы близки к победе, как никогда, и ради этого ничего не жалко. А уж старое сломать – вообще «богоугодное дело», и это – за милую душу. А может, всё дело в том, что стёрлось это самое понятие «богоугодное дело»? Но поиск его, как и града Китежа, – извечная черта русского характера.

Как видим, национальный русский характер может быть безжалостен к тем, кого он создал. Он сам – царь и бог народа. Хочет – наказывает, хочет – милует. И никакая глобализация ему в этом не указ. Именно русская литература гениально зафиксировала великое счастье и великую трагедию, объединённую в мощный дух национального характера.

Зеркально-пророческую сущность русской литературы, как и то, что она создавала и отражала национальную картину, можно подтвердить ещё сотнями примеров, ведь по меткому выражению писателя Андрея Макина «от русского писателя (а значит, и от русской

литературы – И.Ц.) ждали в одно и то же время и Царствия Божия, и Страшного Суда». И писатели, и литература отвечали этим ожиданиям, однако в то же время было бы ошибкой и абсолютизировать роль литературы, и в этой связи справедливы протесты некоторых литературоведов, которые решительно не согласны с заявлениями, что революционная Россия просто осуществила то, что проповедовалось русской литературой.

Процесс гораздо сложнее, глубиннее, он не должен подвергаться механическому рассмотрению по типу: сегодня провозгласили – завтра осуществили. Но видеть несомненную возможность русской литературы схватывать национальную суть и чаяния и облекать их в точные формы и формулы, думается, необходимо, т.к. в такой степени этой способностью обладала, пожалуй, только русская литература.

Именно к ней поэтому обращали драматически жизненные вопросы и получали ответы. А может быть, это казалось, что их получали... Опять-таки, может, вычитывали желаемое услышать? Однако и это постепенно было утрачено в последнем десятилетии XX века в силу определённых историко-литературных причин. А окончательно ушло это чудо взаимопонимания между литературой и читателем в начале XXI века. Но не глобальные процессы в мире, а сама мятущаяся душа великого народа не единожды вела его на Голгофу. Не единожды задавала вопрос носителям её, стране великой: «Русь, куда несёшься ты...?» – и не слышала ответа. Но и то, что было создано до того, далеко не исследовано в этом национальном контексте до конца. Осталась огромная возможность рассмотреть тексты с точки зрения своеобразного метатекста, имеющего прогностическо-предупреждающую сущность, во-первых, и позволяющего с учётом отражения национальной специфики в нём рассчитывать модели поведения, – во-вторых.

Даже серьёзные экономисты соглашаются, что столь строгая и точная их наука должна была, разрабатывая системы преобразований, учитывать национальный «акцент». Но как узнать, что действительно свойственно нации, и какова будет её реакция и поведение в целом в новых условиях и на новые вызовы? Именно в этом и может помочь такой, казалось бы, неподходящий источник, как литература. Хотим мы того или нет, нравится это нам или нет, но литература в России была (именно была) больше, чем просто художественная

словесность. Мы здесь не затрагиваем споры, чем должна быть в действительности литература. Отмечаем лишь то, что очевидно имело место быть.

Но сегодня среди всех потерь не погибло творческое начало в народе. Исполнилось требование, проявилось свойство национального характера, который в великой доверчивости своей вдруг ошетинивается, становится на дыбы, вглядываясь в то, что происходит в мире, в то или что посягает на святая святых – дух и неисчерпаемую силу народную. Тут-то и приходит всем известное: «Умом Россию не понять...». Именно в такой связи литературу, думается, и необходимо исследовать.

Александр Варона **РАСКОЛ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО В** **РУМЫНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Старообрядческая история – в основном религиозная. Но это не значит, что её вопросы слишком простые и разрешить их очень легко. Часто исследователь прошлого старообрядчества находится в трудном положении из-за того, что ему практически невозможно вникнуть в смысл тонких богословских и обрядовых вопросов, составляющих сердце духовности староверия. Историк, плохо разбиравшийся в этих вопросах, не имеющий хорошей богословской подготовки, никогда не будет в состоянии правдиво описать те факты и явления, пронизывающие всю историю этого могучего русского духовного движения и часто будет ошибочно рассуждать о тех или иных событиях этой истории.

Так случалось в прошлом, так бывает и теперь, в наши дни. Добросовестные, но мало разбирающиеся в русских религиозных вопросах 17-ого века, исследователи совершают огромные проступки, некритически воспринимая сведения, находящиеся в различных источниках. А когда речь идёт о липованах, старообрядцах, проживающих на румынских землях, просто удивительно какие нелепости могут быть написаны о них даже известными учёными.

Прочитав, например, такие труды как «Lipovenismul – schismaticii sau rascolnicii și ereticii rusești» (Липованство – схизматики или

раскольники и еретики русские) румынского епископа Мелхиседека (Штефэнеску) [1] и «Istoria și sociologia religiilor. Creștinismul» (История и социология религий. Христианство) [2] Иона М. Попеску, можно уверенно заявить, что румынская историческая наука наших дней (последний труд вышел в свет в 1996) осталась на уровне 1871 года (когда напечатан был первый труд) в вопросе липованского населения Румынии, и даже старообрядчества вообще. То же самое можно сказать и о книге профессора Петре Давида, которая посвящает почти целую главу старообрядчеству, рассматриваемого здесь как некоторая секта, оторвавшаяся от тела единой Русской Православной Церкви [3]. Некоторые авторы даже смешивают старообрядцев с действительными сектами: хлыстами и скопцами [4].

Такие суждения о старообрядчестве среди румынских историков далеко не единственны. И это когда в России и за её рубежами подход к старообрядчеству давно уже существенно изменился.

Ещё известные историки Церкви Евгений Евстигнеевич Голубинский [5] и Николай Фёдорович Каптерев [6] доказали, в начале нашего века, несостоятельность многих прежних исторических доводов, касающихся раскола и старообрядчества. Ближе к нашему времени Сергей Зеньковский [7] и Борис Кутузов [8] не только подтверждают изменение точки зрения исторической науки в вопросе раскола, но, своими тщательными исследованиями и хорошо продуманными идеями, практически дезаргументируют главные исторические мифы, связанные со старообрядчеством, сложившиеся на протяжении нескольких сот лет в сознании научного мира.

Конечно, можно быть несогласным с некоторыми точками зрения этих авторов, но обвинять их в нечестности или в каких-нибудь пристрастных интересах, в пропаганде раскола или в намерении разрушить единство и святость Русской Православной Церкви – это уже, мягко говоря, неприемлемо.

Все вышеупомянутые русские авторы остались до конца верными сынами господствующей Русской Православной Церкви и никак и ничем не проявили себя противниками её. То, что на них несправедливо нападали и ещё нападают защитники «непогрешимости» русской новообрядческой иерархии и деятельности патриарха Никона и его сподвижников в деле «исправления» церковных книг и обрядов, ничем не унижает достоинства их трудов. Напротив, яснее

выделяется добросовестность и объективность их исследований по истории раскола и старообрядчества.

Нельзя не согласиться с Н.Ф. Каптеревым, когда он утверждает, основываясь на неоспоримые доказательства, что «осуждение собором 1667 года русского старого обряда было, как показывает более тщательное и беспристрастное исследование этого явления, сплошным недоразумением, ошибкою» [9] и что обрядовые «реформы Никона внесли большие соблазны и смуты в русскую церковную жизнь, от чего она пришла в полное расстройство».

А это говорит профессор Московской Духовной Академии, видный представитель православной исторической науки начала XX-ого столетия!

Но румынские авторы, упомянутые в начале настоящей статьи, не знакомы даже с творчеством Н.Ф. Каптерева, не говоря уже о более близких к нашему времени трудах о расколе, принадлежавших представителям бывшей господствующей Русской Церкви. О работах старообрядческих исследователей и речи не может быть, так как они совершенно не существуют для румынских историков, затрагивающих вопросы раскола Русской Церкви.

Они продолжают излагать и утверждать давно отвергнутые исторической наукой взгляды на этот вопрос из-за того, что некритически воспринимают информацию, находящуюся в различных трудах русских и иностранных историков Церкви, механически повторяющих официальную версию бывшей господствующей в России Церкви о расколе или точку зрения миссионерских изданий конца XIX-ого столетия, согласно которым патриарх Никон «исправил» обряды и богослужебные книги Русской Церкви по греческим оригиналам и славянским «харатейным» (пергаменным) книгам, так как на протяжении веков, начиная со времён провозглашения самостоятельности и независимости от Константинопольского патриархата, в её обрядовую и богослужебную жизнь вкрались некоторые ошибки и заблуждения. Их причина в том, что невежественные русские переписчики и переводчики неправильно толковали и переводили богослужебные книги и чины Православной Церкви с греческого языка на славянский.

Деятельность и решительность Никона в деле «исправления» вызвала сопротивление части клира и верующих, не принявших патриаршей реформы. Эта самая часть и образовала раскол.

Вышеизложенное объяснение появления раскола стало на много лет господствующим в русской историографии. Но соответствует ли оно исторической действительности?

Авторитетный историк Русской Церкви Е.Е. Голубинский утверждает, что расхождения между русской и греческой богослужебной практикой середины XVII-ого века произошли не из-за ошибок русских, а благодаря изменениям Устава самими греками, которые после Флорентийской Унии (1439), из-за разрыва между русской и константинопольской церквями, не были целиком проведены в русский Устав [11].

Уже в ранние века христианства существовали разнообразные уставы и различные тексты церковных служб. В годы принятия христианства Русью, в Византии господствовало два близких друг другу, но всё же несколько различных между собою устава – на востоке Византии наиболее распространённым был так называемый Устав Иерусалимский, составленный св. Саввой Освященным, а на западе – наоборот, преобладал так называемый Студийский или Константинопольский Устав. По принятию Россией христианства, греки принесли туда Студийский или Константинопольский устав, который и стал основой русского устава, в то время, как в Византии, в двенадцатом и тринадцатом веке, преобладающим стал устав св. Саввы (Иерусалимский). В конце четырнадцатого и начале пятнадцатого века, митрополиты московские, – Фотий и Киприан, – первый из них – грек, а второй – болгарин греческой школы, – стали вводить в России устав св. Саввы – Иерусалимский, заменяя им Студийский устав, но они не успели довести свою реформу до конца. Поэтому в русском уставе осталось много древних, более архаических ранневизантийских черт из Студийского устава, чем в уставах, которыми пользовались греки четырнадцатого и пятнадцатого века. Так как после 1439 года в России больше не было греческих митрополитов, то русская церковь так и сохранила до середины семнадцатого века этот переходный устав, в котором более архаические элементы устава Студийского отличали его от во всём нового греческого Иерусалимского устава. Но, к сожалению, история перемены уставов, и в Греческой Церкви и в Русской была забыта, и греки, забывшие Студийский устав, считали старые черты русского устава русскими нововведениями [13]. Несостоятельность теории ошибочности русской

церковной практики XVII века доказана и в книге Бориса Кутузова «Церковная реформа XVII века, её истинные причины и цели». Автор, являясь регентом православного (новообрядческого) русского храма, задумал выяснить вопрос причин русского раскола, так как новообрядческая литература по этому вопросу не удовлетворяла его желание узнать правду о давних событиях середины XVII века.

И начал он свою работу, сравнивая тексты некоторых богослужебных книг дореформенного и послереформенного периодов. Результат был поразительным. В послереформенных изданиях во многих местах затемнён смысл слов и выражений, нередки и грубые ошибки переводчиков, заметно неуважительное, произвольное обращение с текстом, наблюдается явное ухудшение языковой формы [14]. Углубившись в исследование причин и целей никоно-алексеевской церковной реформы, Борис Кутузов приходит к следующему выводу: реформа не была обоснована ни богословски, ни канонически. Она была просто навязана Церкви искусственно [15]. Подобную точку зрения поддерживают и видные богословы современной Русской Православной Церкви, проф. Прот. Иоанн Белевцев [16] и проф. Н. Успенский [17].

Другая нелепость, перенятая румынскими исследователями русского раскола от русских миссионеров XIX-ого столетия, дошедшая до наших дней, касается так называемого невежества, якобы характеризующего дониконовских церковных справщиков, ставшего, по их мнению, главной причиной «искажения» древних православных обрядов в России [18]. Эти справщики, протопопы Аввакум, Иоан Неронов, Лазарь и другие, ставшие после реформы Никона защитниками старины, и внесли при патриархе Иосифе в русские печатные церковные книги ошибки и искажения древних православных чинов и обрядов. Поэтому пришлось патриарху Никону исправлять эти ошибки, которые станут потом предметом защиты невежественными противниками его реформ, во-первых, вышеупомянутыми протопопами «справишками», которые, восставая против реформы патриарха, в существе дела отстаивали творения своих невежественных рук [19].

На самом деле, как доказывает Н.Ф. Каптерев, вышеупомянутые лица, Аввакум, Неронов, Лазарь и другие никогда не были книжными справщиками и вообще никогда к книжной справе никакого отношения не имели, а древние православные обряды и чины в России

никогда и никем не портились, но существовали в том самом виде, в котором они были приняты от греков вместе с христианством.

Третий крупный исторический миф о расколе и старообрядчестве основывается на положении, что главная причина русского раскола стоит в обрядоверии защитников дониконовской церковной традиции и что именно это обрядоверие породило раскол [21]. Но тема обрядоверия старообрядцев нуждается в пространным и обоснованном разборе, так как до сих пор не существует общепринятого мнения в том, что касается существования, а также исторического и богословского определения этого феномена. Но, безусловно, можно утверждать, что современная историческая наука [22] не склонна считать старообрядцев обрядоверами, а русский раскол XVII-ого века – следствием обрядоверия их предков. Напротив, большая часть серьёзных исследователей старообрядчества отмечает реальные духовные мотивы, побудившие значительную часть русского общества XVII-ого века не принять реформы патриарха Никона, за что многие защитники старины заплатились слишком дорого: ссылками, мучениями и даже смертью.

А что говорят сами старообрядцы о расколе, причинах его возникновения и последствиях? Ещё протопопы Аввакум, Иоан Неронов и их сподвижники в посланиях, челобитных царю и проповедях настойчиво отвергали идею испорченности русских богослуженных книг и обрядов, так решительно поддерживаемую реформаторами. Хотя их доступ к историческим данным или источникам был весьма ограниченным, они вынуждены были, таким образом, опираться на канонические и святоотеческие творения или черпать аргументы из богослужебной практики в пользу их суждений.

В XVIII-ом веке старообрядческая апологетическая литература, пользуясь современной исторической методологией и безупречной логикой, а также – обширным кругом источников, ясно опровергает все нападки представителей официального православия, причём во многих случаях последние не были в состоянии принести достоверных аргументов для опровержения старообрядческих суждений. В XIX-ом и в начале XX-ого столетий расширяется круг аргументации у старообрядцев, появляются новые методы и новые задачи, полемика не ведётся только с миссионерами или между различными течениями старообрядчества, но и с представителями интеллигенции, неправом рассуждающими о расколе и старообрядчестве.

Эта весьма обширная литература совершенно неизвестна в Румынии, по другому нельзя объяснить продолжение повторения румынскими авторами изжитых теорий миссионерской школы исследования старообрядчества, и отсутствие даже упоминания о старообрядческой апологетической литературе или хотя бы трудов наиболее известных старообрядческих авторов XX-ого столетия о причинах и последствиях раскола, какими, например, были В. Сенатов, В.П. Рябушинский, Ф.Е. Мельников или епископ Арсени (Швецов). К этому можно прибавить и отсутствие интереса к официальной точке зрения Старообрядческой Церкви, изложенной в неоднократно печатавшейся с 1991 г. брошюре «История старообрядческой Церкви – краткий очерк».

Остановимся на трудах В. Сенатова и Владимира Павловича Рябушинского и на вышеупоминаемой брошюре.

В.П. Рябушинский в небольшой, но весьма любопытной и полезной для историков раскола книге «Старообрядчество и русское религиозное чувство» отмечает, что раскол произошёл не из-за спора об обряде, а из-за разногласий о духе веры [24], причём автор довольно ясно излагает неразрывную связь между духом и обрядом, основываясь на богословских и исторических данных. Сначала он определяет, что означают эти два термина, а потом внимательно рассматривает возникновение православного обряда, пытаясь разъяснить его сущность. «Подробный и беспристрастный анализ истории религиозного чувства и благочестия, – говорит Рябушинский, – позволяет неопровержимо установить факт связи духа с обрядом в народных массах, и тот же самый результат получается при исследовании жизни отдельных людей. Ведь каждый из нас в повседневной жизни, на своих знакомых и окружающих, может наблюдать как отмирание духа в человеке, замена идеальных стремлений материальными интересами сопровождается небрежностью в соблюдении обрядов. С другой стороны, человеку, полному духа, естественно выстаивать продолжительные службы, не чувствуя их длинноты, не уставать класть поклоны, соблюдать посты без напряжения. Нужна большая сила духа, особенно в теперешних условиях, чтобы хранить обряд: исполнение его – проверка духа... На земле обряд нужен духу, хотя последний в иерархии вселенной стоит выше первого. Пренебрежение к обряду один из частых случаев

той ошибки общей, которая заключается в мнении о бесполезности низшего для высшего и способности высшего заменять низшее при всех условиях и во всех случаях [25]».

Читая подобные строки, невольно возникает мысль: можно ли обвинять старообрядцев в обрядоверии, ведь такой подход к обряду никак нельзя приравнять к слепому поклонению ему, а напротив, его надо рассматривать как весьма взвешенным, разумным и, почему нет, правильным.

Такой точки зрения придерживается и известный старообрядческий писатель В. Сенатов. «Церковная жизнь, – утверждает он, – как и жизнь вообще, выражается мелкими, иногда едва уловимыми чертами, но эти незаметные черты, эти микроскопические штрихи слагаются в правильное, отчётливое, легко читаемое очертание, в один удивительно сложный и возвышенно жизненный организм – тело. Не только вероучение, как непреложная истина, но даже едва уловимая форма букв, которыми переписано изложение этого вероучения, свидетельствует о вере, о духовно-нравственном проникновении в веру». [26]

Очень интересна у В. Сенатова трактовка происхождения старообрядчества. Он показывает, что «вопрос о происхождении старообрядчества всегда ставится неправильно» [27], так как в основу его кладётся момент отделения старообрядцев от никоновской церкви, не указывая предшествовавшего момента или события, побудившего хранителей старины отделяться от приемлющих новые обряды и чины. Старообрядческий писатель приходит к выводу, что нужно говорить не о причинах происхождения старообрядчества, а «о причинах разделения древней старообрядческой церкви, сохранения её духа в народе русском, о причинах необыкновенной живучести и силы этого духа, о причинах и свойствах церковного перелома, совершившегося при патриархе Никоне, и безжизненности, полной неудачности, при всём видимом блеске, этого перелома». [28]

Официальная точка зрения Старообрядческой Церкви в том, что касается «исправления» церковных книг и обрядов, хорошо обоснованна с богословской и исторической стороны и согласна с научными достижениями в этом вопросе.

«В старину не было типографий, книги переписывались. В России богослужебные книги, – гласит «История Старообрядческой

Церкви – краткий очерк” – писались в монастырях и при епископах особыми мастерами. Это мастерство, как и иконописание, почиталось священным и выполнялось старательно и с благоговением. Русский народ любил книгу и умел её беречь, как святыню. Вот почему сохранившиеся до нас многочисленные рукописи старого времени отличаются чистотой и красотой письма, правильностью и точностью текста. В древних рукописях трудно встретить помарки и зачёркивания. Замеченные в прежних книгах существенные погрешности были устранены ещё до Никона, когда в Москве начала действовать типография. Исправление книг велось с большой осторожностью и осмотрительностью. Совсем иначе повелось исправление при патриархе Никоне. На соборе в 1654 г. было решено исправлять богослужебные книги по древним греческим и древним славянским, на самом же деле, исправление производилось по новым греческим книгам, напечатанным в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Об этих книгах даже сами греки отзывались как об искажённых и погрешительных.

Таким образом, деятельность Никона и его единомышленников свелась не к исправлению древних книг, а к их изменению, точнее говоря – к порче. За изменением книг последовали и другие церковные нововведения» [29], касающиеся богослужебной практики, т.е. чинов и обрядов Русской Церкви.

Выходит, что старообрядческая позиция тождественна с мнениями, научно проверенными, современных новообрядческих исследователей. [30] Это означает, что далеко не все представители новообрядческой церкви согласны с теориями о старообрядчестве, проповедуемыми бывшими миссионерами и перешедшими в румынскую историческую литературу о расколе, о которой мы упоминали в настоящей статье.

Из вышеизложенного материала, охватывающего наиболее известные труды по истории раскола и старообрядчества, выходит, что продолжать проповедовать псевдо-научные теории ошибочности дониконовской богослужебной практики, невежества защитников старых обрядов или их обрядоверия, как это делают упомянутые в настоящей статье румынские авторы, не только нелепо, но и весьма вредно для научной исследовательской практики, так как

эти теории легко могут распространяться среди исследователей и читателей, а это не принесёт никакой пользы делу честного и правдивого исследования раскола и старообрядчества. Имея это в виду, румынским церковным историкам и исследователям раскола и старообрядчества следует пересмотреть взгляды на причины и характер раскола, так как многие их подходы не соответствуют современным требованиям исторической науки.

В заключении нужно сказать, что раскол и старообрядчество в современной церковно-исторической науке не представляют больше как явление чисто формалистическое, появившееся на почве обрядовых и формальных споров. Напротив, старообрядчество представлено часто как мощное духовное движение русского народа, направленное к защите и сохранению древних православных традиций духовной и культурной жизни русского народа. Внешние формы защищались старообрядцами потому, что они имели свою внутреннюю, таинственную, символическую сущность, отражающую объективное внутреннее единство догмата.

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с патристическими сочинениями, специально посвящёнными истолкованию внутреннего смысла всех деталей храма и церковного богослужения, с трудами блаженного Симеона Солунского. Онтологическая связь между материальным и идеальным, формой и содержанием, сущностью и явлением исключала возможность всецелого усвоения бытийной значимости только вербальными формами религиозной жизни, их отождествления с полнотой сущности, по сравнению с которой невербальные формы случайны и малозначащи. Сущность христианства не сводится к доктрине, словесному изложению учения – это целостное бытие души и тела, устремлённых к исполнению воли Божией. [31]

Вот такое значение имели обряды в старообрядчестве. Их неразрывная связь с учением Церкви придавала им особую ценность, что делало их в глазах народа святыми. А так как всё святое заслуживает особого почитания и хранения, сторонники старых обрядов готовы были претерпевать всевозможные лишения, чтобы сохранить и передать их в чистоте и непорочности своим потомкам.

Севастьян Феноген
КАЗАКИ
НЕКРАСОВЦЫ-ЛИПОВАНЕ

В XVII веке, после «Смутного времени», Россия быстро оправилась и превратилась в сильную евроазиатскую монархию, заняв достойное место на международной арене. Экономическое развитие, укрепление государственного центрального аппарата и растущее влияние России в геополитической игре сопровождались необычайно крутыми мерами во внутренней политике. Среди таких мер, затрагивающих патриархальный образ жизни русского народа, следует отметить две, последствия которых долгие годы волновали общественность. Речь идёт об юридическом закреплении крестьянства через *Соборное Уложение* молодого царя Алексея Михайловича Романова в 1649 году и о религиозной реформе властолюбивого патриарха Никона в 1654. Соборное Уложение укрепило и до того сильную власть помещиков над крестьянами, полностью лишив их личной свободы. Такая мера Алексея Михайловича «Тишайшего» (1645-1676) не могла не возбудить недовольство угнетённого крестьянства, хотя вполне удовлетворяла помещиков, остро нуждавшихся в дешёвой рабочей силе. Религиозная реформа Никона (на самом деле её инициатором был тот же Алексей Михайлович) была вызвана внешнеполитическими соображениями. Усиление экономического и военного могущества русского государства сопровождалось расширением его границ и значительным ростом его влияния на международной арене. После падения Константинополя (1453) и исчезновения Византии, русское государство оказалось единственным реальным представителем и защитником Православия, как перед католичеством, так и перед мусульманством. Международное признание России в качестве мощной державы позволило греческим патриархам мечтать о возрождении величия византийского православия. Таким образом возникла у константинопольских патриархов идея: «Москва – Третий Рим». Довольно быстро идею подхватили московские правители, которые заложили её в основу панславистских планов для восточной Европы и Балканского полуострова. Этому способствовал и тот факт, что православные народы (в большинстве славянского происхождения),

попавшие под турецкое господство, связывали своё освобождение опять же с Россией. Такие грандиозные планы¹ московских венценосцев не могли не вызвать тревогу и противостояние со стороны других стран Европы, но неожиданно выявилась и небольшая внутренняя «загвоздка», на которую обратили внимание те же греческие патриархи.

Оказалось, что между церковной практикой России и религиозной практикой других православных народов Европы существовали некоторые «досадные» различия, появившиеся, по мнению греческих иерархов, в результате отклонения русских от общепризнанных православных канонов. Несмотря на то, что русская церковь полностью сохранила студийский обряд со времён князя Владимира (980-1015), а греческие иерархи, главенствующие в церквях православной Европы практически всё средневековье, заменили этот обряд иерусалимским² в XIII-XV вв., отличие оставалось отличием. Россия и русская церковь не могли претендовать на главенство и защиту православия, имея в обрядово-литургической практике такие «отклонения». Этот факт необходимо подчеркнуть, чтобы легче понять настойчивость и даже ожесточение, с которым иерархия и власть запретили студийский обряд и начали внедрять иерусалимский. В этом состояла цель и основа религиозной реформы патриарха Никона при полной поддержке царя Алексея Михайловича. Становится понятной и неимоверная жестокость, с которой преследовались несчастные приверженцы старой веры.

По своему масштабу, жестокостям и длительности (1654-1905) преследование противников реформы Никона намного превзошло западноевропейскую католическую Инквизицию, породило раскол в русской церкви и вынудило старообрядцев удаляться на окраины и за рубежи России.

Одновременно, гонимая старая вера оказалась той идеологической оболочкой, без которой не обошёлся ни один социальный бунт в России позднего средневековья, хотя вряд ли все участники восстаний были яркими сторонниками дониконовской веры. Идеологическая роль старого обряда ещё больше озлобила власти и официальную иерархию против непокорных бородачей. Мудрые и богобоязненные правители совершенно забыли о христианских принципах гуманизма, веротерпимости и любви к ближнему. Костры, плахи, виселицы, расстрелы, четвертования, монастырские и государственные тюрьмы,

голодная смерть и погромы – всё было использовано для искоренения «социального зла», каким считалось в России старообрядчество после 1654 года. Миссионеры и царские чиновники, искажая истину, старались облить грязью это социальное движение, сделать его противным для русского человека. Самого старообрядца представляли в облике какого-то страшилища, не имевшего ничего человеческого. С этой целью в исторической и религиозной литературе прошлых веков появились тысячи работ (по подсчёту немецкого профессора В. Васченко – около 14 000). В защиту старообрядчества в литературе можно встретить всего несколько страниц, опубликованных после 1905 года. Намного реже затрагивался в литературе вопрос «раскола» среди казаков Дона, Волги, Урала, Терека или Кубани, а уж прошлое казаков-старообрядцев или некрасовцев является почти белым пятном в историографии.

Последствия закрепощения крестьян и религиозной реформы дали о себе знать на Дону значительно позже, чем в центральной России. Не спешили реформаторы тревожить «степных рыцарей», но пришло время и для них, так как власти не могли позволить, чтобы беглые крепостные пользовались неписанным законом казаков: «*С Дона выдачи нет!*». К тому же, для центральной власти стало необходимо установить полный контроль над вольным казачеством России. После разгрома разинского бунта (1671) и кровавой расправы над старцами Соловецкого монастыря (1676), на «тихом» Дону началось религиозно-социальное размежевание.

Большинство казаков (зажиточные старожилы) признали новый церковный обряд и принесли присягу на верность царю, но оказались и такие, которые пожелали сохранить старую веру, социальное равенство и право на внутреннюю автономию (выборность атаманов и служителей церкви). Так появились и на Дону в 1676 году казаки новообрядцы и старообрядцы, которых сразу же обозвали, по уже укоренившемуся обычаю, раскольниками, изуверами, ворами, разбойниками и т.д.

Во избежание каких-либо неприятностей с новообрядцами, поклонники дедовских традиций построили в верховьях Дона отдельные городки и станицы, церкви и монастыри. Таких «вольностей» власти никак не могли допустить и приняли самые суровые меры. В 1688 году русские войска и казаки новообрядцы разорили Чирскую

старообрядческую обитель и взяли приступом городок на Заполянском острове, на реке Медведице (притоке Дона), перебив поголовно его жителей... «*и немало погибло при этом и детей, и женщин*».³ Кровавой резни сумели избежать около 2000 казаков, ушедших с семьями в Кумскую Долину до начала карательных действий в верховьях Дона. Во главе беженцев был священник – атаман Лев Маньцкий, а пригласили казаков на реку Куму и на берег Каспийского моря кабардинский князь Мисостов и султан Будай хан, желающие иметь в своих владениях казацкие сотни по экономическим и политическим соображениям. Таким образом появилось войско казаков-старообрядцев за рубежом России, а 1688 год можно считать началом трагической истории этой организованной группы русских изгнанников.

Представители русских властей – дворянин Щукин и Басов с угрозами требовали от Будай-хана выдачи беглых казаков⁴, а присутствие в зоне регулярных частей русской армии заставило казаков Маньцкого переселиться на Кубань, под более могущественное покровительство крымского хана и турецкого султана. В низовьях Кубани казаки старообрядцы построили несколько станиц и укрепленный городок Ачурев. Лев Маньцкий не долго пользовался гостеприимством крымского хана, так как его схватили и застрелили донские казаки в 1695 году, чтобы доказать свою верность властям. Атаманом поселившихся на Кубани казаков был избран Савелий Пахомов. К нему обратился за помощью Кондратий Булавин в 1707 году, в начальной стадии восстания на Дону. Около 1100 казаков старообрядцев приняли участие в булавинском бунте, а после его разгрома вернулись на Кубань с полками Игната Некрасова. Крымский хан Каплан Гирей позволил булавинцам поселиться на кубанском Приазовии, рядом с казаками Пахомова. Между старожилыми и новопришлыми казаками произошёл довольно быстрый интеграционный процесс, в силу родственной близости по языку, старообрядческой вере и общинно казацкому быту. В исторической литературе после 1708 года на Кубани больше не упоминаются казаки-раскольники, а только раскольники-некрасовцы.

Легендарный атаман булавинцев, Игнат Некраса, сумел спасти от карателей не только несколько тысяч казаков с семьями, но и организовал на Кубани настоящую казацкую старообрядческую республику. Были построены новые станицы и несколько укрепленных городков:

Хан-Тюбе, Блудиловский, Чирянский, Голубинский.⁵ Казацкие укрепления вокруг станиц и городков (ров, земляной вал, частокол), непролазные плавни, гирла и каналы кубанской дельты, а также морские заливы Азовского моря, создавали видимость неприступных крепостей и относительной безопасности для казацких семей. Богатые рыболовецкие угодья составляли основу их общинной экономики.

Необходимо подчеркнуть ещё одну интересную деталь в процессе формирования за границей России нового казацкого войска, совершенно не похожего на общеизвестные казацкие формирования, существовавшие в пределах русского государства. С Дона на Кубань ушли две казацкие группы. Первая была вынуждена покинуть родной *Дон Иванович* в 1688 году по религиозной причине, а вторая, 20 лет спустя (в 1708 году), из-за участия в булавинском бунте, т.е. по социальной причине. В результате межгрупповой интеграции и под влиянием враждебного окружения, появилось самобытное войско казаков-некрасовцев, которое явно не поддаётся общепринятой характеристике «русского казачества» позднего средневековья. Не только быт, но и образ мышления некрасовцев стал совершенно непохожим на традиционный, то есть на характерный казакам Дона. Это можно объяснить только учитывая влияние старообрядческой веры и враждебное окружение, в которое они попали за пределами России.

Если раньше «рыцари дикой степи», готовые в любое время к смертельной схватке с коварным врагом, были одновременно и охотниками погулять да покутить, пограбить «толстопузых» купцов или организовать «поход за зипунами» в соседние страны, то после переселения на Кубань обстоятельства вынудили их превратиться в примерных по поведению верноподданных, в строгих блюстителей законов и порядка.⁶

Некрасовцы не только не грабили, но даже не брали чужое найденное или заброшенное, считая, что если чужое, *не заработанное собственным потом*, добро войдёт в дом, то уж оно точно беды принесёт. Что касается пьянства и богохульства – эти непростительные грехи наказывались Кругом некрасовцев смертью или изгнанием из общины. Если к этому добавим строгий запрет казакам заниматься торговлей для личной выгоды, брить бороду, курить или жениться на мусульманке, то будет ясно, насколько стал отличаться образ жизни некрасовца от родственного ему донского вольнодумца и насколько

старались казаки не допускать в их среде социального неравенства. Это была поистине модель для западноевропейских социал-утопистов XIX столетия.

Повседневная жизнь в некрасовских общинах протекала строго по *Заветам Игната*, в которых христианские принципы переплетались с общепризнанными казацкими правилами. Жаль, что этот юридическо-моральный кодекс, считавшийся детищем атамана Некрасы, не удалось ещё обнаружить.

Слава о казацкой вольнице на Кубани быстро распространилась по всему югу России и тысячи обездоленных русских людей старались добраться до этого легендарного Беловодья, попасть в это царство свободных и равных людей, хотя власти и церковь изо всех сил старались не допустить на Кубань новых беглецов.

Жизнь некрасовцев во время кубанского периода никак нельзя назвать спокойной. В этой прикавказской нестабильной зоне, на стыке стратегических интересов России и Османской империи, почти постоянно совершались разбойничьи набеги различных племён: татар, калмыков, кабардинцев, чеченцев, для которых грабёж и торговля пленными были обычным средством существования. Нередко совершали набеги и казаки Дона, Волги, Терека или Прикавказских Гребней. Особенно опустошительные вылазки происходили во время русско-турецких войн, когда русские войска, казаки и их кратковременные союзники получали специальные указания относительно некрасовцев. Так, например, во время войны 1736-1739 гг., главнокомандующий русскими войсками, фельдмаршал Миних, приказал казакам и союзному хану калмыков, Дундуку Омбо, разорять до основания подданных Османской Порты – некрасовцев, и других обитателей нижних кубанских болот. Приказ был выполнен полностью в декабре 1736 года. Некрасовцы очень болезненно воспринимали атаки, в которых участвовали их русские братья, казаки или солдаты. По *Заветам Игната* некрасовцы не стреляли в русских, не оказывали никакого сопротивления, а просто уходили, оставив свои селения на разорение.

Бесперывные войны, постоянные набеги и опустошения, а также смерть атамана Игната Некрасова заставили кубанских некрасовцев снова уйти подальше от границ матушки России. По договору с турецкими властями, русские изгнанники переплывают на своих *стругах*,

думбасах, чайках и каюках из кубанского Приазовья в османскую Добруджу и Дельту Дуная.

Новый миграционный процесс оказался достаточно сложным и многоэтапным (1740, 1761, 1778). По данным исторической литературы (Ригельман, Минорский, *Казацкий словарь* Скрылова-Губарёва) можно определить, что переселись около 6500-7000 казаков. Примерно 2000 некрасовцев остались в низовьях Кубани и пополнили ряды черноморских казаков, переселённых после присоединения прикавказской зоны к Российской империи. Довольно быстро следы некрасовцев на Кубани незаслуженно исчезли, как со страниц истории, так и из памяти потомков.

В малонаселённой солнечной Добрудже и в Дельте Дуная некрасовцы нашли примерно такие же климатические, экономические и политические условия, как на Кубани. Поселились они на правом берегу Дуная (Каркалиу), в дельте (Килея, Караорман, Дунэвэц), по берегам огромного морского лимана Разин (Сарикёй, Еникёй, Журиловка) и в дремучих лесах Бабадагских холмов (Старая и Новая Слава). Здесь, в незначительном числе уже укрывались беглые старообрядцы – крестьяне и монахи, которых соседние украинцы, молдаване и валахи называли *липованами*.

На новом месте некрасовцы сохранили не только казацкие полки и сотни, но и старообрядческую веру ветковского согласия, и даже кубанскую общину и *Заветы Игната*. Основу добруджской общинной экономики составляло артельное рыболовство, хотя военные запреты вынуждали казаков заниматься коневодством, различными ремёслами и торговлей. Засушливый климат и частые набеги разбойничьих групп не поощряли земледелие, хотя земли в низовьях Дуная было более чем достаточно. К тому же земельный надел и частная собственность неминуемо порождали социальное неравенство, которого некрасовцы старались избегать.

Экономическая деятельность в казацких общинах Добруджи переплеталась с военной, как по водным просторам, так и на суше. На морской промысел некрасовцы выезжали на быстроходных гребных галерах, при полном вооружении, стараясь сохранить боеспособность своих сотен. Нередко случалось казакам бросать снасти и преследовать морских разбойников (пиратов), нападающих на торговые судна. Ещё чаще вступали в кровавые схватки с разбойничьими группами

запорожцев, а на суше с татарами или черкесами, большими охотниками пограбить. Если дозорные не доносили атаману или сотнику о присутствии вблизи какого-либо недруга, то казаки могли выезжать «на речку» и в неполном составе, на лодках поменьше размером и без пушек (*магуны и каюки*). В беспокойных водах Чёрного моря некрасовцы использовали: мелководные и глубинные *дальяны, заводы для осетровых, сети-плавки для сельдей, глубинные сети-авы для камбалы, небольшие неводы (черяги, матулки)* с особым устройством для кефали. Совершенно иные снасти употреблялись для рыболовства по ерикам, каналам, лиманам, озёрам и по Дунаю, где гребные галеры с пушками почти не использовались. Пойманную рыбу некрасовцы везли на *кирган*, для начальной обработки и сортировки. Кирган⁷ (приёмный пункт) являлся центром экономической деятельности казацкой артели и обслуживал несколько подразделений, будучи настоящим торговым центром. Кроме семейного рыбного пайка, казаки продавали свежую рыбу прямо на берегу или везли в ближайшие города. В отсутствие покупателей, рыбу солили и сушили для продажи в более отдалённых местах. Часто в таком виде её везли в Стамбул для продажи на русском Торговом дворе. В большинстве случаев продажей занимались работники приёмного пункта (кирганщики) – полноправные члены казацких артелей и военных формирований (т.е. казаки).

Османские власти, как местные, так и центральные, относились с уважением к некрасовцам низовьев Дуная, называя их в официальных документах *инат-казаками*, а их станицы – *казак-кёй* (казацкими сёлами). Власти не посягали на их административную автономию и не облагали их никакими налогами. Некрасовцы пользовались полной свободой вероисповедания и сохранили старый дониконовский обряд и церковнославянские книги. Признавали они себя старообрядцами ветковского согласия беглопоповского толка. Единственным запретом со стороны османских властей было строительство каменных церквей, превосходящих по высоте и красоте мусульманские мечети. Такое условие не имело никакого значения для некрасовцев в XVIII и в первой половине XIX века, так как они довольствовались скромными деревянными или даже хворостяными церквями. Запрет приобрёл значение лишь во второй половине XIX столетия, после появления белокриницкой иерархии и религиозного раскола

в некрасовской среде (1846-1857). Каждая из соперничающих партий старалась доказать своё превосходство и привлечь на свою сторону как можно больше верующих. При таком соперничестве величие храма уже не могло считаться малозначительным. Правда, в последние годы своего владычества в Добрудже власти Турецкой империи перестали ставить казакам какие-либо условия, и в их селениях были построены внушительные по размерам и красоте храмы.

Для любого исследователя некрасовской истории нетрудно понять, что добруджские казаки составляли привилегированное сословие в Османской империи, по сравнению с другими этническими группами и даже с турко-мусульманским населением. Ясно и то, что эти привилегии не были подарены *гяурам* (не мусульманам) инат-казакам лишь за их красивые чубы и бороды. Речь шла о выполнении какой-то важной роли в рамках турецкого государства. А эта роль была совсем не простая: они были блюстителями порядка не только в низовьях Дуная, но и по всему Балканскому полуострову. Следует подчеркнуть и то, что некрасовцы должны были располагать необходимым потенциалом для участия в подавлении разных социальных и национальных движений. В противном случае власти не были бы заинтересованы в сохранении их полков и сотен и, разумеется, их привилегий в течение 124 лет (1740-1864). Участие в подавлении национальных движений греков, болгар, сербов и румын усилило враждебное отношение этих народов к некрасовцам и ускорило в их среде значительные разногласия социального, политического и религиозного характера.

Принимая во внимание длительность добруджского этапа некрасовской истории (1740-1864), участие некрасовской конницы и флотилии гребных галер в различных военных и карательных мероприятиях на Балканском полуострове, а также численность населения в сёлах, признанных турецкими властями казацкими, вывод напрашивается сам собой: это главный этап некрасовской легенды. Подобная оценка дунайского этапа явно противоречит мнению многих историков, как XIX, так и XX века. Среди них можно назвать В.Ф. Минорского, П.П. Короленко, А.А. Скальковского, Л.Б. Заседателёву, Н.Г. Волкову и Д.В. Сеня. Все они считают дунайский этап второстепенным, как бы короткой передышкой в миграционном процессе из Приазовья на Майнос. Они же утверждают, что оставшиеся в Добрудже

некрасовцы были переселены в Бессарабию в 1811-1830 гг., а липоване пользовались их именем, чтобы получить различные льготы. Такой подход явно не соответствует исторической действительности и игнорирует огромное количество документов из архивов Турции, Румынии, Украины, да и самой России, имеющих прямое отношение к вопросу переселения.

Возможно, что сторонники теории полного исчезновения некрасовцев из Добруджи не имели доступа к архивным фондам, но такая позиция сегодняшних исследователей вполне не обоснована. Принимать за абсолютную истину утверждение майноских некрасовцев в XIX веке о том, что на Дунае некрасовцев не стало после их ухода в 1811 году, или информацию какого-либо чиновника о полном переселении некрасовцев из Добруджи в Бессарабию в 1811-1830 гг., и совсем не учитывать хотя бы численность задунайских кубанцев – подобный подход надо признать довольно странным для любого исследователя. Уход определённой части некрасовцев Добруджи в австрийскую Буковину в 1783 году, на Майнос и Марицу в 1812-1815 гг. или переселение на левый берег Килийского рукава никто не отрицает, но стоит ли упрощать этот сложный и болезненный процесс? Содержание нескольких документов из архивов городов Измаил и Одесса, обнародованных профессором Одесского университета, А.А. Пригариным, могут прояснить многое в затронутом вопросе. К примеру, 15 июня 1826 года, генерал Дибич обратился к И.А. Киселёву с просьбой добыть подробную информацию о *кубанских казаках*, бежавших из России.

17 августа 1826 года генералу доставлен рапорт, в котором указывается: «*главные жительства некрасовцы основали в окрестностях Тульчи, Исакчи и Бабадага*, и что ныне (т.е. после переселения на Майнос) *число их не превышает семи тысяч человек...*» (Ф. ВЧА, оп.1, д.885, л.2-3). Конечно же, можно возразить, что процесс переселения некрасовцев в Бессарабию продолжился и после 1826 года и в особенности в период 1828-1834 гг., когда в низовьях Дуная была установлена русская военная администрация. Безусловно, это так, и довольно убедительно доказано А.А. Пригариным.⁸ Однако, профессор Пригарин, ссылаясь на архивные источники, признаёт, что многие переселенцы, на самом деле, не были некрасовцами, а белыми крестьянами и солдатами.

Изредка и русские генералы, причастные к колонизации Бессарабии или ответственные за переселение некрасовцев в пределы России, признавали вполголоса недоверие и нежелание некрасовцев покидать обжитые места Добруджи и Дельты Дуная. 21 августа 1830 года генерал Рот докладывал генералу Чернышову, что жители селений Журиловка, Новая и Старая Слава и Караормани, «совершенно не намерены переселяться никуда, кроме нескольких».⁹ Другой документ, дело по разбору тяжбы из-за земли между некрасовцами и украинцами, жителями города Измаила и его предместий¹⁰, содержит обращение поверенного измаильских обществ, Герасима Левченко, к губернатору Павлу Ивановичу Фёдорову. В обращении, представитель обществ: «великороссийского, малороссийска, молдавского и болгарского» утверждает, что из 154 семей некрасовцев, переселившихся из турецких владений, настоящих некрасовцев было не более 20 семей! Лишь 20 из 154! И это среди переселенцев из группы признанных и награждённых царём атаманов Льва Полежаева, Ивана Иудаева и молодого Осипа Семёновича Гончара¹¹. Тогда на какой же процент некрасовцев можно рассчитывать среди трёх тысяч переселенцев из Добруджи в Бессарабию? На этот вопрос отвечает другой архивный источник, содержащий свидетельство измаильской полиции о том, что «в период от 16.12.1833 года до 27.02.1835 прибыли из-за границы 700 (семь сот) старообрядцев под видом некрасовцев».¹²

Перечень документов, указывающих на формальное участие некрасовцев в процессе переселения в 1811-1835 гг., можно продолжить на многих страницах, но приведённые выше примеры требуют подвести итоги и сделать соответствующие выводы.

Во-первых, необходимо уточнить, что процесс миграции некрасовцев из Добруджи в Буковину (1783), на Марицу и Майнос (1812-1815) и в Бессарабию (1812-1835) затронул только незначительную часть жителей. Можно даже предположить, что число их не превысило 1500-2000 казаков из общего числа 7000-8000. Прекрасно осведомлённые о климатических, экономических, религиозных и политических условиях тех регионов, куда их приглашали переселяться, некрасовцы низовьев Дуная не видели никакой выгоды, кроме осложнений, исключая, конечно, атаманов, старшин и сотников. Условия их существования в Добрудже и в Дельте Дуная не имели себе равных нигде в другом месте. Нет сомнения, что казаков тянуло к

России, но из собственного опыта они хорошо знали, что все обещания властей являлись всего лишь приманкой. Главное их опасение было связано с возможностями сохранения старообрядческой веры, казачьего статуса и вольного рыболовства. Да и как было им не опасаться, если власти обещали столько льгот во время переговоров с некрасовской делегацией, а одновременно измаильский старообрядческий монастырь и церковь, ...«состоящие при Дунае в 8 верстах от г. Тучкова были упразднены (т.е. разорены – прим. авт.) по Высочайшему повелению», а Дмитрий, архиепископ кишинёвский, требует у генерала Тучкова не разрешать заведение в Измаиле молитвенного старообрядческого дома!¹³

Земельный надел в 40 десятин на казака, обещанный переселенцам в Бессарабию, не оказался для них очень привлекательным. Уже несколько поколений некрасовцы предпочитали заниматься рыболовством и ремёслами, считая земледелие второстепенным занятием, не соответствующим их социальному статусу. В переселении куда-либо они не видели никакой выгоды и никакой необходимости, поэтому предпочли остаться на местах. К тому же, зачем им было переселяться в Россию, когда Россия сама придёт в Добруджу в недалёком будущем – считали некрасовцы. Зато для других русских переселение в Бессарабию под видом некрасовцев было очень заманчивым и сулило такие выгоды, каких они не могли получить иным способом. Обрести личную свободу для крепостного крестьянина, получить 40 десятин земли – для безземельного, 125 рублей на постройку дома и на приобретение сельскохозяйственного инвентаря, не быть преследуемым за старообрядческую веру – всё это было мечтой для многих русских людей. Поэтому прилив беглых русских к некрасовцам особенно усилился в период колонизации Бессарабии, хотя и раньше этот приток был почти постоянным.

За всю свою историю некрасовцы не отказали в помощи ни одному беглому россиянину и не выдали властям ни одного беглеца. Сотни людей находили убежище в их селениях. Многие оставались здесь навсегда и пополняли ряды казаков, но ещё больше беглецов ждали удобного случая, чтобы вернуться в Россию в качестве свободных людей, с турецкими документами на имя некрасовского казака.

Что же случилось с некрасовцами Добруджи, не пожелавшими куда-либо переселяться? Куда они исчезли во второй половине XIX века?

Может быть, их ассимилировали липоване, как утверждают некоторые исследователи?

Ответ на эти вопросы может дать любой обозреватель, осведомлённый об этническом составе населения северной Добруджи и Дельты Дуная в XIX веке. Некрасовцы остались в своих селениях, где не опустела ни одна хата, но только в 1820-1864 гг. они стали называться *некрасовцами-липованами*. После разоружения казацких сотен в 1864 году, после распада общины и появления в их среде религиозного раскола (1846-1857) они, как бы подыгрывая желанию властей (и не только русских), «исчезают» не только из низовьев Дуная, но даже из памяти своих потомков. Вместо нескольких тысяч суровых бородачей атамана Осипа Семёновича Гончара, в низовьях Дуная появилось такое же число молчаливых, но мирных бородачей липован. И ещё одна интересная деталь: лидера этих липован звали точь-в-точь как некрасовского атамана – Осипом Семёновичем Гончаром! Правда, эти липоване и даже сам их опытный лидер «никогда» не имели никаких связей с какими-либо казаками, даже и «не слышали» об их существовании в Добрудже, а уж о *н-не-к-рас...*, фу, ты Господи! Да они, бедолаги, не в состоянии даже произнести это слово! Выдумывают же люди такое!?

В бывших казак-кёях (казацкие сёла – *тур.*) Добруджи буквально за несколько лет исчезли все оборонительные сооружения, полностью исчезло казацкое оружие, сгорели деревянные церкви и архив, а слова: **казак, некрасовец, игнат-казак** были исключены из и так уже обедневшего их словесного запаса. Установился необыкновенный заговор молчания о некрасовцах. Однако, необыкновенным является и всё прошлое этих русских изгнанников петровской эпохи. Такой заговор, в котором участвуют все жители русских селений низовьев Дуная, доказывает однородность и поголовную принадлежность жителей к казацкому сословию. Если бы в зоне существовала дифференциация между некрасовцами и липованами, то заговор оказался бы невозможным и неэффективным.

Таким образом, некрасовцы низовьев Дуная и мы, их потомки, превратились в липован! Это удовлетворяло всех участников геополитической игры в зоне. Очень многим не хотелось признавать, по различным соображениям, сам факт существования многочисленного, организованного и некогда вооружённого населения в устьях Дуная.

Липоване были чем-то неопределённым – ни русскими, ни турками, и тем паче некрасовцами. К мирным липованам ни у кого не было претензий или ненависти. Ведь не они же участвовали в подавлении национальных движений, а какие-то страшные казаки-некрасовцы! Власти Бессарабии уже не должны были выполнять всё, что обещали некрасовцам при их переселении, так как они исчезли и там, в своих насиженных местах. Румынской администрации в Добрудже, после Берлинского конгресса 1878 года можно было не опасаться вмешательства турецких или русских дипломатов в защиту прав липован (так как они оказались чем-то вроде «инопланетян»). Досадно лишь одно! Из России в последние три столетия были вынуждены эмигрировать миллионы людей. За 2-3 поколения все они бесследно исчезли. Нет следов революционеров-демократов XIX столетия, с трудом можно встретить потомков аристократов-белогвардейцев XX века, а вот эти упрямые старообрядцы Аввакума и казаки Некрасова продолжают «мутить воду» в исторических и даже фольклорных исследованиях до сих пор! И что им только надо!? Да ведь абсолютно ничего! Просто они болеют душой за Россию, тянутся к ней и хочется им сохранить добрую память о своих предках, так как они заслужили это сполна!

Сарикёй, ноябрь 2004 г.

Александра Феноген ДНЕВНИК ПАЛОМНИКА (Окончание. Начало см. «ГС» №№5-6)

Пятница, 15-е августа 2003 г.

Главное событие на сегодняшний день – Музей казаков-некрасовцев и молокан. Музей намного интереснее, чем краеведческий музей в Ахтарях, например, хотя Левокумск не город, а район. Подъехали мы, нас встретили ребяташки в национальных костюмах, с хлебом-солью... Они запели свою песню, потом мы свою – и вместе повели хоровод прямо на улице. Целовались, обнимались... У них у всех добрые глаза и мягкий, певучий говор. Потом нам показали музей, и наш ансамбль пел вместе с тремя-четырьмя местными казачками. И все поочередно удивлялись, удивлялись сходству в говоре,

песням, многие из которых – общие, и они восклицали : «*Вы наши! Мы ваши! Мы – одно!*»

Много общих песен, мотивов, много общего в говоре, но и немало отличий... Больше всего нас изумил народный костюм казаков-некрасовцев. Это что-то совершенно непонятное... яркие цвета, какой-то *балахон* в полоску, фартук, особый способ надевать платок... А ещё бисерные булавки замысловатых моделей, которые казачки делают сами. Интересно, что в России даже нет ткани, из которой они шьют себе эти костюмы – а покупают её в Турции...

Мне ещё показалось странным и то, что многие лица казаков – азиатские, порой даже татарские. Правда, казаки были народ разнородный, среди них было много татар, перешедших в христианство... А казаков, рождённых из смешанных браков с татарками, турчанками, называли – читала я где-то – *тумами*.

Эти некрасовцы жили в Турции примерно 250 лет, но не смешивались с турками. Одна из причин, по которым они вернулись в Россию – то, что все уже стали между собой родственниками, и у них начали появляться проблемы с генетической наследственностью. Но..., значит, они с турками не смешивались, откуда же у них такие «турецкие» лица?

Наверняка, их физиономия «сложилась» до того, как они ушли в Турцию.

Но откуда этот странный костюм? В нём тоже что-то восточное, непонятное... Ведь приспешники Игната Некрасы были донскими казаками. И их костюм – тот же, что сохранился и у нас: сарафан, чехлик, чепчик, а не какие-то разноцветные балахоны, которые, конечно, весьма красочны и экзотичны, но неизвестно откуда пришли...

Мне вспомнилось некрасовское знамя в Старочеркасске – его разноцветные яркие квадраты, похожие по краскам на костюмы казаков-некрасовцев, и какие-то замысловатые символы, напоминающие бисерные булавки... Наверное, это сравнение покажется вам странным, но странными мне – и не только мне – показались и знамя, и одежда этих, будто бы родственных нам казаков... Правда, я не специалист ни по костюмам, ни по геральдике, но всё это слишком уж бросается в глаза.

Музей в Легокумске замечательный. Его директор – та же Людмила Васильевна Евдокимова, руководитель ансамблей казаков-

некрасовцев, взрослых и детей... Энтузиаст, человек вольный и решительный, именно к ней обратился Василий Васильевич, сообщая о нашем желании приехать сюда. Она рассказала нам, как всё началось: музей, ансамбли, интерес к казакам...

Людмила Васильевна Евдокимова: – *В 1973 году я приехала сюда работать по приглашению и руководила танцевальным детским коллективом. Каждое воскресенье я видела, как казаки-некрасовцы ходили в храм в своих национальных одеждах. Однажды я пришла к казаку-некрасовцу Ивану Яковлевичу Никульшкину за молоком и стала его расспрашивать. А ещё раньше я наблюдала, как они в воскресные дни пляшут, поют, и мне было совсем непонятно даже, как они пропевали песни. Не могла вообще разобрать текст, о чём они поют. И когда я стала расспрашивать, кто вы такие, они отвечали – казаки-некрасовцы. Я говорю: да я о таких вообще никогда не слышала. Я знаю ставропольских казаков, которые назывались гребенскими, я знаю кубанских казаков, я знаю донских казаков, а кто такие некрасовцы, мы вообще никогда не слышали. А они в ответ – как не слышали? А у нас Игнат Некрасов был атаманом и он нас увёл в Турцию. Ну, пришлось поднять учебники истории, пришлось читать, откуда это, что это, и когда я узнала, что это связано с Булавинским восстанием, тогда стала, конечно, всем интересоваться. Ивана Яковлевича спрашиваю – а есть у вас песни про Игната? И Иван Яковлевич начинает петь:*

Не заря, заря занимался
Не красна солнца вокаталыся
Не красна солнца вокаталыся...

А в песне говорится, что атаман Игнат Некрасов был на Дону, и пришлось ему сражаться с войском Юрия Долгорукого, и ушёл Игнат с Дона на Кубань, а с Кубани во туречину, и в конце песни говорится:

Ты прощай, прощай, наш тихий Дон,
а тебе царю, шельме, не за что.
Через тебя я иду во неволюшку,

во невольошку, во туречину,
Умирать буду – я и там помру,
Если жив буду – я опять приду,
Я опять приду на Кубань реку.

И вот это меня и потрясло, последние слова. Я сопоставила все эти данные, и заметила, что, действительно, казаки ушли и прожили там 254 года и вернулись к нам и выжили, наверное, путём сохранения своего духа. И они нам вернули уникальные культурные ценности... но тогда до меня не доходило, что это богатейшие ценности, а по одной песне невозможно было судить, и я тогда пошла по бабушкам: «Бабушки, а как вы праздники проводили, а как вы свадьбы проводили, а какие у вас религиозные праздники отмечаются?». Стала ходить к ним в церковь на службы, смотреть, как служат, стала присматриваться ко всему, и в конце концов – в 78 году я создала ансамбль «Некрасовские казаки». И когда мы впервые поехали в Ставрополь, на фольклорный праздник, и нас увидели там, все удивились: «Откуда вы такие? Кто вы такие?» Ну, конечно же, пришлось рассказывать, кто такие, и вот уже прошло 25 лет, как существует этот коллектив. А 11 лет назад мы создали центр традиционной русской культуры, в котором есть этнографический музей, мастерская по изготовлению некрасовских сувениров, и четыре фольклорно-этнографических ансамбля.

Людмила Васильевна ездила со своими ансамблями по России, были они и в Америке, на международном фестивале, но больше всего они вспоминают поездку в Турцию, в те места, откуда казаки вернулись 40 лет назад на Родину.

И вновь получается очень интересный факт – пока они жили в Турции, их душа постоянно рвалась к России, к той исторической родине, где за 250 лет уже ничего своего не осталось. А приехали в Россию, душа стала тосковать по Турции, по стране, где осталось их детство, немалая часть их истории, и, не в последнюю очередь, могилы родных...

Людмила Васильевна Евдокимова: – *Поездка была неожиданной, мы и не думали, что нам придётся поехать в Турцию.*

Приехала к нам в гости единственная оставшаяся в Турции семья казаков-некрасовцев. Их родители живут здесь. И вот они нам дали средства для поездки в Турцию. Нас там очень хорошо приняли. Было очень тяжело ехать – ехали трое суток, но не сама дорога была трудная, а ожидание было трудным – когда проезжали уже последние километры, все вглядывались в окна, пытались найти хоть что-то, какие-то знакомые места. Но за 40 лет всё настолько изменилось, что, конечно, трудно было что-то узнать. Приехали в село в первом часу ночи. Нас жители ждали весь день и в полночь разошлись. На окраине села светилась будочка, там сидел турок. Когда мы подъехали и спросили, как проехать к Владимиру Деирмиджи, он нам объяснил, а потом, когда мы уже начали отъезжать, он вдруг сорвался с места, бежит и кричит:

- Остановитесь! Остановитесь!
- Что случилось?
- А вы не казаки, которых мы ждём?
- Казаки.
- Ой, так я вас провожу!

Прыгнул к нам в автобус, довёз нас до места и мы едва успели открыть дверь, как по какому-то беспроводному телефону – собралось всё село. Первое моё впечатление, и самое сильное – когда в салон автобуса зашла первая учительница казаков-некрасовцев. Она шла по рядам, и узнавала буквально каждого: Дунютка, Гаврюшка, Андрюшка. Узнавала каждого и плакала – и это было очень трогательно.

Представляете себе: за сорок лет не забыли друг друга. Идём по улице, подходит человек: «Домна, ты меня помнишь? Я Измаил, или Хуссаин, с тобой учился». Было очень много таких трогательных встреч. В Бандерме на площади собрался весь город, и мы там выступали со своим концертом, потом турки пришли со своими музыкальными инструментами и играли и плясали вместе с нами, всё было очень интересно. Приехал мэр города Бандерме, приехал мэр Майносского района, и вся администрация села Каджагёл была на этой встрече, было очень трогательно и интересно.

Странно, что даже те, кто имеет дело с казаками-некрасовцами, вернувшимися в 1962 году из Турции в Россию, о нас, потомках

казаков-некрасовцев, оставшихся в Добрудже, мало знают... И сами казаки, которые по преданию знают только, что «*остались наши и в Румынии*», и специалисты... Когда Людмила Васильевна получила письмо, в котором Василий Васильевич выражал желание приехать и познакомиться с жизнью наших «соплеменников», она была в изумлении:

Людмила Васильевна Евдокимова: – *Иду я по улице, мне почтальон кричит: срочно идите и получите письмо, вам пришло письмо из Румынии. Я пришла на почту и думаю: ну от кого может быть такое письмо? Я даже не подозревала ничего. И когда я его открыла и начала читать, меня, конечно же, прошиб пот: атаман Иван Дранный, потомки Ивана Дранного, – это настолько было удивительно, мы только в книжках по истории об этом читали, и вдруг – живые свидетели, потомки этого атамана. У меня дух захватило! Я сразу позвонила нашему священнику, отцу Феофану Бандеровскому:*

– *Феофан Кирсанович, вот, так-так, вы знаете, пришло вот такое письмо.*

– *Да ты что, Васильевна?!*

– *Что мы будем делать, что будем отвечать?*

– *Приглашай их на престольный праздник, чтобы они на праздник к нам приехали.*

Ну, так получилось, что вы приехали чуть раньше, нашего престольного праздника не дождались, к сожалению, но всё это как-то с трепетом воспринимается, неужели вот это правда, что вот ещё русские люди где-то живут и сохраняют русскую традицию?!...

Коллектив ваш, конечно, удивительный, у нас уже как-то старые люди уходят из жизни, а молодёжь старается модернизировать казачью музыку. И поэтому, по-моему, песни становятся побыстрей, и все их делают под пляску. Я послушала, как ваши женщины поют наши казачьи песни, с каким степенством, с каким распевом, с какой раскачкой красивой – это действительно, не поют, а ведут песню. Мы просто в восторге, вся наша администрация, не столько казаки-некрасовцы восхищаются, сколько мы, местные русские люди восхищаемся тем, что вы вот там сохраняете. Ведь вы совсем близко к Европе и всё равно европейская массовая культура на вас не оказывает такое влияние, как вот здесь, у нас.

В музее выставлены предметы быта, костюмы, фотографии...

Несколько комнат убраны по-казачьи и по-молокански.

В углу – портрет Кондратия Булавина – он очень похож на бюст-изображение Некрасова, выставленный в старочеркасском музее. То же лицо, выражение то же самое – решительность, воля, непокорство...

Людмила Васильевна рассказала, как приезжал сюда Ф.М. Тумилевич, как он ходил к главным представителям общины, как ему отдали все документы, бумаги, которые у них имелись. И которые как будто канули в воду. Они не были до сих пор опубликованы, после смерти Тумилевича его жена отказалась что-либо показать...

– Я даже не знаю, что они ему дали, но, должно быть, важные очень документы... Я спросила у умирающего Саничева, который привёл казаков обратно в Россию: «Василий Порфирьевич, ради Бога, скажите хоть, что вы ему дали...» Не сказал...

Так что где-то, наверное, хранятся ещё документы некрасовцев, наверняка и в архивах Турции ещё много неизученных, неисследованных бумаг, некрасовцы – это пока загадка истории, загадка, частью которой являемся и мы...

Людмила Васильевна дала мне посмотреть некоторые статьи о казаках-некрасовцах, которые она собирает и хранит в музее. Среди них есть очень интересные – многие написаны Еленой Агеевой и Николаем Денисовым – я с ними познакомилась однажды в Кишинёве.

Интересно, что они публикуют многие статьи о казаках-некрасовцах в журнале *Музыкальная Академия*. Николай Денисов музыковед, и, если я не ошибаюсь, специалист по церковному пению. Например, в третьем номере за 2002 год вышеназванной газеты Агеева и Денисов опубликовали статью о записках казака-некрасовца В.П. Санича (он «привёз» из Турции на Родину своих братьев) на листах книги *Следованная Псалтырь* с Часовников.

Мне эти записки показались интересными, и я списала несколько из них:

Л.218. В лето 7216 г. (1708) Игнат Некрасовец з Дону.

Л.219а. В лето 7299 г. (1791) Пашили казаки с Дунаю на Еноз и на Майноз.

В лето 7305 г. (1797) згарела Буркина часовня.

В лето 7317 г. (1809) з Дунавца сашили на Майноз.

- Л.220. В лето 7326 г. (1818) померкала солнца.
В лето 7336 г. (1828) качевали казаки с Еноза на Майноз.
В лето 7375 г. (1867) качевали казаки с Майноза в Конию на Маду,
157 семей.
В лето 7363 г. (1855) земля тряслася, аки трис на Майнозе.
Л.220а. В лето 7371 г. (1863) на Майнози была хворость на ско-
тину, месяца августа.
В лето 7380 г. (1872) на праздник Введение ноября 21 числа звёзды
падъли.
В лето 7387 г. (1879) рускии пришли в Царыград.
Л.221. В лето 7408 г. (1900) оспа была сильная, умирал народ.
[.....]
Л.222.
Игнат аставил завет царю не покаряться, при царе в Расею не-
возвертаца. Атамана войска кубанскова выбирать на адин год.
Атаман ащели без правды пайдёт, Круг мажет научить и свер-
зить.
Л.222а. С туркиими ни сапцатца и не соединяца. За туркых жен-
щин не даватъ и у туркых казакам женицин не брать.
Ащели кто не послушает, казнить смертию.
Женицина – мать. Абижать нельзя. Ана даёт нам род. Казак аще
ли абидил жену, вести на Круг учить.
Л.223. Аще ли кто насилует женицину или девицу, бить плетми
до смерти.
Изменника войску растреливать. За измену мужу жену в куль да
воду.
Вдов, сирот, стариков содержит Круг. Казаки тарят милос-
тыню вдовам, сиротам тайна, чтобы человекей глаз не видил.
Л.223а. Почитать старших.
Девык замуж даватъ 18 гадох.
Держадца старый веры.
Папа, неспалняющего волю Круга, можна убить.
Некрасовицу без грамоты нельзя.
Ворох убивать.
Лист 224. Заветы Игната Некрасова списал из самоследованова
Псалтыря в лето 7453 г. (1945) на Майнозе Саничев Василий Порфи-
рьевич.*

- В лета 7430 г. (1922) турецкая правительства атабрала у нас
аружью.
Л.224а. В лето 7431 г. (1923) закрыли Круг. Турки нами стали
править.
В лето 7436 г. (1928) закрыли нам школу и запретили па-руски
учиться и разговаривать на материнским языке.
Л.225. В лето 7439 г. (1931) турецкая правительства поселила
нам [...] 40 семей мухажсырых и три семьи турык.
В лето 7441 г. (1933) правительства атабрала у нас землю, паде-
лила с мохажсырыми. В то же лета рускии фамилии сменила на
туретскии.
В лето 7442 г. (1934) казаки сменили Игнатову адежу и стали
брить бороды, а женицины аставили адежу.
[...]
Л.226. В лето 7464 г. (1956) учитель убил нашива мальчика в
школе.
В лето 7434 г. (1926) наши казаки старались уйти из Турсии.
В лето 7470 г. (1962) сентября 19 дня я поднял 215 семей казаках-
некрасовцев 985 дуишь и павел в Расию.
Л.226а. 21 сентября 1962 года мы сели на советский теплоход
«Грузия».
22 сентября 1962 года приехали в Новоросийск. Мы вступили на
землю предкох. Мы пришли до своего языка. Мы исполнили ЗАВЕТ
ИГНАТА.*

Я спрашивала многих некрасовцев, и в первую очередь стари-
ков, которые хорошо помнят жизнь в Турции, о Заветах Игната, но
ни один из них не имел ни малейшего представления, а всё это буд-
то бы не так уж давно и произошло... Неужели у казаков-некрасов-
цев память, и особенно историческая память, так коротка?... Даже
записи эти какие-то странные. Ничего о военных порядках, ничего
о деятельности Круга, упоминается, что было отобрано оружие, что
был закрыт Круг, а чем занимался Круг, кроме наказания непослуш-
ных, не ясно. А что они делали с оружием до того, как турки его
отобрали – ни слова...

И ещё: со временем драматизм жизни казаков в Турции становится
всё сильнее – кажется, их жизнь там становится просто невыносимой –

отобрали оружие, школу, землю, язык, фамилии... А сегодняшние старики, которым было по 20-25 лет в момент приезда в Россию, никакого зла от турка не помнят. Всё твердят, что им хорошо там было, что, может быть, кого-либо и когда-либо турок и угнетал, но никак не их...

В статье *Притягательный берег Игнат-казаков* в газете «Кавказский край» (20-26 июля 1992 г.), Александр Мосинцев пишет:

«Книга Игната хранилась две сотни лет в священном ларце в церкви на Майносе. Утеряна в 62 году, при переезде».

Как объяснить то, что никто из казаков не помнит эту книгу, даже по преданию о ней не знает? И как могла потеряться такая бесценная вещь?

И вообще много здесь странного, непонятного, запутанного...

* * *

Бабушка Татьяна – Валина соседка. У неё живут дядя Кирюша с дядей Гриней. Мы идём к ним в гости... Бабушка Таня Елисютикова очень симпатичная, прекрасно рассказывает, и её сильное щаканье придаёт особый колорит её речи... В доме тоже немного божественного, хотя живут в нём люди немолодые... Есть 2-3 иконки, да не настоящие, а просто бумага, наклеенная на дерево и покрытая лаком... Говорят, что когда они уезжали из Турции, представители турецкой власти забрали у них в церкви все иконы – «Если мы заберём у вас иконы, вы не уедете»... Уехали и без икон! А иконы, говорят, вошли в достояние Хаджи Софии, что ли. Когда казаки были в Турции в гостях, они попросили посмотреть свои образа. Им показали замечательный альбом – «вот они, здесь, у нас, но мы их вам не вернём. Пусть российские власти с нами об этом поговорят. Может быть, в обмен на наши предметы искусства, что хранятся у вас, и отдадим». Но Лёвокумский район далеко от Москвы, далеко от властей. Сюда приезжают, записывают, фотографируют, забирают, что можно, и уезжают. Никто по-серьёзному не думает о судьбе этих людей...

Бабушка Татьяна рассказывает мне растяжно, почти нарарпев, об их жизни в Турции:

– *А в Турции как жили? Хорошо жили, хорошо. Може раньше кто страдал, а мы хорошо прожили.*

А дом у нас был – хата, цулан, поветка, лапаз, сарайчик, гарнушки. Летние гарнушки были. А зимние – у нас кухня была зимняя. Пещку топили, в чугунах, в медниках, в пещке всё варили. На мангалах варили. Из пещки жар выгрябаешь, угли, нагарела пещка и становись на мангал кушинья, а она вариться.

К Пасхи всё мазыли, все кутухи мазыли, этими каровыми кизьяками: пясок, глина, а белую глину – мы звёсткой не пользовались – белая глина была – копали ездили, в сёлах такие яры были – накопаем, и потом её комками подделаем, повысушим и поскладём их в сарай. И пользывьёмси. Вельками её поталкём, ситой просеем, пясочку, и мажем. Кажный мазыть не знал, пальчиками мазали, чтобы были ровные ряды, а потом щёрным обводишь. Поветки мазыли, полы щёрным, потом пошло красный глиной мазыть, а то щёрный глиной мазыли, рогожки стялили. Были деревянные кровати. Кто на кровати ляжить, кто на лавке. Кровать как поширише, а лавка поменьше. Детишкых вот соберём, если к Пасхи помазыли, чтоб дети об стенку не хватались. Чоб не облапали, до Пасхи чоб свежа было.

В пост всё постное ели. Мать стала молиться, и нам будить говорить: молитесь детишки и вы. И мы молимся. Без нацалу не ложились, без нацалу не вставали. Кюпи были с водой – в кюпи наливали воды, пойдёшь, воды ноцу пить, мать будь говорит:

«Смотри, вода спить, а ты её побуди. Кухликом поболтай, поболтай в кюпи воду, и пей.» Без молитвы не тили. Иде бы не были, иде бы мы не работали, всегда с нами Бог, всегда крястились, ни турков не стяснялись, никого не боялись. И никто нам не запрячал. Две у нас церкви были, одна была Троиссиской, одна была Успенская. Я сама с Успенской церкви, а дед у мене из Троиссиской.

*А я про Ината даже не знаю. Как мама рассказывала, уходил он от царицы от Катярины, напоил её и спать положил. Они послули, а он свои корабли и своих людей, как всех поднял и посадилиси и поплыли. А она царица будто бы гнала, гнала и не догнала. И она яго прокляла: **чтобы вы всё равно не размножились.** И не размножились. Много нас нет. Не размножились мы – мало людей было.*

Татьяна Елисютикова помнит, как бабушка ей рассказывала, что её сестра осталась в Румынии: – *Две сястрицы были у бабушки: Аринка сястра и Ганька сястра – и она к ним ездила и вот как ваши есеницины,*

в такой была в адежде, адетая. И была картышка, куда делься не знаем. Хранила наша мать её, хранила и показывала: вот бабушка. Бабушка у нас сто лет жила.

Да, знали, что у Румынии есть наши – она, наша бабушка гаварила: детушки, с моёй сястрицыны стороны журавли лятят, у маёй у сястрицы похолодала. Када улятют с тёплыми месты, с Турсии назад, она буить гаварить: с нашей стараны в Рамынию паятели, к маим к сястрицам паятели. Они были Щеревановы, их прозвища была Щеревановы, а фамилия, как она вышла за нашего за дедушку, Бакачёва.

А муж мой Елисютиков. И вот, Гриша говорит, что и у вас есть Елисютик семья. Спаси Христос, хто вас вот суды привёз и как вы надумали, хто из вас. Спаси Христос!

А дедушка Нифанти, муж бабушки Татьяны, рассказал, как турецкие власти не позволяли казакам носить оружие:

– Сколько мы были, жили, когда наших в армию брали, только в больнице, за больными ухаживали, дороги лили, а винтовку им не давали.

Палку дадут и с палкой там сторожишь, только с палкой.

Бабушка Тяня накормила нас рыбой, потом показала свой костюм – балахон и всё остальное.

О своём прошлом они почти ничего не знают. Сохранилась какая-то смутная легенда об Игнате, за которого хотела выйти замуж Катярина, а он ей отказал, и поэтому вынужден был уехать в Турцию. А туда султан его не принял, пока он не прострелил своё знамя. Знамя, которое выставлено в старочеркасском музее... На одной стороне изображён восьмиконечный крест, а Некрасов должен был стрелять в этот крест, чтобы доказать свою верность султану... Он, конечно, схитрил и прострелил ниже креста. Варианты существуют разные – то ли однажды, то ли трижды стрелял. На знамени в музее одна лишь дырочка. Они не знают даже, что некрасовцы покинули Кубань и отправились в Турцию после смерти Некрасова.

Валя с Никоном показали нам сегодня «турецкую» икону, то есть привезённую из Турции. Икона стоит в маленькой кухне во дворе. Славная старинная икона Богородицы, её бы на самое почётное место в доме ставить, а не на кухню прятать...

А потом глава семьи решил показать нам и старинные книги – одна – по-видимому, Часовник, а другая – наверное, Шестоднев, я в этом мало разбираюсь... Никон с гордостью поставил драгоценные книги на стол и... у меня мурашки пошли по коже – поплюнул палец и стал листать эту бесценную святыню как телефонный справочник...

Они люди добрые, гостеприимные, но следует сказать, что не воспитанные в духе сохранения **своего**, идентичности своей – к сожалению, у нас это явление так же распространено. У Вали высшее музыкальное образование, Никон тоже что-то кончал, техникум какой-то, кажется, но чего-то не хватает их образованности. Я знаю, что у нас, перед тем как читать богослужебные книги, человек обязан вымыть руки и перекреститься. А тут... Разве что духовности им не достаёт, духовности, без которой, несмотря на образование, человек остаётся каким-то неполноценным, каким-то духовным и душевным калекой...

А жаль, конечно... Это наверняка связано с тем, о чём мы беседовали в Новопокровском с отцом Георгием, а именно с тем, что религиозные ценности потеряли свою силу, своё значение, а вместо них люди не получили ничего.

Люди здесь живут похуже, чем на Кубани, хотя работяги – видно, что стараются: у каждого скот, птица. Но то же ощущение, что чего-то не хватает. Как дом старообрядца, в котором нет иконы... Как будто дом пустой...

Суббота, 16-е августа, 2003 г.

Сегодня день без особых событий. С утра съездили на рынок в Левокумск – обыкновенный рынок, на котором нечего купить, потому что почти весь товар турецкий, как и у нас дома, ничего русского нет, одни лишь конфеты. И, разумеется, мы все накупили конфет, ведь это один из подарков, которые всегда привозят из России.

Потом – или ещё до рынка? – нас возили в Дом культуры, потом на винный завод, где нас заставили два часа любоваться пустыми бочками. К счастью, на заводском дворе растут прекрасные цветы, и наши казачки вдоволь налюбовались ими. Бедные, они сегодня измучились. Проходили весь день в «обряде», в длинных сарафанах, ибо так велела Людмила Васильевна. И нельзя было возражать...

В полдень Людмила Васильевна пригласила нас на пельмени, и все мы – Василий Васильевич, Таня, я и семья Людмилы Васильевны –

дружно лепили эти пельмени. Которые потом, ещё дружнее, всей компанией, съели...

Валя вместе с собакой Куклой, которая нас с Таней почему-то особенно полюбила, проводили нас до микроавтобуса. Едем в Кумскую Долину – это совсем недалеко – там тоже живут казаки-некрасовцы.

Уже чувствуется усталость – столько дней в дороге, «верхом»... Но паломнику жаловаться не пристало... А ещё, как говорили наши предки: *Терпи, казак, атаманом будешь!* Ну, нам всем атаманами, конечно, не быть, но потерпеть ещё немножко нужно – куда деваться...

Судьба некрасовцев была, конечно, отнюдь не лёгкой. В их преданиях говорится, что из России ушло 70 лодок по 30 человек. Часть сразу уехали на Майнос. Часть остались в Добрудже, в Болгарии... Наверное, те, кто уехал позже из Добруджи на Майнос, отправились туда, где уже жили наши казаки. И их назвали там *дунаками*, потому что они приехали с Дуная. В Турции они тоже переезжали – то туда, то сюда – в принципе это была очень подвижная группа. Им переселиться на 200-300 километров, со всеми своими семьями и домами, было нипочём... Кочевники!...

В Турции многие умирали – какой-то мор был, потом терпели разные притеснения со стороны турок. Но не поминают их лихом. Помнят турецкий язык – вот бабулькам казачкам привлекательнее показалось побеседовать по-турецки с нашим Муудином-водителем, чем с нами, – ведь на русском языке они общаются постоянно... В 1962 году покинули Турцию, чтобы приехать в Россию, 999 человек – тысячный родился на теплоходе. Они якобы старались исполнить завет Игната – вернуться в Россию, но не при царе. Американцы их уговаривали переселиться в США – но не уговорили. Несколько семей уехало туда, но – буквально наперечёт. Большинство пошли «по своему языку». Вернулись. И что же вышло? Их здесь разлучили, поселили в двух деревнях, рядом с людьми самых разных этнических и религиозных групп – тут и молокане, тут и русские – чтобы растворились, утратили сплочённость свою. Их здесь осмеивали, не давали им воли сохранять свои обряды – хотя, как ни удивительно, позволили построить церковь – в то страшное время, когда в СССР церкви разрушали. Детям не разрешали ходить в церковь,

снимали с них кресты, обижали... И вот как вышло: на протяжении 250 лет сохранив веру и традиции в Турции, в иноязычной, иноверной среде, за какие-то 40 лет они почти полностью утратили свои ценности в России. Сейчас их осталось 632 человека, в основном, старики и старушки. *«Вам повезло, – говорят они, – что вас там много. Вы смогли сохранить то, что нам не удалось...»*

«Лучше они бы к вам тогда поехали» – вздыхает Людмила Васильевна...

В Кумской Долине нас встретил в церкви батюшка Феофан Бандеровский. Он отслужил утреню, на которой присутствовало несколько старушек в обыкновенной, будничной одежде. *«Завтра, на праздник, придут в костюмах»*, – говорят нам... А у нас всегда ходят в церковь в традиционном обряде, правда, по праздникам надевают самое красивое.

Потом пошли беседы, Василий Васильевич рассказал им о нашей истории, но вряд ли эти простые семидесятилетние старушки поняли что-нибудь.

Здесь, вроде бы, люди построже насчёт веры: постятся, соблюдают праздники... Только не долго им ещё существовать. Исчезнут и они... Людмила Васильевна говорит, что следует обратиться в ЮНЕСКО, чтобы они помогли нам, как этносу, стоящему на пути исчезновения... В самом деле, ведь даже если какой-либо вид животных или растений начинает исчезать, его перемещают в заповедники, заботятся о нём. Нас тоже, что ли, в заповедник поместить? Но человек ведь не растение и не животное... Помощь, конечно, не помешала бы, но помочь они могут материально, а главное мы должны сделать сами. Сохранять, оберегать, возрождать и главное – по-настоящему любить и ценить всё своё. Ведь наша судьба – исключительная, необыкновенная, и мы должны ею гордиться...

У нас, у «дунаков» положение пока не такое критическое, как у здешних, но мы должны учиться на их опыте. У нас, слава Богу, пока жива вера. И вера для нас – источник жизни и сил. Нас и численно больше, и интерес к нашей истории, к нашему быту, к традициям ощущается среди нас сильнее. Потом – у нас организация. Мы стараемся, мы пытаемся... вот, мы даже хотим завязать что-то – установить связи, найти своих, узнать подробнее, кто мы, откуда мы и зачем...

У них этого нет. И, мне кажется, у других общин – в Америке, в Австралии, на Аляске – тоже...

Церквушка в Кумской Долине маленькая, две крохотные луковички с нашим старообрядческим крестом, цветы на дворе...

– *Где некрасовцы, там и цветы*, – замечает Людмила Васильевна. – *И у нас есть цветы, конечно, но не столько, как у них...*

Я мысленно улыбаюсь... В самом деле, наши женщины, куда бы мы ни приезжали, первым делом замечают цветы, спрашивают, как они называются, просят семян. В наших сёлах дворы утопают в зелени и в цветах... Вспомнилась и красивая церковь в Новопокровке, где двор был тоже полон цветов. Да, это чистая правда: где некрасовцы, там и цветы...

Суббота, 16 августа 2003 года

Левокумье (общественно-политическая газета Левокумского района Ставропольского края):

Румынские старообрядцы навестили земляков

Позавчера с дружеским визитом в наш район прибыла группа старообрядцев – представителей общины русских-липован Румынии. Потомки казаков-некрасовцев, до сих пор сохранившие веру, язык и старообрядческие традиции своих предков, совершают паломничество по местам расселения переселенцев из Турции – городам Старочеркасску и Ростову-на-Дону, посёлкам Новопокровску и Некрасовке на Кубани, а в нашем районе – по с. Бургуни-Маджарам и п. Кумской Долине. Здесь делегацию встретила директор центра традиционной русской культуры молокан и казаков-некрасовцев, Л.В. Евдокимова.

Вчера зарубежных гостей принял глава районной государственной администрации Н.А. Щербина.

В ходе встречи, в которой также приняли участие заместитель главы РГА Т.Ф. Тивикова, старообрядцы узнали о том, чем живёт наш степной район, и рассказали о своих традициях и обрядах.

Присутствующие обменялись подарками, но самое приятное – некрасовцы завершили встречу казачьими свадебными и уличными песнями.

О. Лежина

Небольшая, почти незаметная заметка в районной газете. Я ведь тоже журналист – думаю, можно было бы очень интересную статью о нас написать. Или я уж слишком субъективно ко всему отношусь? Слишком всё это во мне живо, и слишком я за всё это переживаю. А для других – ничего такого сногшибательного в нашей истории нет. И это, в какой-то мере, даже естественно... У меня, например, к истории папуасов – тоже нет большого интереса (!). Хотя, кто его знает, может быть, и есть – хотя бы как к экзотике...

Воскресенье, 17-е августа, 2003 г.

Как правило, паломники заботятся только о своём духовном обогащении, совершенствовании, они едут или даже пешком идут, посещают места-святыни с единственной целью – наполнить свою душу духом святости. И их не беспокоят неполадки с размещением, с транспортом, их не смущают трудные условия дороги, проживания, питания... Но это значит, что и мы – настоящие паломники: ночевали, сидя в автобусе, кое-кто предпочёл лечь на земле, возле машины, потом провели две ночи в сырой обители, в подвале, и были рады, что могли хоть головы приклонить на подушки. Ели, что нам давали, если давали, если нет, терпели или сами покупали «по возможностям»... Но разница всегда заметна: в Ростове нас напоили чаем, в Покровке приняли с накрытыми, как на храм, на церковном дворе столами, в Левокумске мы участвовали в изготовлении пельменей, а здесь, в Кумской Долине – строгий пост.

Каждый живёт, конечно, по-своему... И в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Но женщины наши удивляются: здесь насчёт еды больно строго, а другие правила не слишком соблюдаются... В церкви люди одеты по-современному – короткие рукава, бороды бритые, мужчины даже без пояса, рубашка не навывпуск. Народу в церкви очень мало – одни старики да старушки. Сегодня некоторые пришли в своих ярких, странных, с явным азиатским «уклоном» костюмах. Цветы воткнуты в платок, завязанный почти по-турецки и закреплённый булавками-украшениями из бисера.

И люди здесь не такие гостеприимные, как наши. Не такие открытые. Какая-то внешняя, поверхностная, мало убеждающая строгость. Или мне так кажется... Искалеченные судьбы, сломанная вера, сломанная вековая традиция.

«Им следовало бы приехать к вам, чтобы сохранить себя, а не в Россию» – бросила мне как-то мимоходом Людмила Васильевна. Но уже ничего не вернёшь – история движется лишь в одном направлении, идёт в шаг со временем...

Домики похожи на наши – полные цветов дворы, многокомнатные побеленные известью помещения, фруктовые деревья, огороды... В регионе много виноградников. Многие пьют. Остальных работа на виноградниках изнурила...

Сегодня проезжали мимо высокого восьмиконечного креста, поставленного в прошлом году, когда отмечали сорокалетие возвращения казаков-некрасовцев на историческую родину.

Трагическая судьба маленькой этнической группы! Их не сломало 250 лет, прожитых в иноязычном, иноверном, инокультурном пространстве, но сломало 40 лет жизни – якобы дома, якобы на родине... Сегодня, после службы в церкви подходит к нам молодая женщина, и сообщает, что она родственница Ивана Дранного. Подробностей она, конечно, не знает, и единственное, что может сказать, что фамилия её Дранная... Столько воды утекло... Разве можно установить родство 300 лет спустя...? Разве что у аристократов, у царей, а простые люди помнят свою родню 3-4 поколения... И фамилия – это не доказательство...

* * *

Наша поездка подходит к концу. Завтра пускаемся в обратный путь – домой... Что везём мы с собой? Частицу Родины в душе и уверенность, что не зря сюда приехали. И что мы делаем святое дело, стараясь сберечь и передать дальше то, что ещё сохранилось...

И снова песни – наши, их, общие, снова душевные беседы, разговоры, шутки за столом, кузнечики, малина, Аня, Лина, наши хозяйки и девятимесячный сын Ани – Ваня. Странно как-то: перед самым отъездом, люди вдруг, почти на глазах, сблизилась... Неужели кровь всё-таки заговорила?

Аня показывает нам свои стёганые фуфайки, балахоны, старинные иконы... Одежда лежит в сундуке, иконы – удивительные! – свалены в кучу на шкафу, спрятанные, забытые, запыленные... Жаль, что камера осталась у Василия Васильевича!

Сегодня некто Семён Иванович – что-то вроде светского лидера деревни – заявил: – *Приезжали к нам многие, со всей России и даже из-за рубежа. Но никто не был для нас таким близким, кровным, как вы...* Они говорят, что не знали, что нас так много в Румынии, и что мы сохранили столько, они даже не представляли себе. Мы должны показать себя миру, должны дать миру знать о нас, ибо лишь некоторые, редкие специалисты о нас слышали, нами интересуются, а мы ведь – живая легенда, которая не должна исчезнуть...

Казаки говорят, что после того, как они покинули Турцию, там 5 лет была засуха, дела шли плохо, как будто некрасовцы увезли с собой святость – так сказали им турки, когда они ездили в 1994 году в Турцию, посмотреть бывшие свои места проживания... Там одну их церковь переделали на мечеть, кладбище разрушили – уцелела одна единственная могила, на которой они и голосили, поминая всех своих усопших... Как странно, как страшно – уехать куда-то, оставив позади всю свою жизнь, могилы родных, историю, уехать в места, которые на самом деле ничего для тебя не значат – точно как наши предки уезжали из России в Турцию – в никуда, в ничто... И потом вернуться, чтобы взглянуть ещё раз на то, что осталось, что было твоей жизнью... Для их детей всё уже по-иному: для них Россия уже Родина, что-то уже есть там..., а для стариков? Они вернулись посмотреть ещё разок на свою жизнь, и вдруг обнаружили, что и следов той жизни не осталось, что всё разрушено. К новому месту не привязались, а на старом всё исчезло, как будто никогда и не было... Как будто жизнь прошла зря, как будто скитаешься по миру без имени, без прошлого, без будущего... Страшно, когда нет корней, страшно, когда корни обрываются, ибо это ведь корни твоей души, твоей жизни, твоей связи с теми, кто был до тебя, кто научил тебя Надежде, Вере и Любви...

«*Но мы же не знали, что вы вернётесь*», – извинялись турки, как будто таким образом можно оправдать разрушение чужой истории.

Не довольны старые казаки и своей жизнью здесь: «*Нет уж святости, потеряно всё духовное*»...

На нас они смотрят с каким-то удивлением и явной завистью: чувствуют, что мы продержимся – пусть не известно, сколько, но всё же дольше, чем они. Смотрят, как умирающий человек на здорового сверстника, завидуя ему, что он ходит, смеётся, что может как-то отстоять себя...

Пима и здесь нашёл каких-то своих родственников – они показали ему фотографию, на которой он изображён ребёнком, вместе с родителями. У него этой фотографии нет, а родители его погибли в автокатастрофе, когда он был маленьким. Дядя Кирюша тоже нашёл родственника одного из своих соседей. Но это уже другого рода родство. Правда, оно также связано с нашими послевоенными переселенцами. Казаки смешивались с ними, женились, выходили замуж, потому что небольшая их часть живёт и в Новокрасовке, возле Покровки. И это так же трогательно и удивительно... Приезжаешь как будто на край света, готовишься встретить незнакомых людей, с которыми тебя связывают лишь какие-то смутные исторические воспоминания, думаешь, что голос крови не касается конкретных людей, а только места, духа... и вдруг, ни с того ни с сего, находишь собственную фотографию, да ещё такую фотографию, о существовании которой ты и не подозревал. Как будто самого себя нашёл, свои следы – здесь, в отдалённом уголке, о котором впервые слышишь...

Как говорит тётя Ульяна: – *Ну вот, поехали мы в Рассею, посмотреть свои корни, ну, нам казалось, что мы и не будем видеть, знать про свою родню, но когда доехали мы до России, там нашли свою роду, очень приятно они нас встретили, у церкви, с звоном, и батюшка, и люди – все, видно, румынские – и они нас очень хорошо приняли, накормили, напоили, определили. Нас нашла рода, которую мы век даже не видели, не знали. Она нас забрала, пошли к ей в дом. Живут они тоже так, как и мы. И были они рады, что нас встретили, а мы тоже, рады, что их видели. А потом дальше поехали. Куда ни поедем, никогда бы не подумали – ничайна даже, по фотокартычках мы нашли свою роду, по разговорам. Почали спрашивать, как звать, по прозвищам, и все были рады, что мы встретились, и нам понравилось – очень хорошо люди приветили нас. Мы пели вместе песни, вот песни у их – что у нас, что у их – те же самые песни. Мы думали, что за такей границы будут может ни знама какие песни, а они всё наши, всё казацкие песни и старинные. Так же и стихи, так же и у церкви пение и усё. Пойдёшь, слушаешь – как будто у себя дома. И вот это дуже нас удивило, что за столько лет, столько лет прошло – за которых мы и никогда ни слышали даже, а вот сейчас мы увидели друг друга и погостевали очень приятно.*

Как ни странно, на таком географическом и историческом расстоянии далёкие родственники, «десятого колена», как у нас говорят, которые дома уже и не считаются родственниками, становятся вдруг роднее родного брата. Это так удивительно, порой даже непонятно, но именно так реагирует человеческое сердце. Так, например, если уезжаешь за границу и вдруг, неожиданно встречаешь там соотечественников – даже таких, с которыми ты никогда и не думал вести дружбу дома – они становятся почти родными, потому что есть что-то общее между вами, что-то связывающее, которое сближает вас в инородном пространстве. Поэтому и бабушки в Кумской Долине с такой радостью разговаривали по-турецки с Мудином: они вдруг почувствовали с ним какое-то почти родство, род ностальгии по родной Турции – да, именно родной для них – а он ведь турок, и уже никакого значения не имело то, что приехал он из Румынии...

Мы снова и снова удивляемся их наряду. Эти яркие балахоны, эти платки – красные с жёлтыми цветами, с рукодельными разноцветными кисточками по краям – все одинаковые – оказывается, они сами не знают, откуда они – их уже очень мало, и других таких не найти. Людмила Васильевна рассказывала, что только когда они ездили в Турцию, проезжая через Румынию, они и нашли где-то там такие платки.

А ещё не забыть про *мутозыки* – это что-то наподобие наших церковных поясов, только не вязаные, а сшитые из разноцветных лоскутков (видимо, искусство вязания этих поясов было забыто, потеряно, и они придумали другой, более простой способ), у которых только по краям кисточки, как у наших поясов, – и они завязывают эти мутозыки не на левую сторону, как мы, а на спину. Ещё очень странным показалось то, что они втыкают разные цветы и особенно базилик (кстати, у них, так же как и у нас, базилик называют *васильком*) в платки – а у мужчин базилик за ухом, или в кармане.

Смотришь, стоит бабушка в церкви, укутанная платком «по-бабыищи», как они говорят, а у неё на голове целый букет цветов и целая дюжина бисерных булавок. Это ни на что знакомое не похоже. А ещё обязательны белые носки... Их хоронят в таком обряде. Даже мужчин, которые не сохранили ничего из традиционной одежды, хоронят в специальных, вышитых рубашках, которые они берегут для последнего ритуала. Такие рубашки они, видимо, носили раньше. Почему же они не сохранили свой обряд? Забыто и искусство вышивания

рубашек, как забыто и крюковое пение. В церкви они поют по памяти – уже много десятков лет как забыли пение по крюкам, а просто запомнили гласы и так вот и поют, передавая из поколения в поколение память этих гласов. А у нас крюковому пению ребяташек учат в церковнославянской школе.

Сегодня, когда мы сидели все вместе во дворе Ивана Семёновича и пели песни (сначала они не соглашались, потому что пост, а потом как-то пошло...), мы спросили у них о преданиях, о воинском прошлом, о «знаменитом» знамени Некрасова. Одна женщина, которая рассказывала о свадебных традициях, вдруг начала говорить, как она в детстве видела это знамя и даже пыталась украсть его, непонятно у кого – у турецкого мэра, что ли? Правда, ничего толкового она так и не сказала, кроме того, что знамя было простреленным – но это уж знает каждый, посетивший старочеркасский исторический музей. О Заветах Игната они тоже ничего не знают, и вообще не помнят о своём прошлом, о том, что казаки были когда-то наёмной кавалерией у турок... Но женщина, которая всё это рассказывала, как-то вдруг брякнула: «*Нам родители строго запрещали: ничего никому не говорить!*» Что не говорить? Кому? И у них то же самое? Заговор молчания некрасовцев, о котором так часто говорит отец... Что за сокровенная тайна с нами связана? Неужели то же самое – что бывшие некрасовцы должны были защищать себя молчанием от презрения, от ненависти всех тех, которых они постоянно смиряли? Но они сохранили своё имя – они и по сей день называются казаками-некрасовцами, а мы лишь недавно начали снова осознавать нашу принадлежность к этой группе... и то не все. Выходит, что они продолжали называться казаками, но должны были ничего никому не говорить. Что не говорить? Нет, здесь логика какая-то странная... Наши перестали называться казаками как раз с тем, чтобы скрыть своё воинское прошлое. А они? Но ведь если называешься казаком, ты признаёшься тем самым в своём прошлом. А они о нём ничего не знают, да ещё и не должны были о нём упоминать. Странно как-то... Потомки Игната Некрасы потеряли свою доблесть, забыли своё прошлое, еле-еле держатся веры, носят причудливые наряды...

Много непонятного, но, конечно, ответить на все вопросы нелегко. Важно, может быть, как раз то, что мы задаёмся этими вопросами, а теперь увидели всё это собственными глазами и можем сравнить.

По-моему, поездка наша была успешной, ведь нам удалось что-то завязать – восстановить связи... Даже если эти встречи ничего не дадут в будущем, они всё равно важны, потому что теперь и здесь знают, что мы есть, что мы сохранили из прошлого больше, чем они, что нас много, что мы ещё держимся.

А мы тоже, наладив с ними контакты, поняли, как важно сделать всё, чтобы устоять. Мы почувствовали, что, несмотря на различия, корни у нас общие, и никто и ничто не сможет это изменить. А ещё – чувство гордости в наших сердцах, что мы ещё живая община, в то время как они уже практически на закате, что мы продолжаем развиваться, а они как бы застыли в каком-то склепе и им отсюда уже не выбраться...

Возможно, эта поездка станет для нас толчком – и мы постараемся сделать больше...

Я считаю также очень важным, что в поездке не участвовали специалисты, учёные, а в основном простые люди. Научные экспедиции, конечно, тоже нужны, но они всё же чаще проводятся. А вот такие встречи простых людей, по-моему, дают тоже немало. Вот встретились наши тётки Паши, Ульяны и Кулины с их тётками Анями, Настями и Татьянами, наши дядя Гриня и Кирюша с их Сеней, Митей и Ваней – и побеседовали просто, на понятном всем языке... И те и другие сохраняют в памяти эту встречу на всю жизнь, расскажут о ней детям и внукам, что вот, мол, есть наши и там, далеко... мы их видели, разговаривали с ними... пели вместе. Когда специалисты встречаются с простыми людьми, то берут, что им нужно – информацию. Фотографируют, записывают, спрашивают и – обогащают себя чем-то, а взамен ничего не оставляют. Живого общения, живой взаимной связи не получается... А простые люди запомнят главное: кто и откуда приезжал, о чём спрашивал...

Вот и Семён Иванович Милушкин размышляет вслух: – *Вы наши родные – мы многих встречали – приезжали к нам и из Москвы, и из Ленинграда, и из Волгограда и отовсюду... Но вы – самые наши близкие – по нашей плоти и по нашей крови.*

Единственно, что немножко нам помешало, это что сейчас пост. Но так, мы поели вам хоть немножечко. А то могли бы и поплясать, и поиграть побольше. Но мы очень довольны, спаси Христос вас, что вы приехали к нам, мы вам от души очень благодарны.

Конечно, между нами много общего – во-первых, разговоры, потом песни – очень много похожих, песни наши – сходство такое, выкинуть слов можно очень мало. И Гальмба подходит и Сине море подходит, и все песни почти – наши.

Я считал, что в Румынии вообще мало наших казаков-некрасовцев, а оказывается – больше всех остались в Румынии. Видите – мы не знали этого до сих пор. Мы считали, что в Болгарии больше или где-то ещё живут наши некрасовские казаки, а оказывается – их больше всех в Румынии. Вот, даже родственники нашлись. Спустя 200-300 лет и родственники нашлись. Междунами и вами есть связь. А чтобы сохранить всё это, детей учить нужно, больше ничего. Иначе никак не сохранишь. Внука обучаю духовному делу – может, он поймёт, – сына не мог выучить, потому что было запрещено, а сейчас разрешено, и если сможем удержать это на внуках – это ещё будет большое счастье.

И для нас тоже.

Поужинали по-постному, наши женщины погрызли воблу, которую нам подарили в Новопокровке, мы с Таней наелись в саду яблок и малины, потом долго беседовали с нашими хозяйками, Аней и Линой – и легли спать. Вот и всё – и, хотя нашему путешествию ещё не пришёл конец, паломничество уже завершилось.

Завтра начинаем долгий и нелёгкий обратный путь...

Среда, 19-е августа 2003 г.

Ну, вот мы и дома. Впечатления десятидневного путешествия как бы оседают, отстаиваются, трудные моменты, маленькие неприятности, ночи, проведённые в микроавтобусе, тряска, бесконечное ожидание на таможенных забываются, остаётся главное – то, что закрепилось в душе навеки. Для меня наше паломничество стало настоящим праздником души – да и не могло быть иначе... Эта радость встреч, близость, тепло, чувство Родины, интересная, непосредственная, поистине живая информация, полученная при прямом контакте, которую нельзя даже сравнить с тем, что читаешь в книгах или смотришь по телевизору...

Обратный путь был в определённом смысле труднее, потому что все устали – набухли ноги от долгого сидения в автобусе, и ныло всё тело от неудобного положения.

Наш микроавтобус летел обратно ещё быстрее, но Мудин как-то умудрился – после четырёх штрафов за повышенную скорость, которые заплатил по пути туда, – обратно обойтись без оных... И дорогу уже знали лучше, и таможенники не имели причин придирается: с нас больше нечего было взять...

Почти и не помнится дорога по России, по Украине, ночёвка у того же Николаева... на той же стоянке возле бензоколонки...

Но вот подъезжаем к Добрудже – остановка в Измаиле – осматриваем церковь, которую восстанавливают. Василий Васильевич говорит, что церковь эта была раньше старообрядческой.

Подходит женщина, мы у неё спрашиваем, что и как. Да, церковь была старообрядческой, но так как старообрядцев больше нет (*Как нет*, – удивляемся мы во весь голос – *мы ведь старообрядцы!*... – женщина смотрит на нас с подозрением и становится более сдержанной, осторожной...), церковь перешла в православную, то есть в официальную церковь.

Галац, Дунай – наш Дунай! Сарикёйские певуны восклицают: *«Как у нас красиво! Везде хорошо, а дома лучше»*... И у всех мысли летят быстрее микроавтобуса лихача Мудина, они уже давно дома, а женщины говорят о том, как их встретят родные, особенно внуки, как обрадуются, что бабушка приехала домой из России. И какие дома дела их ждут – нужно картошку выкопать, нужно стирать, убирать в доме...

Красива ты, Россия, со своими просторами, близка ты нам, но наш дом всё-таки здесь, там остались только корни, а вершки – цветы и плоды – здесь. И сюда всё же нас тянет больше, к нашему красавцу Сарикёю, несравненному нашему солнечному селу, где так много цветов по дворам, как везде, где живут некрасовцы, где лиман сверкает серебром по утрам, когда из его недр встаёт солнце, где камыши шепчут, пока не совсем и не всеми понятую историю тех давних героических времён, когда *чайки, каюки и думбасы* казаков быстро скользили по водам Разина.

И проезжали на конях гордые, быстрые, отважные казаки-некрасовцы – по добруджским степям, под горячим ветром пустыни... И казачки спускались по утрам на «низ» – набрать воды или постирать бельё.

А по праздникам в нарядных обрядах ходили всем селом в церковь, потом пели песни, водили хороводы, любили, страдали, воевали,

работали, смеялись, плакали, печалились, тосковали, но никогда не сдавались, никогда не отступали, не предавали и не переставали верить – в Бога, в себя, в свою необыкновенную, нелёгкую судьбу... Нас здесь до сих пор называют русскими – мы и сами себя так называем – а там, в России их до сих пор называют румынцами, турчанами, болгарями. Как будто мы нигде не дома, а, как евреи, на любой земле чужие... Но это не совсем так.

Здесь, в Сарикёе, мы у себя дома! Это местечко – Центр Вселенной – наша Родина. Этот на первый взгляд пустынный, не слишком приветливый уголок, где всегда засуха, где всегда дует ветер, но зато всегда светит солнце (в Добрудже больше солнечных дней в году, чем в любом другом регионе Румынии) – это и есть наша колыбель, которую мы носим с собой в душе, в крови, в сердце... Как заклинание, как любовь, как судьбу...

* * *

Проезжаем по нашей Добрудже – красивые, хотя невысокие, древние горы, закруглённые, как прекрасные формы вечно молодой женщины... Добруджа, наша кормилица!..

Заезжаем в Каркалиу – Камень, чтобы оставить там дядю Кириюшу. Я впервые в этом нашем селении, втором по величине после Сарикёя – красивые дома, конечно же, цветы, и какой-то особый дух – даже если бы меня привезли сюда и не сказали, что это за село, я сразу узнала бы в нём наше, русское-старообрядческое и более того – казацкое. Уже издали видный Камень – стоит на небольшой возвышенности, недалеко от Дуная – как все наши сёла, здесь, или в России...

По-моему, это у нас главное – этот особый дух, и какое-то чувство гордости, даже не всегда осознанное, даже не всегда понятное, но с которым мы рождаемся, и которое передаём дальше из поколения в поколение...

Я низко кланяюсь нашим певуньям, которые – уже немолодые – выдержали этот нелёгкий и для более юных маршрут, и которые показали всем, с кем мы встречались, кто мы такие, на что мы способны и сколько всего сохранили. Меня очень трогало, когда они говорили всем, повсюду: «*Мы из казаков. Мы потомки казаков-некрасовцев*». Кто-то даже заметил, что везде и всегда казаки гордятся своим именем...

Я также кланяюсь нашим мужчинам, поддерживавшим нас в пути, поддерживавшим песню гармошкой и голосами, а наш дух шутками...

И сердце моё тает от радости, что понемногу дух казачества – хотя бы как признание, как осознание своего имени, своего прошлого, своих корней – возрождается... Мы начинаем возвращаться к своему доблестному имени и гордиться им, как это и должно быть... Да поможет нам Бог остаться самими собой ещё много лет!

Валентина Бойешан-Калинина СТРОКИ ТОСКИ И ОДИНОЧЕСТВА...

От составителей

Полтора года назад мы получили такое электронное письмо: «Вам пишет Валентина Бойешан-Калинина из Румынии. На VIII международном симпозиуме по литературе, проходившем в Румынии 3-7 октября 2006г., познакомилась с Викторией Кинг. Я дала ей недавно вышедшую книгу моих стихов, а она мне – визитную карточку “Голосов Сибири”. Но нужны ли мои стихи вам? Я – никому неизвестная личность, инженер-химик-технолог, теперь пенсионерка, пишу стихи для своего удовольствия и внутренней потребности. Но я набралась смелости попробовать послать несколько моих стихов вам.

Я тоже в некотором роде сибирячка, хотя вот уже 51 год живу в Румынии, выйдя за румына замуж ещё в студенчестве. Я жила в Омске с 1943 по 1950гг., там окончила школу, там начала писать стихи.

Мой муж умер два года тому назад, поэтому много стихов о нём и о его смерти. Но думаю, что есть немало людей, которых задела смерть, и им могут быть близки мои переживания и размышления».

Мы попросили Валентину Бойешан описать свои детские впечатления о годах, проведённых в Омске. В двух предыдущих номерах «Голосов Сибири» они были опубликованы.

Но вот она прислала стихи. Безыскусные стихи человека, написанные «для своей внутренней потребности» – то есть «от своей души» и для утишения боли от потери горячо любимого супруга. Некоторые строки – пронзительны и затронут сердца тех, кому известны

невосполнимые утраты. Простота и безыскусность лишь подчёркивают остроту боли, прочно угнездившейся в душе немолодой женщины, что, к тому же, томится памятью о России и невозможностью порвать прочные нити, которые за полвека пребывания в Румынии связали её с этой второй Родиной.

«Я вам на суд их отдаю, и о пощаде не молю» – пишет Валентина Бойешан о своих стихах. Мы просим читателей «оттаять» душой и вчитаться в строки тоски и одиночества.

* * *

Посетила родные места,
Край берёзовый дальнего детства,
Мне достались они в наследство
Лишь картинами на холстах.
Я «физически» их не чувю,
Я уехала далеко
И теперь мне совсем не легко
Ощущать их волну живую.
Я полвека без них жила,
Породнилась с другою природой,
Стала частью другого народа,
Его правила переняла...
И теперь я меж двух огней...
Связи сильные полувекковые
Меня держат, как сети шелковые,
А Россия – как тёплый ручей...

* * *

Я иду по российской земле,
По просёлочной мягкой дороге,
Что назначено было судьбе,
Выполняют послушные ноги.
Как же долго я здесь не была!
Ничего я тут толком не знаю
И теперь или радуюсь я,
Иль своим отчуждением страдаю.
Как же мне равновесье найти,

Совместить двух любовью участие,
Чтоб дружили друг с другом они,
А не рвали мне сердце на части?
Вероятно, любовь к России,
Где бываю я редко, наездом,
Заклечь надо в рамку синюю,
Как икону, на стенку повесить,
На неё иногда молиться,
Как на истинно мать Божию,
И, возможно, чудо случится
И она мне и вправду поможет.
А любовь ко второй стране,
Где совсем мне не плохо было,
Нет, не надо держать на стене,
Это – жизнь моя, горькая, милая.

* * *

Зацвели ромашки золотые
На густом, нескошенном лугу,
Лепестками белыми, тугими
Изгибаясь в нежную дугу.

А среди них, как девочки-подростки,
Юбочки стыдливо шевеля,
Тянутся на длинных тонких ножках
Колокольчики, смущаясь и звеня.

* * *

Я знала одно прекрасное средство,
Его применяла я с раннего детства:
Когда было плохо, стихи писала,
Душа открывалась и боль утихала.

Но верное средство, как видно, устало,
Волшебные силы оно потеряло.
Стихи, как и прежде, стараюсь писать,
Но боль они больше не в силах унять.

СПАСИТЕЛИ

Мне рассказывала мама,
 Как при Сталине жила.
 Были строгие законы,
 Смесь жестокости и зла.
 Но народ приспособлялся:
 Если надо, промолчит,
 Потихонечку смеялся,
 Что-то, может, утаит.
 Мне рассказывала мама,
 Как один такой закон
 Её чуть не сбросил в яму,
 По судьбе её прошёл.
 Поясню, какой закон:
 Коль случайно опоздали
 Сверх пятнадцати минут,
 Враз с работы выгоняли
 И поблажек не давали,
 Одним махом отсекут.
 И однажды приключилось:
 Знать, будильник не звенел,
 Только маму, когда надо,
 Разбудить он не сумел.
 А работала в то время
 Моя мама молодая
 В сельской школе, язык русский
 Детям там преподавая.
 Она только собиралась
 Идти в школу на работу,
 Вдруг в окошко постучались,
 Её звал оттуда кто-то.
 глянула она в окошко,
 А там ученик стоит,
 Нервно машет он руками,
 Что-то важное кричит.
 На часы она взглянула:

«Батюшки! Напасть какая!
 Как же я так обманулась?
 Ждёт меня беда большая!»
 Дверь захлопнув, побежала
 Следом за учеником.
 Она знала, опоздала,
 Было всё, как страшный сон.
 Они к школе подбежали,
 Мальчик начал объяснять:
 «А мы Вас всё ждали, ждали
 и решили выручать».
 Было в класс окно открыто,
 В нём – ребяческие лица
 Нетерпением горят,
 Ничего не говорят,
 Только руки протянули
 И учительку втянули
 Сквозь открытое окно.
 Ей же было всё равно,
 Только б в классе очутиться,
 Пока что-то не случится.
 Сколько радости тут было!
 Мама это не забыла,
 Не забыла никогда
 Эти страшные года
 И сознательность детишек,
 Деревенских ребятишек,
 Что спасли её тогда.
 Как они всё понимали!
 Не резвились, не кричали,
 Чтоб не создавался шум,
 Не пришло б кому на ум
 Из сотрудников той школы
 Зайти в класс, чтобы проверить,
 Почему режут, как звери,
 Почему они одни,
 Коль уроки быть должны.

Нет, они тогда сидели
 Тихо, тихо, не галдели,
 С нетерпением глядели
 Только на входную дверь:
 Где ж учитель их теперь?
 А когда понятно стало,
 Что угроза подступала
 Им лишиться педагога,
 Они сразу же подмогу
 Ей послали и сидели
 Очень тихо, не шумели,
 Будто правда, в этот час
 Занимался делом класс.
 Мама часто вспоминала
 Эту школу, тех ребят
 Предвоенных поколений,
 Не вернувшихся назад
 С поля боевых сражений.
 Вот такое было дело,
 Рассказала, как сумела
 Про те страшные года.
 Не забыть их никогда.

Румыния

**Виктория Кинг
 ПРЕЗЕНТАЦИЯ
 ПРОДОЛЖАЕТСЯ...**

Что двигало нами, когда четыре года тому назад во время моего визита в Кемерово мы решили дать рождение нашему общему детищу – альманаху «Голоса Сибири»? Тогда, в первых лучах рассвета, в одно доброе октябрьское утро 2004 года мы рассуждали, что в эпоху повальной, центнерами выпускаемой бульварной литературы, нужен сборник, где могли бы печататься писатели и поэты, высказывать свои мысли литературные критики и литературоведы.

Презентация продолжается...

Те, чьё творчество не попало в поток коммерциализации, кто не стал обивать пороги крупных издательств, кто не поддался истерии гламура и не поставил своё перо на службу «светской классике», не стал крапать заказные романы и мемуары для «форбсов», но кто пишет, просто оттого, что не знает иной стези в жизни. Это был главный лейтмотив, который вылился в портфолио первого выпуска альманаха «Голоса Сибири». И... голоса зазвучали.

За последние полгода прошло три презентации альманаха – в Молдавии, Румынии и Польше. В Бухаресте презентация совпала с 80-летним юбилеем Альберта Ковача, нашего постоянного автора и широко известного исследователя творчества Ф.М. Достоевского. Именно на страницах «Голосов» напечатан значительный по объёму фрагмент его фундаментального труда «Поэтика Достоевского» (перевод Елены Логиновской). Уже после выхода сборника появилась и книга на русском и румынском языках. Хочется от всей редколлегии с глубокой признательностью и уважением поздравить Альберта Ковача с его юбилеем и пожелать прежде всего здоровья, творческого горения и вдохновения.

Альманах «Голоса Сибири» – это тот «виртуальный» творческий дом, где авторов уважают и поддерживают все их добрые начинания, где радуются каждому новому роману, сборнику стихов, переводов, историко-культурных и литературоведческих исследований, критических публикаций.

Презентация альманаха в столице Румынии стала своеобразным итогом двух моих визитов в эту радушную страну. Если первая поездка положила начало знакомству с коллегами, фондом «Восток – Запад» и Румынским Обществом Ф.М. Достоевского, то вторая однозначно показала, как за полтора года наши контакты стали не только творческими, но и дружескими. О голосе Румынии, зазвучавшем в нашем сборнике, тепло рассказала Елена Логиновская, в её выступлении на презентации 27 февраля, когда были отмечены все румынские авторы, опубликованные в альманахе.

Здесь же мне удалось впервые встретиться с Никитой Даниловым, до этого я могла лишь читать его прозу и стихи на страницах «Голосов». Я провела великолепное время в беседах с Альбертом Ковачем и Еленой Логиновской, «напиталась» новыми идеями и сюжетами.

Виктория Кинг

Никита Данилов взял у меня интервью, его вопросы заставили о многом задуматься, а один просто поверг в смятение. Когда я рассказывала о своей недописанной диссертации «Сравнительный анализ оперы С.С. Прокофьева “Игрок” и романа “Игрок” Ф.М. Достоевского», Данилов «зажёгся»:

– А помните старушку в романе? Очень загадочный образ!

И я подумала, как полезно было бы с точки зрения нашего современника проанализировать роман великого писателя и пронизывающий его сокрушительный «вирус игры». В XIX веке существовало понятие «страсть игрока». Сегодня – это именно «вирус», когда для миллионов «игра» как таковая – это жизненная необходимость, причём повседневная. Поменялась ли психология человека-игрока? Или она всё такая же, как её описал Достоевский?

Не удивительно, что разговор с Даниловым свернул на «Игрока». Ведь моё знакомство с Румынией в 2005г. произошло на симпозиуме, организованном Румынским Обществом Ф.М. Достоевского, и мои визиты в Бухарест, таким образом, косвенно были связаны с именем и творчеством великого писателя.

Одно из направлений профессии моего мужа – разрабатывать детские «игровые» программы. Мы не раз обсуждали с ним, почему электронные игры, сменившие «страсть игрока», захлестнули мир в час бурного развития технологий и информационного взрыва. Может, это саморегуляция психики, желание спрятаться от реалий жизни или от перегрузки информацией, вернее, от «несварения» её? Интервью с Даниловым заставило меня невольно срочно перечитать роман Достоевского, проверить правильность моих бухарестских впечатлений. Так получилось, что Румыния всякий раз вскрывает для меня непознанные пласты во мне самой.

Очень интересными показались мне разговоры с Альбертом Ковачем и Еленой Логиновской. Что привнёс нового в психологию современного человека гигантский скачок технологий? Может, эпоха мультимедиа и эсэмэсок (вместо писем XIX века!) в культурном отношении вовсе не шаг назад, а новый неожиданный рыбок в развитии человека? Не зря же говорят, что благодаря развитию большого пальца мы стали людьми, а сегодня именно большим пальцем вся молодежь с утра до вечера и оперирует, обмениваясь эсэмэсками! Может, мы в преддверии перерождения цивилизации, устремлённой

к краткости выражения мыслей, и, может, за этим последует телепатическая передача информации?

Беседа с Альбертом Ковачем незаметно вторгается в мои литературные планы. Зафонтанировали идеи: а если попробовать написать роман-sms? Каков окажется его стиль? А, может, такой роман уже пишется кем-то или написан? Окажется ли возможным выразить в нём глубину эмоций человека, его жизненные драмы и трагедии? Разве их можно кратко и ёмко отразить в эсэмэсках?

Всё это странной феерией замелькало в моём сознании после беседы с Альбертом Ковачем. Во время нескольких встреч с ним шли дискуссии о постмодернистской философии, и я, конечно же, с завидным усердием «возникала» с размышлениями о нехватке единой общечеловеческой философской теории и острой необходимости постигнуть, наконец, важность влияния художественной литературы на планетарное мышление. Интернет обеспечивает доступ к любой литературе мгновенно. Читатель может скачать любую книгу, любую статью. Одна точная фраза, найденная и прочувствованная читателем в нужный день и нужный час, способна изменить всю его жизнь, раскрыть глаза на самые сокровенные истины. А если подобные слова найдут для себя тысячи? Вот почему все номера «Голосов Сибири» выложены в Интернете.

Таким образом, раз начатая в 2006 году румынская презентация не прекращается.

Вторая моя поездка в Румынию в феврале 2008г. тоже была как бы на презентацию («ГС» №6). Но разве она за эти годы прекращалась? Ведь из номера в номер рубрика «Румыния – Сибирь» именно и является перманентной презентацией творчества поэтов, прозаиков и литературоведов этой живописной, гостеприимной, согревающей душу страны и всех её гостей, что собираются от времени до времени на форумы, организованные Румынским Обществом Ф.М. Достоевского. А между выходами номеров альманаха – оживлённая переписка редколлегии с авторами, а, вернее, авторов с редколлегией. На многих страницах изложены творческие планы, стремления, сомнения, поздравления друг друга с очередной публикацией или выходом книги, посылки друг другу этих новинок, изредка телефонные разговоры (дорого!), но всякий раз, когда возникает необходимость «утрасти вопрос», внести правку, зафиксировать

возникающую новую мысль, порой, уже в свёрстанной части макета. Еженедельные телефонные разговоры – только с Санта-Марией. Это уже многолетняя традиция.

Слово «презентация» для «Голосов Сибири» как-то даже не подходит. Презентация – это: собрались сколько-то авторов и сколько-то заинтересованных в альманахе людей, близких к обсуждаемой теме или текущему поводу (в данном случае – во время моей второй поездки в Румынию, как уже было сказано, поводом оказался юбилей нашего мэтра, глубокоуважаемого, дорогого Альберта Григорьевича Ковача) и обсуждают или докладывают всё то, о чём сказано выше.

Жизнь «ГС» – уж так получилось – не стагнирует от встречи к встрече: она пульсирует. И главный её помощник – интернет и электронная почта. Слава электронной почте! Знаю, что все письма, которые были прочитаны редколлегией на мониторе и отправленные ими друг другу, тщательно собираются, и уже составляют солидную папку.

Когда-нибудь, кто-нибудь, возможно, заинтересуется этой перепиской и, если «ГС» будут действовать – я имею ввиду, через много лет! – может возникнуть презентация творческих связей и отношений, щедро окрашенная человеческой приязнью и теплотой, отражённых в стопках и стопках листов, и это будет наглядная, осязаемая картина тесной творческой родственности, что в течение лет объединяла Румынию, Молдову, Казахстан, Сибирь и Америку.

Вот только что получила очередной номер Ясского журнала «Китеж-Град». И там – рецензия Ливии Которча (на румынском языке) на 4 и 5 номера «Голосов Сибири». И – о, радость! – моя «Мышка Клик» – «компьютерная сказка»! В таком солидном журнале, с таким прекрасным оформлением! Нахожу фото Ливии Которча и её статью, посвящённую творчеству Альберта Ковача (в журнале «Convorbiri Literare», то есть «Литературные беседы»), а также фото члена нашей редколлегии Светланы Василенко (в упомянутом номере «Китеж-Града»), творчество которой мы представляем в этом выпуске «ГС» в рубрике «Роман Светланы Василенко – в Польше». Чем не преддверие презентации?

*США, Санта-Мария.
Апрель 2008г.*

Сибирь - Казахстан

Айнур Машакова
СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА
С ЮНЕСКО В ОБЛАСТИ
ЛИТЕРАТУРЫ

В современный период развития казахской литературы появляются новые факторы, обуславливающие дальнейшую эволюцию художественной культуры. Порой среди этих факторов значение обретают экстра-литературные явления, которые возникают в поле общественно-политического пространства. С обретением независимости возросли масштабы интеграции Казахстана в мировое сообщество. Одним из важных аспектов этого процесса является сотрудничество Казахстана с международными организациями.

Одной из таких организаций является ЮНЕСКО – одна из самых крупных и представительных организаций, функционирующих под эгидой ООН. Днём официального создания организации считается 4 ноября 1946 года, когда вступил в силу Устав ЮНЕСКО, утверждённый представителями 44 стран на учредительной конференции в Лондоне. Основной задачей, которую ставит перед собой эта организация, является содействие укреплению мира и безопасности, способствуя сотрудничеству народов через образование, науку и культуру, в интересах обеспечения всеобщего уважения к справедливости, законности, правам человека и основным свободам, провозглашённым в Уставе ООН, для всех народов, без различия расы, пола или религии.

Основными формами деятельности ЮНЕСКО являются организация совместных исследований, сбор средств, создание международных институтов, мобилизация мирового общественного мнения путём проведения конференций, семинаров и «круглых столов» по актуальным проблемам. ЮНЕСКО осуществляет сотрудничество с более чем 600 неправительственными организациями и фондами, а также международными и региональными системами.

Республика Казахстан вступила в ЮНЕСКО в мае 1992 года. В 1995 году между Республикой Казахстан и ЮНЕСКО были подписаны два соглашения: Меморандум о сотрудничестве и Соглашение об открытии Представительства ЮНЕСКО в Алматы. Официальные делегации Республики Казахстан принимали участие в 27-30-й сессиях Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая является её высшим органом и

Ногами человек должен вращать в землю своей
 родины, но глаза его пусть обозревают весь мир.

Джордж Сантаяна

состоит из представителей государств-членов Организации. Кроме того, Республика Казахстан входила в состав Исполнительного совета. В 1995 году Казахстан посетил с официальным визитом Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, в 1999 году – Коичиро Мацуура, нынешний Генеральный директор ЮНЕСКО.

В последнее десятилетие особое внимание уделяется Новым независимым странам, особенно расположенным в Центральной Азии. Во время Круглого стола министров культуры, который проходил в ЮНЕСКО в 2000 году, отмечалось, что ситуация в транзитных странах носит сложный характер; после «железного занавеса» на них упал «денежный занавес», и в настоящее время повсеместно наблюдается наступление рынка и коммерции в сфере культуры. В связи с этим, участниками дискуссии было принято единодушное мнение, что необходимо разработать целенаправленную культурную политику с учётом последствий глобализации. На Круглом столе было подчёркнуто, что культура – это мощный инструмент мира и мир возможен лишь при взаимном уважении культур различных народов.

Одним из важных факторов взаимного знакомства и открытия новых имён в мировой культуре стала разработка Календаря памятных дат человечества, который призван привлечь внимание мировой общественности к тем или иным деятелям различных национальных литератур и культур. Казахстан не остался в стороне от этой инициативы ЮНЕСКО. В 1990-2000-е годы на мировом уровне прошли чествования юбилеев классиков казахской литературы: 150-летие Абая Кунанбаева (1995), 100-летие Мухтара Ауэзова (1997), 100-летие Сабита Муканова (2000), 100-летие Габита Мусрепова (2002) и 200-летие Махамбета Утемисова (2003). Все эти юбилейные даты вошли в Календарь памятных дат ЮНЕСКО.

Следует отметить, что празднование юбилейных дат имеет большое значение для популяризации казахской литературы за рубежом. В результате торжественных мероприятий, проводимых как в Казахстане, так и во всём мире, современные зарубежные литераторы познакомились с творчеством лучших представителей казахской литературы, а также установили личные контакты с современными казахскими писателями и учёными-литературоведами.

Торжественные мероприятия по празднованию 150-летия Абая Кунанбаева под эгидой ЮНЕСКО открыли новый современный период

межкультурного сотрудничества Казахстана. В торжествах приняли участие делегации 25 стран и международных организаций, возглавляемые главами государств, премьер-министрами, видными государственными и общественными деятелями. Широкомасштабные мероприятия, посвящённые юбилею видного гуманиста и просветителя, были организованы в Германии, Франции, Великобритании, США, Венгрии, Турции, Китае, Египте, Индии, Пакистане, Монголии и др. В России, Украине, Узбекистане и других странах СНГ также достойно отметили 150-летие Абая. В посольствах Казахстана Дни Абая сопровождались публикациями в средствах массовой информации, показом документальных фильмов, выставками книг о жизни и творчестве Абая.

Торжественное празднование 150-летия со дня рождения Абая Кунанбаева было первым юбилейным мероприятием для литературы и культуры Казахстана, которое проводилось в масштабах всего мира под эгидой ЮНЕСКО. Однако надо отметить, что для ЮНЕСКО это также была первая юбилейная дата представителя тюркоязычной литературы и культуры, которую было решено отметить с международным размахом.

Празднование Дней Абая в Париже, где находится штаб-квартира ЮНЕСКО, сопровождалось выставкой декоративно-прикладного искусства Казахстана, концертами казахского этнографического ансамбля «Сазген». В рамках юбилейных мероприятий прошёл международный коллоквиум по творческому наследию Абая. В работе коллоквиума принимали участие профессор Леон Робель, профессор высшей школы по изучению общественных наук Франции Лемерсье-Келькежей, профессор Альбер Фишлер, автор предисловия к книге Абая, а также Ален Ришар, посол Франции в Казахстане.

Чествование юбилея Абая в Лондоне ознаменовалось открытием в центре Лондона на 28-ой Денмарк Дома Абая. Непосредственным инициатором открытия Дома Абая и бюро «Ел», под началом которого производятся переводы произведений Абая на английский и другие языки мира, является современный казахский писатель Роллан Сейсенбаев. В Дни Абая в торжественных мероприятиях приняли участие переводчики, музыканты, певцы из 146 стран мира. Эти вечера транслировались в 130 странах мира. Состоялась презентация документального фильма «Мир Абая», создание которого также было организовано Ролланом Сейсенбаевым.

В Вашингтоне в честь 150-летия великого Абая прошёл торжественный вечер, на котором присутствовали представители правительственных организаций, общественных фондов, дипломатических миссий, творческой интеллигенции и деловых кругов США. На вечере прозвучали отрывки из поэтического наследия Абая на английском языке, были исполнены известные песни на его стихи. Торжественные мероприятия, посвящённые Абаю, состоялись также в Бостоне, Сиэтле и Туссоне.

Широко был отмечен юбилей казахского поэта и мыслителя в Турции. Основные торжества прошли в Стамбуле. Концертные залы этого десятиллионного города на Босфоре собрали многочисленных почитателей Абая Кунанбаева – писателей, поэтов, учёных и артистов, турецких казахов и гостей из Казахстана. Были исполнены стихи Абая, отрывки из его поэм «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме», а также «Слова-назидания». Прозвучали лекции о жизни и творчестве Абая. Председатель фонда казахов в Турции Шахмансур Дениз отметил, что творчество Абая стало достойным вкладом в сокровищницу мировой культуры. Торжества, посвящённые великому сыну казахского народа, прошли и в Анкаре, Измире, других городах Турции. Причём в Анкаре школе было присвоено имя Абая, в Стамбуле, Измире, Салихли именем Абая были названы улицы.

В Китае дни Абая прошли в Пекине. В Сяньцзянском университете был прочитан курс лекций по жизни и творчеству Абая, в Сяньцзянской Академии общественных наук прошла конференция «Абай в казахской литературе». В Иране своеобразный вклад в празднование юбилея выдающегося поэта Абая был внесён изданием книги «Произведения и мысли Абая».

Таким образом, благодаря поддержке ЮНЕСКО юбилейные торжества приобрели поистине мировой масштаб.

Много важных мероприятий, связанных с празднованием юбилея Абая Кунанбаева, состоялось на его родине. Представители различных стран приехали на казахскую землю, чтобы отдать дань уважения великому поэту. В торжествах принимала участие и делегация ЮНЕСКО. На международной конференции в Алматы выступили представители многих стран ближнего и дальнего зарубежья, а также Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор. Он рассказал о том, что в Париже, помимо серии мероприятий, посвящённых жизни и деятельности

Абая, был издан также альбом об Абае (на казахском, английском и французском языках), благодаря сотрудничеству постоянного представительства Казахстана в ЮНЕСКО и издательства ЮНЕСКО. Французский учёный Альбер Фишлер, принимавший участие в юбилейном международном коллоквиуме в Париже, закончил своё выступление призывом читать Абая на французском языке.

Семипалатинск также встречал многочисленных гостей из ближнего и дальнего зарубежья. Ярким событием стало открытие государственного историко-культурного и территориально-мемориального комплекса Абая в Семипалатинске, почётными гостями которого стали Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, официальные представители многих стран.

Кроме того, в Алматы открылась Академия Абая, президентом которой стал Роллан Сейсенбаев, а одним из членов Академии – известный турецкий поэт Осман Тюркай.

Следующей юбилейной датой, которую благодаря ЮНЕСКО было решено торжественно отметить во всём мире, явилось столетие со дня рождения казахского писателя, драматурга, учёного и общественного деятеля Мухтара Ауэзова.

Первой из стран дальнего зарубежья, организовавшей торжественные мероприятия в марте 1997 года, была Венгрия. Связанная с тюркской цивилизацией как кровно, так и дружески, эта страна проявила огромный интерес к творчеству выдающегося казахского писателя.

В начале июня во Франции были организованы Дни Казахстана, посвящённые 100-летию великого казахского писателя Мухтара Ауэзова. В эти дни прошли такие мероприятия, как творческий вечер в Международной дипломатической академии, встреча в Парижской государственной консерватории, встреча в Доме писателей, торжественный вечер в престижном зале Плейель. Главным событием стала международная конференция «Мухтар Ауэзов: Великий певец национального величия!» в Париже.

С казахстанской стороны в работе конференции приняли участие Абдижамил Нурпеисов, Олжас Сулейменов, Нурлан Оразалин, Сакен Жунусов, Серик Кирабаев. Глубокими по содержанию были выступления французских учёных Леона Робеля, Шанталь Лемерсье-Келькежей, Жака Моннье, Реми Дора, Альбера Фишлера.

Французский лингвист, этнолог и профессор Института исследований Центральной Азии Реми Дор начал своё выступление на казахском языке. Поэт Леон Робель посвятил своё выступление работе Антуана Витеза над переводом романа «Путь Абая» на французский язык. Альбер Фишлер вместе с супругой постарались сделать интересными экскурсии казахстанских гостей по достопримечательностям Парижа и его окрестностям. В здании ЮНЕСКО были показаны кинофильм «Красавица в трауре» и документальный фильм «Памяти Мухтара Ауэзова».

В Вене также был отмечен 100-летний юбилей Мухтара Ауэзова. В Австрии Дни Казахстана совпали с торжествами, посвящёнными 200-летнему юбилею австрийского композитора Франца Шуберта. На концертах в честь этих двух великих людей выступали и казахстанские деятели искусств.

В Турции в издательстве «Білік» города Анкары к юбилею казахского писателя был издан пятитомник Мухтара Ауэзова на турецком языке. В него вошли роман-эпопея «Путь Абая», рассказы, повести, научные статьи и публицистика. В Иране на персидском языке вышла в свет первая книга романа «Путь Абая» Мухтара Ауэзова.

Кроме того, Дни культуры Казахстана были организованы в России, Белоруссии, Литве, Кыргызстане, Дагестане.

Среди многочисленных торжественных мероприятий, проходивших в Казахстане, следует особо отметить юбилейную сессию Общего собрания Академии наук РК «Мухтар Ауэзов – великий писатель и гуманист XX века», в которой принимали участие зарубежные учёные: профессор ИНАЛКО – Национального института восточных языков и цивилизаций (Франция) Катрин Пужоль; турецкий ученый Садык Турал; представитель Пакистанской Академии литературы Фахар Заман; известный венгерский ученый-тюрколог Иожеф Торма и голландский учёный, переводчик Роберт Эрмерс.

Включение празднования 100-летия со дня рождения известного казахского писателя и поэта Сабита Муканова в календарь памятных и юбилейных дат ЮНЕСКО явилось очередным подтверждением того, что, благодаря этой всемирно известной организации, Казахстан продолжает успешно развивать международные литературные связи. Сабит Муканов был и остаётся яркой личностью в истории казахской литературы. Произведения писателя переводились на многие языки мира. Первым зарубежным переводом стала поэма «Слушаш»

на французском языке. В 2000-м году юбилейные мероприятия под эгидой ЮНЕСКО начались с открытия памятника Сабиту Муканову в Алматы, с проведения фотовыставки, с открытия обновлённого музея С. Муканова. Состоялся концерт мастеров искусств Казахстана. На торжества прибыли гости из России, Узбекистана, Кыргызстана, Турции. Затем цикл праздничных мероприятий продолжился в Северо-Казахстанской области. На родине писателя проводились тематические вечера, книжные выставки, литературные чтения, айтыс акынов, научная конференция. Были организованы концертные выступления Государственного оркестра казахских народных инструментов им. Курмангазы и театрализованные представления по произведениям Сабита Муканова.

В 2002 году по решению ЮНЕСКО отмечался 100-летний юбилей со дня рождения Габита Мусрепова – одного из основоположников национальной драматургии, переводчика, теоретика литературы. Его произведения переведены на многие языки мира. Посвящённые 100-летнему юбилею литературные встречи, выставки, конкурсы проходили с начала юбилейного 2002 года, обретая всё больший размах. По всему Казахстану в учебных заведениях и библиотеках проводились научные конференции. В Алматы состоялась международная научно-практическая конференция, посвящённая творчеству писателя, на которой выступили литературоведы России, Узбекистана, Кыргызстана и других стран. Юбилейные торжества прошли также и в родных краях писателя – в Северо-Казахстанской области. В Петропавловске был открыт памятник Габиту Мусрепову. Сюда был приглашён Казахский академический театр оперы и балета им. Абая, который представил зрителям оперу «Кыз Жибек», поставленную на либретто Габита Мусрепова. На родине писателя, вблизи аула Жанажол на юбилейном празднике был проведён конкурс поэтов-импровизаторов. Чествование Габита Мусрепова завершилось в Алматы открытием памятника перед Казахским драматическим театром для детей и юношества, носящим его имя, и торжественным собранием во Дворце Республики.

Следующий год стал также знаменательным для культурной и литературной жизни нашей страны. Годом казахского поэта и мыслителя Махамбета Утемисова по решению ЮНЕСКО был объявлен 2003-й год. Торжественные мероприятия, посвящённые 200-летию Махамбета Утемисова, также ярко отмечались в российских городах Москве, Астрахани, Оренбурге.

Двухсотлетие национального героя и классика казахской поэзии отмечалось и во Франции. В Париже прошла международная конференция, посвящённая творчеству Махамбета. В конференции приняли участие генеральный директор ЮНЕСКО К. Мацуура, посол, постоянный представитель РК при ЮНЕСКО О. Сулейменов, посол Казахстана во Франции Д. Куанышев, госсекретарь РК И. Тасмагамбетов, министр культуры РК Д. Касеинов. Казахская делегация была представлена также ведущими казахстанскими учёными-академиками З. Кабдоловым и С. Каскабасовым. З. Кабдолов выступил с докладом «Махамбет Утемисов – мастер казахской литературы», С. Каскабасов представил слушателям доклад на тему: «Великий дух независимости: судьба и послание поэта». В своих содержательных докладах учёные проанализировали творчество Махамбета и раскрыли значение его поэзии как для истории казахской литературы, так и для современного общественного сознания. Олжас Сулейменов сделал сообщение «Махамбет – эпохальная личность в истории и в казахской поэзии». С французской стороны выступили профессор Альбер Фишлер, первый посол Франции в Казахстане Бертран Фессар де Фуко, директор департамента восточных языков, профессор ИНАЛКО Мишель Боздемир и директор издательства «Characteres» Николь Гдалия. Во время конференции был представлен поэтический сборник Махамбета Утемисова «Красная степная полынь». Перевод на французский язык осуществил известный французский поэт Жак Жуэ.

Французская аудитория ознакомилась с музыкальным талантом поэта-воина. Артисты из Казахстана исполнили толгау и кюи Махамбета. Были показаны отрывки из фильма о Махамбете, снятого по сценарию Олжаса Сулейменова.

Следует упомянуть ещё об одном событии в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. В 1999 году здесь состоялся коллоквиум «Роль интеллектуала в современном обществе, мир и новая эпоха в Центральной Азии», в рамках которого прошла презентация книги Мухтара Шаханова «Заблуждение цивилизации». На презентации присутствовали творческие делегации России, Кыргызстана, Узбекистана, Турции, Франции, а также ряд послов – постоянных представителей при ЮНЕСКО.

Казахстан, вступив в ЮНЕСКО, оказался в числе почти 200 стран мира, которые стали её членами на рубеже XX-XXI столетий.

За такой сравнительно короткий период членства в ООН самые различные страны мира получили возможность познакомиться с творчеством известных казахских поэтов и писателей, а через их творчество – с историей, культурой и современным развитием казахского народа. Кроме того, за это время на самом высоком международном уровне были проведены празднования, посвященные 100-летию учёного Каныша Сатпаева, 1500-летию Туркестана и 2000-летию Тараза. В список всемирного наследия ЮНЕСКО внесён историко-мемориальный комплекс Ходжи Ахмеда Яссави. Несколько лет назад для включения в III-ю Прокламацию ЮНЕСКО шедевров устного и нематериального наследия Институт литературы и искусства имени М. Ауэзова представил эпос «Кыз Жибек». Благодаря этому проекту Казахстан впервые принимал участие в отборе кандидатур для включения в III-ю Прокламацию ЮНЕСКО шедевров устного и нематериального наследия. В этом году 500-летие эпоса «Кыз Жибек» вошло в Календарь памятных дат человечества.

В 2006 году в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО состоялась презентация Государственной программы Республики Казахстан «Культурное наследие». Эта программа была принята в 2004 году по инициативе Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Реализация программы «Культурное наследие» происходит по всем направлениям, относящимся к культуре казахского народа. В области литературоведения, фольклористики и искусствоведения осуществляется издание 100-томного свода лучших образцов казахского фольклора «Наследие предков», «Истории казахской литературы» в 10-ти томах, «Антологии казахской музыки» в пяти томах.

Казахстан – одна из наиболее богатых стран мира в плане устного и нематериального наследия. Основной причиной является историческое прошлое казахского народа, на протяжении многих веков связанного с кочевым образом жизни. В силу специфических условий жизни кочевники уделяли приоритетное внимание нематериальной культуре. До настоящего времени дошло огромное множество образцов устного народного творчества, среди которых особое место занимают эпические произведения.

В рамках Госпрограммы «Культурное наследие» одним из важных и уникальных проектов является выпуск 100-томного свода «Бабалар

сөзі», который имеет исключительную ценность для развития казахского фольклора. В этот свод входят образцы устного творчества, которые не были изданы до настоящего времени или издавались на арабской графике. Здесь представлены новеллистические, религиозные, романические, героические, исторические, архаические, сказочные дастаны и эпосы. Кроме того, часть томов посвящена фольклору китайских и монгольских казахов.

«История казахской литературы» в 10-ти томах охватывает период от глубокой древности до наших дней. Основная цель этого проекта – заново осмыслить и воссоздать на научной основе историю казахской литературы. При этом применяется новый подход с позиций сегодняшнего дня, с учётом общественных и мировоззренческих перемен, произошедших в последние годы в казахстанском обществе и с учётом закономерностей развития современной мировой литературы.

«Антология казахской музыки» отражает музыкальную культуру казахского народа с древнейших времён до современности, опираясь на нотные образцы музыкального наследия казахского народа.

Презентация Государственной программы «Культурное наследие» вызвала огромный интерес в Париже со стороны французов, знакомых с нашей страной, и со стороны дипломатических представительств разных стран мира, действующих в Париже. Высоко оценил усилия нашего государства по сохранению культурного, природного, материального и нематериального наследия Генеральный директор ЮНЕСКО К. Мацуура.

Таким образом, можно отметить, что сотрудничество Казахстана с ЮНЕСКО способствует международному признанию казахской литературы. Вышеуказанные мероприятия, которые проходят под эгидой ЮНЕСКО в связи с литературой и культурой Казахстана, имеют исключительное значение в процессе международной популяризации казахской литературы и создания художественно-культурного, духовно-интеллектуального имиджа Казахстана. Кроме того, следует отметить, что литературные юбилеи под эгидой ЮНЕСКО явились новой формой укрепления литературно-культурного имиджа Казахстана за рубежом и одним из основных факторов периода независимости РК, содействовавших активизации международной литературной рецепции Казахстана.

Алма Тусупова¹
ЭТНИЧНОСТЬ И ФОРМЫ ЕЁ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЦЕССЕ

Богаты и разнообразны творческие связи казахской литературы. Они выражаются во взаимообогащении художественными традициями, в общих поисках нового, взаимных переводах и во многом другом.

Соотнеся себя с миром, писатель вольно или невольно выстраивает типологию культуры, которую через себя анализирует. Он создаёт великое произведение, если выводит свою мысль за традиционные рамки и сдвигает в себе и мире исторически сформировавшийся тип культуры. Культура, мироощущения, социальное поведение человека являются средством коммуникации и потому социальными и национальными по своей природе, этническими и культурными ценностями. Это всё находит своё отражение в литературе народов Казахстана.

При упоминании признанных величин казахской литературы М.О. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова, Г. Мустафина, А. Тажибаева, З. Ахметова, М. Базарбаева, С. Кирабаева, Н. Габдуллина, Т. Какишева, А. Кекилбаева, А. Алимжанова и многих других можно назвать сравнительно молодых представителей, которые серьёзно заявили о себе, это – Айгуль Кемелбаева, Сабит Кинеев, Максим Кузин, Дидар Амантай, Елена Зейферт, Нургожа Ораз, критика А. Кеншилина, писателей Умит Тажикиенову, Евгению Зейф.

Произведения многих из молодых писателей отмечены престижными международными и отечественными литературными премиями. Каждый писатель сумел взглянуть на мир по-своему, не претендуя на завершённость и неоспоримость. Всех этих писателей объединяет одна общая черта – гуманизм, тревога за настоящее и будущее человека, выдвигающая идею служения людям – как единственное, что помогает принести человеку счастье, помогая лучше понять сегодняшний Казахстан, увидеть проблемы, характеры, судьбы людей, как нельзя лучше отвечает потребностям времени.

В романе Д. Накипова «Круг пепла» интересно раскрывается реализм и модернизм, круги условного и безусловного. Это современный

по художественному исполнению роман. Все его герои, реальные и выдуманные, мифически-древние и современные, можно сказать, что это роман-симфония, мучительный прорыв к совершенству, к таинству мироздания, к идеалу плоти и духа.

Сложная и интересная трилогия А. Жаксылыкова «Сны окаянных». Это сага о трагедии казахов, обитавших на древней земле предков, ставшей полигоном ядерных испытаний. Автор показывает фантастический, мифический, трагический мир своих героев, погружённых в метафизическое мышление, то и дело превращающихся в разных степных зверюшек в результате зловещих экспериментов.

В казахстанской литературе появился самобытный и оригинальный автор со своим стилем и вполне сложившимся мировоззрением. Умит Тажикенова – автор, пришедшая в литературу уже в зрелом возрасте. К определённому возрасту человек накапливает в своей душе житейский опыт, утраты и потери, радость и печаль, любовь и доброту, сарказм и иронию. Этими чувствами пронизано творчество Умит. В книге У. Тажикеновой «Восхождение к Абсолюту» писательница удачно избегает фальши и штампов. Она заносит на бумагу броские, яркие, запоминающиеся жизненные коллизии, очень живо рассказанная мозаика повседневности, которую мы зачастую не замечаем. Так о ней отозвался Д. Накипов в «Книголюбe». «... Жанр – лирическая проза. Ощутим аромат неуловимой поэзии. Если бы не автор, а она присутствует ненавязчиво, то в качестве наблюдателя, то участника и тем самым придаёт всей пестроте повествования некое единство, которое можно именовать стилем. А это явление само по себе редкое и уже является знаком хорошей литературы». В рассказах Умит любой читатель, искушённый и неискушённый найдёт что-то близкое себе, своему мироощущению. Рассказы Умит Тажикеновой глубоко патриотичны. Каждая её строка пронизана любовью к родной земле. Верность в любви и дружбе и есть главное в жизни, может быть, в этом главная сила «Восхождения к Абсолюту». Интересно притягивает и покоряет изящный лаконизм «путевых заметок». Они живая ткань всех эподов. Эти рассказы не об экономике, не о природных чудесах. Эти рассказы – попытка проникнуть в дух другого народа. Ф. Достоевский писал, что красота спасёт мир. Видимо, под красотой понимал добро, благо, истину.

Современный мир во всём его многообразии и противоречиях предстаёт со страниц молодой писательницы Евгении Зейф (Тышковой,

выпускницей Центрально-Азиатского Университета), её произведения – это порой захватывающие события в жизни героев, порой увлекательные путешествия в разные точки земного шара, а порой близкие и узнаваемые фрагменты из нашей жизни. И права кандидат филологических наук, доцент С.В. Ананьева, ведущий научный сотрудник Института литературы и искусства им. М.О Ауэзова МОН РК, отмечая, что самое важное в прозе молодого автора – стремление понять своих героев, раскрыть их внутренний мир, ярко и образно показать причины и мотивы их поведения. Герои – молоды, у них всё ещё впереди. И это жизнелюбие, оптимизм и стремление к познанию окружающего мира – отличительные черты творческой манеры Евгении Зейф. Она смотрит на мир широко распахнутыми глазами и стремится постичь всё его многообразие. Её первая книга «Меж двух огней», увидевшая свет в издательстве «Жазушы»: она – молодая учительница, которая безуспешно ищет работу, он – чеченский беженец, приехавший в Алматы с семьёй, чтобы хоть немного пожить вдалеке от страшной войны на Родине. Остродинамичная повесть о современной жизни, нелёгких, порой трагических отношениях, о большом чувстве и тех испытаниях, которые выпали на долю героев, реалии настоящего и элементы литературы путешествий. Счастливый конец, как известно, редкость в современной прозе, но у Евгении Зейф всё заканчивается хорошо.

Казахстан – вторая родина для многих народов. Гостеприимство и щедрость местных жителей способствовали мирному их добрососедству с татарами, башкирами, уйгурами, дунганями, немцами, украинцами, русскими, белорусами и другими. Большую работу сегодня проводят национально-культурные центры Республики Казахстан по воссозданию истории и реанимации этнокультурных признаков народов. Свидетельством чего является сборник, редактором которого была Р.Г. Мамлюкова-Бекмухамедова, член Союза журналистов Республики Казахстан. В книге «Татары на севере Казахстана (история и современность)», где собраны наиболее интересные материалы об истории появления и переселения татар в Приишимье, статьи местных историков, краеведов, журналистов, студентов, исторические справки из архива музея, публикации из периодических изданий, проливающих свет на глубокую историю и современное состояние татарской диаспоры на севере Казахстана, отображая динамику становления татарской культуры в Петропавловске, Мамлютке, Становом, Бишкеуле.

Судьба уйгурского поэта Жамалдина Каьмова – эмигранта, во многом схожа с жизнью многих творческих личностей, вынужденных покинуть Родину и утверждаться в чужой стране, принять её, стать её частью и при этом никогда не забывать, кто ты, сын какого народа и какой страны.

Когда человек жив, мы часто не умеем оценить его по достоинству, не умеем распознать его мироощущения, и чем талантливее человек, тем более он раним. Как рассказывает его дочь кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Сулейменова Касьмова Дильнур, что однажды на каком-то общественном собрании отца сильно ругали, разгорелся спор между какими-то людьми и тогда брат великого Лутпуллы Муталипа, Калипулла буквально закричал: «Люди, берегите своих поэтов. Их обижать нельзя. Природа даёт их только раз, если их убьёте, другие не родятся завтра. Поэты – это наше больное сердце. Их сердца созданы из нежной ткани, которые легко разорвать!»

С открытием границы между СССР и Китаем он изъездил все исторические места, посетил мазары великих уйгуров: Махмуда Кашкари, Аманнисахан, Садира палвана, Абдухалика уйгура и многих других. Его переживания, духовные искания вылились в поэмах «Махмут Кашкари», «Кутлук сапар» (Благословенный путь, «Жазушы» и «Нида»), «Тарих огли», «Дил даптери» («Тетрадь для души», «Жазушы», 1972), сборник стихотворений и поэм «Кашкар йолы», 2001, Алматы, «Жазушы».

Первая поэма «Кутлук сапар» выражает его миропонимание и отношение к истории, о смысле жизни, дорога и правда, мгновение и вечность, любовь и страдания. Путь – это справедливость, которая стоит лицом к лицу, к жизни. Поэма «Махмут Кашкари» посвящена великому поэту средневековья Махмуту Кашкари. Поэт выразил своё отношение к судьбе учёного. Через его судьбу он проследил судьбу уйгурского народа. Его поэзия не лозунговая, она шла от сердца.

Показывая преемственность поколений, можно назвать молодых поэтов Гульнару Аутову, Патигуль Максатову, Багдата Баратова, писателя Тельмана Нурахунова и т.д.

Родилась Гульнара в 1964 году в селе Долата Уйгурского района Алмагинской области. В 1987 году закончила Уйгурское отделение филологического факультета КазПИ им. Абая. В 1994 году защитила

кандидатскую диссертацию на тему: «Творческое наследие Лутпуллы Муталипа». В настоящее время работает в Центре уйгуроведения Института востоковедения им. Р. Сулейменова МОН РК. В 1990 году вышел в свет сборник стихов Гульнары Аутовой «Гульзарим». В 2007 году в издательстве «Мир» вышла в свет уникальная книга о жизни и деятельности гордости уйгурского народа Лутпуллы Муталипа. В книгу вошли такие произведения поэта, которые никогда ранее не были опубликованы. Автором-составителем этого уникального труда стала Гульнара Аутова вместе с Савутом Моллаутовым. По легенде девушка Зейнап, став кукушкой, ищет по всему миру своего возлюбленного по имени Каккук в стихотворении «Разговор с кукушкой».

Очень интересно творчество корейского писателя, поэта, художника Михаила Пака. На страницах произведений писатель затрагивает общечеловеческие и вечные проблемы бытия, размышляет о таких категориях, как добро, любовь, счастье. В его творчестве прослеживается влияние творчества русской и советской фантастики, а также зарубежной фантастики середины XX века, Александра Беляева («Человек Амфибия»), Аркадия Лима, рассказов и повестей Клиффорда Саймока о женщине-роботе. В «Лёгком путешествии по реке» показана романтическая фантазия, он уводит идеал женщины от людей, чтобы не потерять идеальность женщины, может быть, от того, что не видит в живых.

В том же ряду можно назвать Анатолия Кима, осуществившего перевод романа «Путь Абая» М.О. Ауэзова, Лаврентия Сонна, Александра Канны – которые ярко показывают художественное воплощение в своих произведениях.

Бауржан Ердембеков¹ РОЛЬ ДУЛАТА БАБАТАЙУЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ АБАЯ

 Поэт, подобно философу, художнику и учёному, подобно политику и пророку, питается – сознательно или бессознательно, – духовным опытом своего народа. Он «... имеет родину, т.е. национальную духовную культуру, в которой сложился его индивидуальный дух, с его любимыми и ведущими предметами, содержаниями, с

его творческим актом, с его жизненными убеждениями; от этой-то духовной культуры питается – и положительно, и отрицательно – его личный опыт и его личное познавательное творчество.

Личный духовный опыт поэта в глубине своей связан происхождением, подобием и взаимодействием с опытом его родного народа; ему удаётся выработать этот опыт и мобилизовать его, осуществить и осмыслить его тем лучше и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа.» [1, 59 с.].

Какой же духовный опыт получает в наследство один и крупнейших поэтов казахской литературы – Абай? Какова роль предшествующей литературы в духовном и литературном становлении поэта? – вот тот круг вопросов, который мы пытаемся осветить в настоящей работе.

Известно, что одним из талантливейших акынов, сыгравших неоценимую роль в формировании поэтического почерка Абая, был широко популярный в народной среде певец Дулат Бабатайулы. Однако, в изменённой редакции эпопеи М.О. Ауэзова «Путь Абая» имя знаменитого поэта Дулата Бабатайулы было по политическим соображениям заменено на имя Барлас. Творчество Дулата Бабатайулы, равно как и малейшее упоминание о нём, было в советскую эпоху строжайше запрещено.

Родился Дулат Бабатайулы в 1802 году в нынешнем Аягузском районе Восточно-Казахстанской области в семье бедняка. Всё его образование ограничивалось учёбой у аульного муллы, однако, живя в краю, где поэтическое искусство ценилось как особый дар, впитав всё лучшее из наследия предшествовавших поэтов, из древних исторических преданий и эпических сказаний, Дулат стал одним из образованнейших людей своего времени. Рано вступив на путь искусства, Дулат вскоре занимает место в ряду самых известных поэтов Казахстана середины 19 века.

Дававший правдивую оценку казахской действительности рубежа 19-20 веков, являвшийся представителем реалистического искусства, Дулат Бабатайулы, однако, был на долгие десятилетия подвержен забвению. Поэт, который в своём творчестве пытался дать полное изображение жизни современников, в одном из своих стихотворений с горечью и болью писал:

*Что же делать, несчастный казах,
В мире, где всё к плохому идет:*

Роль Дулата Бабатайулы...

*Каждый – плут, хан коварен в делах,
А батыр себе выгоды ждёт.
Жёны лгут, бай корыстен, лукав,
И старейших джигиты не чтут...*

(Перевод Е.М. Винокуровой) [2, 183 с.].

Известно, что в работе М.О. Ауэзова «История казахской литературы», написанной в далёком 1927 году, упоминаются имена и подвергается анализу творчество поэтов не только современников автора, но и акынов предшествующих веков, таких как Шортанбай, Асанкайгы, Бухар-жырау, Махамбет, Мурат, Ы. Алтынсарин, Нарманбет и другие. Однако среди длинного перечня известных поэтов и певцов-сказателей, акынов и мастеров ораторского искусства мы не находим имени Дулата Бабатайулы. Конечно же, это не случайная «забывчивость» автора работы, а вынужденный шаг, на который автор пошёл в период оголтелой социологизации.

В появившемся в 1942 году романе «Абай» Ауэзов впервые упомянул имя Дулата, который, как это подтверждали современники Абая, подарил ему собственноручно домбру и тем самым благословил талантливую юношу. Однако позже за Дулатом Бабатайулы закрепилось мнение как о реакционном поэте. Так, в одной из статей казахстанской периодики 1950-ых годов о Дулате Бабатайулы писали: «Учителем и вдохновителем Абая выводится реакционный поэт Дулат, которого, как известно, осуждал сам Абай. В замаскированной форме автор пытался изобразить в качестве положительных героев, якобы оказавших влияние на Абая, презренных предателей казахского народа, впоследствии ставшими мата́рыми буржуазными националистами» [3, 3 с.].

Автор вновь, как видим, оказался в затруднительном положении. И в последующих публикациях М. Ауэзов уже был вынужден заменить имя Дулата Бабатайулы на вымышленное имя Барлас. Принадлежащие Дулату строки стихотворений в тексте романа вложены в уста Барласа в несколько изменённой форме:

*Слух свой направь на мои стихи,
Мысли свои направь на мои стихи...*

Бауржан Ердембеков

Такое «вольное» обхождение со строками поэта – также вынужденный шаг автора, который с целью избегания возможных ассоциаций учителя с именем Дулата пытался хоть как-то спасти творчество поэта от полного забвения.

В январе 1947 года, как известно, вышло знаменитое постановление ЦК КП Казахстана, осуждающее грубые политические ошибки в работе Института языка и литературы АН КазССР. Говорилось в нём, между прочим, следующее: «В рукописи первого тома “Истории казахской литературы” (под общей редакцией М. Ауэзова) крупные баи-феодалы, бии-душители народных масс – Кенгербай, Караменус, Шорман и им подобные прославляются как народные мудрецы и защитники народа. Не получила также должного принципиального освещения антисоветская в прошлом литературная деятельность М. Ауэзова – одного из крупных казахстанских писателей, проповедовавших буржуазно-националистическую идеологию...» [4, 3 с.].

В таких обстоятельствах М. Ауэзов предпринимает мучительный для себя шаг – публикует в газете «Правда» (за 1951 г.) статью «Исследование исторических проблем Казахстана с марксистско-ленинских позиций», в которой публично признает свои «ошибки».

Так, влиявший на становление Абая Дулат Бабатайулы перешёл в разряд «неблагонадёжных», «реакционных» художников, и его имя с этих пор стало замалчиваться, хотя в романе его облик вызывает у читателя, как и у Абая, глубокую симпатию: «...Как-то издалека приехали два гостя: старик и юноша. Молодого Абай знал раньше. Это был акын Байкокше. Второго, старика, Абай раньше не видел, но Улжан его знала хорошо. Мать с улыбкой обратилась к Абаю:

– Вот, сынок, перед тобой сокровищница рассказов и песен... Это акын Барлас.

У Барласа узкая серебристая борода, почтенная внешность и звонкий голос. Он сразу понравился Абаю. У Барласа открытая душа: открытый, разговорчивый, он сразу повёл себя так, как будто целый век прожил в этом ауле и был здесь своим человеком.

– Э, сынок, недаром говорится:

*Песня акына – потоки вод неземных,
Слушатель – мел, жадно вбирающий их!.. –*

сказал он, с мягкой улыбкой посмотрев на Абая. – Уважения достоин тот народ, который умеет говорить и слушать... Вечерами Барлас пел песню “Кобланды – батыр”. Она показалась Абаю самой красивой, самой увлекательной и сильной из всех когда-либо читанных или слышанных им... Особенно понравились Абаю прощание Кобланды, скачка Тайбурыла и единоборство Казана и Кобланды. Раньше он думал, что всё разумное и поучительное – только в книгах, что знание и искусство живут в медресе. Разве могло что-нибудь сравниться со сказаниями Низами, Навои и Физули, с тонкой лирикой Шайх-Саади, Хожи-Гафиза, с героическим эпосом Фирдоуси? Он не знал ещё, что у казахов есть Асан-Кайгы, Бухар-жырау, Марабай, Саадак и целая сокровищница – “Козы-Корпеш” и “Акбала-Баздык”...» [4, 66 с.].

Именно из уст Дулата – Барласа Абай впервые знакомится с поэтическими творениями акынов Шоше, Сыбанбая, Балта, Алпыса и других. В неисчерпаемом потоке сказаний, услышанных им от акына, Абай особенно полюбил те, которые говорили о думах и чаяниях народа...

*Тайна дум моих глубока,
Как туман, что вдали встаёт,
Грудь мою съедает тоска...
Вкруг – простор серебряных вод...
Забурлила, плещет река,
Это песни Барлас поёт. –*

Песни акына обличали и судили преступные дела и пороки правителей. В одной из песен Барласа были такие слова:

*И владыкам алчным укор
У народа не сходит с губ.
Ты – правитель, хищник и вор, –
Словно ворон, летись на труп... [4, 67 с.]*

Абай, как пишет М. Ауэзов, был рад, что отец находился подолгу в отъезде, и молил бога, чтобы тот не возвращался как можно дольше. К счастью, за всё время пребывания Барласа Кунанбай ни разу не заглянул к ним. Когда Кунанбай бывал дома, акынам и певцам не приходилось останавливаться надолго, а тем более выступать так свободно.

Старый акын оценил восприимчивость мальчика и «...однажды, оставшись с ним вдвоём, сказал ему:

*Ты растёшь, Абай – ширагым,
Кем ты будешь, ставши большим?*

(ширагым – ласкательное слово: светик, солнце моё)

И отдал Абаю свою домбру.

– Вот, сынок. Это – тебе моё благословение. Говорю от всего сердца! Абай ничего не мог сказать от смущения...» [5, с. 67-69].

Вернемся же, однако, к М. Ауэзову. Беспристрастная библиографическая справка свидетельствует: первые главы третьей книги «Абая» публикуются на языке оригинала в апреле-мае 1949-го года в журнале «Литература и искусство». В начале следующего появляется книга под названием «Акын-ага». Сам автор не считает новый роман прямым продолжением прежнего. «Сейчас, – поясняет он в одном газетном интервью, – я пишу последнюю книгу романа о жизни Абая. Я её не называю третьей книгой. Первая и вторая книги исчерпали свою тему – формирование личности и становление поэтического творчества Абая. Теперь же я рассчитываю показать Абая – мыслителя, Абая – главу поэтической школы, избравшего себе друзей в новом поколении, восприимчивого к русской культуре» [6, 375 с.].

Год спустя, в летних номерах, московский журнал «Знамя» печатает русскоязычную версию с уведомлением: главы нового романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая» выходят в Алма-Ате одновременно на русском и казахском языках.

По меткому замечанию Н.А. Анастасьева, автора вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книги «Мухтар Ауэзов. Трагедия триумфатора», эта «...статистическая гладкость лукава. Смущает даже невинное на первый взгляд интервью. Отчего бы это Ауэзову вздумалось проводить столь чёткую межу между первыми двумя книгами и продолжением, которое он, выходит, продолжением считать не хочет, демонстративно не желает. Но ведь нет никакой границы, любой даже самый поверхностный читатель это подтвердит. Отчего далее с таким нажимом говорит он о “друзьях в новом поколении”? И отчего только к русской литературе восприимчив теперь Абай, Восток он позади, что ли, оставил?» [6, 375 с.].

Известно, что за постановлением 1947 года последовали ещё четыре, осуждающие в той или иной форме «националистический уклон» писателя, что, в конце концов, привело автора к написанию статьи «Мои ошибки», в которой М.О. Ауэзов был вынужден отказаться как от отдельных страниц романа, так и от отдельных персонажей. Так, «выворачивавший историю наизнанку реакционный поэт Дулат» не мог быть не только назван Учителем Абая, но и быть вообще воссозданным в романе. Автор счёл необходимым изъять из текста романа и стихи, которые принадлежали Дулату, или приписывались ему. Вместо Дулата автор ввёл вымышленный образ Барласа, в чьи уста он вложил стихи собственного сочинения.

Такому отношению М. Ауэзова к творческому наследию Дулата в определённом отношении могли, на наш взгляд, способствовать стихи самого Абая, в которых поэт резко критикует Бухар-жырау, Шортанбая, Дулата, называя их творчество «лоскутной поэзией»:

*Шортанбай, Бухар-жырау и Дулат...
Песни их – обноски из сплошных заплат.
О, когда б нашёлся хоть один знаток, –
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!..*
(Перевод В. Звягинцева) [7, 89 с.]

Имея в виду, конечно, не качество и поэтическое мастерство названных поэтов, а приверженность старине.

В одной из своих работ, посвящённых творчеству Абая, М. Ауэзов верно определяет три составляющих художественного наследия великого казахского поэта: первая, самая большая – произведения устного народного творчества; вторая – наследие классической восточной литературы и, наконец, третья – лучшие образцы русской и западной литературы, позволившие сполна раскрыться его поэтическому дарованию. [8, 259 с.].

Сам исследователь, как известно, по идеологическим причинам не мог достаточно полно осветить вопрос о влиянии родной литературы на поэта, ведь традиционно считалось, что именно сам Абай – основоположник казахской литературы. Роль же предшествующей литературы у малаялась. В советское время о воздействии восточной литературы на поэтическое сознание Абая говорилось вообще крайне мало. Поэтому

и оказываются справедливыми слова С. Муканова: «... без казахского устного народного творчества, без Бухара-жырау, Махамбета, Шортанбая не было бы и самого Абая. Неиссякаемым родником был не Абай, а народ, породивший его...» [9, с. 153-154]. В связи с вышесказанным появляется необходимость исследования проблемы литературного окружения поэта, которая, кстати, является не менее актуальной и в русском и зарубежном литературоведении. Настало время и для казахской литературной науки начать изучать вопрос о влиянии мастеров слова на формирование поэтического стиля Абая.

Нурдаулет Акыш¹ СЕКРЕТЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Творчество писателя не ограничивается только художественным изображением действительности. Важной особенностью его творческой лаборатории является подготовительная работа, которая часто переакцентирует замысел, изменяет художественное построение произведения.

Теперь накопленный, созревший изнутри материал для будущего произведения должен быть записан на бумаге. Известно, что творческий процесс с древнейших времен считался сложным психологическим действием, в котором качество произведения определяется не только талантом автора, его внутренней энергией, но и организацией его творческого труда. Здесь следует отметить не только выбор картин жизни, положенных в основу сюжета и повествовательных средств, но и распорядок дня писателя, вопросы экономии времени. Важно учитывать изменчивость ситуации, состояние здоровья, режим сна, отдыха, питания и другие условия жизни. Влияют на творчество бытовые проблемы, препятствующие движению творческого процесса. Причиной задержки работы могут быть и окружающие близкие или случайные люди со своими настроениями и эмоциями, влияющими на чувства и ощущения писателя.

Проблема творчества писателя наиболее глубоко рассматривается в произведении М. Магауина «Я». Писатель на примере собственной творческой лаборатории в неторопливой манере раскрывает процесс

творчества, сбор, систематизацию и обработку материалов, неоднократные записи и редакции текста на определенном формате бумаги. Этап единой творческой работы включает вопросы создания условий труда, наличие бумаги, ручек, книг и т.п.

В творческой лаборатории писателя определяющим элементом является рабочее время: начало и завершение работы. В книге описываются, казалось бы, незначительные детали, тем не менее, затягивающие работу на длительное время. Признаки, из которых выстраивается творческая работа писателя, следующие: это процесс взаимодействия с окружающими людьми, их включённость в деятельность писателя; вопросы творчества писателя, его социального опыта, мировоззрение. Подобные аспекты творчества, естественно, не могут не заинтересовать читателя. Однако встаёт вопрос и о том, нужно ли и зачем писателю раскрывать свою творческую лабораторию, показывать, что движет его интеллектуальным поиском и что ограничивает его творческую деятельность. Решение этих вопросов часто содержит информацию о биографии писателя, стиле его произведений, о смыслах его исканий, о творческих составляющих повествования. Значение имеет и толкование ситуаций, и их характеристика, способствующая появлению новых героев.

Между тем, многие воспоминания, дневниковые записи писателя, отражающие историю и историческую обстановку времени, новых людей, могут оказаться знаменательными. В значительной степени они прослеживают вехи творческого пути писателя, основные закономерности, темы и мотивы его произведений. Много из того, что изображает писатель, раскрывает основные явления в истории отечественной и мировой литературы, нередко обозначает новые парадигмы в культуре.

Информационная концепция произведения исходит из того, что важное место в ней принадлежит не только психологии самого писателя, который повествует о себе, поднимая тем самым свою самооценку. Раскрываемая в различных ракурсах творческая лаборатория способствует выработке научного и творческого подхода к явлениям, осмыслению накопленного материала. Есть и глубокие внутренние причины, лежащие в основе произведения, делающие его учебником творческого труда для начинающих писателей. Автор шаг за шагом описывает эпизоды и факты своей творческой жизни.

На протяжении 40 лет писательской деятельности М. Магауин придерживался творческого подхода, разрабатывал свою концепцию, подвигшую его на самоактуализацию и самосовершенствование.

Его первые произведения завоевали популярность как в литературной среде, так и у читателей. В них отчётливо проявился талант молодого писателя, глубоко поверившего в своё творческое будущее. С тех пор он стал вести записи о своих записных книжках, заметки о людях и событиях. Всё это обобщено в книге «Золотая тетрадь», раскрывающей разнообразную систематическую работу, осмысляющей труд писателя. Автор скрупулёзно прослеживает, как преломлялись явления и конфликты действительности, как материал порождал новые идеи и проблемы. Молодой писатель придает значение своему творчеству уже с самого его начала. Так, критик С. Шукурулы заметил: «Не отступая от своей веры, от своего “Я”, он упорно стремился к знанию, составлял план действий, высказывал сокровенные мысли и убеждения, что его “Золотая тетрадь” станет классикой».

М. Магауин представляет разносторонний материал, дающий представление о труде писателя. Он раскрывает психологию автора и факты творчества. В книге немало эпизодов, повествующих о создании тех или иных рассказов и повестей, их воздействии на читателей и критиков. Среди адресатов книги – его родственники, критики, издатели, представители литературной среды.

Если исходить из текста «Золотой тетради», то повествователь планировал написать 25 романов, 49 повестей, 134 рассказа. Когда он составлял план творческой работы, ему было 20 лет. Этим записям он придавал большое значение, так как усматривал в них установку будущее. При подведении итогов своей 34-летней творческой деятельности писатель сам анализирует сделанное за этот период. «С трудом выполнил только один из 5% плана», – вспоминает писатель. Несмотря на сетования автора, им сделано много из запланированного. «Когда я вновь возвратился к большой прозе, то открыл для себя новый режим работы. Встаю в 5.00 утра. Старшему сыну – 3 года, средний только начал ходить, младший – грудной. Трое сыновей спят. Рано проснувшаяся жена, уже прибранная, подогревает приготовленную с ночи еду, ставит чайник. В 5.30 или 5.40 сажусь за рабочий стол. И так до 8.30. Только начинаешь разогреваться в работе, как нужно идти на службу. Одно хорошо, что есть служебная машина. А не то пришлось бы пораньше отправляться на работу.

Во многом запланированные на творчество два, три с половиной часа полностью не использовал». Различные обстоятельства выбивали из рамок установленного времени. В более зрелые годы, по мере возможности, он писал в разное время дня: «Самое большое время работы за день – 5 часов. По моим наблюдениям, пишу, в основном, по 4-5 часов с половиной. Если работа хорошо подвигается, то две книги заканчиваю за 27 месяцев, если делаю передышку, то – за 15 месяцев. Обычно работаю по 4 часа или по 4 часа 15 минут, дальше уже не выдерживаю: голова устаёт, пишешь, однако качество работы заметно снижается».

Автор говорит о «подробностях» творческой работы, о влиянии на неё повседневности. Из его размышлений и откровений видно, как нелёгко писательский труд, всегда индивидуальный и неповторимый для каждого. И каждый писатель по-своему использует каждый миг времени. Например, И.С. Тургенев писал, в основном, ночью, С. Муканов не придавал особого значения времени в планировании своей творческой работы.

Светлана Ананьева ТВОРЧЕСТВО Л. ШАШКОВОЙ – ЯРЧАЙШАЯ СТРАНИЦА КАЗАХСКО- БЕЛОРУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Чистейшая лирика, прозрачная, как хрустально пульсирующий родник в широкошумной дубраве жизни Любови Шашковой, уроженке Белоруссии, – ярчайшая страница казахско-белорусских литературных отношений. Известный казахстанский журналист, поэт, автор книг стихов «Пора подсолнухов», «Ты есть я», «Диалоги с надеждой», «Из трёх книг. Избранное», Почётный деятель культуры РК, член СП СССР и РК, Любовь Шашкова пишет по-русски и по-белорусски, но народная основа белорусская обогащает её русскую поэзию. Певучая основа белорусской речи, белорусские слова, по мнению Валерия Михайлова, высказанному на одной из творческих встреч поэтессы с читателями, дают творчеству Л. Шашковой хороший творческий импульс.

Рефреном поэтических сборников Л. Шашковой могут быть строки: «Не расставайтесь с надеждой, маэстро, не убирайте ладони со лба».

Первые стихи Л. Шашковой были опубликованы в 1972 году в Темиртау. Поэзия для автора это убежище от одиночества. И она несёт своими стихами свет радости жизни: «Дай мне, Боже, любить тех, кто любит меня».

В сборник «Из трёх книг» (2000) Л. Шашковой вошли стихи и поэмы из трёх поэтических сборников «Пора подсолнухов», «Ты есть я», «Диалоги с Надеждой». «Отличительной чертой поэтической манеры автора является чувство сопричастности, любовь ко всему, что окружает поэта, любовь к её двум родинам: Беларуси и Казахстану. Она с теплотой вспоминает Темиртау («В ладонях сурового, гордого края Ты, город, заботливо нянчил меня»), целинное долгое лето, землю, прекраснее которой нет. Но Беларусь занимает особое место в творчестве поэтессы» [1, с.95]:

*Но отчего, скажите, и поныне,
Как только беспокойно где-то в мире –
Гудят, гудят колокола Хатыни,
Деревни Белоруссии гудят?
(Примета)*

«Родина Шашковой – Беларусь, – пишет В.В. Бадиков, – где прошли её детство и юность, с трагическим наследием войны в судьбе родных и близких, с неизбежной, кровной тягой к этому болотно-суглинистому краю. Её поэзия начинается с благоговейного преклонения перед этой землей и держится, собственно, прежде всего на нём (“Ах трава-мурава моего деревенского детства”, “Маме”, “Примета”, “На Березине”). Этот главный запев и лирический кровоток, определяющий изысканную непосредственность и внятность её стихотворной речи, открытость её белорусско-русской духовности. Колдовские мотивы славянского язычества и, может быть, рискованное погружение в историю Киевской древней Руси, причём в двух художественных вариантах – русском (поэма “Рогнеда”) и белорусском (перевод поэмы Янки Купалы “На кутью”» [2, с.157].

Шепот травы деревенского детства «под босыми ногами живёт» там, где притулилась ветла у стареньких ворот. Поэтесса просит новый день просыпать «горсточку детства», потому что помнит, как «яблочки спели у августа в тёплых ладонях», а потом их несла мама «в рыжик

солнечных пятнах, в холодных накрапах росы». И однажды раздастся звонок «тоненько-тонко, (так тугая струя молока в дно подойника бьёт)»:

*И запахнет зима в Казахстане
Бобруйской антоновкой,
Так, что даже
Кислинкою зубы сведёт.
(Ах, трава-мурава...)*

Оттуда, из детства образ Ваньки-Бусела, которого дразнили дети.

Стихотворение предваряет эпиграф – строчка из детской дразнилки на белорусском языке: «Побачь, побачь, узнов буслы лятяць». Вот и жил в деревне Ванька, по прозвищу Журавль. Сторожил колхозное племенное стадо, чем очень гордился. «Родную мову с клекотом буслиным» можно было слушать долго. Но вдруг разворачивается вся жизнь дядьки Ваньки, которого современные дети и воспринимают как настоящего аиста, длинноносого, гусиношеего, с худыми, словно жёрдочки, ногами:

*Сейчас он одну ногу подождёт,
Глаза прикроет и впадёт в дремоту,
Ну, чисто бусел над своим гнездом...*

Одна нога у него «значительно короче другой его единственной ноги». Это внешнее увечье ни в какой счёт не идёт с внутренним пожаром, «проклятым жженем». Он жил бобылем, потому что хату его зимой сорок пятого сожгли фашисты вместе с детьми и тёткой Марьей. Он выскочил из лесу с подмогою партизанской:

*Да было поздно: свечкою стояла
В вечернем небе Ванькина изба.
И был огонь её далеко виден,
И тем огнем нутро ему ожгло,
И волосы золой припорошило...
(Ванька-бусел)*

Аистов давно нет в деревне, как нет и осушенного болота, и речушки, впадающей в Березину. А журавель в стихотворении «Приковали к земле журавля» стоит на одной ноге, в небо голову запрокинув:

*Там в сиренево-синей мгле
Журавли улетают клином.
И когда вожак на заре
Снова стаю в полёт покличет,
Запоёт вдруг вода в ведре,
Запоёт-закурлычет.*

Родная Беларусь в васильковом венке видится поэтессе в дальней дали. Она «поднялась на крылах журавлиных». Но новая трагедия пришла на исходе XX века на белорусскую землю, беда накрыла её крылом, накрыла сосенный храм, «царство любви и озона – солнце и сосны, и тишь». «Чёртова зона» захватила родной пейзаж.

*Сосны твои здесь свечами оплыли,
Падает наземь смола.
Слёзы ли ада
Конец возвестили,
Бездна ли знак подала?..*
(Как же светлю в этом сосенном храме...)

«Ангельское рыдание птиц в белорусском сосенном храме, чёрная смола, капающая с обугленных деревьев, ещё несущих в своём истерзанном теле стальные снарядные отметины сражений, гонимые немецкой бомбёжкой беженцы, “Дорога первых горьких вдов войны...”». О трагедии незабываемого прошлого, – резюмирует К. Кешин в рецензии на поэтический сборник Л. Шашковой, – и нынешней всенародной беде Л. Шашкова пишет просто, серьёзно и строго» [3, с.6].

Новая книга Л. Шашковой «Луг золотой» [4] выпущена в серии «Литература народов Казахстана». Родина, родная сторона, а по-белорусски – родима – часто встречается на страницах сборника. Детские впечатления – лейтмотив сборника.

*Яблоки падают в Березину,
И не догнать мне воровку-волну.*
(Спас)

Но уже в избранном «Из трёх книг» (2000) любимая Белоруссия «обрела положение заповедной территории, и многолетняя разлука с родиной, – как верно подмечает Т. Фроловская, – лишь усилила духовную энергию стиха. А это означает: всё-всё необходимо взять на учёт, в перечислении “лесов, полей и рек” ничего не пропустить, очертить старинный, однако же незабвенный житейский уклад, воспроизвести колоритные фигуры Полесья, а самое главное – во всём этом высветить особенную, трагическую историческую судьбу Белоруссии» [5, с.168].

Одна страничка трагической исторической судьбы Белоруссии – жизненный путь странницы Алёны, на малеванках которой – «мир зелёный, диковинный, нездешний край, сады, плоды – Алёнин рай». А вокруг, на земле «ни рай, но ад, глаза войны вослед глядят, и меряют босые ноги родимой Слутчiny дороги». Жизнь Алёны, в котомке которой лишь «краски, хлеба малость, и камнем за плечами старость», обрывается трагически:

*От недоимок откупилась –
В ручье горючем утопилась.*

Не спасли от нищеты мир наивные холсты Алёны: «Алёнин рай теперь ничей». «Остро пережитые, крепко запомнившиеся детские годы – там, именно там ностальгически зовущая территория поэта, для которого непрестанное наслаждение и песенная стихия белорусского крестьянского мира, и естественно всплывающая в ритмически организованное повествование сочная простонародная речь. Да и вся сельская жизнь – её стороны, – считает Константин Кешин, – её годовой круг переданы тонко, точно, с поразительной меткостью подробностей – запечатлена любовно и неторопливо» [3, с.6].

В современной драме «Однофамильцы» (так обозначен её жанр автором) поэтесса пишет о недопустимом, о непостижимом человеческим умом, о нравственной ответственности за память тех, кто освободил родную землю, отстоял независимость Беларуси в страшные годы Великой Отечественной. Из газетного эпиграфа мы узнаём,

что на 70-м километре Печенегской дороги вскрыта и разграблена 31 могила советских воинов.

Поэма представляет собой диалог матери, отца, их сына Петра, чью могилу задумали разрыть (поэма так и начинается: «Не надо разрывать мою могилу на кладбище в деревне Василевке...»), и еврея. В Беларуси, где в годы войны погиб каждый четвёртый житель, особо трепетное отношение к партизанам, участникам сражений и солдатам. Мирные жители на оккупированных территориях вынесли на себе все военные тяготы, а порой и ужасы плена. Л. Шашкова пишет о самом начале войны, когда по дорогам бегут беженцы, а со всех окрестных деревень сгоняют военнопленных, смертников-евреев, «работавших с отчаянной надеждой, что как-нибудь да обойдётся всё», на станцию Бобруйск.

*В три месяца войну решив закончить,
Вели себя тогда вальяжно фрицы,
И зверств ещё особых не чинили,
Оберегая нас, своих рабов, –*

рассказывает Пётр, который по дороге в деревню, вечером, когда гнал стадо, нашёл золотую монету, видимо, обронённую беженцами, бежавшими утром. Не успели пройти сутки (утром бежали беженцы), а вечером дорога была уже в руках оккупантов. Так стремительно развиваются события в поэме, исповедальный характер которой придаёт монолог Петра: «Монеты у меня той больше нету, цены её я сам так и не знаю». И далее поэтесса удачно переходит к приему воспоминаний: «Я помню, как заголосила мама». Включается в текст голос матери:

*Ой, не к добру, сынок,
твоя находка,
Мы золота не бачили от роду,
Не знаю я, куда его сховати,
Ой, не к добру...*

Пётр продолжает свой рассказ. Работавший с ним рядом еврей, видимо, большой учёный из Минска, просит его помочь откупиться от конвоиров: «Я знаю, нас погонят в лагерь, там крематорий – газовая

печь». В конце недели всех отправили по хатам, на один день. Пётр советуется с родителями, уже решив для себя, что поможет учёному.

Материнское сердце предчувствует беду:

*Так сердце у меня, сынок, и ноет:
Ох, не пытал бы понапрасну долю...*

Отец, напротив, поддерживает решение сына:

*Он должен поступать, как человек.
А гроши как пришли, так пусть уходят.*

Не встретив своего знакомого в тот день, вечером Пётр рассказал о тайне своему соседу по бараку, **однофамильцу** (отсюда – название поэмы) – Морозу Андрею, из соседней Слободы, попросив его помочь завтра, передав учёному, что деньги Пётр ему принёс. Утро не предвещает трагедию: «Мы утром *вместе* стали на разгрузку».

Риторический вопрос Петра: «Зачем меня накрыл он этим углем?» остаётся без ответа. Всё трагическое происшествие Пётр воспроизводит сам:

*Я видел, как пошла тележка с углем,
Он должен бросить под неё башмак,
Чтоб вовремя она затормозила,
Но почему-то этого не сделал...*

Наряду с глаголами прошедшего времени *видел, затормозила, не сделал* в прямую речь Петра включён глагол настоящего времени *должен бросить* (сейчас, сию минуту) башмак. Такое соседство глаголов двух времён усиливает картину трагедии, противопоставляя прошлое и настоящее, сталкивая разные временные пласты. Тележка с углём продолжает своё движение, неотвратимо надвигаясь на Петра:

*Она летела на меня. Я видел.
И всё. И темнота. И темнота.
.....
Но той монеты нету у меня.*

Поэму предварял эпиграф «из газет». Завершают строчки из письма, подтверждающая фактическую основу произведения: «Люба, ездили мы в Василевку, выкопали бульбу тётке Поле, были на могилке у Пети. Ты спрашивала, что мы знаем про того Мороза из Слободы. Сразу после войны дядька твой Жорик с хлопцами ходил в Слободу, чтобы с ним разобраться, но его мать сказала, что он живёт в Австрии, и плакала. . .»

Самая характерная деталь поэтического стиля Л. Шашковой: всюду в её поэзии присутствует родная Беларусь. Это названия рек (Буг, Свислочь, Припять, Полота, Западная и Северная Двина, Неман, Березина), озёр (Сенеж), речек (Брожка, Исloch, Бобруля) и речушек, ручьёв (Княгинька, Черница), городов (Гомель, Минск, Бобруйск, Заславль, Полоцк) и деревень (Василевка, Грозово, Слобода), местностей (Слутчина) и местечек (Изяслав), народные словечки («моя любка» – ласковое обращение к младшей по возрасту; месяц – красавик; малеванки – картины, хага, гладышки, поветь, криницы, струг, сховати, вечерять, не бачили, бульба, листопад – ноябрь, бусел), прибаутки, пословицы («Хвалю, кулик, свои болота и нахвалиться не могу») и поговорки («Бабья жизнь – вода»; «Несчастный – утопнет в ложке, счастливому – море в ножки»; «Несчастному – небо в овчинку, счастливому – бор в спичинку»; «Горе верёвочкой вьётся в поле»; «В своей судьбине полонянка»), образные выражения белорусского языка («Не пытал бы понапрасну долю. . .», «беду накликаешь»), образы народных героев прошлых лет и многое другое.

Чернобыльская катастрофа окрашивает в иные, трагические тона поэзию Л. Шашковой. Знаковое стихотворение «Вот моя деревня. . .» (так и вспоминается классическое «Вот моя деревня, вот мой дом родной. . .» – С.А.) горестно по своему содержанию.

*... Тогда, на Сенеже, мы оба
Не сразу поняли: Чернобыль!*

Этого не поняли жители Белоруссии, Украины и России. Трагедия коснулась всех. Облако расстреляли над белорусским краем, над Василевкой:

*И вот несёт она в глазах
За нас с тобою взятый страх,*

*И вот несёт она в крови
Погибельность своей любви...*

Шашкова наполняет самым земным гражданским содержанием – исторические и нравственные уроки войны, объединяющие все народы бывшего СССР – «И у могил родных и дальних плакать // Во век нам разучиться не дано». «Вот так, – резюмирует В. Бадиков, – от лирики малой родины, своей деревни Василевки к эпосу расколотого современного мира...» [1, с. 158].

Свою личную ответственность за свою судьбу поэта ощущает остро:

*И знаю: среди родных болот,
Лесов, лугов у речки Брожки
Я взору горнему с высот
Видна теперь, как на ладошке.
(Звезда болот)*

Для родной Беларуси Л. Шашкова вместо эпитета «бедная» находит более точный – «дивная»:

*Лишь здесь, на вечном берегу,
Ты понимаешь: кто ты, что ты...*

И если Березина «своим простором входит в очи», то Брожку «душой не перепрыгнешь», «куда бежать от собственной судьбы?» Да и с природой Л. Шашкова общается по-своему, удивляя и очаровывая своих читателей яркими пейзажами: приветным зовом прибрежных кущ, дубов столетних, лопотуньи ивы. . . Июльская дорога

*Вся в солнечных замысловатых бликах –
Берёзы, сосны, запах земляники,
Грибов, дождя и Беларуси летом.*

Родные пейзажи – это спасение души, олицетворение Родины. Пронизанный солнцем лес – это сосновый белорусский бор. А из чащобы ельника, вставшего тёмной стеной, кто-то словно следит из «вяжущей

тьмы», поэтому свой заметавшийся дух лучше доверить лугу и соснам вокруг. Лирическая героиня прячется в «лес да поле, с подсолнухами вдоль межи» от городской суеты, телефонных звонков, визитов, кутежей:

*А утром выйдешь за калитку
На дождика упорный звон –
Там осени листок визитный
К оконной раме прикреплен.
(Вот и оставили в покое...)*

Нередко в одной стихотворной строке – три эпитета, передающие красоту травостоя золотого луга по утрам, на восходе: «птичий, шмелиный, хмельной травостой»; яркость цветущих трав: цветут жёлтым, лиловым, белым... Украшением лесной поляны стала царственная ель, которая глядит вокруг величественно-гордо, и в тишине, «в то время как и луг, и лес звенят от птичьего народа», спокойно ждёт зимы.

Настоящая земная и небесная краса – рядом: река, ласкающая задумчиво плес; луга и весёлая стайка берёз; первые зёрна росы.

В стихотворении «Листопад» обыгрывается название осеннего месяца. «Листопад» – по-белорусски – ноябрь:

*Ах, какая удача,
Явиться на свет в листопад,
Будто новый листочек
На смену погибшим явиться.*

Ноябрьские ливни и ноябрьские листопады не задуют яркий огонёк золотистого листочка, не скроют

*Квадрат осеннего двора
В резной оправе сада.
Квадрат осеннего двора
В червонной, лёгкой раме.*

Рефреном проходит пожелание:

*Да будет светлою пора
Ноябрьских листопадов.*

.....
*Да будет светлою пора
Ноябрьских расставаний –*

когда машут вслед из тьмы разлук ладошки листопада.
Л. Шашковой удаётся передать лесную благодать и тишь:

*Пойдём с тобой сегодня по грибы
На утренней заре по бездорожью,
Шагая отрешенно-осторожно,
Пойдём с тобою в поисках судьбы.
(Как в то лето)*

Особый талант поэтессы, по мнению В. Михайлова, рассказывать про казахскую степь мелодией белорусской речи, про восторг «пред лоскутком огня, упавшим с неба», пред маком, мерцающим в зелени, «как свечечки манящие вдаль». Она пишет о целинном долгом лете, когда фары встречной машины выхватывают «степной мошкеры хорювод, пока мой водитель усталый знакомое что-то поёт. Негромко, протяжно и ладно, как в нашем умеют краю». О далёкой песне крылатых степных табунов.

В стихотворении «Чарын» – чернильно-чёрная и тихая ночь, в которой

*только всхлипы лягушек, да голос такыра невнятный,
только за поворотом о чём-то бормочет река.*

Стихотворения Л. Шашковой посвящены её казахстанским друзьям – Инне Потахиной, Руфи Тамариной, Евгению Курдакову, Валерию Михайлову, Акиму Тарази и многим другим.

*И здесь жила моя душа.
В безбрежности носима ветром,
Влекома к дальним миражам,
Не отторгаемая степью.
(Степь)*

В стихотворении, посвящённом Инне Потахиной, «над Алма-Атою, над нашим аулом», светит звезда поэтессы, причем звезда не просто светит ровно и спокойно, она «одинокая плачет» и «пылает среди ночи».

Пейзажи Казахстана – неотъемлемая часть поэтического мира Л. Шашковой, как и пейзажи родной Беларуси. На берегу Алтынколя «шумит карагач листвою, будто сыплет словами». В барханах на границе с Китаем лирическая героиня стихотворения «Человек», посвящённого Жуматаю Жакипбаеву, видела лунный пейзаж

*с его пустынными кратерами
В песках Алтынколя.
Я видела песчаные барханы
С верблюжьей колючкой,
Вцепившейся в небо,
С узлами саксаула,
Завязанными на память о том,
Что и в этой пустынной пустыне
Продолжается жизнь.*

Дед Григорий, прошедший войну от Орши до Кенигсберга, заработавший в мирное время два инфаркта, на берегу Алтынколя ловит рыбу, слушает шёпот песка и ночной разговор звёзд. Он разговаривает «в песчаной пустыне у самого синего озера», разговаривает с рыбами, с рыжей лисицей, с вараном, скользнувшим по гребню бархана. В великом безмолвии слушает его пустыня, а мальки у берега тычутся носом в ладони. Природа одушевлена и наделена многими качествами человека. Помимо уже приведённых примеров, карагач соглашается с Григорием, кивает: «Дожить бы... Дожить бы... Что же ты, Жуматай, этих слов не расслышал?»

Боль и тревога белорусских и казахстанских девушек за поколеченное поколение в Афгане, наркоманов и пьяниц, «загулявших на собственной тризне», объединяет два стихотворения «Просьба» и «...и братец Иванушка», навеянные сказочными образами и героями. На пушкинских мотивах «Сказки о рыбаке и рыбке» построена «Просьба» Л. Шашковой. Сказовые мотивы, обращения к государыне-рыбке, полудню, травушке:

*Смилуйся, государыня-рыбка,
Смилуйся, полдень мой зыбкий,
Смилуйся, травушка луговая,
Детской памятью заклинаю.*

Песня-просьба вернуть молодых ребят, «не в цинковом во гробе», не калеккой превращается в песню-заклинание:

*Возвратите мальчиков из Афгана,
Из тюрьмы верните хулиганов,
От иглы верните наркоманов...
Помогите вернуть в лоно жизни...*

Троекратное обращение к государыне-рыбке, полдню зыбкому и травушке луговой завершается необычно:

*Смилуйся, государыня-рыбка,
Возвратись в обмелевшую реку,
Возвратись в речку Бобрулю,
А не можешь – вернись хоть в сказку,
У меня немного желаний...*

В стихотворении «...и братец Иванушка» главная героиня – сестрица Алёнушка летит белой птицею вслед за памятью «на станцию на Чу», где

*Степи слева, степи справа,
И полно дурман-травы
Для пропащей головы.*

Фольклорные образы – тени чёрные, сатана – усиливают картину тревоги, потери и горя:

*В тёмном лесе конопля
Тени чёрные легли,
И дорога не видна –
Видно, водит сатана.*

Так же, как и предыдущее, это стихотворение завершается обращением, но вместо государыни рыбки – Алёнушка-сестрица:

*Ах, Алёнушка-сестрица,
Над колодцем, над криницей
С заревой, живой водицей
Посиди, поворожи
За возврат его души...*

«Пристальность укоренённости, корневой природности в том пространстве (любимой Белоруссии – С.А.) весьма помогла Л. Шашковой, – как считает Т. Фроловская, – зорко видеть неповторимые черты иных земель, иного менталитета. И, забежим немного вперёд, – умение набросать немногими эскизно-безошибочными строчками пейзаж души – так же от чувства посланника, за рубежами Отечества обречённого по воле провидения представлять его всему миру» [5, с.168].

Книга «Луг золотой» состоит из следующих разделов: «Пейзаж с девочкой», «Как в то лето», «В слиянии Березины и Брожки» и «Поэмы». «Песни жаворонков» посвящены памяти бабушки поэтессы Федоры Гавриловны и проникнуты светлым чувством любви к старшему поколению:

*Федос да Федора,
красивая доля,
над лесом, над полем,
над синим простором
Жаворонки летние звенят.*

Три песни жаворонков написаны в белорусской фольклорной манере. Песнь первая начинается зачином:

*Лучше б я эту песню не пела:
Ой, зачем ты буря налетела,
Разметала гнездо моё по ветру,
Раскидала деток по веку –
Одним в дальние года лететь,
А другим в сороковых оставаться.*

Володя «откатился чёрною смородиной, тоненькою свечечкой застыла» Людмила. Бурей вырвало и старшего сыночка из гнезда. Стоит Петрусь над рекою, – причитает мама, – «обелиском стоит, скалою». Потом под сеятелем вздыбилась земля. И вновь образ жаворонка: «подбитым жаворонком клоннул борозду». Жутко-тихо стало в мире, «как было только разве на войне». Так перед читателем проходит история всей семьи, пережившей военное лихолетье и трудные послевоенные годы:

*А мир лежал растерзанный, в руинах,
Они чернели струпьями на теле Земли,
Забывшей, как родится хлеб.
И голос её словно кровь сочился:
– Моих детей, дарованных Победой,
От голода опухших и от слёз
Везите к солнцу, к хлебу – восток.*

Меняется интонация, из горестно-эпической она становится напутственной:

*Пусть зашумит там молодая поросль,
Пусть кронами она переплетётся
С карагачём степным и саксаулом.
Но чтобы материнской пуповины
К кровиночкам моим тянулась нить,
С собой возьмите жаворонков серых,
Пускай на этой нити держат сердце
И тянут души в солнечный зенит.*

Вторая песнь обращена к степи и степному небу:

*Ох, как небо надо мною бездонно,
Ох, как степи подо мною безбрежны.
Где ты, мой жаворонок чёрный,
Мой Караторгай, мой нежный?*

Былинные мотивы второй песни жаворонка («степи останавливаю взглядом»), фольклорные обращения-рефрены («Где ты, мой жаворонок чёрный, мой Караторгай, моя радость?») объединяются в песне на два голоса, исполнители которой несут на крыльях солнце:

*– Ой, раным-рано
Солнце заиграло,
Выпорхнуло в небо
Жаворонком алым.*

В Казахстане лирической героине «Песен жаворонков» снятся «песни Беларуси милой».

*Ночной приют они находят в сердце.
И сердце бьётся птахою бессонной,
И ничего оно не забывает.*

Так от истории семьи и своего рода поэтесса переходит к поэтическим обобщениям, к славной истории Беларуси:

*А в песнях тех – колокола Хатыни,
И слава вечной крепости на Буге,
И над Полесьем – молодые всходы...*

Но лейтмотивом светлых и горестных песен, ни от одной из которых душа не отречётся, остаётся любовь к родимой стороне. Начинает песни Буг порою вешней,

*Потом их Припять катит по просторам,
А там – Березина, Двина и Неман,
А там боры подхватят эти песни,
На солнечных вершинах раскачают
И птахами запустят в поднебесье.*

Удачно найденный поэтический образ: «на солнечных вершинах раскачают и птахами запустят в поднебесье» завершает вторую песнь жаворонков, хотя нет им ни конца, ни края.

Третья песнь жаворонков – завершающая. Начинается она диалогом:

*– Ты куда летишь, доня?
– В поле.
– Ты откуда летишь, доня?
– С поля.*

Этот диалог повторяется трижды. Но героиня понимает, что никто её уже об этом не спросит, песня не летит к родному дому, эхом возвращается: Федора-а-а... В хате живут чужие люди.

*Они не так калитку закрывают,
Не так косу повесили в повети,
Не так гладышки сушат на заборе.*

Люди вроде неплохие, подают воды холодной кружку. Но тут же воспоминание из детства: «А бабка выносила молоко, дед – решето с наливом и анисом...» Исподволь подмечено, что и в саду порядок уже не тот, пчёлки не хлопочут с усердием, «а мамою посаженные сливы теперь лишь плодоносные деревья...» И лишь подслеповатая Явхимка окликает голосом протяжным, надтреснутым от времени и песен: «А ты не внучка Жаворонков будешь?» В ответ – внутренний монолог героини:

*Вот если бы по голосу признали,
Вот если бы признали по работе,
И слухом бы наполнилась деревня:
– Вы знаете, у Жаворонков внучка
Не хуже своей бабки распекает...
И в хату деда я б тогда вошла.*

Эта же тема – тема дороги, увитой выюнком-васильком, продолжена в «Диалогах с Надеждой», сестрой меньшей, где детские воспоминания переплетены с реалиями современной жизни, в которой «живёт человек, правотой своей тешась жестокой, не помня, что лишь милосердие – Высшая Мера, в Любви не нуждаясь». Жито осыпалось «по обочь дороги».

*Реке многоводной отснились давно пароходы,
Ей даже паромщик и тот скоро будет не нужен,
Поскольку и в брод перейти её можно, как лужу.*

Самые разнообразные эпитеты находит для дороги, ведущей к дому,
Л. Шашкова:

*Вьюнком-васильком перевитая эта дорога,
Дорога, ведущая полем к реке многоводной...
– Просёлочная, обочинная, вездеходами укороченная,
С колеями разбитыми, дождями размытая,
Лесная, смородинная, так мною и не пройденная...*

Образное мышление поэтессы проявляется в пейзажных зимних зарисовках («Аистов белую стаю выпустит в город метель»), в сочетаемости несовместимого («пустынная вода в пруду стояла»), в метафорах и олицетворениях («С неизбежностью потерь *продрогшие* деревья *примирились*»; «И был пейзаж так *безысходно беден*, И о весне уже напоминать *Не смела* ни одна из робких линий»; «А в трубке *пенится прибой*»; «И *ловили*, И впрок *запасали* погожие дни»; «белый парус Тянь-Шаня»; «локоны ветер на пальцы себе *нанизал*»; «на солнце *выступают* веснушки»; «ветер *кутит* в компании дождя»; «декабрь дождем из сердца *выпал*» и т.д.).

В поэтический узор строки часто вплетены славянизмы: «Мороз в оконных *пяльцах* узор торжественный плетёт»; «*ворожба* вихревая», «снеги белые», помор, келья, хлад, кудель, веретено, светлица, стража, полон, плаха, хлябь, «не зело речист», светёлка, тризна, гусли, молвит, полонянка, Свороги; Стрибоги; Дажьдбоги, Ярилин день, как и фольклоризмы: мил-дружок, лик; небесное светило; белый свет; колодезная Лета; птица белая; печаль-кручина; птица вольная; мертвень-вода; зарева, живая водица; други верные; дружина вольная; огнестрелы; око соколиное; дружина молодая; огни самоцветные; ночка-чаровница; тени-мары; уста бледные; суженый; реки бегут не убегаючи; горе горькое и другие. Вятичи, хазары, ятваги, боги полочанские упоминаются в поэмах Л. Шашковой.

Необычны эпитеты: звезда *нечаянная*; *ворожба вихревая*; *усталый* самолёт; *несбывшийся* дождь; *за сердце хватающая* бодрость; *лупоглазый* светофор; *зелёный* ветер; *оранжевое* полыханье; *лопухый* огородный

житель; июньская *зелёная* поспешность; *горячая* медлительность июля; августа *задумчивая* тяжесть; *расплавленный* смерч; *немыслимые* сполохи; *обезумевший* стебель; *мартовские* глаза; *воронья* мгла; *колючий* дождь, *ржавый* лёд; *безмолвный* заговор; *незакатная* звезда; *благая*, *державная* цель и т.д. Устойчивые эпитеты: *сладкий* сон; *могильный* сон; *мёртвый* и вечный сон; *сладкое* вино; старина *глубокая*; *железный* лук; *калёная* сталь; Владимир – *Красное солнышко*; *открытая* душа; *солнышком* князь сияет; *бранные* останки; *озорные* глазёнки.

У Л. Шашковой язык творчества (безукоризненно русский) всё равно получил и предметно-словарную, и внутреннюю духовную прививку исторической «батькивщины». И это только украсило и обогатило, – справедливо считает В. Бадиков, – как её русский язык, так и её художественный мир. Посмотрите, с какой любовью, ностальгией и органичностью живут в её лирике белорусские топонимы: Василевка, Хатынь, Брест, Бут, как обыгрывается образ Бусела-аиста... [2, с. 158-159].

Одуванчики и подсолнухи – наиболее часто повторяющиеся в стихотворениях Л. Шашковой образы лета, солнца, радостного и полнокровного восприятия жизни. Поэтический цикл «Ван Гог в Арле» начинается «Подсолнухами»:

*Оранжевое колесо бессонницы
Раскрутит бешеные спицы.
Твоё вангоговское солнце –
В зените.*

Экспрессия сжимает пространство стиха, в котором бессонница *кричит* «в сто сорок *яростных* подсолнухов».

Лирическая миниатюра «Вороны в пшеничном поле» заслуживает быть приведённой полностью:

*В ответ на крик,
На боль,
На стон –
Из душу всасывавшей бездны –
Сухое карканье ворон,
Как будто рвётся холст небесный.*

В стихотворении «Пора подсолнухов» выделены подзаголовки по названиям месяцев «Июнь», «Июль», «Август», «Сентябрь», «Октябрь». Метафорично и воздушно начало стихотворения:

*Когда подсолнухов июньская пора
Сто тысяч солнц раскружит по планете,
Их отразит в бесчисленных дождинках,
И в каждой луже даст потанцевать...*

Стихотворение имеет посвящение – Ольге и Александре, дочери и внучке, которые рано или поздно поймут, что «есть цветы изящнее и строже», но нет у них дерзкой привычки – всегда светить.

*Но в их великолепные головки
Вовек не приходила эта прихоть:
Быть повтореньем солнца на земле!*

Необычно и любовно пишет Л. Шашкова о первых весенних листочках, о том, как у «первых робких почек клювик жёлтенький остёр». Облака одушевлены, как и воробьи, поэтому ныряют те и другие в лужи, а после стужи открывает «очи сонные река». Автор подмечает и «торопливый росчерк ласточек над головой», и планету одуванчиков на холме, «готовую вот-вот взлететь на воздушных шарах-одуванках». Горчайший запах знойной полыни пробивается из тьмы веков. Под косым осенним ливнем лирическая героиня становится «жесткою осокою». Из колодезной Леты подмигивает, загрузив, «мудрый по-птичьему глаз золотого ранета». Беспокойно и скорбно кричат потревоженные птицы, так, что «неба котёл от их крыльев безумных вскипает».

У озера – «светёлка для души». Вспоминая своих поэтических предшественников – А. Блока и А. Ахматову, цитируя строчку из «записных книжек» А. Блока: «На станции Подсолнечной в тамбуре – А. Ахматова, одна...», Л. Шашкова обращается к великому поэту, бездомный дух которого летает над озером заснеженным и «не откликается, не окликается...»:

*Вон в лапы сосен иглы сеет дождь
И по душе царапает, не зная,*

*Что ты уже, душа, не заживешь –
Сквозная эта рана дождевая...
(Сенеж-86)*

В продолжение темы поэзии – стихотворение «Поэту» с пронзительными строками:

*Не умирай никогда.
Мне не одной это надо,
Чтобы светила звезда
В ветках осеннего сада.*

Далее возникает ассоциация со знаменитыми строками В. Маяковского, обращёнными к С. Есенину: «летите, в звёзды врезываясь...». У Л. Шашковой – звёздный снегопад:

*Светит в ночи снегопад
Полон добра и доверья.
Сквозь тишину и деревья
Звёздные ночи летят.*

Особое место в творческом наследии Л. Шашковой занимают поэмы. «На кутью» (Из Янки Купалы) и поэма «Рогнеда» навеяны мотивами белорусской литературы, славянского фольклора. И древний княжеский пояс в три опояски: единство мысли, единство слова, единство дела переходит из рук девочки в будущий век.

Поэму Янки Купала «На кутью» Л. Шашкова перевела в 1990 году в Доме творчества Союза писателей «Ислочь», где готовила свою третью книгу «Диалоги с надеждой». Переводила непосредственно с белорусского, поскольку была возможность проконсультироваться с белорусскими писателями, владеющими мовой. Так появилась впервые на русском языке поэма Янки Купалы «На кутью», «исполненная тихого, молитвенного рождественского настроения. И каждая страница книги в буквальном смысле слова говорит чистейшим, многоцветным, богато обновлённым русским языком» [3, с.6].

Творчество великого белорусского поэта Янки Купалы (1882-1942гг.) своими истоками восходит к народной традиции, к лиризму

и напевности народной песни, он и в своих поэмах остаётся тонким лириком, ревнителем самобытности родного языка и речи, что и формирует истинно национального поэта. Вобрав и сохранив в себе эти качества, его поэзия сама становится источником, к которому можно прикинуться в стремлении понять свой народ, его душу, выраженную в традиционной культуре. Удивительны исторические поэмы «Могилы льва», «Сон на кургане», «Курган» о древнем сказителе-гусяре. Поэма «Она и я» в 14 отдельных стихотворных главах «Встреча», «В хате», «За кроснами», «Радуница», «Пахота», «Белит полотно», «Сев», «Полёт», «Огород», «Яблони цветут», «На лугу», «Красота мира», объединённых лирическими героями, славит труд земледельцев. И всё это – любование и воспевание милой в заботе и работе, которой сам герой – главная опора и подмога.

Хотя звание народного поэта Беларуси Янка Купала официально получил в 1925 году, академика – в 1928, постепенно его дореволюционное творчество отлучается от читателя, как националистическое и возвращается только в эпоху так называемой перестройки. Тогда же в вышедшем «Избранном» была опубликована и поэма «На кутью», которая, по сведениям книжной палаты СССР 1990 года, к тому времени не имела перевода на русский язык. Творчество Янки Купалы возвращается не только в родную Беларусь, но всему славянскому миру, всем любителям поэзии. Открыт музей его имени в Татарстане, где поэт с семьёй был в эвакуации, памятник ему воздвигнут на Кутузовском проспекте в Москве. До сих пор не известны причины его трагической гибели, когда он был вызван из эвакуации в столицу (28 июня 1942 года он упал в пролёт лестницы в гостинице «Москва»). Но слово поэта живёт и всё более насущно в мире, стремящемся сохранить свою самобытность перед угрозой обезличивающей глобализации.

Поэма «На Кутью» Янки Купалы начинается картиной зимнего пейзажа:

*Лишь Млечный путь начнёт мерцать,
Лишь снег на поле заискрится,
Как чудеса свои являть
Выходит ночка-чаровница.*

В. Даль объясняет значение слов «кутья» или «коляда» как сватовечер, рождественский или сочельник. В такой вечер возможны всякие

чудеса, потому что свои чары «насылает» глушь, обвенчавшаяся с тишиной, а небесный небосвод вступает в заговор безмолвный с тёмной ночью.

*Над миром тяжкий свой полон
Распростирает царство ночи.
И сладкий сон, могильный сон
Смеётся белу свету в очи.*

Чудеса продолжают... Если могильный сон смеётся белу свету в очи, то и жизнь вдруг начинается на разорённом пепелище. Ночь, темнота сменяются огнем *искристым*, каким *сверкают* княжьи палаты, богатыми столами, украшенными скатертями *светлей* росы.

*Здесь духи прошлого кутью
На старосветский лад справляют.*

И, разумеется, две последующие строки поэмы («Давно прошедшему житью песнь благодарную слагают») вполне могли быть предъявлены как обвинение самому Янке Купала, как и последующее обращение к дружине князя:

*Один, один раз только в год
Мы сходимся согласно року,
Чтобы забвенья ржавый лёд
Сколоть со старины глубокой.*

Вся поэтическая ткань поэмы проникнута ассоциациями из народной поэзии. Княгиня так красива, что её взгляд «будто блеск далёких молний». Камни *самоцветные* горят у князя на короне, когда обводит он дружину *молодую*, которой «не коснулся хлад измен», оком *соколиным*. И уж совсем пророчески звучат заверения князя:

*Мы знаем: помнят нас живые,
Хотя с подмостков этих сцен
И оттеснили нас другие.*

*Другие боги взяли верх
И суд ведут над нашим краем,
Но мрак да не накроет тех,
В ком воли свет мы разжигаем.*

Три гонца «со всех концов»: один из которых был со светильником, второй – с железным луком и третий – с гусями, по приглашению князя и по его просьбе, повествуют об увиденном, о путниках, бредущих безмолвною толпою, с повязками на глазах. Но стоило им почуять луч света, как их бледные уста зашептали: «Отдайте наше солнце нам, зачем украли-расхватили?» Второй гонец, как только «стрелой напрям луг», услышал шёпот бледных уст: «Отдайте нашу славу нам, зачем украли-расхватили?» Третьему вестнику стоило лишь ударить по струнам, как в ответ послышалось: «Отдайте нашу песню нам, зачем украли-расхватили?»

В *звенящей* тишине, в светлице, князь, наконец, отвечает:

*Нет, не погибнет тот народ,
Что жаждет солнца, славы, песни,
Час пробуждения пробьёт,
И к новой жизни он воскреснет.*

Будить людей для новой жизни «луком, гусями, лучом» отправляет князь гонцов. Язык поэмы метафоричен. *Шумит* беседа за столом. Незаметно время *длится*:

*Рокочут гусли, и их звон
По свету белому несётся,
В сердца людей стучится он,
И в них надеждой отдаётся.*

Но вольную беседу, текущую неспешно, как река, в полночь, «будто чья рука» незримо пересекает. Вековой замок превращается в разорённое пепелище. И вновь, как и в начале поэмы,

*над миром тяжкий свой полон
Распростирает царство ночи.*

*И сладкий сон, могильный сон
Смеётся белу свету в очи.*

В 1990 году в Доме творчества Союза писателей «Исlochъ» была написана и поэма «Рогнеда», автор которой побывала в княжеском Заславле, в музее, где и услышала историю древнего княжеского рода. Потом прочитала книгу белорусского писателя Константина Тарасова, консультировалась с историком Фёдором Кривоносом и искусствоведом Ниной Матвиенко. «Рогнеда» создана под воздействием памятников древнерусской словесности, она предельно насыщена материалом. Поэма изобилует неожиданными, поразительно контрастными поворотами высокой судьбы Рогнеды – Гориславы – Анастасии.

Л. Шашкова открывает одну из трагических страниц истории Беларуси. В Заславле – тишина. Умиротворяющ вид на Свисlochъ. Но именно здесь, в таком красивом месте, где ручьи Княгинька и Черница «из тьмы веков спешат пробиться и душу захватить в полон», нашла княгиня Горислава свой бесславный конец, монашкой завершив жизненный путь.

Юность княгини безоблачна. Князь Ярополк с Киев-столицей рад с кривичами породниться. Резоны княжеств двух дороже, и свадьба назначена на Ярилин день. В этот день княжна Полоцкая должна своей рукой надеть пояс княжий и, поклонившись, молвить с лаской: «Вот пояс, княже, В три опояски: Единство мысли, Единство слова, Единство дела». Вместо счастливой семьи, о которой мечтает Рогнеда, судьба приготовила ей великую беду: «вместо киевских ладей сваты другие в очереди».

*Владимир, Новгородский князь,
Войною страшною грозясь,
Невесту хочет Ярополка.*

Он к славе рвётся, «как к жене, и к власти, жаждущей долго!» У Рогнеды на глазах убиты отец и мать, братья и Ярополк. Слава Владимира-князя засияла в небе кроваво незакатной звездой. А Рогнеда стала Гориславой. На что Владимир довольно рёк: «Гореть тебе моей славой (Сгорела для этой славы...». Князь укрепляет трон, Горислава,

шестая жена князя, воспитывает троих сыновей. Чтобы передать состояние Гориславы, для которой «брачное ложе с могилою холодом схоже», Л. Шашкова находит образное фольклорное сравнение:

*Над Лыбедью раненой птицей
Душа Гориславы томится.*

В текст поэмы включена молитва Гориславы, княгини Киевской, обращённая к богам полочанским:

*Скажите, чем жизнь Владимира
Дороже жизнью, им отнятых
У княжеской всей семьи?
Глядите – кровь на Владимире,
Красным-красен от крови он –
Владимир – Красное Солнышко –
И нечем её отмыть!*

Л. Шашкова прослеживает новую этимологию определения «Красное Солнышко». Красное – от крови покоренных вятичей, хазар, ятвагов.

*Русь он любит великую?
Власть он любит великую,
Себя в этой власти любит он,
И Русь – раз она его!*

Но не вняли боги молитве, не заснул Владимир вечным сном: «Смерть Владимира простила». От страшного гнева князя спасает Гориславу меч детский сына Изяслава, обращающегося к отцу: «Не хочу видеть смерти матери моей, Убей прежде меня, отче...». Рогнеду – Гориславу ждёт изгнание в Изяслав, под Менск. Здесь, в дреговичских болотах, княгиня воспитывает сына, укрепляет в нём волю князю, готовит его к возвращению в отчину деда – Полоцк. Самой ей туда путь заказан. Владимир крестит Русь. Жена у него теперь одна – Анна ромейская. А для Гориславы два пути: за боярина выйти или монастырь, из Изяслава нет ей в мир возвращенья.

Первая монахиня крещёной Руси Анастасия вручает Господу судьбы своих сыновей, трёх соколов: Изяслава, князя Полоцкого, Ярослава, князя Ростовского, Мстислава, князя Черниговского, моля о том, чтобы не вскружила власть молодые головы и на земли друг друга не позарились. Поэтесса надеется, что в каждом сердце отзовется Анастасии скорбный глас.

*... Есть девочка одна в народе
Её души свеча живая –
Она едва ещё мерцает...
Я ей хочу сказать: Живи.
Ведь ты и есть свеча Любви,
Что светом в души проникает.
Ведь ты и есть тот оберег,
Что в будущий введёт нас век.*

Именно в стихотворных драмах Л. Шашковой «соединилось всё в последовательной постепенности становления дарования, приближения к зрелости таланта: корневое чувство подлинной жизни, тяготение к крупной форме, которой единственной дано вывести поэта на новую ступень, наконец, и это главное – тайной незащищённости женского очарования, несправедливости покусения на чистоту и самоотверженность любовной преданности» [5, с.171]. Как Гульфайрус Исмаилова пишет «изящные портреты, полные света, музыки и дождя», так и сама Любовь Шашкова пишет такие же стихи, изящные, полные света, музыки и дождя. Пишет историю женской души, «которую не заглушил жестоких и сонных эпох зрительный чертополох».

Деятелям отечественной культуры посвящена книга очерков и эссе «Хранители огня» [6]. Открывает её очерк «Зима патриарха» о народном писателе Казахстана, президенте казахстанского ПЕН-клуба А. Нурпеисове, содержащий множество тонких наблюдений: «Природа его таланта – эпическая, сродни шолоховской – в глубинной связи с народной жизнью, родным языком, родными корнями». Или: «У Нурпеисова такой метод работы – записывать на первый попавшийся листок мысль, чтобы потом можно было вертеть её со всех сторон, добываясь самой яркой и ясной формы выражения. Этим

он может заниматься годами. Записи есть и на казахском, и на русском языках – на каком подумалось, на таком и записал».

От сегодняшнего времени автор очерка возвращается в прошлое, в годы Великой Отечественной войны, к периоду создания его первого романа «Курляндия». Умело включены в ткань повествования биографические сведения, оценка его щедрого писательского дара («Природа его таланта – эпическая, сродни шолоховской – в глубинной связи с народной жизнью, родным языком, родными корнями»), ёмко и полно освещена деятельность ПЕН-клуба, главное в которой поддержка писателей и поддержка литературы. «В память о своих друзьях он учредил литературные премии – в области прозы имени Юрия Казакова, в области перевода – имени Михаила Дудина, первого переводчика Абая. И создал журнал «Тан-Шолпан», исторически продолжив издания Ахмета Байтурсынова и Магжана Жумабаева, где печатают как маститых, так и молодых, и платит им, что сегодня редкость, гонорары. И организует международные писательские встречи, чтобы сохранить духовное поле литературы».

Героями книги «Хранители огня» стали деятели литературы и культуры Казахстана и России Айман Мусаходжаева («наш казахстанский феномен», – так тепло пишет о ней Л. Шашкова) и Мурат Ауэзов («Истинный Учитель в кругу истинных Учеников»), А. Молодов и В. Михайлов, Е. Толепбай («Кисти и палитра были и остаются его главной работой и непреходящей страстью, единственным прибежищем души... и неизменным средством самовыражения») и М. Алимбай, А. Гурьев и А. Тебенихин, Г. Исмаилова и И. Лебсак, Л. Скалковский и Д. Тналина, Б. Имангазина и В. Никкарев, Е. Рахмадиев и З. Тусипова, Н. Анастасьев и Дж. Баспакова, М. Жаксыгарина и Г. Рутковская, У. Кажиев и А. Таризи, Р. Муканова и А. Боллох, Е. Мергенов и Ж. Аубакирова, О. Сулейменов. Как верно пишет известный казахстанский литературовед, доктор филологических наук, писатель В. Бадиков: «Представители творческой интеллигенции РК – писатели, художники, артисты и режиссёры, учёные-гуманитарии благодарны Л.К. Шашковой не просто за внимание, но прежде всего за живой глубокий интерес к их творчеству» [2, с.156]. Герои очерков и эссе Л. Шашковой – «посвящённые и освящённые хранители огня духовности и культуры».

Мэри Кушникова **ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ**

К 75-летию журнала «Простор»

Нахожу в Интернете последние номера журнала «Простор». Ищу – увижу ли знакомые с 60-70-х годов имена. Увы! Но сколько новых!

Хотя – стоп! Николай Алексеевич Раевский...

И тут же срабатывает эффект забытого и внезапно найденного флакона, из которого давно выветрились духи. Открываешь... и едва уловимый аромат внезапно завораживает, уносит в иной временной пласт, возникают лёгкие призраки друзей и недругов минувших лет. Приметы удач и поражений. И всё вместе – волшебная мозаика былого, и сколько бы ни таила она в себе горечи, – сквозь флер промелькнувших лет всё равно вновь найденный аромат прошлого дурманит, и всё кажется прекрасным...

Николай Раевский... Тоненькая книжица «Если бы портреты заговорили»... Алма-Ата, окно кабинета выходит на розарий ботанического сада. Все в доме спят. Как обычно, читаю и работаю ночью. Только что закончила переводить для «Простора» занятую статью про суд инквизиции над несчастным чёрным котом. Сейчас можно и почитать.

Итак – Раевский Николай Алексеевич. Кто же мне называл эту фамилию? Ах, да, Ростислав Викторович Петров.

Петров... Для меня он – душа «Простора». К нему прихожу я, приношу новые материалы, рассказываю, какие имеются «зачки» на будущее.

Бывают же такие «уютные» люди, излучающие доброжелательность, похожие на тёплый огонёк, к которому слетается всё вечернее крылатое племя, что кружит в комнате! Так и Петров умел притягивать людей.

Существуют дома-перекрёстки, в которых, как по волшебству, неизбежно когда-нибудь да встретятся очень нужные друг другу люди, давно желавшие узнать друг друга. Существуют и люди-перекрёстки – они рассказывают тебе о человеке, о котором знал только понаслышке, а тут вдруг оказывается, такой «особый» человек, вроде Петрова, того хорошо знает, и вот уж происходит встреча, и иногда завязывается тоненькая, но прочная нить на долгие года...

Таким человеком остался для меня Ростислав Викторович. Он спросил: «Про Пушкинские реликвии из Бродяг читали? Раевский – репатриант из Чехословакии – написал». Словом, что-то в этом роде я именно от него и услышала.

... Вот и читаю целую ночь. Врастаю в призрачный мир, хорошо мне известный лишь по рассказам родителей и строгой «фарфоровой» бабушки с кружевной наколкой на кипенно-седых волосах и камеей у ворота. А ещё – от моей свекрови, при замужестве вошедшей в старинный род. Я вижу этих людей, я чувствую аромат старых писем...

Хочу встретиться с Раевским. Чувствую, что *должна* его увидеть. Конечно же, прошу Ростислава Викторовича «навести мостик». А он – мне: «Да никакого мостика не нужно. Раевский работает переводчиком и библиотекарем в Институте хирургии, вы его всегда там найдёте. Он очень контактный. Хотя – не с каждым», – мило и чуть иронично улыбнулся Р.В.

– Так, может, он и со мной не захочет знаться? – шучу я.

– С вами? – опять чуть игриво и не без иронии отвечает Р.В.

И вот я иду знакомиться с Раевским.

Передо мною крохотного роста, с крупной головой, весьма пожилой человек, черты которого мне почему-то удивительно кого-то напоминают. Никак не могу вспомнить, кого.

Проговорили мы, наверное, часа три. О себе он говорил скупо. Ну, конечно, – эмиграция, потом «смутное время» (рассказывать нечего, и так понятно), а теперь – нелёгкий нрав начальства, которое держит его, Раевского, на «коротком поводке». Николай Алексеевич смотрит на часы: «Ну вот, я отбыл своё время минуту в минуту». Я засобиралась, хотя так хочется ещё поговорить о книге. Не о той, которая только вчера прочитана, о ней мы говорили всё время, а о той, что явно вызревает и, конечно же, написана будет в продолжение. А, может быть, уже и написана, только выйдет ли в свет...

– Я вас провожу, если не возражаете, – предлагает Н.А., – тоже чувствует, видно, что «не договорили».

Ещё бы я возражала!...

– Вам куда?

– Тут поблизости, в магазин «Мелодия».

– Увлекаетесь романсом, танцевальной музыкой?

– Нет, у нас неплохая коллекция «Musica Antica», и сегодня ожидаются новинки.

Всё это – на пороге.

А далее Николай Алексеевич переспрашивает: «Так ваша фамилия как звучит?». Называю. И тут он загадочно так улыбается: «Ну, нам с вами ещё доведётся встретиться. У меня есть для вас сюрприз».

Недоумеваю: «Но ведь мы видимся впервые!».

Он: «Ну и что же? Знаете, я верю в предначертания. Верю, что именно где-то весьма высоко и много раньше нашего рождения уже предначертаны все механизмы нашей жизни. Все колёсики – куда повернутся, все цепочки – с кем кого свяжут, все сцепления, кому с кем встретиться. Вам так не кажется?»

Я в ошеломлении. Ведь именно так я всегда и считала, и тут – такое совпадение.

Я: «Скажите, Николай Алексеевич, если о механизмах судьбы, – не встретить Пушкин именно Дантеса и не заподозри он того в романе с женой, могло бы так случиться, что он прожил бы ещё много-много лет?»

Он: «Думаю, нет. Он не прожил бы долго. Всё равно была бы дуэль. С кем-нибудь другим. Пушкин был так устроен. До того у него было 28 дуэлей, представляете? 29-я оказалась роковой. С Дантесом ли, или с кем иным, это должно было произойти. Никуда не денешься – предначертание!»

Прощаемся около магазина «Мелодия».

Он: «Значит, мы с вами братья по профессии – оба переводчики? Вы со скольких языков переводите?»

Я называю, и он удивляется: много, хотя у него немногим меньше.

Переходим на французский.

Он: «Свободно говорите, и такой прононс! А другие языки откуда?»

Я: «Дорогой Николай Алексеевич, – французский это с детства, а остальные... так ведь и со мной жизнь проделывала такие кульбиты, что всему научишься...».

Помолчали. Почему-то взгрустнулось.

– Ну, почему вы не спрашиваете, о каком сюрпризе я говорил?

– Жду, когда вы сами расскажете.

Похлопывает меня по руке по-отцовски:

– Умница, воспитанная девочка (хотя у «девочки» уже явно серебрятся сединки, это он так шутит).

– Знаете что, когда в следующий раз будете в вашей музыкальной лавке с чудесами, заходите ко мне, поговорим, хорошо?

Следующая встреча пришлось невольг. На этот раз Н.А. рассказал мне с грустью и детской обидой о перипетиях, что ожидают его при публикации книги «Портреты заговорили», которая уже написана, но, оказывается, столько формальностей на пути!

Я: «А от кого это зависит?»

Он: называет фамилию. Ну, скажем, Верховодов. Я внутренне произношу: «Ах». Потому что от этого же человека во многом зависит и судьба моей первой книги, которая должна была появиться в издательстве «Кайнар» (но это уже другая история!). С человеком этим я хорошо знакома. Он даже явно, но весьма благонаравно за мной слегка ухаживает (вся Алма-Ата знает об «идеальном браке» этих немного странных К.).

Даю себе слово о книге Раевского «допросить» поклонника с пристрастием. Вот и не верь в эти странные колёсики, сцепления и цепочки. . .

Ростиславу Викторовичу рассказала о знакомстве с Раевским и об его трудностях. Он, оказывается, знал о них много больше, и с грустью и лёгкой брезгливостью сказал:

– Первое, чему надо было учить поколение Николая Алексеевича, да и наше тоже, – «прорасти через асфальт». Впрочем, он, слава Господу, выжил, и я верю, что «Портреты заговорили» выйдут в свет.

Так повелось, что всякий раз, направляясь в магазин «Мелодия», заходила к Н.А., часто уславливаясь заранее.

И вдруг, во время одного такого визита он: «Я вот что хотел показать Вам!» – и протягивает умищающийся на ладошку «дамский карнет», такую маленькую книжечку с золотым обрезаем, в корочках выцветшего бархата, видно, раньше зелёного, а теперь болотного цвета. Перелистываю и застываю. Аромат времени обволакивает меня, завораживает. Тончайшим пером рисованные дивные пейзажные миниатюры. Удивительным почерком, который, видимо, способны вырабатывать только гусиные перья, но никак не шариковые ручки, стихи и посвящения хозяйке салона, хозяйке этого маленького альбома. Листаю – не могу оторваться.

Николай Алексеевич: «Да вы возьмите альбом домой, там спокойно всё разглядите. Думаю, найдёте для себя много интересного. Кстати, и ваш супруг тоже. . .»

Я принесла альбомчик домой, и нашла в нём посвящение хозяйке за подписью некоего Мишеля К. на французском. Показала супругу. Он: «Значит, кто-то из нашего рода; у нас нет однофамильцев».

Листаю ещё и ещё. И вдруг – пейзажик пером с посвящением хозяйке и с подписью по-французски: «А. Пушкин». Обомлеваю и зову супруга.

Я: «Смотри, какое совпадение!»

Он: «Наш род через Карамзиных (родня) вполне мог познакомить загадочного Мишеля с Пушкиным, и они, наверное же, посещали одни и те же салоны».

Пройдёт много лет, нам удастся установить эту цепочку, о чём уже много написано.

А между тем, Николай Алексеевич стал изредка бывать у нас. Обычно, когда в выходные дни уходил в горы. Около нашего дома была остановка автобуса, который шёл к горам.

Пишу слово «горы», и опять аромат бывшего окутывает меня.

О, розовеющие под утренним солнцем заснеженные вершины!

Когда видишь их впервые, цепенеешь от изумления подобной красотой. Потом привыкаешь, и вроде бы даже не замечаешь, но это только «вроде». На самом деле ты их ощущаешь постоянно. И в нелёгкую минуту, когда, что называется, «жизнь не мила», всё равно глянешь на это чудо, вслушаешься в шелест тополей-гигантов по краям улиц, в шуршание арыков, – и вот уж гладь снисходит на сердце и понимаешь, что величие и красота мира – единственно вечны, а всё остальное мгновение, туман – как на кольце царя Соломона: «И это пройдёт!» . . .

Николай Алексеевич любил горы. Он рассказывал, что, живя в Чехословакии, часто поднимался на предгорья Карпат, и я воскликнула:

– Вот они, ваши сцепления и цепочки! Но ведь когда мы жили в Румынии, меня тоже, совсем ребёнком, на лето увозили на буковинские курорты в Карпаты. А после войны, уже на львовщине и в Дрогобыче, часто ездила в Борислав (и пока всё это говорила, явственно ощущала чуть нефтяной «привкус» воздуха в тех краях – ведь в Бориславе нефть).

– Значит, вы жили на Западной Украине после войны, ходили в Карпаты? – спрашивает Николай Алексеевич.

– Это была часть моей работы. От краеведческого музея в Дрогобыче мы обязаны были ездить с лекциями по сёлам, по фольваркам. Вот я и ездила.

– Так и не могу отвыкнуть от гор. Беру с собой книги, записи, нашёл удобные местечки – сижу, работаю.

И в самом деле, всякий раз меня удивляло, что при его таком маленьком росте, Н.А., приходя к нам по пути в горы, нёс на спине увесистый рюкзак, чуть не с половину его роста, набитый книгами.

Как-то в такой его «заход» к нам, я, вдоволь «налюбовавшись» прелестным альбомчиком, вернула его Н.А.

Он: «Поняли в чём сюрприз?»

Я: «Супруг объяснил».

Он: «Я же сказал, что и ему будет интересно, помните, я ещё при первом знакомстве переспросил фамилию, она меня поразила. Вспомнил, что встретил её на этих страницах».

Я: «А альбом – он был чей?»

Он (заговорщически улыбаясь): «В наши дни любопытство не рекомендуется. Но вам, знаю, могу сказать. Он бытовал у одной моей дальней родственницы».

Теперь, отдавая ему альбом, я как-то пристально взгляделась в него, и вдруг поняла... а поняв, спросила:

– Николай Алексеевич, скажите, как на духу, вы не родня тем Раевским, ну, знаете, генералу, отцу Марии Волконской?

Он посуровел и замахал руками: «Да что вы, в самом деле, выдумали! Ну какой я потомок такого статного боевого генерала! Просто однофамильцы».

Потом взял мою руку и полушёпотом, – хотя в комнате никого больше не было, – сказал: «Послушайте, дитя моё, – я ведь могу вас так называть, – прошу вас, будьте осторожны. В вопросах и особенно в ответах. У вас не безопасная фамилия. Впрочем, как и моя. Но это я шучу!» – и улыбнулся лукаво, приложив палец к губам.

Незадолго до этого разговора от – назовём его Верховодовым – словом, от упомянутого выше человека, я узнала, что «Портреты заговорили» он лично не то что прочитал, а просто-таки «проглотил», и всё, что от него зависело, подписал и составил нужную рекомендацию, а как уж дальше получится – кто бы знал!..

– Понимаете: эмиграция и всё такое, да и много ещё чего было. Но, чур, я вам ничего не говорил, и вы от меня ничего не слышали, – предупредил он.

«Поклонник» был, видно, трусоват, да и многие в ту пору вынужденно осторожничали, кто больше, кто меньше... .

После того дня, когда я вернула Н.А. маленький альбом, мы с ним больше не виделись, потому что мы перекочевали в Сибирь.

Что вовсе не значит, будто магия «колёсиков, цепочек и сцеплений» потеряла силу. Во-первых, вскоре друзья-алматинцы, со многими из коих я находилась в переписке долгие годы, а один из них до сих пор печатается в «Голосах Сибири», прислали мне книгу «Портреты заговорили». Тут она сейчас же пошла по рукам. И бедные мои алматинцы посылали мне эту книгу, посылку за посылкой, для местных новых знакомых, а когда те узнали, что мы знали с её автором, первым делом спрашивали: «А он из тех Раевских?» И я, точно также, как Николай Алексеевич, взмахивала руками: «Ну что вы, при его-то росточке, какой он потомок такого представительного генерала. Нет, Николай Алексеевич вовсе не показался мне человеком героического склада».

Хотя про себя я думала, что вся его жизнь была сплошным образцом героизма и стойкости, и что, говоря так, я как будто бы немного его предаю. Но ведь он сам предостерегал: «Осторожность, осторожность и опять осторожность!».

Как бы там ни было, что касается происхождения Николая Алексеевича – я знала то, что знала. Много лет проработав с портретами, я всё более вспоминала, на кого же похож Николай Алексеевич... .

И этот альбомчик его загадочной дальней родственницы... .

И вписанные туда фамилии... .

Когда ажиотаж вокруг книги сошёл на нет, но в одной из газет прочла интервью с Н.А., в котором его спрашивали, конечно же, о том, не родня ли он *тому* Раевскому, и бедный Н.А., так призывавший меня к осторожности, словесно прямо-таки отмахивался от такого предположения: полноте, мол, мало ли однофамильцев, ну и т.д.

Но я знала то, что знала... .

Уже в Сибири плотно занималась корнями местного прикладного искусства, в частности, чугунного художественного литья. На Томском, ныне уже несуществующем, железодельном заводе XVIII-XIX вв. и Гурьевском, начала XIX века, существующем поныне.

Но в наших краях в возможность художественной традиции чугунного литья никто не верил, и я ездила в Барнаул и Тобольск в поисках подтверждений.

И что же? В Тобольске в историко-краеведческом музее, в особой витрине вижу пять декоративных чугунных медальонов, два из коих коронационные – Николая I и его супруги, и рядом... останавливаюсь, ахнув. В точно такой же оправе, как и на всех остальных (значит, один цех? один мастер?), квадратный медальон, но – *раскрашенный* по типу венской бронзы. А – когда в моде венская бронза? После 1815 года, когда Венский конгресс зафиксировал полное освобождение Европы от Наполеона, и где на первых ролях – русский царь Александр I, владыка страны, что положила начало падению французского императора.

Ах, колёсики, цепочки, зацепочки!..

Но кто ещё сыграл столь видную роль на поле боя с французами, как Раевский, вошедший в легенду, так что по России гуляли лубочные «листки», на которых отважный генерал выводит на поле боя двух своих малолетних сыновей, в назидание храбрости солдатам...

Немудрено, что лубки дошли и до Сибири и, конечно же, знаменитые в своё время железоделательные заводы воспроизводят народного и любимого героя генерала Раевского, и даже раскрашивают по чугуну его портрет «совсем как в Вене». Вена ведь на слуху!

Вглядываюсь в тобольский медальон, изображающий генерала Раевского. Теперь маленький росточек Николая Алексеевича уже не мешает сопоставлению. Крупная голова, чуть выпуклые глаза под нависшими дугами бровей, характерный крупный нос, твёрдый круглый подбородок, особая посадка головы... По многим портретам убедилась, что генные черты, как тавро, отмечают потомков какого-нибудь рода на много поколений вперёд.

Словом, – я знала то, что знала...

И вот сейчас в Интернете нахожу в трёх номерах «Простора» уже посмертную публикацию Н.А. Раевского «Возвращение». Со всеми многострадальными виражами его прошлого, попавшего под каток первой мировой и гражданской войны, а потом – послевоенных катаклизмов. И будто вновь слышу его предостерегающее: «Осторожность! В вопросах и особенно в ответах». И читаю про то, что Николай Алексеевич – княжеского рода, и его прапрабабушка танцевала на балах вместе с Пушкиным.

О, маленький альбомчик в выцветших бархатных корочках! О, вписанные в нём фамилии... О, тобольский портрет генерала Раевского,

так явно подтвердивший сходство семейных черт, коими был отмечен и Николай Алексеевич...

Теперь, когда Н.А. покинул всех нас, живых, и его супруга – тоже, уже нечего было осторожничать. Всё совпало. Все колёсики, все зацепочки...

Но я всегда знала то, что знала...

И так захотелось вдруг полистать номера «Простора» чуть не за десяток лет, где сохранились мои публикации, – все они сложены в нашем семейном архиве. Вычислили: нынче 75-летний юбилей журнала.

Вот сижу, листаю эти старые номера. «Простор» для меня – своего рода «альма-матер», как для других лицеи или университеты. Ведь сюда, с великим трепетом, уже после множества публикаций, я принесла свою первую повесть. Первоначально она называлась «Путешествие втроём». Всё действие происходит в Алма-Ате, где мой любимый памятник Чокану Валиханову, который, что называется, был в 60-е годы «героем моего романа», а когда в письмах Ф.М. Достоевского к нему я прочла, что он, де, Ф.М., в Валиханова «решительно влюблён», а Достоевский в ту пору был для меня фигурой первостатейного интереса, можно представить потрясение...

Так что – магия колёсиков, зацепочек проявлялась в действии.

Я написала повесть.

Ростислав Викторович посоветовал обратиться к Юрию Михайловичу Герту или к Ивану Павловичу Щеголихину. Главным редактором тогда ещё был Иван Петрович Шухов. Юрий Герт показался мне каким-то более демократичным и «своим», так что я обратилась к нему. И с ним действительно было интересно и приятно работать. А перед Щеголихиным я почему-то робела. Однако, оказалось, что я написала какую-то *не такую* повесть, содержание её и фантазмагоричность, видимо, вызывали сомнения, хотя Герт отставил её изо всех сил. Кто-то мне передал даже, что И.П. Шухов, хотя повесть одобрил, однако сказал: «Вы что, хотите, чтобы журнал закрыли?»

Герт и Петров посоветовали поговорить ещё с Иваном Павловичем Щеголихиным. И тот, к моему удивлению, более чем одобрил отнёсся и к тексту, и ко мне, но предложил повесть переименовать. Пусть будет – «Место в памяти».

Возможно, и скорее всего, повесть бы в «Просторе» вскоре бы была опубликована. Но где-то колёсики и сцепочки направились иначе, и – очередной вираж – мы попали в Сибирь.

Здесь повесть лежала пока тихо-тихо. Хотя её фантазмагоричность и вовсе всполошила местный добрый народ.

Я занималась вплотную краеведением. Много публиковалась и была автором телециклов.

И – кто бы сказал? Ах, сцепочки-колёсики! – «отпугивающая» повесть про алмагтинский академический пятак и про «героя моего романа» Чокана Валиханова, наконец, была опубликована в местном журнале именно под «щеголихинским» названием, но в трёхтомнике прозы я восстановила прежнее – «Путешествие втроём».

Однако Иван Павлович не подозревает, конечно, что он даровал мне название «Место в памяти», как некий эпиграф к тридцатилетней краеведческой, литературной и телевизионной деятельности в Сибири.

Под таким названием вышла одна из моих краеведческих книг, это название часто мелькало в телекадре цикла, особенно для меня дорогого. . .

В «Голосах Сибири» печатается из номера в номер алмагтинец Михаил Павлович Шмудёв, который, как я знаю, был весьма близок со многим «просторовцами». И в переписке мы нередко вспоминали «Простор» и многие имена уже ушедших из жизни, но для нас вечно живых – Юрия Плашевского, Мариса Семашко, Николая Гринкевича, и столько других. . .

«Место в памяти» прочно занял журнал «Простор» в моём доме и в моей душе, рядом с Николаем Алексеевичем Раевским, семьёй Сувориных, что жили в Каскелене (прибыв не то из Парижа, не то из Туни-са!), с Ростиславом Викторовичем Петровым, который опять-таки «навёл» нас на это милое семейство. Сергея Суворина уже не было в живых, но его супругу француженку Марсель – не забуду никогда. . .

Милые Иван Павлович Щеголихин, Ростислав Викторович Петров, спасибо, что вы были в моей жизни, равно спасибо судьбе, что привела меня однажды в весеннем предвечерье середины 60-х годов к широкой лестнице, что вела в просторный вестибюль; трепещи и робей, я свернула в левое крыло и вошла. . . некоторым образом, в своё будущее, что длится по сей день.

*Кемерово.
Апрель 2008г.*

От межи, от сохи, от покоса...

Галина Кудрявская
И ПЛАКАЛИ ПТИЦЫ...
Повесть. Начало см. «ГС» №4-6)

От суда с недоброй славой

Как-то живем... Тянем лямку... Иногда по велению жизни встряхиваемся, прорываемся сквозь её обыденность и оцепенённость, начинаем чувствовать в ней иной, сокровенный, глубокий смысл, взаимосвязь событий, поступков, дел. А, может, так и не начинаем, не просыпаемся, не видим неотступного взгляда Божьего, Вечного Суда, и поспешно постыдно творим свой мелкий корыстолюбивый человеческий суд. Суд земной.

Не судите, да не судимы будете... Это не про нас. Ничего нет слаще суда над другим. Эта сладость затмевает в сознании возможность суда над собой... Или сама возможность этого завтрашнего суда только подогревает мою сегодняшнюю страсть? О, дай мне Бог, убить сегодня всех врагов, чтоб завтра некому было убить меня?.. Страшная темнота сознания. Чёрная пропасть. И что самое ужасное – обыденная.

А там, в тридцатом, начинается суд над моим родом. Суд земной.

Нет, он начался раньше, ещё в девятнадцатом веке, когда дедушкин отец, Николай Тиханов, рабочий человек, замахнулся на власть, восстал на царя. Захотел судить, и сам был осуждён и выслан в Сибирь.

А может, суд начался ещё раньше, в семнадцатом веке, когда (по семейному преданию) мои прапрадеды братья Скатовы, богатырки казаки царские, ростом под два метра, дрались с киргизами. И старший брат Михаил выхватывал из седла мелкорослого лёгкого воина и, размахивая им, как палицей, ломая хрупкие кости, крушил им его же соплеменников?..

А может, начало суда состоялось так глубоко во времени, что туда уже не дотянешься взглядом...

Но весь двадцатый век кто-нибудь из моих близких сидит в тюрьме. Дядя Андрей после двух суток рейса задремал за рулем, въехал в стадо коров, на тебе щедро – три года.

Дядя Миша два года в ЛТП. Та же колония, а пить приучила война. Семь лет от германской до конца японской привычные положенные

Не страшно нищему, что деревня горит – взял сумку да пошёл.

Русская поговорка

сто граммов. Двоюродный брат Валерка врезал на танцах блятяку, пристающему к его девушке, – два года тюрьмы. Суть жизни – суд.

Тридцатый год. Тринадцатая годовщина октября – чёртова дюжина. Молоху ещё мало жертв, за тринадцать лет он не насытился, только аппетит разыгрался.

Чувствуют ли они это, понимают ли опасность времени: дед Андрей, дядя Гриша, дед Михаил, бабы Тасин брат? Боюсь, что не совсем. Празднуют! Рады отдушине, теперь, кроме самогона, нечем снять камень с души. Пить умеют, вечные спорщики и драчуны, горячая казацкая кровь.

Самогон добавляет удалы, заставляет выкрикивать то, о чём бы промолчать. Нет, они ещё не научились осторожничать, да и здесь все свои. Разве только Шестеркин, да кто он такой, так, моль никчёмная, квартирант, учётчик, не казак и не мужик вовсе.

Дед Андрей всё своё немудрёное хозяйство, разорённое войнами, германской и гражданской, а после цыганами – угнали ночью четырёх лошадей, вложил в коммуны.

Дед Михаил мог бы ещё единолично похозяйевать, но учуял опасность, пошёл в колхоз.

И двадцатитрёхлетний Гриша, ясноглазый, светлорусый, надежда и опора семьи, – одиночник.

И самогон, и спор, как принято в России-матушке, про политику. Где же она эта самая правда – истина? И кому на Руси жить? Хорошо – слово лишнее. Не до жиру...

– Дурь! – кричит Михаил Никифоров. – Да какой дурак будет в коммуне вашей хорошо работать! По ртам делёжка... Работают руки, а делить по ртам? У тебя шесть рук рабочих: ты, Тася, Нюра, вон и огольцы уже помогают, и ртов шесть с ребятней. А у Польки Немцевой две руки, а ртов восемь, ей вчера восемь литров молока отмерили, а вам шесть...

– Не трожь коммуны, – поводит Андрей мощным кулаком перед лицом шурина. Он уже стерпелся с коммунской жизнью, принял её, видит в ней больше справедливости. – Жизню назад не поворотишь... Кто Полькиных огольцов кормить будет... Казаки своих сирот отродясь не бросали, обчиной растили...

Михаил не сдаётся, пальцем в Шестеркина:

– Во, какие у вас работники, щипать хлебать да собак гонять.

Шестеркин темнеет лицом. Запомнит он эти слова Никифорова. Придёт и его час. Он, может, вовсе и не Шестеркин, звучала какая-то похожая фамилия в тех страшных сказках, что рассказывали нам бабушка и мама. Но мне запомнилось – Шестеркин. Так ему и оставаться в Шестеркиных.

– Тятя, дядя! – вмешивается Гриша, он осмелел от выпитого, не принято у казаков, чтоб младшие старших поучали, но он тоже рвётся сказать. – У меня... у меня руки две, а вы коммуной, колхозом урожай ниже сняли. Земля одна, над моей деляной дождь капал чаще, что ли? Вот она, правда, я думал, как Нину с Фаечкой кормить, а у вас каждый на другого надеялся.

– У тебя статья особая, – одёргивает его дядя, – у тебя кирпич на шее.

Гриша женат на дочери раскулаченного, сосланного на лесозаготовки и сгинувшего в северных нетях Ивана Петрова. Он умолкает, подходит к окну, стоит, прислонившись к косяку. Темнеет.

Бабушка шепчет маме, и мама зажигает лампу, ставит на стол. Касается рукой Гришиного плеча, старший любимый брат.

За окном белая даль. Снег упал сразу после Покрова, к ноябрю зима укрепилась, устлала землю, заковала озёра, проложила санный путь. Безмолвная тревога овладевает Гришиным сердцем. Белизна снега, Нюрино прикосновение, материнский шепот, горячность отца, дяди, своя собственная вдруг уходят куда-то, и тёмная пелена отделяет его от мира. Он стряхивает наваждение.

– Я сейчас, тятя! Запрягу Карьку, Гнедка, смотри, какая там благодать. Нюра! Прокатимся!

Он сам торопит свой приговор. Неведомая сила гонит его, он опережает жизнь, какую-то она готовит ему казнь, а он ищет её сам. Гнать! Гнать! Подгонять кнутом, направлять вожжами. Забыть в этой гонке страх, по ночам сжимающий сердце, страх за себя, за Нину, за полуторагодовалую Фаечку. Гнать, гнать...

Он исчезает в дверях. Андрей с Михаилом, накиннув барчатки, выходят следом, посмолить, вдохнуть морозца, проветрить хмель. Шестеркина не зовут, он сидит в углу на лавке, дожёвывает кусок капустного пирога.

– Нюра, затвори дверь, эти полоротые всю избу выстудят, ты с ними не вздумай, пьяные – бешеные, поубиваются сами и тебя угробят.

Бабушка убирает со стола. В дверь заглядывает Михаил:

– Щас Нюру прихватим, Нюрашка, ты где?

Мама успевает юркнуть за русскую печь, баба Тася заслоняет её собой.

– Ушла Нюрашка, Шурка Алексеева прибежала, к себе зазвала, там и ночует. Ступайте сами. Двери, двери закрывай! – бабушка машет на него рукой.

Брат громко хлопает дверью, и она облегчённо вздыхает.

– Ушли, слава Богу. Полезай на полати к ребятишкам. Не то вернутся... Отец не любит, чтобы поперёк его хотения.

Сколько раз потом они обе, и бабушка, и мама мысленно и вслух скажут себе и друг другу, если бы я, если бы она... поехала. Всё было бы иначе... Было бы? Три жизни, три дорогих человеческих жизни. Для бабушки – мужа, сына, брата. Для мамы – отца, брата, дяди. Цена человеческого страха, их и односельчан, которые через несколько дней под взглядами судей, опустив глаза, дружно подымут руки. Виновны! Убийцы! Расстрелять! Ах, если бы она поехала... Разве три жизни, а Дуся, жена Михаила Никифорова, и семеро её опущенных в глубокую воду Оби детишек, и все их нерождённые дети.

А они мчатся в кошевке к своей смерти. Дед Андрей, дед Михаил, правит Гриша. Его кони, сытые, послушные, ухоженные. Гонят так, что сани заваливаются на каждом повороте, но Гриша ловко выравнивает. Морозно, звёздно, хочется полета и жизни, и они летят, пока почти не загоняют лошадей. Полная луна смотрит на них равнодушно. Она видела всякое.

– Гришка, давай к моему дому!

Михаил Никифоров соскакивает с саней, машет рукой – езжай! Уже ничто не имеет значения, когда сошёл, где ночевал. Впереди всего месяц жизни – до расстрела. Это ему. А жене Дусе и семерым детям чуть побольше, полгода.

Мама так и уснула на полатах с ребятишками. Вставать до света. В молодой крепкий сон врзался стук в окно, чей-то знакомый голос:

– Тётка Настасья, открывай, дядьку Андрея несём, неживой...

Бабушка мечется от двери к лавке, куда укладывают деда, и не видит, как странно осторожно, тихо, на ощупь, спускается с полатей мама, и, не подходя к отцу, прислоняется к стене и идёт вдоль неё, ощупывая руками.

– Темно... темно... не вижу...

Она движется медленно, босая, в исподней рубашке, мимо окна, мимо двери, один круг, второй, пока её не останавливают, не усаживают на лавку в ногах отца. Он ещё живой. Он проживёт двое суток и умрёт, не приходя в сознание от кровоизлияния в мозг. И уведёт с собой сына и жениного брата.

Мама сидит рядом с отцом.

– Тятя, тятя... – она так и не поймёт, что он ещё жив.

Это её первое помешательство. Потом жизнь предоставит немало поводов сходить с ума.

О, какое это было перспективное дело для следователя. Как он на нём вспрыгнул до очередного кровавого звания, чтобы потом самому сгинуть от руки такого же прыгуна. Система втягивала в свою мясорубку и прыгунов, и тихих. Не угадаешь. Поэтому прыгнуть хотелось многим, авось пронесёт. Следователь остался в моей памяти безымянным анонимным инквизитором. И это правильно. Много чести для него быть поименованным. Он лишь осколок зла. Осколок оскаленный... Прыток, молод, честолюбив. Ага! Ершов убитый – коммунар, Никифоров – колхозник, но из бывших зажиточных, а младший Ершов – единоличник и на дочери врага народа женат. Старший убит, двое других убийцы, вот и вся схема. Удача! А истина не в счет, её всегда можно обойти.

Громкое дело. Торжественные похороны деда с духовым оркестром. Убит герой, коммунар, звенят трубы – берегись, берегись! Бойся! Грядёт возмездие. Вся Волчанка на похоронах. Как не пойти, увидят, что нету, значит, затаился, рад гибели героя. У Андрея Ершова врагов не было, все бы и так пришли его хоронить, но эти похороны зловещи. Михаила и Григория уже взяли, и тут, на похоронах, чужие глаза высматривают, выслеживают ещё врагов.

Гремит медь, плачут казаки по Андрею, по Михаилу и Грише, по своим жизням. Нина Ершова с полуторагодовалой Фаечкой ночью исчезла из Волчанки. След простыл, простыл почти навсегда. Через двадцать с лишним лет, уже после смерти Сталина, она объявится, напишет маме. А встретиться так и не придётся. Где-то в Фергане живёт моя двоюродная сестра Фаина, а может, её уже и нет, но остались дети, внуки, так и не узнанные нами...

Ссадив дядьку, Гриша подкатил к своему двору, соскочил отворить ворота. Отец дремал в кошевке. Ещё не утратившие азарта бега Карька и Гнедко, рванули с места, убив моего деда, и, долетев до середины двора, встали, как вкопанные.

Слишком близко от столба пролетели сани, дремавший Андрей Ершов врезался в столб. Чуть смягчила удар папаха. С трудом, но сам вылез из кошевки, постоял, раскачиваясь, держась рукой за голову. Гриша, распрягая, увидел, решил, что спьяну, крикнул:

– Тятя! Иди в дом, Нина постелит...

Ещё шанс?!.. Дед пока в сознании, сказал бы снохе, что ударился. А и понял ли он сам, что произошло? Да и жена Гришина, какая же она свидетельница, кто ей поверит...

Но дед отрицательно качнул головой.

– Пойду домой, к Тасе...

Гриша заметил кровь на снегу, подумал, из носа. Кто из казаков по такому пустяку беспокоится, не побежал за отцом. Кровь действительно вытекла из носа, уменьшив внутреннее кровотечение и дав возможность деду почти дойти. Перед самым домом нашли его.

Ничего нельзя вернуть, ни маминого отказа ехать, ни Гришиной ненастойчивости, ни дедовой неосторожности. Судьба... Божья воля или попущение, вечный суд...

Следователь куражился:

– Ну, показывай, чем батюшку родного приложил?

Гришиному горю не было предела. О смерти отца узнал уже арестованным. Как он надеялся, что отец очнётся и всё разъяснится, но, прощаясь с женой, успел шепнуть:

– Скрывайся, хоронись, погибнете с Фаечкой...

Оставшееся время жизни он боролся. Боролся с непобедимым монстром советского суда. Восстанавливал в памяти вновь и вновь картину расставания с отцом. Узнав о случившемся, ещё до ареста успел провести своё расследование. Он знал, что не убивал, и никто другой убить не мог. Он первый понял, что произошло. Проверил след полозьев, как близко от столба, нашёл на деревянной поверхности шерстинки от отцовой папахы.

– Нина, никого сюда не пускай, всё сохрани, это важно!

Даже кровь на снегу прикрыл клеёнкой, чтоб снегом не замело.

Но Гришина версия следователя не интересовала, вот кровь на снегу пригодилась.

– Так, значит, здесь приложил, а потом к дому поволок.

– Зачем бы мне, – сопротивлялся Гриша, – на своём дворе его убивать, если бы я хотел это сделать, чтоб меня сразу нашли?

Какая логика у людоеда – людоедская. И все доводы разума ни при чём.

– Ведь судебный медик описывает место удара, – горячился до слёз Гриша, не понимая, почему такое ясное дело запутывается, – не столбом же убивали, такой ширины только столб.

Но Шестеркин сразу же услужливо предложил причину убийства.

– Спорили, пыль до потолка, про коммуно, енти коммуно хаяли, Андрей горячился, кулак Михаилу под нос совал, за коммуно стоял.

Ни бабушка, ни мало что понимающая мама не отрицали того, что казаки спорили. Да они всю жизнь спорили.

Значение имели только показания Шестеркина, он на этом деле тоже поднялся, забрали потом в Ольгино на повышение. Вся его жизнь, мелкая и неудачливая, вдруг в один миг оправдалась. Главный свидетель обвинения. Он даже ходить по Волчанке стал иначе, не боком, как прежде, а прямо, значительность свою почувствовал. Может, он и сам поверил в то, что Гриша и Михаил – убийцы, убедил себя, так ему было выгоднее и спокойнее.

– Да он за тятю сам бы умер, – твердила следователю мама, – Гриша курицы никогда не зарубил.

Мама не понимает, что предсказывает судьбу брата. Он и умрёт через месяц, за тятю.

Тяжелее всех было бабушке. Мама те дни жила в полусне, не до конца понимая происходящее. Ей всё время было темно, как будто кто-то занавесил солнце. И вся гора горя легла на бабушкины плечи. Муж в могиле, брат и сын арестованы, через месяц их расстреляют. Трое младших, мамина болезнь. Где бабушка находила силы, в чём черпала... Думаю, в Боге. Говорят, весь месяц простояла на коленях в переднем углу перед тёмными пятнами на месте икон. Иконы велели снять, изба стала коммунальной собственностью.

– Вот она, расплата, – думала Анастасия, глядя в угол сухими глазами, плакать не умела, терпеть приучена.

Спросить не у кого. Я теперь часто повторяю эту фразу. Ушли,

убежали все свидетели тех событий, скрылись за горизонтом времени. И я пишу так, как запомнилось в детстве. Может, то, детское восприятие, реальней настоящей жизни.

Больше всех следователь терзал маму, ему были нужны именно её показания, показания секретаря комсомольской ячейки.

– Верю, что ты не враг, – повторял он ей, – но ты покрываешь врагов народа, твоего отца убили, смотри, Ершова... Чего ж его жена сбежала, если не виноват?

Но мама твердила одно и то же.

– Гриша не мог, дядя Миша не мог... он сам, тятя... ударился, он же выпивши был...

Следователь отстранил маму от дачи свидетельских показаний как сестру и племянницу обвиняемых, да к тому же ещё и помешавшуюся от потери отца. Вот это, последнее, использовал какотягчающее обстоятельство.

Суд состоялся в Волчанском новом клубе. Полгода ночами комсомольцы строили его. Спали не больше трёх часов в сутки. Вот он, новенький, гордость комсомольская. И мама, секретарь ячейки, на одной из скамеек. Это она подняла ребят на строительство, достала в Ольгино кирпичи, разобрали старую мельницу. На лошадях перевозили. Построили. А теперь она сидит рядом с бабушкой, опустив голову. Десять керосиновых ламп освещают зал, но маме темно. Она обводит взглядом лица односельчан, с трудом узнавая их. Полдеревни родня, остальные друзья, но никто не смотрит на неё, все отводят глаза.

Что это было? Показательный суд? Не знаю... Я не помню, чтобы там, в клубе, присутствовали обвиняемые. Не было этого в рассказах мамы и бабушки. Но именно там, на этом собрании, решалась судьба Григория Ершова и Михаила Никифорова. Решалась голосованием. И все эти братья и сватья, вся родня и друзья, колхозники, коммунары, тозовцы (было в Волчанке ещё и товарищество по совместной обработке земли), все они подымут руки. Виновны! Убийцы! Расстрелять!

С каждым из них встречался следователь, каждому разьяснил, что значит покрывать врагов народа. И на каждом из них кровь Михаила и Григория. Это мама с бабушкой боролись за их жизни. А все остальные за себя и своих детей. У всех был один довод – страх.

Никто никогда в их Волчанке никого не убивал. Уходили от болезней да от войн. Жили по заповедям: не убей, не укради, не лжесвидетельствуй. Но заповеди отменены тринадцать лет назад. И если нужны новые жертвы Молоху, пусть это буду не я и не мои дети. Каждый, наверное, думал так. Всем им теперь с этим жить. Никто не смотрит на маму с бабушкой.

Мама опустила голову, но спиной чувствует лес поднявшихся рук, убивающих её брата и дядю. Бабушка сидит прямо, чуть подрагивая подбородком. С этих пор всю оставшуюся жизнь будет у неё трястись голова. Она неотрывно глядит на сцену, будто стараясь запомнить лица тех, кто отнимает у неё сына и брата. Но лиц нет, только серые пятна, с дырками на месте глаз, как ряженые на масленицу, думает она.

И только я, родившаяся на десять лет позднее этого суда, стою перед сценой лицом к залу и вижу всех и всё. Эти лампы вдоль стен, на чём они держатся, не пойму, их шесть, по три с каждой стороны и четыре у меня за спиной на столе. Я вижу мамино неживое, непонимающее лицо, бабушкины тёмные глаза с расширившимися зрачками. Я вижу руки, руки... Руки подняты, а глаза опущены. Я не сужу этих людей, я их жалею. Я не была на их месте, мне не приходилось выбирать между жизнью своей и чужой, между жизнями своих детей и чужих.

Скорей всего, они допускают возможность убийства. Властям виднее. Кровь горячая, что у Гришки, что у Михаила, да ещё выпивши, может, и повздорили. Так легче руку подымать и жить потом, встречая каждый день осиротевших маму и бабушку.

Я вижу торжествующего Шестеркина, он прилепился с краешку на лавке в переднем ряду. Выступил, уже отзвучали его зловецкие слова. Он тоже смотрит прямо на сцену, как собака, готовая сделать стойку по приказу хозяина.

Вижу следователя, стремительно идущего между рядами скамеек. Он спел свою лебединую песню, в которой воспел героя и заклеил врагов новой светлой жизни.

Горевать. Какое верное слово. Горевать – горе изливать, выживать. Долгое, продлённое. Горевать – муку изживать, жизнью изгонять.

Нет, они ещё не горюют, не начали, им ещё некогда, это придёт потом, а сейчас ждут чуда. И чудо случится. Иначе, как бы бабушке попасть на свидание к Грише. А оно было – страшное, это чудо.

Уткнувшись лицом в материн подол, стоит на коленях двадцатитрёхлетний Гриша и плачет. А у неё глаза сухие, выгоревшие – до дна. Гладит русую голову, он самый светловолосый из всех детей, гладит и думает, что Нюрашка была в детстве беловолосой, а теперь темнее Гриши. Она не умеет врать. Говорит, что подали прошение на высочайшее имя, но в голосе нет надежды. И сын слышит её безнадежные слова.

– Живите, живите все, – задыхаясь от рыдания, произносит он, – живите и за меня... пусть Нина, пусть Фаечка... живут...

Он уже знает, что жена и дочь успели скрыться. Может быть, хоть это утешило его в последние минуты жизни.

А потом будет ещё письмо, тоже чудом вырвавшееся из застенка. Я видела его. Маленький пожелтевший листок бумаги, надорванный в правом верхнем углу. Выцветшие от времени буквы, расплывшиеся от слёз, его или бабушкиных. Почти детский правильный почерк. «Я не хочу умирать, мне только двадцать три года...»

Письмо хранилось у бабушки, а после её смерти исчезло, затерялось. Неужели она могла брать его в руки, перечитывать и оставаться живой. А и была ли она жива по-настоящему? Уж слишком она казалась равнодушной ко всему тому, что называлось жизнью.

Через месяц приедет односельчанин, обслуживал в городе ЧК, возил дрова и узнал от свояка, служившего там истопником, что Ершова и Никифорова с другими заключёнными увезли куда-то на телеге в сопровождении шести вооруженных чекистов. К вечеру чекисты вернулись без заключённых, привезли ворох одежды. Истопник узнал барчатки Гришину и Михайлову. Разве это доказательство? Для нас – да, для мамы и бабушки – нет.

Всю жизнь они будут ждать, встречать всех нищих, среди них попадались и возвращающиеся из ссылки. Сколько судеб, сколько страшных рассказов... И у всех спрошено, а наших не встречали? Нет, никто не встречал. Нельзя на земле встретить тех, кого расстреляли и землёй в канаве забросали.

Через полгода заберут семью Никифорова, Евдокию и одиннадцать детей. Старшей – Шуру, как и маме, семнадцать. Всего у Михаила с Евдокией было восемнадцать детей. Шестерых Бог взял, а семерых люди. Их отправили на барже на север по Оби. На поселение. Тысячи человек, голодных, под открытым небом, в страшной

тесноте. Пока везли, в воду половину опустили. Среди них семерых детей Михайловых и жену Евдокию. Горька водица обская, братская могила тысяч людей. Не одна баржа, не один рейс.

К месту поселения привезли четверых сирот Никифоровых: Шуру, Алексея, Костю, Бориса. И вернули в Волчанскую коммуну – дорастивайте. Шура и Алексей жили недалеко от нашего городка, он в колхозе, она в совхозе. Бывали у нас, дружили с мамой. Знала я и их ребятишек.

Алексей, Костя и Борис, все трое оставшихся Никифоровых мужчин, воевали, защищали родину, отнявшую у них родителей, братьев и сестёр. Нет, они понимали разницу между Родиной и властью.

Все остались живы. Но Борис и Костя не захотели жить в родных местах, решили уехать подальше на восток, где их никто не знал как детей врагов народа. Не стали рисковать жизнями своих будущих детей. Оба после фронта побывали проездом у нас.

Костя воевал на флоте. Мне запомнились бескозырка, тельняшка, светлые глаза. Было потом несколько писем, знаю, что стал художником, такой у него оказался дар.

Борис приезжал с молодой женой – Соней. Сохранилась фотография, он в офицерской форме, она в ярком цветастом платье прильнула к нему. Оба черноглазые, черноволосые, какие-то сияющие, выжившие в аду. Соня родом из Белоруссии, потеряла в войну всех родных, сама спаслась чудом. Последний год войны служила медсестрой в лазарете, там и встретила Бориса, легкое ранение. От них исходил особый свет торжества жизни. Несколько дней общения хватило мне, пятилетней, чтобы они остались навсегда в моём сердце, яркие, весёлые, живые.

Где-то по свету живут их дети, внуки. Моя родня. Через их жён, мужей, сватов я связана с таким количеством людей, что утрачивается понимание – чужой. Все мы – плоть едина. Палец уколешь – сердцу больно. А мы всё судим друг друга земным судом. Судим самих себя. Вечным судом – Божьим.

И нищие всё так же бредут по России, хотя и век другой, и власть, вроде бы, другая. Я вглядываюсь в их лица, и мне так часто хочется спросить, а не встречали ли вы...

Продолжение следует...

Валентина Кузина
ЗА ГРАНЬЮ ПАШНИ

Роман
(Окончание. Начало см. «ГС» №3-6)

Глава 17

Снег сыпанул обильно. Кое-где возле невысоких изб почти наравне с крышами образовались сугробы. Деревня затерялась в лабиринтах снежных заносов. С великим трудом пробирался Андрей через сугробы, негодовал вслух:

– Столько бы снегу на поля...

Размышляя так, Андрей опешил, когда совсем неожиданно в пушистый сугроб с крыши, хохоча, скатился Зинко Фирсов.

– Ошалел совсем! – пристыдил парнишку Андрей. – Так изуродоваться не долго! А ну-ка иди сюда!

Зинко выкарабкался из сугроба, смеясь, подбежал к нему.

– Ты почему бездельничаешь? – свёл брови Егоров.

– Как это бездельничаю? Вот, с крыши снег сгребал!

– Я тебе вот! В измёт сигать надумал! А как с головой ушёл бы под глубокий снег? Могло бы такое быть?

Андрей взволновано стал искать кiset с самосадам, потом вспомнил, что оставил его дома на скамье, когда одевался. Зиновий с готовностью протянул ему на ладони мелкую мякину.

– Это что у тебя?

– Мох. Мы с Тимкой иногда... Самосад для нас крепкий, да и дед Василий за версту чувствует. Пропесочивал нас уже.

Андрей покачал головой.

– Эка, брат, какую вы мерзость потребляете! Я её и в руки не возьму, не только курить. А ты не слыхал, какая после того болезнь получается?

– Не слыхал!

– А я слыхал! Ох, и вьедливая болезнь! К тому же неизлечимая. Название не помню, только знаю, что какая-то болотная зараза! – Андрей махнул рукой. – Пошли! Помогите мне пробраться через эти снежные бастионы... А мох выкидывай к лешему! – Он подождал, пока Зинко выворачивал карманы, сказал: – Вот тут, за пазухой, у меня кусок свекольного пирога... Съедем?

– Ешь давай сам, – неуверенно проговорил Зиновий. – Я позавтракал.

– Бери, бери!

А когда кусочек пирога переключал в руку Зиновия, Андрей зашел.

– Ну, ладно, мне на ферме быть надо.

Они приостановились у дома Зайцевых, через открытую форточку слышались выкрики Нинилы.

– Что там такое?

– Зайцева Нинила на Любку завопила! Складно? – засмеялся Зинко.

– Пойдём, это дело не наше... Мы – мужики.

– Любашка-то парня своего разыскала! – восторженно сказал парнишка. – Ехать к нему собирается, только неммыслимо, как далеко! Госпиталь-то прифронтовой!

– Смотри-ка... Разыскала-таки! – с удивлением проговорил Андрей, искренне радуясь за девушку. – Пойдём, там без нас разберутся! Покричат, покричат и к какому-то выводу придут!

А в это время в доме Зайцевых творился тарарам. Нинила до хрипоты во всю моченьку кричала на Любашку:

– Куда же ты, дурочка, собираешься? Ты хоть бывала до этого дальше Островков? Вбила себе в башку про любовь там какую-то... Поедет она эдакую даль! Ужаси!

Такую же неприглядную картину застала вечером у них и Антонина. Нинила потрясала ухватом над головой Любашки, а на полу лежал отцовский ремень, пока ещё ни разу в жизни не использованный Нинилой в воспитательных целях. Зарёванная, опечаленная Любашка ничего не хотела слышать. Она вызывала в матери то злость, то жалость, доходило до того, что Нинила принималась выть сама.

– Сладу никакого с чадом собственным, – такими словами встретила она Антонину, как только та прошла в передний угол. – Был бы рядом отец... Над матерью этакое вытворять не дозволил бы!

Вдруг Любашка вскочила, сунула босые ноги в пимы, бросилась к двери.

– Ты куда полуголая? – попыталась заговорить с ней Антонина.

– К Андрею! – крикнула она. – Тот поймёт меня!

Разговор у Егоровых был серьёзным. Андрей и Любашка говорили наедине.

– Тут, дорогая Люба, всё может быть... Может оказаться так, что не любовь это вовсе... Тогда, понимаешь, какую обиду ему привезёшь? Многие ошибаются! Я это не раз видел сам. – Андрей вздыхал, курил. – Это хорошо, что решилась в дальний путь... Понимаю, в себя надо было твёрдо поверить и, кажись, поверила!

– Верю, люблю! Ночами думаю! – всхлипывала девушка. – Теперь, когда знаю, где он... – она помолчала. – Куда я только не писала! Одна была цель: найти его и всё тут. И вот нашла! Понимаешь?

– Любишь – это счастье. И благородно с твоей стороны, что ты не боишься трудностей. И ехать бы надо, и на дорогу бы собрали, и уломали бы мамку твою... Но советую тебе подождать... А письмо будет, обязательно будет. Я просто уверен! А не будет, – запросим тот госпиталь, откуда письмо пришло. Спокойно узнаем: куда отправили. Сообщат точный адрес. Вот ты и покатишь. А пока давай ждать.

* * *

Много и долго каждый день молилась старая Матрёна. Постелив на ночь постель на печи, осеняла себя крестом, тихо говорила:

– Сохрани дочь, Господи, от пули, от меча, от острого ножа, от лукавого дьявола. «Где она теперь, гимнастёрка ли на ней суровая, шинель ли тяжёлая?»

В памяти у матери осталась она одиноко идущей по профилю дороги из тёплого деревенского гнезда. Другого образа не получалось.

В последнем письме написано: после кратковременной учёбы на курсах медсестёр с группой девушек отправлена в госпиталь.

Может, как раз в те самые минуты молитвы, когда мысли матери были обращены к Елене, она отстала от поезда и стояла в растерянности и в недоумении. Как могла отстать от девочек, от всей группы, следовавшей до назначенного Тазовского госпиталя? Вышла из вагона за кипятком, поезд показал хвост, когда Тазовский был уже совсем недалеко. Елена осмотрелась. Ульем гудел вокзал большого города. Она негодовала на себя, не сразу сообразила, что предпринять? Скоро решила разыскать местный госпиталь и навести справки, как добраться по назначению.

Подходили поезда с закрытыми грузами, с солдатами, из товарных вагонов высовывались лошадиные головы, смыслёно обозревавшие окрестность. Станционной беготне не было конца. Какой-то солдат подсказал Елене обратиться к дежурному по вокзалу. Дежурный, старичок низенького роста, быстрый и подвижный, на вопрос Елены, как добраться здесь до госпиталя, бросил ей торопливо:

– Подожди, барышня, пока не до тебя!

И исчез в здании вокзала. Гоняться за дежурным оказалось не так просто. Он то появлялся, то исчезал. Елена улучила момент, обратилась снова. Старик протрещал ей что-то непонятное. Ждать больше не было никаких сил. Елена пошла за ним.

– Говорите, пожалуйста, медленнее, я ничего не поняла.

– Вон, ихние за вокзалом поезд санитарный ждут, – нервно прокричал он ей в самое лицо, снова срываясь с места.

– Я ничего не поняла, – умоляюще проговорила Елена. – Я не здешняя.

– Госпитальские машины и люди ждут поезд с ранеными, вон там, за углом.

Он сверкнул по ней взглядом через очки, dokonчил:

– Недотёпа!

– Спасибо за информацию, – сказал Елена. – И за недотёпу тоже! Лысый карлик!

Она зашагала за угол вокзала, где должны были стоять машины. Да, там действительно, одна к одной, выстроилось несколько машин с красными крестами. Елена облегчённо вздохнула и смело подошла к стоящим возле них людям в белых халатах.

С этого и началось знакомство Елены с медсестрой Ланой и с первыми настоящими трудностями.

Лана направлялась к почтовому ящику. Только отошла от машин, тут и остановила её Елена с вопросом:

– Вы из госпиталя?

– Из госпиталя, – кивнула та.

Елену никто ни о чём не спрашивал, будто она всегда была в штате госпиталя. Наверное, потому, что помощь посторонних людей была тут обычным явлением. К вечеру она устала так, как не уставала ещё ни разу в своей жизни. Было поздно. Они с Ланой сидели за матерчатой занавеской в коридоре, в самом его конце.

– Завтра уедешь, – говорила Лана. – Оправдание для своего начальства у главного возьмёшь. Он подтвердит, что ты не где-то шлялась, а трудилась, да ещё как!

Слышались стоны, вскрикивания, несло лекарствами и мокрыми свежeweыстиранными бинтами. Елена помогала стирать бинты, кипятить и полоскать их во множестве разных тазиков. Все сотрудники, несмотря на позднее время, были на рабочих местах.

– Главный, – коротко доложила Лана, выглянув в коридор. – Сюда направляется.

– Работать к нам? – устало спросил главный врач Елену.

– Я от поезда отстала, в Тазовский госпиталь мне надо, – быстро ответила Елена, боясь, что её не дослушают.

– Это близко, – успокоил её главный.

– Я хотела к вам обратиться за советом, как мне лучше туда добраться... И хотя бы какое-то оправдание...

– Поможем! Видел я ваше старание...

Елена улыбнулась стеснительно, а главный добавил:

– Я постараюсь с ними связаться.

Когда ушёл Николай Никифорович, так звали главного врача, Лана рассказала про его несчастье. Как привезли однажды сюда в госпиталь его дочку, всю израненную. Она тут и скончалась.

– Как же он пережил такое? – ужаснулась Елена.

– Он даже плакать не мог и всё твердил: Людочка... Людочка... Она снайпером была! – Лана круто перевела разговор. – А может, он договорится с твоими, и ты у нас работать останешься!

– Остаться-то я бы осталась. Только вдруг скажут: не будет дисциплины, если будет всяк по себе.

– И такое может быть... – Лана прислушалась. – Все разберлись. Занялись операциями. Теперь есть возможность на второй этаж сбежать. Покажу палату, где лётчики лежат. Тяжёлые! Недавно привезли... Ох и героические ребята! – Лана потянула Елену за собой. – Ну, ты чего упираешься?

– Уже глубокая ночь...

Лана остановилась, откровенно вздохнула:

– Да, пожалуй... Лучше завтра ходим.

Они прилегли на кушетки. Спать не хотелось. Елена думала о своём. Действительность, хоть она и не ожидала её лёгкой, оказалась безжалостной. Елена поняла: сама она стала далеко не прежней.

Утро наступило с теми же стонами. Поспешно прошла медсестра с градусниками. Засновали няни с отхожей посудой. Где-то совсем рядом за стеной пошумливали примусы, постукивали о край посудыны кипящие инструменты.

«Как добираться до места?» – Елена откровенно тревожилась. Войти к главному она не решалась. Но и боялась, что он про неё забудет. Есть заботы поважней.

По коридору шла няня с ведром и тряпкой, направляясь на второй этаж. Елена подошла к ней.

– Я помогу Вам, отдохните.

Та благодарно окинула её взглядом.

– Ну, если хочется помочь, помощи. А я другими делами займусь. Про отдых, милая, только мечтать приходится...

– Иди убери сначала у лётчиков, – подскочила Лана. – Мальчики мировые!

Елена обвела палату взглядом, склонилась над ведром, отжала тряпку. Четыре кровати, на всех – лежачие, как сказала Лана, тяжёлые.

– Тётя Сима, подойдите ко мне, – попросили с дальней койки.

В человеке с забинтованной до половины головой она угадала слепого. Его красивые выразительные губы и крепкий, слегка выпяченный подбородок, его волевое лицо выдавали незаурядный характер. Елена уж который раз бесцельно отжимала тряпицу.

– Тётя Сима, – опять мягко позвал он.

Сосед по кровати предупредительно кашлянул, торопливо проговорил:

– Это не тётя Сима, это молоденькая хорошенькая девушка. – Он повернул к ней лицо. – Вот только как зовут, не знаю.

– Лена, – ответила она. – Я за тётю Симу.

– Лена? – повторил слепой разочарованно, отвернулся к стене.

Когда с уборкой было покончено, Елена помогала разносить завтрак. Она остановилась у кровати слепого. Поставила еду на тумбочку:

– Можно я помогу вам? – предложила она.

– Я сам, спасибо, – ответил он, как показалось Елене, резковато.

– Завтрак остывает, – напомнила она.

– Спасибо, знаю.

Спустя два часа, пришла Лана.

– Зовёт главный, – сказала она.
 Через минуту Елена была в его кабинете. Николай Никифорович дружески кивнул ей, показал на стул, и на душе у неё стало спокойно.
 – В Тазовский, значит? – снова уже в который раз переспросил он.
 – Коли ты приехала сюда, то здесь у нас и останешься.
 – Почему? – спросила она шёпотом.
 – Дорогая моя девочка, тебе повезло, что ты отстала. Понимаешь ли, бомбёжка... Мост... Все твои погибли. Никого не осталось...
 Елена сидела сначала с широко раскрытыми глазами, ничего не соображая, затем ужас происшедшего дошёл до неё так ясно, что она разревелась. Все те, с кем подружилась за это время, погибли разом. А ей повезло, потому что по великой глупости проворонила свой поезд. И осталась жить. Это показалось ей чрезвычайной несправедливостью перед погибшими товарищами. Она разревелась ещё громче. Широкая, сильная ладонь легла ей на голову.
 – Не нужно! Слезы еще будут! – Николай Никифорович тяжело вздохнул. – Вот так и живём... И думаю, чёрт возьми, выживем!
 – Тазовские, – закончил он, – сюда эвакуируются на днях. Нам также надо быть начеку – немцы...

Глава 18

Гулко нарастали орудийные раскаты. Николай Никифорович потерял какой бы то ни было покой. Он осунулся и посерел лицом.
 – Эвакуацию раненых продолжаем, – кричал он кому-то по телефону.
 Наспех составлялись документы, сворачивался больничный скарб, только операционная не прекращала неотложную помощь.
 Елене было поручено переписать эвакуируемых больных, адреса их близких. Лана появилась возле Елены совсем неожиданно, на какой-то миг:
 – Пиши иди лётчиков, в твою Сибирь отправляют!
 – В Сибирь?! – удивилась Елена.
 Она радостно вбежала в палату.
 – Ну, уважаемые, готовьтесь! Поедете в мои родные места! Там такая тишина! – Она раскрыла журнал: Кравчук, Милованов, Пискун,

Улыбин. – Елена подняла глаза. – Это вы Улыбин? – спросила она слепого.
 – Да, это я! – отозвался он.
 – Фамилию такую где-то уже слышала. – Она подошла к нему, положила журнал на тумбочку. – Скажите мне адрес родных или близких.
 – Нет у меня никого, – послышался ответ.
 – Что, совсем? Ну, может, девушка есть?
 – А как вы думаете... Нужен я теперь кому-нибудь? – Он отвернулся к стене.
 – Нужен, – с жаром сказала Елена. – Ещё как нужен!
 – Короче, у меня никого нет. – Он замолчал. И Елена поняла, что разговор закончен. Пошла к другой кровати, к третьей...
 Закончив писать, остановилась у двери, с улыбкой сказала:
 – Все вы поедете в Сибирь – на мою родину. Я так бы туда и улетила!..
 К концу дня от беготни и внезапно свалившихся нагрузок Елена еле переставляла ноги. На нескольких машинах прибыли тазовские – всем госпиталем. Больных увозили, помещали в вагоны, возвращались, снова грузили... Шарканье ног по коридорам не прекращалось. Операционная всё ещё работала, а в небе рокотало – угрожающе и свирепо.
 Где-то в стороне просвистело и ухнуло так, что лепёхами посыпалась штукатурка. Елена упала на пол, стала отползать от окошка к стене, прижалась в углу, закрыла глаза.
 – Мамочка! – шептала она.
 Но тут появилась Лана. Она проговорила зло и недовольно:
 – Чего распозалась?! Хватай носилки! Машина вон с людьми горит, бежим!
 Елена побежала за ней. На улице носилась копоть, горела машина, слышались крики раненых. Совсем близко от себя Елена увидела бегущего человека в грязно-белом халате. Весь бок его был обгарён кровью. Он бежал на помощь к человеку с горячей спиной. Тот катился на обочине дороги. Бегущий, по-видимому, в горячке не чувствовал собственной боли – вместо руки у него было кровавое месиво, но вдруг, будто вспомнив о чём-то, он остановился, стал опускаться на землю, упал на спину.

– Господи, помоги! – закричала Елена.

– Ну-ка, не ори! – дерзко оборвала её бегущая с носилками тётя Сима. Она тянула их волоком.

– Берись крепче! – скомандовала она. – Мужики тяжёлые.

Ещё не придя в себя, Елена ухватилась за носилки. Они понесли ещё живого человека с оторванной рукой – по ступенькам, прямо в операционную.

– Голубчик ты наш... Серёжа, – бормотала санитарка. Она распорядилась поставить носилки на высокую кушетку, кому-то крикнула через дверь:

– Хирурга из Тазовского госпиталя, Сергея Дмитриевича, ранило!

Из-за двери вынырнула мужская усатая голова, повязанная белой косынкой:

– На стол!

Санитарка снова побежала на улицу, уже забыв про Елену, но та последовала за ней. Полная фигура тёти Симы мелкими шажками семенила впереди, раскачивалась из стороны в сторону. Снова нарастал гул самолётов – зловеще и жутко.

– Не везёт нам нынче, – говорила тётя Сима. – Ты поспешай, девка!

Елена уставилась на небо. По нему плыли большие чёрные пауки, на лету отделяя от себя продолговатые яйца.

– Это бомбы! – отчаянно закричала Елена.

– Беги в укрытие! – услышала она голос санитарки.

Елена рванулась в сторону каких-то сараев. И перед её глазами эти сараи, как живые, взмыли столбом обломков и пыли. Мощная сила шарахнула Елену, она отлетела назад, ударилась обо что-то спиной и затылком, попыталась подняться, но не смогла, всё тело её превратилось в вялую и беспомощную плеть. «Отжила!» – мелькнуло в её мозгах.

Елена открыла глаза. Она увидела над собой тётю Симу, та обрадовано заговорила:

– Всё хорошо, всё хорошо. Надо лежать пока. Сотрясение.

– Я вспомнила! – зашептала Елена. – Улыбин... Это же Любашки Зайцевой лётчик!

– Не пойму, о чём ты? – склонилась к ней тётя Сима.

– Лётчик из девятой палаты...

– Хватилась, милая, отправлены уже...

Глава 19

Ч тобы не тратить лес, собирайте валежник, – попросила колхозниц председательша.

Валежник прибирали в поленицы прямо на месте, чтобы потом, по заморозкам вывозить. По причине худенькой одежки и обуви зима казалась особенно длинной. Огородной овощи у людей, по всему видно, хватит только до Рождества, а там она со страшной быстротой пойдёт на убыль. Первую половину зимы коротать было полегче. А когда припасы подходят к концу, тут и подстерегают голод и болезни... Ребятишки заболевают прямо на уроках. Вере Семёновне с ними трудно. В классах старались топить печи, как можно лучше. Но берёзовый сухостой пропыхивал скоро, потому подмешивали осину. С ней пламя в печи сохранялось дольше.

Усиливался мороз, а дрова в школе заканчивались. Тимка возил их в паре с Зиновием. Нынче же Зиновий валялся в жару. Говорили – тиф. Тимка недомогал сам, но никому в этом не признавался. С утра ещё по его телу пробегала дрожь и подбрасывало в жар. С трудом натянув шубейку, он отправился на конный двор. Стоило ему выехать в проулок, как дед, идущий с дежурства, окликнул его. Тимка не остановился, боялся, что тот разгадает его недомогание. Дед Василий очутился рядом.

– По дрова? Один? – он приблизился к внуку. – Ох ты, якори тебя! Глаза-то у тебя соловьиные, никак занемог? И дышишь, как паровоз! Ну-кошь, поворачивай обратно!

– Нынче не задержусь, деда. Немножечко осин привезу, – упрямо дёрнул за вожжи внук. – Я обещал Вере Семёновне. Совсем топить нечем. Осину надо.

– Погоди, я поеду с тобой... – резко сказал дед, но Тимка понужнул коня.

Величественные стволы осин виднелись ещё издалека – светло-зелёные, чуть колеблющиеся... Это, казалось, совсем рядом. Но ехать по зимнику через Мельничные острова, мимо Овечьего лога – дорога не близкая. Тимка по привычке держался за вожжи, кутался в овечий воротник своей шубейки. Он обидчиво бубнил про себя:

– Чего меня держать... Уж не маленький. Дед – такой придира!

Голова Тимки будто раскалывалась, от этого всё вокруг плыло и валилось. Мысли расплзались, а тело всё чаще встряхивал озноб.

Рассчитывая на валежник, Тимка и впрямь надеялся воротиться скоро. Медленно приближался осинник. «Вот как раз в том осиннике, в далёкие времена, повесилась колдунья. Колесом, говорят, из древни укатилась. Потом нашли её на осине. Хотели снять. А осина вместе с колдуньей под землю ушла. Вот она, яма!»

Озираясь от страха, который Тимка нагнал на себя, вздрагивая от каждого лесного звука, он с трудом пристроил на сани пять тяжёлых валежин. Мороз усиливался, а ему было жарко. Он вбирал пересохшими губами снег с рукавицы, в горле першило и резало. Какая-то сила клонила Тимку к земле, и он подчинился – то и дело совался носом в снег. Теперь он пытался придвинуть ближе к передку саней комли осин, но не смог сдвинуть их с места.

День клонился к вечеру. Тимкин обед был не тронут, он даже не вспомнил про него. С трудом провёл ладонью по переносице лошади:

– Ну что, задубела? Долго мы с тобой нынче возимся. Зиновий был бы... Наверно, захворал я...

Тимка говорил, а в ушах звенело. Теперь он почти не слышал своих слов. Надвигались сумерки. Откуда-то сверху падали комья снега. Лошадёнка беспокойно водила зрачками, наостряла уши, вздрагивала от холода.

– Поехали, – проговорил Тимка, приседая на санки. – Куда же я топор задевал? В снег, наверное, втоптал. Дед ворчать станет...

С трудом вытряхнув снег из пимов, он откинулся на дрова. Шапка свалилась с головы, но парнишка словно потерял мысли, впал в забытьё. Перед его глазами потянулись тени. Сани дрогнули, скрипнули полозья. Лошадь выбралась из осинника. Выбравшись, по привычной дороге в сторону деревни пошла всё быстрее и беспокойнее. Тимке грезились люди, они разговаривали с ним. Не то Фроська, не то Минка говорили ему:

– Удушенная-то та, красавицей была... Только заместо ног – копыта. Ты не верь ей, Тима, не верь! То, Соломея вовсе! Соломея!

Он даже ощутил, как холодные руки Соломеи сжали его голову.

* * *

Дед Василий встал на льющие, заткнул за пояс нож, которым когда-то колот свиней, перекинул через плечо берданку, к ней в старой сумке разыскал три заряженных патрона. Сказал Авдотье:

– Не было ещё такого, чтобы вот так запаздывал внучок. Волки, поганцы, озоруют! Игнатий только что рассказывал, что вчера в Островках учительку задрали.

– Господь с тобой! Чего такое говоришь! – выкрикнула в ужасе Авдотья. Санний след пока ещё было видно. Василий без труда пошёл по нему.

Он беспокойно вглядывался в даль. Старика не отвлекали на этот раз, ни колотье в боку, ни затылочная боль. Только бы отвести беду... Да не подвёл бы глаз...

«Осмелели, проклятые! В самые святки гуляются! Злощие! Голодные!» – мельтешили в голове старика мысли. Его грудь ходила ходуном от напряжения. Он остановился, стал всматриваться в движущуюся точку, пытался узнать в ней Тимкину клячу. Точка двигалась ему навстречу. Да, то была Тимкина лошадёнка. Волнение слегка откатилось. Клячу с дедом разделяли ещё версты полторы.

Но почти одновременно увидел старик, как в стороне от лошади, из Овечьего лога рассыпались другие точки, гораздо меньше, но проворнее. Их было много, не меньше десятка. У старика вырвалось из груди бешеное дыхание. Он оттолкнулся палками изо всей силы. Страх заставил его видеть отчётливее. Лошадь бегом и даже вскачь тянула возок. Тимки не было видно. По-видимому, лошадь рвалась из беды сама, вовсе никем не погоняемая. С новой, откуда-то взявшейся силой старик рванулся навстречу.

– Тимко! – заорал он во всё горло. – Тимко, я тут, держись!

Волки скатывались с возвышенности клубками. Расстояние между ними и лошадью сокращалось. Старик бросил палки, сдёрнул с плеча ружьишко, пальнул в воздух. Гул выстрела отнесло в сторону. На ходу, дрожащими руками, он всадил ещё патрон. Терять зря его не хотел. А волки неслись по снежной целине, волнисто изгибаясь в хребтах. Старик бежал прямо на них.

– Я поспею, Тимко! Поспею! – говорил себе Василий. Его голос терялся в порывах ветра, набежавшего откуда-то, растворялся в пространстве.

Тимка лежал на осинах животом вниз, уцепившись за вожжи, силится приподнять голову. По храпу лошади понимал: волки. Лошадь стала совсем неуправляемой, но Тимка полностью доверился ей. Дед поравнялся, наконец, с санями.

– Не может быть по-другому, чтобы не поспел дед на выручку! – прокричал старик, по-молодецки сиганул в сани, оставив на снегу лыжи.

Волки были совсем рядом. С полусогнутой руки старик прицелился. Резанул выстрел.

– Вот вас как надо! – взвизгнул Василий.

Волчище, бежавший впереди, опрокинулся. Стая оторопела, смешалась. – Погоди, внучок, погоди... – заговорил дед уверенно. Им овладело спокойствие. Волки, хотя и приотстали, но следовали стороной.

Старик шумно гикал, свистел, создавая как можно больше шума. Последний патрон он вставлял бережно.

– На-ка, ежели хошь! – выкрикнул он в унисон с выстрелом.

Волки откатились в сторону.

– Эх, самку не зацепил! – горестно простонал Василий.

И, как будто услышав его, волчица рванулась к лошади.

Назойливо гудел ветер. Изворачиваясь от резких его порывов, стоя на ногах, старик ещё пытался погонять лошадёнку, но в этот момент на её глотке повисло сразу несколько волков. Лошадь встала на дыбы, потом, резко обвиснув, повалилась на бок. Затрещали оглобли, сани опрокинулись. Дед и Тимка разом свалились в снег. Старик проворно вскочил на ноги, встал над Тимкой с остекленевшими глазами и со скрежетом в зубах, приготовился к нападению.

– Лежи, Тимка, не шевелись, – прохрипел старик. – Он с силой размахнулся, цепко и намертво держа в руке рукоятку ножа. Нож свободно вошёл в мякоть. Рядом с Тимкой ползал волчище, скулил, как собака, потом затих, выгнулся. Лошадёнка ещё дёргалась в судорогах, старик ждал нового нападения, отведя руку с окровавленным ножом в сторону.

– И на волчью стаю управу найдём! – орал он, скорее всего, подбадривая внука. – Лежи, не шевелись! У нас с тобой одна оружия на двоих! Разорвут, окаянные!

Он стоял стойко, расставив ноги по обе стороны внука.

Люди поспели, когда около них издыхало уже пять волков. Дед стоял на одной коленке – оборванный, окровавленный. А Тимка во все глаза смотрел на людей, явно не веря в спасение. Наконец, дед жалобно проскулил:

– Авдотьюшка, гляди-ко-сь, надоумилась... А мы загинули бы! В первый раз волков так близко увидал... Не приведи Господи! Вот же твари! Вот твари! – старик заплакал тихо, тихо, сморкаясь и всё ещё жалуясь: – А мы – эть, погибли бы! Погубили бы парня!

Авдотья крестила их, плакала тоже. Люди стояли вокруг, притихшие. Лежала бездыханно лошадь с ободранной шеей, в нескольких местах из неё сочилась кровь.

Глава 20

Зарделось утро – чистое, прозрачное. И хотя люди носили на своих лицах печаль, надежда на скорый конец войны не покидала.

Антонина Фирсова вместе со всеми ждала мирную жизнь. Она устала от свалившихся на её голову забот, не знала, как и все женщины, ни спокойного сна, ни отдыха. Зато хорошо испытала голод и постоянные нервные расстройства. «Не я одна так...» – говорила она себе. Надо жить. Стоял вопрос: чем кормить детей? Антонина уж который раз прошаривала углы опустевшего подполья, в надежде отыскать хоть пару картофелин на похлёбку, но всё уже было перерыто ребятей. Она пересмотрела картофельные срезки, что заготовила для весенней посадки. Ожившие росточки сиренево глядели из глазков. Антонина отошла в сторону. «Это неприкосновенный запас», – подумала она. И опять в чугунке варился кислующий кисель из отрубей, он вызывал тошноту.

А нынче Антонине было особенно горько. У Зиновия день рождения. Знала мать, что сын умышленно раным-рано убежал в школу.

В полдень заявила Полина. Она принесла ведёрко картошки, кусочек сала, головку лука.

Антонина всплеснула руками.

– Господь с тобой, Полинущка!

– Хороша, нечего сказать! Сын именинник... Не Минка бы...

– К чему такое говоришь? Беднёхонько у нас!

– Без людей все мы беднёхонькие! Возьми каждого... – Тем же суровым тоном говорила Хмелькова. – Один человек, сколько бы не лез из кожи, толку не будет. А люди рядом, значит, жить можно!

– Спасибо, Полюша, – радостно проговорила Антонина. – Вот стол-то будет!

– Зиновия пришлѐшь на склад к Татьяне, – не слушая её, продолжала Полина. – Там немного гороха получит. Это как премия за то, что дрова всю зиму возил. . .

– Поля, ведь он не один возил. . . С Тимкой!

– Тимка получит в свой день рождения. . . Не оставим!

Антонина припала к плечу Полины, зашмыгала носом.

– Полно тебе, – строго проговорила Хмелькова, затем скупно улыбнулась:

– Ну и хлебушек имениннику Авдотья испекла. Сходишь, возьмѐшь.

Антонина завьла в голос, Полина взорвалась:

– Да ну тебя! Посмотрела бы ты на себя! Сын вот-вот будет на пороге, а ты? Принарядись. . . Где бирюзовое платье? Показывай!

Антонина заторопилась, бросилась к сундуку, отворив его, указала пальцем. Полина подошла ближе и невольно съѐжилась. Сундук, некогда набитый доверху Антониниными нарядами, теперь смотрел на неё пустой огромной пастью. А на дне его, в уголочке, стыдливо лежало в одиночестве Антонинино единственное платье. Антонина поняла Полину, развела руками:

– Всѐ, Поля, проели. А теперь и менять уже нечего. Вот только платье, папино любимое, дети ни за что не хотят отдавать, говорят – лучше голодом. . .

Полина, уходя, сказала:

– Пришло бы мирное время, а барахло наживѐм. А платье к приходу сына надень!

К самому ужину пришла Минка. Просунув голову в приоткрытую дверь, она пальчиком поманила Зиновия:

– Ты что, задавака, помалкиваешь, что именинник. Ты думаешь, я не знала? Всѐ знала! – Девчонка держала руки за спиной, потом загадочно сказала: – Закрой глаза. – Она накинута на его плечи что-то ласковое и тёплое. И не успел ещё Зиновий открыть глаза, как Минка похвасталась: сама связала!

– Шарф? – удивился Зинко. – И связала сама?!

– Сама! – гордо качнув рыжими кудрями, повторила она. Минка склонила голову на бок, ещё раз оценивая свой подарок. – Тебе идёт! – конкретно определила она. – Носи на здоровье!

Зиновий позвал её за стол, но она стыдливо отказалась. Он догнал её у самых ворот, вложил в её ладони две картофелины и кусочек ржаного хлеба.

– Посидим возле бани, как стемнеет? – спросил он.

– Если мамка отпустит, – уплетая хлебушек, ответила Минка. – Холодно. Пимы разъехали! – Она засмеялась, показывая дыру на запястнике, оттуда торчала соломенная стелька.

– Тогда, приходи к нам. . . Я заплату наложу. За ночь просуши пимы, а утром, чуть свет, – ко мне. Я буду только с ребятишками. Мама в город с дедом Василием собрались. Много чего для госпиталя собрали: провизии, тёплых вещичек. . . Дед Василий после боя с волками ещё не совсем поправился, один идти не рискует. Тимка бы с ним пошёл, если бы не болел.

* * *

Дед Василий предложению Антонины пойти с ним в город даже обрадовался. На то была причина, о которой он никому не говорил и вспоминать совестился. Совестился потому, что подвергся он нападению двух баб-разбойниц, не смог совладать с ними, отстоять бесценную свою поклажу, которая так и ушла с разбойницами. Остались в его руках только саночки да собственные рукавички. Этих баб он запомнил, пожалуй, на всю жизнь. Тогда был обычный его путь по тракту. Разбойницы выросли перед ним неожиданно. Остановили свои взгляды на его мешках. Одна с топором в руках, постарше, годов тридцати пяти, другая помоложе.

– Гляди, Стешка, – сказала та, что постарше, – какой куркуль! На рынок добро везѐт! Вот он с нами и поделится!

Старик тогда хотел объяснить, изложить суть своего путешествия, но его просто не хотели слушать. Толчок бабий не такой уж сильный, но дед от неожиданности уселся в снег. Вдоволь перетрусил, когда увидел лица обеих баб, суровые глаза выражали ненависть к нему. «Так им ничего не составит и по голове топором тяпнуть», – подумал тогда в ужасе старик. Так вся поклажа с саночек перекачовала на спины разбойниц.

– Богат ты, сволочина! – презрительно проговорила старшая. Она окатила его холодным взглядом.

– Девки, – взмолился дед. – Пошто своевольничаете? В госпиталь раненым везу.

– Знаем мы вас... По роже видеть!
 – Может, правда, в госпиталь? – сказала та, что помоложе.
 – Ты его слушай, а сама о ребятишках думай, – конкретно сказала старшая. И так сразила Василия взглядом, что он сразу потерял всю надежду на спасение вверенных ему вещей и продовольствия.

– Девки, – взмолился старик. – Рази так можно?
 – Ступай домой, да Богу молись, что всё хорошо обошлось. – Услыхал он уже где-то из-за кустов. То говорила старшая, старик в этом не сомневался. Василий остался тогда сидеть у дороги, не то чтобы уж очень перепуганный, но до боли удивлённый и обиженный. На глазах его дрожали слёзы.

– Бабы в разбой ударились! – качал он головой. – Чего же теперь боле ждать?

Вспоминая каждый раз тот случай, старик говорил себе: всему виной война! Может, – вдовы с кучей ребятишек... Только шибко нехорошим делом занялись, шибко нехорошим!

Нынче, собираясь в госпиталь, Василий не на шутку беспокоился. И как только Антонина промолвила, что неплохо бы хоть раз побывать в городе, да в госпитале, он сразу же оживился:

– Пойдём, Тоня, коли охота тебе в городе побывать, вдвоём веселя.
 – Пойду, если председательша отпустит на пару деньков.
 – Отпустит, – уверенно сказал дед. – Не тот она человек, чтобы не понять...

Дорога, по которой они шли, вела лесом. Заиндевелые кроны деревьев простирались в разные стороны, будто оберегали стволы от чьего-то грубого прикосновения. Ветви время от времени сердито сбрасывали студёную порошу. Санки легко катились по укатанной дороге, набегали на латанные запятники разбуханных пимов деда Василия. С недавних пор он стал ходить медленно. Теперь еле поспевал за Антониной. Частая ходьба в город сказывалась. Больные ноги подрагивали в коленях, но признаваться в усталости и слабости ему не хотелось. Он уже хотел присесть, но молчал, чего-то ждал.

– Не слыхал, дядя Василий, что от Елены Егоровой весточка пришла Зайцевым. Написала: я, мол, видела твоего парня... И всё такое. Что его отправили в сибирский госпиталь. И что будто бы она с ним разговаривала, как я с тобой сейчас. Пишет, что ранен тяжело, а куда

ранен, не написала. А Любашка не будь глупенькой, взяла да и опять к вашей Зинаиде обратилась. Вначале к Авдотье сбежала, адрес у ней взяла. Девка пробивная... Хоть и тонкая, но звонкая, как пословица говорит. Ну и незамедлительно ответ пришёл от Зины: тут, мол, в списках состоит. Пишет Елена, что теперь сама на больничной койке, что вряд ли скоро оклемается... Давай-ка на обратном пути заглянем к Матрёне. Только про Ленкину болезнь говорить не станем, зачем...

– Сперва до города доползти надо, тогда и вперёд забегать, – проворчал дед.

– Вот ты идёшь и идёшь, как молодой... А я страсть, как устала! Она опустила на ствол лежащего дерева, ощутила усталое бие в ступнях.

– Как молодой, говоришь? – старик пискляво засмеялся. – Топать-то нам, почитай, ещё километров двадцать до городской окраины, да по городу с десяток...

– Даль такая, зато в мешках у нас ценная поклажа. Привезём, уж так обрадуем!

Старик круто поднялся, решительно взялся за верёвку саней, пошёл с большака в чашу, волоча санки за собой.

– Ты куда? – бежала за ним Антонина. – Ещё даже передохнуть не успели... Ладно ли с тобой, дядя Василий?

Тот молча шагал, сопя и озираясь.

– За вверенные нам с тобой продукты побаиваюся. – Признался он, наконец. – А там, припоминаю, есть окольная дорога. Может, видно её ещё из-под снега.

И по его виду поняла Антонина, что так будет спокойнее.

Заметно усилился ветер. Дед поднимал глаза к небу:

– Погодка не разыгралась бы! Больше уж отдыхать не сядем. Как-то надо продвигаться вперёд. В глубине леса выюгу сразу не распознаешь, в том вся и беда...

Но вот вершины закачались шибче. Тревожно запоскрипывали стволы. В спины заподдавало ветром.

– Вот некстати такое, – забеспокоилась Антонина. – Заметёт нас, однако.

– Не заметёт, – с фальшивой уверенностью говорил старик.

Идти с каждым шагом становилось всё труднее и труднее. Спины совсем взмокли, санки отяжелели. Вышли на опушку. Ветер стал рвать

с новой силой, беспощадно швыряться снегом в грудь и лицо. Внимание Василия привлёк уныло стоящий на опушке стожок сена.

– Пойдём к копёшке, переждём падеру, – тут же решил он. – Не ровён час, с дороги собьемся.

Дед растолкал сено с боку, устроил углубление, влез в него первый. Антонина забросала сеном санки, влезла тоже. Внутри копны пахло пылью, но было тихо и тепло. Метель бушевала теперь рядом.

– Тепло, – проговорила Антонина, умащиваясь поудобнее.

– Тепло, пока спины горячие, – подметил старик. – Посидим, остынем, тогда и дрожь пробираться возьмётся. А ты шевели суставами, да уснуть не надумайся!

– Нет, нет, что ты! – уверяла Антонина, но в пыльной копне ей было так уютно, что совсем скоро она сплюснула веки, стала дышать ровно и беззаботно.

– Утомилась всё-таки! – недовольно пробурчал Василий. – Я тебе али нет говорю? Не спи!

– Не сплю, не сплю...

– Не спишь! Сама убаюкалась, как дитё малое.

Присмирив от тревоги и неизвестности, старик озабоченно смотрел на мирное лицо Антонины, на свисавшие над ним сухие головки клевера. Он не мог выкинуть из головы случай с волками. На этот раз кроме ножичка-складничка ничего при себе не было. Одним себя успокаивал дед: в метель волки не блудят... Когда луна светит, морозец поджимает, вот тогда им самое то...

Метель утихла лишь в потёмках. Дрёму Антонины нарушил озноб, он начал встряхивать чувствительно. Она попыталась распрямить замлевшие ноги. С трудом перевернулась на другой бок.

– Волков бы не привлечь – сказала она.

– Придумала чего! Откуль им тут взяться? Места неподходящие. Они селятся там, где схорониться можно... Как только забрезжит, мы в путь-дорожку отправимся. К завтраку не успеем, а вот к обеду как раз нагреем. В госпитале радуются, когда я появляюсь. Может, работы много скопилось. Может, опять на лошадке по лекарство направят... Езживал уж. Всяких там пузырёчков да скляночек наполучают, а я на лошадке везу.

Темнота залила отверстие, выходить из убежища не хотелось, но дед настаивал.

– Иди, пробегись вокруг стожка, разомнёшься. Разогреешься. Спать опасно! А то до самой весны проспаться можно, пока люди не наткнутся.

Антонине не хотелось шевелить ни одним членом, она дробно стучала зубами, Василий насильно вытолкал её наружу.

– Побегай, тебе говорят, а то в сосульку заклёкнешь!

Та выползла из мягкого отверстия на четвереньках, боясь глянуть по сторонам. Ночь оказалась не такой уж тёмной. Видно было лес. Он стоял безмолвный, уставший от пурги, словно окутанный в сон – мирный и беспечный. Ночная тишина, спокойная, без единого звука. Хруст снега под ногами Антонины отчётливо выделялся в этом таинственном великолепии. Санки с провизией занесло, над ними покоился бесформенный продолговатый снежный бугорок. Стожок, в котором они пережидали бурю, стоял однобоко, залеплённый снегом, он смахивал на горбатый гриб со шляпой. Антонина попыталась обойти его со всех сторон, но при первой же попытке утонула по колено в снегу, набрала в пимы. Она распрямилась, хорошо осмотрелась.

– Ну, как там, Тоньша? – высунулся дед.

– Лучше некуда! В пимы набрала, в рукавицы... А тебе и вовсе не перелезть!

Она прислушалась.

– Погоди, дядя Василий, – обрадовано заговорила Антонина. – Кажется, я слышу лай собаки... Да, точно, это лай.

– Лай или вой? – тревожно спросил дед.

– Лай!

– Тогда у нас с тобой есть шанс – по-человечески ночевать!

– Смотря какие люди... А то на таких нарвёшься...

Вновь Василий вспомнил про тот случай.

– Спробовать, конечно, можно... Но шибко не настаиваю.

– Пойдём прямо на лай, – решила Антонина. – Придём к людям. Хотя я деревни в этих местах никакой не знаю, даже не слыхала о такой.

– Никуда не пойдём! – вдруг решил старик. – До рассвета тута будем, а то скоро у нас с тобой мысля поспела! И я не помню деревни тут никакой.

– Ну, и чего высидим? Чтобы волки разодрали? Скоро ты забыл, как тебя чуть не отпели! А у меня куст ребятишек... Кто их кормить, поить станет? Отец на войне погиб, а мать будет сидеть и ждать, когда

её волки скушают! Да мало того, как есть у самого человеческого жилья! – Антонина была решительной. – Нет, уж на этот раз я тебя не послушаю!

Она полезла по снежной целине, погружаясь по пояс в рыхлый снег. Старик, ворча и негодуя, волочил санки.

– Что, если бы ты был один? Думаю, не сладко бы тебе пришлось! – едко подметила Антонина. – Занесло бы с потрохами...

Снова забрехала собака. Где-то совсем рядом в стороне прогромыхал колодезный зазеленелый вал.

– Стой тут с багажом! – приказала Антонина. – Я разведая.

Она перекрестилась, пошла к колодцу.

Дед Василий, устало выравнивая дыхание, сидел прямо на снегу, не спуская глаз с удаляющейся Антонины. Она вернулась скоро. Торопливо оповестила, что пришли они к детскому приюту, что у колодца встретила повариху, та согласилась принять на ночлег, в кладовую...

– Чуть забрезжит, – уходите велит.

– О чём тут говорить, – обрадованно заподнимался Василий.

Они устроились в кладовой на старых, изъеденных мочой матрацах. Сон прерывался внутренним беспокойством и каким-то бормотанием за стеной. За другой стеной слышался плач ребёнка. Это девочка. Кто-то тихонько уговаривал её. Слов не было слышно, но то была женщина. Это понятно было по голосу – ласковому, тёплому. Когда та говорила погромче, можно было кое-что разобрать. И вот, совсем понятно:

– Деточка, да где же я тебе возьму хлебца?

– Я хлебца хочу!

Девочка закашлялась и, видно, в изнеможении замолчала, но ещё время от времени всхлипывала.

Антонина поднялась со своей лежанки, накинула на плечи платок, пошла к двери, крестясь и что-то бормоча.

– Ты куда?! – всплыл дед.

– Ребёнок хлебца просит... Девчоночка... Маленькая и слабенькая! Нехорошо. Продуктов два мешка, а мы сидим на них, как собака на сене.

– Не для того предназначено! – ошетинился старик. – Не для того!

– А вот и для того! – отрезала Антонина, развязывая устье мешка.

– Вот заполошная! Напрасно ты... Одним али двумя кусочками весь детдом не накормишь. Ясно – жалко... Только хуже сделаем. Да

мало того, начальство узнает про нас... Бабу подведём. Она-эть нас тихонько сюды пустила! – Старик повернулся на другой бок. – Ложись давай, не мечись.

– Сердце не выносит! – простонала Антонина. – Не могу!

– Утречком уйдём отсель и всё.

– За всю жизнь не прошу себе такого! – говорила из темноты Антонина. – Мои хоть сироты, но с матерью, а тут бедняжечки... Нет, пойду я туда!

Она снова стала возиться возле мешков. Дед поднялся, положил ей руку на плечо, решительно сказал:

– погоди, Тоньша, остынь! Вот утречком и угостишь ребят через ту повариху.

Антонина решительно отвергла его предложение.

– Дойдёт ли до них, до ребятшек-то? Может, им вовсе ничего не достанется.

– Тогда, так: утром отдашь сама, пользы будет больше!

Антонина, поразмыслив, решила дожидаться утра, но заставить себя заснуть не смогла.

Единственное оконце смотрело из кладовой во двор приюта. Пришла повариха.

– Ну что, выметаться пора? – встретила её Антонина вопросом.

– Темно ещё... Посидите в тепле, – доброжелательно ответила та.

– Поди, скоро уж придёт начальство? – с опаской спросила Антонина.

– Начальство? – переспросила повариха. – Начальница наша дноет и ночует тут. Ребятишки хворают, вот и нянкается с ними. Тут захочешь, – не уйдёшь!

Она в темноте нащупала табуретку:

– Хоть присесть на минуточку.

– Как живёте-то? – осторожно спросила Антонина.

– Как говорится, влачимся! Безмашинные, безлошадные... Лошадь наша под лёд ушла, когда заведующая наша тёплую одежку получать для ребят ездила. Возвращалась через реку.

– Как это случилось? – тихо спросила Антонина, вздыхая и ужасаясь.

– Лошадь скользить начала... Не подкованная. Лёд не выдержал... Всё, вместе с лошадыю, под лёд ушло. Пальтишек с десяток сбросить успела Людмила Ивановна и только. Да хоть сама спаслась.

Она помолчала.

– Всю зимоньку бедствуем. Еды нет, что взяли с огородишка, тем и живём. Сунулись, было, за помощью, нам отказали. Сказали: всё, что положено, вам выдано! А за лошадь и всё остальное заведующую ещё и посадить собираются! Крутись, говорят, сама, как хочешь, и попробуй загубить детей! Вот и крутится. Все окрестные деревни сползали. Побираемся. Дровишек привезти не на чем. Собираем хворост со старшими ребятами. Каждый принесёт понемногу и то, что-то есть. Были и такие дни, когда наша Людмила Ивановна чуть умом не тронулась. Половина ребятшек в хворь бросилась, вши заедать стали... А тёплой одежды нет! Целыми днями ходили мы по деревням одежонку выпрашивали, а кто её для нас припас? Сами, говорят, всё проели! Не погневайтесь! Страшно то, что здесь маленькие есть! – повариха вздохнула тяжко. – Смотреть тяжко и уйти сил нет! Ребятишек жаль и начальницу тоже. А детей кто пожалеет? Кому они, сиротки, нужны? В лесу-то только мы да волки голодные! Выходить страшно, пока совсем не рассветёт.

– А ведь мы вечерось ночевать в копне надумали! – ужаснулась Антонина.

– Если бы не волки, не пустила бы вас ночевать. Прав на то не имею... Людей жаль и себя жаль. Встаю ранёхонько, ложусь после всех. – Она кивнула на стену. – Поди, ночью слышали, как я шастаю. Варить нечего, а варево сочинять всё равно приходится. – Она встала. – Пойду я. Усните ещё... Как рассвет установится, тогда и уйдёте!

– Начальница-то ваша где? – спросила Антонина.

– Вон, за стеной с ребятишками... Пойду я. А вы отдохните ещё, время есть!

Стоило поварихе скрыться за дверями, старик вскочил с места.

– Тоньша, – зашептал он. – Нечисто тут, нечисто! Голос мне этот знаком... Вот бы мне их начальницу-то повидать. Уж я бы ей рассказал кое-что... – Он заходил по кладовой взад-вперед, нервно сжимая пальцы. – Какая бы темень ни была, а голос никуда не денешь!..

– Говоришь непонятное... Может, толком расскажешь?

– Тебе и понимать не надо! Пока один-на-один с начальницей не побеседую...

– Чего же ты взбеленился? Рассказал бы уж...

– Я сперва разобраться должен... Глаза начальнице открыть... Не всё чисто тут!

– Заладил: чисто, нечисто...

Старик снова стал прохаживаться, беспокойно вглядываясь в узкое оконце. Он разводил своими худосочными руками, сплёвывал, что-то говорил про себя. И только чуть проявилось утро, распорядился:

– Ступай-ка, Тоньша, разыщи мне начальницу! Хотя из-под земли вырой! – его голос был настойчивый и непоколебимый. – Пускай она прямо сюда, ко мне придёт... Дело, мол, важное!

– А не подведёшь бабу-то?

– Иди, иди... Неча! То, что ей попадёт, я нисколько не сумлеваюся! – в голосе старика прозвучало злорадство. – Ступай, куды тебя посылали!

– Ты чего, дядя Василий, объяснил бы мне, чего такое ты скажешь начальнице. Я хоть немножко должна знать... Вместе ведь путь-то держим! – с обидой заговорила Антонина. – Или я тут совсем никто?

– Ты не серчай, но не с тобой про то говорить надо, – смягчился дед. – Потом, может, тебе же всё и расскажу. Надо когда-то поделиться с кем-то.

– Спятил, да и только! – негодовала Антонина. – Начальницу ему подавай! Верно люди говорят: чем человек старше, тем дурней.

Воротилась Антонина одна. Уже порядочно рассвело, и она отчётливо увидела напряженного, готового к разговору с начальницей деда.

– Не нашла?

– Нашла, – засмеялась Антонина. – Только, оказывается, начальство-то у себя в кабинете обычно принимает, как полагается. А такие требования, как твои, ты можешь предъявить только своей Авдотье!

Старик с готовностью рванул к двери, обернувшись, рявкнул:

– Не ходи за мной... Делать неча!

Антонина выкрикнула вслед:

– Всё, как есть, отдавай ребятишкам! Всё, как есть!

Дед не обернулся.

Начальница Людмила Ивановна сидела за столом. Подперев голову рукой, склонилась над бумагами. При появлении деда Василия

не подняла головы, только чуть глянула поверх очков. Старик, вытянув шею, потоптался возле двери, потом, решительным шагом подошёл к столу.

– Пришёл вот пожаловаться, – начал он, рассматривая начальницу. – Не до меня тебе, знаю... А всё-таки послушай, чего я тебе скажу: при кухне вашей состоит воровка, разбойница! – он качнулся из стороны в сторону, продолжил: – А дело было так. Шёл я пешком по тракту, месяца полтора назад...

– И вас приняли за куркуля и ограбили? – докончила Людмила Ивановна, вставая с места. – Так вот, – она сняла очки. – Одну разбойницу вы узнали... Вот и вторая перед вами!

Старик опешил. Широко раскрыл глаза. Действительно, в начальнице он узнал ту, главную разбойницу, которая была так непреклонна к нему.

Старик подошёл ещё ближе – то была она.

Начальница молчала, но не отвела взгляда.

– Да, да... Это я! Вы не ошиблись, дедушка, – проговорила она. – Вот с меня и спросите, по всем правилам и законам. С меня! Да, виновата! А вот вернуть вам уже ничего не могу. Всё давно дети съели и износили.

– Что брать-то с тебя? – растерянно пробормотал старик, потом стал гневно бросать на неё устрашающие взгляды. – Всё, как есть, понимаю, только нехорошим делом занимаетесь... Уж, шибко нехорошим!

Он повернулся, отправился к двери, обиженно сложив губы.

– Вы подождите, – сказала хозяйка кабинета. – Присядьте.

Дед Василий будто этого и ждал. Он подбежал к столу:

– Счастье твоё, что дед попался человечный, а то я бы тебя тогда ещё нашёл. На баб ты наших не напоролась... На солдаток, которые из последних злыдней выделили для госпиталя... А вы их добро умыкнули, как будто так и надо! – старик постепенно смягчился. – Уж если добро ребятишкам пошло, то ладно, прощаю тебя! Бог с тобой! А отхлестать по бесстыжим зенкам надо бы! Чтобы вдругорядь не повадно было! – он помолчал мгновение, покачал головой, всё ещё безмерно удивляясь. – Отымать на большой дороге... Нехорошо!

Старик рванулся к двери и, почти воткнувшись в неё носом, проворчал:

– Пойдём, за грабеж премию получи... Ишо привезли кое-чего... Да, чтобы на этот раз документ выдала и в получении расписалась! Чтобы наши бабы знали, куда их добро пошло.

Дед Василий, быстрыми шагами направляясь к двери, сказал:

– Только ради сирот, а то бы...

Он остановился на лестнице. Ему показалось, что не всё высказал. И это недосказанное заставило его вновь широко раскрыть двери кабинета.

Теперь начальница стояла у печи, которая выпирала из стены чёрным полукругом. Качнулся беспокойно фитилёк на коптилке, стоящей на столе. Старик показалось, что женщина сжалась. Это придало ему больше смелости и гнева. Теперь он заговорил с ней, как с собственным внуком:

– Как бы тяжко ни было, в разбой больше пускаться не советую, конфуз это! Чуть в гроб старика не загнали! А если бы сироты узнали бы, какая это нечестивая добыча...

– Не узнали бы! – спокойно ответила та, слегка оттолкнувшись от печи, подошла к деду. – Не узнали бы!

– И про топор не узнали бы? – сощурил глаза дед.

– Топор предназначался для хвороста! – устало отмахнулась она. Василий увидел её горькую вымученную улыбку. – А ты прости нас, дедушка. Дети на одной капусте живут и та мороженная.

Сердце старика не выдержало, он ещё пробормотал что-то осуждающее и поучительное, но голос его стал спадать, потом сошёл на шёпот.

– Знаю, чижало! – он помолчал. – Раненым возил... теперь вот, ребятишкам сгодится. В госпитале как-никак три раза кормят в день, а тут совсем ничего...

Вошла Антонина. Разговор прервался. Оба облегчённо вздохнули, освобождаясь от неприятных объяснений. Фирсова начала сразу, боясь каких-либо возражений со стороны деда Василия:

– Эко тут у вас голодно да тоскливо. Выгружай-ка, подружка, мешочки наши! Сил не хватает и совести увезти питание от голодных ребятишечек.

– Вы откуда взялись-то?

– С неба свалились, с Господним приветом! – пошутил дед, откровенно улыбнувшись. – Айда, прймай, неча сидеть!

Глава 21

В дьявольской темноте, наволоченной снеговыми тучами, шёл Андрей сквозь непроглядную ночь. От напряжения и усталости сверлило в костях, и, как во все эти последние дни, усиливались головные боли. Дни были тяжёлыми и мысли хмурыми и рассеянными. Только подходя к своему дому, он ступал всё увереннее, невидимая глазам тропа безошибочно вела его к самой калитке. Поднявшись на крыльцо, Андрей, чтобы не беспокоить мать, разыскал под бровкой двери заранее положенный туда гвоздь, приподнял дверной крючок. В доме было темно и тихо. Стараясь не создавать шума, Андрей сел на скамью, стянул валенок. По привычке с печи опустилась Марфа, засветила лампу, до предела убавив фитиль. Глухобрякнула печная заслонка.

При тусклом свете керосинки Андрей увидел лежащее на столе письмо.

– От Елены, – пояснила мать, накрывая ужин и, чтобы не мешать сыну, снова поднялась по печным приступкам, легла на подушку.

Андрей приблизил листок к лампе. Голова его с чуть всклокоченными на макушке волосами слегка склонилась набок. Казалось, он отодвинул на какой-то момент весь окружающий его мир. Он читал. Это письмо не было похоже на те, которые Лена писала когда-то из дома на фронт. Здесь чувствовалось, как много нового, совершенно незнакомого, появилось в её характере.

«... Что скажу тебе, Андрюша, – читал он. – Оправдывать себя? Может быть, и стала бы, если бы сейчас была там, рядом с тобой. Может, в ногах у тебя не раз повалялась. Но теперь дороже сына нет у меня никого на свете! Я безмерно счастлива, что он у меня есть. И пока я жива, все мои мысли о нём! Что касается наших с тобой отношений, говорить на эту тему не станем. Рано. Война ещё не закончилась. Я знаю, Данечка у тебя. И если со мной что-нибудь случится, не оставь его и в дальнейшем...»

Андрей долго в раздумье сидел возле стола, на котором стоял простывший ужин и догорал фитиль, попыхивая слабым огоньком, переходящим в вилосчатую прядку дыма.

Нет, не осталось у него обиды к жене, скорей всего он тосковал по ней, и казалось ему, что ещё больше любил её. Не потому ли так часто останавливал свой взгляд на Данилке, обнаруживая в личике его сходство с матерью.

Он смотрел на умирающий огонёк, чувствуя где-то внутри неласковую прохладу письма, отчуждённость, после которой редко получается возврат к прежним отношениям. Нестерпимо жгли воспоминания.

– Папа, – донеслось из темноты. Голозадая фигурка Даньки сползла с кровати.

Андрей поднял парнишку на колени. Чаще всего он видел его в полутьме: утром, уходя на работу, когда только чуть начинался рассвет, и вечером, вот в таких потёмках. Эти короткие встречи приносили обоим радость. Они спали вместе. И нынче, то засыпая, то просыпаясь, Данилка ждал его прихода.

– Ну, Данил, время спать, – Андрей легонько шлёпнул его по голой ягодичке.

От подушки оторвала голову Марфа.

– Сказывали, будто бы Любка Зайцева сегодня из города пришла пешком. Худая да присмирившая. Полина ей целых две недели отпуска давала, в посевную, мол, отработаешь. К парню к тому, что письма писал, в госпиталь ходила. Ты зашёл бы к Зайцевым-то... Высохла, говорят, Любка-то, как селёдка стала.

– Зайду, – кивнул сын.

На его коленях полусонно егозил Данилка, припадая головкой к его груди.

– Ну, беги на кровать, я за тобой, – сказал Андрей.

Марфа заговорила снова, прислоняя подушку к печному чувалу, толкнув её в бок кулаком, вздыбливая слежавшееся перо:

– Интересно, с чем пришла Любашка-то, с какой новостью?

Андрей молча проскрипел костылями в растворённую горничную дверь.

Забренчала Данилкина струйка о край ночной посуды. И Марфа, творя полушёпотом молитву, умащивалась на подстилке.

Данилка торопливо протопал голыми пятками в горницу, проворно перелез через лежащего с краю Андрея, улёгся к стенке.

– Спи, – коротко приказал Андрей, обрывая тем неустанную возню мальчишки. И, не обращая внимания на его обидчивый вздох, отвернулся. Но сон не приходил. Письмо Елены растревожило душевную боль, терялась молчаливая надежда. Не было в письме той, свойственной ей откровенности, от строчек веяло холодным спокойствием.

Где-то глубоко в душе Андрея попискивала обида. «Как же так, – думал он. – Она и вины-то за собой никакой не чувствует!» А мозг восставал: «Виноват во всём Филимон. Он тут вершил права, и ещё неизвестно, что заставило Елену поступить так. Никто не подскажет ему правды. Все молчат об этом. Вот и Капа, подруга её, каждый день рядом, обо всём щебечет неустанно, только не об этом».

* * *

День Полины Хмельковой закончился в обычных заботах, да и каких бы трудных дней ни выпадало на долю председательши, все они приводили к одному – надежде на лучшее. Она шла по зимней улице. Были уже потёмки, но ни в одном окошке не горела лампа. Люди берегли драгоценный керосин, если и зажигали свет, то только на время ужина. Как говорил по этому поводу дед Василий:

– Лампа к ужину необходима, чтобы вместо рта ложку в ухо сунуть!

Полина отворила калитку, и из темноты неожиданно выплыла Мартыниха.

– А я думаю, кто же это у меня во дворе разгуливает, – проговорила Полина. – Ты чего, Миропея? Сроду не захаживала.

Хозяйка забрэнчала замком.

– Пойдём в избу, коли у тебя дело ко мне.

– Можно бы и тут поговорить... – спесиво промолвила Мартыниха.

– Во дворе гостей не принимаю. Посидим, чаю попьём. Чай у меня прямо-таки барский. Из лепестков шиповника!

Они вошли в Полинино жилище.

– Вот, из загниёты репой пареной несёт... Ох, как я есть хочу! – говорила Хмелькова, чтобы не молчать. Гостья смиренно остановилась.

– Хлебушка у меня, правда, нет, зато жмыхом побалуемся. Есть где-то пара кусочков... Ах, вспомнила! Однако я похвасталась... Жмых-то Даньке Егорову отнесла.

Впервые Полина видела Мартыниху такой блеклой, без насмешливости. Она присела на предложенную табуретку.

– В обиде ты на меня, однако-сь, – проговорила она. – Люди болтали, будто бы я причастна к смерти Авдея Хмелькова...

– Нет, не в обиде я на тебя, Миропея, с чего ты взяла? – сказала Полина, вздыхая. – Не надо вспоминать старое! Никогда, никому я не высказывала своей обиды. – Полина помолчала. – Ты и так наказана. Какое наказание тяжелее может быть? В своей родной деревне жить, и ни к тебе люди, ни ты к ним! А что про Авдея покойного разговор завела, то напрасно. Боль ты не залечишь и Авдея-красавца моего не воротишь. Мёртвый человек не скажет правды. Такого не бывает. – Она оборвала печальный разговор. – Ну так, слушаю тебя, Миропея. Какие такие печали привели тебя ко мне?

– Не знаю сама... Тяжело мне! Тяжело да и только!

– Может, с фронта чёрная весточка?

– Письмо от Филимона.

– Значит, радость! – это прозвучало устало, сухо.

– Радоваться тут нечему! – в её руке подрагивало письмо, она протянула его Полине. – Прочитай-ко, сама и увидишь...

«...Может, сходишь к Матрёне, – читала Полина. – Адрес Елены спроси. Отдай ей чего-нибудь из барахла, всё равно моль почикает. А она чего-нибудь сыну моему скундёпает, у ней руки не то, что у тебя! Если адрес Елены не пришлётся, в деревню не вернусь. Нечего мне там делать. Раздобудешь – век благодарен буду. Жизни мне нет от дум разных. А ты к Матрёне захаживай, чтобы знал тебя сын мой. Как бы я теперь не прочь на руках его подержать... Уж бегаёт, поди...»

– Где же ты раньше был, – отложив письмо, задумчиво проговорила Полина.

Мартыниха пригорюнилась.

– Как жить теперь буду, Полина, подскажи! Слово вымолвить не с кем, одна осталась, как перст!

– Людей сторониться не нужно, – скупко проговорила Хмелькова.

– Люди доброе слово ценят и любят. Вот и ты пришла ко мне за добрым словом. Так ведь?

– Так, так! – слёзно кивнула Миропея.

– Что я скажу... Я ведь тоже одна. Не понять тебе многого. У нас так: и радость, и горе вместе переживаем. С людьми забывается одиночество. Что ни день – забота общая. Ты же работать с нами не желаешь... Пожалуй, дома-то у тебя обиходно. Всё прибрано, перемято да вылизано... Только люди к тебе не захаживали, чистоты да убранства твоего не видели! Вот ведь досада какая!

Миропея сникла. Казалось, она стала меньше и суше. Сидела молча, поглаживая свою коленку.

– Работать хочу! На работу проситься пришла, – сказала она.

Молчала какое-то время Полина, по-прежнему сидела, сгорбившись, Мартыниха. Из самоварного краника в грубо склеенную чашечку покапывал кипяток. Хмелькова, наконец, заговорила:

– Если хочешь, поставлю тебя в школу, вообще-то и в телятник нужен человек... А то, как я уже сказала, иди в школу... Звонки на урок подашь, пыль смахнёшь где там, за порядком приглядишь... Фиса состарилась. Шумно ей там, тяжело!

– Согласна я, согласна! – с готовностью привстала с места Мартыниха и села снова. – Когда выходить-то?

– Подумай, смаху не бросайся.

– Согласна я, куда ещё лучше!

– Тогда завтра в школу и иди, с Фисуней поговори, поспрашивай, что и как...

Полина встала, пошла в куть за чашками.

– Чай-то остынет... Садись за стол.

– Ещё хотелось сказать...

– Говори, пока я добрая, – без улыбки пошутила Полина.

– Поговорила бы ты, Полинушка, с Андреем, пусть на меня-то хоть не сердится, я ведь тут с краю калач!

– Не надо их задевать! – сурово заговорила председательша. – Улеглась ли на его душе обида, не улеглась ли, одно скажу – семья там! И пусть себе живут. Елена им пишет. Если всё будет благополучно, счастье воротится в их дом. Вот и будет: сын своих родителей!

Мартынова возвращалась домой, пережёвывая по дороге каждое слово, сказанное Полиной. Может, впервые она не озиралась в потёмках, войдя на свой двор. Тоска отступила в сторону. До неё ли? Как-никак, завтра пойдёт на работу! Она боялась признаться себе, что всё это для неё как-то страшновато! Ворочалась до утра, а с криком петуха, сидевшего с курами под лавкой, встала, поспешно оделась. Снова перечитала письмо сына.

– Господи, – проговорила она. – Уж лучше пусть на городской женится и домой приедет на побывку, только адрес у Матрёны просить не стану.

Глава 22

Дед Василий, отыскав глазами Господний лик в доме Зайцевых, поклонился. По приглашению Нинилы сел на лавку, а по её лицу почуял неладное. Спросил:

– Чего такое стряслось? Сказывайте!

Любашка приблизилась к нему, будто искала помощи и поддержки.

– Ах ты, негодница! Ещё и за дедушку прячешься! – выкрикнула Нинила.

– Погоди, Нинилушка, погоди! – не выдержал старик. – Пошто шумишь? Она ведь у тебя, Любашка-то, сто сот стоит! И не дитё грудное. Потому и разговаривать с ней надо по-другому! А баба ты крутая. Тебе всё только хватать-похватать... К чему тогда придёшь? И без того горестей хватает.

– Она мне всё подсолить норовит! – Нинила расплакалась. Подняла на деда мокрое лицо. – Пошто, вот, она к парню-то ездила? Скажи мне. Ты старый человек... За каким лешим она туда стаскалась? А люди пересуживают! Кости и мне, и ей перемывают! А потом и замуж никто не возьмёт... Парни придут с войны, девок всех поразберут, а её отбросят. Скажут: в городе шлялась...

Одна по одной в избу заходили бабы, без приглашения садились на лавку. Когда стало людно, Нинила мало-помалу стала приходить в себя. Она прикоснулась фартуком к воспалённым щекам, махнула беспомощно рукой и, наконец, замолчала. Заглянул Андрей.

– Чего же вы, люди добрые, не даёте матери со своим дитём поговорить? К вечерку бы пришли, а то уж больно раненько.

– А сам-то, сам! – засмеялась появившаяся в дверях Капа.

Она прильнула к подружке:

– Ну, добилась от матери примирения? – тихонько спросила Капа.

– Боле никуда не отпущу! – возопила вдруг Нинила. Она обернулась к старику, с гневом пояснила:

– Это всё сношенька твоя, Зинаида... Она Любке прописала, что парень в госпитале... Зинаида, да Ленка Егорова... А девка вся исхлесталась теперь! Надо же такое! Цельную тетрадку исписать... Всё дознавалась, где он? – Нинила поставила руки в бока. – Съездила Любка-то... Чего хорошего привезла. Одни только пересуды! А теперь уж

готова заново на крыльях туда улететь. Это что же такое называется? И Полина хороша! Две недели отвалила девке где-то болтаться! – Нинила снова приступила к Любашке: – Сказывай, где ты столько времени околачивалась?

Любашка вдруг спокойно заговорила, обращаясь к сидящим на скамейке бабам:

– Вот что скажу я вам, поскольку вы здесь... Из любопытства, не из сочувствия пришли... Да и мама моя – простоватая на язык. Ей бы помалкивать обо всех наших делах, она напротив – всё высовывает на показ. Ну, да ладно... Слушайте всё то, что вас страшно интересует, чтобы худых, как мама говорит, разговоров не было.

Теперь бабы смотрели на неё по-разному – и с жалостью, и с любопытством, даже с некоторым сочувствием. Любашке в эту минуту почему-то вспомнилась Елена, ходившая когда-то по деревне под давлением тяжких пересудов. И судили-то о ней вот эти, сидящие на скамейке, у тёплой печи...

– Ну, наострились? Тогда слушайте, и ты, мама... Только хоть в эту минуту не перебивай! Для меня главное, – чтобы лишнего не довирали!

Любаша обняла Капу:

– Ты говорила мне, Капа, когда я пошла в госпиталь: будь с любимым... Вот, я и осталась с ним. Теперь я его жена. Зарегистрировались по закону – там, в городе. Опять же Зинаида Степановна помогла. Теперь я не Зайцева, а Улыбина.

Любашка вскочила на лавку, достала из-за иконы документ.

– Вот моё свидетельство о браке.

Мертвенная бледность покрыла лицо Нинилы. Но Любашка спокойно договорила:

– Мой муж будет ещё долго лечиться. – Она помолчала, потом с трудом выдавила: – Слепой он. – Последние слова были сказаны тяжело, по-бабьи.

Капа обняла её. Сочувственно кашлял дед Василий, с уважением взглянул на Любашку Андрей. Молча, с широко открытыми глазами, с посеревшим от страха лицом, растерянно смотрела на дочь Нинила.

– И спала, поди, с ём? – простонала она.

Любашка не ожидала такого вопроса, заметно потерялась. Ей на помощь пришел дед:

– Раз уж, муж... – развёл руками старик. – Ясное дело! Тут конфуза никакого нет!

Капа подскочила к Ниниле:

– Жизнь-то твоя только начинается, тётка Нинила! Радоваться надо!

– Молчи ты, пустомеля! – отмахнулась та. – Вы чего ещё понимаете? Ничегошеньки не понимаете! Заголить бы вам подолы, да яростной крапивой по голым ляжкам! – Нинила сцепила пальцы обеих рук, стала трясти ими перед иконой.

– Господи милостивый, как она, Любка-то моя, жить со слепым станет? Его ведь сопровождать всюду надо! Его обиходить надо! Сидеть подле него! Так и время всё уйдет, а жизни самой не будет!

Она приговаривала так, раскачиваясь из стороны в сторону:

– Вот напаялила, так напаялила хомут на себя! – Нинила бросила угнетающий взгляд сначала на деда, затем на Андрея: – Ну, сказывайте мне: вы присоветовали девке? Знаю, без вас тут не обошлось!

– Главное не это, Нинилушка, главное то, что они разыскали друг дружку! Убили бы парня, хуже было бы... Он подикось, сын чей-нибудь! Любашку ему, видно, за все муки Господь послал! Она ему детей нарожает, а тебе внуков... А то как же?

Любашка подошла к матери, заплакала:

– Родных, мам, у него никого не осталось, – она обняла мать. – Все были и никого не осталось. Погибли. В Киеве они жили. В оккупации. Значит, одна ты у нас с ним будешь, мама.

– Слыхали новость? – осторожно прервала разговор Капа. – Хмелькова двоих ребятишек из приюта берёт, завтра вон с дедушкой Василием и с Антониной поедет за ними. Так ведь, дедушка Василий?

– Так оно, так! Сестрицу с братцем берёт, оба о пяти годочков. Мне б её годы, без всяких слов тоже взял бы! Надо помогать, коли хоть чуть-чуть на то силы имеешь. – Дед усмехнулся, обратился к Ниниле. – Вон, слышишь, Полина не побоялась сразу двоих родить, в её-то годы, а у тебя что, в твоей семье радость одна. Не всегда она людей навещает...

Каждая весна даёт людям силы и бодрость. Всё вокруг оживает, стряхивает зимнюю апатию. Дымчато-синеватым полотном развернулась пашня, поблескивая свежими пластами земли, подглянцованными гладким плугом. Они слегка парили от яркого солнца. В лёгком

прозрачном мареве расплывался воздух, несло тёплой залежавшейся прелостью. Переливчато зазвенели птицы в околках. Заподнималась медуница, красуясь нежно-синими головками мелких цветочков, важно растопоршились дидели, гордясь располосанной мудрыми разрезами листвой. А вот и цветок саранки! С закудрявленными рябоватыми лепестками трепетно возвышается на тонкой стройной ножке, скупно припрятав в грунт кремовую молочную луковичу – ребячье лакомство.

Любашка нынче не тряслась на прицепе, как это было в прошлые вёсны. Свой прицеп она сдала Зиновии Фирсову, а сама, по настоянию Андрея, познавала трактор. Под доверительным и строгим прищелчком Капы она проходила практику прямо на поле. А когда оставалось немного времени для отдыха, листала учебник.

– Давай, давай смелее, – подбадривала Капа, стоя за её спиной.

Доверие Капы рождало уверенность, желание самостоятельности. Только теперь вкусила Любашка жаль и боль к земле. Вкусила по-настоящему – с открытыми переживаниями за посев, за итоговый её урожай. Нынче ей было особенно радостно. В воскресенье Андрей обещал снова отпустить её в город, а ещё по предложению председателяши удалось ему выхлопотать кинопередвижку – прямо на полевой стан.

Вечером ждали кино. На стан пришли люди из деревни. Пока возился с настроем высокий долговязый парнишка-киномеханик, как по заказу, забренчала фроськина балалайка. Замелькали в пляске ноги парнишек и девчат, а кто-то шутиливо бросил:

– Ко всему этому ещё бы поесть досыта!

Любашка пошла в пляс. И смотрела на неё Нинила горделиво, с улыбкой:

– Вон она, Любка-то моя, как выпытывает! – говорила она рядом стоящей Капе. – Сбросить бы мне маленько годков, тоже сплясала бы! Ох уж, сплясала бы! – она повернулась к Капе всем корпусом: – Иди, попляши с Любкой-то, ведь лучше вас никто дробить не умеет.

Каждую посеvную Нинила изъясляет желание быть стряпухой на полевом стане. Говорили, что лучше её и стряпухи не было.

Нынче, откормив ужином, обиходно перемыв посуду, Нинила сдёрнула с берёзового сучка свежевывстиранный платок, старательно разгладила его шершавыми ладонями, повязала на голову. Она подошла поближе к веселящейся молодёжи. Капа пела частушки:

*Люба, топай, Люба, топай!
На высоких каблуках,
Скоро маленький, кудрявенький
Заплачет на руках.*

Неожиданно Нинила вдруг выдернула за руку Капу из весёлого круга, потянула её к себе, потом прижучила спиной к берёзе. Песня оборвалась, прекратилась пляска.

– Ты с ума спятила, про такое поёшь?! – задышала Нинила в лицо девушки. – Ты чего Любку мою на смех выставляешь? Или мало про неё люди бают? Мол, замужняя, а мужа никто в глаза не видывал... А ты ещё тут про кудрявенького принялась! Вот это подруженька!

– Что же тут такого? – удивилась Капа. – Это частушка такая, и ни к кому она не относится. Её все знают. А про Любку никто ничего не говорит. Зря ты, тётка Нинила. Я даже напугалась, как ты меня таскала.

– Как никто не говорит про неё, когда...

– Да, никто! – перебила её Капа. – Скорей всего, сама разнесёшь по белому свету всё, что надо и не надо! Люди ни сном, ни духом ничего не знают... Не приведи Господь такую матушку иметь!

– Заподсобаливала! – раскричалась Нинила. – Про кудрявенького... А ещё Любке-то подружкой зовёшься!

Нинилу и Капу окружила толпа. Любашка сконфуженно пыталась уговорить мать, тянула её за руку.

– Пойдём, не смехи людей. Что ты опять, мама...

Нинила мгновенно переключилась на дочь:

– Уж не я ли тебе говорила, – кричала она. – Люди не оставят тебя без насмешек. Им только дайся! Вон, подруженька задушевная пропевать тебя взялась.

– Мама, – ещё сделала попытку Любашка, но, махнув на всё рукой, пошла быстрыми шагами в сторону деревни – потерянная, приниженная, обидчиво моргая повлажнёнными веками. Отворив калитку своего двора, она села на крыльцо. Мать прибежала следом, села рядом, заплакала тихо, виновато.

– Теперь расскажи мне, – дрожащим голосом проговорила Любашка. – Чего ты на Капу набросилась? За то, что она про маленького

спела? Скажу тебе так: кудрявенький, не кудрявенький, а маленький у меня будет!

– Без свадьбы? – Нинила сделала угловатые глаза.

– Мне документа достаточно. А свадьба мне не нужна... При наших-то с тобой достатках... – Любашка помолчала. – Теперь, вот о чём: если ты, мама, концерты выдавать будешь... уйду я от тебя. И люди меня за то не осудят. Приедет Костя... До того ли будет ему, израненному, больному, чтоб тещенькины причуды слушать? Пойми и запомни это.

– Ты уйдешь из родимого дома? – простонала мать. – Ради чужого человека мать родную оставить хочешь?

– Муж он мой! – отрывисто сказала дочь. – Может, уж беременная я. Пока ещё неизвестно, но всё может быть. К такой мысли привыкай.

Нинила возвела руки к небу.

– Погляди-ко, Господи, как она, доченька-то, казнит меня! – теперь Нинила говорила тихо, боясь вызвать гнев дочери. Но потом снова потеряла над собой самообладание, заговорила круто, взхлёб:

– Это она, Зинаида... Она, сухопарая бестия. Оженила вас без свадьбы.

– Опять ты, мама...

Любашка встала, пошла к воротам.

– Ты куда? – остановила её Нинила.

– К Андрею Егорову, есть разговор.

– Неча ходить, раз замужем! Соблюдай себя, как положено!

– Трудно понимать тебя, мама, – пожала плечами Любашка. – Тогда пойду, – хоть тётке Матрёне воды с речки принесу. Да поговорим с ней по-человечески.

Любашка молча пошла к калитке. Она хлопнула перед самым носом Нинилы, которая теперь уж слёзно попросила:

– Погоди, воротись!

Молча воротилась. Вопросительно посмотрела в глаза матери.

– Куды угодно улизнуть готова, только бы не остаться дома с мамкой. – Обидчиво пеняла Нинила.

– Я всё понимаю, мама, трудно тебе: ты и в поле, и в правлении, и дом наш в порядке содержишь... Съестные запасы кто лучше тебя умеет сохранить? Из любого положения можешь найти выход. Но нет в тебе доброты! Нет ни ласки от тебя, ни улыбки...

– Чему бы я заулыбалась? – растерянно развела руками Нинила. – Горе кругом, а я бы расплылась...

– Ну, пойду я к Матрёне.

– Иди, иди, умолённая моя! Да не серчай на мамку-то... Она хоть и отругает, так ведь тут же и пожалеет! – миролюбиво проворковала мать.

Завязалось воскресное утро. Любашка открыла глаза. За дверями тихонечко погромыхивала ухватами мать. Горница и постель пахли мятой. Нынче, как поняла Любашка, все эти благовония были созданы для неё, нетрудно было догадаться, как, оставшись вечером одна, мать долго думала и неумело принаравливалась – хоть как-то приблизиться душой к своей дочери. А для Любашки мать и всё, что окружало её в этом доме, было незаменимо дорого и занимало в её сердце особое место. «Всё бы оставалось так и никогда с годами не менялось! Одно печально – любимый болен!»

– Пробудилась, сердечная? – где-то совсем рядом заговорила Нинила. – Ты полежи ещё, полежи! Понежься у мамки-то.

– Полежу, – прошептала Любашка.

Нинила тихонечко вышла. Мысли дочери понеслись в город – к Косте и Зинаиде Степановне. «Спасибо ей!» – подумала с благодарностью Любашка. Это она взяла за дрожащую руку и повела к Косте в палату. Благодарна и Елене Егоровой! Не её б письмо, никогда бы я не знала, где искать его!

Теперь она вспоминала с улыбкой, как при каждом удобном случае торчала в его палате, боялась признаться. Поливала на подоконнике цветочки, а когда он пытался приподняться на локоть, пулей подлетала, помогала – молча, бессловесно.

Костя сам вызвал её на признание. Когда ему разрешили вставать, и Любашка вновь с готовностью пришла на помощь.

– Так как же зовут вас? – спросил он.

– Меня? – пробормотала она. – Люба Зайцева.

Костя помолчал, собираясь с мыслями.

– Как вы сказали?

– Люба Зайцева, – ещё тише произнесла Любашка. – Та, которой вы в Зырянку писали. – Она боялась ответа, потому скороговоркой добавила: – Зырянку-то отсюда всего сорок километров... И я пешочком пришла.

После долгого молчания он, наконец, проговорил:
 – Но ведь не тот я, каким ты меня видеть хотела... Напрасно всё это, напрасно...
 – Если бы ты знал, как я искала тебя! Не говорил бы так... А уж если нашла, то на попятную не брошусь. И никому тебя не отдам!

Нинила прервала её воспоминания, присела на край кровати:
 – Похудела ты у меня, здорова ли?
 – Здорова, – кивнула Любашка.
 – Вот, по осени картошечку с тобой продадим, плюховую жакетку справим! Там, глядишь, и война кончится. Свадебку сделаем! Что же мы без свадебки-то!

Она вызывала дочь на разговор, но та закрыла глаза.
 – Спи, моё дитяtko! Я тоже пойду, прилягу. Рано шибко встала. – Мать вздохнула, истово крестясь. – Многие нас с тобой ужалить намереваются... Всё это пережить надо! На то и живёт человек! С твоей помощью и переживём, Господи!

Нинила с трудом взобралась на полати. Тело болело, как побитое, потому всякий раз она ложилась со стоном.

Опять она ушла в свои мысли. «Перинку бы ещё хорошую Любашке прикупить да путёвые подушки... А свадебку мы всё едино справим!»

Антонина Пегушина **ВЕТКА РЯБИНЫ** *(из будущей книги)*

Суббота стояла погожая, Павел с Саней приехали из города, гостинцев нагашили, так что чаёвничать можно было всласть. Они и чаёвничали. За столом у Манефы – Седой Лунь, да Саня, да Павел, да подружки, конечно. А на столе заветный самовар, даренный, красавец писанный, да клеёнка новая, по голубому полю – маки, красота – Павел привёз.

Седой Лунь в деревне прижился, без него и стол не стол, и разговор не разговор.

А Манефа его всё Петюней зовёт, – как в детстве звали, и как её мужа, Петра доверчивого, Семёном охмурённого, величали, да сына –

в его память. Бывало, скажет: «Петюня, чайку подлить?» – и проследит от родного имени...

Так вот сидели они в мире и благолепии, как вломился Леший. Весь кедром пропах, загорелый, с ухмылочкой хитровой – вроде что-то знает, а думает – сказать ли али нет!...

Не выдержал – выгашил из кармана внутреннего брезентовой куртки деревянную ложку-поварёшку, да всю расписанную рябиной, гроздьями, листиками, хоть и поблёкшую маленько, но всё равно глаз не оторвешь.

– Угадайте, бабоньки, что это у меня? – поднял ложку высоко над столом.

– Ну, ложка! – удивилась Манефа. – Да чудная какая! Где добыл?

– Не добыл, а нашёл, – усмехнулся Леший. – А где? Да, что называется, у тебя под носом, зазнобушка-завлекашечка, – он теперь всё величал так Манефу.

– Ну, и?

– Не нукай, не запрягала! Ладно уж, расскажу. Иду я давеча около твоего бывшего амбара, чурочку мне деревянную надо было – авось найду. И гляжу – в углу около забора твоего ещё не всё барахло, что в амбаре валялось, убрано. Тряпки какие-то, и между ними – ложка. Меня как варом обдало! Ведь всё у людей погребали, поварёшку несчастную, и ту подгребли. Расписная, мол – вот, значит, какие богатеи. Я и принёс – полюбуйтесь.

И тут все увидели, как Седой Лунь побледнел вроде, и дрожит, рукой за ложкой тянется.

– Дай!

– А не дам! – дразнится Леший.

А у Луня из глаз – слёзы по щекам.

– Ты чего, старый? – всполошился Леший. – Да на, бери!

Седой Лунь прижал ложку к щеке, глаза закрыл, – молчит.

– Да что это с дедом? – встревожились бабоньки.

– А это, старая моя зазнобушка, из прошлого весточка! – всхлипнул дед. – Да что вы знаете! Вот говорите все: Ерофеев, де, богатей был, де, важный, де, всем управлял. А того не знаете, какой он человек был. Я с ним в тайге вместе с Егором, братом-покойником, да его, Ерофеева, внуком Саней, – твоим, Саня, отцом, – да с приبلудным якобы, тоже беглым, мальцом, Костей, мыкался. Так он нас жизни

учил, твой дед! Сам жизнью так был учёный, что на десятерых бы хватило.

И никакой он не Ерофеев, Верещагин он, по другой нашей линии. Когда вместе с дружкой своим – казахом Ергали из степи в наши края подался – как только добрались! – от голодухи, видать, и до Луны доберёшься. У того и другого семьи нищие, детей навалом. Терпели-терпели – один, казах который, у пьянчужки, русского художника, что тоже горе мыкал, рисовать хотел научиться, – тот что-то вроде школы до революции открыл, плату за год вперёд брал за обучение и харчи, а Егор, Верещагин, который на все руки мастер, по дереву ложки, плошки расписывает и на базаре продаёт, – все деньги мастеру, который ребятно к такому делу приспособил.

Жили-жили, робили-робили, да Егор и говорит: давай, Ергали, подадимся к России поближе, там хоть и холодно, да, может, сытнее. Наймёмся хоть пастухами, хоть кем, – проживём. А родители – поплачут, да успокоятся: всё на один рот в семье меньше.

А Ергали за ним – как телок, что Егор скажет, то – закон. И взял Егор на память с собой эту ложку – да это целая история, – вот прибыли сюда, он – к купцу Ерофееву, – да вы его знали уже стариком дряхлым, слава богу, до разрухи этой не дожил, – нанялся к нему сторожем. А тот – бездетный. Добро оставить некому. А малец и рисует, и по дереву режет, и пляшет, и поёт, и на гармони играет, и частушки сочиняет – умора. И с ним казашонок, друг закадычный, тоже расторопный, сметливый. Так купец что учудил: Егорку Верещагина усыновил, фамилию свою дал – он и стал Ерофеев, Ерофеич, а казашонка окрестил и стал тот Ергалиев. Вот такая история. Я её от самого Ерофеича и узнал.

И Лунь закрыл глаза, и ложку прижал к щеке.

– Да ты расскажи, дед! А то только раздражил, распалил, – заголосили бабы.

А Леший и вовсе – как оцепенел.

– Ну, Леший, разжигай самовар, как обещался, – велела Манефа, и «завлекалочку» свою поправила.

– Да я не пустой пришел, – выставил Леший на стол две бутылки красненького.

– А Луню Саня привёз баранки из города. Дед говорит, в детстве до разрухи они всегда чай с такими пили.

– Ну, так я пошёл разжигать по новой, – схватил Леший со стола остывший самовар. – Чур, без меня не рассказывать.

Невдолге вернулся, все чинно уселись, и завёл Лунь свой рассказ. Глаза прикрыл, будто так лучше представит всё былое, которое ведь только кажется былым, потому что оно всегда – рядом, то тут, то там сверкнёт искринка, и где кончается вчера, и где начинается сегодня, плавно перетекая в будущее, если таковое очередным вихрем не разметёт, кто скажет...

* * *

Окраина небольшого степного городка. Около арыка стоит мазаная изба, – покатая, крытая камышом, крыша, три окна смотрят на улицу, одно большое сбоку, похожее на щель, – во двор, чистый, гладкий. На нём, ближе к арыку, на четырёх кривых «ногах» – навес, под ним шесть скамеек и шесть треног, мольберты, похожие на столы.

Двенадцать мальчиков усердно что-то рисуют. Учитель указкой показывает на «натуру», полураздетого мальчика, сидящего на кошке в полуобороте к ним, сторбившись так, что видны все рёбра под тёмной кожей. От напряжения его лицо, и вся фигура являли невесёлое зрелище. Учитель строгий, подолгу не давал передышки, – до тех пор, пока не увидит на мольбертах изображение натурщика.

От усталости по лицу мальчика капались слёзы. Дети, сопя носами, старались как можно точнее переносить черты модели на бумагу – боялись учителя: не получить бы затрешины, а то ещё ненароком и выгонит.

За забором, примостившись на земле, полулёжа, измученную фигуру друга рисовал белообрый пацан лет одиннадцати, – от усердия даже кончик языка высунул. Окончил рисунок, подполз поближе к навесу, – но так, чтобы не видно было учителю, – и прошептал:

– Ергали, миленький, потерпи ещё немножко. Я уже один рубль двадцать копеек собрал. Всю ночь работал, учителю кубок и кружку сделал. Как только протрезвет, я ему подарю и за тебя заплачу.

Натурщик скосил глаза в сторону забора, глубоко вздохнул и ещё больше согнулся. От закадычного дружка Егорки он уже давно слышит, каждый день, одно и то же.

– Я тебе честно, честно говорю, деньги я уже скопил. Вот, смотри. Кончится урок – подойду к учителю.

По телу Ергали быстрой змейкой пробежала едва заметная дрожь.

– Не хочешь, ну, ладно. Подождём, когда он будет трезвый.

Учитель, шатаясь, пробирался между столами и указкой щёлкал по ребячьим головам.

– Быдло... Не могут уловить главное...

На большой доске несколькими штрихами мела он изобразил мальчика, да так выразительно! Дети в восхищении смотрели то на рисунок, то на учителя, каждый перенимал увиденное, забывалась боль и обида.

Учитель опять ушёл в себя. Он стоял, покачиваясь, и смотрел на горы, изредка по лицу его пробегала тень. Дети показывали друг другу рисунки, торопясь, жевали кусочки хлеба, которые припрятали в одежонках. Шептались разноречиво: русские и казахские слова вперемешку, но каждому было всё понятно.

Егорка увлёкся: рисовал глубоко задумавшегося старого учителя, опершегося о край стола – худой, лысоватый, с высоким лбом, с впавшими грустными глазами, устремлёнными вдаль. Казалось, он вот-вот сорвётся с места и побежит, – нет, полетит, – туда, где его сердце, но что-то ему не даёт взлететь. Впереди свет, белые шапки гор, сзади – чёрная пропасть.

...Где его сердце? Усохло. Замолкло, перестало биться вместе с кончиной любимой. Была невеста – родители вздыбились: что, за учительницу, за маляра? Да ни в жисть! И отравилась невеста. В белом платье не у алтаря встала – в гроб улеглась.

И стал художник от самого себя убежать. Только от себя куда б ни ушёл, всё на том же месте стоишь.

...Вот горы – утешение. И ещё эта мелюзга бестолковая. Рисовать захотели. А дар? Божий дар где? У кого есть, у того плакать учителю нечем. А должен он пить-есть? И – выпить. Без этого – вовсе погибель...

Но вот удар по куску железа. Перемена. Дети разом вскочили и разбежались по двору. Очнулся и учитель. Досадливо стукнув по доске указкой, побрёл в дом. Дом... Лачуга – не дом. Где никто не ждёт.

Егорка выскочил из своей засады, спрятав в холщовую сумку рисунки, подбежал к другу и стал растирать ему затекшие ноги. Ласково заглядывал в глаза, по-казахски лопотал бегло:

– Потерпи, потерпи ещё немного. Скоро ты тоже будешь рисовать. Меня хозяин опустит, обязательно опустит домой, я попрошу у мамы денег на учебу. Она добрая, она даст.

Ергали смотрел на друга понимающе. Он знал, что денег достать негде. Обе семьи – большие и бедные.

– Я, Егорка, видел, как ты рисовал. Покажи.

– Ладно. Только у меня ещё не закончено. Да и не придумал пока, каким его нарисовать, учителя. Каспыра он.

– Брось, вовсе он не каспыра. Он – хороший. А пьёт и дерётся от горя. Ему как будто голову отрубили, а он – живёт. Большой, шибко большой художник. Я чувствую.

– Нет, он каспыра, он над тобой издевается. Тебе же тяжело.

– Не тяжело. Можно терпеть. Только обидно. Они рисуют, а я нет.

– Пошли... Я покажу тебе, как они рисуют... Я всё слышал, я всё видел и нарисовал.

И тут же, забыв обо всём, ребята побежали к речушке, сели на песок и наперебой стали объяснять друг другу, как надо рисовать с природы.

Егорка согнулся в три погибели, да так, чтобы Ергали видел каждое ребрышко, каждую жилку на спине. Пока друг изображал его палочкой на сыром песке, он терпеливо наблюдал, изредка вставляя свои соображения.

Эскиз готов.

– Ты линию гор неправильно изобразил. Вот смотри на рисунок и на горы. Вон у той горы голова срубленная направо, и на шее есть яма. А у тебя она не покатая, а острая.

– Знаю, знаю, но я хочу показать, что никому не достать такой вышины: никто не долетит до неё и не долезет, сколько бы ни пылился. Круто. Понял?

– Нет. Лучше оставь такой, какая есть. Она же израненная. С неё, как с учителя, голову сняли. Смотри – даже отсюда видно, как будто кровь бежит по склону.

Помолчали.

– Ергали, ты бы хотел побывать на той горе? Посмотреть её поближе, полазить по ней?

– Нет. Не хочу. Много дней зря пропадает. Учиться надо.

Друзья, сорвавшись, помчались вдоль арыка к мастерской, где работал Егорка. Спрятав под забором сумку с рисунками, они вошли незаметно.

Мастерская похожа на сарай. Кругом полно стружек. С одной стороны поленицей лежат чурбаны. С другой – на сколоченных досках стоят выточенные кружки, кувшины, тарелки.

У окна несколько парней и девок, от малолеток до подростков, раскрашивают изделия. У станка – мастер, выгачивает очередную тарелку. Увидев Егорку, не останавливая станка, кричит:

– Где так долго шлялся? Я же тебе наказывал, как продашь – сразу домой. Опять к учителю бегал. Лучше бы ложки красил. Я тя прочу, пострел.

В момент преобразившись, Егорка принялся рассказывать, как трудно было сегодня продавать ложки и солонки, свистульки и игрушки. Он описывал каждого покупателя так, что мастер остановил станок, перестали работать и подмастерья.

– Ты знаешь, мастер, подошла такая краля-фуфу, взяла ложку и говорит: люди, мол, добрые, что это за работа, мазня какая-то, а деньги вон какие просят, я двух гривенников не дам.

Он изобразил «кralю», взяв в руки стружку, в такой позе и с таким выражением лица, что всем на минуту показалось, будто это и не Егор вовсе, а разборчивая и капризная покупательница.

– «Дура, что ты понимаешь в дереве!» – сказал я ей.

Схватив первую попавшуюся ложку, Егор стал горячо доказывать мифической привередливой даме, в существование которой все поверили безоговорочно, в чём прелесть резьбы, притягательная сила ручной росписи. Да так распалился, что чуть не съездил Ергали ложкой по лицу, но тот вовремя отскочил в сторону.

Представление продолжалось.

– А я ей говорю, – давайте, сколько можете. Она мне восьмой гривенник и отвалила, а я ей – ложку подаю.

Он прошёлся фраером по мастерской, и так подал ложку мастеру, словно букет цветов. Все захохотали.

– Тыфу ты! Ну так отвалила гривенник-то?

– А куда ж бы она делась? А потом другие дамочки появились, разобрали ложки и солонки.

– Да ну, ты все продал?

– Ага! Все, кроме одной. Первая дамочка вернулась и говорит: «Вишь, как я тебе продать подсобила! У меня рука лёгкая. Давай мне за это бакшиш», я ей и отдал солонку.

– Бог с ней, с солонкой. Я бы и литруху поставить не пожалел. Давай деньги.

Егорка заковыристо вывернул карманы и с глубоким реверансом высыпал мелочь в фартук хозяина.

– Про гривенники стрекотал, а одну медь высыпал, – ворчал мастер. – Чего уставились? – заорал он на ребят. – Зады зря просиживаете. Вот он и норму выполняет, да ишо и продавать успевает. На тебе за работу, леденцов купишь, – и кинул Егорке грош. Но тот не торопился протягивать руку.

– Мало тебе, что ли? Ладно уж, бери ещё пятак – по миру скоро пошлётё, дармоеды.

Егор схватил монетку на лету.

– Айда, Ергали, пока лавку не закрыли, купим себе и ребятам пожрать...

– Егорка, а ты правда подарил солонку крале?

– Не было никакой крали. Это я выдумал.

– А деньги где взял? И как ты мне место в школе купишь?

Егор промолчал.

И вдруг Ергали догадался:

– Я не пойду учиться на ворованные деньги! Мне таких денег не надо.

– Дурак... Кто делает всё? Мы с ребятами. Много нам мастер платит? Я двойную работу роблю, а мне за это – шиш. Он знаешь кто: эксплитатор, – запинаясь и коверкая слово, выговорил Егорка.

– Кто-о-о?

– Ну, вроде как паук-кровосос.

– А-а-а. Понятно. Вор, да?

– Ага! Вор, вор.

– И ты тоже вор.

– Я?? Ты что, очумел от жары? Я же своё кровное продаю. Ночами рисую. Ладно, пошли, а то останутся ребята голодными...

Лавка под навесом – рядом, метрах в десяти-пятнадцати находились печи, женщины пекарничали. Хозяин сидел на небольшом коврикe, скрестив ноги, и, не поднимаясь, одной рукой брал у покупателя деньги, а другой подавал лепёшки, свежие, ещё не остывшие.

– А... Скоморох пришёл за лепёшками. Опять на пятак? Да, больше вам мастер не даёт, боится, что зажиреете. Ну, покажи, кто у тебя завтра будет товар покупать.

Егорка не заставил себя ждать.

– Садись, Ергали, сюда, ты ложки продаёшь, а я покупаю.

Вдруг Егорка, непонятно как, стал таким пузатым, пучеглазым, щёки надутые, волосы дыбом! Кряхтя, подошёл к Ергали:

– Ты что за ерунду продаёшь? Кому нужны эти ложки? Лучше бы баран шёл пасти, всё польза бы была. Мы и руками хорошо едим!

Егорка показал, как покупатель ест: будто бы хватает щепотью куски бешбармака, руки в жиру до самого локтя, облизал пальцы и цокнул языком:

– Я за ложки и гроша не дам. Вот рази большой тарелка возьму. Сколько просишь?

Ергали ответил:

– Мало беру. Три гривенника.

– Ишь. Сколько грабануть захотел. Три пятака дам – и делу конец.

Он сердито бросил воображаемые пятаки на землю и вырвал из рук у Ергали тарелку. Повернулся, злой и надутый, – и был таков. Все хохотали до слёз. Лавочник хватался руками то за голову, то за сердце. Охал, кряхтел, вытирал слёзы.

– Ну и артист. Вот потешил. Я сижу тут целый день, как пень. Скучно, никакого просвета. Гуля, кызым, брось-ка сюда горячую лепёшку... да чаю налей, пусть поест.

Гуля принесла лепёшку, пиалу душистого чая, украдкой сунула в руку Егорки кусочек сахара.

– Ну и стервец, ловко показал. Прямо вылитый наш бай, и где только ты его подсмотрел. Увидит, – убьёт тебя.

Поблагодарив хозяина, ребята помчались в мастерскую. Егор отломил кусок лепёшки, протянул другу.

– Это тебе на утро. Бери, а то солнце голодного сморит.

– А ты как?

– Я ж в тени лежу, и вода рядом, попить могу.

Егор откусил от кусочка сахара, другую половину предложил Ергали.

– На ночь с водой выпьешь. Сон сладкий увидишь.

И они расстались.

Егорка – в мастерскую. Ночь летняя короткая. Надо хоть немного поспать – и за работу...

Ергали ушёл в школу, там его уже никто не ждал. Учитель спал на топчане, сторож, старый бездомный казах, дремал под навесом.

Ергали тихо подошёл к нему, тронул за плечо. Тот очнулся, улыбнулся мальчику.

– На, поешь, я сейчас воды принесу.

Старик дрожащей рукой взял лепёшку и маленький кусочек сахара, обсосанный со всех сторон, сунул в беззубый рот и замер, наслаждаясь, и как бы опасаясь, что сладкий комочек растает слишком быстро. Макая лепёшку в воду, старик помаленьку надкусывает её губами и долго, долго жуёт...

Оба молчали. Старик задремал. Голова упала на грудь, руки беспомощно легли на колени, только спина оставалась прямой, но, казалось, вот-вот и она под бременем лет, одиночества и тоски сломается.

Мальчик встал, тихо взял доску и уголь, начал рисовать...

Постепенно штрихи превратились в очертания человека... а вот и дед. Но он какой-то другой – в нём больше уверенности, а, может, надежды на лучшую долю. Мальчик увлёкся.

– Хорошо получается. Молодец. Мысль есть! Есть, – и большая. Художник из тебя получится!

Сзади стоял учитель. Он был ещё пьян, и только проснулся, – наверное, болеет с похмелья.

– Принеси воды и налей мне на голову. Понял? Дуй, давай.

Ергали схватил ведро и – бегом к арыку. Сердце было готово вырваться из груди от испуга и радости. Он мигом вернулся, окатил водой учителя, тот отфыркался, пришёл в себя.

– Рисовать я тебе запрещаю. Ты натурщик. Понял? Пока твои родители не заплачут за год вперёд за учёбу и харчи, не смей рисовать.

– Спасибо, учитель.

– Спа-си-бо, – передразнил он мальчика, – за что спасибо? Вот тут неправильно линия у тебя идёт, видишь? И старик у тебя уж больно счастливый и радостный получился, – он захохотал. – Это ты так ему как бы добра желаешь, хоть и малая козявка ещё, а соображаешь... Смотри, Касым, – толкнул он старика. – Малец светлое будущее тебе пророчит. А где оно, кто его видел? А? Ты видел, старик?

– Нет.

– И я не видел. Ничего не видели мы с тобой. Ты вот уж почти ослеп, рисовать не можешь. Что будет, если и я ослепну? Умирать будем, а?

– А ты не пей, Стёп, отдохни хоть недельку, руки не будут дрожать, опять станешь рисовать...

– Ладно! – он сел рядом со стариком, обхватил голову руками и про себя замычал что-то, длинное и печальное. Мальчику хотелось их чем-то успокоить, да чем?...

От тяжёлого дня и еды клонило ко сну. Он свернулся клубочком, примостился под навесом, и уснул.

Вскоре утро холодной туманной сыростью прошло по шуплому тельцу, по лицу – Ергали открыл глаза, поёжился и встал на ноги. Разжёл под треногой огонь, поставил казан, налил воды. Сухие ветки горели, потрескивая. Он вспомнил вдруг о доске, принёс рисунок.

– Плохо, очень плохо, – говорил сам с собой в полголоса. – Разве так рисуют? Егорка сделал бы по-другому.

Воспоминания о друге увели мысли в сторону. Что же он сейчас рисует? А, может, спит?

Представил, как Егорка в мастерской, у окна, склонившись над резной ложкой, старательно выводит карандашом разлапистую веточку рябины, небрежно разбросавшую листочки-пальчики с гроздью ягод.

– Живая, чисто живая, – приговаривал Егор. – А сейчас ты заиграешь всеми красками. Вот так, милая, я тебе пальчики подкрашу, чтобы жилочки все были видны, а ноготки чуть потемней сделаем. И рученьку твою подрисуем. Видишь, как я аккуратно бугорки и ямочки прописал, а сейчас осторожненько ягодки положу, – он обмакнул кисть в оранжевую краску и, высунув язык, стал прилежно раскрашивать их.

– Ну, вот, уважил я вас.

Егор отодвинул руку подальше и придирчиво рассматривал узор, потом взялся за вторую поделку – большую поварёшку. Он долго крутил её в руках, мысленно создавая рисунок «с особинкой». Вот так, увлечённо работая и разговаривая сам с собою, он не слышал, как пропел первый петух, как замычали коровы и заблеяли овцы, он жил в ином мире – мире красоты и мастеровитости.

Голос хозяина вернул его в настоящее, к нищете и грубости. Откуда берётся у мальчугана столько энергии и юмора, чтобы относиться ко всему с лёгкостью, находить выход из любого положения?

– Ну что, дрыхало? Открыл зенки свои? Не приходи я, всё бы ещё спал?

– Нет, что вы, я работал, вот, поглядите, поварёшка ещё не высохла.

– Иди рожу умой, перекрестись, чтоб день хороший был, сегодня надо всё продать.

Егорка умылся у арыка, потом, сбросив с себя всё, лёг прямо в воду. Холодно. Егорка пулей выскочил, влез в штаны, побегал по траве, кувыркнулся. Пора за работу: мешок с ложками, солонками, свистульками уже ждал его на верстаке...

* * *

Все слушали молча.

– Оханьки, ох! – вздохнула Манефа, ласково взглянув на Седого Луня. – Хорошо рассказываешь, как книжку пишешь. Да ты грамотный ли?

– Я за три года, что в избёнке Ерофеича жил, столько от него наслушался, что на десять книг хватит. А читать и писать я тоже у него поднатерел. Он, когда рассказывал, словно по писанному читал. Вот его голодрань в селе и не любила. Важный, мол, да не по-нашему говорит. А у него и было всё не по-нашему. Помните избу его? Наличники, ворота – всё резьбой изукрашено, да ещё и красками расписано. Святой был человек и рукастый. И каждому – в помощь.

– Да уже этого не отнимешь! – вздохнули подружки. – Как он Ергалиева этого, нехристя, пригрел. Всю жизнь опекал. Сам пузатый стал, а Ергалиев – как жердь. Видно, от зависти. Добро никому не прощает. Что, весело ему было глядеть, как у Ерофеича всё спорится, а он сам всё в приказчиках... у него аж глаза жёлтые были от зависти. А мальцом ведь был жалостливый, поделчивый, вон что жизнь с человеком делает...

– То-то Сёмка-гармонист его первого и охмурил, как заварушка началась – «Чего, мол, тут не видел? Как твой дружок-кровосос богатеет? Ехал бы к себе в степь, людям бы объяснял, что почём. Небось, учителя рисования, блаженного того, не забыл? Блаженный-то блаженный, а рисовать тебе не давал, пока за год вперёд не уплатят родичи. Поди, померли давно родичи», – так он Ергалиева зудил

и зудил, пока тот не сдался, и, с загадычным бывшим дружкой не простившись, сгинул.

– А люди потом из степи писали, что его, Ергалиева этого, куда-то на стройку отправили, аж в самую Сибирь, и что там казахи от голодухи детей собственных ели. Художником мечтал стать, а людоедом помер. И всё – от зависти.

– Ну, не уехал бы в степь, – вздохнул Лунь, – так вместе с Ерофеевым взяли бы. Уж тому его мастеровитости не простили бы ни в жисть.

– Ну так выкрутился же – чуть не до ста лет прожил в тайге!

– Сравнили! Он же артист был! Кем хочешь прикинешься, кого хочешь обведёт. Богатство – оно тоже само не приходит, за богатство надо ох как покорячится, – рассердился Лунь. – Маленьким был, за двух робил, за себя и за дружка своего, Ергалиева. Да какой он Ергалиев! Этого дружка когда окрестили, он фамилию себе такую придумал. А то, когда в Верещагинском доме рос, Ергошка был, да Ергошка...

– Знаете, что я скажу, народ? – вскинулся Леший. – Они ещё когда мальцами были, Егорка и рисовал, и мастерил, и торговал, и на дружка корм-пропитание добывал, а Ергошка всё только хотел, да не мог. Кишка тонка. Не было дара у него, а зависть была. Потому за Егором и увязался, знал, что без него пропадёт. Хотя житуха была – не позавидуешь. Нищий нищего – по миру пускал. Может, и в Ергошке искра какая была. Вон, люди рассказывают, он, например, учителя того горемычного жалел. Потом подрос – как волк стал. В общем, так: одни натурщиками рождаются, тужатся, пыжатся – рисовать хотят, а не могут. А другие – с искрой божьей в мир приходят, всё умеют, всё спорится – да жизни нет. А всё зависть. У «натурщиков» аж глаза желтеют, что умели – то забыли, а мастеров она же, лиходейка людская, к земле клонит, пока в землю не вгонит. Хорошо, Ерофеич не той масти был – этот хоть что перетерпит, выпрямится и век проживет!

– Наливай, Манефа, самовар стынет. Помянем ребятенков тех, что волками ещё не сделались, хоть чайком, что ли... – попросил Лунь. – А я до скончания века Ерофеева добром помнить буду. Он мне, можно сказать, на многое в жизни глаза открыл. И наказал – вот никогда не забуду! – людям мастеровитость и усердие до доньшка не показывать – никого не порадуешь, а врагов завидующих наживёшь, на два века хватит...

Роман с продолжением

Николай и Светлана Пономаревы

ГОРОД БЕЗ ВОЙНЫ

Роман

(Продолжение. Начало см. «ГС» №№3-6)

12

Сидеть на асфальте, несмотря на холод, шедший из его глубин, хотелось бесконечно. Пусть идёт время, пусть что-то происходит вокруг, пусть начнётся война, бомбёжка, землетрясение – он не встанет. Потому что так жить нельзя. Должно быть что-то, чего человек не должен делать ни при каких условиях. А если делает – он не человек...

– Саша, это ты? – послышался вдруг знакомый голос.

Сашка испуганно поднял голову. И увидел над собой удивлённое девичье лицо с жёлто-зелёными глазами и редкими веснушками.

– Катя, – сказал он.

Это было как будто сотню лет назад. Вспомнился Корпус. Экскурсия старших гимназических классов к кадетам первого года обучения: какие-то полудетские конкурсы, показательные стрельбы, вечером – танцы. Катя Краева. Дочь капитана Краева. Бант в длинной косе, глупое хихиканье с подружками и упорные, замороженные взгляды на Сашку. На танцах, когда девочки приглашали, она сунулась было к Сашке, но он разгадал её намерения и поспешно удрал из зала на улицу. Потом Катя стала по поводу и без приходить к отцу на работу. Вдруг оказалось, что у неё проблемы с правописанием, а она собиралась поступать в университет. Краев попросил Сашку вечером помочь Кате разобраться с какими-то правилами. Они сидели в пустом полутёмном классе: Катя и Сашка с учебником, а через две парты, улегшись на скамеечку, дремал Илья, без которого Сашка уже никуда не ходил. У Сашки от общения с Катей осталось впечатление, что не правописание её занимает, а он сам, и огромное чувство неловкости, потому что как общаться с девушками, он не знал. Но всё это было давно, и уже месяц он Катю не видел. И не должен был видеть никогда. Когда ты не из гвардейского Корпуса, когда ты голоден, грязен и разбит, нормальным девушкам незачем с тобой общаться.

Искусство романиста заключается в том, чтобы из короткой истории сделать длинную.

Феликс Поллак

– Я видела, как ты под машину попал, – сказала Катя. – Сильно ушибся?

– Нет, не сильно, – буркнул Сашка.

– Не ври, – она вытащила из кармана платок, – на, а то у тебя кровь носом идёт. И вообще, в случае аварии у человека шок бывает. И он тогда даже с переломами может некоторое время ходить. Ты уверен, что у тебя ничего не сломано?

Сашка был не уверен. Он молча взял платок и приложил к носу.

– Пойдём ко мне, я недалеко живу, – лицо у Кати стало решительным. – Там и разберёшься, что с тобой.

– Катя, я не могу к тебе пойти. Понимаешь...

– Да всё я понимаю. Папа про тебя дома рассказывал. Тебя выгнали из Корпуса. Все подумали, что ты в Бельск хотел убежать.

– Хотел, – Сашка усмехнулся, – а ещё я хотел весь город отравить, а из центра сделать южные развалины. А ещё...

– Саша, – прервала его Катя, – успокойся, пожалуйста. Я не верю, что ты мог предать город. Мне папа всё рассказал. Это всё твой друг виноват, Илья. Мне он, кстати, никогда не нравился, – Катя протянула ему руку. – Пойдём, сейчас у меня дома никого нет. Мама на дежурстве в поликлинике, а папа в части. Придёт поздно. Пошли, не бойся.

Сашка вздохнул и, проигнорировав протянутую руку, поднялся сам.

– Телефон у тебя есть? – делать у Кати ему было нечего, но от неё можно было позвонить домой.

– Да, идём, – подбодрила его Катя.

Он пошёл за ней, стараясь не очень хромать, и придерживая одной рукой окровавленный платок, а другой рёбра.

– А где ты сейчас устроился? – спросила Катя.

– В танковом училище, – соврал Сашка.

– Да-а? – Катя с сомнением покачала головой. – А чего ты без формы и одежда у тебя дымом пахнет?

– В самоволку ушёл. Надел, что подвернулось, – Сашка разозлился. – И вообще, я к тебе домой не просился. Не веришь – не веди.

– Ладно, ладно, – заторопилась Катя, – подумаешь, обиделся сразу.

Они шли по длинной улице, названия которой Сашка не мог вспомнить, хотя бывал здесь. Просто было это давно, а, может, и

вовсе не было. Не было у него никакого дома, никакого Корпуса, а девочка эта, что идёт рядом, ошиблась и приняла его за другого.

Катя, между тем, всё время говорила, взволнованно всплёскивая руками:

– А папа долго переживал свой перевод, даже сейчас ещё переживает. Только он нам ничего не говорит, но я вижу, он сам не свой. Пятнадцать лет в Корпусе служил, а его выгнали. Ведь он не виноват! Получается какая-то несправедливость. А ещё он о тебе вспоминал. Жалеет, что так получилось. Хотел даже место тебе подыскать, но друзей у него теперь почти не стало. А это ему очень обидно!

Сашка кивал, поддакивал и даже пытался улыбнуться.

– Пришли, – наконец сказала Катя.

Сашка осмотрелся: они оказались на улице, застроенной красными двухквартирными домами. Катя открыла калитку у одного из них.

– Заходи.

Сашка прошёл в комнату через крохотную полутёмную прихожую. Комната оказалась длинной и мрачноватой. Может быть, из-за тёмно-коричневых обоев, может, из-за тяжёлых штор на окнах. А может, просто день такой был: хмурый и неясный. ... Стояли в комнате диван, кресло, низкий столик с разбросанными по нему газетами и шкаф. Ещё из комнаты вели три облупившиеся двери. Две из них были приоткрыты, и Сашка увидел кусочек кафельного пола в ванной и книжные полки от стены до стены в другой комнате. В кухню вела полукруглая арка. Над аркой болтался мохнатый помпончик на верёвочке.

– Это Кузька, домовёнок, – объяснила Катя, проследив Сашкин взгляд. Она подошла к помпончику и повернула его: к серой шёрстке были пришиты пуговицы-глаза, – он приносит удачу. Ты давай, заходи.

Сашка разулся, и боком, стараясь, чтобы не видно было дырок на носках, приблизился к дивану. Над ним висела картина – нарисованный масляными красками гвардейский Корпус, и несколько фотографий. Одна из них Сашке была знакома: Краев в аудитории Корпуса. Снимали совсем недавно.

– А это кто? – спросил Сашка, увидев фото незнакомого молодого человека в форме парадной роты.

– Это мой брат, – Катя вздохнула, – только он погиб пять лет назад. Его как тебя, Сашей звали. ... А я уже на курсы хожу при университете.

Чтобы уж точно на тот год поступить. Только папа меня всё на факультет права отправляет, а мама на медицинский. А я не хочу. Хочу на естественный. У меня и подруга там есть. Они сейчас крыс разводят. Ты видел крыс? Они такие животные забавные! Человека совсем не боятся. Слушай, а ты чего в университет не поступишь? Ты ведь так хорошо учился.

– Я поступлю, – сказал Сашка, не сводя взгляд с погибшего сына Краева. – Потом.

– Поступай на философа, – предложила Катя. – Самый интересный факультет. Я бы сама пошла, но туда оценки все отличные нужны. У меня там тоже знакомый учится. Он мне на день рождения книгу редкую подарил. Представляешь, ещё довоенную. Библия называется. Там такие имена смешные! Навуходоносор, например. Ха-ха.

– Да, очень смешные, – подтвердил Сашка.

– Ну ладно, – Катя показала ему в сторону ванной, – ты сходи, посмотри, что у тебя там ушиблено и помойся заодно. А то мало ли, заражение какое-нибудь. Я тебе полотенце дам.

Сашка взял полотенце и покорно поплёлся в ванную.

В ванной его поразило огромное зеркало во всю стену. Он включил воду и стал медленно раздеваться. Больше всего он боялся увидеть себя после стольких приключений. Под рёбрами действительно был большой кровоподтёк, да ещё синяки на руках и ногах не то от драки с Женькой, не то от мешков, которые они грузили у падальщиков. Но страшнее всего было лицо. Сашка выглядел ничуть не лучше Витки Шиза: те же ввалившиеся щёки и круги под глазами. Да ещё из носа течёт. Увидев себя со стороны, он удивился, как Катя вообще не побоялась вести его домой... Тёплая вода уже наполнила ванну до краёв – Сашка погрузился в неё и закрыл глаза. Ему казалось, что он уже много лет не был в тепле... Время шло, а он всё лежал и грелся.

– Ты скоро? – крикнула из-за двери Катя. – Ты там живой?

– Живой, – нехотя отозвался он.

– Ну, давай быстрее, я уже чай приготовила!

Сашка выдернул пробку и мрачно смотрел, как убывает вода, серая от грязи. Потом он долго стоял под душем, думая, как всё странно. Выходит, Краев всё-таки не поверил в то, что Сашка предатель. А как тогда с Ильёй? В то, что предал Илья, поверили все.

А может, всё-таки это неправда, и Илья погиб в буре, не собираясь бежать в Бельск...

– Наконец-то, – Катя сидела на диване перед маленьким столиком и прихлёбывала чай. – Я думала, ты там жить останешься. Садись, ешь. Я тебе хлеб маслом намазала. А хочешь колбасы? Представляешь, в семь часов пошла за колбасой, три часа стояла и мне последней досталась. А если бы после вышла, уже бы и не досталось. Раньше папе в Корпусе выдавали паёк, а там всё было. И колбаса, и соевое масло, и жир. А теперь стало сложно – платят только деньгами...

– Я колбасу не люблю, – соврал Сашка и взял хлеб.

Он изо всех сил старался есть не торопясь, но ничего не получилось. Катя дала ему второй бутерброд, потом третий:

– Ты, Саша, не обижайся, но вид у тебя всё-таки какой-то беспризорный. Вас что, в танковом училище совсем не кормят?

Сашка чуть не подавился:

– Я болел просто.

– А в самоволку зачем побежал?

– К маме, – Сашка отвёл глаза, – она всё с сердцем мается, ей надо меня видеть почаще...

– Ну и отпросился бы у своего начальства. Что они там у вас, звери, что ли? Отпустили бы! – Катя подозрительно прищурилась. – Мне один знакомый сказал, что из любой ситуации можно разумный выход найти. Нужно только хорошо подумать.

– Может быть, – Сашка вздохнул.

– А мы недавно строение головного мозга проходили... – Катя принялась разьяснять Сашке особенности строения мозга. Сашке стало тоскливо. Конечно, Катя над ним не насмеялась. Но почему-то говорила только на темы, которые Сашку задевали. Прострелил голову парню, ел крыс... И если бы Катя знала, кто он на самом деле и сколько зла сделал, никогда не стала бы общаться. Прошла бы мимо, старательно отворачиваясь. И все люди: и в магазине, и на улице отвернулись бы. И мама. Что бы она сказала? Сашка поёжился. И делать у Кати ему нечего. Нужно бежать, сейчас же... Только вот бежать не было сил. Сашка вдруг почувствовал себя таким слабым, что встать со стула самостоятельно, пожалуй, сейчас не смог бы. Бутерброды и чай сделали своё дело, подарив ощущение сытости, безразличности. Ничего делать, говорить, думать больше не хотелось. Нужно

было бежать, а хотелось остаться подольше, нужно было говорить правду, а хотелось лгать, нужно было вслушиваться, а слух атрофировался...

– Тебе плохо? – спросила Катя, прервав свой монолог. – Ложись-ка на диван. Вдруг у тебя какое-нибудь сотрясение мозга.

Какое-нибудь... Самое настоящее. Иначе объяснить всё происходящее вокруг невозможно. У него сотрясение ещё с бури в степи, и всё остальное он набредил... Сашка устроился на удобном диване, свернувшись комочком. Катя подкатила кресло и села рядом. «Кресло на колёсиках... – лениво подумал Сашка. – У нас тоже такое было. Давно. И я на нём катался, пока от колёсиков ничего не осталось. А ещё папа хотел купить дом. Купить дом и родить ещё одного ребёнка. То есть ребёнка мама хотела. Девочку. Она бы выросла и стала как Катя, а я бы стал офицером...» Сашка задремал, а проснулся, когда вновь услышал Катин голос.

– Смешно, – сказала Катя, – а ты мне нравился больше всех в Корпусе. Ты такой был... Не как все кадеты. А помнишь, ты мне стихи читал из учебника. Здорово читал. Помнишь?

Сашка пожал плечами:

– Стихи – ерунда. Их я сейчас ещё лучше читать могу. Хочешь?

Катя кивнула. Сашка помолчал минуту и на языке пустынников прочитал стихотворение, смысл которого заключался в том, что маленькая мышка радовалась жизни, потом её съел коршун и тоже радовался. Так чья же радость справедливее?

– Это про любовь? – спросила Катя, когда Сашка замолчал.

– Про любовь к естественному факультету университета.

– Ты вырос, – сказала Катя задумчиво. – Какой-то взрослый стал...

А про Бельск – это ведь неправда? Я папе верю, но лучше ты мне скажи!

– Конечно, неправда.

– Тогда надо было объяснять. Надо было доказать, что ты прав, – глаза у Кати заблестели. – Если человек прав, он всегда это доказать может. Надо только постараться.

– А папа твой почему доказать не смог? – оборвал её Сашка.

– Ах да, папа, – глаза погасли, Катя отвернулась.

– Мне надо позвонить.

– Звони. Телефон в прихожей.

Он вышел в прихожую, снял трубку, помедлил, и стал набирать свой номер:

– Дядя Витя, это я, Саша, – заговорил он бодрим голосом, как только на том конце ответили. – У меня всё хорошо, я как-нибудь заеду к маме. Передайте ей, ладно?

– Саша, ты откуда звонишь? – спросил дядя Витя серьёзно.

– Из Корпуса.

– Ты должен сегодня приехать домой, слышишь?

– Сегодня? – Сашка растерянно помолчал. – Но я не могу.

– Парень, не дури! Все уже знают, что ты не в Корпусе. Тебя, между прочим, полиция ищет. Так что давай бегом домой.

Сашка испуганно повесил трубку. Сердце колотилось как сумасшедшее. Значит, мама всё знает! Значит, ей кто-то рассказал. А она подумала, что он потерялся и заявила в розыск... Стало страшно, а потом сразу очень легко: теперь не придётся идти в развалины. То есть придётся, но только для того, чтобы сдать форму и удостоверение. И попрощаться с Кешей. А потом можно будет спокойно вернуться домой. Опять всё хорошо! Он опять станет прежним, будет жить нормальной человеческой жизнью и ему никогда не придётся воровать. А мама его простит. Конечно, простит... Вернувшись в комнату, Сашка понял, что тупо улыбается.

– Чего сияешь? – подозрительно спросила Катя.

– Я выбрался из такого дерьма, – на языке пустынников ответил он, и добавил: – Мне так повезло!

– Видно, тебя всё-таки сильно машиной ударило. Ты себя странно ведёшь. Тебе нужно к врачу обязательно.

– К врачу? – он начал было смеяться, но вдруг перед глазами встал бьющийся в судорогах Хнык, Витька с его бредом, другие ребята из бригады, а главное – тот, убитый им месяц назад. Сашка бегом понёсся в туалет. Приступ рвоты мучил долго, потом он упал на пол и заплакал. «Мама, ты думаешь, что всё знаешь...» – подумалось с горечью. Солёные слезы капали на голубой кафель, и Сашка видел всё, как сквозь увеличительное стекло: – Мама, ты, конечно, волнуешься, напридумывала себе, что со мной могло случиться. Но представить, где я был на самом деле, ты не сможешь никогда... Он встал, умылся и осторожно приоткрыл дверь. Катя стояла рядом.

– Тошнит? – заговорила она. – Это у тебя точно сотрясение. Я знаю, сама в детстве с турника падала – рвало жутко. Давай ты хотя бы дождёшься маму. Она всё-таки медик.

– Лучше бы меня пришибло насмерть, – грубо отозвался Сашка. – А ждать мне некогда.

В тягостном молчании он натянул куртку. А потом Катя сказала:

– Ты приходи, как захочешь.

– Если получится, – Сашка взялся за тяжелую металлическую ручку. – До свидания.

Он вышел на улицу и шёл, стараясь не оглядываться, хотя почти физически чувствовал, что Катя стоит на крыльце и смотрит ему вслед. Наивная, добрая девчонка. «Ты видел крыс? – он усмехнулся. – Варёных или жареных?»...

Идти обратно в развалины совершенно не хотелось. Тем более дом был так близко. Стоило, наверное, просто пойти домой. Пусть Кеша разбирается с его формой. Но... шаг в сторону дома, и Сашку накрыла ледяная волна страха. Уверенность, что мама простит, вдруг пропала. А что если начнёт упрекать или тяготиться им, предателем? Да и даже если простит, что делать дальше? Устраиваться уборщиком в её школу?

Сашка шагал в сторону оцепления. Нет, надо успокоиться, привыкнуть к тому, что придётся вернуться домой... Ближе к первому кордону Сашка остановился. Здесь могли стрелять. Все мысли сразу вылетели из головы. Осталась основная: как пробраться живым. На удивление, было тихо и даже фигур в мышинной форме нигде не было видно. Сашка пролез через колючку... Ни здесь, ни южнее ему так никто и не встретился.

В их комнате вкусно пахло, а Кеша помешивал в кастрюльке какое-то варево.

– Ты где там застрял? Я тебя, между прочим, полчаса по городу искал. Думал, ты потом без меня оцепление не обойдёшь. А вернулся, оказывается, его сняли.

– Я девчонку знакомую встретил, – Сашка подвинулся ближе к огню. – Кеша, я домой ухожу.

– Совсем? – ничуть не удивился Кеша.

– Совсем.

– Ну, всего хорошего. А всё-таки, это тебя твоя девица надоумила?

– Нет, я сам.

Кеша лёг на свою постель:

– Ну, ты сегодня, надеюсь, не попрёшься? Автобус ещё не ходит.

– Сегодня не попрусь.

Потом Кеша рассказывал, как сначала искал Сашку, а потом решил идти домой. Украденные деньги он потратил на ампулы для Хныка и большой куль перловой крупы.

– Тащил и радовался, – рассказывал Кеша, – а пришёл, оказывается, пайки выдали. Мы их ещё долго наверх заносили. Видел в комнате у Олега с Хныком нишу в стене? Там раньше кладовка была, и сейчас кладовка, только дверь мы прочную навесили, и замок там теперь хороший, а то мало ли – растащат только так!

Сашка думал, что Кеша уже забыл о многодневном голоде и радуется жизни, как всегда.

– Ох, и житуха теперь пойдёт, – мечтал тот. – Ты, конечно, уже дома будешь. Оставь адрес, кстати, может, зайду.

В большой комнате стоял шум и гам – туда набилось человек пятнадцать из нескольких бригад. Спорили, курили, матерились. Пьяный Лёва уже валялся под столом. Несколько других парней тоже выпивали.

– Чего сидите там, как отбросы, – со смехом кричал Хнык Сашке с Кешей, – айда в карты играть!

– Неохота смотреть, как водку жрут, – отмахнулся Кеша. – Я трезвенник. Давай, Санёк, тут по-тихому смахнёмся на марку?

– Я не умею, – признался Сашка.

– В карты не умеешь? – Хнык из коридорчика ввалился в их комнату и разглядывал Сашку, как невиданное животное. – Правда, не гонишь?

– Не гоню, – Сашке стало неловко. – Ну не умею, что здесь такого?

– Он у нас правильный, – объяснил Кеша, – он не пьёт, не курит, в карты не играет и к девушкам не пристаёт. И красть ему стыдно.

– А мне не стыдно, – простодушно сказал Хнык и вдруг достал из кармана горсть слипшихся карамелек. – Вот, украл. Хотите?

– Жри сам, диабет зарабатывай! – засмеялся Кеша.

– А что такое диабет? – Хнык опасно посмотрел на карамельки.

– Страшная болезнь это! Весь язвами покроешься и сдохнешь, как собака. Такое часто от ворованных конфет случается.

– Ты врешь, – решил Хнык и сунул конфеты в рот. – От жвачки недохнут, дохнут с голоду.

– Вот и я так решил, – вспоминал Кеша. – Мне мама говорила: не воруй конфеты, это плохо. А кому плохо? Мне от этого только хорошо было.

Они молчали, пока прожевавший конфеты Хнык не спросил:

– А ты, Саша, правда, ещё не того, ну с бабой...

Сашка посмотрел на Хныка круглыми глазами. Только таких разговоров ему и не хватало!

– Пошёл вон, урод, – расхохотался Кеша. – Пни его, Сашка, а то он тебе такого наплетёт про свои подвиги! Ему бы книжки писать – врёт, как жрёт!

Буйство в квартире продолжалось почти до самого утра – Сашка слышал пьяные голоса, короткие драки, смех. Потом все уснули кто где, и он тоже смог закрыть глаза.

13

Утром Кеша разбудил Сашку, немилосердно дёргая его за воротник:

– Вставай, задрюга! Общий сбор объявили, наверное, боёвка будет!

– Какая боёвка, мне же домой...

– Скорее, Олег разберётся, кому куда, – Кеша натянул форму и стал какой-то взрослый и непривычный. – Шевелись, разлётся, как трупак!

Сашка тоже напялил форму и сунулся в комнату Олега. Тот доставал из ящика стола какие-то списки.

– Олег, я сегодня домой собирался!

– Домой? – Олег подумал. – Я на тебя пайку на месяц получил. Так что сегодня тебе надо присутствовать. А когда эта ерунда закончится, сразу и уйдёшь. Только ты на боёвке не сильно высовывайся, а то ещё пристрелят напоследок.

Сашка хотел что-то сказать, но понял, что бесполезно...

– Бежим на запад, – объяснил по дороге Кеша, – помнишь, я тебе говорил: там немного места расчищено, типа плаца и дорога есть. Туда кондоры на тачках могут подъехать. Сейчас получим задание и оружие. Если хорошая боёвка, денег не хило дают, может, даже по сотне на брата!

Площадка когда-то была широкой дорогой, возле неё сохранилось несколько кирпичных трёхэтажек, одна из которых была выкрашена в чёрный цвет. На табличке у входа золотой краской было выведено: «Штаб военизированной службы обороны «Штурм». Вокруг штаба были разбиты клумбы с уже засохшими цветами. На площадку стекались массы штурмовиков в чёрных одеждах. Некоторые выглядели даже щеголевато в аккуратной форме, у других форма была заношенная, выцветшая, несколько групп появились на площадке в рваных куртках неопределённо-серого цвета.

– Это самые обсосы, – пояснил Кеша. – Бухают по-чёрному и маковой соломкой балуются. Таких, бывает, спецотряд подчищает, чтобы заразу какую не разнесли.

К площадке, на которой спешно выстраивались парни, подкатил новенький синий джип. Оттуда вылез маленький невзрачный человечек с усиками и бородкой. Одет он был в чёрный костюм из кожи, фуражку и превосходные сапоги. На груди у него болтались какие-то медали. Рядом с ним были здоровенные парни с автоматами и несколько мужчин в штатских костюмах. «Не голодают», – отметил про себя Сашка.

– Видел, – прокомментировал Кеша, – это и есть Тоффельт. Говорят, он из простого штурмовика выслужился до генерала. Мужик классный, речи нормальные толкает, сейчас послушаешь. Он только гвардию не любит, говорят, его из Корпуса со свистом вышвырнули.

Бригады выстроились, всего штурмовиков было человек восемьсот. Рядом с Витькиной группой оказались группа Серёги Волкова и громадного цыганистого парня с длинными нечёсанными волосами.

– Это – Горилла Тим, – продолжал трепаться Кеша. – Он одной рукой три кирпича сразу ломает, а однажды ворону живую разорвал на две части. Вот с таким дружбу водить классно!

Тем временем Тоффельт забрался на балкон третьего этажа штаба и молча встал, глядя на толпу из-под густых бровей. Все, как по команде, затихли.

– Защитники нашего города! – голос патрона был негромкий и вкрадчивый. – Настали тревожные времена! Чуждые нашей культуре секты заполонили окраины! Эти секты ведут разлагающий образ жизни, а порой и опасный для нас! Разве мы можем выйти на улицу, не опасаясь за свою жизнь? Разве мы не боимся за своих матерей?

Разве мы не боимся за своих подруг? Вы можете не обращать внимания на мои слова! Пусть! – Тоффельт говорил уже громче. – Но эти сектанты придут к вам и вырвут ваше сердце! Вы были голодны! Вы мучились от холода и страха! У вас не было денег, чтобы кормить семью, чтобы купить себе хорошую одежду!

– Да-а-а!!! – раздалось на площади.

– Вы знаете, кто виноват во всём этом?

– Не-е-ет!!!

– Я скажу вам! Проклятые сатанисты и хиппи – вот наши враги! Они опасны для города! Они опасны для свободы! Они опасны для нас! Они предали нас! Они не хотят нашей победы и проповедуют мир! Мы пойдём и разорим их отвратительное логово!!! Все они умрут!!!

– Да-а-а!!! – кричала толпа.

– Надрать сукам жопу!!! – заорал Витька.

– Однажды утром мы выйдем на улицу и вдохнём полной грудью чистый воздух! Мы увидим чистое небо! Мы услышим песни победы! И тогда мы узнаем счастье! Мир будет нашим и никаких выродков на нём не останется!

– Да-а-а!!!

– Мы очищаем город от всякой сволоты! Мы чистильщики!!!

Мы штурмовое братство – самое свирепое братство на свете!!!

– Да-а-а!!!

– Если я струшу – я сдохну!!! – Тоффельт свесился с балкона и посмотрел на толпу. Взгляд его был дик и ужасен.

– Сдохну!!! – радостно закричали штурмовики.

– Если струсит мой друг – он сдохнет!!!

– Сдохнет!!!

– Кто за, покажите мне свои руки!!! – Тоффельт перешёл на громкий крик, голова его дрожала от напряжения, ноздри раздувались.

– Да-а-а!!! – орали все, поднимая руки.

– Да-а-а!!! – Сашка сообразил, что он кричит вместе с другими.

– Получите оружие и приступим! Кондоры расскажут каждой группе, кого им убивать! Командоры получают оружие, и очистка города начнётся! А после каждый получит по тридцать марок!

– Ура-а-а!!! – раздался дружный крик.

– За дело, ребята! – Тоффельт вскинул над собой сжатый кулак и ушёл. На площади творилось нечто невообразимое: парни продолжали орать что-то, глядя на уже пустой балкон. Потом ринулись в разные стороны – каждый к своему командору, и Сашка понял, что его запросто могут затоптать.

– Клёво! – Кеша волочил Сашку за собой. – Вставим этим тварям!

Сашка побежал за другом, слабо соображая, что они сейчас должны будут делать. Он ничего не имел против хиппи и не понимал, чем они угрожают лично ему. У одной из трёхэтажек вполне вменяемый Витька раздал им оружие: изрядно поцарапанные автоматы Калашникова и гранаты.

– А гранаты зачем? – спросил Сашка.

– В подвалы стучаться, – злорадно пояснил Шиз. – Увидишь, что в подвале хипаны логово свили – кидай.

Сашка сунул гранату за пояс, перебрал автомат за плечо и отошёл.

– Ну, – крикнул Кеша, – айда к магазину, помнишь, проходили? Они там жируют, твари обкуренные! Вон Хнька летом заловили – отметили, как тряпку. Отомстим за другана!

Но Витька повёл отряд в другой район. Там находился притон «Злых хиппи», который необходимо было вычистить.

– Там человек сорок, – сообщил Витька. – В основном девки, так что надолго это не заянется.

– Что с девками будем делать? – спросил Женька Коньков. – Неужели грохать?

– Конечно, грохать! В девках самое зло! – пояснил Шиз. – Мы должны помочь обрести их мятущимся душам покой.

– Витька шутит, – добавил Олег. – Сказали, если сдаются, то в плен брать. Их потом пустынным продадут, или «Красным братьям» на плантации.

Сашка мрачно молчал всю дорогу. Происходящее совсем перестало ему нравиться. На окраинах стало очень шумно. То и дело происходили перестрелки, рвались гранаты. При приближении к притону перестрелка стала слышнее: где-то близко строчил пулемёт.

– Хорошая у хипанов пушка, – сказал Кеша со знанием дела. – С броневика сняли!

– Там уже группа Гориллы, – сказал Олег.

– На чердаке двухэтажки засел хипан с пулемётом, – сказал подбравший парень из группы Тима. – Там у них как бы крепость. Надо гранатомёт.

– Есть гранатомёт, – сказал Олег. – Что ещё?

– А ничего, – продолжил парень, – мы хранилище быстро взяли – там только один урод сторожил, старикан, так ему Тим так вмазал, что тот, кажись, уже дуба дал. Потом побежали в общагу. Ну, общага у них маленькая, в один этаж. Там, короче, мужики стрёмные, зачуханные, и бабы тоже такие. Тим заходит – первого хрясь: зубы на пол, второго – бац! Там мы, короче, позабавились. Ну, остальных заперли в подвале. Они, наверное, до сих пор ничего не поняли, такие закумаренные. А вот в клуб уже не прорвались – нас засекли, кричат: «Чего надо?», а Силос наш, придурок, шарах туда из гранатомёта. Они, короче, очухались. Кричат нам: «Псы, свиньи, хрен нас возьмёте», и давай из пулемёта шпарить.

– А Тим где? – спросил Олег.

– Он в общаге.

– Ещё чего-нибудь есть?

– Есть у них ещё типа магазина за общагой сразу, только мы пока туда не полезли, надо сначала здесь всех замочить.

– Командор берёт гранатомёт и вместе с Янсенем идут к Горилле, – командовал Олег. – Я, Лёва и Коньков сейчас полезем на развалины, пощупаем их с юга. Ерхов идёт в хранилище и оттуда прикрывает нам задницу. Бери пару гранат и, если там есть подвал, то «постучись».

Сашка пожал плечами и пошёл в хранилище, которое было рядом. Пулемёт, молчавший некоторое время, снова начал стрелять, из развалин донесли автоматные очереди, потом прогремел взрыв, и пулемёт замолк. Хранилище оказалось зданием с одним подъездом. У двери лежал человек с пробитой головой. Наверное, тот самый старик сторож. Сашка перешагнул через труп и, хрустя стеклом битых лампочек, зашёл в подъезд. Подвала не было. В подъезде пахло сыростью и коноплей. Сашка немного потоптался у порога и нерешительно направился вверх по лестнице. Отворив дверь, он прошёлся вдоль по коридору и, наконец, подняв автомат, заглянул в одну из комнат. Окна были плотно заколочены. В углу лежало несколько матерчатых тюков. Чуть в стороне стояло пианино с выломанными

клавишами и шкаф с какими-то железками. Сашка пошёл дальше. В других комнатах также ничего существенного не обнаружилось: пёстрые футболки со знаками «Пацифик» на полпуза, жёлтые куртки с надписями «Мир и дружба», прочая ерунда. Тут же лежали различные радиодетали, куски железа, цветочные горшки и много шприцев – одноразовых и стеклянных. . . В конце концов Сашка присел на тюк в комнате с единственным открытым окном. Стрельба практически прекратилась. И тут в коридоре послышался чуть слышный шорох. Подняв автомат, Сашка осторожно подошёл к двери. Там кто-то очень тихо крался. Сашка, открыв дверь плечом и не глядя, дал очередь так, как их учили – на уровне груди предполагаемого противника. Раздался громкий плач. Плакал мальчишка лет семи. Он лежал на полу у самой двери. «Промахнулся, – облегчённо вздохнул Сашка. – Совсем нервы плохие. А если бы свой кто шёл?» Он медленно вышел к пацану и наклонился.

– Пожалуйста, дяденька, не убивайте!!! – крикнул тот.

– Ты какого фига здесь делал? Ты что ли хиппи? – спросил Сашка, но ребёнок твердил только одно: «Не убивайте».

– Да на кой ты мне сдался! – Сашка поднял пацана за грязный свитер и собрался втолкнуть в комнату, но тут на лестнице послышался громкий топот.

– Стой, – закричал Сашка, – застрелю!

– Свои, скотина! – раздался в ответ голос Лёвы.

Сашка облегчённо опустил автомат.

– Какого хера ты тут застрял? Мы уже закончили! – рыжий появился в конце коридора и, увидев пацана, спросил. – Это что за обсос?

– Не знаю, – сказал Сашка. – Наверное, его к пленным надо?

– К пленным, – Лёва подошёл совсем близко. Выглядел он странно. Как будто выпил или накурился перед боёвкой. – Лев пленных не берет!

Сашка с ужасом увидел, как рыжий прицеливается, и заорал:

– Ты что!

Но Лёва не шутил. Пацан упал на пол, закрыв голову руками, и громко закричал.

– Стой! – Сашка вцепился в «Калашников», отводя его дуло в сторону. – Стой, урод!

Они боролись не больше минуты – Лёва то опять прицеливался, то дуло автомата было направлено в сторону. Наконец, раздался выстрел и наступила давящая тишина.

– Может, и тебя замочить, сука? – идиотски хохотнул Лёва. – А я замочу, я таких как ты, маменькиных сосунков, знаешь сколько... И спишем на хипанов.

Сашка медленно поднял свой автомат и дал очередь. Потом ещё одну. Лёву отбросило в сторону – на обломки кирпича в углу коридора. Сашка перевёл «Калашников» на одиночные, подошёл к лежащему Лёве и выстрелил ещё один раз – в голову. Потом бросил автомат на Лёвино тело. У подъезда послышался разговор: разговаривали Олег с Кешей. Сашка метнулся в комнату и выпрыгнул в окно. Никого из ребят поблизости не было. Только в клубе хиппи раздавались нечеловеческие крики. Да то ли существуя в реальности, то ли лишь в Сашкином сознании, звучал над развалинами Витькин «Аум-м-м»...

14

Весть о победе как будто гналась вслед за Сашкой. Он бежал от этой победы как от чумы, но то тут, то там слышались крики «Ура», хохот, стрельба в воздух. Потом он был пойман незнакомыми парнями в чёрной форме с тёмными пятнами на рукавах. Ему орало в лицо: «Победа!», а он вырывался и снова бежал. Бежал от этой победы, победы над злом, которое сейчас лежало в коридоре хранилища в луже крови. Победы над злом, которыми якобы были эти несчастные хипаны, ныне безжалостно добиваемые Гориллой Тимом. Спрятаться было некуда, оставалось только убежать...

Недалеко от выхода из развалин Сашка поскользнулся и упал. «Может, и тебя замочить, сука?» – снова и снова хохотало рядом. Зачем? Зачем было убивать этих наркоманов? Зачем было убивать Лёву? Кому это было нужно? Зло победило зло? «Кузница героев... Если я струшу – я содохну... Проклятые хиппи и сатанисты! Дяденька, не убивайте!» С неба вдруг посыпалась мелкая снежная крупа. Налетел ветер и закрутил вокруг Сашки белую спираль, словно стараясь спрятать его ото всех. Он вжимался в землю и понимал, что сходит с ума. Вокруг грохотал невозможной силы звук. Вокруг неслись чьи-то крики и его собственный крик. «Аум-м-м», «Там всего человек сорок»,

«Ты теперь наёмник и станешь стрелять, куда прикажут!» «Мама! Мамочка!!! Где ты?! Спаси меня! Я буду вести себя хорошо! Я буду...»

– Эй, братан! Тебя чё, подстрелили?

Сашка с трудом поднял голову.

– У тебя все ноги в крови... – над Сашкой возвышался усатый мужик в штурмовой форме с нашивкой «Спецотряд». – Я думал, хипаны ранили.

– Нет... Я убил... – сказал Сашка. Мужик внимательно осмотрел его и улыбнулся.

– Работа у нас такая, братан.

Мужик ушёл. Поднялся и Сашка. Он действительно был в грязи, штукатурке и Лёвиной крови. Мрачно посмотрев туда, где штурмовики праздновали победу, он пошёл прочь.

В центре снег посыпал сильнее. Белая крупа падала на грязь и превращалась в грязь. В этом законе была самая большая справедливость: нельзя оставаться белым в грязи. Ещё больше замешивая городскую грязь сапогами, поскользываясь и проваливаясь в лужи, Сашка шёл домой. Туда, где мама. Уже было всё равно, что она скажет. Пусть испугается, поплачет, осудит. Потом всё равно простит. Прохожие смотрели на Сашку с удивлением, ненавистью, страхом, расходились в стороны, переходили на другую сторону дороги. Прохожие жили в другом мире, таком же грязном, но по-своему уютном. Они мало что знали о сегодняшней боёвке. Мама, наверное, тоже ничего не знает.

Памятник воину на площади Свободы, заснеженный и безмолвный, гордо смотрел на север, отвернувшись от развалин. У этого воина было героическое прошлое. Он не убивал детей, он не унижался перед «Красными братьями», не воровал. Он побеждал в честном бою, за это его и воссоздали в камне. Сашка вскинул руку в приветствии кадетов. Памятник посмотрел грозно и не ответил.

Идти оставалось совсем не долго. Дойдя до угла своего дома, Сашка остановился. В окне их комнаты горел электрический свет. Сашка стоял и смотрел, почему-то ожидая, что вот-вот мама выглянет и увидит его. Потом подбежал соседский кот, который узнавал Сашку безошибочно и тут же принимался тереть спину об его ноги. Кот недоверчиво нюхнул чёрные форменные штаны, заляпанные грязью и кровью, и поспешно скрылся в подъезде. Сашка вошёл за ним.

В подъезде было мрачно и тихо. Тётя Лиза снимала с подоконника горшки с цветами.

– Здравствуйте, – тихо сказал Сашка.

– Сашенька! – горшок с пыльной традесканцией шёлкнул об пол и разбился. – Саша, нашёлся! Ты не ранен? Где ты пропадал? – ещё множество обязательных женских вопросов понеслось Сашке в спину, но он отвернулся и пошёл к себе, на второй этаж. Дверь открыл незнакомый молодой человек в утеплённой тельняшке. За его спиной Сашка увидел чужое зеркало, чужую полочку для обуви, и толстую рыжую собаку.

– Тебе чего? – спросил парень.

– Мне? – Сашка тупо помотал головой. – А я...

– Саша, – осторожно сказала из-за спины тётя Лиза, – пойдём к нам.

Потом он сидел на кухне, на большом мягком диване, и, как будто сквозь вату в ушах, слушал, что рассказывает ему дядя Витя:

– Все думали, ты совсем пропал, парень. Позавчера и похоронили. Не хотел тебе по телефону говорить...

Сашка смотрел на треснувшую чашку на столе и глотал слёзы. Тётя Лиза обнимала его и, кажется, покачивала, как ребёнка. «Это я виноват, – подумал он. – Я долго не звонил».

Он вымылся в душе, застирал форму, поел – куски странно застревают в горле, и тётя Лиза отвела его в маленькую комнатку, переделанную из кладовки. Там помещался только узкий диванчик. Сашка упал на него, уткнулся в домашнюю, с цветочным узорчиком подушку, и продолжал плакать.

– Что теперь будем делать? – говорила за стеной тётя Лиза. Дядя Витя отвечал глухо и неразборчиво. «Что со мной делать... – Сашка ещё больше сжался. – Какая теперь разница»...

Когда за окном уже стемнело, а Сашка лежал совсем тихо, отрешённо разглядывая узор на обоях, в комнату вошёл дядя Витя.

– Пойдём, парень, в твою квартиру сходим.

– Зачем? – почти с ужасом спросил Сашка.

– Ну, они вещи ваши держат, возьмёшь чего надо.

– А кто они? – Сашка вытер остатки слёз рукавом.

– Не знаю. Их позавчера вечером вселили. И вот что: я бы рад тебе предложить побыть пока у нас, да не могу. То тобой полиция

интересуется, то Контора, сам понимаешь... Тем более ты, я так понял, штурмовик?

Сашка кивнул.

– Вот видишь... Что-то я не слышал о том, чтобы там нормальные парни жили. Там человеком не станешь. А станешь сволочью и убийцей. Я в этом уверен. Хочешь совет? Уходи оттуда, пока не стало поздно. Куда угодно уходи. Слышишь?

– Да. Спасибо за совет, – Сашка отвернулся, – пойдёмте туда, к нам...

В комнате многое изменилось, но некоторые вещи так и стояли на своих местах – Сашка старался не смотреть на привычную мебель, часы на стене, светлые квадраты на обоях там, где раньше висели фотографии.

– Там всё в углу, в кладовке, – сказал парень – сын новых хозяев.

Сашка сел на корточки перед их с мамой вещами: вещей было немного, две не очень большие коробки. Посидел, не двигаясь, потом осторожно приоткрыл одну. Сверху лежала всякая ерунда: учебники, книжки про шпионов и рыцарей, альбом с корабликами. Сашка поморщился, вытряхнул содержимое на пол, нашёл замшевый кошелек с деньгами, пересчитал – двадцать четыре марки и ещё мелочь, сунул всё в карман. Из альбома выпала пачка фотографий. Сашка хотел убрать их, не глядя, но не смог. Рассматривал пожелтевшие чёрно-белые снимки: мама с папой молодые, свадьба, он сам в забавной детской колясочке, он в первом классе – лопухий от короткой стрижки, с большими блестящими пуговицами на гимназической форме... Тогда у него выпали два передних зуба и, на все просьбы фотографа улыбнуться, Сашка только сердито хмурился. Потом фотографии их класса, а вот и Корпус – парадный отряд на центральной площади, они с Ильёй в первой шеренге. Сашка собрал карточки, сложил на самое дно коробки, закидал книжками. Во второй коробке были вещи. Сашка снял с гвоздя на стене свой рюкзак, – значит, мама нашла его под кроватью, разобрала и поняла, что сын куда-то собирался, – сунул туда тёплую одежду, подумал, положил то, что уже было мало. «Хныку» – решил, как будто уже точно собрался назад в развалины. Когда поднимался, задел локтем небольшой пакет, лежащий на полочке у стены, на пол посыпались его пузырьки с реактивами,

вывалился окаменевший слоновий зуб. Сашка постоял молча, потом снова сел, вытер навернувшиеся слёзы, собрал всё в пакет, а зуб слона положил в карман.

В комнате парень включил магнитофон, полилась медленная тихая музыка. Сашка встал, затянул рюкзак потуже, прошёл в коридор. Дядя Витя курил на лестничной площадке.

– Собрался? – спросил он. – А остальное?

– Мне всё равно, – сказал Сашка.

Они спустились на первый этаж, остановились у двери.

– Скоро ночь, ты ведь не собираешься уходить прямо сейчас?

«Он бы рад, чтобы я ушёл», – понял Сашка. Очень захотелось уйти как можно быстрее, но вышла тётя Лиза, что-то заговорила, повела к себе. Сашка послушался.

Больше к нему не заходили. Он промаялся всю ночь то засыпая, то вскакивая в холодном поту. Мысли крутились возле одного: «Это я виноват. От меня одно зло». Как только рассвело, Сашка тихо выскользнул из комнаты и, не попрощавшись, ушёл. На улице потеплело, снег таял, и под ногами чавкало серое месиво. Мимо Сашки проехал автомобиль, обдав его талой грязью, но он даже не заметил этого. Ему казалось, что надо быстрее бежать назад, в развалины. Здесь, в центре, теперь не осталось никого, кому он был бы необходим. А там? А там его, вероятнее всего, сдадут спецотряду и расстреляют. И, может быть, так будет лучше. И для него, и для всех остальных... Зачем он вообще живёт? Чтобы по указке какого-то полоумного вояки кидаться с автоматом на людей? Чем так, лучше уж не жить...

На мешках в подъезде высотки лежал Гога, парень из бригады Уксуса.

– Присаживайся, – сказал он добродушно. – Я слышал, ты своего угрохал? Бывает, паря.

Сашка молча сел.

– Хочешь выпить? – спросил Гога. – Когда холодно и фигово – лучше выпить.

Сашка кивнул. Гога достал из брезентовой куртки с надписью «ANARCHIA» початую бутылку.

– Вот, бормотуха. Может, и трудно пить, зато потом ништяк, – пояснил он, разливая в маленькие деревянные стаканы противно

пахнущую жидкость. – Наш командор разрешает греться, он классный. Ну, давай за нас.

Бормотуха оказалась тошнотворно гадкой на вкус и обожгла горло. Сашка закашлялся, на глазах выступили слёзы.

– Ну, ну, не кашляй, – сказал Гога. – Мочишь пацанов профессионально, косорыловку тоже надо пить по-штурмовому. Мы всё-таки не хипаны какие-нибудь, а настоящие волки развалин. Понял? Мы теперь хозяева.

Они помолчали. Гога посмотрел на бутылку, быстро отхлебнул из горла и спрятал её обратно в куртку.

– Но ты Лёвку все же классно уделал. Ваши парни, что его хоронить уносили, чуть не обрыгались. А этот, в шлеме, Кеша, сразу с копыт свалился...

Бормотуха очень быстро дошла до Сашки. Руки стали непослушными, по ногам бежали мурашки.

– Я ведь не хотел убивать, – схватил он Гогу за рукав. – Он пацана маленького застрелил. В упор, из «калаша». Тот ему ничего не делал, просил не стрелять!

– Фигня, – спокойно сказал парень. – Это же боёвка. На боёвке можно. Да тем более, Лёвка нарковал. Он бы и сам сдох от передозы. Не, ты не прав. Просто тебе Лёвка не нравился... Вот если я тебе сейчас не понравлюсь, ты меня убьёшь?

– Не знаю, – ответил Сашка.

– Ну и дурак.

Сашка слабо покрутил головой – стены вокруг расплывались, потолок покачивался. Показалось, что мешки плавно стекают куда-то вниз. Гога ещё что-то говорил о том, что своих мочить нельзя, а то никаких своих не напасёшься, что у Сашки теперь будут проблемы с начальством.

Потом откуда-то из темноты появились Олег с Волком, за ними маячил бледный Кеша.

– Никак ты? – мрачно спросил Волк.

– А мы тебя искали, – добавил Олег. – Подлянку ты нам сделал. Убил своего и смылся. Да ещё автомат кинул. Мы еле от спецурсы отвертелись. Сдать бы тебя им...

Волк подошёл к Сашке и, схватив за грудки, рывком поставил его на ноги:

– Ты, психопат, твой дом дурка! Чего ты вообще вернулся? Думаешь, опять простим? Шёл бы к предкам. Кто там они у тебя: алкоголики, наркоши, шизики?

– Заткнись! – тихо сказал Сашка, и Волк удивлённо посмотрел на него. – Не смей говорить так про моих родителей. Они хорошие люди. А ты... А вы все – убийцы, просто убийцы. Никакие не солдаты...

– Чё? – переспросил Олег.

– Мальчик считает, – пояснил ему Волк, – что мы – быдло, а он – не такой. Чистый и белый. А я ещё с ним нормально говорил.

Он разжал пальцы и Сашка, не удержавшись на ногах, упал на мешки.

– Ты, пацан, не понимаешь, на кого нарываешься, – Олег сильно ударил Сашку ногой в грудь. – Задиристый стал. Тебя всей бригадой пинать надо...

Дыхание у Сашки перехватило. «Пусть убьют» – подумал он. Олег бил его, стараясь попасть в живот, а Сашка почти не закрывался.

– Ладно, Олег, хватит, – донёсся, наконец, голос Волка, – сдохнет ещё. Хватит Лёвы.

Волк и Олег ушли, остался Кеша, да Гога. Сашка лежал, желая только одного – умереть. Болело всё, а особенно живот, куда так старательно метил Олег.

– Легко отделался, – сказал Гога. – Укус бы убил, это точно.

– Пойдём, Санёк, в комнату, – вздохнул Кеша, всё это время стоявший в стороне. – Ты подняться можешь?

Сашка молчал, тогда Кеша с Гогой с трудом подняли его.

– Там, рюкзак, – прошептал Сашка.

Кеша, ухватив одной рукой рюкзак, а другой придерживая Сашку, поковылял по лестнице.

– Ты правильно сделал, – сказал он. – Если бы ты тоже на них полез, убили бы точно, а синяки заживут, куда они денутся!

«Лев Линдман» – среди чёрных и цветных пятен разглядел Сашка надпись на стене рядом с их квартирой. Рядом почудилась другая: «Александр Ерхов». Потом надпись исчезла, как и все остальные, смешавшись в серых пятнах, прихотливо разбросанных в пространстве...

– Да всё нормально, – послышался голос Кеши. – Это Олег сгоряча. Он парень неплохой, потом остынет, и всё будет, как раньше. Тебе

повезло, что по лицу не били. Мне вон Олег как в глаз засветил, так я несколько дней плохо видел!

«У них это нормально. То есть не у них, а у нас, – Сашка укрылся своим простреленным одеялом. – Почему я думаю о них со стороны? Теперь я – это они. И бежать мне теперь некуда»...

15

Дальше события воспринимались кусками. Неподалёку сидел Кеша и невнятно что-то бубнил. Сашке казалось это важным, но различить слова он не мог. Изю всех сил прислушиваясь, он мог уловить только обрывки фраз, слов, которые рассыпались на звуки, словно колода карт, упавшая на пол. «Консервы, деньги, одежда, продал», – подобные слова носились в воздухе, но сами теперь ничего не обозначали. Потом приходили парни из их и из соседней бригады: кто погреться, кто поболтать с Кешей. Говорили парни тоже непонятно и долго... Всё внутри Сашки болело, и из-за этого он лежал молча, боясь пошевелиться. Он бы рад был уснуть, потерять сознание, умереть... Только не так-то это просто... Вспомнился мальчишка на заплёванном полу притона хиппи. Мальчишка, который из-за Лёвы никогда не вырастет. Вспомнился Лёва, который тоже теперь никогда не станет настоящим солдатом. И вдруг стало так жалко... Жалко мальчика, жалко себя, и даже жалко Лёву. Словно они были друзьями, прожили много лет рядом, а теперь Сашка совершил вдруг невысказанное предательство... Нет, Лёва был враг. Озлобленный, несправедливый человечико. Он ведь наслаждался чужой смертью. Так почему же Сашке жаль его? Почему Сашка уверен, что Лёва должен был жить? Все должны были жить: Лёва, Сашка, тот мальчишка, старик сторож... А остался только Сашка. Почему? Зачем? Надо было узнать это у кого-то. Найти того, кто всё объяснит...

– Где он? – спросил Сашка у Кеши.

– Кто? – спросил Кеша.

И Сашка больше ничего не спрашивал. Он всё понял. Никто ему ничего не объяснит. Он всё должен понять сам. Понять, что лишил человека жизни. Даже двоих – ещё застрелил того падальщика. Нет, даже троих: не смог спасти малолетнего мальчишку... Нет, четверых... Мама тоже умерла из-за него... И тогда он заплакал. Не мог сдержаться и ревел в голос. Сквозь слёзы в сознание пробивался Кеша

с идиотским: «Всё нормально. Не плачь, Санёк»... Потом появился Витька, как и всегда, со свечой в руке. И как всегда равнодушно сказал:

– Ты не умер, дух. Ты приносишь несчастье, разве я был не прав? Молчишь? Молчание помогает нам мыслить о вечном. Стодневное молчание даёт просветление. Нужно только говорить «Ом»...

Витька был самым нормальным среди всех. Витька единственный не казался сейчас идиотом. Такая простая и эффективная месть миру – наплевать на него. И тогда мир исчезнет...

– ...И тогда дух обретёт силу.

– Я хочу умереть, – сказал Сашка Шизу.

– Умереть нельзя, – вздохнул Шиз. – Душа бессмертна. И в этом наша беда. Тысячи лет в этой грязи, разрухе, тлене. Тысячи лет мучений, пока не обретёшь себя...

– Я не хочу!!!

Шиз не ответил, только хлопнула за ним дверь. Застучала кровь в висках. Сашка закрыл глаза и услышал, как за окном свистит ветер. Ветер высвистывал мелодию. Знакомую и очень приятную. И вдруг, из далёкой дали принёс этот ветер отзвуки колокола...

В последний раз Сашка слышал колокол в санчасти. «Почему он звонит? Здесь нет колокола. Я – штурмовик. Я – мразь и сволочь. К чему эта сказка?» – совершенно равнодушно подумал Сашка. Звон прекратился. Сашка открыл глаза и вдруг вместо закопчённого потолка увидел потолок неправдоподобно белый. В углу за столиком сидела медсестра. Увидев, что Сашка приподнялся, она отложила журнал:

– Очнулся? Ну, наконец-то! Ох, и бредил же ты!

– Где я? Это сон? – пробормотал удивлённый Сашка.

– Нет, это не сон, – сказала медсестра. – Сейчас я мать позову. Если она не ушла, то внизу сидит, ждёт.

Хлопнула дверь, и Сашка поднялся с постели. В палате было светло. Очень сильно пахло миндалём, а на столе стояла ваза со степными цветами. Одевшись, он подошёл к зеркалу – оттуда смотрел он сам: смуглый, черноглазый, с повязкой вокруг головы...

В коридоре послышались торопливые шаги. Сашка напрягся: так могла идти только мать. Наконец, дверь открылась, и мать зашла. Она была чем-то озабочена, подошла и обняла Сашку.

– Что-нибудь случилось, сынок? Что у тебя с головой? Приходили какие-то люди...

– Да ничего... Поцарапался, отдохну, и всё будет нормально.

«Что произошло?» – попытался вспомнить Сашка. Вместо недоверия и восторга в душу просочилась тревога. «Неужели я опять сделал что-то? Что-то такое, что направлено против города? Против его безопасности и существования?»

Неслышно в палату вошёл следователь из Конторы. Он остановился и, презрительно осмотрев Сашку, усмехнулся.

– Ну, здравствуй, предатель, – сказал он, присаживаясь на табурет. – Мы решили взяться за тебя очень серьёзно, поэтому я здесь. Садись на кровать, разговор будет длинный. Посторонних попрошу не давать никаких сигналов подозреваемому, и вообще очистить...

Следователь зло посмотрел на мать, но она не двинулась с места.

– Что я такого натворил? – удивился Сашка.

– Ты предал Корпус, – спокойно ответил следователь. – Ты убил много людей. Кстати, ты читал «Кодекс штурмовика»? Что там говорится насчёт убийств? Не знаешь?

– Зачем мне читать «Кодекс штурмовика»? Я кадет гвардии...

– Ты чмо и мудака, – взвизгнул следователь и, вскочив, ударил Сашку. Сашка упал, а следователь, размахнувшись, ударил его в живот. Потом нагнулся над ним и, выравнивая сбившееся дыхание, произнёс:

– Ты должен застрелиться. Я принёс тебе пистолет, – он бросил Сашке пистолет со знакомым клеймом «P. BERETTA_ARMY ROMA». – Ты ведь хотел, правда?

Сашка осторожно взял оружие, поднёс к виску. Рука его дрожала, и дуло неприятно ёрзало по коже.

– Быстрее, – скомандовал следователь, – ты опорочил свою честь и честь своего отца. Как у солдата это твой единственный шанс смыть позор.

Сашка положил палец на спусковой крючок, выдохнул и нажал. Грохнул выстрел. Перед глазами закачалась побелевшая мать.

– Прощай, сынок. Ты уже не приедешь...

Сашка открыл глаза и огляделся: сырая грязная комната. Кеша на соседней лежанке спал, негромко похрапывая. «Сон», – понял Сашка. Казалось, в комнате нестерпимо жарко и от этого страшно

хотелось пить. Воды в комнате не было, пришлось идти к трубам. В большой комнате при тусклом свете стеариновой свечи сидел Шиз. Сашка обошёл его, как предмет, глотнул отвратительной ржавой жидкости. Пить захотелось ещё больше, затошнило. Он сел на пол, глубоко дыша, переждал приступ дурноты.

– Чёрный дух, – позвал Шиз, – все спят, а ты ходишь. Я молюсь за тебя. Ты не выдержал испытания. Лёва был твоим испытанием, но ты слаб, ты пошёл по лёгкому пути. И теперь Лёве хорошо, он в чистом мире, а ты бродишь без сна и покоя.

– А что мне делать? – спросил Сашка, как будто Витька был нормальным.

– Медитировать и молиться. Тогда твоя душа успокоится.

– Сам молись, – огрызнулся Сашка. Вдруг захотелось ударить Шиза, будто это он всё портит в жизни, а если ударить – всё наладится.

– Ты не верующий, – заметил Шиз. – У верующих не бывает такой чёрной кармы.

– Пошёл ты! – Сашка направился к себе, зло на Шиза прошло само собой. Возразить убогому было нечего.

Лежанка за время его отсутствия уже совсем остыла, он пошевелил угли в мангале, завернулся покрепче в одеяло. Почему-то вспомнилась степь, в которую вывозили кадетов на учения. Летом там было очень здорово: пахло травами и вольным ветром. Вспомнились друзья: Вовка Бауэр, Макар Стеценко, Василь Авдеев, Илья... Они сидели на привале и мечтали о будущем: о том, как они станут гвардейцами, как будут водить солдат в атаки, как будут дружить всю жизнь. Сашка, усмехнувшись, отогнал эти воспоминания подалее.

Друзья исчезли. Теперь перед ним была только степь. Ещё желтоватая, до того как она расцветёт. Сашка сидел на броне старого ржавого броневичка и смотрел вдаль, туда, где горизонт. Рядом сидел Витька и, громко швыряя, пил чай.

– Ну что, чёрный дух, ничего не видишь вдали? – вдруг спросил он.

Сашка напряжённо посмотрел по сторонам. Чуть левее, там, где была небольшая возвышенность, вдруг появилась точка, которая стала приближаться.

– Это – карма, – наставительно сказал Шиз.

Точка медленно приближалась. Это был человек. Одет он был в чёрную вязаную шапку, грязную майку, толстые ватные штаны и огромные валенки с калошами. Человек медленно брёл в сторону броневичка, поминутно спотыкаясь, отчего руки его, безвольно болтавшиеся, подлетали вверх, как у тряпичной куклы. Шиз перестал пить чай, поёрзал на броне и полез внутрь. Тем временем человек подходил всё ближе и ближе и, чем больше этот человек приближался, тем сильнее замирало Сашкино сердце, и быстрее бежали мурашки по его спине. Этот человек, приближающийся к Сашке, этот человек с серым лицом и белыми неживыми глазами, этот человек с рыжими усами на верхней губе и рыжими вихрами, выглядывающими из-под шапки, этот человек был Лёва... Сашка хотел спрыгнуть с броневичка, но ноги от страха подкосились, поэтому он только сумел поднять руки и закрыть глаза. Когда он открыл глаза вновь, Лёвы не было. Сашка вытер вспотевшее лицо и слез с броневичка. И там стояло ОНО. Это был парень в красной куртке, в хороших ботинках, только вместо лица у него была кровавая рана. Лоб был разворочен, превращён в серо-красную массу, правый глаз вытек, и на его месте сидела жирная зелёная муха, левый смотрел на Сашку, обнажённые клыки сложились в жуткий оскал. Пахло от парня сладковатым запахом разложения. Громко закричав, Сашка побежал. Он пытался бежать быстро, но теперь ноги стали словно свинцовые и очень замедляли движение. Запах разложения преследовал и подгонял его. Сердце колотилось, одежда насквозь промокла от пота, но остановиться Сашка не мог. Впереди показалась колонна людей в гвардейской форме. Люди шли через степь унылой вереницей, еле волоча ноги.

– Ребята! – крикнул Сашка и вдруг понял, что все эти люди мертвы. Ничего живого не было в их облике.

– Это карма, – откуда-то сверху крикнул Шиз.

Сашка уткнулся в пыль.

– Иди к нам, – позвал один из кадетов, – мы тебя давно ждём.

Сашка увидел перед собой протянутую руку трупа и закричал нечеловеческим голосом...

– Тихо, тихо! – появился откуда-то Кеша. – Это я! Приснилось чего?

Сашка открыл глаза. В комнате светлело. Кеша сидел рядом и крепко держал его за руки:

– Не ори! Всю бригаду перебудуешь!

Потом потрогал ему лоб:

– Ты заболел, Сашка, точно заболел. Наверное, от Хныка заразился. Тот тоже вчера больной свалился.

– Кеша, я же не виноват! – скороговоркой заговорил Сашка. – Тот, падальщик, нас убить хотел, и Лёва меня убить хотел! Стоял с автоматом. Я бы никогда первый не выстрелил. Мне так плохо, Кеша! Я бы домой ушёл! Ушёл уже, а там теперь другие люди живут! И из Корпуса меня выгнали! Просто так – ни за что. У меня отец погиб. Главу защищал. Я ему, правда, даже завидую. Лучше так умереть, как он, чем тут с крысами... А пока я здесь торчал, у меня мать умерла. Это я её убил, Кеша, я ничего не сказал, куда иду!

Кеша продолжал держать Сашку за руки, как будто боялся, как бы чего не вышло.

– Теперь этот Лёва мне снится будет, не даст он мне жизни! – говорил Сашка. – Зачем я здесь, Кеша? Может, мне лучше подняться повыше – да и вниз. Вы меня закопаете, и ничего плохого больше не случится! Что мне делать, Кеша? Что мне теперь делать?

– Тебе – не знаю. Я бы, конечно, к матери на кладбище сходил. Её ведь на городском кладбище похоронили?

– Наверное, – Сашка с ужасом понял, что даже этого не спросил у дяди Вити. Сашкин отец был похоронен на офицерском кладбище, но мама-то не была военной.

– Знаешь, Санёк, – Кеша отпустил его, повертел в руках свой шлем, надел, – я тебя понимаю, у меня ведь тоже мать умерла. Три года уже прошло. Она от гриппа умерла, а я даже не знал сначала. Мы тогда все этим болели, но меня батя умудрился в город привезти, в больницу. А я тут как начал болеть: одно за другим, грипп прошёл, желтуха началась, потом ещё дрянь какая-то, я уж и названия не помню. Батя думал, что и меня хоронить придётся, ну и не стал говорить о матери. Выписали меня, а тут на тебе: сирота ты, Иннокентий. Как я ревел! Ты, Санёк, ещё молодцом держись, а я совсем расклеился. Да ещё батя попивать стал. Вместе и страдали. Но он у меня хороший: собрал последние деньги, мы на них трактор хотели купить, маленький такой, знаешь? Вот, вместо трактора заплатил за меня, идиота, чтобы я в танковом училище учился. А меня выгнали. Теперь к батю нельзя, пока деньги не соберу, ну, уже немного осталось: пара боёвок и домой.

Хочешь, со мной поедем, тут к югу от города фермерское поселение, там хорошо, там даже озеро есть. Будем хлеб выращивать, это ведь лучше, чем из автомата палить, верно?

Сашка кивнул. Кеша казался таким близким, как брат, и Сашке хотелось ткнуться ему в плечо и заплакать.

– Ну ладно, – распорядился Кеша. – Давай с тобой вместе на кладбище съездим. Только мне кажется, что ты болеешь.

Сашка криво улыбнулся.

– Это я вчера бормотухи с Гогой наакался, да ещё Олег побил. Ты бы себя как чувствовал?

– Я бы сдох – как любит говорить наш Хнык, – Кеша встал. – Ладно, пойду Олега разбужу, надо же ему знать, куда мы собрались, а то решит, что ты опять убежал.

– Я сейчас тоже подойду, – сказал Сашка. – Я вещи в рюкзаке принёс, где они?

– Да вон, я на подоконник рюкзак бросил. Ты себе или продавать притащил?

– Дарить.

Кеша пожал плечами, явно не понимая, как можно добровольно с чем-то расстаться и ничего не получить взамен, и вышел.

Сашка развязал рюкзак, достал вещи для Хныка, а когда поднял глаза, увидел за окном привычные развалины. Всегда выглядящие одинаково, что бы ни случилось. Просто груды щебёнки, да железных прутьев. В которых, как говорил Шиз, нет души, и поэтому ничего им не страшно...

16

В комнате Олега было холоднее, чем у Сашки с Кешей. Хнык лежал под двумя одеялами и дрожал.

– Олег ушёл с утра, – застучал он зубами, как только увидел Сашку, – а Шиз мне опять говорит, что я сдохну. И молиться заставляет, а я не люблю его молитвы. Мне от них страшно становится.

Сашка сел рядом, потрогал Хныку лоб – тот был горячий. «Ещё и правда помрёт», – испугался Сашка. Ему очень не хотелось, чтобы Шиз снова оказался прав. Ему не хотелось, чтобы рядом умер ещё хоть кто-то...

– Кеша, – сказал он тихо, – здесь где-нибудь лекарства можно достать?

– Можно, – Кеша усмехнулся. – У падальщиков всё, что хочешь, есть. А ты что, собрался нашего доходягу на свои деньги лечить?

Сашка посмотрел на скорчившегося на кровати Хныка и подумал, что это и есть самое страшное – когда тебе нужна помощь, а всем наплевать.

– Кеша, может, ты сходишь к падальщикам?

Кеша пожал плечами.

– Давай марки, схожу. Что я, зверь? А ты уверен, что у него всё так серьёзно?

– Уверен, раз Шиз говорит, – Сашка опять глянул на Хныка и стал говорить ещё тише. – Этот ненормальный как будто предсказывать умеет. Я его уже боюсь.

– Боишься? – Кеша взял из Сашкиных рук мятые бумажки. – Да не бойся, с Шизом справиться можно, он только морально сильный, а так дай по шее, не стесняйся. Чего покупать?

– Не знаю. Скажи, что от простуды, может, сами дадут.

Кеша ушёл, а Сашка сел рядом с Хныком.

– Не бойся, я сюда Витьку не пушу.

– Хорошо, – вздохнул Хнык. – А то Олег только уйдёт, как Шиз тут как тут! А вчера говорил, что ты много мучиться будешь, что жизнь у тебя будет плохая. А ещё чёрным духом обзывал! Ты, Сашка, побей его!

Сашка смотрел на Хныка и чувствовал острую жалость, такую, что слёзы на глаза наворачивались.

– Ты мне как брат, – говорил Хнык, кашляя. – Олег как брат, Кеша как брат, и ты теперь тоже. Мне повезло, а то в других группах маленьких знаешь, как бьют! Просто ногами пинают! А меня только Лёва колотил, и Женька как увидит, так по голове стукнет. А Шиз хочет, чтобы я сдох.

Хнык кашлял, ворчал и, наконец, заплакал.

– Ну что ты? – разволновался Сашка. – Не реви, побью я Шиза. И Женьке по голове дам.

– Ты сильный, – опять заговорил Хнык, – и у тебя мама есть, тебе хорошо. А я умру скоро, у меня живот болит и голова, и никто не пожалеет.

«У тебя мама есть, – Сашка смотрел на Хныка. – Он мне завидует, а завидовать уже нечему».

Когда вернулся Кеша, Сашка и Хнык плакали оба, уткнувшись в драное Хныково одеяло.

– Вы чего? – удивился Кеша. – Сдурели? Я тут таблетки принёс какие-то, а от температуры, говорят, надо спиртом растереться. Спирта я тоже принёс маленько. А это сдача.

Сашка встал, вытер слёзы и стал выволакивать Хныка из-под одеяла.

– Вылазь, мы тебя разотрём.

Хнык стонал и упирался, но парни быстро раздели его, натёрли пахучей жидкостью и одели в новые, принесённые Сашкой вещи. Хнык удивлённо щурился, разглядывал пёстрый свитер, трогал себя руками.

– Что, красиво? – засмеялся Кеша. – Эх, дурак ты, Санёк, такому сопливному – такой прикид! Может, отберём, пока не поздно!

Хнык испуганно полез под одеяло.

– Он всё равно не моется и лазит по всякой грязи, – продолжал Кеша.

– Я помоюсь, Кешенька, вот потеплеет, и обязательно помоюсь!

– Да ладно, мы тебя уже спиртом почистили. От него эти самые дохнут, как их?

– Микробы, – подсказал Сашка.

– Кто дохнет? – не понял Хнык.

– Никто, – Кеша махнул рукой. – Ты уж теперь точно заживёшься... Санёк да Олег – теперь у тебя две мамы. Гордись, придурок! Кстати, скажи Олегу, что мы ушли, скоро вернёмся.

Сашка впихнул в Хныка таблетку, укрыл потеплее. Когда выходили из комнаты, вошёл Шиз.

– Не помер ещё Костик? – спросил он, глядя на кровать.

– Не слушай этого идиота, – сказал Сашка снова задрожавшему Хныку, – человек до семидесяти лет доживает.

– Так то человек... – протянул Шиз и медленно удалился.

Сашка было дёрнулся ему вслед, но Кеша удержал его за рукав:

– Да хрен с ним, придурком. Руки только марать. Пошли, куда собрались.

Парни вышли на улицу. Снег совсем стаял, и вокруг дома была привычная уже грязь. Кеша застегнул шлем, и, наступив сапогом в испражнения, выругался.

– Совсем с перепою одурели, – громко сказал он Сашке. – И погода гадкая. По такой погоде пешком до кладбища добираться себе дорожке. Нужно к остановке идти. . .

Хлюпая по грязи, они перебирались через канавки, кучи мусора, соскальзывали в лужи, которыми изобилывала дорога. Кешины сапоги вряд ли боялись такой погоды, а у Сашки насквозь промокли ботинки. «Надо носить сапоги от формы», – подумал Сашка, хотя после боёвки к форме даже прикасаться не хотелось.

Возле остановки встретился Олег, шедший из штаба. Сегодня он оделся уже по-зимнему: ватник и штаны защитного цвета, шапка-ушанка. Ещё издали Олег помахал рукой, а подходя, сразу сообщил:

– Радость, мужики! Только что деньги выдали, за боёвку и прошлый месяц. Получайте. Тебе, Янсен, пятьдесят семь марок.

Несколько бумажек и мелочь перекечевали из ватника Олега в руки Кешы. Кеша тут же спрятал их во внутренний карман. Олег повернулся к Сашке.

– Вижу, очухался. Извини, брат, за вчерашнее. Сам, наверное, понимаешь, что не прав. Хотя, я думаю, это Лёва на тебя бросился, а ты защищался. Не любил тебя Лёва, да и вообще сволочной он был. А поучить тебя, Санёк, нужно было, иначе – не порядок. Ну да ладно, не убил – уже хорошо, так ведь? Получай деньги.

Олег вручил Сашке пятьдесят марок и горсть грошей.

– Подожди, – Сашка повертел бумажки. – Это очень много. Олег, ты ошибся?

– Зарплата – раз, – Олег принялся загибать пальцы, – это десять восемьдесят, за боёвку – тридцать, ну и за героизм и обезвреживание опасного врага – червонец. Всё правильно.

– Какого врага?

Олег скривился, сощурился и сквозь зубы процедил:

– Взял деньги и пошёл отсюда. Понял?

– Олег. . .

– Вали, вали, – Олег тяжёлой рукой похлопал Сашку по плечу и повернулся к Кеше. – Как Хнык?

– Мы его подлечили, – сообщил Кеша.

– Нормально, – Олег развернулся и пошёл к этажке.

– Что ты выёживаешься? – спросил Кеша. – Лёва парня ухлопал, ты Лёву. Чтобы деньги не пропали, Олег на тебя их выписал.

– Мне не нужны эти деньги, – Сашка разжал ладонь, и бумажка в десять марок упала в грязь.

– Ну и дурак, – Кеша поднял десятку и, бережно обтерев об штаны, положил в карман.

Автобуса не было. Кеша поинтересовался у торговцев, будет ли он и, услышав отрицательный ответ, повернулся к Сашке.

– Может, завтра? – спросил он.

– Нет, Кеша, сегодня.

– А ты дойдёшь? Вчера вроде неживой валялся.

– Дойду, – сказал Сашка.

Кеша кивнул, и они пошли дальше. Сашка чувствовал себя совсем неважно. Гораздо хуже, чем утром. Хотя он и взмок, его знобило, болела голова и в горле противно царапало. Шагалось всё тяжелее и тяжелее. Грязь была глинистая и, налипая на ботинки, делала их неподъёмными.

Когда начался частный сектор, Кеша свернул на вскопанные картофельные поля.

– Тут если напрямик, то не очень далеко.

Сашка покорно шёл рядом – он не знал, где у них в городе кладбище для гражданских лиц, все его знакомые были похоронены на офицерском. . .

Кладбище открылось Сашкиному взору совершенно неожиданно. Сразу за чахлыми акациями, обрамлявшими очередное поле. Оно оказалось большим, но на удивление не ухоженным. Под ноги то и дело попадались обрывки бумаги, окурки, жестяные банки, пакеты. Оградки на большинстве могил были облезшие, а некоторые могилы были и вовсе не огорожены, и непонятно было, холмик ли это на тропинке, или ты наступаешь на захоронение. . .

– Новых хоронят там, – Кеша махнул рукой в сторону крайней аллеи.

Сашка увидел вереницу свежих могил, несколько только что вырытых ям, и ему стало жутко. Показалось, что яма – это широко открытая пасть какого-то гигантского животного, и что это животное замерло в голодном ожидании. Подойдешь – схватит. Сашка вспомнил сегодняшний сон. «Иди к нам», – зазвенело в ушах.

– Санёк, иди сюда! Я, кажется, нашёл. У твоей матери фамилия, как у тебя?

Сашка кивнул и очень медленно, с опаской обойдя пустую могилу, подошёл к Кеше. Памятник был совсем маленький – каркас из четырёх сваренных между собой железных прутьев и латунная табличка с фотографией и датами. Сашка сел на корточки, смотрел в молодое мамино лицо, чувствуя странную пустоту внутри. Можно было подумать, что из него вынули все внутренности разом и он – это не он, а кукла, поразительно на него похожая. Куда-то пропали все заботы, впервые за много дней у Сашки ничего не болело, впервые он не ощущал холода, голода и страха.

Кеша понимающе отошёл подальше, а странно заторможенный Сашка так и остался сидеть. «Я останусь здесь, – думалось лениво. – Здесь мне будет хорошо». Серые тучи стали ещё ниже, и вдруг из них гигантскими хлопьями повалил снег. Он падал, размокал в грязи и исчезал, он попадал Сашке за шиворот, таял на его горячих губах, но ему было всё равно. «Я очень устал, – думал он о себе равнодушно, как совершенно о другом человеке. – Я устал мёрзнуть и бояться. Шиз прав. Смерть – вот успокоение, я лягу прямо здесь и умру».

– Ты что, спятил! – Сашка услышал дикий Кешин крик и как будто очнулся: оказывается, он вплотную подвинулся к соседней, пустой ещё яме, и чуть не упал туда.

– Пошли отсюда, – Кеша тащил его за воротник. – Поплачь дома и успокойся, нечего с ума сходить! Довольно с нас одного Воронцова!

«Да он среди вас самый нормальный», – подумал Сашка.

На остановке Сашка опустился на землю и сидел молча, глядя перед собой. Кеша забеспокоился всерьёз:

– Ну что мне теперь с тобой делать? У тебя в городе больше никого нет? Знакомых хоть каких? А то я с тобой, психом, боюсь назад идти. Вдруг ты там полбригады перемочишь! Соседи у тебя есть? Друзья? – Кеша хлопнул себя по лбу. – Вспомнил! Давай адрес этой своей девчонки... Может, она тебя в чувство приведёт!

Сашка назвал Катин адрес, удивляясь, как он его запомнил, и полез в подкативший автобус. Ему совсем не хотелось уезжать с кладбища. Опять заболели все его синяки и раны, опять стало холодно и тоскливо. Автобус тронулся с места и Сашка, наконец, сделал то, чего так давно хотел – уткнулся в Кешино плечо и заревел... В центре

Кеша повёл его, как ребёнка, за руку. Сашка спотыкался, у него перед глазами всё плыло от слёз. «Это я виноват», – опять думал он. Себя было очень жалко.

– Смотри под ноги, придурок, – незло ворчал Кеша.

Придурок? Так в бригаде обычно называли Хнька. А чём он, Сашка, сейчас от него отличается? Идёт и ревет, как девчонка. К тому же непонятно куда идёт... Сашка уже совсем забыл о Кате...

– Вот, вроде пришли. Здесь эта, твоя живёт?

Сашка поднял голову и увидел знакомый дом:

– Ты что, Кеша! Я туда не пойду!

– Пойдешь как миленький, – Кеша решительно постучал в дверь.

Катя открыла сразу. Мельком глянула на Кешу, потом на Сашку:

– Саша, что с тобой?

– Он к тебе в гости собирался, – Кеша взял инициативу в свои руки, – а зайти стесняется.

– Заходите, конечно.

Кеша толкнул Сашку в дверь и остановился у порога:

– Я, наверное, проходить не буду. Ещё напачкаю здесь.

«Можно подумать, я чище», – Сашка пошатнулся.

– Ой, – сказала Катя Кеше, – ты не уходи, пожалуйста. Вдруг с ним что-нибудь случится!

– Всё, что могло, с ним уже случилось, – проворчал Кеша, но остался.

Потом Сашка сидел на табурете и смотрел в пол. «Не упасть» – вертелось у него в голове, перед глазами всё плыло, перехватывало дыхание. «Болеет сильно», «С кладбища», «Нет» – слышались обрывки фраз, смысла и порядка которых он не мог уловить. Ему даже стало казаться, что в комнате уже человек пятнадцать и все советуют ему, как выздороветь. Даже Олег, почему-то оказавшийся рядом. Явно различался его басок: «Подлянку ты нам сделал...». Потом в нос ударил резкий неприятный запах. «Нашатырь» – послышалось Сашке. Он посмотрел вверх. Над ним наклонился бледный Кеша:

– Тебе лучше? Вот как мы обратно поедим? Вдруг автобуса не будет? Я-то доберусь, а вот ты...

– И ты не доберёшься, – запротестовала Катя. – Вас в вашем танковом училище не хватятся? Тогда я вам вечером постелю на полу. Ничего?

– Ничего! – Кеша явно обрадовался. – А твои родители против не будут?

– Папа с частью за город уехал. А маме я сейчас на работу позвоню.

Сашку уложили на узкий диванчик в комнате, где было много книг. Кеша ещё что-то говорил Кате, но Сашка не понимал что. Потом Кеша куда-то ушёл, а Катя сидела рядом и держала Сашку за руку. Он мельком подумал, что рука у него грязная, но выдернуть её из Катиной ладони не было сил... А в очередной раз приоткрыв глаза, Сашка обнаружил, что рядом сидит не Катя, а какая-то немолодая женщина.

– Я тебя узнала, – сказала она. – Ты учился в Корпусе, у Григория. Вы как-то с учений к нам в городскую больницу приезжали. Там у вас что-то взорвалось, да? Ты мальчика оглушённого привёл.

«Привёл. Я Илью привёл. Катькина мама – врач! Вера Ивановна... А Илья, гад, всё из-за него. Знал бы я тогда...» – у Сашки сильно закружилась голова.

– Ты горишь весь! – Вера Ивановна подняла на Сашке футболку. – Господи, а это что такое? Откуда такие синяки?

– Ногами пинали, – прошептал Сашка.

– Какой ужас! – она достала откуда-то ампулу с прозрачной жидкостью. – Сейчас я поставлю тебе укол от температуры, а потом вызовем медпомощь. Мало ли что у тебя там отбито...

В соседней комнате он о чём-то разговаривал с Катей и Кешей, но Сашка уже ничего не слышал – подействовало лекарство. Уже в темноте Кеша вошёл в комнату, постелил на полу одеяло:

– Ну, ты попал, Санёк! Похоже, ты этой девчонке шибко нравишься, а вот мать её меня прямо допрашивала... Я заврался насмерть. А Катька классная! Я таких симпатичных давно не видел. Нет, чтобы мне с ней познакомиться! А ты, дурак малолетний, всё равно в женщинах ничего не понимаешь! Везёт, кому не надо! – Кеша шутя щёлкнул Сашку по лбу, потом вспомнил, что тот больной, добавил: – Эта тётка сказала, что тебя срочно в больницу надо, но нас ни в какую больницу не примут, имей в виду. У нас документов нет!

Кеша уснул очень быстро, а Сашка засыпать боялся. Боялся, что снова приснится Лёва. Или – мама. Вдруг она явится к нему во сне и скажет, что он виноват в её смерти? Как жить после этого? Да и надо ли?

– Ты не спишь? – Сашка понял, что на пороге стоит Катя. Она осторожно прошла в комнату, перешагнула через спящего Кешу и

села рядом: – Я всё поняла. Твой Кеша врун, второго поискать, но он путается часто. У тебя мама умерла?

Сашка кивнул и обрадовался, что в комнате темно – если опять потекут слёзы, она, наверное, не заметит. Катя протянула руку и погладила его по волосам, он даже вздрогнул от неожиданной ласки.

– Ну, успокойся, всё наладится. Всё пройдёт. Главное – пережить горе и всё снова будет хорошо.

Сашка слушал Катини слова, прижимался к её рукам, и так и заснул...

Наутро оказалось, что приезжавшие ночью медики Сашку забирать отказались из-за отсутствия документов. Впрочем, сам он этого не помнил. Запомнился только какой-то нелепый разговор про социальный госпиталь, куда свозят бездомных и то, что Катина мама сказала, что там он точно умрёт. Градусник, который периодически приносила Катя, упорно показывал больше тридцати девяти, всё внутри у Сашки болело, каждый вдох давался с трудом.

– Воспаление лёгких, – сказал кто-то.

Потом комната растворилась в непонятном зелёном вихре. И Сашка кружился в нём, пытаясь отыскать там кого-то и поговорить с ним. Потом Сашка вспомнил про Кешу и позвал его, но Кеша не пришёл. Вернулась комната. Возникла из зелени, плавно покачиваясь. И Сашка вдруг подумал, что так, как он сейчас, чувствуют себя матросы на корабле. Раньше, ещё до гимназии, он видел море на картинке и очень захотел стать моряком, но шла война, и в город, находящийся у моря, уехать было нельзя. «Всегда война. Когда я родился, шла война. Я рос, а война не кончалась. Теперь я умираю, а война остаётся и, может быть, будет всегда» – Сашка услышал, как хлопнула входная дверь, и почти сразу понял, что рядом сидит Катя.

– Твой друг ушёл домой, а ты пока полежишь у нас. Мама тебя вылечит, не бойся. Она хороший врач.

«Вера Ивановна хороший врач, а Краев хороший офицер. Катя станет, наверное, учительницей ботаники в гимназии. Зачем меня лечить? Какая от меня польза? Я умею только стрелять, но не хочу этого делать, – Сашка понял, что если бы его сейчас позвали назад в Корпус, он бы уже не смог вернуться. – Охранять Главу? Кому он нужен? Все копошатся в своём дерьме, и плевать хотели друг на друга! Кто-нибудь думает о Главе не по праздникам? А эти угрозы Конторы: будьте

наготове, а то вас захватят бандиты из Бельска. Неужели от этого что-то изменится? Куда бежал Илья? Везде одно и то же...»

Сашка почувствовал на своём лбу холодную Катину руку и открыл глаза.

– Ты не спишь? Я испугалась.

Он хотел ответить, но мучительно закашлялся.

– Тихо, тихо. Где ты так простыть ухитрился?

Он смотрел на неё, не отрываясь: она не была поразительно красивой, так, обычная девчонка, таких сотни. Вот только странные глаза и коса до пояса. Мама тоже ходила с косой. Давно, ещё до его рождения.

– Ну что ты так смотришь? Я это, я. Ты меня слышишь?

Сашка кивнул, и всё вокруг опять поплыло. Потом он услышал два голоса – Веры Ивановны и какого-то старичка. «Не жилец пацан. Вы тоже хороши – такую пневмонию на дому лечить...», «Катеринин друг, под машину попал... Сирота... Вы правы». Сашка понял, что разделет, и чьи-то сухие руки быстро его ощупывают. Стало страшно. «Ты нас слышишь, мальчик?», «Что будем делать?»

– Мама! – позвал Сашка.

Потом ему показалось, что он лежит в большом стеклянном пузыре, и никто не может его услышать: он звал кого-то, просил, кричал, но всё было бесполезно. Люди проходили мимо него длинной унылой вереницей, но никто не оборачивался на его крик. Даже Кеша прошёл рядом, помахивая магнитофоном. «Это не пузырь», – испугался Сашка. Сейчас он точно знал, что это гроб. Кривой, наспех сколоченный Кешей из гнилых досок. «Почему я в гробу? А, это я умер». Вокруг гроба толпой стояли ребята: Олег, Женька Коньков, Хнык, Пёс. Кеша опирался на лопату, Витька Шиз бормотал какую-то молитву. В вырытую для Сашки яму тяжёлыми хлопьями валился снег. «Они хотят положить меня в такую сырую могилу, – подумал он абсолютно спокойно. – Почему я не умер летом?» Над ним наклонилась мама, поцеловала в лоб, отошла. Подошёл Кеша, потом Олег, потом Лёва. «Значит, я его не убил», – решил Сашка. Крышка стала медленно закрываться. «Но я же вижу их», – вдруг подумал он. «Тебе хорошо, – раздался Шизов голос. – Тебя живым похоронили, ты сможешь лежать и думать». Крышка закрылась, и сверху по ней забарабанили куски мёрзлой земли. Темнота окружила Сашку...

Продолжение следует...

По ту сторону реальности

Ирина Юсупова
ВАННОВЫЙ

...Фантастическая шутка с маленькой эротической сценкой...

боюсь.

– Я тоже, – улыбается он и тут же успокаивает меня: – Все будет хорошо!

– Тогда начинаем?

– Да...

А действительно началось всё это до банальности просто.

Я отмокала в ванной, иногда редела, иногда начинала смеяться – нет, ну, правда, дурь какая-то... первый раз, что ли, он такое вытворляет? И чёрт с ним. Бросила, так бросила. Умер, так уж умер.

И вот тут-то он и появился.

Вылез из аварийного сливного отверстия, отряхнулся, немного пригладил мокрые волосы и смущённо сказал:

– Здравствуйте...

И немного подумала – поорать, может? Потом посмотрела на почти пустой стакан Мартини, на ополовиненную уже бутылку на тумбочке, и орать передумала:

– Привет.

Он чуть кашлянул, словно готовясь к выступлению, вздохнул и спросил:

– Как дела?

Я тоже вздохнула, вспомнив некоторые события, и честно сказала:

– Да, в общем, паршиво.

Он сразу озаботился:

– Я могу помочь?

Тут уже озаботилась я и, немного сосредоточившись, по-настоящему его рассмотрела. Ростом он был с пол-ладошки, но сложен при этом великолепно – настоящая широкоплечая мужская фигура... то есть, фигурка, наверно, так правильнее. Тёмные длинные волосы до плеч, светлая кожа и серые большие глаза. Ну, лапонька, одним словом. Я опять вздохнула и сказала:

Она очаровательно спросила меня: «Это, наверное, очень трудно выдумывать всё из головы?». «Трудно, – ответил я, – но думаю, что из ноги было бы ещё труднее».

Станислав Ежи Лец

– Помочь – это вряд ли. Вот если только надраться со мной за компанию...

– А знаете... – он вдруг опять смутился, – я бы с удовольствием... тем более, что даже и не вспомню, когда пил что-то спиртное...

– Так в чём вопрос? – воодушевилась я. – Сейчас налью...

Тут я немного задумалась – а во что же ему налить-то? Пожалуй, даже напёрсток будет для него как здоровенная кастрюля...

Он помог сам:

– У вас духи такие есть... Названия не успеваю никогда заметить, вы быстро душиетесь... а потом все в косметичку и уходите... Но они яблоком пахнут...

– А при чём здесь духи? – удивилась я. – И, кстати, это Симпатия, Дзинтаровская...

– Там у пульверизатора колпачок... он, видимо, самое маленькое, что есть в доме...

– Это идея! – я тут же хотела выскочить и побежать за духами, но вдруг сама смутилась... Чёрт. Хоть и маленький – а мужик, всё-таки! А я нагишом в пене плаваю...

Он сразу всё понял и поспешно заверил:

– Я отвернусь, конечно, – и повернулся спиной, держась за поручень сиденья, на котором и стоял всё это время. И потом, запинаясь, немного жалобно попросил: – Только не брызгайтесь, пожалуйста... Так мне эта вода надоела...

– Нет, я аккуратненько! – заверила я его и тут же, вспомнив его мокрые брюки, рубашку и жилетку, спросила: – А, может, вам полотенце принести? Сухого на вас у меня, пожалуйста, не найдется... А вот полотенце есть.

– Я буду очень признателен! – он, всё так же стоя спиной ко мне, приложил руку к груди.

– Тогда я мигом!

Я выскочила из ванной, шлёпая мокрыми ногами по полу и на ходу запахивая халат. Потом, взяв духи, маленькое косметическое полотенце и ещё кое-какие на мой взгляд подходящие небольшие ёмкости, направилась в ванную.

А перед входом словно споткнулась.

Видимо, холод квартиры и пола несколько отрезвили.

– Что за белая горячка? – пробормотала я и пощупала себе лоб... вроде нормальный... А потом хмыкнула: – Впрочем, симпатичная горячка... А, ладно! – и смело шагнула в ванную.

Он так и стоял на сиденье ванной и испаряться, в связи с моим некоторым отрезвлением, даже не собирался.

– Вот, – протянула я ему полотенце. – Снимайте всё мокрое, на батарею повесим, – и тоже вежливо отвернулась.

– Спасибо! – проникновенно сказал он. А потом опять вздохнул: – Только на батарею не надо... Всё равно потом опять в воду...

– Ой! – вдруг вспомнила я. – А закусить?

– А разве закусь в «надиране» входит? – засмеялся он у меня за спиной и у меня по телу пробежали мурашки... нет, правда, чёрт. Давно я не встречала так хорошо смеющихся мужиков...

– Можно сначала хорошо закусить, а потом надраться, – начала философствовать я. – Выпивки... тем более для вас... полно! И если уж устраивать праздник, то по полной. А вот если сначала надраться, то потом уж вряд ли как следует закусишь...

– Тоже верно, – согласился он, а потом, опять смущаясь, сказал: – А у вас колбасы копчёной нет случайно?... или шоколадки... Так хочется...

– Есть! – обрадовалась я. – И не только это! Сейчас всё принесу! – и побежала за продуктами.

Потом была суета подготовки – я приспособила для него колпачок от лака как стол, колпачок от дезодоранта, поменьше, как стул. Разложила рядом на тарелке всё, что притащила из кухни и, отрезая малюсенькими кусочками, клала это на салфетку, на его «стол».

Он как-то с опаской покосился на мою «мебель», а потом решительно убрал «стол» и просто сел у «стула» по-турецки:

– Так лучше... – смутился отчего-то.

– Ладно, – не стала я спорить, и продолжила подготовку.

Потом, когда всё было готово и «бокалы» налиты, возникла неловкая пауза.

– За знакомство? – спросила я. – Я Людмила... А?...

– Правда?! – перебивая, расширил он глаза. Но потом как-то сник: – Впрочем... это уж не важно... – потом встряхнулся, улыбнулся и тоже представился: – А я – Ванновы́й.

– ?!?!

– Ну... домовые... есть, слышали? – всё улыбался он. – А раз я в ванной, то Ванновы́й. Вот.

Я немного подумала, опять посмотрела на бутылку Мартини и согласилась:

– Ладно, заметано. Так, за знакомство?

– За знакомство, – протянул он мне навстречу свой «бокал».

Потом мы некоторое время молчали, занятые едой, и первым нарушил молчание он:

– Как же вкусно, – говорил с набитым ртом, но я простила ему этот «не этикет», ведь обстановка была далеко не официальная... – Я так давно ничего настоящего не ел...

– А где вы живете? – решила поддержать я беседу.

– Да тут и живу, – вздохнул он, кивнув на сливное отверстие. – В трубах, по дому нашему брожу...

– Но ведь это, видимо, очень неудобно! – изумилась я. – Вода всё время... Так и захлебнуться недолго!

– Ну, большая вода не всё время, – сосредоточенно жуя шоколад, сказал он. – Только когда люди душ или ванну принимают... А это не везде и не всегда. Настоящая проблема – это когда воду горячую отключают, – он тяжело вздохнул. – Вот это прямо беда... Холодно! Я всё время простужаюсь в это время...

– Ох, ты... – заперевивала я, – а что же вы наружу-то не выйдете? Ну, хоть на это время! Или вам, Ванновым, не положено?

Тут он пристально посмотрел на меня и спросил:

– А куда?

– Как куда? – растерялась я. – Ну, вот сюда... В квартиру, то есть. Почему обязательно ванная? Или, может, – вдруг испугалась я, – вы без воды не можете? Как человек-амфибия?

– Да нет, могу, – улыбнулся он, и я опять порадовалась – до чего же он хорошо улыбался! – Но только... – опять он вздохнул. – Вот завтра... без Мартини... вы не запустите в меня чем-нибудь?

Я честно подумала, посмотрела на пустую уже бутылку, на новую, не открытую ещё – коньяка, и, взвесив всё, сказала:

– Теперь уже нет. Вот если бы до этого, – кивнула я на бутылки – тогда наверно... даже наверняка. А теперь ведь познакомились, так чего уж?

Он опять засмеялся и тут же лукаво добавил:

– Всё, ловлю на слове! И сегодня переночую, наконец, по-человечески, в сухости, вот тут у вас, на тумбочке... В вашем замечательном полотенце. И если вы утром, протрезвев, всё-таки запустите в меня чем-нибудь, то это будет нечестно!

– Ой, ну почему на тумбочке?! – возмутилась я. – Что, места, что ли, в квартире мало? И материала всякого полно. Я вам настоящую постель устрою! Быстренько сошью одеяло и...

– Не надо, – перебил он. – Зачем столько суеты? Из-за меня тем более...

Он опять как-то сник, сидел, завернувшись в полотенце, немного раздумянный от спиртного, взъерошенный... такой, что хотелось пожалеть и приласкать...

– Ванновы́й... – я споткнулась на это имя и возмутилась: – Нет, всё-таки дурацкое имя! И потом, у домовых имена бывают! – я вспомнила мультик про домовёнка Кузю. – Значит, и у вас должно быть! Давайте вас как-нибудь назовём!

– У меня было... раньше... – запнулся он. – Но как-то хотелось забыть всё то... Да и ситуация...

– Какое? – не унималась я.

– Вы только не подумайте, что я подыгрываю, – вздохнул он. – Паспорт, к сожалению, показать не могу, сами понимаете... Но меня зовут Руслан.

– Ага, – сообразила я. – Руслан и Людмила. Классика. Потому и не представились, да?

– Ну, да... – опять вздохнул он.

– Тогда есть хороший повод действительно здорово надраться, – наполняла я опять наши бокалы. – За знакомство. Вторичное!

– Да, действительно! – воодушевился он. – А то мы всё пока только закусываем... И я уже, кажется, объелся...

– Выгодный мужчина, – серьезно сказала я, прикидывая размер крох, которые он съел.

– Вот получится ли теперь надраться? – засмеялся он.

– Если долго мучиться, что-нибудь, да получится, – вспомнила я опять классику. – Значит, будем мучиться до победного. До «надирания», то есть. В баре полно всего. Кстати! – засуетилась я. – А, может, вы что-то другое предпочитаете? Есть ещё виски, джин, шампанское, вино, наливка вишнёвая...

– Джин! – тут же выдохнул он и опять смутился... – Если, конечно, можно...

– Ой! – обрадовалась я совпадению вкусов. – Я тоже джин обожаю! Я мигом! – и опять вылетела из ванной.

«Надирались» мы долго. Конечно, хотелось спросить именно о нём – кто он, откуда? Неужели действительно существуют домовые, черти, русалки и ... ванновые? Но сначала было как-то неудобно... всё-таки нормальный, очень интеллигентный молодой мужчина... А потом уж вообще стало всё равно. Ванновый. Ну, ванновый, ну и что? Зато человек хороший.

Мы сидели друг напротив друга – я на бортике ванной, он на сиденье, травили анекдоты, хохотали до икоты и слёз, я рассказывала последние новости – с этим у него была проблема, он мне – детские страшилки, которых знал великое множество и которые здесь, при свете, в тёплой ванной, выглядели тоже как хорошие анекдоты...

А потом я, понимая, что скоро рухну на пол... последним усилием предложила:

– Руслан, пора спать! Я, кажется, уже всё... надралась.

– Конечно, идите! – улыбался он.

– А вы? – я вздохнула. – Обещала одеяло сшить... только сейчас вряд ли смогу. Но можно просто в кресле, я дам чистый платок – как простыни и полотенце ещё одно – как одеяло... А подушку из моих косметических дисков соорудим... Так пойдет?

– Столько хлопот... – смутился он. – Может, лучше я тут останусь?

– Никаких хлопот! – решительно заявила я. – Идём!

Он подошёл к краю ванной и замер в нерешительности.

– Ой, ну я дура! – спохватилась я. Для него расстояние до пола было с хороший двухэтажный дом. – Прошу, – я подставила ему ладошку: – Садитесь, отнесу в комнату.

– Нет, так не пойдет... – задумался он.

– Почему? – удивилась я. – Неудобно? Может, так? – я подставила ему локоть.

– Нет, и так не пойдёт.

– Да почему?!

– Я очень тяжёлый, – вздохнув, сказал он.

Я не выдержала и прыснула. Но он не обиделся, тоже улыбнулся и повторил:

– Да, тяжёлый. Ну, по крайней мере, для вас. Или вы культуристка? Ведь семьдесят пять кило, думаю, не так уж и мало...

– Скооооооооооо?! – округлила я глаза и опять засмеялась. – Это ещё один анекдот?

– Нет, – он всё улыбался. – Впрочем, проще на деле объяснить... Положите-ка сюда руку, – он показал на сиденье ванной.

Я послушно положила руку на доски сиденья, а он поставив одну ногу на мою ладонь начал постепенно переносить на неё вес...

В общем, окончательного «перенесения» я не выдержала. Ойкнула, он убрал ногу и я стала тереть ладонь – было больно... Он словно «протыкал» ладонь своей ногой... и я вдруг поверила – наверно, действительно семьдесят пять...

– Как же это? – растерялась я. – Для такого роста, вроде, многовато...

Он грустно посмотрел на меня, вздохнул и сказал:

– Давайте на потом это оставим, а? Вам и правда бы поспать... А тут я мешаю...

– Сейчас, – я хоть и была пьяная, но не в отключке же! А потому хоть что-то, но соображала.

Я, как могла быстро, спотыкаясь о стены, которых, кажется, стало в три раза больше, пронеслась по квартире и насобирила много полезных вещей – пятилитровая банка, ведро, ещё две банки – двух и поллитровая, несколько толстых книг, и свалила всё это на пол. Впрочем, и сама плюхнулась туда же – ноги уж очень плохо держали.

Руслан при виде всего этого добра сильно воодушевился:

– Здорово! Сначала ведро, потом пятилитровую банку...

– Потом двух... – сооружала я «лесенку», – нет... надо книгу положить... Вот так, и эту...

– Потом уже прыгну, не надо! – руководил Руслан.

Наконец, «лестница» была выстроена и Руслан, аккуратно пробуя каждую «ступень», постепенно спустился.

– Прошу! – пригласила я его в комнату.

А там меня хватило только на то, чтобы соорудить ему из книг «лестницу» к креслу, залезть в шкаф и достать ещё одно маленькое полотенце и платки...

– Дальше я сам, спасибо! – заверил он, а я, даже не пожелав «спокойной ночи», уползла в спальню, понимая, что мои ресурсы и возможности не безграничны...

...Ночью я спала плохо – опять пережила, теперь уже во сне, всю прелесть последнего расставания «с этим гадом», как подытожила потом нашу встречу моя лучшая подружка – Маринка...

... Опять мы сидели в нашем кафе, и опять он восторгался своей новой секретаршей – и умница, и красавица, и обаятельная, и исполнительная... пока я, наконец, не поняла, что он уже с ней спит. А даже если и не спит? Ну, можно ли при одной женщине, и вроде бы любимой... так восторгаться другой? Можно, конечно, если ты полный дурак. Но мой (... хотя какой уж теперь мой?...) Олеженька дураком не был, это уж точно. И поглядывал на меня с ехидцей... ну, как мол? Надолго хватит тебя сегодня? Когда ожидается унылый вид и тоска в глазах? Когда слёзы? ... которые он, конечно же, будет утешать... ведь он такой чуткий! ... и ему будет совсем не стыдно за всхлипывающую рядом даму... И все оборачивающиеся рядом – ерунда... Ах, как же он любил покрасоваться!

Но тут что-то во мне и перевернулось.

И насадив ему на голову его же фруктовый салат, и с умилением наблюдая, как притихшие люди вокруг сосредоточенно смотрят и решают для себя – заползут или нет взбитые сливки за шиворот его шикарной и модной рубашки, я окончательно успокоилась. А потому грациозно открыла сумочку, изящно достала пудреницу, с наслаждением посмотрела на себя, кокетливо подправила локоны в причёске, и, радостно и громко сказав: «Привет секретарше!», расплёскивая вокруг волны обаяния, уплыла из зала...

Вечером Маринка, хохоча, рассказала мне, и как Олег, шипя и тихо матерясь, стряхивал салфеткой салат с головы, и как при этом наш шеф, который (о, ужас!), оказывается, тоже был в кафе, улыбаясь, спрашивал его – не помочь ли? ... и как язва-Вера из бухгалтерии невинно его «успокоила» – не переживайте, Олег Дмитриевич, взбитые сливки очень для волос полезны!... а то вот уже проплешина у вас наметилась...

Я смеялась и думала – неужто это все я?

А потом позвонил и он. О! Он умел делать из поражения победу. Он спокойно и буднично заявил – с меня рубашка! Малиновый сироп, также присутствующий в салате, не отстирался.

А тут я опять поразила сама себя – я не стала оправдываться, просить прощения или заискивать. Я также спокойно и буднично сказала – сам купи, не разоришься.

А он сказал, ну что же... как хочешь. И повесил трубку.

И вот тут я поняла, что это уж действительно всё... Он (умный же!) понял, что я вдруг почему-то перестала быть для него шутком и объектом для насмешек.

И ведь именно это ему во мне было и надо...

И раз этого нет... То зачем я ему вообще?

... И тогда я пошла пить и реветь в ванную... Впрочем, разве не такого конца я уже давно и подсознательно ожидала? Маринка тысячу раз говорила мне, что он мной просто пользуется и держит для развлечения...

Всё. К черту.

Умер, так умер.

... Я продиралась сквозь сон распухшей и больной, как всегда это у меня бывает с похмелья, головой, тихо постанывала и материла всё и вся...

И только когда окончательно села на кровати, вспомнила про Руслана. Улыбнулась – чего только не приснится! И пошла на кухню – заваривать кофе.

Ещё в коридоре услышала какой-то подозрительный, ни на что не похожий звук из кухни и насторожилась. Притормозила и заглянула в гостиную – на кресле аккуратной стопочкой лежали полотенце и платки, вниз шла лесенка из книг...

Я потёрла глаза. Всё осталось на месте.

– Чёрт, – пробормотала я. – Всё ещё пьяная, что ли?

Но больная голова говорила о противоположном.

Тогда я, набравшись решимости, потопала на кухню, на странный шум.

Руслан, выломав из моего веника пучок прутьев, и соорудив себе что-то вроде метлы, аккуратно наводил в кухне порядок – сметал весь мусор поближе к ведру.

– Привет! – улыбнулся он мне. – Как спалось?

Вместо ответа я рухнула на ближайшую табуретку... и, глупо хихикнув, выдавила:

– А ты, значит, всё-таки на самом деле?

Он оглядел себя, как будто и сам уже сомневаясь в своей реальности, и неуверенно сказал:

– Вроде да... – и тут же добавил. – Кстати, спасибо, что всё-таки ничем не запустили.

– На здоровье, – опять глупо хихикнула и икнула я. Боль от «ика» тут же стукнула по голове, я сморщилась...

– Что, тяжело? – сочувственно сказал Руслан и вздохнул. – Я так бы хотел приготовить вам кофе... но увы! – он сокрушённо развёл руки. –

Вот поэтому и решил заняться хоть чем-то полезным... тем, что у меня получится...

– Что вы! Я сама, – тут же поправились я со своего невежливого «ты». – И можно с ликерчиком... Тогда снова «человеками» станем.

Он, заметив моё смущение, грустно сказал:

– Не переживайте... Можно и «ты»... Что я за персона?...

– Дело не в росте, – совершенно серьёзно сказала я. – Я... просто не проснулась ещё... – смущённо пыталась оправдаться я: – Да и голова трещит...

Тут я, наконец, заметила ещё одну вещь и, окончателно покраснев, забормотала:

– Ох, извините... Я не подумала! Сейчас принесу ваши вещи... – дело в том, что он был в чём-то типа набедренной повязки, сделанной из кусочка носового платка... Впрочем, зрелище было приятное – его, хоть и крошечная, фигурка была такой ладной, мускулистой и мужской, что мне, если честно, не очень хотелось нести ему его вещи... – Они, я думаю, давно уже высохли!

Эти вещи – вельветовые синие брючки, такая же жилеточка, и тёмно-жёлтая рубашка что-то мне очень живенько стали напоминать... Видимо, заметив мой сосредоточенный вид, Руслан, когда я отвернулась, одеваясь, стал рассказывать:

– Вы, наверно, угадали... Это кукольные вещи – Кен... так, кажется, зовут эту куклу-мужчину... и Бабри, знаете? ... вот у них дети... Это вещи их «мальчика».

– Ну, да! – обрадовалась я. – Точно! Я у подружкиной дочки видела! А я-то всё думаю – откуда я их знаю?

– Я долго дружил с одной девочкой... – тут он смутился и запнулся, – вернее, конечно, она со мной... Она верила в сказки и думала, что я – гномик... И дарила мне вещи от своих кукол... Поворачивайтесь, я уже.

– А вы... – я, повернувшись, решила продолжить тему. – Кто вы на самом деле?...

– Ванновый! – засмеялся он. – Про кофе вы не пошутили? Кажется, полжизни за чашку кофе...

– Да, конечно, сейчас сварю! – спохватилась я, но тему не закрыла. – Ну, хорошо... пусть ванновый. А, кстати, что с девочкой? Она выросла и перестала верить в гномиков?

– Нет, девочка переехала, – вздохнул он. – Она долго плакала и хотела взять меня с собой... Но как? Был бы полегче... тогда бы может быть... А так в какую сумку ни положи – её мама заинтересовалась бы, что это там за тяжести такие? Я убедил её, что ехать мне никуда нельзя... Вот, собственно и всё...

Я приготовила кофе, разложила все возможные продукты подступнее для Руслана, потом соорудила из принесенных книг очередную «лесенку» и мы сели завтракать. Я первая предложила:

– Руслан, может, хватит выкать? И я не только про вас... Меня тоже совершенно незачем так официально...

– На брудершафт не получится! – засмеялся он. – Но я – «за»!

– Руслан, – решила не отступать я от заданной темы, – а чем же всё-таки... в... ты питаешься? Если и девочка уехала, и других знакомых нет...

– Ох, – тяжело вздохнул он и потупился. – Лучше бы не за завтраком... Одно скажу – счастье, что у меня такой прямо-таки «луженый» желудок... Всё принимает. Тьфу-тьфу-тьфу, – он постучал по столу. – Но лучше всё же потом.

– Хорошо, – тут же согласилась я.

Мы ещё какое-то время молча ели, пока, наконец, моё любопытство опять не полезло наружу:

– Руслан, а всё-таки... До вчерашнего дня я была больше материалером...

– Ну, я вообще-то довольно материален! – улыбнулся он. – Ты же трогала меня, или забыла? Тогда можно ещё, на, – он великодушно протянул мне руку.

Я не удержалась и потрогала... Или, скорее, он меня. Погладил крохотной ручкой по пальцу... чёрт! Стало приятно...

– Ну, как? – усмехнулся он.

– Наверно, не так выразилась... – пробормотала я смущённо. – Ну, не верила я до вчерашнего дня в водяных, домовых и... ванновых...

– И сейчас, кажется, не веришь, – опять улыбнулся он.

– Не верю! – с вызовом сказала я.

– И правильно делаешь, – теперь уже вздохнул он.

– !?!?!?

– Нет ни домовых, ни водяных... Только один Ванновый. Я, то есть.

– А, может, поконкретнее? – попросила я. – И потом... эти твои оговорочки: «Раньше звали»... «лучше забыть»... Что было раньше?

Он опять вздохнул, пристально посмотрел на меня своими замечательными и грустными глазами, помолчал, потом почти прошептал:

– Знаешь, не весёлая история... Да и какая-то ярмарочно-фантастичная... Как фантик... В Ваннового проще поверить, намного... Всё-таки, похожая нечисть давно и в сказках и в легендах присутствует...

– Зубы ты умеешь заговаривать, это точно, – серьёзно сказала я. – Но я вредная и въедливая. И приставучая. Бабушка говорила – как банный лист. Так что мне проще отдался, учти.

– Нет, ты не вредная! – вдруг засмеялся он. – Я вообще-то давно тобой люблюсь... – тут он смутился и покраснел: – Ты только чего такого не подумай!... Я только то, что можно... Честно. И ты замечательная...

Тут уже смутилась я, но, вовремя вспомнив о своей въедливости, напомнила:

– Историю давай. Я слушаю.

Он помолчал, опустив длинные чёрные ресницы, вздохнул и – как в омут:

– А!... что терять? Примешь за сумасшедшего? ... тогда уж всё до кучи – Ванновый-Сумасшедший. Всё равно. Слушай...

Я был когда-то нормальным. Совершенно нормальным и даже высоким – под метр девяносто – парнем. В школе учился, потом в авиационный поступил... всё здорово было...

Я так яростно хлопала глазами, что он грустно усмехнулся:

– Уже не веришь?

– А?... – только и смогла выдавить я.

– Наверно, не с того начал, – вздохнул он. – В общем были у меня мама, отец, дядя – его брат, бабушка с дедушкой... Все как у людей. Первая погибла мама – она горными лыжами увлеклась... разбилась... Бабушка с дедушкой недолго после этого протянули – единственная любимая дочка, умница, красавица, да к тому же поздний ребенок... Даже внук, я то есть, не смог их от этого горя отвлечь. Так друг за другом за ней и ушли... Отец тоже переживал, конечно, очень... Но у него были я и мой дядька. Я – ребёнок, а дядька – как ребёнок. Нет, ребёнком он, конечно, в буквальном смысле этого слова не был – он был химик, руководил даже какой-то лабораторией в НИИ... не помню уж каком... Но вот его образ жизни! Он всё время что-то изобретал. И все свои немалые заработки тратил на реактивы и приборы. А отец тогда в

недвижимости работал, зарабатывал отлично, ещё до гибели мамы квартиру хорошую купили, обставили, две машины, дача были... Ну, и дядьку он буквально от голода спасал и, хоть и был младше, ругал и пытался воспитывать. Куда там!

Руслан опять вздохнул, вспоминая что-то своё, а потом продолжил:

– Так вот. Когда мы одни с папкой остались, дядя начал приставать к нему, чтобы тот дал ему какую-то совершенно немыслимую сумму, и говорил, что де, мол, что-то ТАКОЕ изобрёл, что стоит ему только это своё изобретение обнародовать – вернёт всё! И даже больше. Ну, понятно куда отец его посылал... И говорил, что ещё в трезвом уме. А потом – авария... Я-то выжил... на заднем сиденье спал, а вот папка...

– Господи, – вздохнула я. – Что же за напасть-то на вашу семью?

– Да он после маминой гибели словно искал её... напасть эту... – вздохнул Руслан. – Так и лез во всё опасное...

– Наверно, маму забыть не мог? – прошептала я.

– Её невозможно было забыть... – тоже прошептал он. А потом встряхнулся: – Ну, вот тут-то и началось... Дядька буквально атаковал меня – дай денег! А я, хоть ещё только на втором курсе был, считать уже очень хорошо умел. И, трезво прикинув все ресурсы, возможную продажу дачи, машины и квартиры – с обменом на меньшую – понимал, что мне всего нажитого моими родителями добра как раз хватит на то, чтобы нормально выучиться, и, если смогу найти хорошую работу, то едва-едва до этого и дотяну... ведь жизнь не стоит на месте, всё дорожает... Короче, я, так же как и отец, отказывал ему...

Руслан опять вздохнул:

– Только теперь понимаю, как ошибался... – и в ответ на мои недоумённо взлетевшие брови, продолжил: – Сейчас поймёшь. Тогда он свою квартиру продал... Не бог весть что была квартира... Но всё-таки Москва и почти центр. Он бросил работу и перебрался в какую-то халупу километров за 90 от Москвы... Чуть ли не задаром купленную. И уже там продолжал свои опыты. И опять ему не хватало денег, и опять он начал ко мне приставать. Я резко отказывал, и тогда он сменил тактику – приходил несчастный и жалкий... голодный... ну, разве мог я выгнать? Кормил... одевал... иногда по мелочи денег давал... ведь родной же всё-таки! Жалел, одним словом. А он!...

Руслан даже глаза закрыл и замолчал. Я, изнывая от нетерпения, решила «подтолкнуть»:

– А он?

– А он оказался обычным преступником, – как-то устало сказал Руслан. Но потом усмехнулся: – Хотя, нет. НЕ ОБЫЧНЫМ преступником. Но преступником. Он решил избавиться от меня, чтобы в наследство, как ближайший родственник, получить всё моё добро. А вот сделать это он решил по-своему, применив то самое своё изобретение...

Руслан опять замолчал, а я прошептала:

– Неужели?...

– Да, – просто сказал он. – Он придумал состав для уменьшения человека.

– Ну, дела... – обалдело пробормотала я. – Пряма, как в фильме...

– Только там всё было весело, – вздохнул Руслан. – А тут, когда он добавил мне в ванну какой-то состав, объяснив что это «витаминочки» для укрепления, и что мне после институтской лыжной гонки очень полезно...

– Но зачем?! – не утерпела я. – Не проще ли убить?

– Видимо, потом хотел, – задумчиво сказал он. – Согласись, что прятать труп здорового, под два метра, парня несколько сложнее, чем «гномика»... хоть и весил этот «гномик» столько же...

– Да... – протянула я.

– Да, видно, и доказать хотел напоследок, что никто не оценил его гениальности... Это верно, не оценили... – усмехнулся Руслан. – Ох, как не оценили... Но он также не оценил и меня.

– Это в смысле? – не поняла я.

– Сначала я подумал, что просто кружится голова, – продолжил Руслан. – Что-то происходило со стенами, ванной, водой... Я озирался и вдруг увидел выражение, с которым дядька смотрел на меня. Сидел на бортике ванной, ухмылялся противно и чего-то ждал... И вдруг я всё понял! Я понял, что УМЕНЬШАЮСЬ! И также понял, что это – дядькины штучки. Впрочем, он тут же и сам подтвердил это – захихикал и спросил – как, мол, ванна не великовата?

Руслан опять замолчал, а я честно попыталась все это представить, и по спине у меня бегали мурашки...

– Вот тут-то я и сделал то, чего он, видимо, от меня не ожидал... – продолжил Руслан. – Я подпрыгнул и вцепился в него из последних сил... он не удержал равновесия... и плюхнулся в теперь уже практически свободную ванную вместе со мной... Ох, как он выль!

усмехнулся Руслан. – Выль, и уменьшался вместе со мной... пока мы не стали такими же, как и были при жизни – его макушка болталась у меня где-то под мышкой... Уж теперь-то он ничего не мог со мной сделать! А ведь хотел. Сначала, страшно и грязно ругаясь, набрасывался на меня в воде, словно утопить хотел. Ну, куда там! Я был кандидатом по плаванию, в бассейне занимался, да и моложе его всё-таки... и чуть сам его тогда не утопил, со злости... Но потом, одумавшись, взял за шкурку и сказал, что хватит дурью маяться и пусть обратно нас превращает. И сначала меня! Уж теперь я прослежу.

– И что же? – ёрзала я от нетерпения. – Не вышло?

– Ещё хуже... – мрачно сказал Руслан. – Оказывается, не было у него пока такого состава, чтобы обратно... Только ещё хотел синтезировать да на мне же и испытывать...

– Ой, мамочки... – пробормотала я. – Как же это?...

– Вот так... – вздохнул Руслан. – Уж очень ему не терпелось от меня избавиться... А потом, – он махнул рукой, – потом начался кошмар... Ты же представляешь теперь, как самые обычные вещи, как то спуск с ванной, например, становятся для людей такого роста целой проблемой... И всё-таки я решил держаться вместе с ним. Мне удалось из плавающих в ванне мочалки, щётки и пемзы соорудить рычаг и выдернуть затычку... Потом спуститься по этой цепочке вниз... Потом... – Руслан вдруг махнул рукой. – Да что говорить? Это книга отдельная получится – как мы учились жить в новом обличье... Скажу только одно – дядька сразу же потерял всю надежду и перестал бороться... А я... я ещё какое-то время верил в спасение... Потом остро встала проблема еды – мы быстро подъели все крошки, что нашли на полу и везде, где только смогли забраться... Потом я долго и из подручных средств изобретал всевозможные подъёмники и рычаги, чтобы добраться до пищи... А однажды оказалось, что еды в доме больше нет. Впрочем, это понятно – я практически не питался дома, запасов никаких не делал... Дядька же вообще был чокнутым учёным – его не покормишь, он сам и в магазин-то не сходит... В общем, появилась настоящая необходимость выйти из квартиры...

– А разве тебя не хватились? – удивилась она. – Друзья по институту?

– Конечно, хватились, – сказал Руслан. – Телефон какое-то время прямо-таки разрывался. Потом была милиция, от которой мы спрятались. Может, зря?... Не знаю... Но тогда мне показалось, что нас

запрут в какой-нибудь секретный институт и тогда уж вот точно прощай и свобода, и просто жизнь...

– Наверно... – протянула я и вздохнула. – Если бы вообще каким-нибудь «новым русским» на забаву за бешенные бабки не продали... А дальше?

– Дальше я понял, что способ передвижения по дому один – по трубам. Ну, как ещё? Вентиляции в доме нет – люди тут обеспеченные и у всех стеклопакеты с кондиционерами... Мусоропровод – на лестничной клетке... Значит, трубы.

– Ох, господи... – опять пробормотала я. – Но там же... Вода... и грязно... и страшно.

– Что-то страшнее того, что со мной стало, я уже мог представить с трудом, – усмехнулся Руслан. – А жить так хотелось! Надеялся тогда ещё на что-то...

– Погоди, погоди, – заволновалась я. – А сейчас? Что, сейчас уже не надеешься?

– Нет, конечно... – вздохнул он.

– Но почему?!? – возмутилась я. – Уж теперь-то? Когда я всё знаю, твой дядька обязательно синтезирует свой состав! Я буду помогать! – честно заверила я. – И денег дам, если надо! У меня есть некоторые сбережения!

– Так нет дядьки-то... – прошептал он. – Умер...

– Как же это... – пробормотала я.

– Он вообще тогда сник... перестал бороться... – опять вздохнул Руслан. – А уж когда мы попробовали съесть кое-что из отходов и живности, обитающей в трубах...

Я невольно сглотнула и зажала рот рукой.

– Не буду подробностей рассказывать... – усмехнулся Руслан. – Но это давало жизнь... И я переборол себя. Впрочем, и дядька переборол. Но вот только он был на тридцать пять лет старше меня, и у него была язва... И «сгорел» он очень быстро... И я остался один...

Я чувствовала себя так, словно это произошло со мной... и уже готова была хлопнуть... но любопытство опять победило:

– А как же твоя квартира? Там кто-то другой живёт уже?

– Нет, – задумчиво протянул Руслан. – Здесь-то как раз дядьку бы ждал полный облом. Отец, словно что-то предчувствуя, составил странное завещание... знаешь, я не очень силен во всех этих юридических

штучках... – он сморщился, – это он был мастак... Но как-то так там выходит, что даже я её продать, оказывается, не мог. Вроде, могут только мои правнуки продать, да и только через пятьдесят лет, так кажется. Я это почти в последний момент узнал. Да и квартплата на неё автоматически, из банка отчисляется. Ну, милиция, думаю, меня ищет, а квартира... Стоит себе запертая... Вот и всё.

– Как же всё?! – заволновалась я. – Ещё даже и совсем не всё! Ведь дядька у тебя жил? Так?

– Ну, так, – подтвердил Руслан. – Я ему гостиную отдал полностью, он постепенно все свои колбы да приборы туда перетащил... я махнул тогда рукой... Хоть на билеты до его Тьмутаракани ему денег не давать...

– Вот!!! – завопила я. – Колбы, приборы... И записи!! Обязательно должны быть записи, понимаешь? А если есть записи, то мы сможем их прочитать! А прочитав...

– А, прочитав... – прошептал Руслан и вдруг помотал головой: – Нет... не надо, пожалуйста... Не вселяй в меня надежду опять... Я уже привык... Я – Ванновы́й... Я брожу по нашему дому... это, знаешь, даже интересно... иногда забредаю к тебе и люблюсь твоими золотыми волосами и русалочьими глазами... иногда шучу – навожу порядок на полочке у старушки сверху... она бормочет какие-то благодарности своей покойной матери... Или вспоминаю свою пятилетнюю подружку... Вот тогда жилось! Она кормила меня, одевала, ухаживала... я всегда спал в тепле... на настоящем матрасике и подушке, рассказывала мне свои детские горести, радости и «страшилки»... я советовал ей, что мог и что считал нужным... и ещё очень много читал – она, когда её уводили в садик, клала книгу на пол, я листал её и читал... Это было – как пробежка! Я же по настоящему бегал по строчкам! И я так и шутил с ней – сегодня, говорил я, я «пробежал» полкниги... А ещё, можешь не верить, но мы дружим с котом из пятой квартиры! Он сначала было принял меня за какую-то мышшь или крысу и уже хотел тряхнуть старинной и поохотиться! Но я строго поговорил с ним, отчего он даже на свой «котовский» манер малость опешил. А потом мы подружились. Я чешу ему в ушах, а он, добрая душа, всегда оставляет мне что-нибудь в своей миске... И ещё в десятой квартире...

– Руслан, – перебила я чуть не плача, – Теперь я – твоя «девочка»... Я сегодня же устрою тебе хорошее жильё и кровать... И ещё настрою везде «лесенок»! И кормить буду!

– Спасибо, – прошептал он. – Хотя... иногда, знаешь... подкатывает такое... что – думаешь – а надо ли? Нужно ли дальше всё это продолжать?...

– Нет!!! Нет, Руслан, пожалуйста! – уже заревела я в голос. – Ну, пожалуйста! Теперь ведь нас двое! И я – большая! И я буду помогать! Мы что-нибудь придумаем, обязательно!

Он вдруг встряхнулся, улыбнулся... и я поразила самообладанию этого маленького, в буквальном смысле слова, человечка... ведь теперь он меня успокаивал!

– Не плачь, пожалуйста! Действительно, я просто не подумал... Знаешь, теперь мне будет намного легче, – он уже улыбался. – Ведь дело даже не в физических неудобствах или пище... Человек, оказывается, довольно выносливое существо!... я, по крайней мере... Да ещё я так закалился и «накачался», лазая по трубам! Дело не в этом... А в общении. Согласись – кот, это, конечно, неплохо. Но всё же это только кот... А если теперь ты хоть изредка будешь болтать со мной... А уходя, класть что-то из книг на пол... Знаешь, это уже здорово! – он вдруг засмеялся. – И как это я решился заговорить с тобой? ...если бы не ополовиненный Мартини... то вряд ли!...

– Да здравствует Мартини! – хлопая и смеясь, прошептала я...

...Я забросила всё – спортзал, друзей, кино и выставки, лыжи и коньки... Всё моё существование вертелось теперь вокруг дома. Потому что дома был он – Руслан...

Мы говорили все вечера напролёт, чаще, конечно, он просто спрашивал, а я рассказывала, что произошло за эти годы... Ведь находился в своём теперешнем состоянии Руслан уже без малого семь лет...

Я тоже, конечно, многое спрашивала – вот хоть как, например, ему удаётся быть всегда аккуратным и побритым? Да просто, улыбался он и вытаскивал из кармашка жилетки крошечный осколок стекла, завернутый в рыбью чешую... Вот, говорил, приспособился... а до этого бородаща чуть не до груди была и волосы до пояса... И про трубы свои он рассказывал почти как про комедию – весело... хотя я прекрасно понимала, что это бравада для меня – чтобы не очень расстраивалась...

Я скупила весь соседний магазин «Барби», благо, он был рядом с работой и я забегала туда в обед, где нашла много одежды на него... Руслан возмущался этим трагам и говорил, что у него и при нормальной-то

жизни не было столько шмутья! Я только улыбалась и прикупила ещё кукольные трёхстворчатый шкаф и комодик – чтобы всё было в порядке! Весь мой дом напоминал что-то среднее между раскопками майя и обезьяним питомником в уменьшенной форме – везде, где только можно, я понастроила «лесенок» и повешала прочных, специально купленных капроновых шнуров, лазать по которым Руслан был большой мастак – жизнь, говорил, научила...

И ещё я всегда оставляла ему полную ванну воды – он просил и говорил: «чтобы не терять формы»... Смеялся и объяснял – вот разжирею на твоих хороших продуктах без движения!

Я только вздыхала и удивлялась его характеру – в его положении всегда оставаться весёлым, уметь пошутить да ещё и поддержать меня... Это ведь просто, казалось бы, невозможно... А он опять смеялся и говорил – для меня каждый день уже радость! А уж теперь, с тобой!...

И всё-таки однажды я опять завела с ним беседу о невозможном, хоть он и попросил «не берeditь» эту болезненную тему...

– Руслан, ты в своей квартире бываешь? – начала опять я.

Он грустно посмотрел на меня, и, словно махнув рукой на неразумного ребёнка, решил поддержать эту беседу:

– Теперь уже реже... Но иногда заглядываю...

– Руслан... а если ты откроешь мне дверь? – пожалобнее попросила я. – И я всё-таки посмотрю записи твоего дяди...

– Но как? – усмехнулся он. – У меня нет «лесенок» и канатов в квартире... Допустим, замок я бы как-то смог провернуть... опять же рычаги... Но как я туда поднимусь? Я уже думал как-то об этом...

– А ручка? – не унималась я. – Ручка есть у двери?

– Ну, есть вообще-то, – задумался Руслан. – Но что из этого?

– Как что? – почувствовала я вдруг возбуждение. – Теперь ты сможешь взять у меня верёвки и забросить на ручку! А потом подтянуться и сам! И попробовать открыть замок!

– Вообще-то, мысль... – протянул он. – Раньше и в голову не приходило, потому что и верёвок таких прочных у меня не было... Да и зачем вообще?... – а потом опять нахмурился: – Но я не смогу... Верёвку забросить не смогу!

– Надо научиться!! – уже вопила я. – Лассо!! Ковбои умеют, и ты сможешь!

– Я смутно представляю, как это сделать... – пробормотал он.

– Найдём!! – не унималась я. – Все в Инете найдём! И как лассо бросать – тоже!

– Ну... – сосредоточенно думал он. – То теория... А практика?

– Надо пробовать!! – не унималась я. – Ну, пожалуйста!

Он согласился пробовать, и у нас появилось новое развлечение. Я нарыла столько материала в Инете и про лассо и про технику бросания верёвки, что могла бы уже запросто организовать теоретические курсы по этому виду спорта. Вот только практика... Ручка двери у Руслана в квартире была довольно высоко и ему предстояло забросить веревку почти на высоту трёхэтажного дома, если судить по нашим меркам... Тяжело.

Но я не отчаивалась, и дала объявление в газету: «Возьму практические уроки кидания верёвки». Мне-то они, конечно, были без надобности, но я была уверена, что Руслан, спрятавшись куда-нибудь поблизости и наблюдая за этими уроками, поймет всё быстрее меня.

Откликнулось несколько человек.

Первый очаровал меня по телефону хорошим знанием предмета и терминов, которые я и сама уже к тому времени знала назубок. Но когда он пришёл ко мне домой... Да... Я поняла, что шутил мужик о практике. Спившийся напрочь, с трясущимися руками... Какие лассо!?! Он из куртки-то своей вылезал полчаса. Я молча дала ему верёвку и показала на оленьи рога в конце коридора. Он хотел было опять поговорить о теории, но я хмуро молчала... В общем, в куртку он влезал уже на лестничной клетке.

Второй просто искал женщину, как выяснилось. Тут же начал клеиться, сально шутить. Я тоже не утерпела и «пошутила» – ведьма я, говорю, поосторожней. Он заржал и решил, что это «зелёный свет» с моей стороны. Уже и приобнять хотел. Но я ещё пошутила – мило улыбнулась и сказала, что в гномика превращу. Он хохотал, но недолго – Руслан вышел из своего укрытия и, подыгрывая мне, жалобно сказал – вот, мужик, я тоже сначала хохотал...

Уж не знаю, где одевался он, но больше мы его не видели.

А вот третий был пацанёнок лет десяти. Я уж, вздохнув, хотела дать ему денег на мороженное и кино, но он серьёзно попросил веревку. И тут же ловко её забросил на рога, потом на ручку шкафа, потом, увлечшись, на пальму, которую я еле удержала. В общем, с ним-то мы и «тренировались» несколько часов, пока Руслан из своего укрытия на замахал мне рукой – всё, отсылай!

Мальчишка на прощанье грустно сказал, что ковбой из меня не выйдет, уж не обижайтесь... Я совсем не обиделась и прибавила ему оплату – что-то вроде «премиальных» – за мою бестолковость и за его честность.

И, конечно, я не ошиблась!

И без того ловкий и натренированный в своих трубах Руслан освоил практику очень быстро. Он так здорово научился забрасывать верёвки, что даже, кажется, самые ковбойские ковбои так бы не смогли!

Наконец он, натаскав верёвок в свою квартиру, принялся за замок.

Я сидела дома и изнывала от ожидания. Вертеться около его квартиры, как я это хотела сначала, он мне настрого запретил – соседи заметят, заинтересуются.

Не подумайте, что всё это происходило быстро! Но что томить вас рассказами о череде унылых дней, когда он приходил грустный, мокрый, несчастный... и когда я, тайком от него, тихонько ревела в постели в подушку...

Но вот однажды он вылез из своей трубы такой радостный, что я поняла – получилось!

Я быстренько, оглядываясь, прошмыгнула в его открытую уже квартиру, а потом мы сделали следующее. Я взяла его ключи, опять быстренько, предварительно посмотрев в глазок, вышла на лестничную клетку и позвонила ближайшим соседям. Дверь открыла немолодая женщина, Лидия Михайловна, как мне уже сказал Руслан.

– Здравствуйте! – смущённо улыбаясь, сказала я. – Я – Людмила. А вы, как я понимаю Лидия Михайловна?

– Да! – удивилась та. – Что-то не припоминаю... Хотя... Вы, кажется, в первом подъезде живёте?

– Да, да! – тут же радостно закивала я. – Понимаете... Тут такое дело... В общем, мне Руслан звонил...

– Ох, ты! – схватилась за сердце женщина. – Он, значит, жив?!? А ведь ищут-то его, ищут!! И давно уж!

– Да, я в курсе, – скромненько потупилась я. – Так вот... Он звонил и просил меня приглядывать за квартирой... Ну, и квартплата там... А то у него деньги в банке скоро кончатся... На квартплату, я имею в виду...

– Да где же он?! Что с ним? – не унималась Лидия Михайловна.

– Я и сама не знаю, – заговорчески и оглядываясь, сказала я. – Понимаете... Мы ведь до его исчезновения и знакомы-то практически не

были... – врал я напропалую и сама удивлялась – вроде, даже не краснею! ... видно, потому что за правое дело. – Как-то раз у общих знакомых встречались... Он сказал, что мой телефон запомнил, я, вроде, говорила... Ну, так позвонил он тут, а я так же – Где? Что? Жив? А он – всё потом, не могу сейчас говорить и объяснять... Вот. Говорит, зайди к папкиному другу, возьми запасные ключи... Ну, и про квартиру объяснил... Просил, раз уж живу рядом.

– Ой, господи! – всплеснула руками Лидия Михайловна и понизила голос: – А, может, его украли? Может, в плену? В Чечне где-то? Про выкуп-то ничего не говорил?

– Вот, всё, что сказала, – вздохнула я. – Я и сама ничего не пойму... И знакомы-то практически не были... Я ведь потому к вам, чтобы вы не подумали, что в квартиру проник кто... Я и паспорт могу показать... Или в залог даже оставить.

– Ну, что вы! – тут же возмутилась Лидия Михайловна. – Я вас знаю... – а потом внимательно оглядела меня и усмехнулась: – И, кажется, знаю, почему он к вам обратился... Дело молодое... – а потом опять сосредоточилась: – И где же он всё-таки? А может... – вдруг округлила она глаза, – может... вроде разведчика? ...или завербовал кто, а?

Я еле удержалась, чтобы не прыснуть, видно, плотно тётенька у сериалов сидела... Но сказала тоже шепотом:

– Ничего сама не пойму... – потом вздохнула. – Так я зайду, да? Или, может, в милицию надо?

– Раз он просил, то, значит, не надо никакой милиции! – решительно сказала Лидия Михайловна. – Я думаю, он лучше знает, что делает. И, конечно, идите.

– Я ненадолго, – заверила я. – Уберусь... думаю, пыли предостаточно... Книжки по квартплате возьму, потом к вам зайду.

– Конечно, заходите! – Лидия Михайловна уже вроде нетерпеливо прислушивалась к каким-то звукам из квартиры, и я поняла, что с сериалами не ошиблась...

Всю эту катавасию, как вы понимаете, мы задумали с одной целью – чтобы меня случайно не «замели» с приговором – «попытка ограбления». А так всё было законно.

В общем, тетрадку в комнате Русланова дядьки мы обнаружили очень быстро, я сунула её за ремень брюк, под куртку, чтобы соседке

даже в голову чего «такого» не пришло, попрощалась с ней, заверила, что если только чего узнаю! ...то непременно! ... сразу же! извещу, конечно, и её.

Что было потом? Думаю, и сами догадываетесь... То отчаяние – мы, совершенно не химики, завязли в этой тетрадке сразу же как в болоте... То вдруг радость – обложив себя книгами и справочниками по химии, мы вдруг с воплями узнавали что-то знакомое! Потом опять отчаяние – и где же этот реактив раздобыть? А потом опять радость – я в очередной поход в Русланову квартиру обнаруживала то, что нам было нужно в какой-нибудь пузатой колбе...

Однажды нам стало понятно, почему это вдруг Руслан, при таком росте, остался таким же тяжёлым, как и был в нормальном состоянии... Дело в том, что гидроксохлорид цинка, обработанный в вакууме одним сложным соединением молибдена, а затем... впрочем, зачем вам-то вся эта наука, от которой у любого нормального человека голова вспухнет? Скажу так – один хитрый дядькин состав ослаблял связи между атомами и молекулами. И поэтому весь организм Руслана как бы «сжался» и уплотнился... Хмыкните, и скажете фантастика? Ну, ваше право, хмыкайте... я и сама руками развожу! Но только у меня эта «фантастика» была перед глазами каждый день...

Одним словом, однажды мы полностью поняли весь процесс превращения Руслана в гномика. И даже попробовали на мухе. Сработало! Я еле разглядела её, а Руслан смеялся и говорил – нормальная муха! Для него, разумеется...

Так-то оно всё так, но ведь нам было надо совершенно обратное...

Мы целенаправленно и постепенно продирались сквозь тетрадку, когда однажды вдруг поняли – есть формула у дядьки! Мы долго молча сидели и тарасились друг на друга, боясь поверить в чудо... Неужели действительно ему оставалось только всё это синтезировать и намешать? И сможем ли мы? И сработает ли? И не вредно ли...

Вопросов была куча, но и цель была!

Цель была, были реактивы... Но дело в том, что мы-то химиками как раз не были! Мы не знали элементарных вещей – например, как правильно смешивать кислоту и воду – что во что вливать, и поэтому моя гостиная превратилась в весьма опасный полигон – мы всё время что-то взрывали и прожигали растворами... Мы всё постигали экспериментальным путем, и потому опыты наши затянулись...

Руслан, уже давно перебравшийся из провонявшей реактивами гостиной в мою комнату, спал теперь у меня в кресле, и мы по-прежнему много говорили перед сном, когда понимали – чтобы что-то изобретать и экспериментировать, сил у нас уже не осталось...

Я так полюбила эти разговоры!

...да и что там скрывать?... уж догадались, думаю... я полюбила и Руслана...

Ненормальность? ...может... Полюбить крошечного человечка, который и обнять-то тебя не мог... не говоря уж о другом... Наверно, ненормальность... Хотя... ведь женщины, кажется, любят ушами... и сердцем, наверно... Вот так...

Однажды я охрипла после Презентации на фирме и говорить так, чтобы Руслан в своём кресле слышал, я не могла, а потому (...а может, и не потому совсем...) попросила:

– Руслан! Иди ко мне, я буду шёпотом, а ты на соседней подушке устраивайся... – Только, если засну, уходи! А то раздавлю ещё...

– Нет, не раздавишь, – усмехнулся он. – Я уже давно знаю... Как ни странно, но моя прочность сохранилась на уровне большого человека... Проверял уж неоднократно.

– Тогда совсем здорово! – и я быстренько соорудила из книг ему лесенку к своей кровати.

Мы опять проболтали полночи, пока я отключилась. А, проснувшись, увидела на соседней подушке Руслана... Горькое пробуждение... Первый раз проснуться с любимым мужчиной... который был как кукла... Пусть горькое... Но, видно, уж судьба... Он не спал и смотрел в потолок. А я, чтобы «застолбить» такие «постельные сцены» тут же предложила:

– А давай всегда так спать? – и смутилась...

Он так посмотрел на меня, что я тут же начала краснеть...

– Людмил... А, может, не надо? И если ничего не выйдет?... ты и так всё со мной да со мной... Вместо того, чтобы с друзьями, компанией... мужчиной, наконец...

– Какой, к чёрту, мужчина?! – возмутилась я. – Все уроды да козлы! И все считают меня «прибабахнутой»! А почему, спросишь? Да потому, что не играю ни с кем, не строю глазки, не обманываю, наконец! И потому уж так и получается – тогда со мной играют...

– Тихо! – улыбнулся он. – Соседей разбудишь.

– И потом, – решила я. – Я всё понимаю... Ты от меня сейчас сильно зависишь... Всё так. Но ты не думай! Если всё получится... Нет!!! КОГДА получится! Вот так, я уверена... Ты можешь быть свободен... Я никогда и ничем тебе о себе не напомню... Я делаю это не ради корысти... или чего ещё... И не буду считать тебя ничем обязанным... Абсолютно. Правда...

– Я знаю, – грустно улыбнулся он. – Но и я... Пойми... Разве я вправе сейчас, в моём положении, хоть о чём-то ТАКОМ заговорить?... Хотя, видит бог... как бы я этого хотел...

– А ты заговори, а?... – прошептала я. – Пожалуйста... Хочешь, я закрою глаза?... и не буду тебя смущать...

Я действительно закрыла глаза и вдруг почувствовала его руку на своей щеке... Я почти никогда не трогала его – вроде как-то и не надо было... И сейчас меня словно током пронзило от его маленькой лапки... Он гладил меня по щеке и шептал:

– Действительно, уроды... Не замечать такую девушку!... Да я бы согласился полжизни отдать... чтобы другую «полжизни» быть рядом с тобой...

Я чувствовала, что слёзы близко... и прилагала все усилия, чтобы не заплакать... а то смою его ещё...

А потом я почувствовала его губы... на своих... Смейтесь, смейтесь... Я понимаю – вы представляете, как он бегал вокруг, чтобы поцеловать их все... А вот я не смеялась и пылала... И мне было так приятно, что и описать нельзя...

...Он перебирал мои ресницы, целуя их каждую, он дыханием и шепотом расправлял брови, он опять нежно целовал губы, доводя меня этим до безумия... Я чувствовала, что ещё немного – и я от одного этого дойду до крайней точки вообще без чего-то ещё...

Он, видимо тоже понял это и прошептал:

– Ты опоздаешь на работу...

Я открыла глаза. Он улыбался так рядом... и, о господи! ...его лёгкие трикотажные брючки совершенно недвусмысленно топорщились в правильном месте... Неужели и он хотел меня? Такую Дылдищу, Германскую Лошадь, Гренадёршу?...

– К чёрту работу... – прошептала я. – И вообще... Я же болею! Имею право за пять лет и поболеть денёк... Тем более, что больничный на денёк у нас можно и не брать, так поверят...

– Это здорово... – прошептал он и, смеясь, дунул мне в глаза... И я опять зажмурилась...

...Нет, вы не поверите... Да, я, видимо, чокнутая... Я практически не шевелилась – всё-таки боялась за него... А он... Он постепенно перебирался ниже... Господи, может ли хоть один нормальный мужик так целовать шею и ласкать грудь? ...может, и есть индивиды... но мне что-то такие не попадались... Его прикосновения были такие нежные и тёплые... постепенно я вся начала пылать... и, может, я дважды ненормальная, что пишу это... но когда я почувствовала их в самом потаённом месте, я уже не стеснялась... и только стонала и шептала, что люблю его...

...И можете опять не поверить, но он довёл – таки меня до конца...

Я всё ещё ловила звезды и плыла где-то, когда он опять оказался рядом с моим лицом.

– Руслан... – прошептала я. – Со мной никогда такого не было... Нет, мужчины, конечно, были, – тут же смутилась я, но, тем не менее, как дура и как всегда, решила быть честной с начала... – Но вот такого... как с тобой... никогда...

– Да уж! – засмеялся он. – Я бы удивился, если бы было наоборот!

– Нет, ты не понял! – чуть не заплакала я. – Я не о росте! Я вообще... Мне никогда не было так хорошо с человеком...

– И мне с тобой... – пошептал он мне в ухо, целуя его...

– Но как же ты? – опять всхлинула я. – Я ничего не смогу для тебя... Даже мои мизинцы для тебя как брёвна! Ничего я не смогу...

– И не надо... – опять прошептал он. – Мне просто хорошо... И без чего-то «физического»... Впрочем... если ты не возражаешь... я бы мог и сам... просто рядом с тобой... там... и когда у тебя будут неопасные дни... – нет, этот отчаянный человек опять засмеялся: – А то... чёрт её знает, эту природу? Вдруг сыграет шутку и изобразит кого-то с твоей головой и моим телом! ...а презерватив я вряд ли такой крошечный где найду...

– Руслан! – плакала и смеялась я. – Давай, я лучше куплю таблетки!...

Теперь я не только пропадала дома. Теперь я ещё и постоянно ходила с абсолютно идиотской улыбкой по офису и многие уже либо загадочно спрашивали – уж не влюбилась ли? ...а некоторые, типа убогого Олеженьки, покручивали пальцем у виска мне вслед.

Плевать. Мне на всех и на всё было плевать.

Маринка моя хотела было обидеться – она пришла даже как-то ко мне домой, а я, открыв дверь только на цепочку, как это делала теперь всегда, так и не пустила её... Но потом она, посмотрев на мой рот до ушей и смущённую морду, махнула рукой и сказала:

– Ладно... Чувствую, медовый месяц в разгаре. Не буду мешать, но когда малость остынешь, с тебя пузырь Мартини и первое знакомство именно меня с твоей пассивностью! Ясно?

– Ясно! – радостно закивала я. – Как только, так обязательно!

– Ну, смотри! – улыбувшись, пригрозила она пальцем и ушла.

...Вы только не подумайте, что за этим любовным угаром мы позабыли о главном!

Наши отчаяния, радости, открытия и опыты продолжались ежедневно и по полной. Нет, что ни говорите, а дядька Руслана был гением, это так. Мне даже иногда становилось жалко его... ведь если бы его знания, да в правильное русло! Эх... Но что уж теперь? Теперь у нас были другие задачи – разобраться с этой самой формулой. И когда мы натъкались на что-то вроде $N(SO_4)_5$ – сульфата азота или Ar_2 – аргона два... Ну, да. Представляю, как все около- и вокругхимические люди презрительно ухмыляются и говорят – девушка, а школьный курс читать не пробовали? ТАКОГО НЕ БЫВАЕТ! Вот и мы также. Уже неплохо вспомнив и школьную химию, и основательно поднаторев в части высшей, институтской, сидели ошарашенные... Только, конечно, не ухмылялись, а, убитые напрочь, думали – это что, дядькин бред? А вот перевернув страницу... Вот именно. Находили простое и гениальное решение КАК ЭТО ПОЛУЧИТЬ!

Ага. Вот только на «слабо» брать не надо. Конечно, не напишу. Я хоть и с «прибабахом», но не полная же дура!

Можете не верить, но, наконец, настал день, когда мы получили ТУ САМУЮ ЖИДКОСТЬ...

Нет, конечно, сначала в ход пошли мухи, растения и вообще всё, что попадалось под руку.

ЖИДКОСТЬ РАБОТАЛА!!

Она опять восстанавливала структурные связи и всё, превращённое нами до этого с помощью другой жидкости в крошечное, приобретало опять нормальный вид!

Я, хоть и почти плача, но решительно заявила – сначала на кошках! ...и притащила домой бездомного котёнка.

Руслан возмущался и не хотел таких жертв, но я была непреклонна.

Котёнок сначала стал размером с таракана, но, кажется, даже не заметил этого – также весело бегал по шторам, из вредности писал в мой правый новый сапог и обдирал по углам обои. Он был смышлённый, и быстро поняв, как мы его назвали, откликнулся на своё имя в любом состоянии.

Мы попревращали его туда-сюда довольно много раз, пока, наконец, не решили для себя – с котёнком всё нормально!

...И вот тогда...

Но сначала оговорюсь.

...Ведь всё же это только котёнок, а не человек...

Я, конечно, хочу, чтобы всё получилось... Очень. И даже не объяснить, НАСКОЛЬКО очень...

Но если нет... Что же... Ведь я уже решила – это судьба! Я люблю Руслана и мне никто кроме него не нужен. И если нет...

Тогда я брошу свое риэлторство, хоть оно и приносит немалый доход, и займусь химией... Я думаю, что с дядькиной тетрадкой тем для исследований хватит! Опубликуем что-нибудь из уже понятого, заработаем денег, и уединимся где-нибудь, где никто не будет мешать... И будем пробовать до победного...

...Кстати, я не говорила, что мы нашли ещё три таких же тетради? И что там вообще – «тёмный лес»?

Но это потом... если не получится... и если надо будет самим искать разгадку...

А сейчас...

Сейчас я стою перед полной ванной и мужчина, которого я люблю больше всего на свете, сидит на её бортике и, как всегда, успокаивает меня... ОН!! ...и меня...

Потому что он – настоящий.

Пожелайте нам удачи, друзья!

11.03.2004

Возвышенное и земное

Никита Данилов
ИЗ СБОРНИКА «ИНОЙ ВЕК»

СЛЕДЫ ВЛЮБЛЁННЫХ

На дороге следы влюблённых.
Следы её подошв, как две чаши,
из которых испили вина.
Следы его подошв, как две урны,
из которых вытряхнут прах.

Веет ветер с луны и их покрывает
той же пылью и тем же холодным
спокойным прахом.

Где вы нынче, влюблённые, что во сне
так сливались друг с другом
в робком объятьи?

Где вы, влюблённые?
Веет ветер с луны и заносит ваши следы...

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

I

Я родился 25 марта,
в день Благовещенья.
Снег ещё не растаял,
сосульки срывались со стрех.
Стояла пятница на страстной неделе
и люди собирались к вечерне.

II

При третьем
крике петела

Искусство читать – это искусство мыслить с
некоторой помощью другого.

Эмиль Фаге

мама почувала
родовые схватки,
когда Пётр отрекался от Христа.

III

Печальный звон колокольный
заглушил мой первый крик.
Мама плакала, говоря,
что я родился слишком поздно.
Вечерело,
отец был зол.

IV

Колокол бил
всё громче.
Отец до крови порезался бритвой.
Брат и сестра караулили в тишине у окна.

V

Так я открыл глаза
в пятницу на страстной неделе
и взглянул на мир.
Мир был грустным.
Иуда продавал Христа.
Пилат умывал
руки. Я плакал.

VI

Прилетели первые птицы,
из веток мирта
свили первые гнёзда.
Под окном
расцвела сирень.

На селе повесился человек.
Первая молния
пронзила небо.
Колокол раскололся надвое.
Гроном разбило окно,
сквозь которое был виден
мир. Шёл снег.

VII

На второй день после праздника Пасхи
Меня окрестили
водой, в которой
Пилат умыл свои руки.

VIII

Мама прижала меня к груди.
Отец пьяный ворвался в церковь.
Брат горбился под окошком.

Стоял второй день Пасхи!

ПОТОМ

Потом я взял бульжник, отколовшийся от мостовой, и положил его перед нею. «Снимите, мадам, этот камень с моей души!» – сказал я и, поклонившись, вышел...

МЕДАЛЬОН (Z)

Мужчина – это число, женщина – другое число;
звёзды роятся над ними, их соединяя.
Звёзды падают, их разделяя и соединяя!

О, зрелище без начала и края! Нашему сердцу
тебя не понять, глазу тебя не объять. Сердца их
бьются в страхе, в отчаяньи в чистом и тёмном пространстве.
Звёзды над ними падают, их разделяя и соединяя. И тихо
они исчезают, уходят за жёлтым пейзажем и только

в самой его глубине отряхают холодные звёзды.
Сердца их бьются в страхе, в отчаяньи, руки дрожат
в чистом и тёмном пространстве:
звёзды роятся над ними, их разделяя и соединяя!

ПОЭМА ОТСУТСТВИЯ

В тот день, когда ему исполнилось тридцать, он вдруг исчез.
За столом он пил и смеялся. Гостей развлекал.
Его отсутствия никто не заметил. Они продолжали
есть, пить. Разгорелись танцы
в соседнем зале. И всех охватило безумье веселья.
А он неспеша уходил по вечерней дороге.
И тихо вслед ему поднималась
дорожная пыль. И тихо взметался прах...

*Перевод с румынского
Елены Логиновской*

Наталья Осокина **НОВЫЙ ДЕНЬ**

В визитницу визитку положу
И за спиной оставляю всё, что минуло,
Всё то, о чём сейчас с ума схожу,
Что жизнь неумолимая отринула.

И устремлюсь привычно в новый день.
Не будет в нём слезам моим названия.
Лишь той звезды серебряная тень
Невольным укорит воспоминанием,

Самой душе не ясным до конца,
Но милым, как мечта неисполнимая,
Как и черты желанного лица,
Почти родные и неуловимые.

Сергей Рябых **ТОПОЛИНАЯ МЕТЕЛЬ**

В Томске в июне метель тополиная
Пары влюблённые сводит с ума.
Боже, какими мы были наивными,
Верили в силу любви и добра.

Нынче, наверно, метель эта белая
Также, как прежде, кружит у оград.
Были мы робкими, были мы смелыми,
Просто мы юными были тогда.

Годы прошли – разбрелись по России мы,
Где он, задумчивый Лагерный сад?
Томские ночи июньские синие
Нас не забыли и манят назад.

Воспоминаньями память не мучаем,
Если встречает нас наш институт,
Знаем, что дни наши самые лучшие
Мы проводили не где-то, а тут...

Любовь Начева РАССВЕТ В СУХУМИ

В семье Аллы самым удобным месяцем для отдыха был Август.

Самолёт, как обычно, прибыл в Адлер в 21.00. Их встречал Давид. Таксист был очень доволен заказом, и его нисколько не смущало, что в ночь нужно ехать до Сухуми.

Стояла жара, все окна в машине – настежь. «Волга» мчалась по побережью Чёрного моря. Алла с дочкой сидели на заднем сиденье. Разница во времени клонила ребёнка ко сну и вскоре, удобно устроившись на коленях матери, Лена уснула.

Давид заботливо спросил:

– Её не продует?

– Всё нормально, – холодно ответила Алла, несколько разочарованная, что не увидела цветов и что в аэропорту объятия не раскрылись ей навстречу.

Давид был сдержан и болтал о пустяках, спросил даже, почему она прилетела без мужа.

На мгновение в салоне наступила тишина. Алла уже хотела что-то сказать, прервать молчание, но её опередил Давид. Он повернулся, и, как бы прочитав её мысли, начал оправдываться.

– Извини, что я встретил тебя без цветов. Розы ждут тебя дома. Ужин готов и стол накрыт. Будете жить в квартире жены моего отца, прямо у моря.

– Спасибо. Это очень мило с твоей стороны, – ответила Алла, но сухие нотки в голосе не исчезли.

Давид попросил остановить машину и, пересев на заднее сиденье, осторожно взял на руки Лену. Пристроив девочку на своём плече и придерживая маленькое тельце одной рукой, он обнял Аллу и почти шепотом произнёс:

– Я так рад, что вы здесь, со мной.

Алла нежно склонила голову к нему, и внутреннее напряжение исчезло.

Незаметно приехали в Сухуми. В окнах дома горел свет, хотя было далеко за полночь.

Пожилой красивый мужчина приветливо встретил гостей. Давид бережно занёс малышку в дом и положил на диван, сходил за багажом, поставил сумки на пол, негромко сказал:

– Знакомьтесь, это мой отец, – и, обращаясь к нему, продолжил что-то на грузинском языке.

Мужчина представился:

– Георгий. Очень хорошо, что вы приехали. Квартира пустует и нам будет приятно, если нашим гостям понравится.

Чувствовалось, что Давид сообщил ему нечто важное, ибо в воздухе просто-таки витал дух особого почтения к женщине.

Конечно, если бы это было в Италии, Алла могла бы посчитать, что мужчины выказывают поклонение женщине-матери, у итальянцев любая женщина с младенцем возводится в ранг Мадонны.

Её замешательства никто не заметил.

Отец пригласил к столу, на котором было много фруктов, чёрная икра, свежие овощи и прекрасное грузинское вино. В центре в вазе – огромный букет кремовых роз, их тонкий аромат оведал всю комнату. Абажур висел над столом, приглушённый свет создавал романтическое настроение.

– Аллочка, вы устали с дороги, выпейте сухого вина, перекусите. Отдохните – и через несколько часов уже можно будет сказать друг другу «Доброе утро!».

Наливая «Цинандали» в цветные хрустальные бокалы, хозяин предложил тост:

– За приятное знакомство! – а затем продолжил: – Холодильник забит продуктами, проблем с питанием у вас не будет. Сейчас сложные времена, сахар, молоко, мясо исключительно по талонам. Но вас, думаю, это не коснётся. Кушайте больше фруктов, в Сибири они только по праздникам, и то по благу.

Старик улыбнулся, взял бутылку красного сухого «Киндзмараули», налил всем и снова произнёс тост:

– За то, чтобы мы были счастливы!

Вскоре он встал, попрощался и ушёл. Некоторое время Давид и Алла стояли в дверях, допивали вино и смотрели ему

вслед, вдыхая запах эвкалиптов. Потом Давид закрыл дверь, и, шепнув: «Я так скучал по тебе, Аллочка!», – нежно поцеловал её. Она опустила руки, бокал упал на пол и разбился, но никто из них не обратил на это внимания.

Давид обнимал её всё более страстно, увлекая в глубину дальней спальни. Желания переполняли их. Поцелуи за поцелуями слетали с губ. Ласки переплетали тела, и только лёгкое дуновение свежего тёплого ветра на миг останавливало их.

Это не грёзы, а воплотившаяся в жизнь мечта – испытать счастливые минуты блаженства, быть вместе, принадлежать друг другу. И ни о чём не спрашивать. Слова лишь нарушат их прекрасное единение души и тела. Ничего подобного ранее Алла не испытывала. Совсем не то, что с мужем! И потому сейчас она не могла сопротивляться. Руки Давида словно околдовали её. И каждое прикосновение придавало ей новые силы, страсть обоих была естественной...

– Наверное, Роден чувствовал такое же влечение к своей модели, и потому из белого мрамора изваял неповторимую «Вечную Весну», – подумала Алла и, незаметно для себя, оба они уснули.

Разбудил её запах кофе. Через шторку в спальню пробивались ласковые лучи утреннего солнца. Давид уже сварил колдовской напиток и принёс в маленьких чашечках в постель, ласково приговаривая:

– Для бодрости, для бодрости, моя дорогая!

Поцеловавшись, они быстро выпили кофе и принялись приводить себя в порядок. С минуты на минуту могла проснуться Лена, и должен подойти отец.

Оба они не знали, что будет завтра.

И не хотели знать. Их день – сегодня.

И глаза их были переполнены счастьем рассвета...

Ноябрь 2007 г.

О малых сих

Виктор Вайнерман
РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ДОМАШНИЕ АКТЁРЫ

Рэю – год. Он лохматый рыжий фокстерьер. Детям завели собаку и, одновременно, кота. Кота Джея взяли из хорошей семьи, воспитанного ходить куда следует и вообще, обученного, как себя вести в приличном обществе. Поскольку животные появились в доме вместе, оспаривать право первенства они не могли: врождённое звериное чувство справедливости не позволяло. Но демонстрировать друг другу свои, опять-таки, врождённые инстинкты, считали делом святым. Тем более, что над ними все ухахатывались и одёргивали, только когда животные преступали известные границы.

Вот какую сценку, например, они разыгрывали. Рэй подходил к Джею, величественно лежавшему по диагонали на полу среди комнаты, и начинал переворачивать его лапой с боку на бок. Джей невозмутимо позволял. Рэй входил во вкус и начинал поддевать Джея мордой. Хвостик его трепетал от восторга, но из пасти раздавалось грозное рычание. Наконец, он зубами прихватывал Джея за холку и начинал носиться с ним из комнаты в комнату, качая головой, рыча и мотая безвольно повисшего кота из стороны в сторону. Зрители могли в это время биться об заклад на продолжительность пробежек Рэя. Надолго ли его хватит? Сколько раз он пробежится из комнаты в кухню и обратно? И какое зрелище ждёт в финале? Обычно прогнозы не сбывались. Кто-нибудь, устав от рычания и мельгешения, прикрикивал на игрунов, и они разбежались в разные стороны. Но однажды развитие действия достигло апогея, которого никто не ожидал. Накрутив по квартире пару километров и заведя себя до истерического состояния, Рэй в прихожей вдруг опустил Джея на пол, потоптался на нём, потом развернулся, поднял заднюю лапу и... обильно помочился на кота. Зрелище тут же расстроилось – не хватало, чтобы описанный Джей забрался в таком виде на постель или в шкаф с одеждой. Кот был вымыт, уложен в батареею сушиться. Рэй получил взыскание и улёгся

Доброта – это единственное одеяние, которое никогда не ветшает.

Генри Дейвид Торо

на ковёр перед телевизором, виновато поглядывая на хозяев. Прошло минут пятнадцать-двадцать. Внезапно что-то заставило взрослых оглянуться. То, что они увидели, не забыть никогда. Перед лежащим Рэем стоял Джей. Он странно склонился на левый бок, опираясь на три лапы, слегка выгнув спину и молча смотрел в глаза псу, прижав уши к затылку. Тот тихо порывивал, а его хвостик изредка постукивал по ковру. Он внимательно наблюдал за котом. Вдруг тот каким-то неуловимым движением вытянул вперед свободную лапу и быстро-быстро стал лупить ею по морде лежащего пса, норовя попасть по носу и по глазам. Рэй взвыл, потом завизжал, вскочил и, поджав куцый хвост, убежал на своё место в прихожей.

Справедливость восстановлена.

ДЫМКА

Дымка появился ниоткуда. В один день (не знаю, можно ли назвать его прекрасным), придя на работу, я услышал пронзительный писк. Вместе с коллегами мы продолжительное время искали источник резкого звука. У нас на фирме шёл капитальный ремонт, электричество должны были подключить в тот самый день, и поэтому мы продвигались из комнаты в комнату вслед за мерцающими огоньками зажигалок. Наконец, в одном из углов, между упаковками строительных материалов, обнаружили крохотного котёнка. Его немедленно извлекли на свет Божий, то есть на улицу, и всем отделом стали рассматривать. Был он не чёрный и не серый, а дымчатый. Симпатичная орущая мордашка умильно щурилась на яркий свет, а прямо под ней, на грудке, красовалось треугольное белое пятно.

– Что, Дымка, кушать хочешь?

Существо отчаянно замяукало.

– Понимает! Быть тебе Дымкой!

Почти восемь месяцев котёнок жил в нашей неустроенности. Где хотел, справлял естественные надобности, где хотел, спал. Только еду ему приносили строго в одно и тоже место. Да ещё надеялись, что кошачий запах отпугнет мышей. Кто-то, правда, опасался,

как бы мыши (а, судя по помёту, у нас в гостях бывали и крысы, хотя и говорят, что они друг с другом не уживаются) сами не съели всеобщего любимца. Я не мог решиться взять котёнка домой. Сын ещё маленький – того и гляди, испугается повсюду лазающего зверька. Тот может даже легонько его толкнуть, и малыш упадёт, ушибётся. А что, если Дымка поцарапает сына?!

Но вот, наконец, мой мальчик начал уверенно держаться на ножках, и я понёс Дымку знакомиться с его новым жилищем.

Лучше бы я этого не делал! Коту исполнился год, а он до сих пор ни в чём не знал ограничений. Скакал и прыгал повсюду, взбирался по шторам на гардины, точил когти о спинки кресел и дивана, справлял нужду, где ему заблагорассудится. Однажды ночью я проснулся от стука в дверь. Этот стук методично повторялся через равные промежутки. Причём стучали чем-то мягким. После стука слышны были затихающие царапающие звуки. Я встал с постели и подошёл к закрытой на ночь двери, которая вела в коридор. Стуки доносились именно отсюда. Но разобраться в причине я не успел. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Дымка. Он в полёте невероятным образом вывернулся, опустился на лапы, и, с трудом разгоняясь на скользком линолеуме, метнулся под кровать. Схватив веник, попытался выгнать Дымку из-под кровати, зная, что будет дальше. Дождавшись, когда я улягусь, он запрыгнет на постель и расположится в своё удовольствие, не давая возможности ни повернуться, ни вытянуть ноги. Бессонная ночь гарантирована. Увидев веник, Дымка выгнув спину и устрашающе зашипел. При этом глаза его загорелись дьявольским огнём, а шерсть на загривке поднялась дыбом. Ещё бы! Он узнал рыжего колючего врага, который охаживает его при каждом нарушении правил пользования кошачьим туалетом. Увы! Слишком мягкий веник не сработал. Пришлось вооружиться хоккейной клюшкой и, как шайбу, выкатить кота из-под кровати, после чего выдворить в коридор и закрыть дверь снова, на этот раз предусмотрительно проложив свернутый в восемь раз тетрадный лист. Думаете, Дымка угомонился? Ничуть не бывало! Ещё часа два он бросался на дверь, разгоняясь в длинном коридоре, но снова ворваться в комнату так и не смог.

На следующий день кот изменил тактику. С вечера он куда-то исчез. Я искал его повсюду. До блеска натёр майкой линолеум, ползая по всем комнатам и заглядывая под диван, кровати, кресла и шкафы. Выходил на лестничную площадку и громко кис-кискал, называя кота по имени и всеми ласковыми прозвищами, которые ему дали домашние. Сын долго не мог уснуть, всё спрашивал, где котик-братик. Наконец, я выключил свет. Сон не шёл. Ворочался, пытался расслабиться, медитировал на успокоение. Бесполезно! Посмотрел на фосфоресцирующий циферблат часов. Ого! Завтра не встану. «Пойду выпью воды и усну» – решил я, поднялся с постели и медленно, чтобы не расплескать сонное состояние, направился на кухню.

И вдруг моё сердце рухнуло на пол! От леденящего душу страха я оцепенел, потому что на голову в полной темноте обрушилось что-то тяжёлое, мягкое. Что-то такое, что обволокло собой мою голову, не удержалось, стало соскальзывать, и, чтобы удержаться, чем-то острым-преострым вцепилось в волосы, проехалось по лицу, от чего тёплые сладковатые струйки побежали к губам, и, наконец, сохранило равновесие и сконцентрировалось у меня на затылке. Не долго думая, я схватил ЭТО за что смог ухватиться, и швырнул от себя прочь, снова испытывая дикую боль от острых царапающих движений. В тот же миг я услышал звук разбитого стекла и оглушительный кошачий вопль. На пол посыпались осколки от когда-то красивой дверцы серванта, а мимо меня, оглушительно топоча, в коридор метнулся, сверкая безумными глазами... вы поняли, кто.

На третьем году жизни Дымка загулял. Едва после долгой зимы распечатали балкон, он оказался на перилах. Я сначала испугался – не разобьётся ли? Потом вспомнил фильм «Гений дзюдо», где Мастер изобретал свои приёмы, подбрасывая вверх кошку. Из любых положений кошка падала на все четыре лапы – и успокоилась. Отныне Дымка свободно мог выходить на балкон. Обычно он забирался на перила и смотрел вниз, улегшись на узкой металлической полосе, закутавшись в собственный хвост. Но однажды исчез. Я обнаружил его только на третий день под дверью квартиры. Он жалобно мяукал и царапал дверь. Шерсть на голове была в нескольких местах ободрана и кожа расцарапана до крови. Кот

постоянно чесался и дурно пах. Я сказал сыну, что коту надо в больницу, и мы вместе с ним, уложив Дымку в сумку, отправились в ветлечебницу. Оттуда кот не вернулся. Стригущий лишай тогда не лечился.

Так наш Дымка, придя из ниоткуда, ушёл в никуда.

ПУСТЬ ВАМ БУДЕТ ХУЖЕ

Однажды мы с женой зашли в гости к её подруге. Завязался общий разговор, а потом подруги ушли секретничать на кухню. Они давно не виделись – мы приехали из Сибири. Меня оставили наедине с лохматой болонкой и поручили бросать маленький резиновый мячик в разные концы комнаты. Когда Рар (лохматое недоразумение, оказывается, ОН, да ещё и Рар, типа, компьютерный архиватор!) будет приносить мячик, нужно забирать его из пасти. Рар при этом станет для вида сопротивляться: мотать головой из стороны в сторону, рычать, упираться лапами. Но, в конце концов, отдаст мячик. Тут следовало не сразу отправлять собаку вслед за мячом в другой конец комнаты, а дожидаться, пока пёсик звонким лаем погребует продолжить игру. Короче говоря, я, как и положено мужчине, буду занят делом, и ни в коем случае не должен заскучать в их отсутствие.

Не подумайте, я вовсе не такой покладистый, и вовсе не похож на чемодан, чтобы меня можно было вот так запросто оставить. И совсем не такой, чтобы, безропотно подчинившись указанию, взять да и заиграться с какой-то облезлой болонкой. Вот уж большое удовольствие – таскать из пёсией пасти заспьявленную игрушку, держать в руках, ждать, когда тебе полают... делать мне, что ли, больше нечего? Но тогда шёл особый период в наших отношениях. Я сильно провинился, обещал, что больше не буду, надеялся, что мне поверят, и теперь таскал на себе покаянные вериги. Приходилось терпеть.

Подруга-пёсики-мячики?

Нет проблем!

Первые полчаса мы с Раром работали, как слаженный механизм. Но тревога и любопытство не давали мне покоя. Что они

делают на кухне так долго? Я в очередной раз бросил мяч, тихо приоткрыл дверь в длинный тёмный коридор и, убедившись, что полы не скрипят, на цыпочках прошёл к кухне. Из-под плотно закрытой двери выбивался табачный дым. Голоса звучали взволнованно, подруги говорили взахлёб, перебивая друг друга.

Я оглянулся. Рар стоял в дверях комнаты с добычей в зубах, склонив морду набок, и удивлённо смотрел на меня. Пришлось, пока пёс не бросил трофей и не подал голос, прошмыгнуть обратно в комнату и прикрыть за собой дверь. Экзекуция надо мной продолжалась ещё минут двадцать. Наконец, я не выдержал. Когда Рар в очередной раз, радостно виляя хвостом, принёс мне мяч, я с остервенением вырвал его из пасти, ловко уронил в кресло под собой и показал пёсику пустые руки. Он, как обычно, присел и стал отрабатывать голос. Пришлось снова показать ему руки и интонациями попытаться убедить, что нет у меня его игрушки, ну нет, и всё! Рар ещё немного погавкал, но, наконец, утомился, забился под стол и засверкал на меня чёрными глазами. Я невозмутимо листал первую попавшуюся под руки книгу. Вдруг пёс твякнул и трусцой побежал в коридор.

– Обиделся, – с облегчением подумал я, привстал и плотнее прикрыл за Раром дверь. Оттуда доносились какие-то странные звуки, но я не обращал на них внимания.

– Спокойствие, – уговаривал себя, – только спокойствие!

Вдруг я вздрогнул от звуков внезапно раздавшихся громких женских голосов. Жена с подругой, раскрасневшиеся, гоня перед собой волну синеватого дыма, вошли в комнату, неся одна чашки, другая чайник. Мы пили чай и разговаривали, как ни в чём не бывало. После чая раскинули увлекательную игру «Эрудит», которую подруга жены почему-то назвала «Скребло». Я не сразу догадался, в чём суть переименования. Оказалось, что в момент, когда игрок выкладывает слово или набирал из «базара» недостающее до семи количество костяшек с изображением букв и цифр, они производили лёгкие скрежещущие звуки. Таким образом, игроки не играли, а как бы скребли и скреблись...

Игра неожиданно увлекла и меня. Демонстративный уход от общего разговора в общение без меня, нелепое поручение развлекать псину (пусть даже он хоть тысячу раз – хозяйский любимец!),

попытка вовлечь меня в дурацкое занятие, которое ещё не так давно в течение нескольких минут вывело бы меня из равновесия, говорили о том, что подруги хотели держать меня в постоянном напряжении. Что ж. Я их понимаю. Епитимья есть епитимья. Её надо отбыть. Чтобы жизнь, так сказать, мёдом не казалась...

Но это чёртово «Скребло» оказалось спасительным. Можно на глазах у двух женщин, неусыпно наблюдающих за тобой, уйти в себя, замкнуться. Отдохнуть... Я даже забыл о Раре, как вдруг, задумавшись над каким-то красивым и длинным словом, услышал характерное частое дыхание. Что это? Рар нашёл себе подружку? Хозяйка отреагировала мгновенно. Она опустила костяшки на стол, интимно положила руку на предплечье моей жены и головой показала куда-то в сторону. Этот паршивец, заскучав без развлечений, решил изобрести их себе сам. Он передними лапами подгрёб под себя тканую дорожку так, что стоял на ней под углом в 45 градусов, и задней частью своего туловища делал быстрые поступательные движения. При этом так старался, так торопился получить максимальное удовольствие, что аж язык вывалил из раскрытой пасти. Свалявшаяся шерсть закрывала чёрные уголки глаз, но они то и дело озорно проблескивали в нашу сторону.

– Вот как я умею! И-хи-и-хи-и-хи-и-хи-и... Будет вам наука! И-хи-и-хи-и-хи-и-хи-и... Не станете больше оставлять меня одного! И-хи-и-хи-и-хи-и-хи-и...

Хозяйка схватила полотенце и огрела Рара по спине. Раз! Ещё раз! Пёс взвизгнул и скрылся под столом.

Мы засобирались уходить. Пока жена что-то шептала на прощанье подруге, я сунул ногу в туфель... Лужа! В туфель кто-то налил воды! Да нет... это же не вода! Вот мерзавец! Я посмотрел на новые! только сегодня купленные по случаю приезда в столицу! очень практичные и удобные! жёлтые, из настоящей кожи! импортные туфли жены – и обомлел. Задники на туфлях были сгрызены почти до самой колодки...

Впервые за долгое время я проявил характер. Отказался идти в комнату под угрозой, заявив, что, если сейчас увижу Рара, то собственноручно уничтожу этот мстительный «архиватор». Потребовал тряпки для своих туфель и нож для жёниных. Несколькими движениями превратил бывшую модельную обувь в сабо.

Когда мы вышли, наконец, на свежий воздух, я с облегчением почувствовал, что моё чувство вины сжалось, подобно шагреновой коже.

ЧАПА

Одно время служебные кабинеты областного краеведческого музея находились в цокольном этаже Дома Союзов. По обеим сторонам дверей стояли парные чугунные скульптуры – то ли собаки, то ли львы. В конце 19 века их передал музею Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества российский консулат, располагавшийся в одной из провинций Китая. В буддизме львы почитались как защитники истины, изгонявшие зло. Их почитали, как стражей, охранников. В России эту роль традиционно выполняли собаки. Может быть, именно поэтому металлические скульптуры музейщики тоже называли не львами, а именно «собаками», дословно переводя с китайского их название «ши-дза» – «собака-учитель»? Правая лапа «женской» фигуры лежала на спинке детёныша. «Мужская» особь прижимала лапой жемчужину. В мифологии это обозначало, что самец льва играл с огнём, метал молнии, демонстрировал силу...

Металлические морды были сильно трачены временем, отчего пасти «собак» казались огромными, как у сказочных хищников. Каждый входящий-выходящий в здание невольно косил взгляд в угрожающе раззявленные пасти, готовые, казалось, проглотить его целиком. Наиболее дерзкие бросали в чёрные зевы окурки, спички или пачку от сигарет. Дворник, чертыхаясь и поминая по матушке родственников бросавших, раз в неделю запускал в утробу «собак» половину своего туловища и выгребал накопившийся мусор.

Впрочем, музейные дамы в начале рабочего дня смотрели исключительно под ноги. Они проскальзывали в помещение, словно не замечая присутствия молчаливых стражей. Зато днём, во время краткого перекура на «свежем воздухе», неоднократно и с видимым удовольствием роняли окурки в разверстую пустоту, небрежно притушив их о край затёртого до белого блеска металла.

Зато дворнягу с чёрной лоснящейся шерстью миновать, не заметив её, и оставаясь не замеченными, они никак не могли. В первых, потому, что Чапа встречала каждую из них, выражая восторг всем своим видом. Она заглядывала в лицо, усиленно виляла хвостом и перебирала лапами, примеряясь, как получше возложить их на грудь женщине, чтобы поздороваться, мигом слизнув какую-нибудь частицу утреннего макияжа. Чапа ощущала себя всеобщей любимицей и не ждала, а требовала внимания. Её восторг обычно оказывался вознаграждён. Кто-то приносил ей косточки от вчерашнего ужина, кто-то отламывал кусочек от только что купленного свежего батона. Кто-то делился принесённым обедом, особенно если Чапа, унюхав соблазнительный запах колбаски или окорока, начинала толкать мокрым носом сумку, в которой лежало близкое угощение.

В мой первый рабочий день Чапа встретила меня недружелюбно. Утром псина продолжала служить сторожем. Свои пришли ещё не все, поэтому о появлении незнакомца Чапа сообщила грозным лаем. Она рычала, показывала клыки. Мне показалось, что она даже несколько раз мотнула головой, что обозначало отказ пропустить и требование немедленно убраться восвояси. Кто-то вышел посмотреть, на кого это Чапа так яростно ополчилась. Собака отбежала в сторону, и стала лаять уже иначе, с виноватым подвизгом. Она как бы докладывала о проделанной работе и призывала наказать нарушителя по всей строгости. Когда меня пригласили зайти внутрь, Чапа тут же потеряла ко мне интерес. Отвернулась в сторону ворот. Напрягла спину, подняла голову. Уши, словно локаторы, направились за ограду. Мимо медленно проезжала машина, и Чапа сосредоточенно пыталась уловить, нет ли в её передвижении чего-либо враждебного и опасного.

Моё рабочее место располагалось около окна. Оно выходило прямо на вход, так, что виден был хвост одной из металлических «собак». Оторвавшись от бумаг, я, время от времени заглядывая в окно, наблюдал всеобщую любимицу за её «работой». Где-то к полудню Чапа куда-то исчезала, и являлась к пяти-половине шестого, когда музейный народ уже начинал посматривать на часы в ожидании завершения рабочего дня. Приходил сторож, и, едва последний сотрудник покидал помещение, Чапа впервые за день

осмеливалась войти в здание. Как будто собаченция служила вторым сторожем и заступала на пост. Она подходила к служебным кабинетам, не заходя ни в один из них, и, заглядывая внутрь, то и дело настороженно поворачивала мордочку в сторону директорского. Если дверь в него была открыта, тут же выскакивала на улицу. Директора Чапа побаивалась. Хотя добродушный Валерий Петрович никогда её не прогонял, мог ухватить за шкурку, как какую-нибудь кошку и на вытянутой руке трясти перед собой, приговаривая щедрые умильности. Такое обращение Чапе не нравилось. Возразить она не могла, поскольку сразу признала в директоре главного хозяина, но и на поводу у него идти не хотела. Если же шефа не оказывалось на месте, Чапа оставалась на ночное дежурство вместе со сторожем.

Однажды и я решил стать для Чапы своим. С вечера собрал в полиэтиленовый пакет кости, извлечённые из борща, и положил их в холодильник. В приподнятом настроении, слегка волнуясь, шёл на работу. Чапа, как всегда, несла вахту. Завидев меня, она теперь уже не лаяла, но и не кидалась ко мне, как к другим. Просто стояла и смотрела, как я подхожу, а потом отбегала, уступая дорогу. В тот день я не сразу вошёл, а, отойдя в сторону, присел на корточки, открыл пакет, высыпал гостинцы в миску и приглашающе посмотрел на Чапу. Она учуяла запах, но подходить не спешила. Посмотрела на калитку – не зашёл ли кто ещё, потом повернулась ко мне и замерла. Может быть, я ей мешаю, и она хочет позавтракать в одиночестве? Я отправился на свой наблюдательный пункт. Чапа нервничала, разрывалась между чувством долга и желанием поддаться искушению. Наконец, подскочила к миске, наскоро обнюхав, схватила самую большую кость и стремглав бросилась в сторону соседнего здания. Там находилась бойлерная. Рядом с ней стояло чапино зимовье – небольшая конура, сооружённая музейным столяром дядей Лёней, в которой кто-то из сотрудников заботливо устроил подобие коврика, нарезав старый палас на несколько квадратов. Сделав запас, Чапа, что было сил, бросилась обратно – встречать своих хозяев.

На следующий же день Чапа завершила счастье знакомства с нею наложением двух грязных лап на моё новёхонькое светло-серое пальто, сшитое из парадного офицерского драпа. Мне даже позволено

было вдохнуть дыхание собаки, пока она пыталась меня облобызать. Да и в коллективе новый уровень моих отношений с Чапой восприняли как благополучно пройденное боевое крещение. Теперь, когда народ усаживался пить чай или выходил покурить, я вместе со всеми легко мог поддержать тему о чапином рационе, особенностях её породы и возрасте. Однажды я спросил о происхождении клички, и мне рассказали, что Чапа была забавным и очень милым щенком. Она не ставила лапки на землю, а как бы похлопывала ими. При ходьбе раздавался «чапающие» звуки: «чап-чап, чап-чап». Так и закрепилось за ней это имя: Чапа.

Одной из тем, которую активно обсуждали в курилке, была чапина личная жизнь. Все давно обратили внимание, что никаких «кавалеров» на чапиной территории не наблюдается. Бродячих собак в то время вообще было ещё не так много, как сейчас. Их обилие, как и обилие бомжей – знаки социальной болезни общества. В то, советское, время эти симптомы ещё не так бросались в глаза, и не потому, что они не проявлялись, а потому что их старались как можно тщательнее скрывать. Бродячих собак отлавливали, бомжей отправляли куда подальше от мегаполиса. Но небольшие собачьи стаи всё равно то и дело появлялись в центре города, заполняя тротуары и проезжую часть, заставляя водителей чертыхаться, а пешеходов с неудовольствием уступать им дорогу. Иногда – особенно весной, стоило пройти мимо одного из люков, закрывавших колодцы парового отопления, как на тебя с оглушительным лаем разом накидывалось несколько собак. Отскочив в сторону, человек делал вид, что наклоняется за палкой или камнем. Собаки бросались было врассыпную, но тут же останавливались и, угрожающе ворча, смотрели на прохожего. На люке обычно лежала собака с набухшими сосками. Где-то поблизости, наверно, находились щенки, и стая то ли поднималась на их защиту, то ли просто метила территорию. Но как ни странно, посторонних псов около музея не наблюдалось. Не то, чтобы Чапа кого-то отваживала... а, может, и отваживала, да никто не видел, когда и как это происходило. Может быть, два безмолвных металлических «родственников» помогали Чапе?.. Музейные дамы одобряли её равнодушие к противоположному полу, посмеивались над ним, понимающе переглядывались, видимо сочувствуя собачке. Каково же

было всеобщее удивление, когда обнаружилось, что Чапа готовится стать мамой! Это событие сделало отношение к ней ещё трепетнее. Чапе доставались теперь лучшие куски, а когда всё свершилось, сотрудники музея, спасая её щенков от печальной судьбы, отвезли чапин выводок на север области, в город Тару, где и раздали их по гостеприимным хозяевам.

И вдруг случилась беда.

Валерия Петровича под благовидным предлогом «перевели на другую работу», то есть просто вышвырнули, а директором областного краеведческого музея назначили нового человека. Многие его хорошо знали – он служил инструктором в обкоме партии. Чем-то не угодил своему заведующему отделом, и отправился «на укрепление культуры». Обои директорами: и бывшим, и вновь назначенным, смена служебного положения переживалась болезненно. Но ни для одного из них лишение прежнего места службы не стало катастрофой. И только для Чапы это событие имело необратимое последствие.

Первый же рабочий день нового директора начался со стресса. В таких учреждениях, как музей, прежде его встречали с подобострастным волнением, вопросительно заглядывая в глаза, пытаясь понять, чем вызван визит и что за ним последует. Но то было прежде. Теперь же его встретил громкий собачий лай. Откуда было Чапе знать, что она лает на человека, от которого отныне зависит её судьба? Его запах ей до сих пор нигде не встречался: представители обкома в служебные помещения не ходили, а от парадного подъезда собака держалась подальше. Более того, она, наверно, почувствовала непонятную враждебность пришельца, потому что не просто кинулась к нему с лаем, но даже схватила зубами за штанину, когда тот попытался пройти мимо и ступить на охраняемую Чапой территорию. К счастью, музейные дамы были начеку. Ругая себя за недостаточную предусмотрительность, они выскочили на крыльцо, отогнали Чапу и попытались вежливым участием и заинтересованностью, мягкостью и юмором снять напряжение нового начальника. Но у директора мгновенно вырос на Чапу огромный зуб. Может быть,

директор и Чапа со временем привыкли бы друг к другу, но вчерашний партийный чиновник быстро понял, что точно также общая любимица безо всякой задней мысли посмеет облаять и прихватить за брючины явившихся без предупреждения начальствующих партийных товарищей...

В один из дней, ничем не отличавшихся от других, я, как обычно, сидел за работой, заполняя акты поступлений на новые коллекции. Вдруг слышу возбуждённый голос директора: «Вот она! Заходи, заходи! Не упусти, удерёт!» Сердце болезненно сжалось от дикого визга, в котором был смертельный страх и отчаянная мольба о помощи. Сквозь окно уже ничего разглядеть было нельзя – обзор закрывали спины незнакомых людей. Я ринулся в коридор. Там стояли музейные дамы. Одни плакали, другие утешали друг друга или громко возмущались. Но никто ничего не предпринимал. Поперёк воли набирающего силу директора не попрёшь. С трудом протиснувшись к выходу, я увидел, как человек в армейской форме без погон на длинном шесте несёт Чапу к стоящей рядом машине. Горло собаки стягивала проволочная петля. Тело собаки подрагивало. Чёрный глаз ещё блестел, и мне показалось, что я разглядел в нём не обиду и непонимание, не страх, а боль и чувство вины. «Видишь, брат, как вышло, – говорил, прощаясь со мной, чапин глаз. – Прости, а?» Металлические собаки безмолвно вопили, разевая разбитые пасти. Но ни защитить, ни подвигнуть на подвиги никого так и не смогли.

«Собаки» теперь отреставрированы и стоят не на улице, а в новом здании краеведческого музея, выстроенного в бытность того директора, вскоре ставшего генеральным директором музейного объединения. Музейных служб давным-давно уже нет в цокольном этаже Дома Союзов. Да и не все, кто в тот день испытал потрясение вместе со мной, живы. Ушёл из жизни и сам генеральный. Оставил по себе добрую память. Много сделал для развития краеведения в области. Почему вспомнился именно этот случай? С чего это я вдруг решил написать о нём? Дело давнее. Пора бы забыть. Или не даёт покоя, что и я тоже, как и все, предал Чапу, нашего верного друга, сторожа, да просто любимицу, не спас, не отбил? А, может быть, я своим неделанием вот так

подло наказал её за то, что испугала меня, нагавкала при первой встрече?

Недавно узнал, что существует специальная фирма по отлову бродячих собак. Есть даже какой-то план по очистке города от них. И что в ближайшее время будет произведена облава на стаю, обитающую в районе Выставочного сквера в Старой крепости. Я много лет работал в этом районе. Мне даже назвали и день, и час. Утешили, что теперь это делают не среди бела дня, а самым ранним утром, когда ещё нет людей на улицах, что теперь собак ловят не таким варварским способом, как раньше, не на «удочку», а просто стреляют. Специальной ампулой. «Там же иголочка, – сказали мне, – раз, и готово». А я вдруг подумал, что какая-то из этих обречённых собак тоже ведь лаяла на меня, как Чапа. И о ней, как и о Чапе когда-то, я тоже не раз думал в сердцах. Чертыхался, и по-детски обижался на несправедливость: «За что это на меня, такого хорошего и безвинного, так страшно гавкают?..» И снова, изгоняя холод из груди, мучительно пытался вызвать из памяти момент, когда поселился во мне страх перед этими животными. Не случайно ведь китайцы называли их «учителями»...

Как научиться прощать причинённую нам боль? Собакам, людям, миру. Ведь, досадуя, раздражаясь, гневаясь, мы выплёскиваем сгустки тяжёлой энергии. Кто знает, как наша досада, обида и раздражение откликаются ТАМ? И как сказываются на наших собственных судьбах обидные слова, брошенные в лицо, в спину, или даже отправленные на расстоянии уже не нами, а нам... Ведь когда объявят охоту на тебя, ты будешь так же беззащитен как Чапа. И никакие слёзы не спасут, не остановят руку убийцы. Чему же учат древние учителя? Думая о мире, нужно готовиться к войне. Но самое высокое искусство – будучи мастером войны, не допустить её начало. И если всё же не уберёт мир – иди до конца. «Делай, что должно и будь что будет!» – гласил один из рыцарских девизов. Каждый платит свою цену за трусость и предательство, подлость и измену, за слабохарактерность и легкомысленность. Рано или поздно – но платит.

Интересно, если существует переселение душ, то в кого вселилась душа нашей собаченции?..

Детям и родителям

Игорь Петров
СКАЗКИ

ВОЛШЕБНЫЙ ТУЕСОК

Жил на свете Фрол на все руки мастер. За что бы ни брался, всё у него получалось, всё спорилось. Дошло до того, что стал Фрол делать волшебные вещи. Птичку сделает, она запоёт, взмахнёт крыльями и улетит. Белку смастерит, так и её в руках не удержишь.

Люди дивятся, родители Фрола на сына не нарадуются.

Однажды сделал Фрол туесок, не простой, волшебный: что в него ни положишь, всё удваивается. Пряник положишь – вытащишь два. Монетку бросишь – обратно две достанешь.

Обрадовались родители Фрола.

– Ну вот, – говорит отец, – теперь и отдохнуть можно и не думать на старости лет о еде и деньгах.

Да не тут-то было. Узнал про тот туесок барин. Приехал к Фролу и говорит:

– Отдай туесок мне.

А Фрол:

– Он нам и самим не в тягость.

Рассердился барин, уехал. А сам злобу затаил на Фрола и стал думать, как туесок получить. Приезжает к родителям Фрола и говорит:

– Пришло время, вашему сыну в солдаты идти.

Отец в слёзы, мать в слёзы.

– Да как же это, – спрашивает мать, – ведь он у нас один! Может, оставите нам кормильца?

– Можно и оставить, – улыбается барин, – если вы мне волшебный туесок отдадите.

Делать нечего, отдали барину туесок.

– Бери, – говорит Фрол, – только не клади в него много, а то лопнет.

– Не учи, – отмахнулся барин.

Сел на коня и ускакал.

Достаточно впасть в детство, чтоб опять начать
подавать надежды.

Дон-Аминадо

Приезжает домой и давай в туесок деньги бросать. Бросит рубль, обратно два вынимает. Бросит десять рублей – вытряхнет двадцать. Загорелись у него от жадности глаза. Забыл барин, о чём Фрол предупреждал и насыпал в туесок денег до самого верха. Позеленели берестяные бока туеска и он треснул.

Закричал барин, затопал и поехал к Фролу.

– Я же тебя предупреждал, – говорит Фрол, – не бросай в него много.

– Помню-помню, – скривился барин, – заделывай дырку, да побыстрей.

Починил Фрол туесок. Вернулся барин домой и стал в туесок жемчуга, да камня драгоценные бросать. Бросит один, обратно два вытащит. Бросит десять – достанет двадцать. Загорелись у него снова жадные глаза, и насыпал он опять драгоценностей по самые края. И опять туесок лопнул.

Вновь приехал барин к Фролу и потребовал починить туесок.

– Ладно, – говорит Фрол, – починю.

А сам дует: «Как же мне от жадного барина избавиться?» Думал-думал и придумал. Намазал дно мёдом и посадил в туесок пчёл. Закрыв крышкой и протягивает барину:

– Вот, – говорит, – сделал. Только ты его сейчас не открывай, а дома откроешь.

Приехал барин домой, а самому не терпится богатство умножить. Поставил туесок на сундук с деньгами, открыл крышку, а оттуда целый рой пчёл вылетел. Летают пчёлы вокруг туеска и в него за мёдом возвращаться не забывают. И с каждой минутой пчёл всё больше и больше становится. Разлетелись они по всему дому, и давай кусать барина почём попадая.

Бросился барин к Фролу:

– Забери, – кричит, – свой туесок обратно!

– А как же солдаты? – спрашивает Фрол.

– Обманул я тебя, прости, – взмолился барин. – Больше не буду.

Сжалился Фрол над жадным барином, забрал туесок.

С тех пор барин обходил дом Фрола стороной. А Фрол ещё много хороших вещей сделал на радость себе и людям и жил долго и счастливо, чего и вам желаем.

СОБАЧЬЯ ШКУРА

Отправился как-то один мужик в лес за дровами. Приехал, нашёл подходящее дерево и давай рубить. Рубит-рубит, а оно будто железное. Топор затупил, а всего-то пару щепок отколол. Сел мужик на землю и думает: «Чудное какое-то дерево. Отродясь таких не видывал. Это ж надо, чтобы мой железный топор и не справился!»

Достал из кармана краюху хлеба, чтоб, значит, перекусить, а откуда ни возмись собака. Здоровая, мохнатая, что твой волк. Схватила хлеб и прыг в нору. «Что за наваждение такое? – подумал мужик. – Сначала дерево будто каменное, а теперь вот собака... Видно, утром не с той ноги встал. Но не пропадать же хлебу в утробе звериной!»

Вскочил мужик и полез в нору за собакой. Лезет, а она всё глубже под землю уходит. «Уж не повернуть ли назад? – подумал он. – А то ещё залезу в царство подземное». Только он так подумал, впереди свет показался. Полез он на тот свет и вскоре оказался в лесу с диковинными деревьями. Плутал-плутал мужик по лесу и вскоре очутился на поляне, где и увидел ту самую собаку. Сидит она возле пня, и бежать никуда не собирается, а перед ней его краюха хлеба лежит. «Ага, – подумал мужик, – вот ты и попалась!» Поднял палку и как огреет собаку по спине.

– Будешь, – говорит, – знать, как мой хлеб воровать!

Залаяла собака, но как-то радостно, и в канаву скатилась. Проходит какое-то время, и оттуда седой старик показался. Выбрался на поляну и к мужику.

– Спасибо, – говорит, – злой человек, что горю моему помог.

Мужик сначала ничего не понял. «Какому это, – думает, – горю я помог? И почему это я злой человек?» А сам молчит, смотрит, что, значит, дальше будет.

А старик достаёт из канавы шкуру собачью и ему протягивает.

– Всё, – говорит, – теперь ты её носи. А я отмучился.

И хитро так улыбается.

Попятился, было, мужик от шкуры, а она вырвалась из рук старика и за ноги его ухватилась.

– Чур, меня! – закричал в страхе мужик. – Ты демон какой или чародей?

Тут старик и рассказал мужику, как однажды, много лет назад, пнул собаку, и как сняла она свою шкуру, а под ней человек оказался. И сказал ему тот человек, что носить теперь ему эту самую шкуру, пока другой какой лиходея его не ударит. Двадцать лет бегал старик по подземному царству, не мог найти такого человека. Что только он ни делал, чего только ни придумывал: и на людей лаял, и еду воровал и даже кусался, но никто его так и не ударил. Пока, наконец, не догадался наверх выбраться, к людям.

– И первый, кого я встретил, избавил меня от ненавистной шкуры, – засмеялся старик. – Спасибо тебе большое... Так что теперь тебе носить эту собачью шкуру.

Кинулся мужик бежать, да куда там! Повалила его шкура на землю и в себя затянула. И стал мужик большой мохнатой собакой.

– Хочешь моего совета, – на прощание сказал старик, – возвращайся наверх. Там ты в два счёта шкуру другому передашь. А здесь только время зря потеряешь.

Хотел мужик попросить показать дорогу обратно, да вместо слов из груди лай вырвался. Закружилась у него голова, и он впал в беспамятство.

Очнулся мужик, а кругом темно. «Наверное, в здешних местах ночь наступила», – догадался он. Поднялся и побежал, куда глаза глядят. Бежит, а сам думает: «И где этот выход из подземного царства? Как его найти?» А навстречу ему змея ползёт.

– Ты кто? – спрашивает змея. – Человек или собака?

Удивился вначале мужик, что змея разговаривать может, а потом вспомнил, что под землёй находится, и говорит:

– Да человек. А ты кто? Неужели тоже человек?

– Человек, – прошипела змея.

– Неужели и ты змеиную шкуру не по своей воле носишь?

– Да, – призналась змея. – Мне тоже нужно найти кого-нибудь, чтобы он меня обидел.

Почесал мужик лапой за ухом и спрашивает:

– А почему это с тобой у меня говорить получается, а с людьми нет?

– Для людей ты теперь собака, – отвечает змея, – а они языка звериного не понимают.

Попросил мужик змею, чтобы она ему показала, как на свет божий из подземелья выбраться. А она не знает. Сама, говорит, уж который год выход ищет.

– Хочешь, – предложила змея, – вместе будем искать?

– Нет, – отказался мужик, – один я быстрее найду. Ты ползаешь, а я бегаю...

На второй или третий день поиска учуял мужик впереди дым от костра и к нему отправился. Долго ли бежал, мало ли, только вышел он на берег реки. Смотрит, люди у огня сидят, а рядом кот на траве лежит.

– Ну, – думает мужик, – сейчас я к ним подбегу и лаять начну, пусть меня ударят, а если не поможет, стащу что-нибудь или укушу кого.

Но не успел он и половины пути пробежать, как навстречу ему кот бросился.

– Ты куда это направился, дядя? – преградил кот дорогу.

– Отойди! – зарычал мужик.

– Беги отсюда! – зашипел кот и выпустил когти. – Знаю я твои мысли. Я тебе ни за что не позволю кусать моих друзей. Уходи прочь, всё равно они тебя не ударят!

– А ты откуда знаешь, что не ударят? – спросил мужик.

– Знаю, раз говорю, – сказал кот. – Сам когда-то пробовал... Это добрые люди... Я с ними живу, почитай уж лет десять, а, может, и того больше.

– И ты раньше человеком был? – удивился мужик.

– А то! – фыркнул кот. – Не хуже любого: руки, ноги, всё как положено. Только вот однажды обидел кота и оказался здесь...

– И что?

– Что-что? Вначале, как и все, хотел обратно стать человеком. И что только не делал для этого. И кусался, и царапался... Да только всё без толку – хорошие тут люди живут под землёй, не то, что у нас наверху. Добрые. Вот я и решил тут остаться.

– Котом? – не поверил мужик.

– А хоть бы и котом. Всё лучше, чем плохим человеком. Вот и живу теперь в хорошей семье. Меня любят, – кот выгнул спину и, закрыв глаза, замурлыкал. – Так что иди отсюда куда подальше.

– Ладно, – сказал мужик, – пойду. А куда, не подскажешь? Я выход наверх ищу.

– Ничем помочь не могу, – произнёс кот. – Попробуй спросить в городке, что находится вон за тем холмом.

Кот поднял лапу и показал в правую сторону. Попрошавшись с котом, мужик побежал в указанном направлении и вскоре увидел красивый аккуратный городок с разноцветными двухэтажными домиками. В нём было полно людей, но ещё больше разных животных: и собак, и котов, и птиц, и змей... И почти все они когда-то были людьми. Как ни пытался мужик узнать, хоть у кого-нибудь, дорогу наверх, но так и не узнал. Все животные были довольны своей судьбой, и поэтому никто даже не интересовался, где находится выход на землю. Лишь похожая на дрозда птица поведала мужику, что он вроде бы в подвале у башни.

Подкрепившись сдобной булкой, лежавшей на коленях у женщины, мужик отправился к башне. Подойдя к ней, он обнаружил приоткрытую дверь и ступеньки, ведущие в подвал. Недолго думая, мужик стал спускаться вниз. Когда ступеньки закончились, он оказался в лесу с диковинными деревьями. «Узнаю это место, – подумал мужик, – здесь я выбрался из норы и оказался в подземелье». Он огляделся и увидел нору, по которой попал сюда. «Ну вот и конец моим мучениям, – решил мужик и забрался в нору, – наверху меня быстро ударят».

Очутившись в родном мире, мужик отряхнулся и побежал по знакомой тропинке, ведущей домой. «Скорей бы кто попался, – подумал он, – а то уже и деревня близко, а я в таком виде». Только мужик так подумал, как дорогу ему преградил его сын. Он держал в руке палку...

– Собака, собака, собака! – позвал мальчик, осторожно приподнимая палку. – Иди сюда...

– Ты чего это задумал, негодник! – хотел сказать мужик, но вместо этого из его пасти раздался сердитый лай.

Мальчик размахнулся, но мужик был начеку и отскочил в сторону. «Уф, – тяжело вздохнул он, – только этого мне не хватало, чтобы мой сын стал за место меня собакой! Побегу-ка я отсюда, от греха подальше!» И мужик свернул с тропинки и бросился наутёк.

Обежав тропинку, мужик вышел к деревне с другой стороны. С той стороны, куда он обычно не ходил, так как там находился постоянный двор, в котором останавливалось много подозрительного народа. В этот раз мужик отправился прямо туда. Возле постоянного двора находились два человека и о чём-то громко спорили. «Сейчас

подбегу к одному из них, – подумал мужик, – и цапну за ногу». Он подкрался к бородатому детине и, раскрыв пасть, хотел укусить его за сапог, но тот ласково улыбнулся и, присев на корточки, протянул сухарь.

– На-ка вот поешь, – сказал детина, – а то совсем исхудал.

Хвост у мужика сам собой завилял и он против своей воли схватил сухарь и, повизгивая, перевернулся на спину, подставив живот для почёсывания.

– Хочешь пойти со мной, псина? – потрепал за ухо собаку детина.

– Самому есть нечего, а ещё собаку хочешь пригреть, – зло сказал стоящий рядом хозяин постоянного двора. – Сначала со мной рассчитайся!

Хозяин постоянного двора поднял камень и швырнул в собаку:

– А ну пошла отсюда!

Недолго думая, мужик подскочил к обидчику и вцепился в руку.

– Ах, ты так! – завопил владелец постоянного двора. – Ну, я тебе сейчас покажу!

Он схватил палку и погнался за собакой. Мужик забежал за сарай и увидел прямо перед собой нору. Ту самую нору, которая вела в подземный мир. «Странно, – мелькнуло у него в голове, – ведь она была далеко отсюда, в лесу...»

Подбежав к норе, мужик дождался преследователя и только тогда полез внутрь. Очутившись под землёй, в лесу с диковинными деревьями, мужик стал ждать хозяина постоянного двора.

– Ах, вот ты где, негодная собака! – закричал тот, появившись из норы и, размахнувшись, ударил палкой собаку...

Мужик радостно завизжал и, подпрыгнув вверх, снова стал сам собой.

– Ты это чего? – испуганно попятился хозяин постоянного двора. – Ты кто?

– Теперь человек, – сказал мужик, протягивая собачью шкуру. – На-ка вот, держи!

– Зачем она мне?

– Носи, пока не поумнеешь, – улыбнулся мужик.

Собачья шкура накинута на владельца постоянного двора, и он превратился в большую мохнатую собаку...

СЕРЕБРЯНЫЙ ЖЁЛУДЬ

Приходил коробейник в деревню. Заходил в каждый дом, показывал разный товар. Заходил и в дом, где жил Фрол с братьями и родителями. А когда коробейник ушёл, увидел Фрол на полу серебряный жёлудь. Хотел он сначала рассказать всем о своей находке, а потом передумал. Положил жёлудь в рот, чтоб никто не увидел и во двор вышел.

– Куда, – думает, – его спрятать?

Вдруг чувствует, жёлудь во рту шевелится. Испугался Фрол и выплюнул его на землю. Смотрит, а он росток дал зелёный. Взял Фрол жёлудь, отнёс в лес и посадил в ямку.

Вернулся домой, а жёлудь из головы не выходит. За что бы он ни брался, всё из рук валится.

Еле-еле дождался Фрол утра, чтобы в лес отправиться. Приходит и глазам своим не верит. На том месте, где он вчера серебряный жёлудь посадил, огромный дуб стоит. Обошёл Фрол дуб и увидел дупло с дверцей. Попробовал он открыть дверцу, но она оказалась запертой. Тогда Фрол взял да и постучал в неё.

– Кто там? – послышалось из дупла.

– Я, – сказал Фрол.

Дверца открылась, и из неё выскочили три кривоногих человечка в больших мохнатых шапках.

– Чего тебе надобно, юноша? – спросил один человечек.

– Ничего, – смутился Фрол.

– Так не бывает, – сказал второй человечек. – Всем чего-то да надо.

– Говори, чего надо? Не тяни, – нетерпеливо произнёс третий человечек.

– А вам-то зачем знать? – поинтересовался Фрол.

– Мы тебе поможем, а ты нам поможешь, – хором сказали человечки. – Так что проси, чего хочешь.

– Ну... мне много чего хочется, – задумался Фрол.

– Много и проси.

– Мне дом нужен, а то надоело с братьями да родителями жить, – смущаясь, сказал Фрол.

– Хорошо, будет тебе дом, – пообещали человечки. – Всё?

– Нет, ещё денег надо, – покраснел Фрол. – Я жениться хочу.

– Договорились, – сказали человечки. – Теперь у тебя есть и дом, и деньги, и невеста...

– Невеста? – недоверчиво произнёс Фрол. – У меня нет невесты...

– Теперь есть.

– А где она? – не поверил Фрол.

– Там, – показали человечки, – сразу, как выйдешь из леса... Там и дом, и деньги, и невеста...

– Вот спасибо! – обрадовался Фрол.

Он хотел пойти и посмотреть на своё богатство, но кривоногие человечки его схватили и поволокли к дубу.

– Куда вы меня тащите? – испугался Фрол.

– Мы тебе помогли, теперь ты нам помоги, – ответили человечки и затолкнули его в дупло.

Лишь только Фрол оказался в дупле, в его голове всё завертелось, закружилось и он потерял сознание. Когда же Фрол очнулся, то увидел, что лежит на поляне, покрытой синей травой, возле знакомого дуба. Он вскочил и хотел было прыгнуть в дупло, чтобы вернуться обратно, но ему преградили путь человечки.

– Нехорошо, – пристыдили они его. – Мы тебе помогли, теперь ты нам помоги. Таков уговор был. Разве не помнишь?

– Помню, – сказал Фрол. – Говорите, чего делать, а то я домой хочу.

– Мост построить, – сказал один человечек.

– Рыбу поймать, – добавил второй человечек.

– Змею одолеть, – произнёс третий человечек.

– Это когда ж я обратно вернусь? – загрустил Фрол.

– Когда всё сделаешь, тогда и вернёшься, – ответили человечки.

Не стал спорить Фрол с человечками – понял, что бесполезно.

– Ладно, – махнул он рукой, – показывайте, где мост делать?

Привели его человечки к небольшой реке, шагов двадцать в ширину, но бурной, каких поискать. Дали топор, пилу и рубанок.

– Строй, – говорят. – Когда построишь, свистнешь.

И исчезли...

Посидел Фрол на берегу, погрузился, но сиденьем делу не поможешь. Взял топор и начал валить деревья. Несколько дней валил. Потом кору стал снимать с них и пилить на доски...

Много ли, мало ли времени прошло, но сделал Фрол, наконец, мост. Сел рядом и давай свистеть. Свистит-свистит, а человечки всё

не появляются. Испугался Фрол, что навсегда тут останется, встал и начал кричать.

– Эй, вы где? Я мост построил!

– Видим, что построил, – услышал он сзади недовольные голоса.

– Разве это мост? – скривил губы один из человечков.

– Мост, – обиженно произнёс Фрол. – Чем он вам не нравится?

– А где башенки с балконами? – спросил другой человечек.

– А двери, а окна, а резьба кружевная? – добавил третий человечек.

– Да где это видано, чтобы мост был с башенками, балконами и окнами? – рассердился Фрол.

– У вас, может быть, и не видано, а у нас все мосты так строят, – сказали человечки и исчезли.

Делать нечего, пришлось Фролу и башенки и окна и всё остальное мастерить. И как только он последний балкон доделал, человечки сразу и появились.

– Молодец, – говорят, – отличный мост! По такому мосту и ходить не стыдно. А теперь бери удочку и лови рыбу. Да не какую придётся, а красную с синими плавниками. У неё икры много. Как поймашь, икру в ведро соберёшь, а рыбу обратно в реку отпустишь.

– Взял Фрол удочку, сел на мост и закинул её в воду.

День сидит, два сидит, три сидит. И за всё это время не то что рыба клонула, даже лягушка мимо не проплыла. Наконец, на седьмой день увидел Фрол красную рыбу с синими плавниками. Да такую огромную, что твой поросёнок. Забилось у него сердце от радости. Стал Фрол наживку к рыбе поближе подбрасывать и зацепил крючок за корягу. «Эх, – думает, – не везёт, так не везёт!» Пока он крючок отцеплял, рыба и уплыла...

Снова забросил Фрол удочку в воду. Через две недели увидел он в реке другую рыбу. Правда, меньше, чем первую, но тоже красную и с синими плавниками. Решил Фрол больше не дёргать удочку, а подождать, пока рыба сама к крючку подплывёт. И правильно сделал. Как только рыба схватила наживку, тут он её и поймал. Набрал полное ведро икры, а саму отпустил и стал ждать человечков.

– Молодец, – похвалили они его, когда появились, – много икры, много денег... Ну а теперь самое опасное задание. Ты должен одолеть змею. Не простую змею, а дочь царя змей.

– Ладно, – сказал Фрол, – змею, так змею.

Привели его человечки на болото и указали на жёлтую кочку.

– Иди, – говорят, – туда. Там змея лежит. Прогони её и заberi кольцо, что она охраняет.

– А если не сумею? – спросил Фрол. – Если змея меня укусит?

– Тогда превратишься в ворона и останешься здесь навсегда.

Исчезли человечки, а Фрол взял палку и направился к кочке. Ещё издали заметил он большую змею с белым платочком на шее. Свернувшись она вокруг пенёка, на котором колечко лежало.

Увидела змея Фрола, поднялась и давай в него ядом брызгать.

«Нет, – думает Фрол, – так её не одолеть. У неё яд, а у меня палка. Тут смекалка нужна». Вернулся Фрол обратно на твёрдую землю и стал думать. Думал-думал и решил верёвку сплести, а потом на змею набросить. Так и сделал. Нарвал травы болотной и свил верёвку. А когда змея снова стала в него ядом плевать, набросил верёвку на её шею и стащил в воду. Затем привязал верёвку к кусту, чтобы змея не мешала ему до кольца добраться...

– Молодец! – похвалили Фрола появившиеся человечки. – Мы помогли тебе, а ты нам помог. Теперь у нас есть мост, икра и колечко, а у тебя дом, деньги и невеста. Возвращайся домой.

Обрадовался Фрол и помчался со всех ног к дубу. Прибегает и, с разбега, бух в дупло...

Когда он очнулся, то увидел родные места.

Вышел Фрол из леса, глядь, а перед ним большой красивый дом с балконами, башенками и резьбой. «Где-то я уже видел эти башенки и балконы?» – подумал Фрол. Заходит во двор, а на крыльце девица-красавица сидит и ему белым платочком машет, а возле неё полное ведро золотых монет стоит...

Догадался тут Фрол, что это он сам, своим трудом и отвагой, и дом построил, и денег добыл, и невесту заимел.

ВОРОТНИК

Невзлюбило пальто воротник. Почему, никто не знает. Просто невзлюбило и всё. И нелюбовь эта тянулась ещё с матерской, когда и пальто-то не было. А была обычная шерстяная материя. И этой самой материи и не понравился воротник. С первого взгляда не понравился. Знаете, как бывает? Взглянешь на

кого-нибудь и чувствуешь, что не нравится. Почему не ведаешь, но не нравится и всё тут. Так и с материей было – увидела она воротник и невзлюбила. А уж когда из неё пальто сшили, неприязнь эта переросла почти во вражду. Не грубую, с оскорблениями и криками, а тихую, но всё равно сильную.

С самого начала, в мастерской, воротник показался материи уж очень лощёным, а каракуль, из которого он был сделан, чересчур завитушчатый. «Воображает, – подумала материя. – И чего, собственно, воображает? Есть воротники и получше». А потом, когда она уже превратилась в пальто, и ей навязали этот ужасный воротник, поняла, что не ошиблась. Выйдя впервые на улицу, пальто постигло ужасное разочарование. У всех пальто были воротники, как воротники – из лис, да бобров, а у него из какого-то каракуля. Да ещё чёрного с проседью...

Но вернёмся в мастерскую. Когда материю положили на стол и портной, взяв ножницы, принялся кроить, она забыла о воротнике и целиком отдалась мечтам и гаданиям – стремясь определить, что из неё хотят сшить. Поняв, что это будет пальто, материя принялась смотреть по сторонам, ища подходящий воротник. Она и подумать не могла, что её жизнь свяжут с этим ужасным, этим неприятным, во всех отношениях, воротником. Но судьба жестока. И случилось то, что случилось...

Воротник взгромоздился на плечи пальто и бесцеремонно сказал:

– Привет, дружище, – и вроде даже похлопал его краями.

Пальто промолчало, крепясь из последних сил, чтобы не нагрубить воротнику. Пытаясь отвлечься от дурных мыслей, оно погладило себя рукавами по полам, делая вид, что стряхивает пылинки.

Воротник был глуп. Очень глуп. Он даже не догадывался, что пальто его недолюбливает. Всегда был весел и беспечен.

– Ну что, – с улыбкой спрашивал воротник каждое утро, – куда пойдём сегодня?

Или того хуже, здороваясь, пытался дотянуться до рукавов завитками! Пальто даже приходилось прятать их в карманы, как бы говоря: «Я бы с тобой поздоровалось, да, видишь ли, рукава заняты».

Шло время, пальто терпело воротник на своих плечах и мечтало о другом, лисьем воротнике. Нельзя сказать, что жизнь совсем уж была безрадостной. Нет, бывали и хорошие, просто замечательные деньки. Например, однажды, кажется, это было в среду, пальто вышло на улицу, и пролетающий мимо голубь испачкал воротник. То-то было радости! В другой раз воротник «погрызла» моль и в нём появилась маленькая дырочка. Нечего и говорить, что пальто ликовало, думая, что новый воротник считай уже у него на плечах...

Но воротник старел, приходил в негодность, а вместе с ним старело и пальто, но никто и не думал менять воротник.

Как-то, поздним вечером, пальто возвращалось домой. Погода была просто жуткой. Падал снег и дул сильный ветер. И когда до дома оставалось каких-нибудь десять шагов, порыв ветра сорвал воротник и унёс в темноту. Его пытались искать, но вокруг было ничего не видно. Хотя, по правде сказать, пальто видело, куда упал воротник, но промолчало... Оно надеялось, что теперь-то уж точно у него появится новый воротник.

Однако оно ошиблось. Без воротника пальто стало некрасивым, и его повесили в шкаф. Когда же, через несколько дней, воротник нашёлся, то выглядел он так ужасно, что его не решились использовать по назначению, а положили вместо подстилки комнатной собачке.

А пальто, повисев в шкафу какое-то время, оказалось в чулане. И только тут до него дошло, что без воротника оно никому не нужно! И тогда пальто пробралось ночью в комнату, где лежал воротник, и стало просить его вернуться.

– Да мне и здесь хорошо, дружище, – улыбнулся воротник.

– Возвращайся... Ну пожалуйста, – прослезилось пальто. – Мне без тебя плохо.

Воротник не стал себя долго уговаривать.

– Раз моему другу плохо, – произнёс он серьёзно, – я вернусь.

И воротник осторожно вылез из-под собачки и взобрался на плечи пальто.

Вид у них был, прямо скажем, не важный – старое пыльное пальто и мятый, дырявый воротник...

– Думаешь, мы ещё кому-нибудь нужны? – спросил воротник, глядя на себя в тусклое зеркало.

– Посмотрим, – тихо сказала пальто и, открыв дверь, вышло из дома.

На улице было темно и морозно.

– Да, – приободрился воротник, и как прежде улыбнулся, – в такую погоду мы обязательно кому-нибудь пригодимся...

КИРПИЧНАЯ СЕНА

Построили из кирпичей стену. Красивую, крепкую. Стоит стена, сама себе нравится. Только одному кирпичу всё не по душе, всё не по нраву – и то ему не так, и этак.

– Тесно тут у нас, братцы, – стонет кирпич, – прям дышать нечем.

– А как ты хотел? – говорят ему другие кирпичи. – Мы же стена! А в стене каждый кирпич к другому прижимается, чтоб постройка прочной была.

– Да знаю я, но мне как-то не по себе.

– А что тебе не нравится? – спрашивают кирпичи.

– Всё, – сокрушается кирпич. – Это что ж, я так всю жизнь в стене и пролежу?!

– А чем плохо?

– Так и не увижу мир? – заплакал кирпич.

Замолчали кирпичи, задумались. «Действительно, – размышляют, – пролежим тут и мир не увидим».

А кирпич тем временем начал мало-помалу шевелиться: то в один бок немного подвинется, то в другой, то вверх приподнимется, то вниз опустится. В общем, прошло какое-то время, и выпал кирпич из стены. Упал в лужу и лежит.

– Ну как, – спрашивают кирпичи, – мир?

– Сырой очень, – отвечает кирпич, – а так ничего, дышится легко.

Обидно стало другим кирпичам, что их товарищ на мир смотрит, а они тут торчат. И принялись они тоже вываливаться из стены. Сначала по одному, а потом по двое, по трою...

Не прошло и недели, как завалилась стена на бок и рассыпалась. И вот лежат кирпичи на земле и на мир смотрят...

ЗОЛОТОЕ ВЫМЯ

Лежит дурень на печи и думает: «Вставать или не вставать – уж больно спать хочется... Ладно, не встану, буду спать дальше».

Встречает его днём деревенский староста и спрашивает:

– Ты чего это, дурень, на работу не пришёл? Мы всей деревней запруду делали, только тебя одного и не было.

– А я спать хотел, – отвечает дурень, – вот и не пришёл.

– Ну, – говорит староста, – да разве это причина? Смотри, в следующий раз обязательно приходи, а то денег не получишь. На что тогда жить станешь?

– Хорошо, приду, – пообещал дурень.

В другой раз, когда деревенские мужики лес корчевали, дурень снова дома остался.

– Ты почто слово нарушил? – спрашивает староста. – Ведь обещал придти. Или у тебя причина есть уважительная?

– А как же, есть, – говорит дурень. – Уж больно просека далеко была, идти не хотелось. Вы б её поближе сделали, тогда б, может, и пришёл.

Покачал головой староста:

– И это тоже не причина, чтоб на работу не ходить. Если ты и в третий раз не придёшь, живи, как знаешь!

– Приду, – пообещал дурень, – теперь обязательно приду.

Наступил сенокос, и надо было сено помещику косить. Собрал староста всех жителей и говорит:

– Смотрите, чтоб завтра обязательно пришли. Особенно ты, дурень.

– Приду, не сомневайся, – кивает дурень. – Если причины уважительной не будет, приду.

– Да какая у тебя причина может быть? – засмеялись люди. – Ешь, пьёшь, да на губе играешь!

Вот лежит дурень утром следующего дня и думает: «Спать хочется, спасу нет... но это не причина... Идти не хочется – луг далеко... но и это тоже не причина... Видно, придётся идти».

Встал дурень, собрался и побрёл на луг. Еле-еле идёт, вся жизнь ему кажется немилой. Проходит мимо речки, а там дети кораблики пускают.

– Дядь, а дядь, дай лапоть, мы из него кораблик сделаем.

– Я чё, дурак, что ли? – говорит дурень. – Я же в одном лапте далеко не уйду!

А потом думает: «А ведь это причина, чтобы на сенокос не идти».

Снял дурень лапоть и детям отдал. А сам спокойно домой пошёл.

Приходит к нему вечером староста и говорит:

– Ну всё, дурень, моё терпение кончилось!

– погоди кричать, – говорит дурень. – Ты лучше спроси, была ли у меня причина на сенокос не идти?

– Хорошо, спрашиваю?

– Ну конечно, была! – улыбается дурень. – Я детям лапоть отдал, они кораблик из него сделали. Не пойду же я на луг в одном лапте?

– Всё, – махнул рукой староста, – живи, как знаешь, а на нас больше не рассчитывай! Сам теперь на прокорм деньги зарабатывай, а мы тебя кормить не будем.

– Подумаешь, – говорит дурень, – и без вас проживу. Очень мне ваши деньги нужны...

День проходит, другой, третий. Закончилась у дурня еда, а взять где-то – не было у него ни коровы, ни огорода. Нужно денег где-то раздобыть. Вот отправился дурень по деревне бродить. Ходит, ко всем пристаёт.

– Дайте поесть, – просит, – а ещё лучше денег.

– А что же ты не работал? – спрашивают его.

– Так неохота было, – отвечает дурень.

– Ну, раз неохота, мы тебе ничем помочь не можем, у самих денег мало...

Лишь одна бабушка, то ли в шутку, то ли всерьёз говорит:

– Коли ты такой лодырь, тебе, милоч, золотое вымя надо найти. Будешь его доить, а из него деньги сыпаться станут. И тогда тебе не нужно будет на работу ходить.

– А где оно находится, это золотое вымя? – спрашивает дурень. – Как его раздобыть?

– А кто ж знает, – засмеялась старушка. – Знала б, сама доила...

С того времени потерял дурень покой и сон и каждое утро стал ходить искать золотое вымя. Похудел, оброс, но так ничего пока и не нашёл. Говорят, он и до сих пор ищет...

ДОРОГА СЧАСТЬЯ

Надоело дороге всю жизнь вести в одно и то же место. «Уж почитай целый век, как соединяю два села, – подумала она. – Скучно».

И стала дорога, время от времени, сворачивать. То в одну сторону свернёт, то в другую. Люди дивятся, ничего понять не могут. Вроде шли правильно, а попали совсем в другую сторону – не туда, куда надо. А дорога рада, слов нет!

Но эти забавы быстро ей надоели.

Из-за того, что дорога давно лежала на одном месте, она хорошо знала всех жителей двух сёл – их беды и радости. Знала, кому что нужно, чего не хватает, кто о чём мечтает. И решила дорога помогать людям. «Чего это я просто потешаюсь, сбиваю людей с толку, – подумала она. – Стану-ка я приводить их к тайным желаниям и мечтам». И начала дорога сворачивать не просто так, ради забавы, а туда, куда нужно. Пошёл однажды бедный человек в лес по дрова, а она возьми и приведи его к кладу. То-то радости было! В другой раз дорога помогла охотнику, который целую неделю возвращался домой ни с чем. Потом рыбаку, затем грибнику, ягоднику...

В сёлах даже поговаривать стали: «Главное знай, что тебе нужно. Становись на дорогу и ступай, она приведёт, куда надо».

В одном из двух сёл, что соединяла дорога, жил добрый молодец. И такой пригожий, такой умный, такой работящий, каких сегодня днём с огнём не сыщешь. И был он не женатый. Не сказать, чтобы на него девки не зарились, наоборот, от них-то как раз отбою не было. Но не хотелось тому молодцу кабы на какой жениться. Хотелось ему по любви семью завести. И не простой любви, а по большой любви, такой большой, чтоб аж зубы ныли и сердце щемило.

Как-то раз матушка и говорит молодцу:

– Устала я, Феденька, ждать, когда ты в дом невестку приведёшь.

– Да где её взять-то? – печально вздохнул молодец.

– А ты бы поискал, – уговаривает Фёдора мать. – Пошёл бы да поискал. Может, и встретишь ту, что по сердцу придётся. Вон наша дорога, какая удачливая! Главное, иди по ней, а она тебя и выведет к красной девице.

– А что, – говорит Фёдор, – пожалуй, так и сделаю.

На следующий день собрала его мать в дорогу. Покормила, пере-крестила, и отправился Фёдор в путь. Идёт, по сторонам смотрит. А дорога забеспокоилась. «Где, – думает, – такому доброму молодцу под стать невесту сыскать?» Думала-думала и вспомнила, что живёт, меж двух сёл, на лесном хуторе, девица-красавица. И умная и работающая. Как раз для Фёдора!

Повернула дорога к тому хутору, а сама вперёд побежала. Прибегаёт на хутор, а девицы нет! Отправилась она по грибы, да по ягоды. Почитай час как из дома вышла. Кинулась дорога в лес и нашла девицу. И давай её навстречу Фёдору вести, а девица, как нарочно, в сторону сворачивает. Понятно дело, грибы да ягоды на дороге не растут!

Еле-еле дорога двух молодых свела...

Как увидел Фёдор красну девицу, сразу влюбился. Сердце у него защемило, а зубы так и заныли.

– Кто ты? – спрашивает Фёдор девицу. – Как тебя зовут, и чья будешь?

А той девице тоже Фёдор приглянулся, но виду она не подаёт, как и положено воспитанным девушкам.

– Меня, – говорит девица, – зовут Антониной, а буду я с лесного хутора.

Проводил Фёдор Антонину домой и спрашивает:

– А ежели я к тебе сватов пришлю, твои тятенька с матушкой их не выгонят?

– Нет, – говорит Антонина, – не выгонят, присылай...

Помогла дорога молодым, сыграли Фёдор и Антонина свадьбу и зажили в любви и согласии. А дорога опять заскучала – счастливо стали жить в тех двух сёлах – и решила она побродить по свету, помочь другим людям.

Вышли как-то селяне утром из своих домов, глядь, а дороги нет. Ушла она, а куда, никто не знает. Но ты, добрый человек, можешь её встретить, если выйдешь за околицу и отправишься в путь...

Примечания

Светлана Василенко
ОТЧЁТ О РАБОТЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЗА ПЕРИОД С
МАЯ 2004 г. ПО ДЕКАБРЬ 2007 г.

¹ (с. 13) – Прочитан на заседании Координационного Совета в декабре 2007г.

Наталья Елизарова
КОГДА ПРИЛЕТАЮТ ЛАСТОЧКИ

¹ (с. 70) – Автор стихов, помещённых в рассказе «Когда прилетают ласточки», Тамара Емелина. *Прим. авт.*

Георгий Петрович
НА МУТНОЙ РЕКЕ

¹ (с. 164) – *Лабух* – музыкант (профессиональный сленг).

² (с. 169) – *Жмурик* – покойник (профессиональный сленг).

³ (с. 174) – «*Отказ*» – когда не во всех шпурях сработал детонатор (профессиональный сленг).

⁴ (с. 177) – *Углан* – хулиган, сорви-голова (пермский диалект).

⁵ (с. 177) – *Угол* – чемодан (воровской жаргон).

Нет писателя настолько неспособного, чтобы не найти подобного ему читателя.

Иероним Стридонский

Уильям Шекспир
ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ В НОВЫХ ПЕРЕВОДАХ

¹ (с. 277) – В только что вышедшем фундаментальном трёхтомном издании «Семь веков английской поэзии» Евгением Фельдманом опубликованы переводы 375 произведений английской классики (Семь веков английской поэзии. – В трёх книгах / Составитель *Е.В. Витковский*. Научный редактор *В. Резвый*. Предисловие *Е. Витковского*. Справки об авторах *Е. Витковского*, *В. Вотрина*, *А. Прокопьева*, *В. Резвого*, *А. Серебренникова*. Оформление и макет *Марины* и *Леонида Орлухиных*. – М.: Водолей Publishers, 2007). *Сост.*

² (с. 280) – Переведены: сонет 9 – 29 декабря 2007г., сонет 18 – 23 декабря 2007г., сонет 27 – 31 декабря 2007г., сонет 36 – 31 декабря 2007г., сонет 45 – 1 января 2008г., сонет 54 – 1 января 2008г. Переводчик, поэт *Пётр Кузнецов* проживает в Сибири. Презентация его последней книги «*Ama fatum*» («Возлюби судьбу»), состоявшаяся 13 декабря 2007г. в доме литераторов Кузбасса, стала самым значительным событием из тех, которые когда-либо проходили в этих стенах. «Присутствующим на презентации, – пишет её участник *Сергей Максимов*, – посчастливилось услышать переложённые на музыку романсы Петра

Васильевича, вспомнить его любимых и, к сожалению, частично забытых *Георгия Иванова* и *Евгения Винокурова*. . . Участники презентации пообщались, воспользовавшись созданной виновником торжества камерной атмосферой. . . Гости окунулись в мир, созданный стихами Петра Васильевича, мир, подобный нашему с вами, но отчужденный звонкими и ёмкими строфами и четверостишиями. . . Мир, где чувства отчаянно стремятся к недостижимому Абсолюту, но разбиваются о прагматизм Теории Вероятности. . .» (С.А. Максимов. «Душа моя живёт в стране чудес. . .» // Медик Кузбасса. – №1158. – Декабрь 2007). *Сост.*

Александр Цыганков ПРОНИЗАН ВОЗДУХ БОЕМ ЧАСОВЫМ...

¹ (с.283) – **Об авторе.** *Цыганков Александр Константинович*, поэт, художник. Родился 12 августа 1959 года в Комсомольске-на-Амуре. С 1992 года живёт в Томске. Автор книг: «Лестница» (1991), «Тростниковая флейта» (1995), «Ветер над берегом» (2005). Стихи вошли в антологии «Сибирская поэзия» (1998), «Собор стихов» (2005). Публикации в периодических изданиях: «Литературный Кузбасс» (Кемерово), «Сибирские Афины», «Каменный мост», «Начало века» (Томск), «Юность» (Москва), «Встречи» (США), «Побережье» (Филадельфия, США), «Edita» (Германия). Лауреат литературной премии имени Олега Алексеевича Афанасьева (Томск, 2006). Лауреат литературной премии журнала «ЮНОСТЬ» (Москва, 2006).

Александр Лейфер ДВА ОЧЕРКА

¹ (с.299) – Означенное эссе было опубликовано также и в нашем альманахе: *Лейфер А.* Личный фонд, или отпуск на Канарских островах // Голоса Сибири: литературный альманах. – Выпуск первый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С.7-60. *Сост.*

² (с.323) – Тогдашнего редактора альманаха «Сибирь» – *А.Л.*

³ (с.349) – *Сергей Лаврентьевич Донбай* – член Союза писателей России, один из руководителей Союза писателей Кузбасса, главный редактор кемеровского издания «Огни Кузбасса», направление коего сходно с идеологией «Нашего современника». Незадолго до смерти Р. Солнцева из состава редколлегии журнала «День и Ночь» был исключён. *Сост.*

⁴ (с.361) – Подтверждение уже есть, и не косвенное, а вполне прямое. И находится оно не в каких-то мифических архивах, а в недавно появившейся книге. Особую ценность данному подтверждению придаёт то, что написал эту книгу «пламенный антисемит» – редактор «Нашего современника» Станислав Куняев. Он вспоминает свою встречу с В.П. Астафьевым в кулуарах VII съезда писателей России (1990 г.): «Я в перерыве подошёл к Астафьеву и начал разговор о его переписке с Эйдельманом. Он резко оборвал меня:

– А сейчас, Станислав, я такие письма, может быть, уже не стал бы писать!

Я замолчал и отошёл от него. . .» (С. Куняев. «Возвращенцы». – М., 2006. – С.192). Подробнее об этом будет рассказано в очерке о моих встречах и переписке с Натаном Яковлевичем Эйдельманом.

ОТКЛИКИ ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ НА РОМАН СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЕНКО «ДУРОЧКА»

¹ (с.390) – Вариант статьи на польском языке: <http://krytycznymokiem.blogspot.com/2007/10/guptaska-swietana-wasilenko.html>

² (с.392) – Вариант статьи на польском языке: <http://miasta.gazeta.pl/krakow/1,35817,4611439.html>

³ (с.393) – Польский вариант статьи: <http://www.ksiazka.net.pl/modules.php?name=Reviews&crop=showcontent&id=550>

⁴ (с.395) – Вариант статьи на польском языке: <http://www.relaz.pl/ksiazka,komiks,gluptaska,1896>

⁵ (с.397) – Вариант статьи на польском языке: <http://pocztyalnia.blox.pl/html>

⁶ (с.399) – Польский вариант статьи под названием «Легенда Капустина Яра: катастрофическое видение мира»: http://www.polityka.pl/polityka/index.jsp?place=Lead126&news_cat_id=955&news_id=235396&layout=18&forum_id=12340&fpage=Threads&page=text

⁷ (с.401) – Вариант статьи на польском языке под названием «Советская святая»: *Nowe Ksiazki*. – Варшава, 2008. – №2.

Магдалена Талик У КАЖДОГО ПИСАТЕЛЯ СВОЯ «НИША» Интервью со Светланой Василенко

¹ (с.404) – Текст на польском языке: <http://www.kulturaonline.pl/Swietlana,Wasilenko,Kazdy,pisarz,ma,swoja,nisze,,tytul,artykul,2866.html>

Светлана Василенко СТИХИ О ПОЛЬШЕ

¹ (с.411) – *Краснолюдек* – (в переводе с польского) – гномик. *Прим. авт.*

Владимир Исупов ДРУГАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ...

¹ (с.417) – По административному устройству тех лет Новосибирская область включала также территории современных Кемеровской (до 1943 г.) и Томской (до 1944 г.) областей.

² (с.419) – Справедливости ради укажем, что некоторые историки, например, В.Б. Соколов, считают, что численность населения СССР накануне войны

превысила 200 млн. человек. Это явно завышенная оценка. Само её появление свидетельствует о путанице в определении количества населения нашей страны.

³ (с. 421) – Военные отделы – партийные органы, создававшиеся с целью установления строгого партийного контроля над армией. Вместе с тем, они оказывали действенную помощь штабам тыловых военных округов и военкоматам при организации воинских мобилизаций.

⁴ (с. 423) – См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.

⁵ (с. 431) – Под расчётной дивизией понимается суммарное количество дивизий и бригад, при этом две бригады условно приравниваются к одной дивизии.

⁶ (с. 431) – До 1944 г. в состав Омской области входила территория современной Тюменской области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа.

⁷ (с. 446) – Большинство из тех, кто получил незаконную бронь, уклонялся от учёта и призыва или дезертировал из армии, в конечном счете были отправлены на фронт. Многие из них получили тяжёлые ранения или погибли. Поэтому из этических соображений их фамилии не приводятся.

Алексей Тепляков **РАССТРЕЛЯННОЕ ЛЮБОПЫТСТВО** **Судьба русского офицера А.К. Иноевса**

¹ (с. 486) – *Тепляков А.Г.* Непроницаемые недра: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918-1929 гг. – М., 2007. С. 103, 105, 165.

² (с. 486) – В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.). – М., 1987. С. 410-411.

³ (с. 487) – Там же. С. 431.

⁴ (с. 488) – Там же. С. 432, 434-435; *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Ответственные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921-1928. – М., 2006. С. 562.

⁵ (с. 489) – *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ... С. 562, 323.

⁶ (с. 489) – *Черняев В.Ю.* Дело «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева» // Репрессированные геологи. – М.-СПб., 1999. С. 391-398.

⁷ (с. 490) – *Черняев В.Ю.* Дело «Петроградской боевой организации...» С. 392-395.

⁸ (с. 492) – Просим освободить из тюремного заключения // Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. – М., 1998. С. 161-165.

⁹ (с. 492) – ГАНУ. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 295. Л. 1-88.

¹⁰ (с. 509) – *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С. 193; *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ... С. 88-89, 323.

¹¹ (с. 510) – ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-4651. Т. 42. Л. 38.

Шимон Токаржевский **СРЕДИ УМЕРШИХ ДЛЯ ОБЩЕСТВА** **Зарисовки из жизни поляков в Сибири**

¹ (с. 523) – Печатается с исправлениями по: *Токаржевский Ш.* Сибирское лихолетье / Пер. с польск. М. Кушниковой; сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С. 337-410. Сост.

² (с. 524) – *Политиками* преступники называли политических заключённых. *Прим. авт.*

³ (с. 526) – «Моя радость» (*фр.*). *Прим. пер.*

⁴ (с. 526) – «Очень громко» (*ит.*). *Прим. пер.*

⁵ (с. 526) – «Вольный стрелок» (*нем.*), опера. *Прим. пер.*

⁶ (с. 527) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

⁷ (с. 527) – Словом «кобылки» в сибирских тюрьмах бандиты гадливо называют тех, которые допустили незначительные преступления. *Прим. авт.*

⁸ (с. 528) – Так назывались повара в омском остроге. *Прим. авт.*

⁹ (с. 529) – *Балаган* – деревянное строение. *Прим. авт.*

¹⁰ (с. 529) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

¹¹ (с. 536) – Этими Поляками были: Юзеф Богуславский, профессор Жоховский и автор этих строк. *Прим. авт.*

¹² (с. 540) – То есть Поляки. *Прим. авт.*

¹³ (с. 541) – «Быстро, весело» (*ит.*). *Прим. пер.*

¹⁴ (с. 544) – *Александр Николаевич Радищев* желал увидеть в стране реформы, по типу тех, что существовали в других европейских странах. В таком духе издал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». *Прим. авт.*

¹⁵ (с. 545) – *Байсуи*, киргиз, нищий. *Прим. авт.*

¹⁶ (с. 545) – «Что построили руки, то руки и повергнут. Лишь дом свободы построил сам Бог» (*нем.*). *Прим. пер.*

¹⁷ (с. 549) – Во время, о котором я говорю, в Сибири китайские ткани были не менее чем в три раза тоньше, чем перкаль и иные хлопчатобумажные материи. *Прим. авт.*

¹⁸ (с. 549) – *Курма* – женское платье. *Прим. авт.*

¹⁹ (с. 549) – *Джонка* – китайская лодка. *Прим. авт.*

²⁰ (с. 549) – *Арбы* – двухколёсные возки, обычные на Востоке. *Прим. авт.*

²¹ (с. 549) – *Джонерикиши* – люди, которые впрягаются в арбы вместо коней или других тягловых животных. *Прим. авт.*

²² (с. 550) – *Чулмиза* – китайское просо. *Прим. авт.*

²³ (с. 551) – Автор употребляет латинское *de profundis*. *Прим. пер.*

²⁴ (с. 561) – *Щи* – капустный суп. *Прим. авт.*

²⁵ (с. 561) – *Дворянский помещик* – благородный обыватель. *Прим. авт.*

²⁶ (с. 563) – *Пустомели* – болтушки. *Прим. авт.*

²⁷ (с. 567) – «Честное слово!» (*фр.*). *Прим. пер.*

²⁸ (с. 569) – *Похмелье* – когда ещё, не протрезвев, собутыльники идут на повторную попойку, это и называется похмельем. *Прим. авт.*

²⁹ (с. 570) – «Тише, господин!» (*фр.*). *Прим. пер.*

³⁰ (с. 570) – *Хао* – хорошо. *Но хода хао* – очень хорошо. *Прим. авт.*

³¹ (с. 580) – «Спасибо!» *Прим. авт.*

³² (с. 580) – «К звёздам» (*лат.*). *Прим. пер.*

³³ (с. 581) – На языке бандитов это означает «выйти сухим из воды».

Прим. авт.

³⁴ (с. 582) – *Николашка* – копейка с изображением царя Николая I. *Прим. авт.*

авт.

³⁵ (с. 584) – *Летяга* – сибирская белая летучая мышь. *Прим. авт.*

³⁶ (с. 584) – Очевидно, «ножки», от глагола «бродить». *Прим. пер.*

³⁷ (с. 592) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

Леонид Лопатин ЖИТЬ ВО ЛЖИ

Советское образование и воспитание в пятидесятилетних наблюдениях школьника, студента, учителя, профессора (Продолжение, начало см. «ГС» №5-6)

¹ (с. 594) – Журнальный вариант публикуется со значительными сокращениями. *Сост.*

² (с. 594) – *А. Кулемзин*. Завещание // Профессорские шалости. – Выпуск 2. Слухай соды. – Кемерово, 2005. – С. 52.

³ (с. 595) – См.: КПСС в резолюциях... – Т. 5. – М., 1972. – С. 337.

⁴ (с. 596) – Свои взгляды на социализм я удостоился чести изложить в получасовом докладе на IV конференции рабочих комитетов в ноябре 1989 г. (см.: Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. – Док. №110). Доклад транслировался по всекузбасскому радио. С того времени даже обывателю моё имя стало известным. Сначала этому имени доверяли, так как моя критика существующего положения совпадала с общим негативным настроем людей. Затем, когда в 1990 г. я и мои товарищи стали бороться не против «отдельных недостатков», а против порочной экономической и политической системы, сторонников поубавилось. А с осени 1991 г., после поражения ГКЧП, моё имя стало вызывать негативную реакцию у известной части кузбассовцев. Во всяком случае, в сентябре 1991 г. на первой лекции после моего представления студентам, не менее трети аудитории возмущенно «загудели». С 1993 г. узнаваемость имени постепенно стала исчезать и сохранилась лишь в среде граждански активных людей всех направлений политической ориентации.

⁵ (с. 597) – Имя Л.А. Гордона было известно в научном мире. На международной конференции в Гоголупу в ноябре 1993 г. я представил одну из

совместных с ним работ (предисловие к сборнику «Рабочее движение в Кузбассе. Документы и материалы», 622 стр.). И сразу же стал вхож в элитарный круг участников этой конференции. Свою книгу «Антилиберализм и либерализм в Кузбассе» (М., 2003 г.) мы с дочерью посвятили светлой памяти этого выдающегося ученого.

⁶ (с. 597) – На съезде выступали такие известные тогда в СССР демократы, как Глеб Якунин, Геннадий Бурбулис, Казимир Уока, Николай Травкин и др.

⁷ (с. 597) – Не я первый заметил, что странное слово «лагерь» в практике СССР. Это – и лагерь заключения, и лагерь пионерский, и лагерь спортивный, и лагерь социалистический.

⁸ (с. 598) – Хотя из КПСС я вышел лишь в начале 1991 г. В её рядах меня удерживало три обстоятельства: 1. Как член партии, я имел возможность выступать в солидных аудиториях, слушателей которых надеялся сделать сторонниками реформ. 2. По существующим правилам работы в партийных архивах не член КПСС к исследованию дел не допускался. 3. Статус замсекретаря парткома медицинского института позволял мне более эффективно влиять на позиции моего вуза в деле, как тогда говорили, перестройки.

⁹ (с. 599) – См. об этом у писателей Анатолия Приставкина («Ночевала тучка золотая») и Виктора Астафьева («Прокляты и убиты»).

¹⁰ (с. 600) – Знаменитый утопист Фурье полагал, что люди живут плохо потому, что не знают, как правильно жить. Но сейчас, мол, всё изменится, так как, прочитав книги Фурье, они будут правильно строить свою жизнь. Примерно о таком же влиянии прозрения на изменение жизни писал также Сократ, отводивший своим произведениям роль путеводной звезды.

¹¹ (с. 618) – В «Исторических хрониках» с Н.Сванидзе в январе 2007 г. прозвучали подобные подсчёты.

¹² (с. 620) – *И.А. Ильин*. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. – В 2-х т. – Париж-М.: Парог, 1992. – С. 39.

¹³ (с. 621) – *Людвиг фон Мизес*. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М., 1993. – С. 156-157.

¹⁴ (с. 622) – Интервью с Анастасией Захаровой Михайловой (1906 г.р.) впервые было опубликовано в «Нашей газете» 10 сент. 1999 г. В 2000 г. местные хулиганы сожгли её дом (д. Балахонка). В 2002 г. она была жива и здорова.

¹⁵ (с. 625) – В 1925 г. был отменен «сухой закон», существовавший в России с 1913 г. Продажа алкоголя рассматривалась в качестве «временной меры» для привлечения средств трудящихся на нужды индустриализации. В 1985 г., когда при Горбачеве вводились ограничения на алкоголь, до 70% местных бюджетов формировались за счет продажи водки («пьяные бюджеты»).

¹⁶ (с. 628) – Аргументы и факты, 2006, № 28. С. 29.

¹⁷ (с. 632) – По мотивам мешанской осторожности, к которой последние года два стал чуток, фамилии аспирантки и профессора не называю.

Мария Шамова
ВОЗДЕЙСТВИЕ СИМВОЛОВ И ОБРАЗОВ
ЭКСПОЗИЦИИ, ПОСТРОЕННОЙ ПО ОБРАЗНО-
СЮЖЕТНОМУ МЕТОДУ, НА ПОСЕТИТЕЛЕЙ
МУЗЕЯ

(На примере экспозиции Новокузнецкого
литературно-мемориального музея Ф.М.
Достоевского)

¹ (с. 635) – *Мария Шамова* – научный сотрудник Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. *Сост.*

Литература

1. *Аицелова Т.С.* К вопросу о методе построения экспозиции Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. В сб. материалов межрегиональной научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996.

2. *Банах-Маникина А.В.* Культурологические истоки некоторых особенностей поэтики Ф.М. Достоевского. В сб. тезисов IX межрегиональной научно-практической конференции. Новокузнецк, 2000.

3. *Боденхеймер М., Холл М.* Как оказывать влияние на людей. Как управлять сознанием. М: АСТ, Астрель, 2006.

4. *Джонсон М., Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живём. Теория метафоры. М., 1990.

5. *Жалковский А.К., Щеглов Ю.К.* Работы по поэтике выразительности. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996.

6. *Майстровская М.* Музейная экспозиция: тенденции развития. В кн.: Музееведение. На пути к музею XXI века: музейная экспозиция. М., 1996.

7. *Никишин Н.* Музейные средства: знаки и символы. В кн.: Музееведение. На пути к музею XXI века: музейная экспозиция. М., 1996.

8. *Поляков Т.П.* Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М., 1995.

9. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.

Наталья Караваева
КОЛЛЕКЦИЯ С.С. ТОРБΟΚΟΒА В ФОНДАХ
НОВОКУЗНЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНО-
МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

¹ (с. 639) – *Наталья Караваева* – главный хранитель Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. *Сост.*

Источники:

1. *А.И. Чудояков.* Эподы шорского эпоса. – Кемерово, 1995.
2. Шорский сборник. – Кемерово, 1994.
3. Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1998. – 8 окт.
4. Алтын шор «Золотая Шория». – Ч.4. – Кемерово, 1996.
5. Алтын шор «Золотая Шория». – Ч.3. – Кемерово, 1996.
6. НЛММД. Материалы из фонда С.С. Торбокова.

АЛЬМАНАХ «СКЛАДЧИНА» В СТОЛИЦЕ
(Пресс-релиз)

¹ (с. 647) – Источник: *Складчина*: Литературный альманах. – 2008. – №1 (30). – С.144-145.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЧЛЕНОВ КОММУНЫ
«ЖИЗНЬ И ТРУД» (1930-1940-е гг.)

¹ (с. 662) – Названия на л.1 рукописи нет. В наст. изд. оно приводится так, как обозначено в описании рукописи, предложенном Э.П. Абрамовой. *Сост.*

² (с. 662) – Слово исправлено синими чернилами. *Сост.*

³ (с. 662) – Слово исправлено синими чернилами. *Сост.*

⁴ (с. 662) – Исправлено синими чернилами. Было: «Враждь» (слово зачёркнуто, новое написано за левым полем стихотворения). *Сост.*

⁵ (с. 662) – Слово написано синими чернилами на месте пропуска шириной в 9 литер. *Сост.*

⁶ (с. 663) – Исправлено синими чернилами. Было: «звонкою» (слово зачёркнуто, новое написано над ним). *Сост.*

⁷ (с. 663) – Две первые буквы исправлены синими чернилами (было: «под»). *Сост.*

⁸ (с. 663) – Вторая буква слова подчёркнута. *Сост.*

⁹ (с. 663) – Пятая буква исправлена синими чернилами. Было: «колочья». *Сост.*

¹⁰ (с. 663) – Пятая и шестая буква исправлены (опечатки забыты литерами «б» и «л»). *Сост.*

¹¹ (с. 663) – Исправлено. В тексте: «безда». *Сост.*

¹² (с. 663) – Исправлено. В рукописи: «безтелесный». *Сост.*

¹³ (с. 663) – Далее шестая часть листа свободна. Конец л.1, начало л.2 рукописи. *Сост.*

¹⁴ (с. 663) – Вставка составителей. В рукописи значки (***) отсутствуют. В дальнейшем, если это специально не оговаривается в примечаниях, аналогичные вставки также сделаны составителями. *Сост.*

¹⁵ (с. 663) – Последние две буквы дописаны синими чернилами. *Сост.*

- ¹⁶ (с. 664) – Запятая дописана синими чернилами. *Сост.*
- ¹⁷ (с. 664) – Исправлено. В рукописи перед словом «Сердце» на левом поле скобка. *Сост.*
- ¹⁸ (с. 664) – Верхняя правая часть последней буквы обведена синими чернилами. *Сост.*
- ¹⁹ (с. 664) – Слово написано синими чернилами. *Сост.*
- ²⁰ (с. 664) – Последняя буква слова исправлена синими чернилами. *Сост.*
- ²¹ (с. 664) – Исправлено. В рукописи слитно: «тужиже». Предпоследняя буква исправлена синими чернилами. *Сост.*
- ²² (с. 664) – Третья буква слова исправлена синими чернилами. *Сост.*
- ²³ (с. 664) – Четвёртая буква слова исправлена синими чернилами. *Сост.*
- ²⁴ (с. 664) – Левое поле стихотворения сдвинуто по сравнению с предыдущим на четыре символа вправо. Первая строфа начинается с отступа. *Сост.*
- ²⁵ (с. 664) – Исправлено синими чернилами. Было: «лёд». *Сост.*
- ²⁶ (с. 664) – Конец л.2, начало л.3 рукописи. *Сост.*
- ²⁷ (с. 665) – Перед словом «вчера» зачёркнутое синими чернилами слово «и». *Сост.*
- ²⁸ (с. 665) – Знак тире (–) написан синими чернилами. *Сост.*
- ²⁹ (с. 665) – Далее зачёркнуто синими чернилами: «сей тесной». *Сост.*
- ³⁰ (с. 665) – Исправлено. В рукописи: «мнн». *Сост.*
- ³¹ (с. 665) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Что-ж». Перед словом «Что» на левом поле, на половину межстрочного интервала ниже, скобка. *Сост.*
- ³² (с. 665) – Справа ниже синими чернилами: «Гитя Тюрк». *Сост.*
- ³³ (с. 665) – Вместо звёздочек в рукописи набор символов (– О –). *Сост.*
- ³⁴ (с. 665) – Исправлено синими чернилами. Слово зачёркнуто, новое написано на левом поле. Было: «Безыменный». *Сост.*
- ³⁵ (с. 665) – Исправлено синими чернилами. Было: «невзгоды». *Сост.*
- ³⁶ (с. 665) – Вторая буква исправлена синими чернилами. Было: «дольше». *Сост.*
- ³⁷ (с. 665) – Внизу справа приписка синими чернилами: «Г. Тюрк». *Сост.*
- ³⁸ (с. 665) – Название стихотворения напечатано заглавными буквами. *Сост.*
- ³⁹ (с. 666) – Стихотворение разделено на две колонки. Со следующей строки начинается новый (правый) столбец. *Сост.*
- ⁴⁰ (с. 666) – Исправление машинистки. Было: «Чьё» (третья буква забита литерой «ю»). *Сост.*
- ⁴¹ (с. 666) – Исправлено. В рукописи: «корболкой». *Сост.*
- ⁴² (с. 666) – Внизу справа синими чернилами: «Г.Т.». Конец л.3, начало л.4 рукописи. *Сост.*
- ⁴³ (с. 666) – Первые две буквы слова подчёркнуты. *Сост.*
- ⁴⁴ (с. 666) – Точки в конце слова нет. Возможно, это лишь фрагмент стихотворения. Внизу справа синими чернилами: «Г.Т.». *Сост.*
- ⁴⁵ (с. 666) – Вместо звёздочек в рукописи набор символов (– / –). *Сост.*

- ⁴⁶ (с. 666) – Слово исправлено машинисткой, неверно напечатанные вторая и третья буква забиты литерами «е» и «с». Левое поле стихотворения, по сравнению с предыдущим и последующим, сдвинуто на двенадцать шажков пишущей машины вправо. *Сост.*
- ⁴⁷ (с. 667) – Исправлено. В рукописи через дефис: «как-будто». *Сост.*
- ⁴⁸ (с. 667) – Исправлено. В рукописи через дефис: «если-б». *Сост.*
- ⁴⁹ (с. 667) – Исправлено. В рукописи ошибочно: «скорбило». *Сост.*
- ⁵⁰ (с. 667) – Внизу справа синими чернилами помета: «Г.Т.». *Сост.*
- ⁵¹ (с. 667) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (– % –). *Сост.*
- ⁵² (с. 667) – Исправлено. В рукописи через дефис: «всё-же». *Сост.*
- ⁵³ (с. 667) – Справа помета синими чернилами: «Г.Т.». *Сост.*
- ⁵⁴ (с. 667) – В рукописи вместо звёздочек три буквы «х». *Сост.*
- ⁵⁵ (с. 667) – Левое поле, по сравнению с предыдущим стихотворением, сдвинуто вправо на пять шажков пишущей машины. Первая строка начинается с отступа вправо. *Сост.*
- ⁵⁶ (с. 667) – Исправлено. В рукописи: «людец». *Сост.*
- ⁵⁷ (с. 667) – Исправлено. В рукописи ошибочно: «тончайиих». *Сост.*
- ⁵⁸ (с. 668) – Конец л.4, начало л.5 рукописи. *Сост.*
- ⁵⁹ (с. 668) – Внизу справа помета синими чернилами: «Г.Т.». *Сост.*
- ⁶⁰ (с. 668) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (– % –). *Сост.*
- ⁶¹ (с. 668) – Стихотворение разделено на две колонки. Со следующей строки начинается второй (правый) столбец. *Сост.*
- ⁶² (с. 668) – Внизу справа помета синими чернилами: «Г.Т.». *Сост.*
- ⁶³ (с. 668) – В рукописи вместо звёздочек три значка: «%%%%». *Сост.*
- ⁶⁴ (с. 668) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на один символ вправо. Первая строка начинается с отступа. *Сост.*
- ⁶⁵ (с. 669) – Исправлено. В рукописи: «лет». *Сост.*
- ⁶⁶ (с. 669) – Исправлено. В рукописи слитно: «внем». *Сост.*
- ⁶⁷ (с. 669) – Справа помета синими чернилами: «Е. Епифанов». *Сост.*
- ⁶⁸ (с. 669) – Над названием в рукописи – набор символов (– х –). Перед названием стоят открывающие кавычки. Оно не подчёркнуто и никак не выделено иными способами. В начале строки – закавыченное слово «Гитя» (очевидно – указание на авторство, явно имеется ввиду: «Гитя Тюрк»). *Сост.*
- ⁶⁹ (с. 669) – Исправлено. В рукописи ошибочно: «тьмя». *Сост.*
- ⁷⁰ (с. 669) – В рукописи после слова «рос» ошибочно напечатана буква «т», забитая машинисткой знаком тире (–). Начало стихотворения на л.5 разделено на две колонки. Со следующей строки начинается новый (правый) столбец, начало коего – на 4,5 строки ниже, чем левый. *Сост.*
- ⁷¹ (с. 669) – Конец л.5, начало л.6 рукописи. *Сост.*
- ⁷² (с. 670) – Исправлено. В рукописи ошибочно: «пцстыне». *Сост.*
- ⁷³ (с. 671) – Исправлено. В рукописи слитно: «клицу». *Сост.*
- ⁷⁴ (с. 671) – Стихотворение на л.6 разделено на две колонки. Со следующей строки начинается второй (правый) столбец. *Сост.*

⁷⁵ (с. 671) – Эта строчка расположена на уровне строки «Друзья! Впереди даль» из левого столбца. *Сост.*

⁷⁶ (с. 671) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Что-б». *Сост.*

⁷⁷ (с. 671) – Ниже помета синими чернилами: «Г.Т.». Конец л.6, начало л.7 рукописи. *Сост.*

⁷⁸ (с. 671) – Ниже справа помета синими чернилами: «Г.Т.». *Сост.*

⁷⁹ (с. 671) – В рукописи слова «лес» и «обитель» напечатаны слитно, между ними синими чернилами – разделительный значок. *Сост.*

⁸⁰ (с. 671) – Исправлено. В рукописи: «безмолвине». *Сост.*

⁸¹ (с. 672) – После слова «вечер» ошибочно напечатана литера «е», забитая машинисткой знаком тире (–). *Сост.*

⁸² (с. 672) – Ниже справа помета синими чернилами: «Г.Т.». *Сост.*

⁸³ (с. 672) – Вместо звёздочек в рукописи набор символов (–%%–). Оставшаяся пятая часть листа свободна. Конец л.7, начало л.8. *Сост.*

⁸⁴ (с. 672) – Левое поле относительно следующего стихотворения сдвинуто на шесть символов вправо. *Сост.*

⁸⁵ (с. 672) – Ниже справа помета синими чернилами: «И.В. Гуляев». *Сост.*

⁸⁶ (с. 672) – Вместо звёздочек в рукописи набор символов (–О–). *Сост.*

⁸⁷ (с. 673) – Далее следует слово «весной», забитое машинисткой литерой «ш». *Сост.*

⁸⁸ (с. 673) – Ниже справа помета синими чернилами: «Гитя (Гутя? – *сост.*) Тюрк». Конец л.8, начало л.9. *Сост.*

⁸⁹ (с. 673) – Первая строка начинается с отступа. *Сост.*

⁹⁰ (с. 673) – Ниже справа помета синими чернилами: «Г. Тюрк». *Сост.*

⁹¹ (с. 674) – Название стихотворения подчёркнуто, в конце строки в рукописи поставлена точка. *Сост.*

⁹² (с. 674) – После слова «живой» ошибочно напечатан знак процента (%), забитый машинисткой восклицательным знаком. *Сост.*

⁹³ (с. 674) – В рукописи через дефис: «дух-же». *Сост.*

⁹⁴ (с. 674) – Далее пятая часть листа чистая. Конец л.9, начало л.10 рукописи. *Сост.*

⁹⁵ (с. 674) – Исправлено. Было: «недом». *Сост.*

⁹⁶ (с. 675) – Ниже справа помета синими чернилами: «Б. Мазурин». *Сост.*

⁹⁷ (с. 675) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (–хх–). *Сост.*

⁹⁸ (с. 675) – Левое поле, по сравнению с предыдущим стихотворением, сдвинуто на один символ вправо. *Сост.*

⁹⁹ (с. 675) – В рукописи слитно: «неладят». *Сост.*

¹⁰⁰ (с. 675) – Ниже справа помета синими чернилами: «Б.М.». *Сост.*

¹⁰¹ (с. 675) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (–хх–). *Сост.*

¹⁰² (с. 675) – Левое поле, по сравнению с предыдущим стихотворением, сдвинуто на шесть символов левее. *Сост.*

¹⁰³ (с. 675) – Конец л. 10, начало л.11 рукописи. *Сост.*

¹⁰⁴ (с. 675) – Буква исправлена синими чернилами. *Сост.*

¹⁰⁵ (с. 675) – Последняя буква исправлена синими чернилами. Было: «глубине». *Сост.*

¹⁰⁶ (с. 675) – Исправлено синими чернилами. Было: «основу» (слово зачёркнуто, новое написано на правом поле). *Сост.*

¹⁰⁷ (с. 675) – Последние две буквы исправлены синими чернилами. Было: «радостью». *Сост.*

¹⁰⁸ (с. 676) – Первая и последняя буквы исправлены синими чернилами. Было: «вновь». *Сост.*

¹⁰⁹ (с. 676) – Исправлено. В рукописи: «в единены душа», над предлогом «в» синими чернилами написана цифра 2, над словом «единены» – цифра 3, и над словом «душа» – цифра 1. *Сост.*

¹¹⁰ (с. 676) – Исправлено. Было: «раньше» (слово зачёркнуто синими чернилами, и новое написано на правом поле). *Сост.*

¹¹¹ (с. 676) – Исправлено. Было: «открою» (последние две буквы исправлены синими чернилами, а на правом поле дописано слово «я»). *Сост.*

¹¹² (с. 676) – Ниже справа помета синими чернилами: «БМ». *Сост.*

¹¹³ (с. 676) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 25 символов вправо. *Сост.*

¹¹⁴ (с. 676) – По сравнению с предыдущим стихотворением левое поле сдвинуто на 25 символов влево. *Сост.*

¹¹⁵ (с. 677) – Ниже справа помета синими чернилами: «Д. Пашенко». Конец л.11, начало л.12 рукописи. *Сост.*

¹¹⁶ (с. 677) – Первая строка начинается с отступа. *Сост.*

¹¹⁷ (с. 677) – Исправлено. В рукописи: «безслёзный». *Сост.*

¹¹⁸ (с. 677) – После слова «Он» ошибочно напечатана литера «т», перечёркнутая машинисткой знаком тире. *Сост.*

¹¹⁹ (с. 677) – Ниже справа помета синими чернилами: «Д. Пашенко». *Сост.*

¹²⁰ (с. 677) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (–хх–). *Сост.*

¹²¹ (с. 677) – Левое поле, по сравнению с предыдущим стихотворением, смещено на 3 символа влево. *Сост.*

¹²² (с. 677) – Ниже справа помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*

¹²³ (с. 677) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (–%–). *Сост.*

¹²⁴ (с. 677) – Левое поле, по сравнению с предыдущим стихотворением, смещено на шесть символов левее. *Сост.*

¹²⁵ (с. 678) – Стихотворение разделено на три колонки: левую, правую и нижнюю (центральную). Со следующей строки начинается второй (правый) столбец. *Сост.*

¹²⁶ (с. 678) – Со следующей строки начинается третий (нижний, по центру) столбец стихотворения. *Сост.*

¹²⁷ (с. 678) – Так в рукописи. Очевидно, опечатка. *Сост.*

¹²⁸ (с. 678) – Ниже справа вопросительный знак и помета синими чернилами: «? А. Малород / или / Г. Тюрк». Далее пятая часть листа чистая. Конец л.12, начало л.13 рукописи. *Сост.*

- ¹²⁹ (с. 679) – Исправлено. В рукописи ошибочно: «гляда». *Сост.*
- ¹³⁰ (с. 679) – Ниже справа помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ¹³¹ (с. 679) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (– ОО –). *Сост.*
- ¹³² (с. 679) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 15 символов вправо. *Сост.*
- ¹³³ (с. 679) – После слова «ли» ошибочно напечатана литера «я», зачёркнутая машинисткой знаком тире (–). *Сост.*
- ¹³⁴ (с. 679) – Ниже справа синими чернилами – вопросительный знак. *Сост.*
- ¹³⁵ (с. 679) – Вместо звёздочек в рукописи – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ¹³⁶ (с. 679) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 15 символов влево. *Сост.*
- ¹³⁷ (с. 679) – В рукописи слитно: «Чтож». *Сост.*
- ¹³⁸ (с. 679) – Исправлено. В рукописи: «призерая». *Сост.*
- ¹³⁹ (с. 679) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Что-ж». *Сост.*
- ¹⁴⁰ (с. 679) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Это-ж». *Сост.*
- ¹⁴¹ (с. 679) – Было: «страшиться» (последние восемь букв зачёркнуты синими чернилами, сверху написано следующее сочетание букв: «ыдите»). *Сост.*
- ¹⁴² (с. 680) – Первая буква исправлена чернилами. Было: «как». *Сост.*
- ¹⁴³ (с. 680) – Ниже справа помета на полях: «БМ». Конец л. 13, начало л. 14. *Сост.*
- ¹⁴⁴ (с. 680) – Так в рукописи. После слова «нашего» следует пробел, равный 11 шажкам пишущей машины. *Сост.*
- ¹⁴⁵ (с. 680) – Исправлено. В рукописи: «Безследных». *Сост.*
- ¹⁴⁶ (с. 680) – Стихотворение разделено на две колонки. Со следующей строки начинается новый (правый) столбец. *Сост.*
- ¹⁴⁷ (с. 681) – Ниже справа – вопросительный знак синими чернилами. *Сост.*
- ¹⁴⁸ (с. 681) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 13 символов вправо. *Сост.*
- ¹⁴⁹ (с. 681) – Слово «в» написано синими чернилами. *Сост.*
- ¹⁵⁰ (с. 681) – Над словом «порьма» помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ¹⁵¹ (с. 681) – Исправлено синими чернилами. Было: «он». *Сост.*
- ¹⁵² (с. 681) – Исправлено синими чернилами. Было: «Ах». *Сост.*
- ¹⁵³ (с. 682) – Исправлено синими чернилами. Было: «Ах». *Сост.*
- ¹⁵⁴ (с. 682) – Конец л. 14, начало л. 15. *Сост.*
- ¹⁵⁵ (с. 682) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Мне-б». *Сост.*
- ¹⁵⁶ (с. 682) – Исправлено синими чернилами. Было: «коммуне». *Сост.*
- ¹⁵⁷ (с. 682) – Исправлено синими чернилами. Было: «дышат». *Сост.*
- ¹⁵⁸ (с. 682) – Исправлено синими чернилами. Было: «свободой». *Сост.*
- ¹⁵⁹ (с. 682) – Исправлено синими чернилами. Было: «владычице». *Сост.*
- ¹⁶⁰ (с. 682) – Исправлено синими чернилами. Было: «злость». *Сост.*
- ¹⁶¹ (с. 682) – Далее забито тремя литерами «ш»: «бал» (исправление машинистки). *Сост.*

- ¹⁶² (с. 682) – Далее в рукописи следует пробел ~ 2 см, которым машинистка ошибочно отделила кондовку стихотворения из четырёх строк от основного текста, посчитав, что следующие четыре строки – начало нового стихотворения. В конце стихотворения синими чернилами начертан объединяющий знак, который показывает на необходимость объединения «разорванных» фрагментов. *Сост.*
- ¹⁶³ (с. 682) – Далее следует предлог «в», зачёркнутый синими чернилами. *Сост.*
- ¹⁶⁴ (с. 682) – Далее следует предлог «с», зачёркнутый синими чернилами. *Сост.*
- ¹⁶⁵ (с. 682) – Выше справа помета синими чернилами: «БМ». *Сост.*
- ¹⁶⁶ (с. 682) – Вместо звёздочек в рукописи синими чернилами три буквы «х», средняя ниже левой и правой. *Сост.*
- ¹⁶⁷ (с. 683) – Конец л. 15, начало л. 16 рукописи. *Сост.*
- ¹⁶⁸ (с. 683) – Ниже справа помета синими чернилами: «БМ». *Сост.*
- ¹⁶⁹ (с. 683) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ¹⁷⁰ (с. 683) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением на 4 символа сдвинуто влево. *Сост.*
- ¹⁷¹ (с. 683) – Исправлено синими чернилами. Было: «душой» (слово зачёркнуто, новое написано на правом поле). *Сост.*
- ¹⁷² (с. 683) – Ниже справа помета синими чернилами: «Б.Мазурин». *Сост.*
- ¹⁷³ (с. 684) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (– хх –). *Сост.*
- ¹⁷⁴ (с. 684) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением на пять символов правее. *Сост.*
- ¹⁷⁵ (с. 684) – Напечатано с подчистками, после слова «сажать» проглядывают полустёртые буквы «тъ». *Сост.*
- ¹⁷⁶ (с. 684) – Ниже справа помета синими чернилами: «Дополнение к встрече с дочкой». *Сост.*
- ¹⁷⁷ (с. 684) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (– хх –). *Сост.*
- ¹⁷⁸ (с. 684) – Исправлено. В рукописи: «безсонных». *Сост.*
- ¹⁷⁹ (с. 684) – Исправлено. В рукописи слитно: «ночьв». *Сост.*
- ¹⁸⁰ (с. 684) – Конец л. 16, начало л. 17 рукописи. *Сост.*
- ¹⁸¹ (с. 684) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. *Сост.*
- ¹⁸² (с. 685) – Ниже справа синими чернилами – вопросительный знак. *Сост.*
- ¹⁸³ (с. 685) – Название напечатано в одну строку, слово «Тюрк» заглавными буквами. Над названием – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ¹⁸⁴ (с. 685) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 5 символов вправо. *Сост.*
- ¹⁸⁵ (с. 685) – Исправлено. В рукописи через дефис: «здесь-же». *Сост.*
- ¹⁸⁶ (с. 685) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Крепки-же». *Сост.*
- ¹⁸⁷ (с. 685) – Далее шестая часть листа чистая. Конец л. 17, начало л. 18 рукописи. *Сост.*
- ¹⁸⁸ (с. 686) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Когда-ж». *Сост.*

- ¹⁸⁹ (с. 686) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Хотя-бы». *Сост.*
- ¹⁹⁰ (с. 686) – Исправлено. В рукописи: «безцельный». *Сост.*
- ¹⁹¹ (с. 686) – Ниже справа синими чернилами – вопросительный знак. *Сост.*
- ¹⁹² (с. 686) – Название напечатано заглавными буквами вразрядку и подчёркнуто. *Сост.*
- ¹⁹³ (с. 686) – Вторая буква «р» дописана над словом синими чернилами. *Сост.*
- ¹⁹⁴ (с. 686) – Исправлено. В рукописи слитно: «Чтож». *Сост.*
- ¹⁹⁵ (с. 686) – Так в рукописи. *Сост.*
- ¹⁹⁶ (с. 687) – Последние три слова дописаны синими чернилами на правом поле. *Сост.*
- ¹⁹⁷ (с. 687) – Исправлено синими чернилами. Было: «пуская». *Сост.*
- ¹⁹⁸ (с. 687) – Ниже справа помета синими чернилами: «БМ». Конец л.18, начало л.19 рукописи. *Сост.*
- ¹⁹⁹ (с. 687) – Нерасшифрованное сокращение. Так в рукописи. *Сост.*
- ²⁰⁰ (с. 687) – Внизу справа помета синими чернилами: «Д. Пашенко и Тюрк?». *Сост.*
- ²⁰¹ (с. 687) – Исправлено. В рукописи слитно: «Передомной». *Сост.*
- ²⁰² (с. 687) – Исправлено. В рукописи слитно: «еслибы». *Сост.*
- ²⁰³ (с. 687) – Исправлено. В рукописи раздельно: «с умел». *Сост.*
- ²⁰⁴ (с. 687) – Исправлено. В рукописи через дефис: «хотел-бы». *Сост.*
- ²⁰⁵ (с. 688) – Исправлено. Было: «безстрашно». *Сост.*
- ²⁰⁶ (с. 688) – Исправлено. В рукописи через дефис: «что-ж». *Сост.*
- ²⁰⁷ (с. 688) – Конец л. 19, начало л.20 рукописи. *Сост.*
- ²⁰⁸ (с. 688) – Исправлено. Было: «буду». *Сост.*
- ²⁰⁹ (с. 688) – Исправлено. Было: «сердце». *Сост.*
- ²¹⁰ (с. 688) – Ниже справа синими чернилами – вопросительный знак. *Сост.*
- ²¹¹ (с. 688) – Вместо звёздочек в рукописи набор символов (– хх –). *Сост.*
- ²¹² (с. 688) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 15 символов вправо. *Сост.*
- ²¹³ (с. 689) – Исправлено. В рукописи через дефис: «то-же». *Сост.*
- ²¹⁴ (с. 689) – Внизу справа помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ²¹⁵ (с. 689) – Исправлено. Было: «небом» (слово зачёркнуто синими чернилами, над ним написано новое). *Сост.*
- ²¹⁶ (с. 689) – Исправлено. В рукописи: «бессонная». *Сост.*
- ²¹⁷ (с. 689) – Исправлено. В рукописи: «торемныйз». *Сост.*
- ²¹⁸ (с. 689) – Исправлено синими чернилами. Было: «Как» (слово зачёркнуто и на левом поле написано новое). *Сост.*
- ²¹⁹ (с. 689) – Исправлено синими чернилами. Вместо слов «за что?» было: «зачем» (слово и следующая за ним запятая зачёркнуты, новые слова с последующим вопросительным знаком написаны сверху). *Сост.*

- ²²⁰ (с. 689) – Исправлено синими чернилами. Вместо слов «За что?» было: «зачем» (слово зачёркнуто, новые с последующим вопросительным знаком написаны сверху). *Сост.*
- ²²¹ (с. 689) – Слово написано синими чернилами поверх зачёркнутого: «герой и». *Сост.*
- ²²² (с. 689) – Исправлено. В рукописи через дефис: «что-ли». *Сост.*
- ²²³ (с. 689) – Внизу справа помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ²²⁴ (с. 689) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ²²⁵ (с. 689) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 16 символов вправо. *Сост.*
- ²²⁶ (с. 689) – Конец л.20, начало л.21 рукописи. *Сост.*
- ²²⁷ (с. 689) – Название напечатано заглавными буквами вразрядку и подчёркнуто. *Сост.*
- ²²⁸ (с. 690) – Так в рукописи. *Сост.*
- ²²⁹ (с. 690) – Ниже справа синими чернилами – вопросительный знак. *Сост.*
- ²³⁰ (с. 690) – Название напечатано заглавными буквами вразрядку и подчёркнуто. Над ним – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ²³¹ (с. 690) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 7 символов вправо. *Сост.*
- ²³² (с. 690) – Ниже справа помета синими чернилами: «А. Малород». *Сост.*
- ²³³ (с. 691) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ²³⁴ (с. 691) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 7 символов влево. *Сост.*
- ²³⁵ (с. 691) – Ниже справа синими чернилами помета: «А.М.». Конец л.21, начало л.22 рукописи. *Сост.*
- ²³⁶ (с. 691) – Исправлено. В рукописи через дефис: «пугайся-ж». *Сост.*
- ²³⁷ (с. 692) – Ниже справа помета синими чернилами: «А.М.». Внизу по центру – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ²³⁸ (с. 692) – Стихотворение расположено на странице во втором (правом) столбце. Название напечатано вразрядку, с точкой в конце. *Сост.*
- ²³⁹ (с. 692) – Исправлено. В рукописи раздельно: «Ни чьей». *Сост.*
- ²⁴⁰ (с. 692) – Исправлено. В рукописи слитно: «прогонишь». *Сост.*
- ²⁴¹ (с. 692) – Ниже справа помета синими чернилами: «А.М.». *Сост.*
- ²⁴² (с. 692) – Название в рукописи подчёркнуто. Левое поле по сравнению с расположенным выше стихотворением «Мудрость жизни» сдвинуто на 6 символов вправо. *Сост.*
- ²⁴³ (с. 693) – Ниже справа помета синими чернилами: «А.М.». Конец л.22, начало л.23 рукописи. *Сост.*
- ²⁴⁴ (с. 693) – Исправлено. В рукописи: «снег». *Сост.*
- ²⁴⁵ (с. 693) – Исправлено. В рукописи: «вгорах». *Сост.*

- ²⁴⁶ (с. 693) – Ниже справа: «А.М.». Внизу по центру набор символов (– О –). *Сост.*
- ²⁴⁷ (с. 693) – Название напечатано заглавными буквами вразрядку и подчёркнуто. *Сост.*
- ²⁴⁸ (с. 694) – Ниже справа помета синими чернилами: «А.М.». Внизу по центру набор символов (– х –). *Сост.*
- ²⁴⁹ (с. 694) – Название напечатано заглавными буквами вразрядку и подчёркнуто, левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на один символ вправо. *Сост.*
- ²⁵⁰ (с. 694) – Конец л.23, начало л.24 рукописи. *Сост.*
- ²⁵¹ (с. 694) – Внизу справа помета синими чернилами: «А.М.». Внизу в центре набор символов (– о –). *Сост.*
- ²⁵² (с. 695) – Название напечатано заглавными буквами вразрядку и подчёркнуто. Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 2 символа вправо. *Сост.*
- ²⁵³ (с. 695) – Внизу справа помета синими чернилами: «А.М.». *Сост.*
- ²⁵⁴ (с. 695) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на шесть символов вправо. *Сост.*
- ²⁵⁵ (с. 695) – Буква напечатана на левом поле. *Сост.*
- ²⁵⁶ (с. 695) – Исправлено. В рукописи с заглавной буквы: «Тихо». *Сост.*
- ²⁵⁷ (с. 695) – В этой и трёх последующих строчках стихотворения левое поле смещено на девять символов влево. *Сост.*
- ²⁵⁸ (с. 696) – Исправлено. В рукописи слово напечатано заглавными буквами: «ИХ». *Сост.*
- ²⁵⁹ (с. 696) – Эта и три последующих строчки оформлены в отдельный столбец, расположенный справа. Строка «Зачем же торопиться» находится на уровне строки «Цветы благоухают». *Сост.*
- ²⁶⁰ (с. 696) – Конец л.24, начало л.25 рукописи. *Сост.*
- ²⁶¹ (с. 696) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. *Сост.*
- ²⁶² (с. 696) – В рукописи было: «бесконечной», последнюю букву машинистка забила знаком тире (–). *Сост.*
- ²⁶³ (с. 696) – Ниже справа помета синими чернилами: «А.М.». Внизу по центру – набор символов (– х –). *Сост.*
- ²⁶⁴ (с. 696) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на один символ вправо. *Сост.*
- ²⁶⁵ (с. 696) – Далее стёрто: «ничего не» (исправление машинистки). *Сост.*
- ²⁶⁶ (с. 696) – Стихотворение разделено на две колонки. Со следующей строки начинается второй (правый) столбец. *Сост.*
- ²⁶⁷ (с. 697) – Исправлено. В рукописи: «Мейте» (перед этим словом на левом поле синими чернилами написана заглавная буква «У»). *Сост.*
- ²⁶⁸ (с. 697) – Исправлено. В рукописи: «жругих». *Сост.*

- ²⁶⁹ (с. 697) – Ниже справа помета синими чернилами: «А.М.». *Сост.*
- ²⁷⁰ (с. 697) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. *Сост.*
- ²⁷¹ (с. 697) – Исправлено. В рукописи слово «над» отсутствует. *Сост.*
- ²⁷² (с. 697) – Ниже справа помета синими чернилами: «А.М.». *Сост.*
- ²⁷³ (с. 697) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (– х –). Левое поле относительно предыдущего стихотворения сдвинуто на 10 символов вправо. *Сост.*
- ²⁷⁴ (с. 697) – Конец л.25, начало л.26 рукописи. *Сост.*
- ²⁷⁵ (с. 697) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. *Сост.*
- ²⁷⁶ (с. 698) – Исправлено. В рукописи через дефис: «полно-те». *Сост.*
- ²⁷⁷ (с. 698) – Справа помета синими чернилами: «А.М.». *Сост.*
- ²⁷⁸ (с. 698) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. *Сост.*
- ²⁷⁹ (с. 698) – Исправлено машинисткой. Было: «ясная», последняя буква забита знаком тире (–). *Сост.*
- ²⁸⁰ (с. 699) – Исправлено машинисткой. Было: «Еещё», вторая буква забита знаком тире (–). *Сост.*
- ²⁸¹ (с. 699) – Исправлено. В рукописи через дефис: «спеши-же». *Сост.*
- ²⁸² (с. 699) – Ниже пометы синими чернилами. Слева: «Этот стих пелся / в коммуне». Справа: «А.Ст. Малород». Конец л.26, начало л.27 рукописи. *Сост.*
- ²⁸³ (с. 699) – Исправлено. В рукописи отдельно: «с ветлых». *Сост.*
- ²⁸⁴ (с. 699) – Так в рукописи. *Сост.*
- ²⁸⁵ (с. 699) – Исправлено. В рукописи: «все». *Сост.*
- ²⁸⁶ (с. 700) – Справа синими чернилами помета: «И.И.Г.Посади. . .». *Сост.*
- ²⁸⁷ (с. 700) – Название подчёркнуто. Левое поле относительно предыдущего стихотворения сдвинуто на шесть символом вправо. *Сост.*
- ²⁸⁸ (с. 700) – Исправлено. В рукописи: «Еещё». *Сост.*
- ²⁸⁹ (с. 700) – Исправлено. В рукописи слитно: «Комуто». *Сост.*
- ²⁹⁰ (с. 700) – Исправлено. В рукописи: «жергсовать». *Сост.*
- ²⁹¹ (с. 700) – Слева внизу помета синими чернилами: «из песен коммуны». Конец л.27, начало л. 28 рукописи. *Сост.*
- ²⁹² (с. 701) – Исправлено. В рукописи: «Не будеш». *Сост.*
- ²⁹³ (с. 701) – Исправлено. В рукописи: «духе». *Сост.*
- ²⁹⁴ (с. 701) – Исправлено. В рукописи: «будеш». *Сост.*
- ²⁹⁵ (с. 701) – Исправлено. В рукописи: «одолее». *Сост.*
- ²⁹⁶ (с. 701) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (– % –). *Сост.*
- ²⁹⁷ (с. 701) – Исправлено. В рукописи: «воль». Левое поле стихотворения по сравнению с предыдущим сдвинуто на 13 символов вправо. *Сост.*
- ²⁹⁸ (с. 701) – Исправлено. В рукописи слитно: «чтоже». *Сост.*
- ²⁹⁹ (с. 701) – Первая буква слова исправлена синими чернилами. *Сост.*
- ³⁰⁰ (с. 701) – Ниже справа помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ³⁰¹ (с. 701) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (– хх –). *Сост.*
- ³⁰² (с. 701) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 13 символов влево. *Сост.*

- ³⁰³ (с. 702) – Предлог «в» вписан синими чернилами. *Сост.*
- ³⁰⁴ (с. 702) – Исправлено. В рукописи: «ос». *Сост.*
- ³⁰⁵ (с. 702) – Исправлено. В рукописи: «Гортт». *Сост.*
- ³⁰⁶ (с. 702) – Справа помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ³⁰⁷ (с. 702) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (–!!!–). *Сост.*
- ³⁰⁸ (с. 702) – Первая строка начинается с отступа. Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 4 символа вправо. *Сост.*
- ³⁰⁹ (с. 702) – Конец л.28, начало л.29 рукописи. *Сост.*
- ³¹⁰ (с. 702) – Исправлено. В рукописи: «вынжджен». *Сост.*
- ³¹¹ (с. 702) – Справа внизу помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ³¹² (с. 702) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (–хх–). *Сост.*
- ³¹³ (с. 702) – Первая строка начинается с отступа. *Сост.*
- ³¹⁴ (с. 702) – Исправлено. В рукописи: «ноч». *Сост.*
- ³¹⁵ (с. 702) – Справа помета синими чернилами: «Д.П.». Внизу по центру набор символов (–хх–). *Сост.*
- ³¹⁶ (с. 703) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. *Сост.*
- ³¹⁷ (с. 703) – Исправлено. В рукописи: «приложешь». *Сост.*
- ³¹⁸ (с. 703) – Исправлено. В рукописи: «безстыжая». *Сост.*
- ³¹⁹ (с. 703) – Исправлено. В рукописи слитно: «нужно». *Сост.*
- ³²⁰ (с. 703) – Справа внизу помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ³²¹ (с. 703) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (–хх–). *Сост.*
- ³²² (с. 703) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 4 символа вправо. *Сост.*
- ³²³ (с. 703) – Ниже справа помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ³²⁴ (с. 703) – Название напечатано заглавными буквами вразрядку и подчёркнуто. *Сост.*
- ³²⁵ (с. 703) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 11 символов влево. *Сост.*
- ³²⁶ (с. 703) – Стихотворение разделено на л.29 на две колонки. Со следующей строки начинается второй (правый) столбец. *Сост.*
- ³²⁷ (с. 704) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Много-ль». *Сост.*
- ³²⁸ (с. 704) – Ниже в рукописи указание на продолжение стихотворения на следующей странице: «см. продолжение». Конец л.29, начало л.30 рукописи. *Сост.*
- ³²⁹ (с. 704) – На л.30 окончание стихотворения разделено на три столбца: левый, правый и нижний (по центру). Со следующей строки начинается второй (правый) столбец. *Сост.*
- ³³⁰ (с. 704) – Исправлено. В рукописи: «глазх» (четвёртая буква забита литерой «х»). *Сост.*
- ³³¹ (с. 704) – Со следующей строки начинается третий (по центру) столбец стихотворения. *Сост.*
- ³³² (с. 705) – На правом поле помета синими чернилами: «Д.П.». *Сост.*
- ³³³ (с. 705) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (–О–). *Сост.*

- ³³⁴ (с. 705) – После слова «борцов» зачёркнуто синими чернилами: «за любовь». Вверху теми же чернилами: «Откликнитесь смелое племя / верных бесстрашных за правду борцов». *Сост.*
- ³³⁵ (с. 705) – Левое поле по отношению к предыдущему стихотворению сдвинуто на 4 символа вправо. *Сост.*
- ³³⁶ (с. 705) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Давайте-же». *Сост.*
- ³³⁷ (с. 705) – Исправлено синими чернилами. Было: «страхом» (слово зачёркнуто, над ним написано новое). *Сост.*
- ³³⁸ (с. 705) – Исправлено синими чернилами. Было: «глубокого». *Сост.*
- ³³⁹ (с. 705) – Исправлено синими чернилами. Было: «свободы». *Сост.*
- ³⁴⁰ (с. 706) – Исправлено синими чернилами. Было: «дцхом». *Сост.*
- ³⁴¹ (с. 706) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Смелые-ж». *Сост.*
- ³⁴² (с. 706) – Внизу справа помета синими чернилами: «Б.М.». Конец л.30, начало л.31. *Сост.*
- ³⁴³ (с. 706) – Исправлено. В рукописи: «Кровотояат». *Сост.*
- ³⁴⁴ (с. 706) – Исправлено. В рукописи: «радосной». *Сост.*
- ³⁴⁵ (с. 706) – Исправлено. В рукописи через дефис: «скорее-же». *Сост.*
- ³⁴⁶ (с. 706) – На правом поле помета синими чернилами: «Гите – стих Д. Паш.». *Сост.*
- ³⁴⁷ (с. 707) – Левое поле по отношению к предыдущему стихотворению сдвинуто на 4 символа влево. *Сост.*
- ³⁴⁸ (с. 707) – Исправлено. В рукописи через дефис: «увижку-ль». *Сост.*
- ³⁴⁹ (с. 707) – Исправлено. В рукописи через дефис: «что-ж». *Сост.*
- ³⁵⁰ (с. 707) – На правом поле помета синими чернилами: «Д. Моргачёв». Конец л.31, начало л.32 рукописи. *Сост.*
- ³⁵¹ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «прости-же». *Сост.*
- ³⁵² (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Моря-ж». *Сост.*
- ³⁵³ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «прошанье-ж». *Сост.*
- ³⁵⁴ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Крепко-ж». *Сост.*
- ³⁵⁵ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «был-бы». *Сост.*
- ³⁵⁶ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Хотя-бы». *Сост.*
- ³⁵⁷ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «прошанье-ж». *Сост.*
- ³⁵⁸ (с. 708) – На правом поле помета синими чернилами: «Д. Моргачёв». *Сост.*
- ³⁵⁹ (с. 708) – В рукописи вместо звёздочек – набор символов (–оо–). *Сост.*
- ³⁶⁰ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Померла-ж». *Сост.*
- ³⁶¹ (с. 708) – Первая строка с отступа. Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 3 символа влево. *Сост.*
- ³⁶² (с. 708) – Исправлено. В рукописи: «славти». *Сост.*
- ³⁶³ (с. 708) – Исправлено. В рукописи: «торьме». *Сост.*
- ³⁶⁴ (с. 708) – Исправлено. В рукописи через дефис: «жить-же». *Сост.*
- ³⁶⁵ (с. 709) – Исправлено. В рукописи через дефис: «любила-ж». *Сост.*

- ³⁶⁶ (с. 709) – Исправлено. В рукописи: «бесконца». *Сост.*
³⁶⁷ (с. 709) – Исправлено. В рукописи через дефис: «как-же». *Сост.*
³⁶⁸ (с. 709) – Исправлено. В рукописи: «сиротом-то». *Сост.*
³⁶⁹ (с. 709) – На правом поле помета синими чернилами: «Д.М.». Конец л.32, начало л.33 рукописи. *Сост.*
³⁷⁰ (с. 709) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Всё-же». *Сост.*
³⁷¹ (с. 709) – Исправлено. В рукописи: «надеяться». *Сост.*
³⁷² (с. 710) – Исправлено. В рукописи: «врнее». *Сост.*
³⁷³ (с. 710) – Ниже справа помета синими чернилами: «Д.М.». *Сост.*
³⁷⁴ (с. 710) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (-%%–). *Сост.*
³⁷⁵ (с. 710) – Исправлено карандашом. Было: «За» (слово зачёркнуто, над ним написано новое). *Сост.*
³⁷⁶ (с. 710) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением смещено на 4 символа вправо. *Сост.*
³⁷⁷ (с. 710) – Исправлено карандашом. Было: «могилой». *Сост.*
³⁷⁸ (с. 710) – Исправлено. В рукописи с дефисом: «Где-ж». *Сост.*
³⁷⁹ (с. 710) – Исправлено карандашом. Вместо «ж ты» в рукописи было: «наше» (слово зачёркнуто, новые написаны сверху). *Сост.*
³⁸⁰ (с. 710) – С этой строки левое поле сдвинуто на 1 символ влево. *Сост.*
³⁸¹ (с. 710) – Исправлено карандашом. Было: «И». *Сост.*
³⁸² (с. 710) – Исправлено карандашом. Было: «сорвалось». *Сост.*
³⁸³ (с. 710) – Исправлено. В рукописи: «двухкратный». *Сост.*
³⁸⁴ (с. 710) – Исправлено карандашом. Было: «май». *Сост.*
³⁸⁵ (с. 710) – Исправлено карандашом. Было: «Кровожадный». *Сост.*
³⁸⁶ (с. 710) – Исправлено карандашом. Было: «стон». *Сост.*
³⁸⁷ (с. 711) – Внизу справа в скобках указание на продолжение стихотворения на следующем листе: «см. продолжение». Конец л.33, начало л.34 рукописи. *Сост.*
³⁸⁸ (с. 711) – Исправлено. Было: «бессонных». *Сост.*
³⁸⁹ (с. 711) – Исправлено карандашом. Прежний вариант строки: «На великий наш этот позор». На правом поле помета синими чернилами: «Д. Пашеню». *Сост.*
³⁹⁰ (с. 711) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (-%%–). *Сост.*
³⁹¹ (с. 711) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 11 символов вправо. *Сост.*
³⁹² (с. 711) – Исправлено. В рукописи через дефис: «кто-б». *Сост.*
³⁹³ (с. 712) – Исправлено. В рукописи через дефис: «всё-ж». *Сост.*
³⁹⁴ (с. 712) – Исправлено. В рукописи: «оставший». *Сост.*
³⁹⁵ (с. 712) – На правом поле синими чернилами – вопросительный знак, внизу по центру – набор символов (–хх –). *Сост.*
³⁹⁶ (с. 712) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. Второе слово исправлено. В рукописи: «коммуне». *Сост.*
³⁹⁷ (с. 712) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 16 символов влево. *Сост.*

- ³⁹⁸ (с. 712) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Что-бы». *Сост.*
³⁹⁹ (с. 712) – Ниже в скобках указание на продолжение стихотворения на следующей странице: «продолжение следует». Конец л.34, начало л.35. *Сост.*
⁴⁰⁰ (с. 713) – На правом поле помета синими чернилами: «И. Гуляев». *Сост.*
⁴⁰¹ (с. 713) – Левое поле смещено по сравнению с предыдущим стихотворением на 3 символа вправо. *Сост.*
⁴⁰² (с. 713) – Исправлено. В рукописи через дефис: «так-же». *Сост.*
⁴⁰³ (с. 713) – Исправлено. В рукописи раздельно: «на яву». *Сост.*
⁴⁰⁴ (с. 714) – Стихотворение разделено на три колонки: первую (верхнюю, центральную), вторую (нижнюю, левую), третью (правую). Со следующей строки начинается второй столбец (левое поле по отношению к верхнему смещено на 15 символов влево). *Сост.*
⁴⁰⁵ (с. 714) – Со следующей строки начинается третий (правый) столбец. Левое поле по сравнению с верхней центральной колонкой стихотворения смещено на 22 символа вправо. *Сост.*
⁴⁰⁶ (с. 714) – Конец л.35, начало л.36 рукописи. *Сост.*
⁴⁰⁷ (с. 714) – Исправлено. В рукописи через дефис: «было-бы». *Сост.*
⁴⁰⁸ (с. 715) – Исправлено. В рукописи: «пожтом-то». Возможно, имелось в виду «поэтому-то». *Сост.*
⁴⁰⁹ (с. 715) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Что-бы». *Сост.*
⁴¹⁰ (с. 715) – Исправлено. В рукописи через дефис: «себе-же». *Сост.*
⁴¹¹ (с. 715) – Исправлено. Было: «детей-теряб». *Сост.*
⁴¹² (с. 715) – Конец л.36, начало л.37 рукописи. *Сост.*
⁴¹³ (с. 716) – Восклицательный знак написан синими чернилами. *Сост.*
⁴¹⁴ (с. 716) – Исправлено. В рукописи раздельно: «на долго». *Сост.*
⁴¹⁵ (с. 716) – Исправлено. Было: «развеень». *Сост.*
⁴¹⁶ (с. 716) – Исправлено синими чернилами. Было: «дурях». *Сост.*
⁴¹⁷ (с. 716) – Исправлено. В рукописи раздельно: «на долго». *Сост.*
⁴¹⁸ (с. 716) – Исправлено. В рукописи: «решоткой». *Сост.*
⁴¹⁹ (с. 716) – Исправлено синими чернилами. Было: «Порвать ли». *Сост.*
⁴²⁰ (с. 716) – Исправлено. В рукописи слитно: «чтоб». *Сост.*
⁴²¹ (с. 716) – Исправлено. В рукописи: «не». *Сост.*
⁴²² (с. 716) – Ниже справа помета синими чернилами: «Б.М.». *Сост.*
⁴²³ (с. 716) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (–хх –). *Сост.*
⁴²⁴ (с. 716) – Знак тире написан синими чернилами. *Сост.*
⁴²⁵ (с. 716) – Слово написано сначала карандашом, потом обведено синими чернилами. *Сост.*
⁴²⁶ (с. 716) – Исправлено синими чернилами. Вместо «Взять направленные» было: «Мы едем» (слова зачёркнуты, на левом поле написаны новые). *Сост.*
⁴²⁷ (с. 717) – На правом поле помета синими чернилами: «Б.М.». *Сост.*
⁴²⁸ (с. 717) – Исправлено. В рукописи слитно: «сибирской стране». *Сост.*
⁴²⁹ (с. 717) – Слово «крышу» исправлено синими чернилами. Вновь обрванное новое слово пока не поддаётся расшифровке. *Сост.*

⁴³⁰ (с. 717) – Слово написано синими чернилами на пустом промежутке (пробел = 9 символов), который машинистка оставила незаполненным. *Сост.*

⁴³¹ (с. 717) – Далее следует зачеркнутое синими чернилами слово: «сибирских». *Сост.*

⁴³² (с. 717) – Ниже в скобках указание на продолжение стихотворения: «продолжение следует». Конец л.37, начало л.38 рукописи. *Сост.*

⁴³³ (с. 717) – Слово сочетание «в туретчину» написано синими чернилами вместо четырёх точек, которые поставила в конце строки машинистка. *Сост.*

⁴³⁴ (с. 717) – Исправлено. В рукописи через дефис: «Что-ж». *Сост.*

⁴³⁵ (с. 717) – Исправлено синими чернилами. Было: «пошли». *Сост.*

⁴³⁶ (с. 718) – На левом поле помета синими чернилами: «Б.М.». *Сост.*

⁴³⁷ (с. 718) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (–ОО–). *Сост.*

⁴³⁸ (с. 718) – Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением смещено на 5 символов влево. *Сост.*

⁴³⁹ (с. 718) – Исправлено. В рукописи: «Товарищ». *Сост.*

⁴⁴⁰ (с. 718) – Исправлено. В рукописи: «растался». *Сост.*

⁴⁴¹ (с. 718) – Исправлено. В рукописи слитно: «сродными». *Сост.*

⁴⁴² (с. 718) – Помета синими чернилами на правом поле: «Б.М.». *Сост.*

⁴⁴³ (с. 718) – В рукописи вместо звёздочек набор символов (–хх–). *Сост.*

⁴⁴⁴ (с. 718) – Первая строка начинается с отступа. Левое поле по сравнению с предыдущим стихотворением сдвинуто на 6 символов вправо. *Сост.*

⁴⁴⁵ (с. 719) – Исправлено. В рукописи: «молчаит». *Сост.*

⁴⁴⁶ (с. 719) – Исправлено. В рукописи через дефис: «гореть-бы». *Сост.*

⁴⁴⁷ (с. 719) – Ниже в скобках указание на продолжение стихотворения: «продолжение следует». Конец л.38, начало л.39 рукописи. *Сост.*

⁴⁴⁸ (с. 719) – Исправлено. В рукописи: «Педе». *Сост.*

⁴⁴⁹ (с. 719) – На правом поле помета синими чернилами: «Б.М.». Ниже по центру набор символов (–хх–). *Сост.*

⁴⁵⁰ (с. 719) – Название напечатано заглавными буквами и подчёркнуто. *Сост.*

⁴⁵¹ (с. 720) – Исправлено. В рукописи слитно: «жалыто». *Сост.*

⁴⁵² (с. 720) – Ниже справа помета синими чернилами: «Е. Попов». Конец л.39, начало л.40 рукописи. *Сост.*

⁴⁵³ (с. 720) – Ниже справа помета синими чернилами: «Е.И.П.». Далее $\frac{2}{3}$ листа чистая. В левом нижнем углу музейные номера: «МУЯП / Оф КП 2524 / Инв.: ДК – 88». Конец л.40 рукописи. *Сост.*

Мирослава Метляева **РУССКИЙ АСПЕКТ ПОЛЬСКОЙ «СИБИРИАДЫ»** **Путевые заметки**

¹ (с. 725) – Информация о презентации перевода книги Шимона Токажевского (Токаржевского) на польский язык, опубликованная на сайте Российского Центра Науки и Культуры в Варшаве:

4 и 5 марта 2008 года в Польше прошла организованная РЦНК в Варшаве совместно с Обществом соотечественников «Российская община», Публичной библиотекой г. Варшавы и Институтом России и Восточной Европы Ягеллонского университета в Кракове презентация перевода на русский язык книги «Сибирское лихолетье» польского автора Шимона Токажевского – литератора и общественного деятеля XIX века. Автор перевода книги на русский язык – известная исследователь литературы, знаток польской истории и культуры, переводчик – Мэри Кушникова. В работе над изданием книги большую помощь оказали члены Общества соотечественников «Российская община». Найденные ими в Публичной библиотеке г. Варшавы тексты Ш. Токажевского были переданы в Кемерово М. Кушниковой. Так появилось солидное издание, в котором нашли свое отражение рассказы Ш. Токажевского о жизни поляков на сибирской каторге, где он находился в одно время с Ф. Достоевским.

Книгу представляли члены редколлегии альманаха «Голоса Сибири»: Виктория Кинг – писательница, член Союза российских писателей, Мирослава Метляева – литературовед, член Союза писателей Молдовы и Румынии, член Союза журналистов Молдовы, и Анастасия Романова – славист, литературовед, соавтор «Голосов Сибири». Альманах много внимания уделяет переводной литературе, а его шестой номер был полностью посвящен 100-летию выхода в Польше первой книги Ш. Токажевского.

4 марта презентация книги прошла в Институте России и Восточной Европы Ягеллонского университета в Кракове, с которым РЦНК в Варшаве связывает давнее тесное сотрудничество. На встрече присутствовали профессора Университета, аспиранты, студенты. Открыла вечер директор Института профессор Анна Разни, отметившая, что тема «поляки в Сибири» представляет большой интерес, поскольку такого обширного, в чем-то исследовательского материала, как в книге Ш. Токажевского, не так много можно найти в современных изданиях. В своих выступлениях участники также отметили, что книга способствует популяризации литературы XIX века, посвященной Сибири, её географии, флоре, фауне, нравственному климату.

5 марта состоялась презентация книги в Публичной библиотеке г. Варшавы. Среди гостей, присутствовавших на презентации, были зам. директора Музея литературы им. А. Мицкевича Э. Банка-Ситек, директор Варшавского дома книготорговца Я. Штшменья, писатель С. Карват, представитель Института книги К. Павлицка, бывший сенатор А. Самборский, председатель Союза польских литераторов М. Вавжкевич, представители РЦНК в Варшаве, соотечественники, одним словом – все, кого заинтересовала и судьба автора, и тема Сибири. С приветствием выступил директор Публичной библиотеки М. Стронк, подчеркнувший, что этот вечер открывает новую страницу сотрудничества Библиотеки с РЦНК. Ярким и интересным было выступление председателя «Российской общины» Н. Лягусек.

На вечере был показан фильм-монолог, в котором М. Кушникова поделилась своими впечатлениями о работе над переводом «Сибирского лихолетья». Представительница русского зарубежья из США В. Кинг остановилась на

истории создания этой книги, М. Метляева рассказала о значении выхода книг Ш. Токажевского на русский язык, а А. Романова отметила в своём выступлении оригинальность записок Токажевского, ставших событием в литературе.

На следующий день участники презентации М. Метляева и А. Романова встретились с председателем Союза писателей Польши Марекон Вавжквичем, который высоко оценил роль альманаха «Голоса Сибири» в межнациональном культурном общении и высказался за дальнейшие контакты.

Источник: <http://www.ronik.org.pl/archives2008/20080304sibir/sibir.htm>

Илья Левяш

БАЗОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА

¹ (с.795) – *Илья Яковлевич Левяш* – профессор Белорусского государственного педагогического университета. *Сост.*

Ирина Цвик

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И ТВОРЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

¹ (с.821) – *Цвик Ирина* работает на кафедре русской и мировой литературы Педуниверситета им. И. Крянгэ (Кишинёв).

Александр Варона

РАСКОЛ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО В РУМЫНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Примечания и библиография

1. Melchisedec (episcop al Dunarii de Jos), *Lipovenismul, adica schismaticii sau rascalnicii si ereticii rusesti*, Imprimeria Nationala, Antreprenor C.N. Radulescu, Bucuresti, 1871.

2. Ion Mihail Popescu, *Istoria si sociologia religiilor. Crestinismul*, Editura Fundatiei «Romania de maine», Bucuresti, 1996, p. 251-257.

3. Diacon prof. Petre I. David, *Calauza crestina pentru cunoasterea si apararea dreptei credinte in fata prozelitismului sectant*, Editura Episcopiei Aradului, Arad, 1987, p. 74-79.

4. Cosmin Lucasiu, Aurelian Teodorescu, *Din istoria si traditiile lipovenilor*, Bucuresti, 1998, p. 25, 26, 30, 37-39.

5. Е.Е. Голубинский, *К нашей полемике со старообрядцами*, Чтения в обществе истории и древностей российских, 1896, т. I, часть III.

6. Н.Ф. Каптерев, *Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович*, Сергиев Посад, 1909-1912, т. I-II.

7. Сергей Зеньковский, *Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века*, Москва, «Церковь», 1995.

8. Борис Кутузов, *Церковная реформа XVII века, её истинные причины и цели, часть I-II*, Издательский отдел Древлеправославной Поморской Церкви, Рига, 1992.

9. Н.Ф. Каптерев, указ. соч., т. 2, с. 529.

10. Там же, с. 5.

11. Е.Е. Голубинский, указ. соч., с. 45.

12. Там же, с. 46 – 48.

13. Сергей Зеньковский, указ. соч., с. 174.

14. Борис Кутузов, указ. соч., часть I, с. 8.

15. Там же, с. 6.

16. Прот. Иоанн Белецев, *Русский церковный раскол XVII столетия*, Доклад на церковно-научной конференции 11-19 мая 1987 г.

17. Проф. Н. Успенский, *Коллизия двух богословий в исправлении русских богослужебных книг в XVII веке*, Богословские труды, XVIII, Москва, 1975.

18. См. вышеуказ. соч. о проф. Петре Давида, Иоана Михаила Попеску и еп. Мелхиседека (Штефэнеску), а также Ion Nistor, *Cercetari asupra cultului lipovenesc din Romania*, Analele Academiei Romane, Memoriile sectiunii istorice, seria a III, tom XXIX, mem. 9, Bucuresti, 1974.

19. Этой точки зрения настойчиво придерживался известный «расколовед» проф. Н.И. Субботин, а также миссионеры господствующей в России церкви, собравшиеся вокруг журнала «Братское слово».

20. Н.Ф. Каптерев, указ. соч., т. I, с. 2.

21. Этой точки зрения придерживались вышеупомянутые миссионеры, но и исследователи совсем другого умственного склада: Е.Е. Голубинский, П. Смирнов, Я.Н. Шапов. Ближе к нашим дням мы встречаем это у А.В. Карташева в его «Очерках по истории Русской Церкви», Москва, Терра, 1992 (новое переиздание труда, изданного в Париже в 1959 г.).

22. См. труды Сергея Зеньковского, Бориса Кутузова, упоминаемые нами выше, или труд Михаила Олеговича Шахова, *Философские аспекты старообрядчества*, Издательский дом «Третий Рим», Москва, 1998.

23. *Ответы Александра диакона (1719 г.), Поморские ответы (1723 г.), Щит веры, Меч духовный* и др.

24. Сергей А. Зеньковский, указ. соч., с. 22.

25. В.П. Рябушинский, *Старообрядчество и русское религиозное чувство*, Москва – Иерусалим, «Мосты», 1994, с. 16-17.

26. В. Сенатов, *Философия истории старообрядчества*, Москва, 1995, с. 63.

27. Там же, с. 60.

28. Там же, с. 65.

29. *История Старообрядческой Церкви – краткий очерк*, Издание Старообрядческой Митрополии, разные годы.

30. С.А. Зеньковский, Б. Кутузов, прот. Иоанн Белевцев, Н. Успенский и др.

31. М. О. Шахов, указ. соч. С. 67.

Севастьян Феноген
КАЗАКИ НЕКРАСОВЦЫ-ЛИПОВАНЕ

¹ (с. 839) – Почему-то многие историки, особенно в Румынии, считают основоположником панславистской политики России Петра I (1696 – 1725), ссылаясь на его «Завещание», хотя очевидно, что зачинателями были царь Алексей Михайлович и патриарх Никон.

² (с. 839) – Эти два обряда существовали в религиозной практике с самого начала христианства.

³ (с. 841) – Генерал В.А. Потто, *Два века терского казачества (1577-1805)*, Владикавказ, 1912, с. 93.

⁴ (с. 841) – В.А. Потто, указ. произв., с. 95.

⁵ (с. 842) – Смирнов И.В., *Некрасовцы*, «Вопросы Истории», №8, 1986.

⁶ (с. 842) – *Той земле не устоять, где начнут уставы ломать* – часто говаривали некрасовские атаманы и сотники.

⁷ (с. 845) – В конце XIX и в начале XX века вокруг казацкого причала Сарикёя находились 15 кирганов, 3 были около Нисела и ещё 3 «на том боку», т.е. на противоположном берегу Разина (на песчаной гряде, отделяющей озеро-лиман от Чёрного моря).

⁸ (с. 847) – А.А. Пригарин, *Переселение некрасовцев из Добруджи в Бессарабию: 1830-1855 гг.*, в сборнике *Культура русских-старообрядцев в национальном и международном контексте*, Бухарест, Критерион, 2001, с.376-405.

⁹ (с. 848) – ГАОО г. Измаил, ф.56, оп.1, д.6, л.102.

¹⁰ (с. 848) – ГАОО г. Измаил, ф.56, оп.1, д.342, л.41.

¹¹ (с. 848) – Осип Семёнович Гончар(ов) вернулся из Бессарабии в Добруджу в 1837 году и был последним атаманом «гурецких» игнат-казаков. Он был замешан во многих политических и религиозных событиях: участвовал в обращении в старообрядчество митрополита Амбросия, поддерживал связи с революционерами демократами группы Герцена-Огарёва, участвовал в религиозных диспутах, связанных с «Окружным посланием». Сложная судьба последнего некрасовского атамана Добруджи удивительно похожа на саму историю некрасовцев.

¹² (с. 848) – ГАОО г. Измаил, ф.56, оп.1, л.205.

¹³ (с. 849) – ГАОО г. Измаил, ф.56, оп.1, д.6, л.305.

Алма Тусупова
ЭТНИЧНОСТЬ И ФОРМЫ ЕЁ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

¹ (с. 899) – *Тусупова А.К.* – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова.

Литература:

1. *Жаксылыков А.* Сны океанных. – Алматы, 2006.
2. *Накипов Д.* Круг пепла. – Алматы, 2007.
3. *Тажикенова У.* Восхождение к Абсолюту. – 2003.
4. Литература народов Казахстана. – Алматы, 2003.

Бауржан Ердембеков
РОЛЬ ДУЛАТА БАБАТАЙУЛЫ В
ФОРМИРОВАНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
АБАЯ

¹ (с.903) – *Ердембеков Бауржан* – доцент Семипалатинского университета им. М.О. Ауэзова.

Литература

1. *Ильин И.А.* Философия и жизнь // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев. – М., 1990. – 528 с.
2. Поэты Казахстана / Вступ. статья, сост., биограф. справки и примеч. М.М. Магауина. – Л., 1978. – 608 с.
3. По поводу романа М. Ауэзова «Абай» // Казахстанская правда. – 1953. – 2 июня.
4. Постановление ЦК КП Казахстана «О работе Института языка и литературы АН КазССР» // Казахстанская правда. – 1947. – 21 января.
5. *Ауэзов М.О.* Путь Абая. В 2-х тт. – Т.1. – Алматы: Жазушы, 1977. – 608 с.
6. Цит. по: *Анастасьев Н.А.* Мухтар Ауэзов. Трагедия триумфатора. – М.: Молодая гвардия, 2006. («Жизнь замечательных людей»; Сер. биогр.; Вып. 1006). – 449 с.
7. *Кунанбаев А.* Собрание сочинений в одном томе. Стихотворения, поэмы, проза. – Москва: ГИХЛ., 1954. – 402 с.
8. *Ауэзов М.О.* Абай Кунанбаев: Статьи и исследования. – Алма-Ата, 1967. – 324 с. *Муканов С.* Яркая звезда. – Алматы: Санат, 1995. – 272 с.

Нурдаулет Акыш
СЕКРЕТЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

¹ (с.910) – *Нурдаулет Акыш* – кандидат филологических наук, зав. отделом современной казахской литературы Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, первый заместитель главного редактора журнала «Керуен».

Светлана Ананьева
ТВОРЧЕСТВО Л. ШАШКОВОЙ – ЯРЧАЙШАЯ
СТРАНИЦА КАЗАХСКО-БЕЛОРУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Литература

1. Литература народов Казахстана. – Алматы: Ылым, 2003.
2. Бадиков В.В. «Ты есть я». Любовь Шашкова // Бадиков В.В. Новые ветры. – Алматы: Жибек жолы, 2005. – С.156-163.
3. Кешин К. Зелёная колыбель // Казахстанская правда, 26 апреля 2001 г. – С.6.
4. Шашкова Л. Луг золотой. – Алматы: Жазушы, 2006.
5. Фроловская Т. Золотая свеча любви // Нива. – 2001. – №11. – С.168-172.
6. Шашкова Л. Хранители огня. – Алматы: СаҒа, 2006.

Составители выражают благодарность:

Юрию Гинатулину, Сергею и Анне Прокопьевым, Анечке и Андрею Швецовым, Ярославу Шиллеру – за большую моральную поддержку изданию «Голосов».

Алексеем Брагину, коллективу «Кузбассвузиздата» и лично Вере Ивановне Дятловой – за высокопрофессиональную техническую подготовку альманаха.

Елене Логиновской, Альберту Ковачу, Никите Данилову и всем нашим авторам, проживающим в Румынии – за безупречную организацию презентации шестого номера «Голосов Сибири» в Бухаресте в феврале 2008г. Особая благодарность за поддержку нашего проекта – руководству Румынского Института Культуры и **Виктории Кинг**, которая специально прилетела на презентацию из Калифорнии.

Благодарим Русскую Общину в Варшаве (**Нину Латусек и Марину Вишневскую**) и коллектив Российского Центра Науки и Культуры в Варшаве (Советника Посольства РФ в Республике Польша **С.Г. Скачко**, а также **Т.Б. Тихонову и Т.В. Хохлову**) за организацию презентации книги **Шимона Токажевского** и шестого номера «Голосов Сибири» в Кракове и Варшаве. **Викторию Кинг, Мирославу Метляеву и Анастасию Романову** – за то, что весьма успешно представляли

«Голоса Сибири» на презентациях в Польше. Мы признательны также за внимание к нашим книгам руководству Ягеллонского университета (Краков) и Польского Института России и Восточной Европы (директор **Анна Разни**), коллективу Варшавской Публичной Библиотеки на Кожиковой (директор **Михаил Стронк**), газете «Российский курьер Варшавы», Послу Республики Польша в Исламабаде **Богдану Марчевски**, вице-директору польского музея литературы **Эльжбете Банко-Ситек**, варшавской писательнице **Веславе Ольбрых**, варшавскому профессору **Виктории Сливовска**, краковским профессорам **Люциану Суханеку и А.А. Авдееву**.

За дружественное отношение к делегации «Голосов Сибири» благодарим очаровательную **Пани Яблоньскую** и её мужа **Евгениуша Яблоньского**, профессоров **Софию Срижевски** (Варшава) и **Збигнева Вуйчека** (Варшава), милую **Пани Агнешку Рожаньски**, коллектив Музея «Королевский Замок» (Варшава), польское Общество сибиряков, а также польское отделение международного славянского Общества во главе с секретарем **Тадеушем Сикорски**.

Глубокоуважаемым **Михаю Чимпою** (председателю Союза писателей Молдовы) и **Светлане Василенко** (председателю Союза российских писателей) выносим признательность за то, что вселили в нас уверенность в успешность проведения презентаций. Председателю Союза польских писателей **Мареку Вавжеквичу** мы благодарны за тёплую встречу нашей «польской» делегации.

Многоуважаемую **Леди Брентон**, Посла Её Величества Королевы Великобритании, благодарим за приглашение на приём в резиденции Посла в Москве, в среду 21 мая 2008г., которое было прислано одному из составителей альманаха.

Содержание

<i>Слово к читателю.</i>	5
Из первых уст	
Светлана Василенко. Отчет о работе Правления Союза российских писателей за период с мая 2004 г. по декабрь 2007 г.	13
Изящная словесность	
Виктория Кинг. Видение	27
Евгений Асташкин. Старое кладбище	40
Александр Аханов. Доцент	52
Виктор Богданов. Ключ	60
Вольдемар Горх. Любовью обвиняю	62
Наталья Елизарова. Когда прилетают ласточки	68
Мэри Кушникова. Через сто лет после конца света	81
Пётр Ореховский. Простые люди	133
Георгий Петрович. На мутной реке	157
Алиса Поникаровская. Фонарщик	238
Ирина Регеда. Соло для печали	245
Рифмы и ритмы	
Уильям Шекспир. Избранные сонеты в новых переводах	277
Александр Цыганков. Пронизан воздух боем часовым... ..	283
Ирина Маркова. Поэзия	290
Зоя Соснина. Не говорите горьких слов... ..	291
Софья Петрова. Мимолётное... ..	294
Цветы усопшим	
Александр Лейфер. Два очерка	299
Рецензии	
Ксения Тилло. О недосказанной любви и упущенном времени	373
Марианна Фаликова. «Стране моей пора лечиться...»	375

Мария Шамова. Поэтический сборник Александра Раевского «Забуранный рай»	379
--	-----

Роман Светланы Василенко - в Польше

От составителей	389
Отклики польских литераторов на роман Светланы Василенко «Дурочка»	390
Магдалена Талик. У каждого писателя своя «ниша»	404
Светлана Василенко. Стихи о Польше	408

Памятки истории

Владимир Исупов. Другая сторона войны... ..	415
Алексей Тепляков. Расстреляное любопытство	486
Алексей Тепляков. Дело новосибирских врачей и инженеров 1941г.	510
Михаил Шмулёв. Воскрешения из мёртвых не бывает... ..	515

Сибирские воспоминания

Шимон Токаржевский. Среди умерших для общества	523
Леонид Лопатин. Жить во лжи	594

Сибирский музей

Мария Шамова. Воздействие символов и образов экспозиции, построенной по образно-сюжетному методу, на посетителей музея	635
Наталья Караваева. Коллекция С.С. Торбокова в фондах Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского	639

Сибирский альманах

Альманах «Складчина» в столице	647
Наталья Розамирина. Поэтическое пиршество под извар со специями	648

Лев Толстой и Сибирь

Марианна Нугер. О величии «простых душ»	655
---	-----

Стихотворения членов коммуны «Жизнь и труд»
(1930-1940-е гг.) 662

Сибирь - Восточная Европа

Мирослава Метляева. Русский аспект польской
«Сибириады»: путевые заметки 723
Мирослава Метляева. Перевод как послание,
или О значении выхода на русском языке книг
Шимона Токаржевского 732
Анастасия Романова. «Сибирское лихолетье»
Шимона Токажевского (Токаржевского) и мемуарно-
автобиографическая проза 738
Ливия Которча. Диалог с Сибирью 743
Марин Сореску. Избранное 755
Рири Сильвия Манор. Избранное 771
Ион Прока. Намёк на вечность 777
Илья Левяш. Базовые универсалии культуры:
сущность, структура, динамика 795
Ирина Цвик. Философские аспекты современных
подходов к прочтению классики 815
Ирина Цвик. Взаимовлияние национального
характера и творческого осмысления действительности
в русской литературе 821
Александр Варона. Раскол и старообрядчество в
румынской историографии 828
Севастьян Феноген. Казаки некрасовцы-липоване ... 838
Александра Феноген. Дневник паломника 851
Валентина Бойешан-Калинина. Строки тоски и
одинокости 877
Виктория Кинг. Презентация продолжается... 882

Сибирь - Казахстан

Айнур Машакова. Сотрудничество Казахстана с
ЮНЕСКО в области литературы 889
Алма Тусупова. Этничность и формы её
художественного воплощения в современном
литературном процессе 899

Бауржан Ердембеков. Роль Дулата Бабатайулы в
формировании поэтического сознания Абая 903
Нурдаулет Акыш. Секреты творческой
лаборатории 910
Светлана Ананьева. Творчество Л. Шашковой -
ярчайшая страница казахско-белорусских
литературных отношений 913
Мэри Кушникова. Встреча с прошлым 941

От межи, от сохи, от покоса...

Галина Кудрявская. И плакали птицы... 953
Валентина Кузина. За гранью пашни 964
Антонина Пегушина. Ветка рябины 1002

Роман с продолжением

Николай и Светлана Пономарёвы. Город без войны ... 1017

По ту сторону реальности

Ирина Юсупова. Ванновый 1057

Возвышенное и земное

Никита Данилов. Из сборника «Иной век» 1087
Наталья Осокина. Новый день 1090
Сергей Рябых. Тополиная метель 1091
Любовь Начева. Рассвет в Сухуми 1092

О малых сих...

Виктор Вайнерман. Рассказы о животных 1097

Детям и родителям

Игорь Петров. Сказки 1113

Примечания 1131

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск седьмой

Подписано к печати   Формат
Бумага офсетная №   Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж   экз. Заказ №

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. (384-2)-58-34-48

---

internet: www.kvi.bip.ru e-mail: 582934@rambler.ru